

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

А. Кудрявцевъ

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ (К. И. КУНА), Б. САДОВАЯ, 9.

1883

” Микла Селяниновичъ -
представитель земли.”

„ Позна.”
въ XII посланяхъ.

Соч. А. В. Милосердова.

Посвящено Виктору Ивановичу Буняковскому.

Пѣснь 1-я.

ВЛАДИМИРЪ, КРАСНОЕ СОЛНЫШКО.

„La légende est la tradition vivante, et trois fois sur quatre elle est plus vraie, que l'histoire“.
(Revue des deux mondes 1863, p. 157—58).

Тришло воскресенье свободнаго міра, —
Насталь день великій, Мивула родной *),
Старинный оратай земли нашей Русской, —
Твое воскресенье изъ ночи глухой,
Изъ тьмы преисподней невѣжества, рабства,
На вольный свѣтъ божій, на трудъ твой живой.
Исполнилось время святыхъ ожиданій;
Свѣтаеть свѣтъ новый надъ русской землей,
Свершилось событье въ странѣ мировое;
Какъ Лазарь воскресшій, изъ тьмы гробовой,
Возсталъ народъ русскій, по слову цареву.
Два князя народныхъ, — князь Солнышко-свѣтъ
Минувшихъ временъ и князь Солнышко -красно

*) Для незнакомыхъ съ нашими народными былинами, я долженъ сказать, что Микулой Селяниновичемъ называется въ древнихъ русскихъ былинахъ представитель или родоначальникъ сельскаго міра, поселяня-земледѣлецъ. Еще по древнимъ преданіямъ скифовъ, между которыми признаются нынѣ и славяне, было три брата: князь Щять, князь Стрѣла и князь Коленицы или золотой Сохи, которая упала, еще горячая, изъ солнца. Старшіе братья хотѣли завладѣть ею, но дотронувшись, обожгли себѣ пальцы. Въ послѣдствіи меньшей братъ сталъ правителемъ всего края. (Смотри прим. 1).

Время настоящихъ, — чрезъ тысячу лѣтъ
 Другъ друга привѣтствуютъ братскимъ привѣтомъ,
 Въ сіяніи теплой народной любви
 И славы безсмертной. Опять блеститъ утро, —
 И бросивши бичъ, омоченный въ крови,
 Духъ тьмы убѣгаетъ въ крошечныя бездны.

Разсвѣлось рабство. — ночь бѣдствій твоихъ,
 Воскресшій Микула! Исторія скажетъ,
 Насколько народъ твой заслуживалъ ихъ;
 А мы теперь славимъ твое воскресенье.

Но край лишь свободенъ вполне, когда свѣтъ
 Проникъ совершенно въ его міръ народный.
 Гдѣ край полонъ мрака, — свободы тамъ нѣтъ;
 Безъ свѣта въ народѣ, — все тотъ же міръ рабства.

Грядущее скажетъ: достигнешь ли ты
 Когда нибудь той просвѣщенной свободы.
 Въ быломъ, мы немногія знаемъ черты,
 Изъ жизни народной твоей первобытной;
 Но если по нимъ, намъ судить о тебѣ, —
 Мы съ вѣрой встрѣчаемъ твое возрожденіе,
 Сей первый шагъ къ новой, блестящей судьбѣ,
 Что мощнымъ народамъ даетъ просвѣщеніе.

Разумный, — свободный отнынѣ народъ,
 Что занялъ полсвѣта, — народъ, подъ чьимъ кровомъ
 Еще духъ отцовъ богатырскій живетъ,
 Не можетъ остаться во тьмѣ неподвижно.
 Мы въ правѣ смотрѣть съ упованьемъ впередъ,
 И смѣло привѣтствовать край нашъ въ грядущемъ.

О дивное солнце, кого мы зовемъ
 Поэзіей, — царство волшебное пѣсенъ,
 Всемирное древо, откуда включемъ
 Вода бьетъ живая, гдѣ черпали боги
 Изъ высшую мудрость, — раздвинь предо мной
 Твои говорящія, вѣщія вѣтви,
 Блестящія сладкой, медвяной росой;
 Раскрой покровъ темный вѣковъ и событій,
 Веди меня въ міръ тотъ минувшихъ временъ,

Свѣта твоимъ дивнымъ, божественнымъ свѣтомъ,—
 Туда, въ тайникъ самый отжившихъ племень,
 Туда, гдѣ клубится туманъ первобытный...
 Давно тамъ умолкнули пѣсни твои;
 Но ихъ отголосокъ намъ слышенъ повсюду,
 Въ народныхъ преданьяхъ почти всей земли.

Бѣгу къ тебѣ въ встрѣчу изъ нашего мрака,
 Слышу къ тебѣ, полный священныхъ заботъ,
 И благѣщу громко въ твой волокопъ вѣщій:
 Вставай же, вставай, сильный русскій народъ!
 Привѣтствую васъ, о святые преданья,
 И смѣло вступаю подъ звонкій вашъ сводъ.

Простившись давно съ тревоженьями свѣта,
 Я долго въ раздумьи тяжеломъ сидѣлъ
 На брегѣ пустынномъ и дикомъ, и долго
 Съ слѣпымъ недовѣрьемъ на мнѣ вашъ смотрѣлъ, —
 Мнѣ сказочной, мертвой, легендъ и миражей.
 Напрасно, какъ утро весенняго дня,
 Сіялъ предо мной онъ, сквозь ризу тумана;
 Напрасно оттуда манила меня
 Его столь живая, отрадная свѣжесть;
 Гдѣ ключъ отъ него? И какимъ языкомъ,
 Опрічь темныхъ знаковъ, чудесныхъ загадокъ,
 Какимъ онъ другимъ, всѣмъ доступнымъ, путемъ
 Подастъ намъ оттуда чудесный свой голосъ?..

Такъ тщетно стремился пытливымъ умомъ
 Проникнуть я въ эти нѣмыя пространства;
 Онъ раздвигались тотчасъ предо мной,
 Какъ бы тяготясь земной моей силой, —
 И я оставался все въ той же глухой
 И дикой пустынѣ, что тяжко давила
 И жала мнѣ душу своей пустотой
 И мертвымъ, холоднымъ безмолвьемъ могилы.
 Кругомъ лишь вздымалась, пучиной сѣдой,
 Одна безконечная, темная вѣчность...
 Кто-жь въ мнѣ нашъ вернулся, хоть разъ, изъ нее,
 Чтобъ намъ возвѣстить здѣсь, кто тамъ обитаетъ?

Сказала ли вѣчность намъ слово свое,
Иль тамъ, какъ и прежде, все полно безмолвья?..

А голосъ легенды, сей голосъ времени, —
Не вѣщее-ль слово изъ книги вселенной?
А мифы, преданья отжившихъ племенъ,
Не образы-ль это, не плоть-ли живая
Всемирнаго Духа, не свѣтъ ли живой,
Завѣщанный людямъ тѣмъ міромъ минувшимъ?..
Что видимъ мы часто въ наукѣ самой?
У ней развѣ нѣтъ своихъ также Антеевъ,
Что въ трудныхъ мѣстахъ переносятъ ее,
Какъ нѣкогда Данта, на берегъ желанный?..
О истина! Гдѣ ты? Гдѣ царство твое?...
Одно только вѣрно, — что все здѣсь невѣрно!

И развѣ мы сами на свѣтѣ живемъ
Не въ сказочномъ мірѣ, не въ мірѣ чудесномъ,
И все, что мы видимъ и слышимъ кругомъ, —
Не ложь, не обманъ, не волшебная сказка?
Мы ходимъ и ѣздимъ, — не зная по чемъ;
Глядимъ въ небеса, — и не вѣдаемъ, что тамъ;
Мы вѣримъ, — не зная во что и въ кого?
Не вѣримъ, — и снова творимъ себѣ вѣру;
Мы всю жизнь желаемъ, — ждемъ Богъ вѣсть чего,
Всю жизнь суетимся, — а кончимъ могилой.
Кругомъ шумъ и крики, — про что и о чемъ?
Кругомъ кровь и слезы, — за чтобъ? отъ чего бы?
Вездѣ одна сказка, о томъ и о семъ,
А въ сущности такъ, ни о чемъ, какъ всѣ сказки.

Быль вѣкъ исполиновъ и богатырей,
Что будто игрушкой играли землю,
Быль вѣкъ долголѣтнихъ, чудесныхъ царей,
Что тысячи по двѣ лѣтъ жили на свѣтѣ, —
Вѣкъ разныхъ чудовищъ небесъ и земли,
Вѣкъ дивовъ воздушныхъ и дивовъ подземныхъ;
Все это осталось за нами вдали
И скрылось, исчезло въ глубокомъ туманѣ.
Такъ точно въ чередъ свой исчезаемъ и мы,

И вѣкъ нашъ со всѣми его чудесами;
 И будутъ другіе понятія, умы,
 И нить чудесъ новыхъ запугаетъ связку.

Но вотъ что! Межъ всѣхъ этихъ образовъ, лицъ,
 И этихъ преданій, повѣрій и сказокъ,
 Межъ всѣхъ этихъ былей и всѣхъ неблищъ,
 Мелькаетъ безсмѣнно одинъ чудный образъ, —
 Возвышенный образъ и вмѣстѣ простой,
 Кого будто мимо обходятъ всѣ бури
 И смерть не посмѣла коснуться косой;
 Какимъ его зрѣла заря мірозданья,
 Почти онъ таковъ же до нынѣшнихъ дней;
 Исчезли народы, смѣнились царства,
 Смѣнились занятія и цѣли людей,
 А въ немъ живетъ тотъ же вседухъ первобытный...

Взгляните въ глухую даль древнихъ вѣковъ!
 У самой ограды святаго Эдема,
 Въ тѣни первобытныхъ еще тѣхъ лѣсовъ,
 Гдѣ только забрежжило утро вселенной
 И слышится голось божественныхъ словъ,
 Чтобъ въ потѣлица добывалъ смертный хлѣбъ свой,²⁾ —

«Вотъ онъ, оретъ уже въ полѣ, понукиваетъ,
 «Съ края въ край бороздки пометываетъ,
 «Коренья, каменья вывертываетъ,
 «А камни великіе въ бороздку кладетъ»³⁾.

Здравствуй, ратаюшка, Микула Селянпновичъ,
 Вѣчный труженикъ, представитель земли!

И весь такъ міръ древній проходитъ предъ нами,
 Блестя то одной, то другой стороною,
 Между зеркалами вѣковъ и событій;
 Земля ужъ пестрѣетъ его же семьей.
 Въ бронѣ богатырской иль въ тогѣ гражданской;
 Престолы сатраповъ, жрецовъ и царей
 Совсѣмъ заслонили убогую куцу;
 Война смертоносной грозой своей
 Крушить грады, нивы и цѣлья царства...
 Гдѣ древній Востокъ, славный свѣтомъ своимъ?
 Гдѣ гордый Мемфисъ и стовратные Фивы?

Гдѣ боги Эллады? Гдѣ царственный Римъ?
 Блеснули, прошли и исчезли навѣки...
 А ясный тотъ образъ, какъ прежде стоитъ,—
 Какъ былъ, отраженный то сверху, то снизу,
 И съ мирной улыбкой какъ бы говорить:
 И все такъ пройдетъ, а я буду все тутъ-же!

И вотъ міръ другой,—міръ Полночныхъ лѣсовъ,
 Міръ дѣвственный, полный красы еще юной;
 Въ немъ нѣтъ ни царей, ни большихъ городовъ,
 Но много равнинъ и степей безпредѣльныхъ,
 Пустынныхъ болотъ и озеръ и снѣговъ,
 И орды безпокойныхъ, сильъ этихъ бродячихъ;
 И слышится голосъ другихъ ужъ боговъ
 И рѣчь богатырская новыхъ народовъ...

«И тутъ ореть онъ въ полѣ, понукиваетъ,
 «Съ края въ край бороздки пометываетъ,
 «Въ край онъ уйдетъ, другаго не видать,
 «Три дня съ утра до ночи не доѣхати».

Здравствуй, прапрадѣдъ нашъ, Микула Селяниновичъ,
 Недавній рабъ, нынѣ вольный человекъ!

Тогда какъ міръ высшій большихъ городовъ,
 Гигантскихъ чертоговъ, гигантскихъ сатрапій,
 Міръ этотъ дворянскій, героевъ, боговъ,
 Царей-исполиновъ, жрецовъ-исполиновъ,
 Мечемъ ненасытнымъ отважныхъ дружинъ
 Себѣ покоряетъ слабѣйшія страны,
 И властвовать хотеть, и править одинъ
 Надъ всею землею, смердящею рабствомъ;
 Здѣсь, въ этой пустынѣ безмолвныхъ равнинъ,
 Микула нашъ долженъ взростить и устроить
 Міръ новыхъ началъ и условій иныхъ,
 Міръ вольной дружины и землевладѣльцевъ,
 Людей равноправныхъ, — и сдѣлать изъ нихъ
 Мужей чести, долга и правды гражданской,—
 Тотъ міръ деревенскій, свободный, живой,
 Что послѣ низвергнетъ рукой богатырской
 Давно отживающій міръ городской,

Миръ мертво-рожденный. Здѣсь, въ этой пустынѣ,
 Какъ будто самъ Промыслъ его бережетъ,
 Отъ грозныхъ царей и ихъ язвы растлѣнья,
 Пока возмужаетъ его сильный родъ,
 Вдали отъ развратнаго барскаго міра,
 Пока приготовить своихъ онъ сыновъ,
 Людей этихъ силы, труда и отваги,
 Ко срѣтенью новыхъ, великихъ вѣковъ,
 Къ пріятію свѣта и духа гражданства.

Здѣсь, въ сумракѣ сѣромъ Полночи сѣдой
 Подъ небомъ суровымъ враждебной природы,
 Онъ,—святель первый судьбы мировой,
 Онъ самъ,—зерно, сѣмя грядущаго міра,—
 Еще полный темныхъ, неясныхъ заботъ,
 Ему прирожденныхъ его назначеньемъ,
 Идетъ онъ все дальше, все глубже впередъ,
 Въ край этотъ безвѣстный, едва проходимый,
 И борется,—прежде съ природой самой,
 Въ комъ онъ еще видитъ сонмъ грозныхъ чудовищъ.
 Таинственныхъ дивовъ, враждебной рукою
 Ему заслоняющихъ всюду дорогу;
 Потомъ со стадами ужасныхъ звѣрей,
 Съ полчищами дикихъ племенъ, съ грозной силой
 Невиданныхъ витязей, богатырей,
 Иль съ силой родною своею богатырскою,
 Вокругъ него бьющей живымъ ужъ ключемъ,
 Но все еще полною смуть и раздоровъ.
 Онъ долженъ устроиться въ мирѣ чужомъ,
 Увлаживъ, удобривъ его своею кровью;
 Въ глуши той пустыни и этихъ лѣсовъ
 Прочистить дорогу грядущему свѣту,
 И сдѣлать жилимъ край для новыхъ вѣковъ.
 Здѣсь шагъ его каждый—святая побѣда,
 И каждое сѣмя—живое зерно,
 Незримый зародышъ грядущаго міра,
 Что только ему лишь отъ Бога дано
 Собою начать, а другимъ дать закончить...

Но здѣсь совершенно онъ долженъ забыть

И міръ тотъ старинный, откуда онъ вышелъ,
 И Бога того, что одинъ могъ хранить
 Его въ этомъ долгомъ, безвыходномъ странствіи.
 Онъ весь слился духомъ съ природой земной,
 Что чудно вспоила его и вскормила,
 Чей видѣлъ повсюду онъ образъ живой,
 Предъ кѣмъ трепеталъ онъ, страдалъ и молился.
 Она ему стала и кормчимъ благимъ
 Въ трудахъ ежедневныхъ и тяжкихъ заботахъ,
 И книгой священной, и богомъ живымъ,
 Праматерью вѣщей боговъ его новыхъ.
 Но онъ хранитъ долго, до позднихъ временъ,
 Преданья отчизны своей первобытной;
 Его самый образъ у древнихъ племенъ
 Походитъ на образъ былыхъ патріарховъ.
 Весь слитый изъ мышцъ и крѣпкихъ костей,
 Онъ дивъ-богатырь, онъ гигантъ по сложенью;
 Въ душѣ еще темной и грубой своей
 Таятъ онъ понятье о Богѣ безплотномъ,
 Предвѣчномъ творцѣ и людей, и боговъ;
 Не вѣдая самъ, онъ весь нравственно ясенъ
 И полонъ чудесныхъ, божественныхъ сновъ,
 О міръ какомъ-то, давно ужъ минувшемъ ⁴⁾.

Среди этихъ же самыхъ равнинъ и лѣсовъ
 Живетъ и теперь онъ; но какъ?—Въ какомъ видѣ?
 То правда, промчались десяти вѣковъ
 Надъ нимъ и надъ міромъ; онъ самъ и все въ мірѣ
 Давно измѣнилось. И небо надъ нимъ,
 И свѣтъ, и природа, и люди—иные;
 Все дышетъ и жизнью, и духомъ другимъ:
 Померкъ его образъ былой, исполинскій,
 И духъ патріарха; исчезнулъ вдали
 Его быть широкій временъ богатырскихъ...
 Гдѣ сила его?... Изъ владыки земли,
 Изъ старшаго въ родѣ, главы, господина;
 Онъ сталъ крѣпостнымъ и безличнымъ рабомъ;
 Землей его древней владѣютъ другіе,

Его міръ-народъ, въ своемъ краѣ родномъ
 Лишенный всѣхъ правъ, сталъ безмысленнымъ стадомъ.
 Рабочею силой, безгласной толной,
 Имуществомъ, вещью господъ самовластныхъ;
 Его боги пали, и говоръ родной
 Священныхъ преданій совѣмъ замолкаетъ
 Подъ дымною кровлей, гдѣ скудно текутъ
 Теперь его дни, средь домашнихъ животныхъ.
 Одинъ развѣ тяжкій, безвыходный трудъ,
 Страда въбковая до темной могилы,
 Даютъ ему мѣсто еще средь живыхъ,—
 И то не отраднѣй, благой трудъ, на пользу
 Себѣ и семейству; но трудъ для другихъ,
 Трудъ мертвый,—для тѣхъ, что себя величали,—
 Давно-ль?—господами, отцами его...*)

Какъ это свершилось? Отколь эта немощь?
 Всѣ вкругъ него сильны, и прежде всего
 Родятся свободны; одинъ онъ безсиленъ,
 И прямо родится на свѣтъ онъ рабомъ;
 Всѣ имъ управляютъ,—одинъ онъ обязанъ
 Клонить свою шею подъ вѣчнымъ ярмомъ;
 Тупая бездарность и дикая наглость,
 Само слабоумье и гнусный порокъ
 Себѣ поставляютъ въ законное прово,—
 Чего никто въ мірѣ предвидѣть не могъ,—
 Его жить трудами, господствовать дерзко
 Надъ нимъ и семействомъ его, истязать
 Его безнаказанно, явно, открыто,
 И съ грязью его подъ ногами топтать...
 И онъ,—онъ съ терпѣньемъ святымъ переносить.
 Усердно всѣмъ служить. трудится на всѣхъ,
 На всѣхъ успѣваетъ, и съ тѣмъ же терпѣньемъ,
 Простивши безумцамъ кровавый ихъ грѣхъ,
 Безъ жалобъ напрасныхъ, безъ слезъ, умираетъ,...

Чтожь это?—Заввасва-ль языческой тьмы,
 Что въ насъ пробиваетъ еще и поныиѣ,

*) Разумѣется, это относится еще къ эпохѣ крѣпостнаго права.

Иль слѣдствіе страшныхъ пространствъ тѣхъ, что мы
 Не можемъ осилить своимъ населеньемъ,
 Чтобъ сдвинуть обширный народъ нашъ плотнѣй,—
 Иль слѣдъ неразвитости, бѣдности нашей,
 Безсилья и бѣдности,—страшныхъ бичей,
 Унизившихъ столько могучихъ народовъ?...

Сосѣди Микулы, изъ прежнихъ дружинъ,
 Давно ужъ сложились въ цвѣтуція страны;
 А онъ,—онъ, древнѣйшій земли господинъ,
 И онъ самъ, и край весь, понынѣ въ застоѣ;
 Его богатырь, что мы столько ужъ лѣтъ
 Привыкли знать сиднемъ, духъ этотъ народный,
 Кому досель мѣста у насъ еще нѣтъ
 Средь жизни гражданской,—сидитъ и понынѣ
 Такимъ же все сиднемъ... Никто не видалъ,
 Чтобъ онъ богатырски когда встрепенулся,
 Чтобъ онъ хоть однажды бы на ноги сталъ,
 Иль подалъ бы голосъ, на голосъ призывный,
 Свободы и свѣта.

Надожно-ль они

Такъ нравственно слабы? Мы только лишь видимъ
 Ихъ образъ наружный, а новые дни
 Отъ насъ затемнили ихъ образъ минувшій.
 Такими ли были они всегда? .
 И громы, и молнья, сидятъ также сиднемъ
 Внутри мрачной тучи; и гордо суда
 И углыя лодки браздятъ подъ собою
 Безмолвное море, пока въ тишинѣ
 Спитъ страшный духъ бури; и духъ богатырскій,
 Чѣмъ больше онъ силы таитъ въ глубинѣ,
 Тѣмъ онъ добродушнѣй, уступчивѣй съ виду,
 Затѣмъ что онъ чувствуетъ силу свою.

Но Боже мой, кто же намъ добылъ, воздѣлалъ
 Обширный нашъ край? Кто же въ этомъ краю
 Живеть, давно страшный для цѣлой Европы?
 Кто насъ хранить, кормить, снабжаетъ казной?
 Чья сила связала такія пространства
 Въ одно государство, живую стѣной

Его опоясавъ отъ моря до моря?
 Кто грудью могучей нашъ край отстоялъ
 Отъ хищныхъ враговъ или жадныхъ сосѣдей?
 Какой народъ столько силъ чуждыхъ пріялъ,
 А все живетъ жизнью своею народной?

Гигантъ-Атласъ древле держалъ на плечахъ
 Воздушное небо. — и сталъ полубогомъ;
 Гигантъ нашъ Микула у насъ на глазахъ
 Несетъ на могучихъ плечахъ богатырскихъ
 Ужасную тягу всей Русской земли;
 А правдивые люди едва почитаютъ
 Его человекомъ.

Пускай не пришли,
 Хотя, можетъ, и ближе они, дни златые
 Его просвѣщенья; но также и онъ,
 Подобно сосѣдямъ своимъ, сынъ Яфета ⁵⁾;
 И онъ принадлежитъ сначала времени
 Къ великой и сильной породѣ Арійской,
 И также имѣетъ былое свое
 Въ странахъ отдаленныхъ сѣдаго Востока,
 Гдѣ началъ онъ древле свое бытіе,
 Откуда онъ вышелъ съ другими, родными
 Ему племенами, въ свой нынѣшній край.
 И онъ — сродни древнимъ богамъ и героямъ.
 И помнить донинѣ еще этотъ рай
 Временъ первобытныхъ, тотъ Вырій чудесный,
 Гдѣ каждое утро дѣвица-Заря,
 Врата отомкнувши блестящему Солнцу,
 Выводитъ коней для дневнаго царя;
 Отколь и понинѣ къ нему прилетаютъ
 Весеннія птицы, и въ клювахъ своихъ
 Приносятъ на Сѣверъ ключи золотые
 Отъ вешняго неба, гдѣ въ нѣдрахъ святыхъ
 Сіяютъ колодцы воды животворной ⁵⁾...

А про древняго русскаго богатыря.
 Про Ивана царевича,
 Про борьбу Асовъ съ Ванамъ,
 Вы помните ли?

А про того могучаго богатыря,
 Что былъ надъ семидесятью землями богатырь,
 Вы знаете ли?

А въ темныя тайны раскольниковъ,
 Въ это мерцанье глубокой древности,
 Вы проникнули ль?...

А это раздольно-широкое время
 Владимира-Солнца, блескъ чудныхъ пировъ
 Его лучезарной семьи богатырской, —
 Асгардъ *) этотъ русский, жилище боговъ
 Средь самого Киева?.. Страшныя битвы
 Таинственныхъ чудищ и богатырей, —
 Тѣхъ ютновъ и турсовъ **) земли нашей русской,
 И чуть не божественныхъ этихъ людей?..

А образъ могучій и строгій Микулы —
 Стоящій, какъ вѣщій средь нихъ исполинъ,
 И самый разумный, и самый сильнѣйшій?

~~Еще ли остатки народныхъ былинъ,
 Намъ скажутъ, — наплывъ лишь преданій, помп. путевыхъ,
 Случайно оставленный русской странѣ
 Сосѣдствомъ татарскимъ? Почему-жъ на насъ вѣнчанъ
 Досель русскимъ духомъ и складомъ онъ?
 Какъ это слидися онъ такъ съ народомъ?~~

Мы знаемъ отчасти своихъ мужичковъ,
 Крестьянъ-поселянъ; но не знаемъ Микулу;
 Межь нимъ и межъ нами рядъ дѣлныхъ вѣковъ,
 Его древній образъ растаялъ въ минувшемъ.
 Теперь мы чуть можемъ проникнуть въ тотъ мѣръ,
 Что онъ себѣ создалъ, гдѣ жилъ онъ вначалѣ.
 Микула намъ чуждъ, какъ развитый кумирь,
 Отъ коего только остались обломки.
 Мы можемъ лѣпить ихъ въ былой идеаль,
 Но онъ все не будетъ имѣть передъ нами
 Того обаянья, что прежде было.

*) Асгардъ, жилище скандинавскихъ боговъ.

***) Турсы и ютны, древніе финскіе исполинны, по скандинавской мифологіи.

Въ тѣ дни его древней, мифической славы.

Одни въ немъ провидать до сихъ еще поръ

Залогъ обновленія драхлой Евроны,

А съ ней всего свѣта; другихъ строгій взоръ

Лишь видитъ въ его угнетенныхъ потомкахъ,

Давно отупѣвшій подъ рабствомъ народъ,

Народъ неспособный къ благому развитію.

Одни выдвигаютъ Микзулу впередъ, —

Въ немъ образа ищутъ ихъ новыхъ учений:

Другіе покончили всякій съ нимъ счетъ,

Какъ съ трупомъ, угасшимъ для жизни разумной,

И даже совѣмъ не желаютъ признать

За нимъ тѣхъ преданій, что онъ успѣлъ вынести

Изъ древняго міра, — хоть можно сказать,

Что онъ живетъ ими еще и нынѣ.

Еще недоступнѣй для нихъ, мудренѣй,

Силачъ этотъ, сидѣнь земли древне-русской; —

Духъ этотъ народный, что съ первыхъ же дней

Себя изваялъ самъ въ такой странннй образъ.

Когда въ немъ есть сила, зачѣмъ онъ сидитъ,

А если безсиленъ, то чѣмъ богатырь онъ?

Но онъ, какъ нарочно, сидитъ и молчитъ:

Чего-жъ ему надо, какихъ чудесъ новыхъ?

Иль онъ, неразумный, попрежнему ждетъ,

Чтобъ вновь Христось поднйялъ его, вѣщей брагой*?)

Я думаю, — да!.. И Христось вновь придетъ,

И дастъ ему пива напиться живаго,

Что мы называемъ наукой; тогда, —

Но только тогда лишь онъ, сидѣнь, воспрянетъ,

Иль онъ не воспрянетъ у насъ никогда,

И мы будемъ въ правѣ его звать безильнымъ...

Разсудимъ! — Не очень далеко ушли

И прочія наши сословья; немного

Они отъ себя ему силъ дать могли.

И онъ, и Микзула, выросли средь неправды,

• Среди утѣсненій и нравственной тьмы;

*) Смотри прим. 26 къ V-й пѣсни.

Какъ древніе дивы, вокругъ нихъ вѣщали,
 Кляпъ и понынь, — свидѣтели мы, —
 Тщеславіе вышнихъ и рабство подвластныхъ,
 Упрямая тупость, и тѣхъ, и другихъ,
 Съ обычною свитой ея, — самохвальства
 И лжи, недоверья, мѣръ самыхъ крутыхъ,
 И самыхъ ужасныхъ примѣровъ предательства,
 Измѣнь, казнокрадства... Гдѣ свѣточъ тутъ? Въ комъ?
 Какою вѣщей силой они-бъ поднялися?
 Въ какой средѣ высшей, въ чьемъ духѣ живомъ
 Ихъ грубая сила нашла-бъ свѣтъ желанный?..

Но край тотъ, гдѣ нѣтъ изъ народа вождей
 Иль ихъ небывало, — не жившее царство.
 Пусть такъ! Но въ эпоху у насъ смутныхъ дней, —
 Они у насъ были.

А дальняя древность?..

Таковъ ли тотъ свѣтлый общественный міръ,
 Міръ полный свободы и подвиговъ чудныхъ,
 Что вынесъ Микула, какъ вѣщій кумиръ,
 Изъ дней своихъ прежнихъ и даже позднѣйшихъ?
 И тотъ міръ исполненъ и чудещъ, и зла;
 Но тамъ свѣтлый Кіевъ, — куда вся земля плетъ
 Цвѣтъ силы народной; вокругъ тамъ стола
 Свѣтъ-Солнышка князя, весь міръ богатырскій,
 Какой бы кто ни былъ породы, семьи;
 Тамъ всѣмъ дано княземъ свободное слово;
 Тамъ вѣщій Микула, — хозяинъ земли;
 А витязи эти и самъ князь Владиміръ, —
 Ему свои люди.

Вотъ міръ, что онъ зналъ,
 Когда еще былъ онъ тѣмъ древнимъ Микулой!
 Вотъ міръ, что онъ создалъ и гдѣ онъ живалъ,
 Не хуже всѣхъ прочихъ народовъ Арійскихъ;
 Тотъ міръ, что проникнуть весь духомъ его, —
 И ближе всего, его быть разяснить
 Народный! Для насъ тамъ ужъ нѣтъ ничего;
 Мы даже не вѣримъ, что былъ тотъ міръ чудный;
 Но онъ оттолъ вывелъ старинный свой родъ,

Онъ выросъ, родился тамъ; тотъ міръ волшебный—
Его праотчина. Его переходъ
Съ Востока на Западъ, потомъ расселенье,
Имѣли значенье свое той порой;
Такое-жъ, какъ еслибы нынѣ воспрянуть
Нашъ сидѣнь... Возстань онъ,---и весь міръ земной
Тотчасъ же измѣнить свой нынѣшній образъ.

Немного Микула съ тѣхъ поръ сохранилъ
Въ своемъ міръ-народѣ древнѣйшихъ преданій;
И что сохранилъ онъ,—одно измѣнилъ.
Другое затмилось,—а сколько забыто!..
Но что позабыто Микулой роднымъ
Иль міромъ-народомъ, про то еще помнятъ
Сосѣди, что были въ сношеніи съ нимъ;
А что позабыли и эти сосѣди,
То силится нынѣ, ко свѣдѣнью всѣхъ,
Раскрыть и распутать благая наука;
И дай-то ей Боже, дай полный успѣхъ,
Затѣмъ, это ея трудъ—народное дѣло!

Не красныя зори въ небесахъ занимаются,
Не яркое солнышко на Востокъ загарается:
То горять, блестятъ
Золотые дворцы, терема князя Владиміра;
Будто жаръ горять,
Оконца косячатая, вышки, золотыя маковки...
«Не красное солнце числовалося,
«Заводилося пированьице честное у князя Владиміра».
Какъ славный Артуръ-царь, за круглымъ столомъ,
Какъ мудрый Гродгаръ -внязь, съ дружиной веселой,
Какъ Индра -богъ, *) въ горнемъ чертогѣ златомъ,
Какъ богъ Озирисъ, средь небесныхъ созвѣдій,—
Сидить, средь красавиць, двѣнадцати женъ,
Князь ласковый русскій, князь Солнце -Владиміръ 6).

*) Индра, древнѣйшій индѣйскій или общерійскій богъ грома и также солнца. Артуръ, — эпическій король кельтовъ. Гродгаръ — такой-же король англосаксовъ.

«Какъ солнце красное по небу числется,
 «Такъ онъ, ласковый Владиміръ князь,
 «Среди богатырей своихъ, славныхъ витязей,
 «Такъ онъ среди нихъ красуется».

Кто-жь витязи эти и богатыри?..

Кто самъ онъ, Владиміръ-князь, красное Солнце?
 На нихъ не погасъ еще отблескъ зари
 Временъ первобытныхъ; все вокругъ нихъ чудесно.
 Не богъ ли Сварогъ *) онъ иль богъ Святovitъ**),
 Съ его лучезарной, небесной дружиной?
 Не свѣтлый Дажьбогъ ли ***), что ярко блеститъ
 Въ пространствахъ небесныхъ? Но это не люди ?)!..
 Волхъ вѣщій Всеславичъ чудесно рождень
 Отъ Змія-зміяки,—и онъ, Волхъ, умѣетъ
 Принять разный образъ. Дни юности онъ
 Провелъ въ Индостанѣ. Рожденье Добрыни
 И вѣщаго Волха приводитъ собой
 Въ тревогу всѣ царства природы, колеблетъ
 Край дальній Индѣйскій. Своею рукой
 Добрыня сражаетъ летучаго змія,
 Спасаетъ изъ тяжкаго плѣна князей,
 И съ ними дочь Дива, сестру красна-Солнца,
 Что змій держалъ въ темной пещерѣ своей.
 Чурила Пленковичъ, подъ Киевомъ самымъ,
 Имѣетъ блестящій, волшебный дворецъ,
 Что споритъ богатствомъ и блескомъ чудеснымъ
 Съ чертогами Индры. Потовъ-молодецъ
 Женатъ на валькириі ****); она превращаетъ
 Его въ горючъ-камень; но онъ воскрешенъ
 Тайнственнымъ старцемъ. Алеша Поповичъ,
 Красавецъ-насмѣшникъ, кумиръ чужихъ женъ,
 Алеша сражаетъ Тугарина-змѣя,
 И въ Кіевъ привозитъ, двору на повазъ,

*) Сварогъ, Небо, древнѣйшій богъ вселенной.

**) Святovitъ, собственно: святой свѣтъ, главный богъ балтійскихъ славянъ.

***) Дагбогъ или Дажьбогъ, божество солнца.

****) Валькириі, воздушныя дѣвы битвъ у скандинавовъ.

Его головушку. Младой Дюкъ, — заѣзжій
 Волинецъ, страну чью преданье не разъ
 Еще величаетъ Индѣюшкой славной, —
 Онъ, Дюкъ, такъ богатъ, что богатства его
 Нельзя описать, ни изчислить. Ивану, —
 Гостиному сыну, дороже всего
 Его троелетокъ, косматочка-бурка,
 Конь вѣщій; Иванъ, о его быстротѣ
 Великъ закладъ держать съ Владиміромъ княземъ;
 Святой самъ владыка о немъ, сиротѣ,
 Предъ княземъ порука. Жена красна-Солнца,
 Апракса, заводитъ любовную связь
 Съ Тугариномъ-змѣемъ. Дунай беретъ съ боя
 Сестру ея замужъ, когда стольный князь
 Послалъ его сватомъ въ литовскую землю,
 Племянница князя, а можетъ, и дочь,
 Въ мужья избираетъ чудеснаго гостя
 Изъ за-моря синяго; онъ въ одну ночь
 Въ садахъ ея княжескихъ строитъ палаты....

«Ѣдетъ Чурила къ двору своему,
 «Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
 «Чтобъ не запекло солнце его бѣло лице».
 «Волосанки у него, — золота дуга, серебряная,
 «Шея у Чурилы будто бѣлый снѣгъ,
 «А личико будто маковъ цвѣтъ»...

Раздается въ Кіевѣ Волхъ Всеславьевичъ:
 «Подрожала сыра земля,
 «Стряслося славно царство Индѣйское,
 «А и синее море сколебалося;
 «Рыба пошла въ морскую глубину,
 «Птица полетѣла высоко въ небеса,
 «Туры да олени за горы пошли,
 «Зайцы, лисицы по чащидамъ,
 «А волки, медвѣди по ельничкамъ,
 «Соболи, вуницы по островамъ».

Выѣзжаетъ богатырь Илья Муромецъ:
 «Пошелъ, поскавалъ его борзый конь,

«Рѣви, озера перескакиваль,
«А темные лѣса промежь ногъ пускаль.»

Вдетъ древній Святогорь-богатырь:

«Вдетъ (онъ), богатырь, выше лѣса стоячаго,
«Головой упираетъ подь облаку ходячую,
«На плечахъ везетъ хрустальный ларець.
«Мать сыра-земля колыбается,
«Темные лѣсушки шатаются,
«Рѣви изъ крутыхъ береговъ выливаются.»

Идетъ дивъ раздолныхъ, широкихъ степей,
Князь шумнаго стана и силы бродячей,
Степныхъ колымагъ и косматыхъ коней,
Лихой Колывань-богатырь;—передъ ними,
Рѣви быстрья, воды мутныя разступаются,
Горы звонкія, лѣса темныя раздвигаются,
Вѣтры буйныя, звѣзды частыя путь указываютъ.

А этотъ другой дивъ дремучихъ лѣсовъ, —
Сухманъ богатырь, сынъ Огня или Солнца?
Тотъ дивъ—богатырь самыхъ древнихъ вѣковъ;
Но позже, утратившій, въ мнѣнии народа,
Характеръ стихійный и огненный свой,
И мирно служившій свѣтъ Солнышку—князю,
Какъ вѣщій охотникъ, стрѣляя порой
Гусей, лебедей ему, князю, къ обѣду;

«Пріѣзжаетъ онъ Сухмантіи во сыру-дубу,
«Во сыру-дубу кряковистому,
«Выдергиваль дубъ со кореньями,
«За вершинку бралъ, а съ комля сокъ бѣжалъ,
«И поѣхаль Сухмантьюшка съ дубиночкой...

«Махнетъ Сухмантьюшка,—улица,
«Отмахнетъ назадъ,—промежуточекъ,
«А впередъ просунетъ,—переулочекъ»....

А этотъ кудесникъ или дивъ морской,
Чудесный тотъ Волховъ Славянычъ—змѣяка,—
То рыба, то змѣй, то колдунъ, то герой,
То самъ богъ Перунъ, богъ древнѣйшій, Громовникъ?

А вѣщія дѣвы, какъ Русскій народъ

Зоветь своихъ виль, сихъ славянскихъ валькириі?..

Вотъ бѣлая Лебедь за станомъ точеть;

Она Лиходѣвна; не нормаль — ткачиха? *)

«А на головѣ у ней—бѣлы лебеди,
«На лѣвомъ плечѣ у ней—черны соболи,
«На правомъ плечѣ—сидятъ ясны соколы,
«На припестяхъ у нея—сизы голуби,
«На подножкахъ у нея—черны вороны.

Иль вотъ она, подъ вечеръ тихо плыветь

Лебедушкой бѣлой, по синему морю;

А берегомъ витязь съ колчаномъ идетъ;

«Она черезъ перо была вся золота;
«А головушка у ней увивана краснымъ золотомъ,
«И скатнымъ жемчугомъ изусажена.»

А самый градъ-Кіевъ, его край былой,

Волшебная около Кіева мѣстность?...

Смородины рѣки, Сафаты, Изрой,

Индійское море, дуга Леваниды.... 8)

«Передъ Кіевомъ три заставы крѣпкія:

«Первая застава—сѣры волки,
«Другая застава—змѣи лютыя,
«Третья застава—стоитъ двѣнадцать богатырей.»

А много въ Кіевѣ богатырей,

«Какъ сѣрыхъ волковъ по закусточкамъ.»

И каждый изъ нихъ съ незапамятныхъ дней

Владѣтъ такою ужасною силою,

Какой не владѣтъ никто изъ людей.

Одинъ разбиваетъ несмѣтныя рати,

Другой съ самимъ небомъ вступаетъ въ борьбу,

Иной обладаетъ волшебнымъ оружіемъ,

Другой презираетъ и чохъ, и судьбу.... 9)

И вся на подборъ, такова вся дружина!

Они хоть и носятъ ужь образъ живой

Людей настоящихъ; но это не люди,

А выходцы—дивы изъ жизни иной;

Одна обстановка ихъ развѣ земная.

*) Нормы, вѣщія прорицательницы у скандинавовъ.

Пируютъ вокругъ краснаго солнца они,
 Какъ древніе боги въ чертогахъ небесныхъ,
 Играютъ въ тавлеи *), какъ въ древніе дни
 Играли въ тавлеи безсмертные асы **);
 Сидитъ красно-Солнце Владимірь средь нихъ,
 Какъ свѣтлый Одинъ ***), средь героевъ Валгалы ****);
 Какъ древніе жь боги, въ бесѣдахъ своихъ,
 Они также любятъ подь-часъ похвалиться...

«Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
 «Иный хвастаетъ безсчетной золотой вазной;
 «А разумный хвастаетъ родной матушкой,
 «А безумный хвастаетъ молодой женой».

А самъ князь Владимірь?—Какъ Индра благой
 Своихъ разсылалъ слугъ воздушныхъ, Марутовъ *****),
 На разныя службы, отдавъ міръ земной
 На ихъ попеченье: такъ точно и онъ, князь,
 Князь свѣтлый Владимірь, шлетъ главныхъ своихъ
 Воителей старшихъ, —кого на заставы,
 Стоять противъ ратей и чудищъ степныхъ;
 Кого въ орды дальни, собирать тамъ полочки
 И выходы-дани; кого съ сватовствомъ,
 Въ сосѣднія страны, ему за невѣстой....
 Такъ ѣздилъ Дунай, за невѣстой посломъ;
 Въ послахъ ѣздилъ Донъ и сѣдой Днѣпръ Словутьичъ;
 Чурила Пленковичъ былъ взятъ въ княжію домъ
 Постельничимъ; послѣ жь, сзывалъ онъ гостей,
 И съ важдаго гостя бралъ *златое* князю;
 Степной Колыванъ, тотъ отыскони дней
 Всегда на заставахъ стоялъ богатырскихъ.

Вкругъ князя сошлись все силы земли,—
 И вѣщія силы, и цвѣтъ богатрства,
 Изъ Руси, изъ ближнихъ степей, изъ дали,
 Изъ-за-моря синяго, —Богъ вѣсть, откуда.

*) Игра въ тавлеи, родъ игры въ кости.

***) Асы, —сыны и вмѣстѣ дружина Одина.

****) Одинъ, —главный богъ древнихъ скандинавовъ..

*****) Валгала, небесное жилище героевъ, послѣ смерти, у скандинавовъ.

*****) Маруты, воздушные гении вѣтровъ, у Индѣйцевъ.

Кто славился чудной своей красотой,
 Кто ловкой ухваткой своей богатырской,
 Кто лаской, привѣтомъ, а вто простотой
 И рѣчью умильной; одинъ своимъ счастьемъ,
 Другой же богатствомъ или быстротой,
 Походочкой мягкой и легкой пощипкой;
 Иные искусной и мѣткой стрѣльбой,
 Или непомѣрной, чудовищной силой.

Владимірь, князь ласковый, жаловаль ихъ,
 Кого златой гривной, кого съ плеча шубой;
 Кого чѣмъ другимъ изъ сокровищъ своихъ;
 А кто къ нему ближе, того городами.

Въ семействѣ Микулы была дочь одна
 Замужняя. Наши родныя преданья
 Зовуть ее Грозной. Въ замужствѣ она
 Была за пріѣзжимъ бояриномъ, Ставромъ.
 Однажды онъ вздумалъ похвастаться ей
 На княжей пирушкѣ, въ присутствіи князя,
 Что нѣтъ-де ея на всемъ свѣтѣ умнѣй,
 И нѣтъ-де на свѣтѣ ея домовитѣй;

«Самаго тебя, Владиміра, съ ума сведеть!..»

И былъ Ставръ за это посаженъ въ подвалы.
 Но только про то вѣсть до Грозной дошла,
 Тотчасъ обрядилась она посломъ дальнимъ,
 И хитрой уловкой своей провела
 И дворъ весь, и князя,—и тѣмъ искупила
 Любимаго мужа, который и самъ
 Не могъ узнать долго ее въ богатырскомъ
 Тяжеломъ нарядѣ; а богатырямъ
 Оставила память объ этомъ пріѣздѣ
 Она молодецкой своею стрѣльбой,
 Нагнавъ — инда ужась на нихъ и на князя:
 Такъ ловко владѣла она той порой
 Тугимъ, тлжкимъ лукомъ своимъ волокитнымъ.

Вторая за нею Микулина дочь,
 Поленица *),—эта была за Добрыней.

*) Поленица, полевая наѣздница—богатырша.

Но прежде, дѣвицей, она день и ночь
 Одна разъѣзжала по чистому полю,
 И страстно искала по разнымъ странамъ
 Себѣ приключеній и подвиговъ ратныхъ,
 Извѣстная всюду, и богатырямъ,
 И дивамъ, своею ужасною силой.

Однажды Добрыня—князь, встрѣтившись съ ней,
 Испробовать вздумалъ на ней свою силу;
 Наѣхалъ, и палицей тяжелой своей
 Хватилъ ее въ голову; на этотъ вызовъ
 Добрынинъ не двинулась даже она...
 Младаго Добрыню объялъ-инда ужасъ.
 Какъ бы пробудившись отъ тяжкаго сна,
 Сталъ пробовать силу на толстомъ онъ дубѣ, —
 Ударилъ, и въ драни его расщепалъ;
 Не убыло, значить, въ Добрыньюшкѣ силы.
 Онъ бросился снова за дѣвкой, догналъ,
 И снова ударилъ; но дочка Микулы,
 Какъ будто совсѣмъ и не чуешь того.
 Подѣхалъ опять онъ къ толстѣйшему дубу.
 Хватилъ, и въ щепы уничтожилъ его;
 Все таже въ немъ сила! Увѣрившись въ этомъ,
 Добрыня еще разъ коня припустилъ,
 И въ третій хватилъ разъ; а ей показалось,
 Что это комарикъ ее укусилъ....

«Я думала, что комарики покусываютъ,
 «Ажно русскіе могучіе богатыри пощелкиваютъ!»
 «Какъхватила Добрыню за желты кудри,
 «Посадила его въ глубокъ карманъ....»

Но видно, молодой князь-красавецъ пришелся
 Ей по сердцу. Тутъ же рѣшила она
 Избрать его мужемъ; и вышла изъ дѣвки
 Примѣрная князю-Добрынѣ жена,
 И нѣжная сердцемъ, *сдержавушкѣ-мужу,*
Семья и подруга.

Воинственныхъ женъ
 На Кіевѣ, впрочемъ, жывало немало.
 И тихій Дунай, и тишайшій нашъ Донъ,

Женилися оба на вѣщихъ валькирьяхъ,
Извѣстныхъ чудесной стрѣльбою своею,
За что и пришлось имъ потомъ полатиться,
Подъ пьяную руку ихъ дикихъ мужей,
Безцѣнною жизнью. Но тутъ же, опомнясь,
Мужья закололись и сами съ тоски.
Изъ этой-то крови у насъ протекали,
И нынѣ текутъ, двѣ кровавыхъ рѣки,
Воинственный Донъ и Дунай многоводный.

Преданіе знаетъ и младшую дочь,
Дочь третью Микулы. Но дѣвственный образъ
Ея позабытъ, и глубокая ночь
Время поглотила ея даже имя.
Въ чемъ было въ то время призванье ея?
Какое Микула ей далъ назначенье?
Когда получила она бытіе?...
Все это осталось во мглѣ первобытной.

Самъ вѣщій Микула, хозяинъ земли,
Всегда жилъ, какъ нынѣ, по селамъ, деревнямъ,
Среди полей мирныхъ и милой семьи,
Внѣ всякихъ вліяній изъ Кіева-града.
Преданіе помнитъ крестьянъ-мужиковъ
На славныхъ пирѣхъ у Владиміра-князя;
Они изъ почетныхъ-ли были сыновъ
Микулина рода, иль онъ самъ, Микула;
Но міръ его кровный всегда былъ село;
Владиміръ числется въ Кіевѣ-градѣ,
Куда потянулось добро все и зло;
Микула жъ остался, какъ былъ, селяниномъ.

Сказанья рисуютъ его завсегда
За вѣщею сошкой иль съ тягой земною
Въ сумѣ за плечами, и онъ никогда
Не требовалъ мѣста себѣ возлѣ князя.

Такъ точно впервые его застаеъ
И Вольга *) Всеславичъ, нашъ витязь древнѣйшій;
Микула спокойно на пашнѣ ореть,

*) Волхъ, Вольга, въ былинахъ одно и тоже имя.

А Волхъ подѣзжаетъ съ своею дружиной.

«Жаловаль его, Волха, родной дяюшка;
«Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій,
«Тремя городами со крестьянами,»

Поѣхалъ Князь Вольга въ свои города,
И слышитъ онъ, гдѣ-то ореть въ полѣ ратай;
Глядитъ Волхъ Всеславичъ туда и сюда,
Но гдѣ ореть ратай, того не примѣтитъ.

«Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
«Сожка у ратая поскрипываетъ,
«Омѣшиви по камешкамъ почеркиваютъ».

Но гдѣ онъ,—не видно.

Таеъ ѣдетъ три дня

Съ утра Волхъ до ночи; а ратая въ полѣ
Онъ, Волхъ, все не видитъ. Пустилъ онъ коня,
И въ третій лишь день на него онъ наѣхалъ.....

«Божья-та помощь, оратаюшко!

«Орать да пахать, да крестьянствовать.»

Всеславичъ Микулъ съ коня говоритъ.

«Подитко, Вольга Святославовичъ,
«Со своею со дружинушкой хораброю,
«Мнѣ-ка надобно помочья Божья крестьянствовать.
«Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь,
«Со своей со дружинушкой хораброю?»

Отвѣтствуетъ Вольга, куда онъ спѣшитъ,—
Въ Орѣховцѣ, въ Крестьяновцѣ, въ Гурчевскѣ, за получкой.

Но тутъ же отъ ратая Волхъ узнаетъ,
Что тотъ самъ два дня, какъ оттуда вернулся;
Два малыхъ мѣшечка на свой обиходъ
Привезъ оттоль соли, пудовъ эдакъ сорокъ
Въ мѣшечкѣ; но что мужики въ тѣхъ мѣстахъ
Разбойники, — просятъ грошей подорожныхъ;
И задалъ же онъ, Селянинычъ, имъ страхъ,
Гроши отсчитавъ подорожной шалыгой.

«Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
«А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.»

Услышавъ про это, сталъ Волхъ его звать
Отправиться вмѣстѣ. Согласенъ Микула.

Нельзя же высокимъ гостямъ отказать.

Поѣхали, — ѣдутъ; какъ вспомнилъ Микула, —

«Ай же Вольга Святославовичъ!

«Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,

«И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,

«А гля-ради мужика деревенщины.

«Какъ бы сошку съ земли повыдернути,

«Изъ омешковъ земельку повытряхнути,

«И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ.»

Послалъ Вольга-князь пятерыхъ изъ дружины,

Но пятеро сошки свернуть не смогли;

Послалъ Святославовичъ цѣлый десятокъ,

Но сошку и тѣмъ не поднять изъ земли;

Послалъ тогда Вольга свою всю дружину;

«Они сошку за обжи вокругъ вертять,

«А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,

«Изъ омешковъ земельки повытряхнути,

«Бросить сошку за ракитовъ кустъ.»

Подъѣхалъ Микула ужъ самъ той порой,

На вѣщей кобылкѣ своей богатырской;

Бралъ чудную сошку одною рукой,

Бросалъ за ракиту.....

«А сошка была позолочена,

«Омѣшники были булатныя;

«Какъ улетѣла та сошка къ подь-облакамъ,

«Пала сошка о сыру землю,

«Ушла сошка до рычаговъ въ землѣ.

«Туть-то обрядилъ онъ свою сошку позолоченную,

«Тыи-то омѣшники булатныя.....»

Поѣхали дальше.

«Оратая кобыла-то рысью идетъ,

«А Вольгинъ-отъ конь и посакиваетъ;

«У оратая-то кобылка грудью пошла,

«А Вольгинъ-отъ конь остается.»

«Сталъ Вольга туть покрикивати,

«Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:

«Постой-ка ты ратый-ратаюшка!

«Этая кобылка конькомъ-бы была, —

«За эту кобылку пятьсотъ бы дали.»

«Говорить оратай таковы слова:

«Глупый Вольга Святославовичь!

«Взялъ я кобылку жеребчикомъ съ-подъ матушки;

«И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей;

«Этая кобылка конькомъ бы была;

«За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.»

«Говорилъ Вольга Святославовичь:

«А-же ты, ратаю-ратаюшко!

«Какъ-то тебя именемъ зовутъ,

«Какъ величаютъ по отечеству?»

«Говорилъ оратай таковы слова:

«Ай-же Вольга Святославовичь!

«А я ржи напашу, да во скирды сложу,

«Во скирды складу, домой выволочу,

«Домой выволочу, да дома вымолочу,

«Драни надеру, да и пива наварю;

«Станутъ мужички меня покликивати:

«Молодой Микулушка Селяниновичь!»

И вотъ онъ, Микула, его проводилъ

Въ Орѣховцъ, въ Крестьяновцъ, въ Гурчевскъ, за получкой.

Ждала ихъ засада; но онъ упредилъ

Своей прозорливостью вражьи козни,

Побилъ еще разъ тѣхъ воровъ-мужиковъ,

Очистилъ проѣздъ за получкою Вольгѣ,

И снова вернулся подъ мирный свой кровъ;

«Тутъ они добры молодцы поразѣхались,

«Поразѣхались они, пораспростилися.»

Въ другой разъ, Микула зоветъ князя Вольгу

Къ себѣ *ко поселищу*, вводитъ его

Въ свои родовыя *палаты*, какъ видно,

Живя въ это время не хуже кого.

Выходятъ имъ встрѣчу три дщери Микулы,

Три вѣщихъ поленицы; съ честью онѣ

Всѣ три принимаютъ высокаго гостя,

Какъ это водилося въ русской странѣ,

И съ честью его, угостивъ, провожаютъ.....

Микула сильнѣй, значить, богатырей,

Что князь Володиміръ дарить областями.
 Онъ ихъ охраняеть отъ сельскихъ людей;
 Внутри края нельзя безъ Микулы проникнуть;
 Микула сильнѣй и гораздо хитрѣй,
 Будесника Волха; живеть онъ въ палатахъ;
 Князь Волхъ передъ нимъ, какъ щенець молодой,
 И самъ князь Владиміръ предъ нимъ мало значить;
 Микула властитель земли; онъ ей свой,
 Князья и дружины ихъ, — люди чужіе ¹⁰⁾.

Но главный въ народѣ преемникъ его,
 Грядущій его представитель близъ князя,
 Сидитъ еще сиднемъ, — чужой для всего,
 Что въ краѣ творится. Земля не сложилась.
 Замѣтно, что это титанъ старины,
 Попавшій въ міръ новый, еще ему чуждый;
 Онъ чувствуетъ, видитъ духъ новый страны,
 Но мѣсто въ странѣ для него не готово.

Сидѣль-ли заправду Илья тридцать лѣтъ,
 Сидѣль-ли три тысячи лѣтъ онъ и больше,
 Еще съ той поры, когда созданъ былъ свѣтъ;
 Но въ немъ испоинскія силы съ рожденья.
 Онъ темный лишь сидѣнь, — но онъ посвященъ
 Въ приемы, хватки и быть богатырскій;
 Онъ гдѣ-то ужъ жилъ; онъ не могъ быть рожденъ
 Во дни православнаго русскаго князя.
 Еще онъ не знаетъ, къ чему приложить
 Ему свои силы, — и онъ сидитъ сиднемъ.
 Пожалуй, онъ могъ бы весь край своротить,
 Но онъ тогда сталъ бы вновь чудищемъ прежнимъ.

Онъ родомъ и званьемъ уже селянинъ,
 Но онъ не сошелся еще съ міръ-народомъ, —
 Онъ все еще дивъ.

Въ эти дни не одинъ
 Имѣлъ на Руси онъ чудовищный образъ;
 Вкругъ стольнаго князя, межъ богатырей,
 Сидятъ Святогоры еще и Сухманы, —
 Древнѣйшія чудища, въ видѣ людей;

А дивы другіе, какъ грозный Нахвальщикъ
Иль чудный разбойникъ—лѣсной Соловей,
Еще залегаютъ пути и дороги.

«Сидитъ Соловей разбойникъ Олихмантьевъ сынъ,
«Сидитъ Соловей разбойникъ на семи дубахъ,
«Захватываетъ злодѣй онъ на семи герстахъ.
«Свищетъ Соловей онъ по-соловьеву,
«Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по-звѣриному,
«Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
«Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ.»

Но вотъ Илья—сидѣнь чудесно встаетъ;
Его подымаетъ *нездѣшная* сила;
И тутъ же великій обѣтъ онъ даетъ
Сразить Соловья и сражаться до смерти
За край, народъ русскій ¹¹⁾.

Чтожь это за мѣръ?

Что это за чудныя, страшныя силы?
Кто этотъ князь Солнце? Что это за пиръ
Въ его свѣтлой гридиѣ, гдѣ онъ повелитель
Всѣхъ этихъ чудесныхъ, таинственныхъ силъ?
Отколь собрались они въ стольный градъ Кіевъ?
Гдѣ ихъ праотчина? Кто ихъ породилъ?
Какой народъ создалъ мѣръ этотъ волшебный?
Когда начался онъ? Что наша страна
Внесла отъ себя въ него?...

Но онъ закрылся,

А древность, увы, необъятна, темна;
Какъ бездна морская, ея глубь безвѣстна.
Мы въ образахъ только, доступныхъ для насъ,
Слагать еще можемъ мѣръ этотъ чудесный;
Но онъ ужъ изчезъ, и его вѣщій гласъ,
Что тамъ раздавался, замолкнулъ на вѣки ¹²⁾.

Пожалуй, и лучше! Его больше нѣтъ,—
Мы можемъ судить о немъ нынѣ свободно.
О слава тебѣ, просвѣщенія свѣтъ!—
Ты снялъ хоть печати съ боговъ тѣхъ минувшихъ.

«Эта старина кончается,
«А другая начинается....»

ПѢСНЬ 2-Я.

ВЫРІЙ, ДРЕВНІЙ РАЙ АРІЙЦЕВЪ.

„Контъ показаль, что изъ общихъ законовъ человѣческой природы можно вывести нѣсколько специальныхъ заключеній, относительно самаго ранняго развитія человѣческаго прогресса, о которомъ почти нѣтъ никакого историческаго отчета. (В. Евр. іюль, 1874 стр. 159—60).

„Начнемъ ab ovo!...“
(Пушкинъ).

Высота ли высота поднебесная,
«Глубота, глубота Океанъ-море,
«Широко раздолье по всей землѣ,
«Глубоки омуты—Днѣпровскіе!...»

Не здѣсь ли, въ раздольяхъ сѣдой старины,
Не въ этой ли шири высотъ поднебесныхъ,
Не въ этихъ ли безднахъ глухой глубины
И омутовъ темныхъ воздушнаго моря,
Искать надо нить нашей жизни былой
И міръ тотъ чудесный? Не здѣсь ли родились
И князь красно-Солнце, и бытъ нашъ родной,
И вѣщій Мишула съ семьей богатырской?
Не съ этихъ ли поръ въ древній міръ нашъ вошли
И древніе дивы, и чудища мрака,

Властители первые всякой земли?
 Не здѣсь ли бѣть ключъ и преданій народныхъ?...

Сперва первобытный туманъ вокругъ насъ
 И мракъ довременный; еще ни земли нѣтъ,
 Ни свѣтлаго неба; молчитъ Божій гласъ,
 Лишь дубъ-Стародубъ иль дубъ влажный Мокрепкій,
 Небесная яшень, раздвинулъ свои
 Огромныя корни во темнымъ пространствамъ
 Незримаго неба. Нигдѣ нѣтъ земли;
 Лишь дубъ этотъ чудный нависнулъ вѣтвями
 Въ безмолвныхъ пространствахъ, —покрывши густой,
 Широкою листвою воздушное море.
 Изъ этого дуба съ серебристой корой,
 Струится живая роса, —вода жизни.
 Предвѣчный Духъ Божій, —начало всего,
 Что есть и что будетъ, парить надъ водами...
 Миръ долженъ создаться по слову Его.

Въ послѣдствіи мы встрѣтимъ не разъ это Слово!
 На дубѣ чудесномъ, въ туманѣ густомъ,
 Живеть уже бѣлка. Грызеть эта бѣлка
 Златые орѣхи, —то молнья и громъ;
 По вѣтвямъ златистымъ порхаютъ жарь-птицы;
 Надъ бѣлкою—соколъ. И ночью, и днемъ,
 Хранить онъ на дубѣ плоды золотые,
 Отъ лютаго змѣя, что обвилъ хвостомъ
 Еще невидимое, горнее небо.
 На самомъ верху Стародуба кипятъ
 Живая вода и ключи воды мертвой;
 Подъ ними вертятся и громко стучать
 Два жернова-камня, что мелють богатства
 И счастье. 1)

У индовъ, изъ бездны глухой
 Безбрежнаго моря земнаго, всплываетъ
 Божественный лотусъ. Какъ въ зыбкѣ златой,
 Въ его влажной чашѣ, блестящей, какъ солнце,
 Плыветъ, колыхаясь, младенецъ святой,
 Богъ творческихъ силъ, богъ грядущей вселенной.

Но это не лотусъ всплываетъ простой,
 А это всплываетъ изъ нѣдръ океана
 Земля, въ видѣ злчныхъ семи острововъ;
 Не богъ простой въ чашѣ сіяетъ зеленой;
 Но богъ силъ предвѣчныхъ, отецъ всѣхъ боговъ,
 Духъ всюду присущій всезидущей жизни.
 Изъ дивно—божественныхъ первыхъ сѣмянъ
 Того цвѣтка жизни родится золотое,
 Какъ красное солнце, яйцо-великанъ;
 Оно раздвоилось, и изъ скарлупъ вышли
 Земля, небеса и золотой океанъ
 Свѣтили, что сіяютъ въ пространствахъ воздушныхъ.

~~У насъ же не лотусъ зеленый плыветъ,
 А два чудныхъ гоголя, бѣлый и черныи: ?!
 Бѣлбогъ съ Чернобогомъ; одинъ достаетъ
 Со дна синя-моря земли породу и оба
 Творять первый островъ. Бѣлунъ-богъ творить
 Поля и равнины, достуныя полямъ.
 А злои Чернобогъ исказить наровитъ
 Миръ Божий, наставитъ утесовъ, ущелій,
 Высотъ, оуератовъ. Потому создаетъ
 Бѣлобогъ изъ земли и песку человека:
 Но злость Чернобога ему не даетъ
 Окончить и этотъ божественный подвигъ,
 Какъ онъ бы хотѣлъ; Чернобогъ или Чортъ,
 На зло, исказилъ и его человека. 2)~~

У насъ, также пѣтель божественный снесъ
 Яйцо мировое; изъ внутренней части
 Яйца вышли рѣки, а вѣтеръ разнесъ
 Оттуда сѣмя цвѣтовъ и растений.
 Но пѣтель вспорхнулъ, и съ земли улетѣлъ
 На горнее небо. Тамъ онъ, обмываясь
 Въ воздушной пучинѣ, на весь миръ запѣлъ:
 И каждое утро, своей вѣщей пѣсней,
 Будить сталъ природу и спящихъ людей;
 Но людямъ досадны его стали пѣсни,
 Мѣшавшія спать, и въ послѣдствіи дней,
 Имъ въ пику, слегѣлъ онъ на синее море

И сталь будить солнце. Онъ пѣснь заведеть,
 Захлопавъ крылами, тотчасъ же подхватятъ
 Ее пѣтухи въ деревняхъ, и поеть,
 Поеть въ переключку ихъ хоръ неумолкный ³⁾.

Другое преданіе весь родъ людской
 Еще производитъ отъ силы небесной;
 Людей порождаетъ богъ-Небо съ Землей,
 Духъ свѣта и мрака, мгла темная тучи
 И богъ древній-Родъ, сей славянскій Адамъ,
 И вмѣстѣ богъ Яма, что мечеть на землю,
 Подобныя яркимъ падучимъ звѣздамъ,
 Небесныя *труды* ⁴⁾. Въ тѣ дни, первый смертный
 Своимъ страшнымъ ростомъ былъ равенъ горамъ,
 А тѣломъ покрыть могъ широкое поле;
 Когда засыпаль онъ, въ его волосахъ
 Свободно свиваль для себя гнѣздо ястребъ;
 Въ ухахъ же его, какъ въ глубокихъ норахъ,
 Гнѣздились лисицы.....Онъ всходитъ на небо,
 Спускается въ бездны; ему ни почемъ
 Шагнуть черезъ море. Онъ дѣлитъ трапезу
 Съ самими богами; онъ равенъ во всемъ
 Богамъ самымъ высшимъ, какъ онъ же рожденнымъ
 Землю и Небомъ. Но онъ не уйдетъ
 Отъ челюстей смерти: онъ перворожденный
 И первоумершій; онъ будущій Родъ,
 Тотъ богъ, что бросаетъ небесныя *труды*. ⁵⁾

Сначала живетъ онъ въ цвѣтущихъ садахъ,
 Средь Вырія. Вырій или Буанъ-островъ,—
 Не то на землѣ онъ, не то въ небесахъ. ⁶⁾
 То вѣкъ золотой и серебряный міра,
 Весеннее утро счастливой земли,
 Сіяющей въ блескѣ и брызгахъ алмазныхъ
 Весны первобытной,—чего не могли
 Лишить смертныхъ долго и самые боги.

Сперва люди чтутъ лишь одно божество,—
Предвѣчнаго Бога, живущаго въ небѣ,
Сваргѣ кругловидномъ. Его естество
Исполнено къ смертнымъ высокою любовью;

Сей богъ — сама Вѣчность, и мѣръ называлъ
Его Богавадомъ, Зерванъ-Акереномъ,
Сварогомъ и Діемъ. Онъ богъ всѣхъ началъ:
Онъ создалъ вселенну своимъ дивнымъ словомъ,
Онъ есть отецъ неба и прочихъ боговъ,
Прабогъ всего міра. Вначалѣ, блаженный
Еще человекъ жилъ немало вѣковъ
Съ нимъ вмѣстѣ, и даже трапезовалъ съ богомъ;
Но злой духъ, Курентъ, разъ, по злобѣ своей
Его напоилъ такъ за трапезой этой
Виномъ, имъ добытымъ на гибель людей,
Что богъ — его въ гнѣвѣ низвергнулъ на землю,
И отнялъ часть силы 7).

Нечелю потомъ

Еще люди жили въ любви и согласіи,
Не то ужъ и въ Виріи стало земномъ,
Хотя и сносились они еще съ богомъ.
Сначала окончился вѣкъ золотой,
Насталъ вѣкъ серебряный; мирно, въ довольствѣ
Еще жили люди и тою порой;
Но скоро и это протмалось время,
И лишь завершился серебряный вѣкъ,
Вражда и раздоры наполнили землю
И самое небо; возсталъ человекъ
На ближнихъ своихъ и боговъ вѣковичныхъ.

Блестящее небо съ древнѣйшей поры
Казалось людямъ таинственнымъ міромъ:
Оно представлялось имъ въ видѣ горы;
Имъ очень хотѣлось еще въ ту эпоху
Пожить по небесному, — и Чернобогъ
Однажды проникнулъ, съ толпой великановъ,
Въ божественный этотъ, блестящій чертогъ;
Но часть ихъ, наѣвшись небесныхъ оладьевъ,
Свалилась на землю. Въ досадѣ, Бѣлбогъ
Или Сварогъ древній ударилъ о камень
Божественнымъ молотомъ, и въ тотъ же мигъ
Родился Громовникъ, съ блестящею ратью.

Духовъ свѣтозарныхъ; онъ тотчасъ настигъ
 И всѣхъ остальныхъ, и низвергнувъ ихъ съ неба:
 Одни пріютились тогда на землѣ,
 Въ водахъ и въ лѣсахъ, но главнѣйшія силы
 Попадали въ бездну, гдѣ въ огненной мглѣ
 Живуть и понынѣ.

А міръ былъ наказанъ,
 За распри, потопомъ. Враждуя съ собой
 И съ силами горними, люди разбили
 Яйцо золотое вселенной; рѣкой
 Оттоль хлынулъ ливень воды первобытной,
 И скрылъ подъ собою весь міръ сей земной.
 На помощь немногимъ съ вѣтвей Стародуба
 Упали скорлупки златыхъ жолудей;
 Иные успѣли схватиться за вѣтви
 Всемирнаго древа; а двое людей
 Спаслися, прыгнувши чрезъ кости земныя, —
 Скалистыя горы. ⁸⁾

Изъ нѣсколькихъ словъ,
 Составившихъ корни арійскихъ нарѣчій,
 Наука ужъ видитъ въ быту тѣхъ вѣковъ
 Большое развитіе жизни разумной.
 На самой зарѣ первобытной земли
 Родъ сильный арійцевъ имѣетъ строенья
 И связи родства; воеводы, вожди,
 Старѣйшины правятъ его племенами.
 У нихъ есть ужъ домъ и родная земля;
 Зубчатая стѣна ихъ крѣпкой ограда
 Торжественно вноситъ богиня — земля
 Въ рѣзбу своей самой древнѣйшей короны.
 Живя искони въ непресанной борьбѣ,
 Они ужъ куютъ или точатъ оружье,
 Имѣютъ сосуды, готовятъ себѣ
 Хмѣльные напитки и разную пищу.
 Младой Селянинъ, ораломъ своимъ
 Или златой сошкой, что съ неба ушала,
 Еще раскаленной огнемъ неземнымъ,

Ореть уже землю. Онъ также владѣть
 Яромъ золотымъ, золотымъ топоромъ,
 Такою же чашей,—всѣмъ этимъ снабдилъ
 Его небеса. Онъ любимъ божествомъ,
 И смотритъ главою арійскаго рода.
 Его жизнь проходитъ въ полезныхъ трудахъ;
 Онъ чтить всего больше родимую землю;
 Его родъ отважный, въ долбленныхъ ладяхъ,
 Браздить уже рѣки, а, можетъ, и море. 9)

~~Съ развитьемъ людей, и въ святыхъ небесахъ
 Свершились также свои перемѣны:~~
 Миръ новый ужъ знаетъ семь горнихъ небесъ,
 На мѣсто трехъ прежнихъ; тогда какъ вначалѣ
 Одно было небо. Сварогъ-Дій исчезъ,
 Явились сыны его, новые боги;
 Земля прозвалася Деметрой-благотой,
 Божественной Дивой, божественной Ладой,
 Супругою неба, богиней святой,
 Праматерью міра и всѣхъ въ немъ живущихъ.

На самомъ Востокѣ, въ дворцѣ золотомъ,
 Царить молодой богъ, всезрящее Солнце,—
 Дагбогъ или Вишну, богъ съ острымъ мечемъ,
 Всевѣдъ златовласый, всезидущій Митра.
 Его дворъ на скользкой стеклянной горѣ;
 Богъ-Солнце сидитъ на золотомъ на престолѣ;
 При немъ, какъ при высшемъ небесномъ царѣ,
 Живутъ для прислуги красавицы-сестры;
 Одна, Заря утра,—ему подаетъ
 Коней, запряженныхъ въ злату колесницу;
 Царь дня на небесный подымается сводъ,
 И міръ озаряетъ своими лучами;
 Другая, въ концѣ дня, встрѣчаетъ его,
 И стелетъ въ багряныхъ водахъ океана
 Ему постель на ночь.. Тамъ ждетъ своего
 Безсмертнаго друга царица въ коронѣ,
 Красавица Лада. Всю ночь Солнце съ ней
 Проводитъ любовно до поздняго утра.

*

Въ дворцѣ его свѣтломъ сидятъ семь судей,
 Планетъ переходныхъ; среди нихъ, его дяди
 Иль братъ, лысый Мѣсяцъ. Семь вѣщихъ кометъ,
 Семь вѣстниковъ быстрыхъ, разносятъ по свѣту
 Велѣнія Солнца.

Едва видный слѣдъ
 Ведетъ къ его трону стеклянной горою.
 На самой срединѣ, сидятъ по горѣ
 Двѣнадцать, рожденныхъ имъ, мѣсяцевъ года;
 Но каждый имѣетъ въ извѣстной порѣ
 Особый дворецъ еще, въ горнихъ созвѣздыахъ.

При нихъ роженницы, или дѣвы судьбы,
 Пророчицы, вилы и дѣвы Солнца:
 Онѣ назначаютъ дни тяжкой борьбы
 И радостей смертнымъ; онѣ прядутъ нити
 Короткой ихъ жизни; у нихъ же въ рукахъ
 Недоля и доля людей, съ дня рожденья.

На свѣтломъ Полуднѣ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ
 Блестящаго неба, гдѣ ярче сіяетъ
 Палящее солнце, тамъ мирно живетъ
 Миръ свѣтлый усопшихъ. Надъ ними издревле
 Господствуетъ Яма, старинный нашъ Родъ,
 Прапрадѣдъ Микулы, — тотъ перворожденный
 И первоусопшій прапращуръ людей,
 Что мечетъ на землю небесныя груды.
 Тамъ, въ горнихъ пространствахъ, среди яркихъ лучей
 Веселаго солнца, престоль его мирный
 И царство блаженныхъ; тамъ эта страна
 Родителей, дѣдовъ, гдѣ ихъ ожидаютъ
 Вновь радости жизни. Тамъ вѣчно весна,
 Душевное счастье, поютъ сладко птички,
 Всегда зеленѣютъ деревья, журчитъ,
 Лаская, какъ музыка, слухъ, въ тѣни роцей
 Небесный источникъ воды, шелеститъ
 Едва вѣтерокъ по цвѣтамъ благовоннымъ...
 Заря, сестра Солнца, царица тѣхъ мѣстъ,
 Впускаетъ ихъ души въ златое оконце,
 И тамъ ихъ покоить.

Какъ искорки звѣздъ,
 Несутся туда, по воздушному морю,
 Съ душами усопшихъ златяя ладья,
 Которыми правятъ особые боги,
 Блюстители этого груза земли.
 Въ замѣнъ, Родъ бросаетъ оттуда на землю,
 Отдѣльно для каждой подлунной страны,
 Небесныя груди еще душъ не жившихъ:
 То души младенцевъ, что также должны,
 Окончивъ земной путь, къ нему возвратиться.

На Сѣверѣ дальнемъ, въ зеленыхъ садахъ,
 Въ воздушныхъ чертогахъ, живетъ черноудрый,
 Съ златой бородою, ужасный въ болахъ,
 Богъ свѣтлый эфира и горняго свѣта,
 Верховный богъ молній и страшныхъ громовъ,
 Другъ пахарей мирныхъ, благой покровитель
 Полей и садовъ ихъ, гроза злыхъ духовъ
 И гордыхъ титановъ, блистательный Индра,
 Перунъ нашъ Громовникъ.

Онъ молнией своей
 Насквозь пробиваетъ воздушныя горы,
 И свѣжею влагой небесныхъ ключей
 Оттоль наполяетъ засохшую землю.

Онъ на смерть сражаетъ скрывателя воли,
 Воздушнаго змѣя Засуху и мѣру
 Даетъ плодородье

Съ нимъ вмѣстѣ живетъ
 Слуга и товарищъ, божественный Грита,
 Стражъ нашъ славянской, что дышетъ съ небесъ
 На землю, то бурнымъ, то теплымъ дыханьемъ.
 Ихъ общею силой въ то время чудесъ
 Сраженъ семихвостый драконъ, троеглавый
 Твасютру, тотъ змѣй, что похитилъ коровъ
 Небеснаго стада, и Вритру, — сообщникъ,
 Который укрылъ ихъ въ горахъ облаковъ.

Въ Египтѣ тотъ самый же Индра-громовникъ,
 Всемѣстный каратель злыхъ демонскихъ силъ,
 Принялъ имя Шезъ, и убилъ тамъ дракона

Мертвѣщей все ночи. У грековъ сразилъ
 Онъ змѣя Пифона, и сталь сребролузивъ,
 Младымъ Аполлономъ, назначивъ свой храмъ,
 Едва не всемірнѣй, средой прорицаній.

Но прежде всѣхъ странствій по дальнимъ странамъ,
 Онъ далъ первымъ людямъ огонь свой небеснѣй.

Какъ самъ отецъ молнѣи и бога Агни,
 У насъ Радегаста, онъ бросилъ на землю
 Небесное пламя, — и многіе дни

Міръ въ пламени этомъ чтилъ новаго бога.

На Западѣ темномъ царить богъ Воданъ,
 Старинный Варуна, богъ горнаго моря,
 Царь тучъ, освѣжитель благой земныхъ странъ,
 Вседѣрный податель живой воды Сомы.

Изъ этой-то бездны повисъ надъ землей
 Тотъ дубъ-Стародубъ, та смоковница міра,
 Златая та ясень, отколь міръ возникъ
 И самое небо шло изъ начала.

Она даетъ людямъ земные плоды;
 Ея вѣтви сочатъ напитокъ безсмертья;
 Она земледѣльцевъ питаетъ труды,
 На ней утвердилъ богъ предвѣчный вселенну;
 Подъ нею пасется, средь горныхъ луговъ,
 Воздушное стадо коней златогривыхъ,
 Овецъ свѣтлорунныхъ, небесныхъ коровъ,
 И черныхъ, и рыжихъ. Пасеть ихъ богъ пѣсець,
 Велесъ златокудрый; а ихъ стережетъ
 Лихой пѣсь, сынъ Вритру, — не нашего-ль Вѣтра?—
 Лохматнѣй Сарани.

Сюда хороводъ

Слетается нимфъ, тѣшитъ страстною пляской
 Боговъ вѣковѣчныхъ; здѣсь бурное царство
 Титановъ сѣдыхъ; здѣсь по темнымъ ночамъ
 Они забавляются дикою охотой,
 Приятной неменьше и горнимъ богамъ.
 По этимъ-то безднамъ отжившія души,
 То въ образѣ легкихъ, златыхъ мотыльковъ,
 То мальчиковъ съ перстикъ, съ земли отлетаютъ

На небо, — сперва въ темный міръ облаковъ,
И прямо оттуда, въ блаженный край Рода.
По этому-жъ морю, въ ладѣ золотой,
Во мглѣ развѣзжаетъ и тотъ перевощикъ,
Что ихъ доставляетъ на вѣчный покой,
Въ міръ свѣтлый блаженства.

На Западѣ жъ дальнемъ
Считался и тотъ міръ, столь страшный живымъ,
Гдѣ царствуетъ Навій съ женою Мараной.
Держа въ рукѣ жезль, онъ ворочаетъ имъ
Громадныя груды костей, — прахъ усопшихъ;
У ногъ копошатся его муравьи
И вороны. Послѣ означилось тутъ же
И царство Мороза. Богъ поздній земли,
Онъ все-таки старъ ужъ, съ сѣдой бородою,
Закутанъ весь въ бѣлый мохнатый зипунъ;
Но онъ босоногъ и безъ шапки, съ желѣзной
Въ рукахъ булавою. То царь-Карауль;
Съ нимъ царствуютъ вмѣстѣ Сонъ тихій съ Дремою ¹⁰⁾.

Но весь первобытный край этотъ земной,
Тотъ Вырій блаженный, гдѣ жилъ родъ арійскій,
Сравнительно былъ онъ мірокъ небольшой,
Еще влажный островъ, — отъ высей Алтая
До горъ Гиммалайскихъ, омытый кругомъ
Сѣдымъ океаномъ; а дальнія страны
Европы, что этотъ родъ занялъ потомъ,
Скрывались въ то время еще подъ водою.
Весь Сѣверъ Россіи, отъ горныхъ вершинъ
Страны Скандинавовъ до высей Рифейскихъ,
Въ то первое время былъ только одинъ
Пустой, длинный островъ. Гдѣ царствуетъ нынѣ
Британскій левъ, — смутно, сѣдой полосой
Бѣлѣла гряда островковъ, простираясь
До нынѣшней Бельгіи, тою порой
Еще составлявшей дно бурнаго моря.
Арденскія горы и весь край лѣсной
Срединной Германіи, часть земли Галловъ.

Имѣли видъ также большихъ острововъ;
 А вся остальная Европа лежала
 Еще подъ водою, — и много вѣковъ
 На Западѣ темномъ лишь царствовалъ древній
 Воданъ, богъ тумановъ.

Но чудно была,

За то величава земная природа.
 Курясь благовоньемъ, земля вся цвѣла
 Тропическимъ садомъ; тѣнистыя рощи
 Мимозъ многоцвѣтныхъ, тюльпанныхъ деревъ,
 Какъ пурпуръ горящихъ, густыхъ олеандровъ,
 Широкихъ смоковницъ; глубь темныхъ лѣсовъ
 Лавровыхъ и миртовыхъ; сверху аркады
 Тропическихъ злаковъ, ползучихъ лианъ;
 Въ шумящихъ потокахъ громадные листья
 Зеленыхъ нимфей; а кругомъ — океанъ,
 То темный и бурный, то ярко-блестящій
 Въ лучахъ жарвихъ солнца; вездѣ блескъ и тѣнь,
 Прозрачное небо весны первобытной;
 Волшебныя ночи, сіяющій день,
 Чертогъ исполинскій боговъ и чудовищъ.

Въ лѣсахъ раздается рыканье звѣрей;
 Деревья трещать подъ неист. вой битвой
 Бизона со львомъ; близъ жилища людей
 Свободно гуляютъ тапиръ, мастодонты,
 Чудовищный мамонтъ; стада обезьянъ,
 Гиббонъ и Горилла, играютъ по вѣтвямъ
 Гигантскихъ деревьевъ; огромный кайманъ
 Съ чудовищной, хищной, какъ онъ, черепахой
 Ползутъ по болотамъ; средь илистыхъ водъ
 Кишатъ саламандры или діатомги,
 И ужъ воздвигаютъ незримый оплотъ
 Всемирному морю своимъ наслоеньемъ¹¹⁾.

То былъ потрясеній земныхъ періодъ
 И переворотовъ, — и самыя звѣзды
 Сіяли иначе еще въ небесахъ.
 Златыя созвѣзды Креста и Центавра
 Видялись на нашихъ еще широтахъ;

Но Сиріусъ, поясъ златой Оріона,
 Здѣсь были незримы; за то во весь свѣтъ
 Горѣло ~~созвѣдье~~ ^{блестящее} Лиры, —
 Какъ это ~~вновь~~ ^{будетъ} ~~чрезъ~~ ^{тысячи} ~~лѣтъ~~,
 Когда совершатъ онѣ кругъ ихъ теченій ¹²).

Микула былъ также до жизни земной
 Небесною искрой, и пахаремъ горнимъ,
 Когда, какъ Громовникъ, своею сохой
 Пахаль онъ на небѣ дождливыя тучи;
 Когда-же родился, тогда за нимъ вслѣдъ,
 (Оттуда ушла и сошка на землю.

Соха была первый успѣхъ, первый свѣтъ,
 Что внесъ онъ съ собой въ кругъ общественной жизни.
 При самомъ началѣ имѣла она
 Лишь видъ колеса иль, по древнему, Кола;
 Сперва и Микулу родная страна
 Звала Колываномъ; онъ былъ дивъ бродячій
 И князь колесницы. На ней онъ воздвигъ
 Сперва себѣ кущу или коломигу;
 Но скоро разумный его духъ постигъ
 Свое назначенье, — онъ снялъ эту кущу
 Съ колесъ подвижныхъ и срубилъ прочный домъ;
 Обнесъ постоянный домъ этотъ оградой,
 И сдѣлался, въ Вырѣ еще родномъ,
 Осѣдлымъ хозяиномъ.

Князь колесницы
 Извѣстенъ и въ Индіи, гдѣ мѣръ былой
 Его звалъ Накулой. Быть можетъ, Накулой
 Звался и Микула; но край нашъ родной,
 Иль лучше Микулы-жъ сыны измѣнили
 Потомъ его имя, и стали они
 Его звать Микулой ¹³).

Какъ старшій сынъ Неба,
 А можетъ, и самъ воплощенный Агни,
 Микула, срубивъ домъ и сдѣлавъ ограду,
 Воздвигъ, какъ водилося въ первые дни,
 Въ срединѣ жилища, домашнему богу,

На камнѣ широкомъ, священный очагъ.
 Вокругъ огня сѣло родное семейство,
 И каждый пришелецъ, будь лютый онъ врагъ,
 Присѣвъ къ очагу или коснувшись рукою,
 Былъ гостемъ священнымъ и членомъ семьи.
 Какъ домовладѣлецъ или огнищанинъ,
 Микула сталъ первымъ владѣльцемъ земли,
 Гдѣ онъ обиталъ; какъ старѣйшина-жъ въ родѣ
 И старшій членъ въ домѣ, онъ былъ ужъ главой.
 Семейства и рода. Когда-жъ рзрослися
 Семейство и родъ сего, поздней порой,
 И стали народомъ, онъ сталъ господиномъ,
 Главою народнымъ ¹⁴).

Какъ царь очага и потомокъ боговъ,
 Микула приноситъ имъ первую жертву
 Отъ лучшихъ избытковъ домашнихъ трудовъ
 Своей сельской жизни. За это родъ-племя
 Его нарекаетъ верховнымъ жрецомъ,
 Кѣмъ онъ и остался.

Великій то день былъ,
 Тотъ день первой жертвы, и много потомъ
 О ней говорили и люди, и боги;
 То первая жертва отъ смертныхъ была
 Богамъ вѣковѣчнымъ, знакъ перваго рабства;
 Высокимъ значеньемъ своимъ привлекла
 Она *то* боговъ и сонмъ цѣлый народный.
 Ее изготовилъ сынъ вѣчныхъ боговъ,
 Мужъ, въ родѣ старѣйшій, при общемъ содѣйствѣ,
 Имъ собранныхъ, прочихъ старѣйшинъ —отцовъ
 И всѣхъ старшихъ въ родѣ.

Свершилось тутъ нѣчто,
 Подобное чуду той жертвы святой,
 Когда самъ создатель божественный міра
 Принесъ себя въ жертву за міръ сей земной,
 Себѣ самому, и тѣмъ создалъ вселенну.
 «Весь сонмъ боговъ горнихъ и полубоговъ
 Принесъ его въ жертву,» — черезъ что и раскрылась
 Та дивная книга древнѣйшихъ вѣковъ,

Глубокая книга, что такъ и зовется
Понимъ Глубинной.

«На сколько-жъ частей
Распалася жертва, чтобы создать миръ сей?»

А вотъ, посмотрите, что искони дней

~~Написано въ книгѣ о томъ Голубиной:~~

«Луна произошла отъ разума Божьяго *),

«А солнце зародилось отъ очей его;

«Дыханье и воздухъ изошли отъ ушей его,

«Огонь отъ свѣтлыхъ устъ его;

«Тончайшій эфиръ отъ чрева его,

«Твердь отъ главы, земля отъ ногъ его,

«А пространство отъ уха его;

«Такъ создались всѣ міры и вселенна.

«Отъ этой же жертвы всемірной

«Потомъ создались мудрецы и всѣ люди;

«Жрецы произошли отъ головы Божіей,

«А воины отъ руки его,

«Земледѣльцы отъ чрева его,

«А ремесленники отъ ноги его.»

И вотъ, лишь Микула принесъ свою жертву,

Въ то-жъ самое время раскрылась предъ нимъ

И эта живая, Глубинная книга;

И онъ могъ читать передъ родомъ своимъ

Въ той книгѣ всемірной, затѣмъ что отнынѣ

Онъ сталъ просвѣтленнымъ, народнымъ жрецомъ,

А первая эта священная книга

Теперь становилась начальнымъ звѣномъ

Дальнѣйшихъ религій его и потомства.

«Всходила туча претемная,

«Претемная и прегрозная;

«Изъ-подъ той тучи тем ой

«Выпадала книга Голубиная....

«Великая книга Голубиная!

«Вдолину книга сорока локоть,

«Поперекъ книга тридцати локоть,

*) Индѣйское преданіе.

«Въ толщину книга десяти локоть.
 «Не узнать въ книгѣ, что написано,
 «На рукахъ держать книгу, не удержатъ будеть,
 «Умомъ сей книги не сосмѣтати:
 «И очамъ книгу не обзрѣти.
 «Великая книга Голубиная!
 «По книгѣ ходить, всю не выходить,
 «А строки Божіи не вычитать».
 «Тутъ сама книга распечатывалась,
 «Сами листья раскладалися,
 «Слова Божіи прочиталися:
 «Зачинался у насъ бѣлый свѣтъ
 «Отъ самаго Христа, царя небеснаго,
 «Солнце красное отъ лица Божіа,
 «Зори ясныя отъ ризъ Божіихъ,
 «Младъ свѣтель мѣсяць отъ груди Божіихъ,
 «Буень вѣтеръ отъ воздоховъ,
 «Дробень дожднень отъ слезъ Его,
 «Народъ Божій отъ Адамія....*)¹⁵⁾

Такъ съ каждымъ столѣтьемъ міръ этотъ земной
 Старался все глубже постичь Божьи тайны;
 И тою же самой пытливой душой
 Творилъ непрестанно боговъ себѣ новыхъ.
 Но хотъ величались богами они,
 А въ сущности были вассалами только
 Сварога иль Діа, что въ первые дни
 Считался единственныиъ богомъ вселенной.
 Закончивъ свое мірозданье, Сварогъ
 Вручилъ управленіе юной вселенной
 Богамъ подчиненнымъ, и горній чертогъ
 Закрѣлъ навсегда его образъ отъ смертныхъ.
 Земля стала леномъ сихъ новыхъ боговъ,
 А онъ какъ бы сдѣлался ихъ государемъ;
 Однако они, изъ земныхъ вѣхъ даровъ,
 Ему подносили одно уваженье;
 А имъ самимъ люди покорной земли

*) Русское, измѣненное христіанствомъ, преданіе.

Должны были стропить красивые храмы,
 Давать приношенья отъ каждой семьи.
 И каждаго племени, въ образѣ жертвы,
 Изъ лучшихъ животныхъ и лучшихъ плодовъ,
 И даже изъ кровныхъ сыновъ-первородныхъ;
 Кормить и поить ихъ надмѣнныхъ жрецовъ.
 И слѣпо покорствовать волѣ ихъ. Словомъ,
 Они, боги, стали царями земли,
 Ея господами; отъ нихъ исходили
 Правители міра, главы, судіи;
 У нихъ въ рукахъ были богатство и сила;
 Они раздавали народамъ судьбы,
 Недолю и долю; все страны земныя
 И частные люди имъ стали рабы.
 Искали щедротъ ихъ, страшились ихъ гнѣва;
 Въ ихъ честь учреждали свещенные дни
 Безразличныхъ празднествъ и шумныхъ попойекъ;
 Гордились, когда въ чихъ семействахъ они
 Себѣ избирали красивыхъ наложницъ;
 Желали имѣть отъ нихъ лоя дѣтей.
 Безмолствовали разумъ предъ силой державной
 Владыкъ сихъ всемірныхъ. На смиренныхъ людей
 Отъ нихъ исходили все блага земныя.
 Въ награду; по длинный рядъ страшныхъ бѣдъ,
 Болѣзни и голодъ, и морь, и засуха,
 Людей ждалъ строптивыхъ

Такъ, съ первыхъ же дней
 Самъ родъ человѣческій выразилъ явно
 Свою склонность къ расовымъ

Какъ сынъ же земли,
 Микула чтилъ силу боговъ вѣковѣчныхъ,
 И жертвовалъ въ даръ имъ избытки свои;
 Вѣрховная власть ихъ надъ міромъ служила
 Ему образцемъ и эгидой святой
 Для собственной власти его надъ семействомъ
 И племенемъ-родомъ. Чтя промыслъ благой
 Небесныхъ владыкъ, онъ поддерживалъ этимъ
 Свое назначенье и власть надъ страной;

Но онъ ощущалъ и въ себѣ самомъ также
 Присутствіе высшихъ, божественныхъ силъ;
 И въ немъ рдѣлась искра небснаго свѣта,
 Той огненной груди, въ которой онъ жилъ,
 Когда Родъ безсмертный, богъ-Щуръ его древній,
 Его бросилъ съ неба. Онъ самъ былъ Агни,
 Духъ огненный, только закованный въ тѣло.
 Затѣмъ и молитвы его въ эти дни
 И самыя жертвы богамъ вѣковѣчнымъ
 Совсѣмъ не имѣютъ простой видъ мольбы,
 Но больше видъ строгій святыхъ заклинаній;
 Онъ самъ становился владыкой судьбы
 И прямо вступилъ съ божествами въ условья.
 Они должны были исполнить все то,
 Чего онъ хотѣлъ, а въ замѣнъ онъ давалъ имъ
 Условную жертву. Все было ничто
 Предъ вѣщимъ его и таинственнымъ словомъ:
 Онъ зналъ его силу, и слово его
 Имѣло способность творить заклинанья;
 Онъ могъ все заковать имъ, — и больше всего
 Страшился боги Микулина слова.
 Мибула былъ духъ самобытный для нихъ,
 И боги нерѣдко должны были сами
 Ему уступать въ предрѣшеньяхъ своихъ,
 И съ нимъ соглашаться. Не меньше страшила
 Ихъ также потребность развитія въ немъ,
 Врожденная жажда его даровъ свѣта, —
 Даровъ высочайшихъ въ семь мірѣ земномъ;
 И боги старались, для собственной пользы,
 Держать его въ рабствѣ, во мракѣ быломъ,
 Который и есть то ужасное рабство.

Боялись тогда не на небѣ одномъ
Его вѣщей силы. Однажды увидѣлъ
Мибулу на папнѣ дитя-великанъ,
И къ матери съ смѣхомъ бѣжить великаншѣ:
«Смотри, мать, какой тамъ торчитъ мальчуганъ,
Его посажу на ладонь я и съ сошкой!»

Но мать ему строго на то говорить:
 «Дитя, берегись ты того мальчугана;
 Ахъ, много онъ, много намъ бѣдъ натворить;
 Онъ нѣкогда стонить насъ съ блага свѣта!»¹⁷⁾

Безсмертные сами кишѣли враждой
 И завистью самой земною другъ къ другу,
 И часто мѣшали и миръ тотъ былой
 Въ свои безконечно-кровавыя распри.
 На Индѣ господствовалъ строгій браминъ;
 Блестящій богъ Вишну гналъ грознаго Сиву;
 Лишь древнѣй Иранъ, край широкихъ равнинъ,
 Еще поклонялся водамъ и планетамъ,
 И долго не вѣдалъ иныхъ онъ боговъ,
 Опречь бога—Неба, Зерванъ-Акерена;
 Пока Зароастръ, мужъ позднѣйшихъ вѣровъ,
 Не внесъ въ страну персовъ Бѣлбога—Ормузда,
 Творца человѣка и горныхъ мировъ,
 И съ нимъ Аримана или Чернобога.

Родъ древнѣй Микулы сперва проживалъ
 Въ ихъ Вырїи древнемъ, — между Индостаномъ
 И свѣтлымъ Ираномъ; когда же онъ сталъ
 Потомъ размножаться, тогда поселился
 Въ гористомъ Пенджабѣ, гдѣ въ кущахъ простыхъ
 Тогда жили Саки. Подъ именемъ Вакха
 И бога Гермеса, сихъ первыхъ земныхъ
 Учителей жизни осѣдой гражданской,
 Микула не разъ, можетъ быть, обходилъ
 Ближайшія страны, внося земледѣлье.
 Съ нимъ сходенъ и Сива, чье имя включилъ
 Въ свои онъ преданья; они были оба
 Владыки огня, и какъ тотъ и другой—
 Отцы земледѣлья и праздниковъ сельскихъ,
 И оба исполнены этой порой,
 То мрачныхъ порывовъ жестокости дикой,
 То благости вроткой.¹⁸⁾

Не чуждъ ему былъ,
 Быть можетъ, и весь древнѣй миръ Индостана;

Не съ той ли поры онъ еще сохранилъ
Преданье, о чудномъ рожденіи Кришны,—

«Когда синее море всколыхалось,
«Высокія горы всколебались,
«Заблестали огни разноцвѣтные,
«Засверкали звѣзды яркія,
«Застучали барабаны небесныя,
«На землю пролился цвѣточный дождь»?..

Не тамъ-ли онъ взять первообразъ былой
И древнихъ преданій своихъ богатырскихъ,
Что онъ передѣлалъ позднѣйшей порой,
Подобно всѣмъ прочимъ народамъ арійскимъ,
Когда сталъ жильцомъ онъ Полуночныхъ странъ,
Въ родныя былинны?... Но то несомнѣнно,
Что больше всего повліялъ Индостанъ
На древнюю вѣру его и обряды:
Нигдѣ столько нѣтъ, какъ у первыхъ славянъ,
Боговъ многоглавыхъ и празднествъ народныхъ,
Столь близкихъ къ Индѣйскимъ.

Микула-ль ихъ взяли

Себѣ въ Индостанѣ, иль ихъ основанье
Въ томъ Вырѣ древнемъ, гдѣ онъ обиталъ;
Но сходство ихъ явно.

Такъ праздникъ великій

У насъ и на Индѣ былъ встрѣча весны,
Иль день пробужденія свѣтлаго Вишну,
И день поворота, съ сѣдой старины,
Не менѣ чтимый, когда повернется
Богъ дня на другой бокъ. Тогда же большой
Былъ праздникъ въ честь Индры.

Съ пришествіемъ ~~этой~~

Таинственный образъ богини земной,
Божественной Ганги, торжественно мыли
Въ священныхъ водахъ,— и затѣмъ, пять-шесть дней
Его обвозили въ златой колесницѣ,
Открытый очамъ всѣхъ усердныхъ людей;
Что также гораздо позднѣе свершалось
И здѣсь, на Поморьѣ. Предъ осенью, ей

~~Потомъ приносились особыя жертвы:~~
~~У насъ же се обмывавшихъ людей~~
~~Тотчасъ же топили.~~

Затѣмъ, въ Индостанѣ

Быль праздникъ въ честь Ями, — поминки отцовъ
 Усопшихъ, что тамъ приходилось въ то время,
 Когда пробуждалась земля изъ оковъ
 Мертвящей все стужи, и юное солнце
 Опять воскресало. Съ сѣдой старины
 Тогда подавались, на память усопшихъ,
 Лепешки изъ риса, иль наши блины.

Весною, когда день равняется съ ночью,
 Сбирались старѣйшины ихъ и князья
 Еще на какой-то торжественный праздникъ.
 Но праздникъ славнѣйшій, что наша земля
 И жители Инда свершаютъ понынѣ,
 Со всѣми обрядами даже тѣхъ дней,
 Быль праздникъ веселый младаго Ярила,
 Индѣйскаго Сивы, кормильца людей
 И главнаго бога земныхъ всѣхъ зачатій.
 Въ дни лѣтніе Сива вдыхаетъ собой
 Страсть яркую въ каждое сѣмя земное;
 Онъ стволъ — источникъ, богъ силы живой,
 Онъ щедрый разсадникъ всезидущей жизни.
 У насъ онъ — Ярила; нашъ край приносилъ
 Издревле коней ему бѣлыхъ на жертву,
 И лучшихъ изъ плѣнныхъ. И долго хранилъ
 Миръ древній повсюду сей старейшій обычай ¹⁹⁾.

Различіе, впрочемъ, небесныхъ боговъ
 Отъ смертныхъ вначалѣ не такъ было сильно,
 Какъ сдѣлалось позже. Въ теченіи вѣковъ,
 Явились пустынные, свѣтлые мужи,
 Чей вдумчивый разумъ уже понималъ,
 Что боги могучи лишь силой безплотной,
 И если бь до нихъ кто достичь пожелалъ,
 То можетъ достигнуть. Для этого надо

Строптивное тѣло свое соблюсти
 Отъ всякихъ соблазновъ и, силою воли,
 Очистивши душу, себя возвести
 На степень безстрастья.

Мыслители эти

Не спорили противъ боговъ; но нашли,
 Что всякій посредникъ межъ нихъ и богами
 Излишенъ,—что небо, сей свѣточъ земли,
 Должно быть открыто для всякаго духа
 И мысли свободной. Творецъ и герой,
 И первый учитель сей мысли отважной
 Былъ первый Будда,—богъ иль смертный простой,
 Но уже предмѣстникъ Буддъ этихъ позднѣйшихъ,
 Что подняли послѣ ученье свое
 На высшую степень религіи новой.
 Кто-бъ ни далъ ученью тому бытіе,—
 Одинъ изъ потомковъ-ли новыхъ Микулы,
 Иль самъ онъ, Микула; но мысли его
 Вошли въ достоянъ народовъ арійскихъ.

Для гордыхъ боговъ не могло ничего
 Тогда быть опаснѣй, какъ это ученье,
 Равнявшее съ ними земнаго Будду;
 И тою порою, когда онъ, вперивши
 Въ себя свои взоры, уткнувши браду
 Въ свое чрево, годы сидѣть неподвижный,
 Какъ мертвый, иль камню подобный, стоялъ
 Въ святомъ созерцаньи, онъ былъ имъ ужасенъ.
 Еще онъ ужаснѣе былъ ихъ жрецамъ,
 Священнымъ браминамъ, которымъ грозило
 Ученье его, какъ и самымъ богамъ,
 Конечнымъ паденьемъ. Рядъ страшныхъ гоненій
 И казней жестокихъ послѣдній Будда
 Навлекъ на себя по всему Индостану
 Симъ страшнымъ расколомъ; и даже, когда
 Ужь онъ утвердился на цѣломъ Востокѣ,
 На Индѣ чуждались его; лишь Цейлонъ
 Призналъ и усвоилъ его духъ свободный ²⁰).

Главѣйшіе боги сначала временъ
 Провидѣли сами, что въ дальнемъ грядущемъ
 Ихъ царству назначенъ былъ также предѣлъ;
 Они проникали грядущую силу
 Судебъ челоуѣка, чей славный удѣлъ
 Идти непрестанно къ благому развитію.
 Всеобщій творецъ и отецъ ихъ, Сварогъ,
 Вручивши новѣйшимъ богамъ управленье
 Подлуннаго міра, замкнулся въ чертогъ
 Божественной славы, и тамъ оставался
 Въ нѣмомъ созерцаньи событій земныхъ;
 Но всѣ они знали, что нѣкогда,—скоро,
 Въ средѣ самихъ смертныхъ, рабовъ ихъ слѣпыхъ,
 Должно воплотиться безсмертное Слово;
 Что въ мірѣ родится Бого-челоуѣкъ,
 Божественный вождь и учитель народовъ,
 Чья дивная мудрость создастъ новый вѣкъ
 И новое общество, къ благу вселенной.
 Они даже знали, что явится онъ
 Черезъ пять вѣковъ позже того, какъ родится
 Буддою богъ Вишну,—и съ этихъ временъ
 Настанетъ божественный вечеръ небесныхъ
 Величій. ²¹⁾

Микула имѣлъ двоихъ братьевъ. Князь Щить
 Считается братомъ старѣйшимъ Микулы;
 Онъ былъ покровитель, какъ древность гласитъ,
 А можетъ, и первый царекъ древнихъ Скифовъ.
 Отъ слова: щить, древніе греки потомъ
 Его звали Скитомъ и Скифомъ; но наши
 Славяне, на прежнемъ нарѣчьи своемъ,
 Отъ этого жъ слова, себя называли
 Сколотами, такъ какъ по ихнему: щить
 Звался прежде скутомъ, скугудомъ и скитомъ.
 Другой братъ Микулы, о комъ говорить
 Глубокая древность, звался князь-Стрѣлою;
 Онъ былъ обладатель колчана и стрѣлъ,
 А домъ подвижной свой возилъ на колесахъ;

Вель жизнь кочевую, однако имѣлъ
 Священный очагъ и стада съ табунами,
 Что онъ отбивалъ у осѣдлыхъ племень.
 Еще въ свою юность училъ онъ Иракла
 Владѣть мѣткимъ лукомъ, и съ древнихъ временъ
 За то былъ въ почетѣ и славѣ у Грсковъ,
 Какъ сынъ бога Солнца. Эллада ему
 Воздвигнула храмъ, а потомъ учредила
 Торжественный праздникъ, — ему одному
 Изъ всѣхъ иноземцевъ довѣривъ nocturnam
 Въ ея градахъ стражу ²²).

Той самой порой,
 Когда сталъ Микула владѣтелемъ сошки,
 Еще раскаленной въ пучинѣ златой
 Небснаго Солнца, князь-Щитъ и Стрѣла-князь,
 Пѣнныя вещью столь дорогой,
 Хотѣли ее взять у младшаго брата;
 Но только коснулись, она обожгла
 Обоимъ имъ пальцы, и тѣмъ заявила,
 Что рьянымъ ихъ силамъ пора не пришла
 Мѣнять лукъ и щитъ свой на трудъ столь тяжелый,
 Какъ трудъ земледѣльца. Съ того дня была
 Оставлена сошка Микулы въ покоѣ;
 А онъ сталъ старѣйшиной, княземъ, главой, —
 И братья признали Микулину мудрость.

Тогда князь-Стрѣла, какъ мракъ ночи глухой,
 Съ нагорными вмѣстѣ спустился облаками,
 Съ звѣздами, что блещутъ по тверди ночной,
 Съ степнымъ буйнымъ вихремъ и бурей песчаной,
 Сошелъ съ Гиммалайскихъ священныхъ высотъ
 Въ пустынные доли и степи Турана,
 Гдѣ только отхлынулъ тогда разливъ водъ
 И чудные злаки волшебнаго Юга,
 Еще не поблекнувъ подъ солнцемъ степнымъ,
 Собою украшали цвѣтущую землю;
 Межь тѣмъ, какъ въ сосѣдствѣ съ симъ міромъ ночнымъ,
 Въ странѣ благодатной и мирной Ирана,

Въ томъ царствіи солнца и яснаго дня,
 Благой Магабадъ и Джемшидъ велемудрый,
 Извлекшій впервые огонь изъ кремня
 И первый воздвигнувшій градъ на утесахъ,
 Что даже понынѣ въ мѣстахъ тѣхъ слыветъ
 Престоломъ Джемшида,—сповойно вносили
 Божественный свѣтъ просвѣщенья въ народъ
 И въ немъ развивали начала гражданства. ²³⁾

Пока мы не знаемъ почти ничего
 О самыхъ древнѣйшихъ потомкахъ Микулы;
 Но знаемъ, что были въ семьѣ у него
 Три дочери. Старшей, по имени Грозной,
 Онъ далъ назначенъе быть вѣщамъ посломъ;
 Не грознымъ посломъ-ли къ небесному Роду,
 Старинному Ямъ, куда съ торжествомъ
 Она провожала закланныя жертвы?..
 Какъ грозная Кали у индовъ, она
 Звалась также Грозной, и также считалась,
 Какъ та, справедливой; но наша страна,
 Забывъ древній образъ, едва сохранила
 Одно ея имя.

Другая за ней

Микулина дочь,—та была богатыршей,
 Какихъ было много въ началѣ тѣхъ дней.
 Подобно индѣйской, воинственной Дургѣ,
 Она проводила все время въ войнѣ
 Съ ужасною ратью тогдашнихъ титановъ;
 Когда-жъ водворился порядокъ въ странѣ,
 Она превратилась въ блистательный образъ
 Нѣжнѣйшей супруги.

Старѣйшей сестрой,
 Посредницей сей межъ землею и небомъ,
 Могъ быть учрежденъ еще тою порой
 Сомнѣ дѣвъ щитоносныхъ, что съ нею душили
 Знатнѣйшія жертвы, сливая потомъ
 Священную кровь ихъ въ котлы золотые,
 Для вѣщихъ гаданій передъ божествомъ.
 Она же учила, быть можетъ, гадальщицъ

И дѣвъ прорицанья, что съ древнихъ вѣковъ
 Тогда торговали ихъ вѣщей наукой,
 И знали примѣты, значеніе сновъ,
 Снимали болѣзни. Повсюду встрѣчали
 Ихъ съ честью, какъ дивныхъ посланницъ боговъ,
 Какъ вѣстницъ судьбы и властительницъ счастья,
 Онѣ принимали рожденныхъ дѣтей;
 Онѣ-жъ назначали имъ будущій жребій
 Давали наузы *), и силой своей
 Могли исцѣлять и урочить заочно.

Тогда, вѣроятно, для нихъ не чужимъ
 И край былъ степной, и побережя Инда,
 И весь міръ окрестный. Вернувшись къ своимъ,
 Онѣ приносить могли также рассказы
 Про чудныхъ брахмановъ и новыхъ боговъ,
 Степныхъ батырей и коней ихъ чудесныхъ;
 Все это слагалось въ теченіи вѣковъ
 Въ чудесныя были; народъ ихъ усвоилъ,
 Но послѣ немногое въ нихъ сохранилъ;
 Затѣмъ и составились наши былины,
 Изъ темныхъ отрывковъ.

Такъ край позабылъ

Совсѣмъ и о дочери младшей Микулы,
 А мракъ отдаленя потомъ схоронилъ
 И самое имя ея и значенье;
 Но если одна дочь считалась посломъ,
 Другая гуляла Полицей вольной,
 То могъ-ли Микула оставить свой домъ
 И быть свой осѣдлый безъ вѣщей хозяйки?
 А ставши хозяйкой, потомъ госпожей,
 Въ дому, гдѣ былъ вѣренъ очагъ ей священный,
 Какъ главное око, какъ образъ родной
 Въ домашнихъ его и народныхъ занятяхъ,
 Она называться сначала должна
 Чудесною Пріей, потомъ вѣщей Ваной ²⁴).

Подобно красавицѣ Гангѣ, она,

*) Наука, — амулеты.

Конечно, считалась въ то время богиней,
 Земля подарила ей вѣщій станокъ
 И прялку; всѣ чтили священное пламя
 Ея очага и домашній порогъ.
 Издревле она ужь ткачиха и пряха;
 Но кругъ ея сельскихъ занятій растеть;
 Она охраняетъ народный обычай;
 Она прорицаетъ, она ужь точетъ
 Градущія міру - народу судьбины...

Сперва ея дѣтски-восторженный умъ
 Еще весь исполненъ живыхъ впечатлѣній
 Весны первобытной, гдѣ тысячи думъ
 Раждалися сами собою, при видѣ
 Волшебныхъ картинъ и небесъ, и земли.
 Живой каждый образъ въ природѣ казался
 Ей духомъ разумнымъ, — по небу-ли шли
 Гигантскія тучи, шумѣлъ ли надъ нею
 Деревьями вѣтеръ, струился-ль вдали
 Вечерній туманъ, иль сіяло на небѣ
 Блестящее солнце, — все это душа
 Ея превращала въ боговъ, исполиновъ,
 Иль грозныхъ чудовищъ. Она, чуть дыша,
 Слѣдила, то съ страхомъ, то съ теплымъ сочувствіемъ,
 За каждымъ чудеснымъ движеніемъ ихъ
 Въ пространствахъ воздушныхъ. Земля ей казалась
 Огромнымъ цвѣткомъ, что изъ безднъ всплылъ морскихъ,
 Потомъ распустился подъ огненнымъ небомъ.
 Въ его влажной чашѣ лежатъ сѣмяна
 Земныхъ всѣхъ растений. Планеты и звѣзды,
 Чье въ небѣ движеніе постигла она,
 Въ глазахъ ея были бессмертные боги.
 Они обитаютъ въ чертогахъ златыхъ
 И ѣздятъ въ воздушныхъ, пустынныхъ пространствахъ,
 Въ златыхъ колесницахъ. Колесами ихъ
 Они изобразили все горнее небо,
 И тамъ проложили златые пути...
 Она ждала утромъ, въ то самое время,
 Какъ слѣдуетъ солнцу на небо взойти, —

Взойдетъ ли оно, какъ вчера и сегодня?
 Придетъ-ли онъ, богъ лучезарный, опять,
 Иль рать исполиновъ его не пропустить?..

О горе, когда возвратится онъ вспять, —
 Тогда цѣлый міръ погрузится во мракъ.
 Такъ каждую ночь и день каждый она
 Слѣдила за ходомъ небесныхъ явленій;
 И каждый годъ, милая людямъ, весна,
 Союзъ сей земли и блестящаго неба,
 Отца всѣхъ живущихъ и матери всѣхъ,
 Была самый высшій и лучшій ей праздникъ.

То были дни страстныхъ любовныхъ утѣхъ,
 Дни полные нѣги и силъ исполинскихъ;
 Тогда вся природа и весь юный міръ
 Какъ будто вупались въ огнѣ сладострастья,
 И пьяные боги несли на тотъ пиръ
 Въ обѣихъ рукахъ, и гостямъ разсыпали
 Дары ихъ благіе. Среди всей земли
 И въ огненномъ небѣ, особенно въ небѣ,
 И вокругъ самой Пріи, вблизи и вдали,
 Шла оргія, страстный вакхическій праздникъ,
 Неистовый праздникъ веселья, любви.

Въ ея глазахъ боги, томимые страстью,
 Покинувъ златые чертоги свои,
 Неслись за бѣжавшей воздушной толпою
 Роскошныхъ нимфъ, тутъ же сжигая въ огнѣ
 Горячихъ объятій. Она любовалась,
 Какъ съ грознымъ Перуномъ играли онѣ,
 Бросая другъ въ друга по небу шарами
 Златыхъ померанцевъ, и какъ богъ Перунъ
 Проигрывалъ часто всѣ игры Огнянѣ;
 Или когда неся по небу табунъ
 Коней и оленей воздушныхъ, и съ свистомъ,
 И съ грохотомъ мчался со свитой за нимъ
 Богъ дикой охоты, грозой оглашая
 Окрестность; или по ступенямъ златымъ
 Сходила, въ одеждѣ своей семицвѣтной,
 По небу Ирида, и дивной красой

Какъ-бы озаряла златыя жилища
 Боговъ вѣковѣчныхъ и мѣръ весь земной.
 То мнилась ей радуга лукомъ Перуна,
 То дивной богиней, несущей землѣ
 Съ высокаго неба, вѣсть сладкую мира
 И знамя союза.

Въ таинственной мглѣ
 Тропическихъ рощей, въ пространствахъ воздушныхъ,
 Въ гремящихъ потокахъ струившихся водъ,
 Гремѣли ей хоры невѣдомыхъ звуковъ
 Незримыхъ боговъ; а сіющій сводъ
 Вечернаго неба казался ей ризой
 Вѣрховнаго бога.

Но больше всего
 Плѣнялъ ее юный, блестящій красавецъ,
 Златой Дажь-богъ-Солнце, и сверстникъ его,
 А можетъ, онъ самъ же, въ другомъ только видѣ,
 Богъ Индра-Перунъ. При восходѣ своемъ
 Горящее Солнце, сей богъ дневной свѣта,
 Сперва представлялся ей рынымъ конемъ.
 Когда вылеталъ онъ изъ волнъ океана,
 Разсыпавъ дождь искръ изъ горячихъ ноздрей, —
 Все въ мигъ оживало; а онъ себѣ мчится,
 Весь мѣръ обдавая сіяньемъ лучей
 И жгучимъ дыханьемъ. Когда-жъ онъ скрывался
 Въ таинственномъ мракѣ, — являлся другой,
 Богъ лысый и блѣдный, божественный пастырь
 Небснаго стада; но чуть пологъ свой
 Раздернетъ по-утру румяная Лада,
 Царь дня блеститъ снова. Потомъ ея взоръ
 Примѣтилъ надъ этимъ конемъ лучезарнымъ
 Красивый ликъ всадника, и — съ этихъ поръ
 Богъ дня, принявъ образъ живой человѣка,
 Сталъ по небу ѣздить на борзыхъ коняхъ
 Въ златой колесницѣ. Она уже знала
 И то, что когда исчезалъ онъ въ волнахъ
 Пустыннаго моря, его тамъ встрѣчала
 Красавица-Зорька, и съ нею-то онъ

Всю ночь короталъ вилоть до яснаго утра,
Въ дворцахъ ея свѣтлыхъ.

Божественный сонъ

Младенчески-юной души человѣка,
Пора упоеній, золотая весна,
Блестящее утро природы и жизни!..
Порой мнилось Ванѣ, что слышитъ она
Съ небесъ неземные, волшебные звуки;
Кто-жь былъ этотъ горній, незримый пѣвецъ?
Не онъ ли, богъ дня, и богъ пѣсенъ? Порою
Стада бѣлорунныхъ, воздушныхъ овецъ
И рыжихъ коровъ проносились, играя
Въ лучахъ колесницы его золотой,
Облитыя свѣтомъ; тогда ей казалось,
Что этотъ богъ также и пастырь дневной
Небеснаго стада. Порой появлялись
Съ окраинъ небесныхъ, одна за другой,
Въ грохочущихъ тучахъ, толпы исполиновъ;
Воздушное стадо, завидѣвши ихъ,
Тотчасъ разбѣгалось; Дажь-богъ лучезарный
Пускалъ въ исполиновъ дождь стрѣлъ золотыхъ,
А самъ закрывался щитомъ кругловиднымъ;
Его щитъ, мгновенно померкнувъ, темнѣлъ
Подъ ихъ ядовитымъ дыханьемъ; мракъ ночи
Завѣшивалъ небо; лишь страшно гудѣлъ
Неистовый ревъ и побѣдные клики
Ужасныхъ волотовъ... Но вдругъ яркій блескъ
Какъ будто разрѣзывалъ съ края до края
Померкшее небо, и вслѣдъ, страшный трескъ
И громъ потрясали взволнованный воздухъ,
Колеля святое жилище боговъ
И мѣръ преисподній; то грозный Громовникъ
Гналъ палицей тяжелой бѣгущихъ враговъ
И прыскалъ въ догонку золотыми стрѣлами.
Разбитые всюду, гонимые имъ,
Они исчезали, — воздушное море
Стихало, и снова красавцемъ младымъ

Даждь-богъ благодатный париль по златому,
Блестящему небу.

 Бто въ сонмѣ боговъ,
Какой богъ великій ему былъ подобенъ?
Мірѣ полонъ его драгоцѣнныхъ даровъ;
Съ его появленіемъ все оживаетъ,
Онъ богъ дня и свѣта, онъ бичъ духовъ тьмы,
Его дивной славой блестятъ сводъ небесный
И царство Водана, онъ ужасъ зимы,
Онъ даже сіяетъ въ загробныхъ чертогахъ
Безсмертнаго Рода. Кто-жь онъ, наконецъ,
Богъ этотъ красавецъ, богъ этотъ всесильный,
Богъ этотъ всесущій, блестящій вѣнецъ
Всего мірозданья? Онъ, стало быть, высшій
И есть богъ вселенной. Онъ богъ всѣхъ боговъ,
Онъ богъ прорицаній, суда и совѣта,
Онъ богъ святыхъ празднествъ и шумныхъ пировъ,
Онъ въ мудромъ совѣтѣ и въ гласѣ народномъ,
И голосъ народный есть голосъ его;
Онъ вѣрный вождь въ брани и пастырь въ дни мира,
Онъ свѣтъ благодатный, источникъ всего,
Онъ праотецъ, пращуръ Микулина рода ²⁵).

 И вѣщая Прія пріятна богамъ
Была вѣковѣчнымъ. Съ живымъ любопытствомъ
Небесные боги, подобно отцамъ,
Слѣдящимъ за первымъ развитіемъ дѣтей ихъ,
Слѣдили за этимъ весеннимъ цвѣткомъ,
Не жившей душою, что лишь начинала
Едва распускаться въ томъ мірѣ младомъ.
Имъ нравился дѣтски-простой ея разумъ;
Они любовались ея красотой,
Земнымъ цвѣткомъ этимъ, смотрѣвшимъ въ небо,
Красой этой дикой и страстно живой,
Какъ зеркало, міръ отразившей небесный.
Такъ радуга - Ида, дочь эта земли
И горнихъ небесъ, — когда послѣ потопа,
Лишь воды въ свои логовища сошли,
Она развернулась дугой семицвѣтной

Впервые среди изумленныхъ небесъ;
 И весь сонмъ боговъ до того пораженъ былъ
 Ея красотою, что Митра-Зевесъ
 Тотчасъ же своею призналъ ее дочерью;
 Но скромно отвергнувъ честь эту, она
 Себя объявила торжественно дочерью
 Земной человѣка ²⁶).

Иль таѣ старина

Еще повѣствуетъ: когда Дажь-богъ свѣтлый
 Однажды съ небесной узрѣлъ высоты
 Дочь моря, младую красавицу Ладу,
 Онъ весь запылалъ отъ ея красоты;
 То ярко онъ вспыхнетъ, то онъ поблѣднѣетъ,
 Отъ страстной истома; а что же она,

«Золотая коса,

«Непокрыта краса?...»

Она развѣзжаетъ по синему морю
 Въ ладѣ золотой, — развѣзжаетъ она
 И плещетъ, рѣзвяся, серебряной струйкой...
 Послалъ къ ней Сварожичъ слугу - Вѣтерокъ;
 Слуга принесъ Ладѣ отъ Солнца подарки:
 Принесъ онъ ей маринъ цвѣтной башмачекъ,
 Принесъ онъ ей ларчикъ златыхъ украшеній,
 Пригвалъ онъ табунъ ей морскихъ кобылицъ;
 Тогда согласилась она на свиданье...

Но юный Дажь-богъ любилъ многихъ царицъ,
 Царевенъ; а самъ ни одной не былъ вѣренъ.
 Одну онъ находитъ въ златомъ терему,
 Другую въ палатахъ пустыхъ въ заточеньи;

«Двери у палатъ желѣзныя,

«А крюки-пробои по булату злачены;

.....

«Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,

«На добромъ конѣ мимо молодець не проѣдетъ.»

Но что значать эти преграды ему?

Онъ видитъ красавицъ, и ихъ беретъ въ жены.

День цѣлый онъ ѣздитъ по своду небесъ,
 По царствамъ воздушнымъ, земнымъ и подземнымъ;

Предъ нимъ непрестанно снуеть мiръ чудесъ,
 Невиданныхъ дивовъ, неслыханныхъ чудищъ,
 Морскихъ исполиновъ, подземныхъ царей.
 Ему царь небесный - отецъ поручаетъ
 Стеречь сады, нивы воздушныхъ полей,
 Отъ хищнаго Порки иль жадной Жарь-птицы,
 Горохъ караулить небесныхъ громовъ,
 Пасти коней-гучи, или посылаеть
 За тридевять царствъ его, въ чащу лѣсовъ,
 Гдѣ лютой драконъ стережетъ неусыпно .
 Колодцы небесныя, чтобы достать
 Оттуда живую и мертвую воду,
 Коней златогривыхъ, или тамъ нарвать
 Златыхъ помранцевъ, моложавыхъ яблокъ *).
 Онъ дивною силой спасаетъ своей
 Чудесныхъ красавицъ изъ вѣчнаго мрака
 Подземнаго мiра, сражаетъ царей
 И змѣевъ—Горыничей; онъ разбиваетъ
 Несмѣтныя рати, садится царемъ
 Въ невѣдомомъ царствѣ, — иль рѣки проводитъ,
 Саждаетъ деревья, чудеснымъ влючемъ
 Заки отпираетъ отъ дивныхъ сокровищъ.
 Царь Огненный лютой, безсмертный Кощей,
 Адъ-Адовичъ темный, змѣй грозный Тугаринъ,
 Морской царь, и даже, по злобѣ своей,
 Родные братья, желаютъ коварно
 Лишить его жизни; не разъ онъ отъ нихъ
 Убитъ и изрѣзанъ на мелкія чисти;
 Но вотъ прилетаютъ на крыльяхъ златыхъ
 Воздушныя нимфы, или набѣгаетъ
 Волкъ-Вѣтеръ залетный, и прыщутъ его
 Живою и мертвой весенней водою,
 И онъ оживаетъ.

Нѣтъ края того,
 Гдѣ-бъ чудныхъ не знали его походовъ.
 Вездѣ онъ каратель неправды и зла,

*) Дающихъ юность.

Гроза дикой силы, защитникъ несчастныхъ
Или угнетенныхъ; за то нѣтъ числа
Спасенныхъ имъ плѣнницъ, красавицъ-царевенъ,
И силы побитой. Дѣвицъ онъ беретъ
Въ супруги себѣ, и потомъ забываетъ;
А славный его и божественный родъ
Ростеть въ его дѣтяхъ по цѣлой вселенной.

У насъ онъ, царевичъ, — всегда идеаль
Земной красоты и божественной силы.
Родившись изъ сказочныхъ миеовъ, онъ сталъ
Потомъ представителемъ жизни народной;
Народъ его знаетъ съ невѣдомыхъ дней:
Онъ самъ развивается вмѣстѣ съ народомъ,
Онъ вѣщій отецъ нашихъ богатырей,
Въ немъ долго исторія смѣшана съ сказкой;
Онъ свѣтлый богъ-Солнце, а Прія земля;
~~Онъ также Громовникъ, а цесль Второй.~~
~~Онъ земство, а Нотъ — мирская семья;~~
~~Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ дивный, божественный витязь,~~
Отецъ всѣхъ ея богатырскихъ сыновъ,
Чудесный поборникъ роднаго народа;
Край полонъ его драгоценныхъ даровъ,
И чтить его даже въ преданьяхъ позднѣйшихъ.
Царевны всѣхъ сказокъ народныхъ у насъ
И матери нашихъ богатырей русскихъ
Между собой схожи. Народный разсказъ
Ихъ всѣхъ награждаетъ большой красотой,
Онѣ всегда юны, и мужемъ у нихъ
Одинъ все и тотъ же, Иванъ нашъ царевичъ.
Онѣ общаются въ думахъ своихъ
Родить ему чудныхъ сыновъ по замужествъ;
«Ему родила-бъ я сыновъ,
«Что ни ясныхъ соколовъ,
«По колѣни ноги въ золотѣ,
«По локти руки въ серебрѣ,
«Во лбу солнце, на затылкѣ мѣсяць,
«По бокамъ часты звѣздочки.»

Но этихъ сыновъ подмѣняютъ; отецъ

За то изгоняетъ царицу изъ царства;
 Она долго ищетъ ихъ, но наконецъ
 Судьба примиряетъ всѣхъ, и всѣ довольны.

Такъ сталъ онъ, царь-Солнце, являться потомъ
 И нашей дѣвицѣ-красавицѣ Пріѣ,
 Въ томъ образѣ, ей уже доступномъ, земномъ.

~~Являлся онъ Пріѣ царевичемъ юнымъ,
 Являлся онъ ей и простымъ мужичкомъ,
 Работникомъ, пасъ лошадей, стерегъ поле;
 Являлся онъ ей и простымъ крестьяномъ;~~

~~Но это Чурбакъ означалъ богъ Чурба.~~

Онъ также и Пріѣ сажаетъ сады,

Сады молодящихъ, божественныхъ яблокъ,
 Привозитъ живой ей и мертвой воды,
 И разныхъ диковинъ, еще неизвѣстныхъ;

Его вѣщей силой училась она
 Вѣщбѣ и гаданьямъ, лечитъ раны, дѣлать
 Оружье безвреднымъ, что въ тѣ времена
 Считалось глубокою самою наукой;

Она въ ясный вечеръ читала въ вѣздахъ,

И пѣла ужъ пѣснь о богатыряхъ вѣковичныхъ;

Что прежде видала она въ небесахъ,

Ей стало своимъ, и входило въ народность.

Межъ тѣмъ у Микулы, Богъ вѣсть чѣй рукой.

Все спорится въ домѣ его благодатномъ,

Особенно въ полѣ. То лѣтней порой

До времени полонъ его садъ плодами;

То явится утромъ, какъ бы изъ земли.

Табунъ лошадей иль иное богатство;

То дастъ ему кто-то волшебный ларецъ,

Микула откроетъ — въ немъ цѣлое стадо

Быковъ и коровъ, или парскій дровецъ.

Порой населенный совѣмъ, пѣлый городъ.

Никто знать не зналъ и постигнуть не могъ,

Откуда такое валитъ къ нему счастье, —

Дажь-богъ лучезарный иль самъ богъ Сварогъ.

Ему посылаютъ такія богатства?

Лишь развѣ подь-часъ Чурбакъ молвитъ съ печи,

Сребря самъ затылокъ: «ужь это не я-ли?»
 Какъ всѣ закричатъ: «ну ты, дурень, молчи!»
 И дѣла запускъ надъ дурнемъ изба вся хохочеть.

Одна только Прія видала, какъ онъ,
 Бя молодой и прекрасный царевичъ,
 Когда погружались всѣ въ сладостный сонъ,
 Отъ ней уносился, то соколомъ яснымъ,
 То чуднымъ красавцемъ на борзомъ конѣ;
 Потомъ исчезалъ, и опять возвращался, —
 А слухи гремѣли по цѣлой странѣ
 О новыхъ, чудесныхъ его приключеньяхъ.

Порою они забавлялись игрой, —
 Играли въ горѣлки и тѣшились въ прятки,
 Бросали шары, какъ Перунъ, имъ родной,
 Или задавали другъ другу загадки:

«Когда родилъ быкъ корову? —

— «Тогда, какъ онъ создалъ, быкъ, землю.»

«У батюшки жеребецъ

«Всему міру не сдержать;

«У матушки коробья,

«Всему міру не поднять;

«У сестрицы ширинка

«Всему міру не скатать;»

Что значило: вѣтеръ, земля и дорога.

Какой богъ былъ щукой, морской черепахой,

Рожденъ во дворцѣ, а воспитанъ въ избѣ;

Не разъ воплощался для счастія смертныхъ,

А самъ постоянно все съ ними въ борьбѣ?

Но Прія разгадку на это не знала.

Тогда ей царевичъ молодой говорилъ:

Великій богъ Вишну, онъ былъ черепахой,

А послѣ былъ щукой; не разъ онъ сходилъ

Съ небесъ, воплотясь въ человѣческой образъ,

Ко благу вселенной; одинъ только онъ

Въ борьбѣ непрестанной съ растущей неправдой,

И будетъ въ борьбѣ до послѣднихъ временъ,

Когда воцарятся вездѣ свѣтъ и правда ²⁷⁾.

Но лучше загадокъ ей, лучше всего

Ей были его дорогіе подарки;
И чѣмъ она чаще видала его,
Тѣмъ больше росла въ ней врожденная жадность.

Въ сосѣдствѣ съ арійцами, міромъ боговъ,
На Сѣверъ тянулись обширныя степи,—
Пустынный Туранъ, край угрюмый духовъ
И дивовъ жестокихъ, страна Чернобога.
Въ томъ краѣ, то зноя, то холодной зимы,
Жилъ родъ исполинскій чудовищныхъ іотновъ
И турсовъ, вносившихъ изъ царства ихъ тьмы,
Въ полуденный Вырій, то ливень холодный,
То зной и засуху. Тамъ съ первыхъ временъ
Бродили, по злачнымъ пригорьямъ Алтая,
Тѣ полчища финно-алтайскихъ племенъ,
Что изстари были бичемъ и грозю
Народовъ осѣдлыхъ. Тамъ былъ міръ чудесъ
И мглы первобытной; туда передъ утромъ
Спускалися звѣзды съ свѣтавшихъ небесъ
И тамъ исчезали въ безбрежномъ туманѣ;

Птицы клевучія,
Звѣри рыскачіе
Змѣи ползучія,

Совмѣ хищныхъ грифоновъ и чудищъ стерегъ
Тамъ груды сокровищъ и розсыпи злата;
Тамъ баба-Яга, князь Стрѣла, Чернобогъ,
Безсмертный Кощей, змѣй ужасный Горыничъ,
Зеленый степной дивъ, царь огненный Щить
Съ такимъ же копьемъ, а подъ нимъ осьминогій
Конь, съ огненной гривой,—и жжетъ и палитъ,—
Носились въ горахъ и равнинахъ пустынныхъ.
Тамъ жилъ глава дивовъ ужасныхъ, и врагъ
Всѣхъ витязей свѣта, Эсхемъ семиглавый;
Оттуда степной бичъ, голодный Сохакъ,
Какъ звѣрь, ворвался разъ въ Иранскую землю,
И десять столѣтій блестящій Иранъ
Подъ властью его былъ глухою пустыней,—
Шокуда могучій Рустемъ-великанъ,

Сей витязь народный, свой край не очистилъ
Отъ орды этихъ буйныхъ ²⁸).

Миръ этотъ степной,
Обширный, чудесный, воинственно-дикій
И дико-отважный, былъ долго грозой
Стариннаго рода и края Микулы.
Почти непрестанно, изъ ближнихъ степей,
Онъ дѣлалъ набѣги на ихъ поселенья,
Накладывалъ дани, въ полонъ бралъ людей
И въ глубь уводилъ ихъ безвѣстной пустыни.
Воинственный духъ этихъ ратей степныхъ
И легкость добычи туда привлекали
Сыновъ и Микулы, — и родъ-племя ихъ
Потомъ превращали въ тавихъ же чудовищъ.
Толпа уходила въ тотъ миръ за толпой
Изъ свѣтлаго Вырія; тамъ забывали
Они и боговъ, и обычаѣ родной,
И дѣлались краю родному чужими.

Не разъ попадала въ жестокий полонъ
И вѣщая Прія, и царственный Вырій
Бывалъ подъ владычествомъ этихъ илемень,
Ходившихъ до Инда. Не разъ, можетъ стать ся,
Она приживала отъ нихъ и дѣтей,
Пока выручалъ ее тотъ же царевичъ;
Все это въ обычаѣ было тѣхъ дней.
И лишь означало ея плодовитость.

Родить и царевичу Прія сыновъ,
Такихъ же красавцевъ, какъ онъ самъ, богъ свѣта.
И шлетъ она въ разныя страны пословъ
Искать роженицъ, этихъ древнихъ волшебницъ,
Что смертнымъ дарили — ихъ долю съ судьбой.

И точно, то были чудесныя дѣти!...
Но злой Рокъ готовилъ имъ жребій иной.
Лишь только, родивъ ихъ, она засыпала,
И мракъ разстилался вдоль спящихъ полей,
Изъ степи являлась Нечистая Сила,
Въ тьмѣ подмѣняла дѣтей на звѣрей,

А ихъ, молодцовъ, уносила съ собою.

Родила послѣдняго сына она,
 Еще свѣтоварнѣй, прекраснѣе первыхъ,
 И такъ была рада и счастья полна,
 Какъ будто родился ей первый младенець.
 То былъ нашъ Зигфридъ или русскій Персей,
 Нашъ богатырь Карна,—какъ витязи этѣ,
 Рожденный на славу и радость людей,
 Отъ краснаго Солнца и матери смертной.

«По колѣни ноги у него въ золотѣ,
 «По локоть руки въ серебрѣ,
 «На лбу у него ясный мѣсяцъ,
 «По косицамъ часты звѣздочки,
 «На затылкѣ красно солнышко.»

Ну, словомъ, онъ весь былъ подобье отца,
 Какимъ самъ царевичъ родился на небѣ.
 Но ужась и горе опять безъ конца!
 На первуюжъ ночь, только Прія уснула,
 Нечистая сила взяла и его;
 Проснулася Прія, глядитъ,—въ колыбели
 Спать сѣрая выдра.

Винить въ томъ,—кого?

Никто не входилъ къ ней, никто при ней не былъ.

Но вотъ поутру передъ нею предсталъ
 Самъ юный царевичъ и строго сказалъ ей:
 «Я вижу, что рано тебя я узналъ:
 Не мать, не жена ты, а злая колдунья,
 Съ тобой живетъ всякій степной удалецъ;
 Ты даже не въ силахъ сберечь дѣтей кровныхъ.
 Отнынѣ всѣмъ нашимъ свиданьямъ конецъ,
 Отнынѣ ты больше меня не увидишь,
 Покуда изъ этихъ, рысучихъ звѣрей,
 Что ты величаешь моими сынами,
 Не сдѣлаешь мирныхъ, осѣдлыхъ людей,
 Пока не сберешь ихъ въ единое царство,
 Гдѣ братъ не возстанетъ на брата, какъ тать,
 И воронъ не будетъ имѣть себѣ пищи.
 «Здѣсь нечего больше тебѣ проживать...

Воданъ растворилъ недоступный свой Западъ,—
 Ищи тамъ сыновъ твоихъ. Миръ твой зоветъ
 Меня богомъ Сваломъ; подъ именемъ этимъ
 Въ послѣдствьи найдешь ты и славный твой родъ:
 Онъ самъ назоветъ себя родомъ Славянскимъ.
 А нынѣ рожденный, юнѣйшій твой сынъ,
 Какъ я, свѣтло-русый, какъ я, свѣтозарный,—
 Ищи по рѣчнымъ его русламъ равнинъ;
 Онъ тамъ назовется богатыремъ—Росомъ....
 Кому дастъ Воданъ богатырскій свой мечъ,
 Тотъ будетъ—межъ ними сильнѣйшимъ изъ сильныхъ,—

«Надъ семидесятью землями богатырь;»

Но я еще долженъ тебя остеречь,—
 Лишь только заснешь ты, тогда ты погибла.

«Знай, мой престолъ всюду, гдѣ только живетъ
 Добро и съ нимъ правда. Я тотчасъ являюсь
 На помощь ко всѣмъ, кто меня призоветъ.
 Въ богахъ Святovidъ я, божественный Индра,
 Въ планетахъ я Солнце, въ оружьяхъ Стрѣла,
 Въ стихіяхъ Огонь, а въ герояхъ Картика,
 Въ водахъ—Океанъ я. Я первый врагъ зла,
 Я свѣтъ, я душа, я хранитель, я сила
 Вселенной,—я Вишну... Одинъ изъ боговъ,
 Лишь я воплощаюсь ко благу живущихъ,
 И снова приду предъ скончаньемъ вѣковъ,
 Сразить царство мрака и въ міръ внести правду».

Умолкъ,—и предъ Пріей стоялъ исполнивъ.
 Шагнулъ онъ чрезъ землю, шагнулъ черезъ море,
 Потомъ черезъ бездны воздушныхъ пучинъ,
 И былъ уже на небѣ.

Вошелъ онъ въ свой теремъ,—

«На небѣ-то солнце,—и въ теремѣ солнце,
 «На небѣ-то мѣсяцъ,—и въ теремѣ мѣсяцъ,
 «На небѣ-то звѣзды,—и въ теремѣ звѣзды,
 «На небѣ-то зори,—и въ теремѣ зори,
 «Все въ теремѣ по небесному».

Вошелъ онъ въ свой теремъ, и съ скорбью сказалъ:
 «Когда ни сходилъ я въ моихъ воплощеньяхъ

«На темную землю, всегда замѣчалъ,
 «Что зло на ней страшно растеть и плодится....»
 То правда, при склонностяхъ гнусныхъ своихъ,
 Безсмертные сами ее развращаютъ;
 «Лишь я, чуть заввижу, среди странъ земныхъ,
 «Растущее зло, поспѣшаю на помощь» ²⁹⁾;
 И нынѣ оставлю-ль сыновъ я родныхъ,
 Оставлю-ль я ихъ безъ моихъ попеченій?
 Нѣтъ, я теперъ высшій изъ высшихъ боговъ,
 Я богъ земледѣлія, я богъ побѣды,
 Богъ правды и свѣта, богъ новыхъ вѣровъ.
 Я даль Пріѣ Чура, я даль ея роду
 Мой образъ и имя.... Никто изъ сыновъ
 Моихъ свѣтозарныхъ не будетъ покинуть
 Отцомъ ихъ небеснымъ.... Я буду среди нихъ
 Во образѣ самомъ древнѣйшемъ Микулы, —
 Ивана-царевича, — и всѣхъ другихъ
 Моихъ превращеній...» И тутъ же велитъ
 Слугѣ оный Марутѣ, сыскавъ сыновъ Пріа,
 Вести ихъ на Западъ, гдѣ оный уже зреть
 Міръ новый, всплывающій тихо изъ моря.

Летитъ легкій Вѣтеръ съ высокихъ небесъ
 И видитъ, — сидитъ на воздушныхъ деревьяхъ
 Пѣвучій духъ бури, а облачный лѣсъ
 Нигдѣ не шелохнетъ. Влетѣлъ въ него Вѣтеръ
 И громко спросилъ: не видалъ ли кто тутъ,
 Гдѣ въ степи гуляютъ сыны вѣщей Пріа,
 Иль гдѣ, по какимъ они странамъ живутъ?

Но только оный вымолвилъ это, проснулся
 Дремавшій духъ Бури. —

«Свиснулъ оный, Соловей, по-соловьему,
 «Вскричалъ оный, злодѣй, по-звѣриному,
 «Взрывкалъ оный по-туриному;
 «Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
 «Мутны рѣки въ берегахъ поднимаются,
 «Что есть людишекъ всѣ мертвы лежатъ» ³⁰⁾.

Такъ Вѣтеръ заметный

Ни съ тѣмъ и отхлынулъ. Сталь спрашивать онъ
 Потомъ, лыснй Мѣсяцъ и частя Звѣзды,
 И сѣрыхъ волковъ, и сорокъ, и воронъ;
 Открыль онъ близъ Каспія край Замораванъ,
 Нашель онъ Моравовъ и племя Древанъ,
 Что родъ свой древнѣйшій вели отъ деревьевъ;
 Нашель и еще кой-кого изъ славянъ;
 Но гдѣ богатырь — Росъ, про то не развѣдалъ.
 Помчался онъ, Вѣтеръ, къ цвѣтуцимъ брегамъ
 Яксарта, который звался тогда Росомъ.
 «Гей вы! не слыхали-ль по этимъ мѣстамъ
 Про славнаго Роса?» онъ тамъ вопрошаетъ.
 — Живеть богатырь здѣсь, но кто онъ такой,
 Про то мы не знаемъ, — ему отвѣчаютъ.
 Летитъ Вѣтеръ дальше, и зреть предъ собой
 Широкое поле; все поле покрыто
 Побитою ратью. «Гей, кто здѣсь живой?
 Откликнись мнѣ! Вѣтеръ шумитъ. Какой витязъ
 Побилъ эти силы?..» И слышитъ въ отвѣтъ:
 — Побилъ эту силушку богатырь русский;
 Но гдѣ онъ — не знаю, а здѣсь его нѣтъ. —
 Летитъ Вѣтеръ дальше, въ край свѣтлый Орису.
 «Скажите, не знаетъ ли кто здѣсь у васъ.
 Про витязя Роса?» Онъ тамъ вопрошаетъ.
 — Охъ, витазей много воюеть у насъ,
 А больше еще разошлось ихъ отсюда,
 Въ различное время, по дальнимъ странамъ.
 И тотъ, кого ищешь, быть можетъ, живаль здѣсь;
 Теперъ его нѣтъ. — 31).

И по всѣмъ-то мѣстамъ,
 Вездѣ Вѣтеръ слышитъ такіе-жъ отвѣты.

Межъ тѣмъ населенная мѣстность росла
 Подъ сошкой Микулы, а делувіальный
 Періодъ окончился; темная мгла
 На Западѣ быстро свѣтлѣла.
 Шли орды бродячихъ и дикихъ племень
 Занять острова, что всплывали изъ моря.

Едва всплывшій Сѣверъ ужь былъ населенъ
 Степными ордами, сошедшихъ съ горъ, Финновъ;
 Но съ Запада Кельты отбросили ихъ
 Назадъ, въ глубину отдаленной Полночи,
 Или оставляя въ владѣннѣхъ своихъ,
 Что взяли у нихъ же, держали ихъ въ рабствѣ;
 На Югѣ, на влажныхъ еще островахъ,
 Селились Юваны, прапраотцы Грековъ.
 Столь славныхъ вѣдомъ дѣлѣхъ.

Во многихъ мѣстахъ

Сходившаго моря, вдоль мелкихъ прибрежій,
 Вдвигались ужь рифы, наносы, слои
 Изъ раковинъ, глины, песчанья мѣли;
 Они поднимали поверхность земли
 Изъ безднъ океана, слагались въ заливы
 И длинныя мысы. Гдѣ жилъ царь Морской,
 Теперь зеленѣли широкія степи,
 Глубокія балки, шумѣлъ лѣсъ густой,
 Мѣстами сверкали соленныя воды
 Озеръ средиземныхъ, съ возвышенныхъ горъ
 Бѣжали потоки и мутныя рѣки.

Возникшіе Альпы закончили споръ
 Съ влокачущимъ моремъ, широко поднявши
 Окрестность буграмп; верхи Пиренеевъ
 Возстали изъ моря; изъ нихъ потекли
 Широкія рѣки, а прежнія воды
 Себѣ проложили, съ поднятѣемъ земли,
 Иное теченье. Земная поверхность
 Лишилася прежней своей теплоты;
 Ясныя времена обозначались года;
 Слои льдовъ покрыли собой высоты
 Скалистыя горъ, и растаявъ, погнало
 Въ глубь моря громады камней-валуновъ,
 Что видны понынѣ на дальней Полночи.
 Все это свершалось въ теченнѣ вѣковъ,
 Юка не утихла борьба роковая
 Стихій первобытныхъ.

Рядъ значныхъ равнинъ

Теперь зеленѣлъ вдоль Восточной Европы;
 Сюда, съ каменистыхъ Уральскихъ вершинъ
 Спустилося Финно-Алтайское племя...
 А въ тотъ первобытный земной періодъ
 И здѣсь еще ярко цвѣла и блестяла
 Растительность Юга, и ясенъ былъ сводъ
 Прозрачнаго неба. Близъ крѣпкаго дуба
 И кедра виднѣлся густой кипарисъ;
 Тѣнистая пихта едва укрывала
 Отъ знойнаго солнца; и южный нарцисъ,
 И пышная роза еще украшали
 Весь край, незнакомый тогда ни съ зимой,
 Ни съ стужей суровой. Изъ ели и сосны
 Бѣжалъ сокъ душистый прозрачной струей;
 Онъ капалъ, какъ слезы, въ прибрежное море;
 И тамъ превращался въ янтарь золотой,
 Предметъ самый первый Полночной торговли.

Алтайскія орды, занявъ подъ собой
 Сперва пустой Сѣвѣръ, тянулись на Полдень,
 Куда ихъ манилъ міръ, невѣдомый имъ,
 Сулившій имъ много обширныхъ тамъ пастбищъ.
 Но въ встрѣчу ордамъ ихъ, еще кочевымъ,
 Предсталъ, между Дономъ и Каспіемъ древнимъ,
 Съ того же Востока, рядъ новыхъ племень,
 Такихъ же бродячихъ, но болѣе сильныхъ,
 Племеньъ вѣщей Прии, и съ разныхъ сторонъ
 Замкнулъ имъ дорогу ³²).

Лишь только Варуна
 Разсѣялъ на Западѣ сумракъ былой,
 И землю очистилъ отъ водъ первобытныхъ,
 Какъ боги рѣшили, въ край этотъ глухой
 Отправить Мивулу, чтобъ онъ вывелъ чудищъ,
 Устроилъ, воздѣлалъ тотъ край, заселилъ,
 И сдѣлалъ достойнымъ его къ воспріятю
 Ихъ власти небесной.

Изъ первыхъ вступилъ,
 Иль лучше примчался туда степной бурей,
 Тѣсвимый Ираномъ, Стрѣла-князь, съ ордой

Каспійскихъ Древянъ и племень Заморавскихъ,
 Алановъ и Кимвровъ. Простившись съ сестрой,
 Туда-жь понеслась молодою орлицей
 И средняя дочь Микулы, гдѣ ей
 Просторѣе было расправить на волѣ
 Подросшія крылья, и много звѣрей
 И чудищъ бродячихъ могли быть добычей...

Гулила она

Въ то время одна

Иль развѣ съ такой же Поленицей вольной.

И было же ей

Тогда батырей

Не мало побито, стѣнныхъ и нагорныхъ;

И ужь не одинъ,

Лихой исполнилъ

Въ карманѣ сплѣлъ у нея богатырскомъ;

Ее-жь самое

Не брало копье,

Ни стрѣлы пернаты, ни ножикъ булатный;

Удары копьемъ

И острымъ мечемъ

Ей были кусаньемъ докучливой мухи.

Самъ грозный Кощей

Царь дальнихъ стѣней,

Извѣдалъ ея богатырскую силу;

Гдѣ ѣдетъ она, —

Далеко видна;

Проѣхала, — слѣдъ отъ копытъ по колѣни.

Но искони дней,

Всего ей милѣй,

Всего драгоценнѣе стыдъ былъ дѣвичій;

Ужь если она

Отдаться должна,

То съ бою отдаться дѣвницею чистой.

Такъ съ первыхъ же дней

Все чудно у ней, —

И нравъ ея честный, и страшная сила;

Знай, чьей-де семьи,

Изъ коей земли.
Она воспріяла свой духъ богатырскій.

Приходитъ къ Мивулѣ

И вѣщая Прія, проситься туда.
Но онъ ужъ и самъ въ тѣ мѣста собирався,
Отправивъ впередъ, какъ водилось тогда,
Своихъ соглядатевъ, высмотрѣть мѣстность.
Почто не идти? Тамъ царилъ богъ Воданъ,
Благой покровитель трудовъ земледѣльа;
Туда каждый вечеръ, въ глубь западныхъ странъ,
Съ небесъ уходило родимое Солнце,
Чю бы отдохнуть отъ дневнаго пути,
Въ объятіяхъ свѣтлой красавицы Ляды;
Туда издавна ужъ старались найти
Себѣ путь-дорогу старѣйшины разныхъ
Племень ихъ арійскихъ; тамъ, въ царствѣ быломъ
Пустыннаго моря, уже зараждалась
Мѣстами торговля златымъ лянтаремъ;
Край дѣвственный этотъ слылъ Выріемъ новымъ.
Востокъ, царство Солнца, былъ весь заселенъ;
Весь Сѣверъ кипѣлъ до Восточнаго моря
Ордами Алтайскими; съ давнихъ временъ
Арійцы ужъ заняли край Индостана;
Иранъ процвѣтала, подъ державой царей,
Тѣснившихъ и часто совсѣмъ раззорившихъ
Владѣнья сосѣднихъ арійскихъ вождей.
Микулѣ одинъ оставался далекій,
Таинственный Западъ,—глухой край степей
И темныхъ лѣсовъ; но по мутнымъ разговорамъ
Кипѣвшій богатствомъ, обиліемъ водъ
И всякихъ плодовъ и растительныхъ злаковъ.
Пришли соглядатаи. Собралъ свой родъ
Микула нашъ; каждый—родной взялъ землицы,
Микула накиннулъ на плечи суму,
Суму свою чудную съ тягой земною,—
И двинулся въ путь ³³).

Но не мало ему
Въ краю этомъ новомъ еще предстояло
Трудовъ и бореній.

«Стоять тамъ лѣса дремучіе,
«Лѣса со лѣсами свиваются,
«Вѣтви по землѣ растлаются,
«Ни пройти (Микулѣ), ни проѣхать.»
«Протекають тамъ рѣки быстры
«Рѣки быстрыя, текучія;
«Воздымаются горы толкучія;
«Гора съ горой столкнулася;
«Пасется тамъ стадо звѣриное,
«Сѣрые волки рысучіе;
«А пасутъ стадо три пастыря,
«Три пастыря да три дѣвицы,
(«Не Микушны-ль родныя сестрицы?)
«На нихъ тѣло яко еловая кора,
«Власъ на нихъ, какъ ковыль-трава,»....
«Сидятъ тамъ птицы клеучіи,
«Птицы клеучія, нагайцины;
«Живутъ тамъ змѣи огненные:
«Изъ ротовъ пышетъ огонь-полымя.
«Изъ ушей дымъ столбомъ валить»
«Ни пройти (Микулѣ), ни проѣхать»...
Разъѣзжаютъ тамъ богатыри грозные,
Залегаютъ пути дивы чудные,
Собирають дань змѣи лютые,
Они собирають дань живыми людьми....
«О матушка, сырая земля, разступися,
«На всё четыре стороны раздвинься,
«На четыре страны, на четыре четверти;
«Ты пожри кровь змѣиную, проклятую!» 34).

ПѢСНЬ 3-я.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

„Благословенъ ты на селѣ„
(Втор. 28. 3).

Весь міръ первобытный былъ царствомъ боговъ.
По мѣрѣ далекихъ своихъ раселеній,
Бродячія орды тѣхъ первыхъ вѣковъ
Съ собой разносили боговъ своихъ древнихъ .
И древній обычай по новымъ странамъ;
Съ народнымъ развитіемъ, старинные боги
Потомъ измѣнялись, и ихъ именамъ
Давалось нерѣдко другое значеніе;
Но власть ихъ была неизмѣнно-страшна.
Изъ дивовъ стихійныхъ они становились
Вождами племенъ; имъ вручалась страна,
Отъ нихъ исходили добро и зло въ мірѣ;
Они назначали себѣ города
И цѣлыя земли, какъ будто въ удѣлы...
У каждаго рода своя есть звѣзда
И богъ свой родимый, кого почиталъ онъ
Какъ высшаго бога.

Востокъ сохранялъ
Всѣхъ дольше ихъ образъ, таинственно-грозный.
Какъ онъ отначала весь міръ заражалъ
Своимъ любодѣйствомъ и жаждою крови;

Такъ точно любили и боги его
 Кровавыя жертвы и жили открыто
 Въ гнуснѣйшемъ развратѣ, не давъ ничего
 Тогдашнему міру изъ благи ихъ небесныхъ.
 Одна лишь Эллада смогла превратить
 Стекланную гору боговъ первобытныхъ
 Въ Олимпъ лучезарный, и край озарить
 Его благотворнымъ, весеннимъ сіяньемъ.
 Древнѣйшій Сварогъ здѣсь отцомъ сталъ земли,
 И больше царемъ, чѣмъ таинственнымъ богомъ;
 Опъ сбросилъ былые размѣры свои,
 И въ образъ облекся земной человѣка;
 Здѣсь боги такіе же люди, какъ онъ,
 Съ чудесною только, божественной силой.
 Римъ этотъ всемірный царь древнихъ временъ,
 Далъ всѣмъ божествамъ чужимъ право гражданства,
 И тѣмъ еще больше ихъ сблизилъ съ землей.
 Но Сѣверъ далекій, угрюмый, пустынный,
 Почти что безлюдный, сулилъ той порой
 Немного удобства къ благому развитію.
 Какими съ Микулою боги пришли,
 Въ томъ самомъ же видѣ они и остались;
 А многіе вовсе исчезли съ земли,
 Едва намъ покинувъ туманный свой образъ
 И темное имя.

Микула входилъ

Въ старинное царство Варуны-Водана,
 Того божества, чей духъ мрачный царилъ
 Среди облаковъ и холодныхъ тумановъ
 Воздушнаго моря. Но древній Воданъ
 И самъ начиналъ той порой раздвояться:
 На Западъ былъ онъ, какъ встарь Океанъ,
 Богъ тучегонитель, духъ яростный бури,
 Царь браней, властитель сѣдыхъ облаковъ,
 Сихъ грозныхъ волотовъ или исполиновъ;
 Но Вырій, древнѣйшій разсадникъ боговъ,
 Въ Варунѣ ужь видѣлъ преемника Діа;

Тамъ онъ становился владыкой небесъ,
 Владыкой, не только грозы, но и свѣта,
 Божественнымъ Вишну. Въ немъ былъ и Зевесъ,
 И свѣтлый Ормуздъ, и блистательный Индра,
 И красное Солнце, и нашъ Святovitъ.
 Какъ главный Сварожичъ, онъ тамъ сталъ главою
 Боговъ всѣхъ арійскихъ; его новый видъ
 Вмѣщалъ и творца, и защитника смертныхъ.

На Западѣ онъ, богъ заоблачныхъ странъ,
 Воздушнаго моря и всѣхъ водъ небесныхъ,
 Спустился оттуда въ земной океанъ,
 И сдѣлался просто верховнымъ владыкой
 Подводнаго царства, принявъ отъ славянъ
 Названье Морскаго царя, Водянаго
 И стараго Дѣда; а вмѣсто него
 Властителемъ неба и тучъ громоносныхъ,
 Отцомъ всѣхъ народовъ и міра всего,
 Царемъ лютыхъ браней и вѣщаго знанья,
 Теперь воцарялся другой властелинъ,
 Ему соимянный, но богъ совсѣмъ новый,
 Глава свѣтлыхъ асовъ, Полночный Одинъ.

Пришель-ли онъ также, подобно Микулѣ,
 Изъ странъ отдаленныхъ Востока, или онъ
 Родился на Западѣ послѣ Водана;
 Но онъ очень скоро тамъ, съ древнихъ временъ,
 Его занялъ мѣсто. Мы только замѣтимъ,
 Что этотъ Одинъ и Микулинъ братъ, Щитъ, —
 Сперва не одна ли они оба личность?...
 Исторія весь міръ арійскій роднитъ;
 Бродячіе асы заимствуютъ древле
 Не мало обычаевъ, даже боговъ
 И самый щитъ круглый, отъ вановъ *) осѣдлыхъ, —
 И скифскій князь-Щитъ могъ, въ теченьи вѣковъ,
 У нихъ превратиться въ отца ихъ, Одина ¹⁾
 Микула и асы вначалѣ временъ
 Въ одномъ жили краѣ. Когда жъ они выпли?

*) Вановъ наука признаетъ Славянами.

Какихъ былъ Микула главою племень?
 Какими путями пришелъ онъ съ Востока?...
 Извѣстно одно лишь, что въ древности онъ
 Подъ небомъ блестящимъ жилъ свѣтлаго Юга.
 Онъ помнитъ понынѣ міръ этотъ чудесъ,
 Тотъ міръ титанической, гдѣ еще долго
 Земной міръ сливается съ міромъ небесъ;
 И этихъ титановъ, и свѣтлыхъ боговъ,
 Чьи битвы ужасныя длились столѣтя;
 И блескъ и сіянье ихъ чудныхъ дворцовъ,
 Наполненныхъ дивною славой небесной.
 Онъ помнитъ звѣрей первобытныхъ лѣсовъ,
 И цѣлыя доли, покрытые силой
 Побитою чьей-то безвѣстной рукой...
 Отчасти онъ помнитъ и самый походъ свой
 За тридцать царствъ, въ міръ какой-то иной...
 Куда-же?—На Западъ, тогда еще темный.

И здѣсь силлурійскій періодъ земли
 За нимъ и девонскій, —полиповъ, коралловъ
 И лилій морскихъ, невозвратно прошли.
 Прошелъ и вѣкъ каменно-угольный, —вѣкъ тотъ
 Смолистыхъ и хвойныхъ гигантскихъ деревь,
 Огромнѣйшихъ ящеръ и рыбъ исполинскихъ;
 Когда, вверху рыхлыхъ наносныхъ пластовъ,
 Явились песчаникъ и бѣлая известь,
 А влажная почва, морскіе берега
 Кишѣтъ начинали семей земноводныхъ
 И птицъ исполинскихъ, и уже нога
 Мѣстами ступала гигантскихъ животныхъ,
 Еще безобразныхъ и сложныхъ звѣрей,
 Огромныхъ тапировъ или мастодонтовъ,
 Ужасныхъ драконовъ, летающихъ змѣй;
 Кругомъ ужъ вздымались слои мѣловые,
 Еще измѣняя поверхность земли...
 Свершился періодъ и делувіальный ²⁾.

Когда поселенцы съ Микулой пришли,
 Мѣстами могъ каменный вѣкъ быть пещерный,

Мѣстами жь, позднѣйшіе люди могли
Въ тѣ дни знать и бронзу ³⁾.

Замѣтно, онъ вышелъ
Съ роднаго Востока, когда богъ Водавъ
Облекся ужь въ образъ благой Святовита
Иль свѣтлаго Вишну; а здѣсь океанъ
Всемирный сошелъ съ возрожденной Европы.
Онъ могъ лишь идти по окраинамъ горъ,
Среди благодатной такой же природы,
Что онъ тамъ повинулъ. Потому его взоръ
Упалъ въ глубь широкой, зеленой равнины;
Вода лишь сбѣжала со влажной земли;
Все благоухало, рои насѣкомыхъ
Жужжали по воздуху; а тамъ, вдали
Уже означались холмы и дубравы,
На солнцѣ сверкали рѣчныя струи....
Тогда сталъ спускаться онъ съ высей нагорныхъ.

Но дни первобытной борьбы не прошли,
И шаръ земной полонъ еще былъ смятенья.
Одинъ міръ волшебныхъ, зиждительныхъ силъ,
Міръ огненныхъ радугъ, гигантскихъ растений,
Ужасныхъ чудовищъ, едва лишь вносилъ
Съ собою жизнь новую въ это броженье;
Другой міръ такихъ же могучихъ началъ,
Еще лучезарнѣй, могучѣй, роскошнѣй,
Его незамѣтно уже вытѣснялъ
И самъ воздвигался на этихъ обломкахъ:
Одинъ богъ устраивалъ свѣтлый чертогъ
Себѣ изъ цвѣтовъ и блестящей лазури;
Другой, — закопченный иль мокрый до ногъ,
Съ тяжелымъ трезубцемъ иль молотомъ длиннымъ,
Еще копошился средь илестыхъ водъ
И темныхъ расщелинъ горящихъ вулкановъ.

Микула нашъ видѣлъ съ далекихъ высотъ
Тѣхъ горъ, что издревле звались Кавказомъ,
Край новый; онъ видѣлъ и древнихъ боговъ,
Еще довершавшихъ его устроенье,

И ихъ первобытныхъ, стихійныхъ сыновъ,
Земныхъ и воздушныхъ волотовъ-титановъ,
Главой досягавшихъ еще облаковъ.

Предъ нимъ копошились цѣлые сонмы
Невѣдомыхъ чудищъ, то жгущихъ огнемъ,
То плесомъ прудившихъ течение рѣчное;
Пойдетъ онъ направо,—склюютъ тамъ живьемъ,
Налѣво, растащать на мелкія части.

Надъ самымъ Микулой, среди грозныхъ скалъ
Подоблачныхъ, въ высяхъ сѣдаго Кавказа,
Закутанный въ тучи, угрюмо лежалъ,—
Выше лѣса стоячаго,
Что пониже облака ходячаго,
Уродь-уродище,
Святогоръ богатырь.

Почти подъ пятой великана ревутъ
Живые потоки, рѣки Самородины;
Надъ буйной его головою свуютъ
Орлы поднебесные, мятели свѣжныя
Но ребрамъ, какъ черныя мухи, ползутъ
И лѣплятся силы-орды переходныя;
А онъ, богатырь исполинскій, лежитъ,
Въ туманныя ризы и въ тучи закутанный.
Гнететь молодчину его, тяготитъ
Своя сила грузная, мощь богатырская;
Нѣтъ равнаго силой на свѣтѣ ему,
Чуть держать уродища — мать сыра-земля.

Лишь онъ шелохнулся,—по краю всему
Идетъ стукъ и грохотъ, реветъ буря темная;
А только привсталъ онъ.—глава въ облакахъ,
Затмилося солнце, не видно дня яснаго,
Шумять лѣса, рѣки кипятъ въ берегахъ,
Сыра-земля стонетъ,—какъ море, колыхается.
Направо Микулы, пустыней глухой
Тянулось вдали неподвижное море
Степей безпредѣльныхъ, міръ этотъ родной
Степныхъ Колывановъ *) и дивовъ бродячихъ,

*) Колывань-богатырь,—кочевникъ.

Гдѣ съ дикой, голодной ордою своей
 Носился, какъ прежде, второй братъ Микулы,
 Стрѣла-князь, что позже отъ русскихъ людей
 Такъ мѣтко былъ прозванъ Кощеемъ-бесмертнымъ.
 Какъ шмель, онъ носился по дальнимъ странамъ
 И только возникнувшимъ царствамъ Востока,
 Являясь неожиданно, какъ вѣтеръ, то тамъ,
 То здѣсь, съ своей ратію, силой змѣиной.

Съ вершины Кавказа, съ Полночи глухой,
 Къ нему прибывали все новыя орды
 И новыя дивы,—тотъ людъ подвижной,
 Тѣ мощные мужи стрѣлы и волчана,
 Чей грозный міръ долго еще клевоталъ
 Кипящимъ котломъ средь былаго Востока,
 И огненнымъ ливнемъ его обдавалъ
 До Нильскихъ береговъ и пустынь Ефіопскихъ.

На Западъ отъ горъ, по Эвесинскимъ брегамъ,
 Давно разсѣлялись отважные Кимвры,
 Что нынѣ относятъ у насъ въ племенамъ,
 Роднымъ намъ, славянскимъ. Лѣвѣй жилъ братъ Инда,
 Божественный Бугъ, кого чествовалъ край
 Потомъ отъ Карпатовъ до моря Морозовъ;
 За нимъ жилъ сынъ Дуны, могучій Дунай,
 А ближе—ихъ родичъ, Днѣпръ славный Словутичъ,
 И также его братъ, воинственный Донъ;
 Въ глуши горъ Карпатскихъ жилъ Днѣстръ еще вольный,
 Въ тѣ дни ужъ извѣстный у южныхъ племенъ
 Торговлей своею янтaremъ многоцѣннымъ 4).

~~На Полночь вздымалось море лѣсовъ,
 Лѣсовъ порвобытныхъ, подъ чей, полный тайны
 И вѣчнаго мрака, угрюмый покровъ,
 Еще не ступала нога челоуѣка,—
 Дремучее царство стихійныхъ духовъ,
 Міръ дивовъ и чудищъ лѣсныхъ и воздушныхъ;
 Гдѣ царствовалъ темный богъ Ночи сѣдой
 И дремлющая Блажность, куда одинъ развѣ
 Могучій сынъ Солнца, ихъ врагъ роковой,
 Лѣсной царь-Огонь, сынъ Перуна, Сварожичъ.~~

Сухманъ богатырь, — лишь онъ развѣ одинъ
~~Себѣ пролагать могъ свободно дорогу...~~
 Микула замѣтилъ съ нагорныхъ вершинъ,
 Какъ онъ, богатырь, тамъ ободилъ и работалъ,
 Особенно темной ночью порой,
 То грозно дымяся подобно волгану,
 То неба касаясь кудрявой главой,
 То въ образѣ сопокъ, столповъ огневидныхъ,
 Блуждая по темнымъ лѣсамъ и горамъ,
 То бурной рѣкою иль огненнымъ моремъ
 Разлившись вдали, по ночнымъ небесамъ,
 И заревомъ яркимъ покрывши весь Сѣверь⁵⁾.
 Все это Микула видалъ столько разъ
 И эти картины стояли такъ долго
 Въ глазахъ у него, что народный разказъ
 Досель поражаетъ своею полнотою
 И яркостью красокъ *).

Разъ поднялъ Кошей
 Рысиный свой взоръ на Кавказскія горы;
 Глядитъ онъ туда изъ широкихъ стеней,
 И видитъ вѣющійся дымъ, и горами
 Идущаго съ главной семьею своею,
 Отца земледѣля, роднаго Микулу.
 Онъ долго смотрѣлъ на дымъ этотъ густой,
 Вѣющійся къ небу; потомъ обернувшись
 Къ своимъ, говоритъ имъ: «вы видите тамъ...
 Вотъ онъ, настоящій хозяинъ вселенной:
 Недолго послужить онъ данникомъ намъ,
 Его сыны выгонять родъ нашъ отсюда;
 Онъ знаетъ, гдѣ смерть обитаетъ моя...

«Волки рысучіе,
 Змѣи ползучія,
 Птицы клевучія,
 Горы толкучія,
 Моя полевая, степная семья!

*) Смотр. народныя былинныя сказанія.

Идите на встрѣчу ему, обирайте
 Дѣвицами, хлѣбомъ ихъ, всякимъ добромъ;
 Воюйте съ нимъ, грабьте его, истребляйте!»...
 Услышалъ и царь Воданъ, въ царствѣ морскомъ,
 О шествыи Микулы къ нему, и созвавши
 Своихъ, говоритъ имъ: «о дѣти мои!
 Смотрите, подходитъ къ намъ вѣщій Микула,
 Всемирный кормилецъ, владыка земли.
 Рѣки быстрыя,
 Озера свѣтлыя,
 Заливы широкіе,
 Проливы глубокіе,
 Катите текуція волны быстрѣй,
 Зовите Микулинъ родъ въ край нашъ поморскій;
 Ведите долблены лады ихъ скорѣй
 Въ широкія наши, раздольныя страны!
 Микула несетъ вамъ вѣкъ новый съ собой,
 А вашимъ потомкамъ большія богатства.
 Храните и чтите родъ этотъ благой,
 Братайтесь, роднитесь съ его племенами:
 Микулиной силой и сошвой златой
 Съ небесъ управляютъ безсмертныя боги.»

Между тѣмъ Микула съ своею семьей
 И племенемъ-родомъ спустился въ равнины
 Природа сіяла въ блестящихъ лучахъ
 Палящаго солнца весны первобытной;
 Земля утопала въ зеленыхъ волнахъ
 Высокой травы и цвѣтовъ благовонныхъ;
 Тяжелыя ступни откормленныхъ стадъ
 Едва пробивали копытомъ дорогу
 По зелени сочной, сквозь дѣвственный садъ
 Ползучихъ лианъ или хвойныхъ деревьевъ.
 Обозы ихъ плыли въ пучинѣ цвѣтовъ
 И вьющихся злаковъ, среди изобилія
 И разнообразія всякихъ плодовъ;
 Отважные взоры мѣдяныхъ пришельцевъ
 Съ нѣмымъ восхищеніемъ смотрѣли кругомъ,

Привѣтствуя весело край благодатный,
 Подобный тому, что тамъ въ мірѣ иномъ
 Остался за ними, на дальнемъ Востокѣ.

Но чѣмъ они глубже входили въ него,
 Тѣмъ онъ становился безлюднѣй, пустыннѣй.
 Они не встрѣчали еще никого;
 Вездѣ слѣдъ недавній видѣлся потопа;
 Одинъ міръ волшебныхъ, вѣждительныхъ силъ,
 Блестящаго солнца, роскошной природы,
 Сіялъ, зеленѣлъ и радушно свѣтилъ
 Съ веселыхъ дубравъ имъ и яснаго неба;
 Другой міръ наносныхъ холмистыхъ пластовъ,
 Оставленныхъ моремъ, — стоячаго ила,
 Пластовъ мѣловыхъ или сожженныхъ лѣсовъ,
 Еще выставялъ имъ гигантскія ребра.
 Одни божества, въ лучезарныхъ вѣнцахъ,
 Смотрѣли на нихъ съ облаковъ свѣтозарныхъ,
 Изъ тихихъ дубравъ, или плескались въ рѣкахъ,
 Впивая изъ радугъ прохладную влагу;
 Другіе, въ дыму или въ тинѣ морской,
 Еще копошились по дикимъ вертепамъ,
 По темнымъ ущельямъ, подъ зыбкой землей,
 Или съ ревомъ сражались въ пространствахъ воздушныхъ.

Чѣмъ ниже спускались они съ высей горъ,
 Тѣмъ воздухъ вдругъ нихъ становился тяжелѣ.
 Съ зыбучихъ болотъ, съ безконечныхъ озеръ
 Курились туманы; громовыя тучи
 Почти не сходили съ нависшихъ небесъ;
 Ужасныя бури, вѣтра, ураганы,
 Ломали деревья, коверкали лѣсъ,
 И вмигъ превращали жилой край въ пустыню.
 Мѣстами, остатки огромныхъ костей, —
 Не то исполинскихъ какихъ-то чудовищъ,
 Не то прежде-жившихъ тутъ богатырей,
 Громадныя толщи сожженныхъ растеній,
 Торчали въ оврагахъ, промытыхъ водой,
 И путь заграждали рѣкамъ быстроводнымъ;
 Мѣстами тянулся еще цѣлый слой

Подводныхъ полиповъ, вздымались груди
 Погибшихъ животныхъ морскихъ и камвей,
 Оставленныхъ только отхлынувшимъ моремъ.

Пришельцы встрѣчали чудесныхъ звѣрей,
 Жарь-птиць, змѣй крылатыхъ, ужасныхъ драконовъ;
 Въ глубокихъ ложбинахъ, въ заливахъ глухихъ,
 Въ болотныхъ трущобахъ, еще гомозились
 Стада допотопныхъ чудовищъ морскихъ,
 Чешуйчатыхъ гадовъ, гигантскихъ лягушекъ;
 По мутнымъ озерамъ, проросшимъ травой,
 Плескались съ крикомъ залетныя стаи
 Какихъ-то невѣдомыхъ птицъ, съ головой
 И шеей змѣиной, съ плошной перепонкой.
 Иль съ рыбьими перьями, злобно на нихъ
 Оскаливши зубы, какъ у крокодила.
 Мѣстами, средь низменныхъ доловъ пустыхъ,
 Еще копошились въ грязи известковой,
 Засѣвшія стаи морскихъ длинныхъ змѣй,
 Громадныхъ улитокъ, дикованныхъ раковъ,
 Или расползались отъ блеска лучей
 Палящаго солнца по влажнымъ ложбинамъ;
 Изъ чащи прохладной густыхъ камышей
 На нихъ выставляла вьлки головица
 Еще допотопнаго чуда-слона
 Иль мамонта, взбросивъ свой маленькій хоботь;
 На голомъ песчаномъ холму шла война
 Не то страшныхъ ящеръ, не то звѣрей хищныхъ,
 Покрытыхъ густой по спинѣ чешуей,
 Съ змѣинымъ хвостомъ, съ головой носорога;
 И дикіе крики ихъ, яростный вой
 Собою наполняли вѣмую окрестность.

Знакомый Кавказъ былъ дорогой большой
 Племеньъ первобытныхъ, идущихъ съ Востока;
 Съ одной стороны бѣжить берегъ морской,
 Съ другой протянулись безбрежныя стени....
 Мигула идти мочь, гдѣ прежде прошли
 Его соплеменники, въ первое время.

Онъ слышалъ, что родичи гдѣ-то нашли
 Себѣ большой край, за тремя за рѣками,
 Рѣками—дунаями,—много земли,
 Степной и лѣсной,—и туда шель по слухамъ.

Путемъ онъ дорогой, конечно, встрѣчалъ
 Прибывшихъ въ мѣста этихъ прежнихъ собратьевъ,
 Гдѣ родъ ихъ бродячій уже кочевалъ
 Изъ давнихъ временъ, между Понтомъ и Бугомъ;
 Но роду Микулы тотъ край проходной,
 Путь этотъ открытый съ Востока на Западъ,
 Не могъ быть въ то время приманкой большой,
 Чтобъ здѣсь же раскинуть ему поселенья.

Вошли они въ степи. Одною порою
 Вдругъ слышитъ Микула глухой гулъ съ Полночи.
 Сомкнулась громада,—стоитъ и глядитъ
 На дальнюю Полночь; а тамъ, не то туча,
 Не то синій паръ надъ рѣкою стоитъ,
 Не то пылъ густая закрыла полнеба...
 Потомъ табуны показались коней,
 За ними блеснули побережья рѣчныя,
 Послышался топоть, гамъ, крики людей,
 Мычаніе стада, скрытъ телѣгъ и кибитокъ;
 И вотъ впереди всѣхъ, какъ соколъ, летитъ
 Младой богатырь, Колыванъ неизвѣстный, —
 Съ коня, будто туча, густой паръ валитъ,
 На бронѣ играетъ всходящее солнце...

Разумный Микула тотчасъ же велитъ
 Копать ровъ громадѣ, сдвигать колымаги;
 Кто гонитъ стада, кто собираетъ дѣтей,
 Кто тащитъ оружье, вдѣваетъ доспѣхи, —
 Микула въ главѣ всѣхъ; равнина степей
 Тотчасъ принимаетъ видъ браннаго стана..
 Но только ихъ станъ подвижной приведенъ
 Въ надежный порядокъ, всѣ съ радостью видятъ,
 Что это бѣжить къ нимъ родимый ихъ Донъ.

Микула выходитъ къ нему съ хлѣбомъ-солью;
 Донъ также съ радушьемъ встрѣчаетъ его.

Потомъ говорить, что бѣжить изъ стеней онъ,
 За синее море, въ главѣ своего
 Великаго рода, туда, гдѣ Стрѣла-князь
 Воюеть съ царями восточныхъ племень,
 Издревле богатыхъ; но тамъ, на Полночи,
 Откуда идетъ онъ, воинственный Донъ,
 Лежить край обильный, — обширныя степи
 И пастбища, рѣки, озера, лѣса;
 Есть всякая рыба и всякіе звѣри;
 Такія же точно, какъ здѣсь небеса,
 И всякихъ плодовъ, птицъ, звѣрей изобиле.

Микула дарить этихъ пришлыхъ людей,
 Чѣмъ могъ онъ въ то время, отъ сельскихъ избытковъ;
 А Донъ отдалилъ косиками коней,
 И тутъ же простившись, направился къ морю.

Идутъ они дальше, и слышать опять
 Несется съ Полночи еще шумъ сильнѣйшій;
 Дрожить земля, будто подходитъ къ нимъ рать
 Иль страшная сила, валить паръ конинный;
 Потомъ табуны показались коней,
 За ними блеснули побережья рѣчныхъ,
 Послышался топоть, гамъ, крики людей,
 Мычаніе стада, скрышь телѣгъ и кибитокъ;
 И вотъ впереди всѣхъ, какъ туча, катить
 Еще богатырь-Кольванъ неизвѣстный;
 Дождемъ сыплютъ искры отъ конскихъ копытъ,
 Тяжелые камни гремятъ подъ ногами.

Опять укрѣпиться Микула спѣшитъ,
 Велитъ копать ровъ и сдвигать колымаги;
 Но лишь богатырь показался степной,
 Всѣ съ радостью видятъ, что Днѣпръ то Словутичъ.
 Старинный ихъ также соотчичъ родной.

Микула выходитъ къ нему съ хлѣбомъ-солью;
 Родной Днѣпръ радушно встрѣчаетъ его,
 Потомъ говорить, что идетъ онъ съ Полночи,
 За синее море, въ главѣ своего
 Великаго рода, —туда, гдѣ Стрѣла-князь

Воюеть съ царями; но эта страна,
 Откуда идетъ онъ, весьма плодородна,
 И всякимъ природнымъ богатствомъ полна,
 Лишь край этотъ новый никѣмъ не воздѣланъ;
 А много всего въ немъ, — озера, лѣса,
 Есть всякая рыба и всякіе звѣри,
 Такія же точно, какъ здѣсь, небеса,
 И всякихъ плодовъ, птицъ и всего изобилія.

Микула дарить также этихъ людей,
 Чѣмъ могъ онъ въ то время, отъ сельскихъ избытковъ:
 А Днѣпръ дарить шкуры пушистыхъ звѣрей;
 Затѣмъ распрощались они и разстались ⁶⁾.

Микула вступаетъ въ лѣсистый Гилей,
 Болотистый край, гдѣ царилъ Эхидна,
 Мать древняя Скифовъ, еще дикарей,
 Какъ звали ихъ греки. Но этой порою
 Тутъ жило не мало арійскихъ племень,
 Носившихъ названія Ласточекъ, Цаплей,
 Кабановъ, Котовъ, — съ самыхъ древнихъ временъ
 Считаясь въ родствѣ Киммеріанамъ — Сербамъ ⁷⁾.

Предъ вѣщамъ Микулой, какъ синій туманъ,
 Открылося море лѣсовъ первобытныхъ,
 Еще міръ чудесный невѣдомыхъ странъ, —
 Племень и народовъ, быть-можетъ, враждебныхъ;
 Еще міръ таинственный новыхъ чудесъ, —
 Чудовищъ и дивовъ, быть можетъ страшнѣйшихъ.
 Глухою стѣною стоитъ темный лѣсъ;
 А что за тѣмъ лѣсомъ, одни знаютъ боги....

«Лѣса со лѣсами совиваются,
 «Вѣтви по землѣ разстилаются,
 «Ни пройти (Микулѣ), ни проѣхать!»
 Подобно Перуну-Егорию, —
 «Тогда онъ, (Микула), глаголетъ:
 «Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
 «Встаньте и расшатнитесь,
 «Расшатнитесь, раскачитесь.
 «По его, (Микулину), моленію,

«По его святому терпѣнію,
«Отдѣлялись лѣса отъ сырой земли.»...

А гдѣ лѣса темны моленья не слушаютъ,
Тамъ есть у него, у Микулы, заклятіе.

«Встанеть онъ, пойдетъ въ чисто поле,
«Въ широкое раздолье, къ синему морю-Окіану.
«У того синяго моря-Окіана лежитъ огненный змѣй;
«Срижается-сваряжается онъ
»Зажигать горы и доли, и быстрыя рѣки.
«Выходитъ Микула, благословясь,
«Выйдетъ онъ въ чистое поле,
«Станеть на Востокъ лицомъ,
«На Западъ хребтомъ;»

Онъ третъ два полѣна,—валить дымъ густой;
Выходитъ изъ дыма, съ кудрявой главой,
Сухманъ-богатырь, сынъ небеснаго Солнца,
Микула стоитъ съ чашей масла надъ нимъ:
Онъ ей надъ огнемъ поливаетъ живымъ,
А самъ заклинаетъ съ отеческой лаской:

«Довольно тебѣ,
Царь огненный-змѣй,
Грознымъ дивомъ бродить;
«Довольно тебѣ,
На взморіи жить,
Горы, доли палить.
«Молюся тебѣ,
Сухманъ-богатырь,
Зажги темны лѣса,
«Очисти по нимъ
Дороженьку намъ,
Раствори небеса,»⁸⁾).

И внемлетъ онъ рѣчи Микулы родной,
Сухманъ-богатырь, дивъ съ кудрявой главой,
И внемлетъ онъ вѣщамъ его заклинаньямъ.
Выходитъ Сухманъ изъ костра на траву,
Идетъ, поднимая все выше главу,
Неслышный, чуть видный, къ дремучему лѣсу;
Но только вступаетъ подъ сѣнь онъ древеть,

Онъ быстро расетъ и беретъ ихъ въ охапку;
 Шипитъ и трещитъ перепуганный лѣсъ,
 Коробятся въ страхѣ дрожащія вѣтви,
 Поблекнули листья, и съ свистомъ глухимъ,
 Со всѣхъ сторонъ брызжетъ багровое пламя.
 И молить лѣсъ темный Сухмана, сквозь дымъ:
 «Не тронь, богатырь, насъ; не мучь ты напрасно!
 Все будетъ, какъ хочешь».... Но онъ лишь идетъ.
 И мечетъ по лѣсу могучія руи;
 Захватить поллѣса, тотчасъ же зажжетъ,
 И вновь идетъ дальше; а красное пламя,
 Какъ бурныя волны, растеть все растеть.
 И огненнымъ моремъ бѣжитъ за нимъ слѣдомъ.

Теперь, лѣсъ дремучій, теперь лишь держись!
 Вотъ внуки Стрибоговъ *) съ шумомъ подвозить
 Ему колесницу, къ все запряглись,
 И съ визгомъ, и съ гикомъ помчались по чащѣ;
 Еще сталъ свирѣпѣй ужасный Сухманъ;
 Полнеба покрылъ онъ удушливымъ дымомъ,
 А въ слѣдъ за нимъ лететь огня океанъ...
 Бѣгутъ какъ шальные и мечутся звѣри
 И дивы,—съ неистовымъ крикомъ летять
 И вьются надъ лѣсомъ чудовища-птицы,
 Ползутъ по горящей золѣ и шипятъ
 Ужасныя гады.... А онъ все несется,
 Едва уже видный среди облаковъ,
 Въ багровомъ туманѣ.

И вотъ, предъ Микулой
 Широко лежитъ, будто темный покровъ,
 Открытое поле. Кой-гдѣ одиноко
 Чернѣютъ стволы обгорѣвшихъ деревъ,
 Какъ мрачныя остовы мертвыхъ титановъ,
 Когда-то царившихъ по этимъ мѣстамъ;
 Лишь красное пламя, чуть видною змѣйкой.
 Порой пробѣжить по обугленнымъ пнямъ,
 И снова раздутое огненнымъ вихремъ,

*) Стрибогъ, славянской богъ вѣтровъ.

Подымется къ небу столбомъ золотымъ,
 Надъ сѣрою грудой угасшаго пепла;
 Иль дерево рухнетъ со скрипомъ глухимъ,
 И брызнуть фонтаномъ вокругъ него искры.

Микула и родъ его племя вошли
 Въ сплошныя равнины страны приднѣпровской;
 Предъ ними лежалъ край обильной земли,
 Какъ бы ожидавшій ихъ только прибытія,
 Чтобъ сдѣлаться садомъ Полуночныхъ странъ
 И дать отдаленнымъ Микулы потомкамъ
 Прозванье отъ грековъ,—Георговъ-Полянъ,—
 Той самой древнѣйшей страны замледѣльцевъ,
 Гдѣ позже гораздо, иль той же порой,
 Столь мало извѣстной, ихъ вѣщце братья
 Кій, Щекъ и Хоривъ, съ молодою сестрой,
 Живущей понинѣ, прекрасной Лыбелю,
 Построили мѣвъ⁹⁾

Здѣсь всгрѣтила ихъ
 Днипра-Королевишна, вѣщяя вила,
 Царица-валькирья мѣсть этихъ глухихъ,
 Что греки считали страной амазовокъ,—
 Воинственныхъ дѣвъ, наводившихъ собой
 Таинственный страхъ на былую Элладу.
 Онѣ занимались одною войной,
 Чуждались мужчинъ, тихой жизни семейной;
 Звѣриная кожа на плечахъ зимой,
 Покровъ легкій лѣтомъ,—служилъ имъ одеждой;
 Ихъ сборный кружокъ былъ родной имъ семьей,
 А воля царицы ихъ,—высшимъ закономъ.
 Съ копьемъ, обожженнымъ изъ дуба, въ рукахъ,
 Съ стрѣлами съ насаженной костью, въ колчанахъ,
 Въ той легкой одеждѣ на голыхъ плечахъ,
 Онѣ проносились воинственной ратью
 По темнымъ лѣсамъ, по ложбинамъ степнымъ,
 Въ сосѣднія съ ними и дальнія страны,
 Грозя непрестанно народамъ чужимъ,
 Чудесною ихъ, безпощадною силой.

И горе тому, посягнуть кто-бъ посмѣлъ
 На дѣвственный край ихъ, иль стыдъ ихъ дѣвичій:
 Онѣ закидали-бъ его тучей стрѣлъ,
 Или растерзали-бъ, какъ хищные звѣри ¹⁰⁾.

Ихъ знали давно въ приднѣпровской странѣ,
 И дальше по берегу Чернаго моря;
 И ежели вѣрить сѣдой старинѣ,—
 Онѣ, обогнувши побережье Кавказа,
 Во время извѣстной Троянской войны,
 Ходили на помощь къ далекимъ Троянцамъ;
 И долго ихъ именемъ были полны
 Далекія страны Востока и Юга;
 Пока дочь Микулина ихъ собрала
 Въ кругъ болѣе тѣсный,—кругъ мирный, семейный;
 Хоть также смирить въ нихъ еще не могла
 Характеръ воинскій.

По нашимъ преданьямъ,
 Младая Днипра, до конца своихъ дней,
 У насъ почитается вилой-валькирьей,
 И мѣткой изъ лука стрѣльбою своей
 Она даже спорить съ воинственнымъ Дономъ,
 За что и была поплатиться должна
 Потомъ своей жизнью.

Здѣсь, возлѣ Гилея,
 Могъ жить на Днѣпрѣ, еще въ тѣ времена,
 И страшный тотъ Змѣй, вѣроятно, потомокъ
 Восточныхъ Сохаковъ, а можетъ, сродни
 И лютымъ тѣмъ Змѣямъ, что выгнали Невровъ;
 Тотъ Змѣй, собиравшій изъ каждой семьи
 По дѣвушкѣ, *) въ видѣ положенной дани.
 Впослѣдствіи, сказанья объ этомъ страны,
 Не разъ, какъ мы знаемъ, могли измѣниться:
 Но нить ихъ уходитъ во мглу старины
 И вяжется прямо съ той первой эпохой ¹¹⁾.
 Еще того прежде Микула нашъ зная,

*) По другому преданью: по юношѣ.

Когда былъ Перуномъ, стихійнаго Змѣя,
 Что онъ запрягъ въ сошку; но здѣсь предстоялъ
 Ему новый подвигъ, и можетъ, труднѣйшій.

Блестящее солнце столпомъ золотымъ
 Всплывало съ Востока изъ моря тумана,
 Какъ будто встрѣчая сіяньемъ своимъ
 Родимыхъ своихъ, первородныхъ потомковъ.
 По мѣрѣ ихъ шествья, все шире, полнѣй,
 Вкругъ нихъ раздвигалась вдали понорама
 Цвѣтущихъ равнинъ, сихъ грядущихъ полей,
 Веселыхъ побережій, озеръ и заливовъ;
 Страна вся кишѣла обильемъ плодовъ,
 А дальше синѣлъ боръ глухой и пустынный,
 Пока еще царство безвѣстныхъ враговъ.
 Рѣчной свѣжій воздухъ сулилъ имъ здоровье;
 Кусты винограда, сплетаясь, вились
 У нихъ подъ рукою; станицы пернатыхъ
 Порхали по воздуху или неслись
 Густой вереницей съ далекой Полночи.

Весь берегъ Днѣпровскій широко пестрѣлъ
 Толпами идущихъ вдали поселенцевъ;
 А слѣдомъ за ними, ихъ путь зеленѣлъ
 Или золотился желтѣвшю нивой.

Съ душевной отрадой Микула глядитъ
 На край благодатный; у Пріи сердечной
 Глаза разгорѣлись и сердце стучить,
 Отъ будущихъ благъ, что сулитъ обладанье
 Ей этой страной, гдѣ все веселить
 И радуеть взоры. Она привлонила
 Къ отцу на плечо, и ему говорить:
 «Свѣтъ-батюшка мой ты родной! Посмотри-ка
 На эти равнины шелковыхъ луговъ,
 На эти дубравы и синія воды;
 Нѣтъ только здѣсь нашихъ червленыхъ судовъ,
 Нѣтъ сель нашихъ, градовъ, чтобы оживился
 Край этотъ привольный. Гдѣ мы ни прошли,
 Нигдѣ не встрѣчали такого обилья,

Такой плодородной богатой земли.
 Густыя дубравы ее заслонили
 Отъ дивовъ Полночи, поля и луга
 У насъ подъ руками. А эти рощенья,
 Куда не ступала понынѣ нога
 Еще человѣка, — онѣ полны птицы
 И звѣря пушнаго. Съ Востока сюда
 Путь къ грекамъ; въ мѣстахъ сихъ живутъ наши братья.
 Не здѣсь ли земли золотая среда?
 Отсюда пойдемъ мы лѣсными рѣками
 На Западъ и Сѣверъ; по ихъ берегамъ
 Сыны наши срубятъ торговые грады,
 Внесутъ въ новый край сей служенье богамъ,
 И древній законъ и обычай отцовскій.
 Вотъ край, предназначенный свыше судьбой
 И матерью нашей Землей намъ на долю;
 Здѣсь сядетъ въ раздольи весь родъ нашъ святой,
 И будетъ богаче, сильнѣй всѣхъ на свѣтѣ».

— ~~Свѣтъ-вѣщяя доль ты моя! говоритъ~~

На это Микула родной Селеницычъ...
 Тобой свѣтлый родъ нашъ, какъ солнце, блеститъ;
 Тобой начался онъ, тобою завершится,
 Ты благословенна на каждомъ селѣ;
 Гдѣ ты указала, тамъ мы и вѣлимся.
 И далъ тебѣ жизнь на родимой землѣ.
 Но ты разцвѣла и потомъ возмужала
 Ученіемъ вѣщихъ, святыхъ мудрецовъ,
 Божественной пищей небесной науки;
 Чрезъ это ты сдѣлалась дочерью боговъ,
 Уставщицей теплыхъ молитвъ и обрядовъ, —
 Ты нашей грядущей судьбины заря.
 «Когда не имѣлъ мѣръ главы, то колеблемъ
 Былъ страхомъ, и Вышній далъ людямъ царя»...
 Я ваша глава, какъ старѣйшій межъ вами;
 Но ты свѣтъ народный, ты разумъ его,
 Пророчица, слово боговъ вѣковѣчныхъ;
 Ты мать судебъ нашихъ, царица в него,
 Что есть и что будетъ. Безсмертные дали

Тебѣ читать въ мракѣ грядущемъ время;
 Не даромъ пришли мы въ сей край благодатный,
 На то воля Божья. Миѣ также былъ сонъ,
 Что будто бы здѣсь изъ тебя чудно выросъ
 Развѣсистый дубъ, и широко покрылъ
 Своими вѣтвями край этотъ обширный;
 И много онъ разныхъ племенъ осѣнилъ
 Своею густою, широкою листвою;
 И я самъ, проснувшись, въ умѣ порѣшилъ,
 Чтобъ здѣсь намъ раскинуть свои поселенья ¹²⁾.

Межъ тѣмъ въ высотахъ, на зажженныхъ кострахъ,
 Дымилися жертвы богамъ вѣковѣчнымъ;
 Кровь жертвъ собиралась въ священныхъ котлахъ
 Для высшей вѣщбы. По ея испареньямъ,
 По цвѣту, осадкѣ, судилось о томъ,
 Какой ожидаетъ успѣхъ предпріятъе;
 Оно утвердится иль нѣтъ божествомъ, —
 Въ чемъ вѣщія дѣвы гаданья давали
 Свои прорицанья. Гадали онѣ
 Священными также стрѣлами, — подобьемъ
 Лучей жгучихъ солнца.

Тогда какъ однѣ

Изъ жрицъ и гадальщицъ толпились вокругъ Грозной,
 Готовившей жертвы, что тутъ же она,
 Связавъ, отдавала жрецамъ на закланье, —
 Прекрасная Прія, величья полна,
 Взглянула въ котель съ осаждавшейся кровью,
 Подперла бедро себѣ лѣвой рукой
 И, глазъ не спуская съ дымившейся крови,
 Сказала: «кровь жертвы угодна богамъ;
 Они принимаютъ отъ міра хлѣбъ съ солью.
 Безсмертные шлютъ благоденствіе намъ
 И полное счастье въ мѣстахъ этихъ новыхъ.
 Вотъ, — батюшка, свѣтъ нашъ, родимый Велесъ,
 Какъ волю бѣжитъ къ пойлу святой нашей жертвы;
 Еще облака разбрелись вдоль небесъ,
 Какъ будто коровушки врознь среди поля;
 Но онъ, пастушекъ нашъ, скликаетъ ужъ ихъ;

Бѣгутъ и онѣ, какъ телята за матвой...
 Узрѣлъ насъ Сварожичъ съ небесъ золотыхъ,
 И мечеть на нашихъ враговъ онъ далеко
 Палящія стрѣлы».

Потомъ собрала

Она заостренныя стрѣлы гаданья,
 Разсыпала ихъ по землѣ, обошла
 Вокругъ нихъ три раза, и снова сказала:
 «Раздвинется родъ нашъ по здѣшней странѣ,
 Какъ эти вотъ стрѣлы; путей ему много...
 Размножится родъ нашъ, какъ рыба на днѣ
 Рѣки многоводной. Кто выше насъ въ мірѣ?
 Отецъ нашъ царить на землѣ и въ водахъ,—
 Въ немъ восемь частицъ силъ божественныхъ міра;
 Нѣтъ равныхъ ему въ поднебесныхъ странахъ;
 Онъ силою возлухъ, огонь, въ немъ блескъ солнца
 И мѣсяца, онъ божество свѣтлыхъ водъ,
 Верховный царь правды, источникъ богатства,
 Властитель земли... Кто его назоветъ
 Простымъ человѣкомъ? Для всѣхъ онъ богъ вышній,
 Въ лицѣ человѣка... Пусть каждый лишь родъ
 Наслѣдіемъ править своимъ безъ раздѣла,
 Какъ правда велить, какъ законъ нашъ постигъ. —
 Зане по законамъ святымъ у насъ правда.
 Взгляни на насъ, Ладо! ¹³⁾».

И въ этотъ же мигъ

Златой лукъ Перуна, дугой семицвѣтной,
 Раскинулся въ небѣ; неистовый крикъ
 Привѣтствовалъ громко незримаго бога.
 Какъ бы отвѣчая, вдали раздались,
 Подобные ржанью коня боеваго,
 Раскаты громовые, — и понеслись
 Еще громогласнѣй народныя клики...

Затѣмъ начался шумный жертвенный пиръ,
Гдѣ дивъ-Обѣдало и дивъ-Опивало
Боролись въ ѣдѣ и въ питьѣ, пока міръ
Народный терять лучъ послѣдній сознанья,
И тутъ же въ хмѣлю засыпалъ крѣпкимъ сномъ;

Но долго гремѣли вдали еще крики,
И въ тактъ выступаи, въ восторгѣ святомъ,
Плясалъ хороводъ женъ и дѣвицъ славянскихъ.

Одни состязалась межъ тѣмъ въ похвалбѣ;
Другіе, моложе, въ ристаньи; иные
Въ метаньѣ камней или въ ловкой борьбѣ,
Въ кулачномъ бою, ихъ любимой забавѣ... 14).

Таковъ міръ народный! Малѣйшій привѣтъ
Иль ласковый знакъ божества его тѣшить;
Въ небесныхъ явленяхъ блескитъ ему свѣтъ,
Въ счастливой примѣтѣ онъ видитъ удачу.
Міръ этотъ не зналъ, что онъ самъ богъ земли,
А боги тѣ были его же созданье;
Они удалятся въ свой часъ, какъ пришли, —
А онъ, неизмѣнный хозяинъ вселенной.

Иные искали удобныхъ ужъ мѣстъ
Своимъ поселеньямъ; другіе шли дальше,
Побрежьями рѣкъ, по теченію звѣздъ,
Вглубь, полнаго всякимъ обиліемъ, ерая.
Какъ шумный приливъ и отливъ темныхъ волнъ,
Далеко чернѣли толпы за толпами;
Мѣстами дымился пылающій горнъ,
Мѣстами сряжалась родимая сошка.
Все имъ обѣщало привольные дни,
Природа — обилье, земля — плодородье...
Вотъ эти мѣста, что искали они,
Куда привела ихъ молва черезъ горы
И быстрыя рѣки.

Въ низовьяхъ Днѣпра

Тогда обитали сперва Волкодлаки;
Но уже прошла золотая пора
Господства ихъ въ этой странѣ благодатной.
Тѣснясь съ Сѣвера племенемъ Змѣй,
Они удалились отсюда на Западъ;
А край приднѣпровскій, гдѣ жили позднѣй,
Подъ сѣнію Кіева, наши Поляне,
Сталъ давникомъ новыхъ пришельцевъ. Они,

Какъ сказано выше, въ дань брали съ сосѣдей,
 По дѣвушкамъ въ каждомъ семействѣ, одни
 Господствуя въ этихъ пространствахъ. Настала,
 Какъ видно, чередъ дань платить и Микулѣ, —
 Иль край приднѣпровскій къ Микулѣ прислалъ
 Просить его помощи, противъ Змѣй лютыхъ
 И тяжкой ихъ дани: затѣмъ что одинъ
 Микула свершить могъ тяжелый сей подвигъ,
 Приписанный послѣ, въ разказахъ родныхъ,
 Кузьмѣ Божемякѣ, — (такъ поздней порой,
 Отецъ земледѣля зовется не тщетно
 У насъ то Микулой, то вѣщимъ Кузьмой);
 Но только слышалъ о дани постыдной,
 Вскипѣлъ страшнымъ гнѣвомъ Микула благой.
 Предъ нимъ просушались волови божи;
 Микула съ досады рванулъ ихъ рукой,
 И въ разъ разорвалъ ихъ сырѣемъ цѣплымъ ворохомъ
 Потомъ, въ одинъ мигъ, поднялся, и идетъ
 На берегъ Днѣпровскій; за нимъ потанулся
 И родъ его, племя, пустивъ напередъ
 Своихъ соглядатаевъ вывѣдать мѣстность.

Межъ тѣмъ и въ степи, уже нѣсколько дней,
 Замѣчено было большое движенье, —
 Бѣжали-ль стада по ней дикихъ звѣрей,
 Или клонилъ вѣтеръ траву шелковую,
 Но только движенье росло все сильнѣй;
 И вотъ, разступилась трава шелковая,
 Вдали появилось полчище Змѣй,
 Иль лучше, какихъ-то хохлатыхъ чудовищъ,
 Съ цвѣтными хохлами на пестрыхъ башкахъ,
 Въ узорчатой, будто расписанной кожѣ,
 Съ серьгами во рту и съ серьгами въ ушахъ,
 И съ жадами, видомъ подобными коньямъ.
 Одни извиваясь, ползли по травѣ,
 Другіе стояли, подпершись хвостами;
 Яснѣй всѣхъ виднѣлся у нихъ во главѣ,
 Змѣй самый огромный и самый хохлатый,
 Весь пестрый, съ блестящею въ ухѣ серьгой

И съ яркимъ перомъ на хохлѣ,—ихъ начальникъ.

Микула выходитъ съ отборной толпой
 Вождей и старѣйшинъ своихъ, въ нимъ на встрѣчу;
 Замѣтивши это, и главный тотъ Змѣй
 Тотчасъ отдѣлился отъ рати змѣиной,
 Съ отборной змѣиною свитой своей,
 И первый такъ началъ къ Микулѣ онъ слово:

«О вѣщій и сильный земли человекъ
 Иль богъ, намъ безвѣстный, —кто-бъ ты, пришлецъ, ни былъ!
 Почто ты пришелъ изъ за-горь, изъ за-рѣкъ,
 Разрушить въ мѣстахъ сихъ владычество наше?
 Почто выжигашь ты наши лѣса?
 Почто истребляешь ты наши жилища?...
 Какъ будто здѣсь только блестятъ небеса,
 Иль нѣтъ тебѣ мѣста опречь земли нашей.
 Отъ вѣка живемъ мы въ мѣстахъ сихъ глухихъ,
 По темнымъ пещерамъ, душлистымъ деревьямъ,
 Пьемъ кровь и ѣдимъ супостатовъ своихъ,
 Беремъ себѣ дань, по дѣвицѣ съ семейства;
 Но какъ человекъ ты, я вижу,—то знай,
 Страна эта наша, и въ ней мы владыки.
 Когда ты посмѣлъ появиться съ нашъ край;
 То намъ покорись и плати ежегодно
 Такую же дань,—по дѣвицѣ съ семьи,
 Какъ платять другіе. Вотъ что повелѣлъ мнѣ
 Сказать тебѣ грозный царь здѣшней земли,
 Глава и владыка змѣинаго рода».

Микула оперся на посохъ рукой,
 И давъ кончить Змѣю, ему отвѣчаетъ:
 «О хитрый *) Змѣй!... Князь ты или кто иной,
 Посоль иль другой кто, про то я не знаю;
 Не хитрая будетъ къ тебѣ рѣчь моя,
 Но ты не взыщи, только дай досказать мнѣ.
 Про вашъ родъ змѣиный слыхалъ уже я;
 По вашимъ законамъ, намъ жить непригодно.
 Мы здѣсь пришлецы, но съ собой принесли

*) Слово: хитрый въ древности значило: мудрый, ловкій, знающій.

Свой бытъ и законы. Не богъ я всеильный,
 Ты правду сказалъ; я сынъ младшій земли,
 Но худа тебѣ и твоимъ не желаю:
 Затѣмъ что земля,—мать родная моя,
 И всѣ ея дѣти мнѣ также родные;
 Куда ни вступаю съ моимъ родомъ я,
 Тамъ скоро всѣ сами родятся со мною.
 Вы полны враждою ко мнѣ и къ моимъ,
 Затѣмъ, что питаетесь пищею нечистой,
 Живете по дупламъ, пещерамъ глухимъ,—
 Не знаете жизни прямой и раздольной;
 Одна лишь война да раздоры у васъ;
 Но мы ѣдимъ хлѣбъ, а пьемъ медь мы и брагу,
 День цѣлый трудимся.... Взгляните на насъ,—
 Мы сильные люди; а вы еще дивы.
 Идите-жь, скажите царю своему,
 Что выходовъ, даней платить я не буду —
 И кровныхъ я дочерей не выдамъ ему;
 А пусть онъ со мною помѣрится силой.
 Который изъ насъ одолѣетъ въ борьбѣ,
 Тотъ, значить, и будетъ владыкою въ краѣ.
 Вотъ сказъ мой послѣдній, Змѣй хитрый, тебѣ,
 Снеси же царю это, вашему Змѣю.»

Но царственный Змѣй вступать въ бой не хотѣлъ;
 Онъ зналъ про ужасную силу Микулы,
 Отца земледѣля, и явно не смѣлъ
 Съ нимъ мѣриться силой. Тогда Селянинъчъ,
 Приблизясь къ пещерѣ, ему закричалъ,
 Что онъ разбрасаетъ его логовище;
 Противиться Змѣю ужъ было нельзя;
 И вотъ, собрался онъ со всей своей силой,—
 И вышелъ.

Дрогнула сырая земля,
 Узрѣвъ предъ собою свое порожденье,
 Такого титана; лишь развѣ во снѣ
 Видалъ родъ Микулинъ подобныхъ чудовищъ....

Свои и враги отошли къ сторонѣ,
 Оставивши только въ срединѣ пространство

Соперникамъ грознымъ; и всё въ тишинѣ,
Не двигаясь, ждали, чѣмъ кончится битва.

Но нашъ-то Микула, догадливъ онъ былъ,
Онъ весь обмотался сырой коноплею,
Что онъ передъ этимъ еще насолилъ.
И вотъ, началась упорная битва;
Змѣй лютый Микулу и жжетъ, и палить,
И ваетъ, вотъ разорветъ въ мигъ на части;
А это съ него капопля лишь летить;
Но онъ самъ, Микула, стоитъ невредимый,
Да знай себѣ лютаго Змѣя долбить
Тяжелою палицей по головецѣ.

Боролися долго они такъ вдвоемъ,
Какъ равные оба гигантскою силой;
Не разъ отдыхали, и снова потомъ
Бидалися въ-схватку. Змѣй сталъ напоследокъ
Слабѣть подъ тяжелой Микулы рукой,
И тихо взмолился: «не бей меня на смерть,
Микула! Нѣтъ въ свѣтѣ сильнѣй насъ съ тобой;
Раздѣлимъ всю землю и весь свѣтъ подлунный
Мы поровну; будешь ты жить самъ большой
Въ одной половинѣ, а я съ моимъ родомъ
Въ другой».... «Хорошо! рекъ Микула благой:
Раздѣлимъ, пожалуй, мы землю межъ нами;
Инь-надо собща намъ межу проложить....»
Царь Змѣй согласился.

И вотъ, положили
Микула и Змѣй, межъ нихъ землю дѣлить,
Назначивъ при этомъ такія условья:
Что онъ, Селянинычъ, съ потомствомъ своимъ
Займетъ подъ себя, иль запашетъ, засѣетъ,
По доламъ широкимъ, равнинамъ пустымъ,
И словомъ, въ чему онъ, Микула, приложить
Хоть часть золотого труда своего, —
То будетъ отнынѣ во вѣкъ нерушимо
Его достояньемъ и рода его;
А все остальное, чего не займетъ онъ
Или не распашетъ сохою своей,

Или не засѣтъ земными плодами, —
 Всей этой пустыней владѣть будетъ Змѣй.

Условіе это они утвердили
 Взаимною клятвой, смѣшавши ихъ кровь
 Въ одной общей чашѣ съ виномъ или брагой,
 И дали обѣтъ, блюсти миръ и любовь
 И сей договоръ межъ собой, до скончанья,
 Во всемъ нерушимо, всегда и вездѣ,
 Повуда на небѣ свѣтитъ будетъ солнце,
 Хмѣль плавать, а камень тонуть на водѣ ¹⁵⁾.

Покончивши дѣл, съ главою змѣинымъ,
 Разумный Микула велѣлъ имъ подать
 Печенаго хлѣба съ братами меда;
 Поѣлъ самъ и отпилъ, и сталъ угощать
 Смирѣннаго змѣя и всю его свиту.
 Сперва Змѣй отвергнулъ земли благодать:
 Ему не взлюбилось ни то, ни другое;
 Но послѣ привыкнулъ. Змѣиная рать,
 Накинулась жадно на сладкую пищу,
 Пошелъ по змѣинымъ башкамъ хмѣль гулять;
 Дни цѣлые длилось у нихъ пированье,
 А ночью иные и сами ползли
 Въ станъ вѣрѣкій Микулы, — и только, собравшись
 Совсѣмъ ужъ въ дорогу, случайно нашли
 Едва ихъ живыхъ подъ корчагами съ медомъ.

Изладилъ Микулушка сошку свою,
 Ту сошку златую, что въ дни еще оны,
 Когда вышелъ встрѣтить онъ міра зарю,
 Ему подарило родимое Солнце;
 Впрягъ Змѣя, и прямо бороздку повелъ
 Съ угодій Днѣпровскихъ на синее море;
 Какъ-разъ поднялся и весь родъ, и пошелъ
 За нимъ, за главою славянскаго міра.
 Сперва пастухи шли въ главѣ стадъ мірскихъ,
 Играя на длинныхъ рожкахъ и на дудкахъ,
 Тѣхъ тибіяхъ древнихъ, что въ пѣсняхъ своихъ
 Прославилъ впоследствии Тибулъ съ Феокритомъ,

А позже Горацій. Чуть видны въ травѣ,
Они шли съ шестами, обвитыми хмѣлемъ,
Какъ сонмъ согладатаевъ хитрыхъ, въ главѣ
Родимыхъ племенъ, пролагая дорогу ¹⁶⁾.

За ними Микула вель сошкой златой,
Запряженной Змѣемъ, широко бороздку;
А вѣщая Вана чудесной рукой
Въ ней сѣяла сѣмя общественной жизни ¹⁷⁾.

Идетъ онъ, Микула,—а слѣдомъ за нимъ
Уже зеленѣеть широкое поле,
Желтѣютъ колосья, изъ трубъ вьется дымъ,
Шумить и гудить бытъ живой деревенскій,
Мычатъ, подъ ярмомъ ихъ, волю по полямъ,
Чернѣетъ земля, поднятая съ травомъ,
Валятся деревья по темнымъ лѣсамъ,
Сѣвозъ листву мелькаютъ высокія прясла;
Здѣсь слышится молотъ, тамъ звукъ топора,
Мѣстами повѣетъ душистой смолою;
Тамъ лыкъ и мочала моченыхъ гора,
Тамъ глухо стучить долговязая ступа;
Здѣсь бабы и дѣвки колотятъ валькомъ,
Тутъ дикій конь рвется подъ парнемъ удалымъ,
А тамъ, на нихъ глядя, мальчишка верьхомъ,
Держась за рога, усмиряетъ возлеза;
Толпа ребятишекъ, лѣпясь за хвостомъ,
Неистово воетъ и машетъ руками.

Затѣмъ, среди сонма избранныхъ мужей,
Маститыхъ годами и опытомъ, старцевъ,
Весенняго свѣтлаго утра яснѣй,
Какъ вѣщая Ганга ^{*)}, въ лучахъ свѣтозарныхъ,
Шла вѣщая Прія, держа мечъ въ рукахъ,
Карающій вшивду, и дску правдодатну,
Священную дску, гдѣ въ немногихъ словахъ
Былъ вырѣзанъ первый законъ ихъ гражданскій.

За нею, въ поязкахъ и лентахъ цвѣтныхъ,
Въ широкихъ одѣждахъ, въ расшитыхъ покрывахъ,

*) Ганга есть олицетвореніе также луны въ Индѣйской мѣологіи.

Съ щитами въ рукахъ и съ кѣнками на нихъ,
 Плывъ поступью плавной, чуть-чуть подбоченясь
 И въ тактъ выстуная, молодой хороводъ
 Подругъ щитоносныхъ ея, громкой пѣснью
 Моля дары неба на славный ихъ родъ,
 Святое обилье и дождь благодатный
 На тучное стадо и нивы полей.

Тогда какъ за ними, толпа безбородыхъ
 И ужъ бородастыхъ парней и мужей,
 Со смѣхомъ тащила, связавши веревкой,
 Мохнатыхъ двухъ лѣшихъ, на судъ свой мірской;
 Другіе-жь съ свирѣлю, а кто съ балалайкой,
 Иль ложками мѣрно звѣня надъ головой,
 Подъ звуки сихъ вѣщихъ орудій, что стали
 Потомъ образцами для лиры златой,
 Позднѣйшихъ сирингъ и кротолы звенящей,
 Что древній грекъ принялъ, позднѣйшей порой,
 Въ свой хоръ, исполняя фригійскую пляску, —
 Неслись, раскраснѣвшись отъ браги хмѣльной
 И сладкаго меда, плясали и пѣли,
 То станъ развивая въ тактъ пѣсни родной,
 То вихремъ скользя и кружась межъ рядами.

Потомъ, въ колымагахъ, на тучныхъ волахъ,
 Въ скрипучихъ телѣгахъ, въ коліцевыхъ повозкахъ,
 Въ лубочныхъ коробьяхъ, въ зашитыхъ мѣшкахъ,
 Тянулся обозами скарбъ ихъ домашній.
 Изъ выюковъ видѣлись: хлѣбъ разный въ зернѣ,
 Приборъ ручныхъ мѣльницъ, длиннѣйшія ступы,
 Ковриги печеной муки на огнѣ,
 Перины, одежды, большія корчаги,
 Домашняя утварь, оружье, вѣсы,
 Желѣзные полосы, мѣдныя бляхи....
 Тутъ съ лаемъ бѣжали мохнатые псы;
 Изъ люлекъ смотрѣли чумазы дѣти;
 Шли матери съ грубой куделью въ рукахъ,
 Иныя съ младенцемъ у бронзовой груди,
 Но взрослія уже въ домашнихъ трудахъ,
 Въ заботахъ хозяйскихъ ¹⁸⁾.

И вотъ, напослѣдокъ,
 Какъ бы дополняя картину собой,
 Пестрѣль въ отдаленнѣ родъ хищный, змѣинный.
 Далеко виднѣлся ихъ таборъ цвѣтной,
 При блескѣ костровъ иль при солнечномъ свѣтѣ;
 Порой изъ травы появлялись густой
 То яркѣй хохоль, то два огненныхъ глаза,
 Слѣдившіе зорко, съ тревогой нѣмой,
 За каждымъ разумнымъ движеньемъ Микулы;
 Межь тѣмъ, какъ съ возовъ у Микулы, то тамъ,
 То здѣсь, исчезала незримо поклажа.
 Поймавши, и самъ не спускалъ онъ ворами,
 И часто былъ споръ у него съ царемъ-Змѣемъ.

Гораздо древнѣе такъ шествовалъ онъ,
 Подъ именемъ Вакха или Діониса,
 Среди первобытныхъ восточныхъ племенъ,
 Везомый тамъ парюю тигровъ, вѣнчанннй
 Вѣнцомъ винограднымъ, и съ тирсомъ въ рукахъ,
 Сопутствуемъ вѣщей толпою Куретовъ,
 Веселымъ Силеномъ, читавшимъ въ звѣздахъ,
 И мирно учившимъ, что высшая мудрость
 Въ винѣ благодатномъ, усладѣ боговъ,
 Младымъ Аристеемъ, что вынесъ впервые
 На свѣтъ медь душистый изъ темныхъ лѣсовъ,
 Главой пастуховъ, молодымъ богомъ Паномъ,
 И хоромъ вакханокъ, нимфъ, фавновъ, дѣтей,
 Плясавшихъ предъ ними священную пляску.

Такъ, въ самомъ началѣ онъ шествовалъ дней,
 Внося первый свѣтъ и начало гражданства;
 Такъ шель и теперь онъ,—и вмѣстѣ съ нимъ шли
 То средь облаковъ, то въ прозрачномъ туманѣ,
 Древнѣйшіе боги родимой земли,
 И свѣтлыя души его древнихъ предковъ.

И ночью, и днемъ, онъ ихъ зрѣлъ предъ собой,
 По разнымъ мѣстамъ, на землѣ и на небѣ.
 День цѣлый сіялъ у него надъ главой
 Отецъ его Сваль, благодатное Солнце;
 Въ его свѣтломъ дискѣ, въ лучахъ золотыхъ,

Онъ видѣлъ сіяющій ликъ Святовита;
 Въ дождѣ благодатномъ, изъ тучъ громовыхъ
 Спускался Перунъ, древній богъ плодородья;
 А чуть погружался день въ сумракъ ночной
 И страстная Лада-заря опускала
 Багровый свой пологъ съ каймой золотой
 Надъ дремлющей въ чуткомъ покоѣ землю,
 Вотъ Мѣсяцъ двурогій, сей пастырь небесъ,
 Родимый Велесъ выгонялъ свое стадо, —
 И весь міръ воздушный, міръ полный чудесъ,
 Какъ будто живыми кипѣлъ существами.
 Тамъ видѣлъ Микула такихъ же звѣрей,
 Такихъ же диковинныхъ птицъ и чудовищъ,
 Какъ нѣкогда въ дальней отчизнѣ своей, —
 Чигарь-звѣзду, Зори Дѣвичьи, Кигачи,
 Утинья гнѣзда *); еще тамъ ясніѣ
 Онъ видѣлъ свой собственный образъ, Возницы **),
 Бѣгущій на Полночь, и каждую ночь
 Являвшійся снова на сѣверномъ небѣ;
 И все это видѣлъ Микула точь въ точь,
 Какъ это видалъ онъ въ далекой отчизнѣ.

И тотъ же онъ видѣлъ здѣсь кругъ колеса,
 Что вертится въ небѣ, на оси вселенной,
 Незримо прорѣзавъ собой небеса,
 Въ двѣнадцати разныхъ мѣстахъ Зодіака;
 Отколы развиваются ночи и дни,
 И дни, и недѣли, и времена года.....
 И здѣсь развивались также они,
 То бѣлой, блестящей, то черною прядью ¹⁹⁾.

А чуть приспѣвали дни сельскихъ работъ
 Или проходили они къ окончанью,
 Или начинался весной новый годъ,
 Тотчасъ же и праздниекъ, — опашекъ, засѣвокъ,
 Сѣяницъ, овсяницъ, русалии дни;
 Потомъ колосяницъ. заревницъ, зажинокъ;

*) Венера, три звѣзды возлѣ Млечнаго пути, Оріоновъ поясъ, Плеяды.

***) Большая Медвѣдица, въ народѣ — Вось.

Подъ осень,—спожинки, какъ звали они
 Конецъ полевой ихъ тяжелой работы.
 Опречь того,—встрѣча веселой весны,
 Рожденіе солнца и солнцестоянъ,—
 Все праздники древней родной старины,
 Любимые праздники сельскаго міра,
 Всегда молодого. Своей чередой,
 Священныя тризны въ честь предковъ усопшихъ,
 Дѣдины, осенины; зимней порой,
 Особый рядъ празднествъ, въ честь дивовъ стихійныхъ;
 Весной, пированья средь рощей святыхъ,
 У свѣтлыхъ колодцевъ или рѣвъ священныхъ,
 Священныхъ камней, въ тѣхъ мѣстахъ дорогихъ,
 Гдѣ жили издревле безсмертныя боги,
 Иль гдѣ поджидали пришельцевъ родныхъ,
 Родимыя боги страны этой новой ²⁰),

А гдѣ сельскій праздникъ, тамъ торгъ и мѣна;
 Село превращалось въ торговое мѣсто;
 Заботливый трудъ и его тишина
 Смѣнялися шумнымъ, веселымъ движеніемъ.
 Изъ степи широкой, съ далекихъ озеръ,
 Изъ темныхъ лѣсовъ, изъ-за рѣкъ многоводныхъ,
 Съ морскаго побережья, съ невѣдомыхъ горъ,

Шли звѣри рыскачіе,
 Птицы влечучія,
 Змѣи шипучія,
 Орды толкучія,
 Телѣги скрипучія,
 Богатыри могучіе....

Одни предлагали имъ шкуры звѣрей,
 Другіе на хлѣбъ ихъ мѣняли оружье,
 Иные степныхъ приводили воней,
 Другіе несли мѣдъ, песокъ золотистый....
 Микула, какъ истый хозяинъ земли,
 Мѣнялъ имъ холстину, хлѣбъ, утварь, одѣжду.
 Въ лѣсахъ и равнинахъ, вездѣ рѣчь вели
 Про чудныхъ людей сихъ и женъ ихъ прекрасныхъ;
 И можетъ, за эту красу, не одинъ

Гусь лапчатый отдалъ тогда свои крылья,
 А звѣрь иной грозный, дѣсовъ властелинъ,
 Разстался и съ пестрою царскою шкурой.....
 Межь тѣмъ молва громко росла съ каждымъ днемъ.
 О нихъ, какъ о выспихъ, божественныхъ людяхъ,
 И долго была вся окрестность потомъ
 Полна обаяньемъ чудесной ихъ силы.

Такъ вѣщій Микула со Змѣемъ дошли
 До синяго моря. Микула нашъ занялъ
 Огромную область цвѣтущей земли,
 Что родъ его племя вспахалъ и засѣялъ;
 А дикія полчища царственныхъ Змѣй
 Замѣтно рѣдѣли у нихъ предъ глазами,
 Нивакъ не привыкнувъ ни къ нравамъ людей,
 Ни къ плотной ихъ пищѣ и крѣпкимъ напиткамъ.

~~Пришли они къ морю и стали дѣлать
 И самое море. Царь-Змѣй отказался:
 Но вѣщій Микула, чтобъ съ нимъ покончить,
 Напомнить о бывшемъ у нихъ уговорѣ,
 Показавъ, ты станешь еще поворочать,
 Что мы завладѣли твоими водами!
 Онъ Змѣю сказалъ, и тотчасъ же пустилъ
 Его впередъ въ море: а самъ пошелъ свали,—
 Толкнулъ его въ воду, и тутъ же убилъ;
 Тогда родъ змѣинный ушелъ въ глубь степную,
 И весь истребленъ былъ.~~

Здѣсь Днѣстръ молодой
 Издревле былъ сторожемъ силы славянской;
 Въ странѣ этой горной, а къ Югу—степной,
 Исторія рано встрѣчается съ ними.
 Здѣсь первый этапъ ихъ; отсюда потомъ
 Они заселили весь край придунайскій;
 Здѣсь шелъ главный торгъ дорогимъ янтаремъ,
 Черезъ эти мѣста проходилъ онъ съ Поморья;
 Здѣсь былъ первый путь изъ Полуночныхъ странъ,
 На дальній Полудень и въ Римское царство.

Микула устроилъ здѣсь мирный свой станъ;
 Но Дявстръ извѣстилъ, что отсюда на Западъ
 Земля поднялася горбами; живеть
 Тамъ Лаума вѣдьма, живутъ Волгодлаки,
 Живеть Святогоръ-дивъ; но мѣстность слыветъ,
 Хотя и гористой, но всёмъ изобильной ²¹).

Микула, - вѣрнѣй, —желалъ мимо пройти
 Угрюмага дива, съ кѣмъ онъ не встрѣчался
 Съ сѣдаго Кавказа, хотъ могъ онъ найти
 И здѣсь, поселившихся также, собратьевъ;
 Но Божьей нивто не минуетъ судьбы, —
 Ни смертный, ни звѣрь, ни пернатая птица.

Лишь только вошелъ онъ въ земные горбы,
 Какъ рано поутру однажды онъ слышитъ —
 «Великій шумъ съ подь той сѣверной сторонушки;
 «Мать сыра-земля колыбается,
 «Темны лѣсушки шатаются,
 «Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются;
 «Глядитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣса стоячаго,
 «Головой упираетъ подь облаку ходячую,
 «На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ,» —
 Словно неба клочекъ изъ-за черныхъ тучъ.

«Ѣдетъ онъ по чисту полю, —
 «Не съ кѣмъ Святогору силой помѣриться,
 «А сила-то по жилочкамъ
 «Такъ и переливается,
 «Трудно отъ силушки, какъ отъ тяжкаго бремени.
 «Вотъ и говоритъ Святогоръ:
 «Какъ бы я тяги нашель,
 «Такъ я бы всю зѣмлю поднялъ!.....»

Межъ тѣмъ, просвѣтлѣло, —и выѣхалъ онъ,
 Титанъ-богатырь первобытныхъ временъ,
 Какъ видѣлъ его на Кавказѣ Микула.

Съ Кавказа Микула его не видалъ;
 Съ тѣхъ поръ Святогоръ все его догонялъ, —
 Невидимый, значить, Микулину роду.

«Постой-ка, кричить, дай взглянуть на себя!
 Давно догоняю я, страннижь, тебя;

А все не могу перегнать твоей прыти.

«Поѣду-ль я рысью, ты все впереди;
Поѣду-ли ступой, а, все назади....»

Что это несешь ты за чудную сумку?

«Давно я смогрю на тебя издали;
Тебѣ, знать, подвластны всѣ силы земли;
Должно быть, въ тебѣ есть немалая сила?»

«А я такъ не встрѣчу силъ, равныхъ со мной:
Смотри, уродился уродъ я какой,
Насилу меня мать сыра-земля носить.»

«А сила по жилочкамъ такъ и идетъ;
Такъ живчикомъ сила по жилкамъ и бьетъ;
Мнѣ съ ней инда — грузно, какъ съ бременемъ тяжкимъ.»

«Пожди-ка немного, прохожій, стой!
Дай мнѣ поровняться, прохожій, съ тобой.
Скажи мнѣ, повѣдай, что ты несешь въ сумкѣ?...»

Микула нашъ сталъ на пути, и стоять.

«А вотъ подымика-ее, говорить, —
Тогда и узнаешь, что я несу въ сумкѣ.»

А самъ съ этимъ словомъ, — догадливъ онъ былъ,
Самъ снялъ съ себя сумку свою, положилъ
На мать сыру-землю, и смотреть: что будетъ?

«Наѣзжалъ тутъ богатырь въ степи

«На маленьку сумочку переметную.

«Береть погонялку, пощупаетъ сумочку, она не скрывается,

«Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется;

«Хватить съ коня руками, — не подымается:

«— Много годовъ я по свѣту ѣзживаль,

«— А эдакого чуда не наѣзживаль,

«— Такого дива не видываль:

«— Маленькая сумочка переметная

«— Не скрывается, не сворохнется, не подымется.

«Слезаетъ Святогоръ съ добра коня,

«Ухватилъ онъ сумочку обѣими руками,

«Поднял сумочку повыше колѣнъ,

«И по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,

«А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.»

Грузъ тяги земной Святогора сломилъ,

Отецъ земледѣля его побѣдилъ;
 Такъ онъ, на томъ мѣстѣ, скалой и остался.
 «Гдѣ Святогоръ угрызъ, тамъ и встать не могъ,
 «Тутъ ему было и кончаніе.»
 Безъ боа Микула его одолѣлъ;
 Безъ спора, землю его овладѣлъ...
 Но есть и другое объ этомъ преданье:
 Жаль стало Микулушкѣ богатыря;
 «Погибнетъ могучая силушка зря!»
 Взялъ онъ Святогора за мощныя плечи...
 «Ну, дивный же точно ты есть человекъ!
 Живу на землѣ не единый я вѣкъ,
 Не видѣлъ такого». Сказалъ дивъ, поднявшись.
 «Открой, кто такой ты? Какъ мнѣ тебя звать,
 По отчеству-роду тебя величать?
 Повѣдай, что въ этой положено сумкѣ?»
 —Изволь! Селяннычъ ему говорить.
 Скажу тебѣ, кто я. Весь міръ давно чтить,
 Подъ именемъ князя, меня, —князя-Кола.
 —И я богатырь былъ, такой же, какъ ты;
 Доступны мнѣ были небесъ высоты;
 И я развѣзжалъ тамъ, по небу, Возничимъ,
 —Пахаль тучи черныя сошкой златой;
 Дажь-богъ лучезарный отецъ мнѣ родной;
 Но послѣ спустился я съ неба на землю.
 —Сырая Земля мать родная моя:
 Затѣмъ-то она такъ и любить меня;
 По ней я и сталъ Селяннычъ Микула.
 —Какъ ты, богатырь, —дивъ древнѣйшихъ племень,
 Такъ я, —земледѣля князь новыхъ временъ;
 А въ сумкѣ моей несу тягу земную. —
 «Чтожь это за тяга такая? Опять
 Его начинается титанъ вопрошать.
 Я вижу, ты свѣдуецъ во всякой наукѣ;
 «Лишь ты одинъ развѣ мнѣ можешь сказать:
 Какъ мнѣ-бы судьбину мою разузнать.
 Но прежде открой мнѣ, что это за тяга?»
 —Что это за тяга?—А видишь ли вотъ,

То трудъ мой тяжелый, кровавый мой потъ,
Что я ублажаю родимую землю;

—То, видишь, всеневная наша страда,
Что Богъ наложилъ на мой родъ навсегда,
Пока людямъ нуженъ хлѣбъ будетъ насущный;

—То силушка наша, что родъ только мой
Владѣеть, — родъ этотъ, любимый землей;
Та силушка, въ мѣрѣ кого нѣтъ сильнѣе.

—А ты, богатырь-дивъ, силачь Святогоръ,
Какъ ты богатырь есть ушелій и горъ,
То ты поѣзжай-ка отсюда на Сиверь.

—Поѣдешь все прямо до розстани ты;
На розстани той разойдутся пути;
Ты путь возьми влѣво, и въѣдешь ты въ горы;

—Тамъ кузницу встрѣтишь, подъ древомъ большимъ;
То древо стволемъ достигаетъ своимъ,
Стволемъ достигаетъ оно вплоть до неба;

—Но ты поѣзжай все себѣ до конца!
Приѣдешь ты въ древу, проси кузнеца,
Проси, чтобъ тебѣ онъ повѣдалъ судьбину. —

Кивнулъ Святогоръ и исчезнулъ вдали;
Микула-жь и родъ его славный пошли,
Какъ прежде, на Полдень, путемъ ихъ дорогой.

Гораздо ужъ послѣ, въ позднѣйшіе дни,
Когда по верховьямъ шли Дона они,
Еще Святогоръ разъ мелькнулъ передъ ними;

Потомъ совершенно изъ виду пропалъ,
На Сѣверѣ. Тамъ кузнецъ вѣщій сковалъ,
Изъ двухъ волосковъ ему тонкихъ, судьбину.

Сковалъ онъ два волоса, точно такихъ,
Что нѣкогда были въ косахъ золотыхъ
Божественной Зифы, — жены бога Тора, *)

Прекрасной богини природы земной,
Божественной матери нивы златой,
Чей волосъ власатый и былъ ея косы.

Сковалъ кузнецъ вѣщій судьбину ему,

*) Торъ, богъ грома и земледѣлія у скандинавовъ.

И тутъ же, онъ гостю велѣлъ своему
Искать здѣсь, по этому краю, невѣсту;

Но эта невѣста спала крѣпкимъ сномъ,
Вся въ гноищѣ, будто въ болотѣ сыромъ,
Обросшая крѣпкой еловой корою,

Какъ бы намекая на Сѣверъ глухой,
Покрытый въ то время безплодной землей,
И весь погруженный еще въ сонъ глубокой.

Задумался крѣпко титанъ-Святогоръ:
Еще не трудился до этихъ онъ поръ,
А только лежалъ или бродилъ,—такъ, безъ цѣли.

Однако, подумавши, онъ говорить:
«Поѣду туда, гдѣ она тамъ лежитъ,
Найду я ее, и убью поскорѣе.»

И точно, нашель онъ ее наконецъ,
Точь въ точь, какъ сказалъ ему вѣщій кузнецъ,
Всю въ гноищѣ смрадномъ, во снѣ непробудномъ,
И тѣло покрыто еловой корою.

Швырнулъ онъ на столъ ей казны золотой,
Что, видно, имѣлъ при себѣ онъ въ запасъ;

Потомъ вынулъ мечъ свой и началъ рубить
Дѣвицу по груди, чтобъ, значить, убить;
Рубилъ онъ, рубилъ,—такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Она же проснулась,—вскочила, глядитъ,
Кора съ нея спала, а возлѣ лежитъ
Казна золотая; и стала съ поры той—

Такой раскрасавицей чудной она,
Какихъ не видала дотолѣ страна;
А золото тотчасъ пустила въ торговлю.

Купила червленыхъ она кораблей
И всякихъ товаровъ себѣ, поцѣнный;
И торгъ повела по широкому морю.

Прошла о томъ слава до сѣверныхъ горъ;
Заслышалъ о ней,—нашъ титанъ Святогоръ,—
Явилась она и сама къ нему въ гости.

Сперва не узналъ онъ ее; но потомъ,
Когда, обвѣнчавшись, съ ней зажилъ вдвоемъ,
Узналъ по рубцамъ на ея бѣлой груди.

Тогда-то онъ понялъ, что гдѣ ни живи
И какъ ни надѣйся на силы свои,
Своей же судьбины никто не минуешь.

И сталъ поживать съ своей женою онъ,
Пока судьба новыхъ, позднѣйшихъ временъ
Его уложила совсѣмъ въ домовище.

Тогда позабылся онъ вѣчнымъ ужъ сномъ,
Очистивши мѣсто въ томъ краѣ глухомъ
И силу свою передавъ людямъ новымъ ²²⁾.

Межъ тѣмъ Селяниничъ нашъ, съ родомъ своимъ
Селился за быстрымъ Днѣстромъ и Дунаемъ.
Степной этотъ край былъ ему не чужимъ;
Здѣсь жили давно племена все родные.
И вскорѣ потомъ, на Дунайскихъ брегахъ,
Возникло большое Славянское царство,
Гремѣвшее древле въ окрестныхъ странахъ
Богатствомъ своимъ и широкимъ развитьемъ.
Отсель расселилъ онъ, Микула, свой родъ
До моря Венетовъ и сѣверныхъ Вендовъ.
Они не слилися въ одинъ мѣръ-народъ,
Но плотно насѣли на Югъ весь и Сѣверъ.

И долго еще, съ тѣхъ невѣдомыхъ лѣтъ,
Тотъ край процвѣталъ, край обширный, Славянской;
И долго впоследствии, его смутный слѣдъ
У насъ оставался въ старинныхъ преданьяхъ.
До позднихъ столѣтій къ себѣ онъ манилъ
Съ Днѣпра непосредныхъ князей нашихъ русскихъ;
Здѣсь первое было гнѣздо мощныхъ силъ
Славянскаго міра; здѣсь былъ первобытный
Путь съ Юга на Сѣверъ. Отсель долго шли
Славянскіе люди искать поселеній;
Нашъ князь *) звалъ тотъ край средой Русской земли,
Кіяне считали мѣста тѣ родными;
Какъ древній нашъ Донъ, такъ и тихій Дунай,
Понныи гремятъ въ нашихъ пѣсняхъ народныхъ;

*) Святославъ.

Славяне любили всегда этотъ край,
 Какъ ихъ колыбель первобытную славы...

Всѣхъ прежде отсюда горами ушелъ
 Сынъ Бргу, одного изъ боговъ первобытныхъ,
 Нашъ древній Горыня. Съ собой онъ увелъ
 Свой родъ, всегда жившій на высяхъ нагорныхъ.
 Родъ этотъ нагорный съ тѣхъ поръ заселилъ
 Не только Карпаты, но также часть Альповъ
 И горъ Аппенинскихъ, гдѣ онъ возросилъ,
 Какъ мыслятъ иные, великаго Нуму;
 Далъ Риму таблицы, что онъ получилъ
 Отъ родственной Пріи, и ввелъ поклоненье
 Божественной матери, Вестѣ-Землѣ,
 Съ служеніемъ Роду и предкамъ усопшимъ;
 Какъ позже, въ родимой Славянской семьѣ,
 Та самая Прія же, съ поля Стадицы
 И изъ-за желѣзнаго прямо стола,
 Дала чехамъ князя, благаго Премысла,
 Чья дочь, Любуша-вняжна, приняла,
 Потомъ отъ нея же, со дскою правдодатной,
 И мечъ правосудья.

Воинственный Римъ

Поздиѣ осилилъ людей этихъ мирныхъ,
 И занялъ могучимъ народомъ своимъ
 Воздѣланный ими тотъ край благодатный;
 А послѣ совсѣмъ ихъ оттолъ оттѣснилъ
 Обратнo, въ Альпійскія снѣжныя горы;
 Но сынъ Бргу и эти мѣста оживилъ
 Своими трудами, и край его долго
 Еще слытъ цвѣтуцимъ ²³).

Потомъ собрался,

Тревожимый Римомъ, и онъ самъ, Микула;
 Съ побережья Дунайскаго онъ поднялся
 Съ своимъ древнимъ родомъ на Западъ и Сѣверъ,
 Гдѣ всюду кишѣлъ мѣръ Славянскій.

Земля

Давно ужъ утратила чудный свой образъ,
 И Божій мѣръ, новымъ условьямъ внемля,

Вездѣ покорился обычнымъ законамъ.
 Прошла пора прежнихъ, губительныхъ грозъ
 И страшно-прекрасныхъ стихійныхъ явленій;
 Вѣкъ, вновь наступившій, съ собою принесъ
 Законъ неизмѣнный времянь главныхъ года.
 Растительность стала гораздо слабѣй,
 Съ Полночи пахнуло холодною влагой;
 Очищенный воздухъ сталъ мягче, свѣтлѣй,
 Природа сподручнѣй трудамъ человѣка;
 Чудовища скрылись по темнымъ лѣсамъ,
 По дикимъ ущеліямъ горъ неприступныхъ,
 Въ степной — глубинѣ, и являлись, то тамъ,
 То здѣсь, какъ пришельцы изъ чуждаго міра.
 Духъ жизни покойной парилъ по полямъ,
 По свѣтлымъ озерамъ, по глади зеленой
 Цвѣтущихъ луговъ и широкихъ степей;
 Все стало иначе и въ воздухъ ясномъ,
 И въ небѣ прозрачномъ, и въ мракѣ ночей,
 И въ самомъ сіяньи живящаго солнца;
 Вездѣ взоръ встрѣчалъ слѣдъ обычныхъ звѣрей
 И стаи живущихъ понынѣ пернатыхъ;
 За то сельскій трудъ бралъ ужь больше людей
 И требовалъ спѣшности въ каждой работѣ.

На встрѣчу Микулѣ съ Полночи идетъ
 Теперь Морозъ юный; таковъ онъ веселый....
 «Здорово живете! Отколь Богъ несетъ?
 Съ чѣмъ въ нашу родную сторонку идете?...»
 — Идемъ мы съ Полдень, земледѣльческій родъ;
 Несемъ тишину, трудъ благой и обилье! —
 Они отвѣчаютъ: «Богъ въ помощь будь вамъ!
 Идите къ намъ съ миромъ, и я вамъ гожуси.»

Идутъ имъ на встрѣчу по тѣмъ же степямъ
 И снѣжная Вьюга съ сестрою Мятелью.
 «Здорово живете! Отколь Богъ несетъ?
 Съ чѣмъ въ нашу родную земельку идете?»
 — Идемъ мы съ Полдень, Селяниныча родъ;
 Несемъ въ страну вашу кровь теплый, семейный,
 Домашній очагъ, поклоненье богамъ,

И вамъ также, тетки!—они отвѣчаютъ.

«Въ часъ добрый, въ часъ добрый! Богъ въ помощь будь вамъ,
Идите къ намъ съ миромъ, и мы васъ не тронемъ.»

И точно, своимъ непрестаннымъ трудомъ,
Спокойнымъ своимъ и веселымъ терпѣньемъ,
Они торжествуютъ въ томъ мѣрѣ чужомъ
Надъ мертвенной глушью и дикой природой.
Морозъ для нихъ стелеть чрезъ воды мосты,
Холодная выюга, мятель снѣговая
Даютъ еще больше имъ силъ, могуты;
А чуть не подъ мочь имъ, вотъ теплая хата,
Изъ глины съ соломой; въ ней дымный очагъ,
Вокругъ стѣнъ—куты, а впослѣдствіи палати;
Ложись на нихъ всякій, кто холоду врагъ,
И слушай, какъ выюга хохочетъ и воетъ.

Межъ тѣмъ, между Дономъ и славнымъ Днѣпромъ,
Волшебная Прія построила городъ,
Едва ли не первый въ странѣ той, и въ немъ
Воздвигнула храмъ неизвѣстному богу.

Никто не видалъ, какъ явились они, —
И городъ, и храмъ,—и никто не замѣтилъ,
Кто строилъ. Такъ въ тѣ первобытные дни
Все было таинственно или чудесно.

Она отсчитала, при пѣсняхъ подругъ,
Шесть тысячъ шаговъ на таинственный Западъ,
Шесть тысячъ на Сѣверъ, шесть тысячъ на Югъ
И столько-жъ къ Востоку; отколь ни взялися
Работники вѣщіе, — въ нѣсколько рукъ
Одни тѣшутъ, рубятъ, другіе копаютъ, —
И городъ чудесный готовъ ужъ у нихъ.
Раскинулись рвы и зубчатая стѣна,
Насыпался валъ, а въ стѣнахъ городскихъ
Возвысился храмъ неизвѣстному богу;
И, вѣрно,—украшенный также рѣзьбой,
Рѣзными стѣнами, какъ строились позже
Они на Поморѣ; а вѣждой стѣной
Лицемъ, на четыре страны главныхъ свѣта.

Кто-жь былъ этотъ богъ, представитель небесъ?
 Хоть Греки его и считали за Вакха;
 Но это могъ быть лишь богъ—Солнце, Велесъ,
 Иль образъ новѣйшій его, возникавшій
 Въ лицѣ Святовита.

Устроивши храмъ,
 Навѣрно, велѣла срубить возлѣ храма
 Она и тѣ избы съ рѣзбой по стѣнамъ,
 Тѣ древнія наши родныя кутины,
 Что строилъ при храмахъ славянскій народъ,
 Для пиршествъ мірскихъ и народныхъ собраній;
 Гдѣ часто съ утра до утра на пролетъ
 Тогда совмѣщались и тѣ, и другія.
 Вкругъ храма воздвиглись жилища жрецовъ,
 Навѣсы и лавки для мѣстнаго торга;
 Заѣзжіе Греки тѣхъ первыхъ вѣковъ
 Особенно много замѣтили лавою,
 И назвали жителей, будто по нимъ,
Булинами; а по родному ихъ богу, —
Геллонами ²⁴).

Этимъ названьемъ чужимъ
 Обязаны были они древнимъ грекамъ;
 Сосѣдніе-жь скифы, узнавъ ближе ихъ,
 Имъ дали названіе Виндовъ и Вановъ:
 Съ тѣхъ поръ, можетъ быть у чужихъ и своихъ,
 И вѣщую Прію звать начали Ваной.

Такъ раньше иль около тѣхъ же время,
 Въ другомъ только краѣ, сынъ Зевса и нимфы
 Младой Антіопы, пѣвецъ Амфіонъ,
 Въ такой же пустынной странѣ, Беотійской,
 Волшебной игрою на лирѣ златой,
 Воздвигнулъ изъ камня священный градъ Фивы
 И собралъ въ него свой народъ свой, той порой
 Еще обитавшій въ глубокихъ пещерахъ.
 Чудесными звуками лиры своей
 Сзывалъ онъ на трудъ тотъ звѣрей и пернатыхъ,
 Влагалъ душу въ камни, и въ нѣсколько дней
 Возникъ населенный, устроенный городъ.

Градъ Ваны сталъ царствомъ торговыхъ людей.
 Микула пожертвовалъ въ храмъ и ту сошку,
 И тѣ золотые сосудъ и топоръ,
 Что древле упали ему прямо съ неба.
 Вся эта святыня хранилась съ тѣхъ поръ
 Въ особенномъ мѣстѣ; лишь разъ ежегодно
 Ее выносили въ торжественный день
 Къ народу, чтобъ всѣ ей могли поклониться ²⁵).

Подъ эту жь родную, священную сѣнь,
 Вселилась и Грозная, съ свитой гадалщицъ
 И дѣвъ щитоносныхъ, что вскорѣ потомъ
 Низвергли у Кимвровъ ихъ храмъ Артемиды,
 Богини-Луны, и въ восторгѣ святомъ
 Побили жрецовъ ихъ ²⁶).

Какъ прежней порой,
 И здѣсь, подъ рукой
 У ней испускали духъ лучшія жертвы;
 Будь миръ иль война,
 Все также она
 Свершала вѣщбу и готовила жертвы;
 Ъзжала притомъ
 Она и посломъ,
 Отъ племени-рода, къ князьямъ иноземнымъ;
 И здѣсь-то у ней
 Всего сталъ виднѣй
 Ея умъ высокій и ловкая смѣтка;
 И даже, подъ-часъ,
 Смущались не разъ
 Умнѣйшіе люди ея хитрой рѣчью;
 А что до борьбы
 Иль мѣтвой стрѣльбы,
 То въ этомъ нието съ ней не могъ состязаться;
 Ходила молва,
 Что даже едва
 Поднять восьмерымъ ея лукъ волокитный.
 Она-жь той порой
 Была и собой,
 И становъ статна, и лицомъ красовита;

И съ этихъ ужь порь
 Ея гордый взорь
 Быль страшень, сверкавшей въ немъ вѣщею правдой;
 Знай, чья-де семья
 Вскормила меня,
 И вотъ каковы мы, всѣ дочки Мивулы.

Въ тожь время у нихъ
 Еще воздвигался другой, степной городъ,
 Таинственный городъ кургановъ большихъ,
 Священныхъ гробницъ и могильныхъ сосудовъ, —
 Послѣдній приютъ этотъ предковъ святыхъ,
 Любимое сходбище душъ ихъ безсмертныхъ,
 Гдѣ въ образахъ смутныхъ *) витали онѣ
 По вѣтвямъ деревьевъ небеснаго Рода,
 И гдѣ выжидали въ нѣмой тишинѣ
 Обряда сожженья, чтобы войти въ небо.

Здѣсь, въ этомъ приютѣ, въ извѣстные дни
 Сходилися близкіе люди усопшихъ;
 Сюда приносили съ собою они
 Поминки, что сами-жъ потомъ истребляли
 У нихъ на гробницахъ. Когда-жъ въ небесахъ
 Блестящее солнце склонялося къ смерти,
 Чтобы вновь возродиться въ весеннихъ лучахъ,
 Баявъ ихъ Могиль-птица сей Феникъ славянской,
 Весь родъ собирался среди этихъ мѣстъ,
 И въ складчину, въ свѣтлыхъ народныхъ кутинахъ
 Или на лугу при сіяніи звѣздъ,
 Свѣршалъ ежегодно обычныя справы.
 Тогда прекращались у нихъ всѣ дѣла;
 Дымилися жертвы, свѣршались игры,
 Все было пьяно, и вечерняя мгла
 Едва отличала живаго отъ мертвыхъ ²⁷⁾.

Таеъ въ среднемъ Египтѣ, съ сѣдой старины
 Повынѣ, межъ Фивъ и священнымъ Мемфисомъ,
 По лѣвому берегу Нила, видны,

*) Большею частію, — птица.

Среди камышей и зеленых алоевъ,
 Въ обширныхъ равнинахъ остатки гробницъ, —
 Быть можетъ, священныхъ гробницъ Озириса
 И самыхъ древнѣйшихъ царей и царицъ,
 Почетныхъ жрецовъ или славныхъ героевъ.
 Они ожидаютъ въ сихъ значныхъ мѣстахъ,
 Покуда ихъ души пройдутъ всѣ мытарства
 Или испытанья въ различныхъ мірахъ,
 И вновь воплощенныя, внидутъ въ міръ Солнца.
 Мѣста благодатной, святой тишины,
 Безмолвное царство покоя, прохлады,
 И вѣчно-цвѣтущей блаженной весны!
 Ихъ такъ и считали, — мѣстами блаженства,
 И всѣмъ украшали при жизни своей,
 Считая земные дворцы и чертоги
 Гостинницей только, на нѣскольکو дней;
 А эти владбища жилищемъ на вѣки.

Воздвигнувши городъ и въ немъ первый храмъ,
 Чудесная Вана потомъ учредила
 Гаданья и празднества свѣтлымъ богамъ,
 Дни сельскихъ работъ и народныхъ собраній,
 Какъ это указано, — по временамъ
 Священнаго года, что горніе духи
 Мотають вокругъ своего колеса, —
 Златой тканью дня, освѣщая вселенну,
 А черной, скрывая всю ночь небеса
 И самое солнце; пока въ концѣ года
 Не встрѣтится съ ними сѣдая зима,
 И вновь колесо поверотитъ на лѣто ²⁸).

Но вѣщая Вана была и сама
 Чудесной ткачихой. Она незамѣтно
 Наладила станъ свой, взяла горсть полну
 Тѣхъ солнечныхъ нитей, на нихъ основала
 Златую основу, и, какъ въ старину,
 Заткала въ странѣ ткань златую дней новыхъ.
 А веругъ нея также, какъ прежде, цвѣтутъ
 Сады молодежавыхъ божественныхъ яблокъ,

Играетъ живая водица, поютъ
 Незримыя гусли родимыя пѣсни...
 Далеко молва про градъ чудный бѣжить,
 Край Ваны считается краемъ волшебнымъ;
 О отважный торговецъ изъ чужа спѣшитъ
 Къ нему, по пустынямъ, едва проходимымъ;
 А сонмы священныхъ гадальщицъ ея
 Лытаютъ толпой по народамъ окрестнымъ,
 И вѣщее знанье разносятъ свое,
 Какъ въ древней отчизнѣ, по всѣмъ перепутьямъ.

Подобная дивной богинѣ весны,
 Она и сама, между тѣмъ, обходила
 Поля и селенья любимой страны;
 Порой оправляла на нивахъ колосья,
 Поля насыщала обильнымъ дождемъ;
 Порой помогала хозяйкамъ въ работѣ;
 Сидѣла по-долгу у нихъ за тканьемъ
 Или за куделью. Съ особеннымъ тщаньемъ
 Она охраняла любимый свой ленъ,
 Почто и считалась всего благосклоннѣй
 Къ ткачихамъ и пряхамъ. Со всѣхъ ей сторонъ
 Тогда приносились дары и обѣты.
 Она раздавала любовнымъ четамъ
 Обиле и счастье, снимала болѣзни.
 Гдѣ шла она краемъ, по этимъ мѣстамъ,—
 Какъ въ праздникъ, тотчасъ прекращались
 Ручныя работы, — нигдѣ не толкли,
 Не шили, не пряли; нигдѣ не стирали,
 Не брали волю, не пахали земли,
 Чтобъ пыль иль кострика, на грѣхъ, не понала
 Ей въ ясныя очи; но всѣ съ торжествомъ
 Встрѣчали ея дорогое пришествье.
 Во все это время она божествомъ
 Была и кумиромъ народнымъ. Не чтившихъ
 Дней этихъ великихъ карала она
 Болѣзнями,—чаще всего слѣпотою.
 Но это всѣ знали, и мѣръ издавна
 Любили ублажать молодую богиню ²⁹⁾.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, чья древній обычай отцовъ,
 Давать отъ избытковъ трудовъ своихъ сельскихъ
 Извѣстную долю сѣмянъ и плодовъ
 Богамъ вѣковѣчнымъ, она ежегодно
 Сряжала ладью или судно съ пшеномъ, —
 Отъ цѣлой страны, въ даръ Дельфійскому богу;
 Обычай, что свято хранился потомъ
 Во всемъ ея краѣ, который усердно
 Своими дарами впоследствии снабжалъ
 Кумирни Біармскихъ боговъ и Поморскихъ ³⁰).

Микулинъ родъ сѣлъ по цвѣтущимъ брегамъ
 Дуная, Днѣстра, — по священному Бугу
 И тихому Дону, по злачнымъ степямъ
 Приморскимъ и свѣтлымъ раздольямъ Днѣпровскимъ.
 Куда онъ ни ставилъ селенья свои,
 Все чуяло тотчасъ его приближенъе;
 Звѣрь хищный и дивы скрывались въ глуши,
 А малые звѣри и птицы искали
 Сосѣдства съ нимъ. Съ первой его бороздой,
 Лѣсъ пятился въ доли, гора расплзалась,
 Болота бѣжали въ овраги съ водой,
 Зима даже образъ теряла суровый.
 Всѣ были довольны кормильцемъ своимъ;
 Кому трудового онъ дастъ поѣсть хлѣбца,
 Кого миротворить совѣтомъ благимъ,
 Кого и прихлопнетъ тяжелою сошкой.

Съ нимъ вмѣстѣ, на тѣхъ же привольныхъ мѣстахъ,
 Селились и боги: это въ омутахъ темныхъ,
 Кто въ бортовыхъ угодьяхъ, въ озерахъ, рѣкахъ,
 Кто въ самой избѣ, на дворѣ, въ огородѣ,
 А кто на току пль на ближнихъ поляхъ.
 Микула держалъ ихъ подъ явнымъ заклѣтьемъ;
 Они приносили подспорье въ трудѣ,
 Пасли его скоть и коней, извѣщали,
 Что чуютъ въ добру и что къ худу, — къ бѣдѣ,
 Давали и ведро ему и ненастье;
 За то и Микула поилъ ихъ, кормилъ;

Инымъ загибать золотыя волосья,
 Какъ даръ, на бороздку,—и край его слыть,
 Во мнѣніи многихъ, въ то время чудеснымъ.

Земля была въ общемъ владѣнны, ничьей;
 Минула самъ долго дѣлили ежегодно
 Ее въ каждомъ родѣ; въ послѣдствіи-жь дней,
 Какъ роды размножились, каждое племя
 Тогда владѣть стало землею своею.

У каждаго племени былъ свой участокъ,—
 Его дѣлили мѣръ весь, между огнищанъ;
 Кто велъ самъ хозяйство, или былъ владѣльцемъ,
 Тотъ былъ въ дѣлежѣ. Такъ велось у славянъ,
 И также ведется у нихъ и понинѣ.

Старѣйшіе были главами семьи;
 Изъ многихъ семействъ составлялся родъ кровный.
 Имѣвшій отдѣльный участокъ земли;
 Изъ нѣсколькихъ родовъ возникало
 Отдѣльное племя, а послѣ народъ.
 У нихъ были общій языкъ и преданья;
 Старѣйшинамъ рода во всемъ былъ почетъ
 Особый въ народѣ; изъ нихъ избирались
 Князья, воеводы, жупаны, судьи,
 Жрецы и владыки. Богатымъ служили
 Рабы,—больше люди изъ чуждой земли.
 Рабомъ становился тогда каждый плѣнникъ.
 Отважные мужи искали въ войнѣ.
 Добычи и славы въ мѣстахъ отдаленныхъ;
 Славнѣйшіе храбростью въ цѣлой странѣ
 Отъ нихъ избирались въ князья-воеводы ³¹⁾.

Но каждый родъ зорко, ревниво стоялъ
 За мѣръ свой отдѣльный, свой мѣръ самобытный,—
 Чтобъ въ край его вольный никто не дерзалъ
 Вносить свой законъ или чуждый обычай.
 И это-то самое стало зерномъ
 Грядущихъ тѣхъ смуть и кровавыхъ усобицъ,
 Что долгое время терзали потомъ,
 Какъ алчные звѣри, мѣръ древній славянскій.

Чѣмъ далѣе шли они въ глубь ихъ страны,

Тѣмъ дальше еще духъ манилъ ихъ отважный.
 Однихъ уносило грозою войны
 За синее море, въ далекія царства;
 Другіе засѣли въ дремучихъ лѣсахъ,
 И стали своимъ даже послѣ чужими;
 Иные погибли въ кровавыхъ бояхъ
 Или измѣнили ихъ прежнее имя.....
 Такъ бурныя воды нагорныхъ вершинъ,
 Разлившія мутнымъ, кипящимъ потокомъ,
 Несутся по склону широкихъ равнинъ,
 Куда направляетъ ихъ дикая мѣстность.
 Однѣ образуютъ, разливомъ своимъ,
 Большія озера, глубокія топи,
 Другія уходятъ, по доламъ лѣснымъ,
 Въ гнилыя болота, или очутившись
 Въ пустынныхъ оврагахъ бесплодныхъ степей,
 Потомъ высыхаютъ отъ знойнаго солнца;
 Иныя-жь, собравшись въ теченіи дней,
 Въ рѣчное русло, среди балокъ глубокихъ,
 Несутся привольно вдоль злчныхъ полей
 И кормятъ собою прибрежныя страны.
 Красиво бѣжитъ очеркъ ихъ береговъ
 Къ большимъ городамъ и веселымъ селеньямъ,
 Кивая вдали парусами судовъ,
 Пестрѣя плотами и стаями лодокъ;
 Далеко синѣютъ, блестятъ ихъ струи,
 Межъ нивъ золотыхъ и кудрявыхъ побережій,
 Мѣстами раскинувши воды свои
 Какъ синее море..... Окрестныя страны
 Едва уже знаютъ, откуда пришли
 И гдѣ получили они ихъ начало,
 Какіе поили народы земли,
 Съ какими другими смѣшались рѣками;
 Далеко исчезнулъ истокъ ихъ родной,
 Не разъ измѣнилось у нихъ и названье,—
 И міръ уже новый, позднѣйшей порой,
 Съ трудомъ разбираетъ всѣ эти загадки.

Край темный Микулы замѣтно свѣталь,
 Подъ вѣщимъ найтемъ чудесной ткачихи.
 Точеть она, Вана—ей свѣтитъ богъ Сваль;
 Точеть она, Вана, красна дорогія
 Судебъ страны новой. Вертятся предъ ней
 На спицахъ златыхъ колеса міроваго
 Блестящія нити ея новыхъ дней;
 Играеть надъ нею небесное стадо,
 Воздушное стадо тѣхъ пестрыхъ юницъ,
 Что каждое утро рождаются снова;
 Стучать тамъ колеса златыхъ колесницъ
 Духовъ лучезарныхъ, которые гонять
 Стада дождевыя златыхъ облаковъ,—
 Коровъ этихъ рыжихъ, что по небу возятъ
 Молочную воду, мать сельскихъ плодовъ,
 И ей наполняютъ голодную землю;
 Долятъ каждый вечеръ онѣ надъ землей,
 И каждое утро ихъ теплые гимны,
 И Вана приѣмлетъ душою простой
 Родное млеко ихъ,—ихъ дивныя пѣсни ³³).

Точеть она, Вана, выводитъ она
 Узоры, разводы, какъ будто рисуетъ:
 Выходитъ осѣдлая уже страна,
 Рѣдѣетъ туманъ, подымается солнце;
 Все дико кругомъ еще; но вотъ видна
 Соха земледѣльца, блестятъ злачны нивы;
 Межъ нихъ видны села, пасутся стада,
 Идутъ по безлюднымъ степямъ караваны;
 По Дову, Днѣпру, забѣлѣли суда;
 Снуетъ народъ сельскій, шумитъ торгъ веселый;
 Грозя острымъ тыномъ, встаютъ города,
 Окрестность пестрѣетъ сынами Микулы.

Въ то древнее время Микулы сыны
 Ужъ ѣздить въ Аѳины, и тамъ изучаютъ
 Тогдашнюю мудрость,—къ соблазну страны,
 Заимствуя много обычаевъ говыхъ.
 Особенно славились въ тѣ времена

У грековъ врачи ихъ, своимъ врачеваньемъ.
 Эллада усвоила ихъ имена,
 Воздвигнувши въ честь ихъ кумирню. Князья ихъ
 Не чужды развитя. Отъ грековъ къ инымъ
 Ъзжали артисты; но звуки мелодій
 Имъ нравились меньше, — имъ, людямъ степнымъ,
 Чѣмъ дикое ржанье коня боеваго.

Весь край, заселенный Микулой благимъ,
 Пестрѣль ужь толпами бродячихъ торговцевъ,
 Стенныхъ Алазоновъ. Эллада, Востокъ
 И Сѣверъ мѣняють свои съ нимъ товары;
 На рынкахъ Аѳинъ постоянный притовъ
 Приморскихъ сыновъ его; въ нихъ цѣнятъ честность;
 Они нанимаются въ должности слугъ,
 Градскихъ сторожей и приставниковъ къ дѣтамъ.
 Для нихъ еще темень свѣтъ хитрыхъ наукъ;
 Но въ Ольвіи греки ужь ихъ научили
 Чертить угловато свои письма;на;
 Черты эти служатъ ихъ знахарямъ вѣщамъ,
 Что такъ уважала вездѣ старина,
 Для высшей вѣщбы и священныхъ зачатій.
 Въ прибрежїяхъ Дона, изъ Греціи шель
 Широкій торговый путь къ дальнему Инду;
 Отъ Ваны ходили посольства; посоль
 Всегда былъ гадатель или пѣвецъ вѣщій.
 Чуръ древне-арійскій, тотъ прежній чурбанъ,
 Хранитель полей и домашняго врова,
 Сталъ витяземъ юнымъ, хранителемъ странъ,
 Богатымъ, красивымъ прелестникомъ женщины³³).

Но весь родъ Микулы межъ греками слыль
 Подъ общимъ, стариннымъ названіемъ Скифовъ;
 Въ глазахъ скандинавовъ онъ долго храниль
 Свой блескъ первобытный, и долго считался
 У нихъ родомъ высшимъ. Самъ Римъ полагалъ
 Индѣйское море въ брегахъ Меотійскихъ;
 И даже Микула въ то время искалъ
 На древнемъ Поморѣ Индѣюшку древню.
 Принесъ-ли съ собою ученье Будды

Микула въ край новый?—Иные находятъ
 Въ то время ученя буддистовъ слѣды
 По древнему Понту; особенно въ мрачной
 Странѣ Фессалійской, гдѣ славный кумирь
 Додонскаго храма давалъ прорицанья.
 Будды нѣтъ у грековъ; но греческій міръ
 Во Фракіи зналъ ужь отшельниковъ чудныхъ,
 Которые жили въ пустынныхъ горахъ,
 Чуждались пици мясной и питались
 Лишь сыромъ, *кокурами* и молокомъ,
 За что и считались въ народѣ святыми.
 Князья древнихъ скифовъ ихъ брали потомъ
 Къ себѣ для совѣта; иные служили
 Жрецами при храмахъ. Не той ли порою
 Мудрецъ Замолксисъ проповѣдывалъ скифамъ
 О тождествѣ жизни загробной съ земной?
 А позже нахлынуло столько съ Востока
 Каликъ переходжихъ, и столько съ собой
 Они принесли разнородныхъ ученій
 И всяческихъ толковъ, что нѣтъ ничего
 Простѣе, какъ видѣть межъ нихъ и буддистовъ ³⁴).

Старинный Микула нашъ больше всего
 Въ то время былъ славенъ могучею силой
 Своихъ заклинаній. По слову его,
 Сходилъ съ неба дождь и являлося ведро;
 Онъ могъ вызвать тучу и съ бурей градъ;
 Волхвы его, дѣвы вѣщбы и гаданій,
 Съ небесъ крали мѣсяцъ; ужасный ихъ взглядъ
 Лишить могъ стада и поля плодородья;
 Онъ насылали болѣзнь, худобу
 И всякое лихо; онъ заклинали
 Оружье, давали младенцамъ судьбу,
 Недолю и долю, богатство и бѣдность ³⁵).

По мѣрѣ, какъ новый край Ваны свѣталъ,
 Страна раскрывалась все шире предъ нею.
 Ея край немало къ себѣ привлекалъ
 Людей очень дальнихъ, племенъ неизвѣстныхъ.
 Она въ нихъ узнала и многихъ сыновъ,

Оставленныхъ ею еще на Востокъ;
 Но большая часть ихъ жила средь лѣсовъ,
 Они испещряли себѣ тѣло краской,
 Кидались, какъ звѣри, на трупы враговъ,
 Снимали съ нихъ скальпы, и съ жадностью пили
 Горячую кровь. Поклонялись они
 Большому мечу, концомъ врытому въ землю,
 Какъ знаменью молніи; но въ эти дни
 Иные имѣли и быть ужь ослѣдлый.

На Волгѣ широкой жилъ тою порой
 Степной богатырь. Назывался онъ Росомъ.
 По немъ ли рѣка прозвалась святой, *)
 Иль онъ самъ отъ Росы заимствовалъ имя;
 Но гдѣ богатырь ни селлся потомъ,
 Тамъ рѣки вездѣ признавались святыми,
 Какъ будто бы въ имени этомъ родномъ
 Просвѣчивалъ въ краѣ грядущій хозяинъ.

«А много (тогда было) богатырей,
 «Какъ сѣрыхъ волковъ по закустичкамъ....
 «Первая застава—сѣры волки,
 «Другая застава—змѣи лютыя....»

Все это, какъ позже гораздо подъ Кіевомъ.

Не въ эти ли жь дни наѣзжали сюда
 Воители чуднаго уже Востока, —
 Тѣ витязи степи, что были тогда
 Еще побратимы богатырей нашихъ?
 Не той ли еще первобытной порой
 Нашъ Вольга Всеславичъ, тогда юный витязь,
 Встрѣчался впервые съ сохой золотой
 И вѣщею силой роднаго Микулы?....

Но край нашъ въ то время былъ бурный потокъ
 Иль море племень, — и онѣ проносились,
 Какъ волны. Сначала манилъ ихъ Востокъ,
 А позже Царьградъ и Траяново царство.
 Въ числѣ другихъ скифовъ, — какъ съ первыхъ временъ
 Нашъ прозвали греки, — отсюда неслися
 И внуки Микулы, какъ вѣтръ-Аквилонъ,

*) Росъ — значило собственно святой, священникъ.

Въ цвѣтушія царства Сиріянъ и Мидья,
 И въ край древнихъ Персовъ, Ст. пной Вавилонъ.
 Ихъ звали тогда Росомъ и Гогомъ-Мадогомъ.
 Отъ нихъ палъ во прахъ градъ боговъ Аскалонъ,
 Съ его древнимъ храмомъ святой Артемиды;
 И долго набѣгъ ихъ, до позднихъ временъ,
 Казался народамъ насланиемъ Божьимъ ³⁶).

Въ самой еще Ванѣ ея духъ молодой
 Двоился межъ свѣтлой и темною силой.
 Ей былъ неизвѣстенъ еще кругъ родной
 Племеньъ однокровныхъ. Ея духъ свободный
 Кипѣлъ тогда дикою, хищной враждой
 Ко всѣмъ и всему, что ей было чужое;
 А чуждой была ей тогда вся страна,
 И самые даже сыны тѣ родные.
 Они жили порознь, корысть лишь одна
 Могла собирать ихъ на время въ союзы.
 И духъ ея жадный, какъ прежде, легалъ
 За тридевять странъ въ тридесятое царство.
 Блескъ солнечный въ тучахъ предъ ней рисовалъ
 Блестящія груды несмѣтныхъ сокровищъ,
 Сокрытыхъ въ какихъ-то далекихъ горахъ;
 За моремъ воздушнымъ, ей видѣлись царства,
 Златыя палаты, въ цвѣтущихъ садахъ,
 И множество всякихъ богатствъ и диковинъ.
 Хотѣлось бы Ванѣ всѣмъ этимъ владѣть,
 Хотѣлось бы ей быть надъ всѣми царицей,
 И всѣхъ поворить тамъ, и все богатѣть....

Она никогда не спала совершенно.
 Едва ея очи смыкали тяжкій сонъ,
 Она становилась тотчасъ вѣдогонью: ³⁷)
 Ея вѣщій духъ, преисполненный силъ
 Таинственныхъ, сбрасывалъ тихо, какъ ризу,
 Уснувшее тѣло съ себя, и бродилъ
 То въ видѣ волчицы, то въ видѣ кабана,
 Или уносился ночнымъ мотылькомъ
 Въ враждебныя земли. Она угонала
 (Тада ихъ къ себѣ, уносила тайкомъ

Домашнія вещи у нихъ и богатство;
 Или разжигала въ родимыхъ сынахъ
 Военственный жаръ ихъ къ далекимъ походамъ,
 Иль сѣяла смуту въ своихъ же странахъ,
 Чтобъ ей быть надъ всѣми вольнѣй госпожею.

Призывала она, Вана,
 Призывала къ себѣ дѣтокъ,
 И давала имъ и хлѣба,
 И давала имъ и браги,
 Златопѣнистаго меду;
 Говорила она дѣткамъ:
 «Вы сотрите съ себя краски,
 Вы снимите волчьи кожи,
 Перестаньте быть звѣрями;
 А живите какъ живемъ мы!»
 Но никто ее не слушалъ;
 Лишь одинъ ей отозвался,
 И сказалъ отъ сердца къ сердцу:
 «Эхъ, ты матушка родная,
 Всѣ мы, всѣ твои мы дѣти;
 Всѣмъ отецъ намъ—Солнце-красно,
 Всѣмъ намъ мать—родная Прія.
 Дай сперва намъ нагуляться,
 Любо намъ быть и звѣрями;
 Это въ насъ душа гуляетъ,
 Молодая кровь играетъ.
 И въ волкахъ твоихъ рысучихъ,
 И въ змѣяхъ твоихъ шипучихъ,
 И въ твоёмъ тишайшемъ Донѣ,
 Все одинъ духъ богатырскій.....
 А имѣть въ насъ будешь нужду,
 Только ты о насъ подумай;
 Коль не я, другой изъ братьевъ,
 Не другой, такъ, вѣрно, третій,
 Послѣшитъ тотчасъ на помощь;
 А придетъ побольше нужда,
 За тебя мы всѣ возстанемъ.»

ПѢСНЬ 4-я.

ВОЙНА АСОВЪ СЪ ВАНАМИ.

„Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ, какъ будто завѣщена была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака доисторическихъ временъ, на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ.“ (Сѣв. нар. Костомаровъ 1. ст. 329.)

„Ex Oriente lux. Свѣтъ идетъ съ Востока.“

Бѣгутъ дни за днями,
Вѣка за вѣками;
Гдѣ ты, о мѣръ древнихъ временъ?
Гдѣ духъ богатырскій, гдѣ онъ?
Все скрылось, промчалось.... Куда?
Исчезнуло, — нѣтъ и слѣда.

Бѣгутъ дни за днями,
Вѣка за вѣками;

А съ ними и мѣръ нашъ идетъ, —
Идетъ, и съ собой всѣхъ ведетъ;
А что тамъ осталось вдали,
То сами же люди смели.

«Какъ день за днемъ, будто дождь дождить,
«Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
«А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ».

Нашъ мѣръ настоящій навѣки отъ насъ
Закрылъ тотъ мѣръ прежній. Слон новыхъ красокъ

Покрыли собою ужъ нѣсколько разъ
 Широую кисть и блестящія краски
 Картинъ тѣхъ поблекшихъ, а міръ нашъ живой
 Давно затопталъ слѣды людей тѣхъ минувшихъ.
 Давно опустился мракъ ночи глухой
 На міръ этотъ мертвый, безмолвный, отжившій;
 Едва видный очеркъ тѣней гробовыхъ,
 Туманныхъ чертоговъ, людей-исполиновъ,
 Таинственныхъ капищъ и чудищъ ночныхъ,
 Встаетъ передъ нимъ изъ этого мрака.
 Ничто не связуетъ съ ихъ жизнію насъ;
 Давно міръ усоншій ихъ — сталъ для насъ чуждымъ;
 Все тамъ теперь призракъ, и мертвый ихъ гласъ
 Не въ силахъ проникнуть въ міръ этотъ живущихъ.

При всемъ томъ, межъ нами есть чудная связь,
 Средство родовое, союзъ задушевный. —
 И мы въ союзъ этотъ вступаемъ, родясь;
 Чтожь это такое? Не духъ ли тотъ вѣчный,
 Предъ кѣмъ нѣтъ пространства, ни давности лѣтъ,
 Предъ кѣмъ вся вселенна — одинъ живой образъ,
 Гдѣ онъ развивается, присущій въ немъ свѣтъ,
 И только мѣняетъ свой образъ наружный?

О, вѣщій Микюла, твоя мнѣ семья
 И люди твои для меня также близки,
 И также любезны, и также родня,
 Какъ нынѣ со мною живущіе люди.
 Рядъ цѣлый столѣтій стоитъ между насъ,
 Духъ смерти облекъ васъ въ иной уже образъ;
 Но ты живешь также со мной, какъ въ тотъ часъ
 Когда мы всѣ были твоими сынами.
 Пускай смерть прошла между нами не разъ,
 Ты живъ и теперь; но живъ въ настоящемъ,
 Ты тѣнь лишь въ минувшемъ.

Да, время течетъ, —

Оно развиваетъ міръ этотъ живущихъ;
 Живые идутъ непрестанно впередъ,
 А мертвые имъ пролагаютъ дорогу...

Едва начинается теперь брежить свѣтъ

Надъ Скифіей древній, внесенный наукой;
 Но свѣдѣній точныхъ о ней еще нѣтъ;
 Наука тамъ видитъ лишь міръ переходный.
 Межъ тѣмъ все яснѣй въ средѣ скифскихъ племень
 Предъ ней выдвигается міръ нашъ Славянскій,
 Какъ самый обширный; и тихій нашъ Донъ,
 И Днѣпръ нашъ Словутичъ становятся нынѣ
 Такой же для насъ колыбелью родной,
 Какъ быстрый Дунай и весь край приднѣстровскій.
 Славянь застаеъ тамъ древнѣйшей порой
 Исторія въ самомъ широкомъ развити;
 И имя георговъ,—позднѣйшихъ полянь,
 И гетовъ, которыми правятъ Царины,
 И древній богъ скифовъ, туманный Воданъ,—
 Богъ-Небо, приходятся намъ не чужими.
 Среди нихъ слышна также славянская рѣчь,
 И тотъ же замѣтенъ славянскій обычай;
 А древній Водановъ божественный мечъ
 Не чуждъ и понынѣ славянскимъ преданьямъ.

Чтобъ сѣсть на Дунаѣ, Славяне должны
 Занять были прежде придонскія степи,
 И Днѣпръ, и весь край Черноморской страны.
 Чтобъ имъ разсѣлиться въ послѣдствіи съ Дунаемъ
 На Сѣверъ и Западъ, Славянскій народъ
 Быть долженъ обширнымъ и сильнымъ народомъ.
 И точно, онъ движется быстро впередъ,
 И гонитъ все дальше и кельтовъ, и нѣмцевъ.

Съ Дуная, по дикимъ Карпатскимъ горамъ
 И синимъ рѣкамъ, для него неизвѣстнымъ,
 Онъ скоро проходитъ къ глухимъ берегамъ
 Еще темной Лабы и моря Морозовъ.
 И вотъ, ужъ посольство оттуда идетъ
 Къ родному Микулѣ просить для полабья
 Правителей мудрыхъ,—и Вана ведетъ
 Туда братьевъ Лѣха и Чеха, изъ рода
 Нагорныхъ Хорватовъ,—древнѣйшихъ въ Горбахъ
 Потомковъ Микулы. Они раздѣлили,
 Вдоль Лабы, страны на участки; въ лѣсахъ

Построили села, ввели земледѣлье;
 Потомъ Чехъ воздвигнулъ средь этихъ лѣсовъ
 Себѣ Велеградъ и священную Прагу;
 А Лѣху чудесная стая орловъ
 Открыла тотъ холмъ, гдѣ воздвигнулъ онъ Гнѣзно.
 Когда же Лѣхъ умеръ; то власть вручена
 Была Вышшмиру иль Вышнему міру,—
 Правленью мірскому,—и эта страна
 Съ тѣхъ поръ управлялась верховнымъ совѣтомъ
 И вѣчемъ народнымъ.

И Чехъ, вслѣдъ за нимъ,
 Скончался бездѣтнымъ. Народъ выбралъ Крока.
 Крокъ былъ чародѣй. Племенамъ онъ своимъ
 Оставилъ трехъ дочерей: гадальницу Кашу,
 Сестру ея,— жрицу, которой страна
 Дала имя Тетки, и славную также
 Своимъ чародѣйствомъ, Любушу. Она
 Сперва управляла всѣмъ Чешскимъ народомъ;
 Но вѣщая Вана дала ей потомъ
 Въ мужья земледѣльца, младаго Премысла.
 Онъ, парюю пѣгихъ быковъ подъ ярмомъ,
 Пахалъ свое поле родное, Стадицу,
 Когда приглашенъ онъ былъ Чешской страной
 На царство. «Ступайте къ святой рѣкѣ Бѣлой,
 Сказала Любуша. Возьмите съ собой
 Коня моего; онъ укажетъ вамъ мѣсто.»
 Любушинъ конь будто того только ждалъ,
 И прямо приводитъ пословъ на Стадицу.
 Увидѣвъ Премысла, онъ громко заржалъ
 И палъ на колѣни. Послы пригласили
 Младаго Премысла на чешскій престоль,
 И въ княжью его облачили одежду;
 Но прежде онъ сѣлъ за желѣзный свой столъ,—
 Желѣзную сошку; на ней пообѣдалъ
 Домашняго сыра и хлѣба; возсталъ,
 И взявъ свои лапти, поѣхалъ съ послами;
 А эти быки, на которыхъ пахалъ,
 Взвилися на воздухъ; потомъ опустились,

И скрылись въ скалѣ,—и она въ тотъ же мигъ
Заменулась за ними ¹⁾.

Вдоль Лабы песчаной

И ниже ко взморью, куда ужъ проливъ
Родъ также славянскій, чудесная Вана
Нашла и другихъ своихъ кровныхъ сыновъ,
Носившихъ тамъ мѣстныя больше названья,
Поодерцовъ, Лютичей, или Соколовъ,
Воинственныхъ Вагровъ, Руянъ и Рутеновъ.....
Они жили также охотой, войной;
Но только пришла въ нимъ родимая Вана,
И здѣсь, какъ на Югѣ, насталь вѣкъ иной.
Духъ жизни пахнулъ по морскому побережью;
Возникли одинъ за другимъ города,
Ввелось поклоненье богамъ земледѣльа,
Проснулась торговля, а съ ней, какъ всегда,
Смягчителия правы, возникло гражданство.
Такъ красное солнце, куда ни блеснетъ,
Вездѣ пробуждаетъ и жизнь, и движенье,—
Что можетъ цвѣсти, то въ свой часъ разцвѣтеть,
Что въ силахъ плоды дать,—дасть плодъ свой урочный;
Пески и утесы, согрѣтые имъ,
Спѣшать приодѣться зеленой травой,
Лѣса разцвѣтають, по безднамъ морскимъ
Кишитъ жизнь и блескъ золотыхъ инфузорій...
Приходь Солнца любить встрѣчать человекъ;
Недаромъ миръ древній ему поклонялся,
Какъ богу... Но развѣ и нынѣ, въ нашъ вѣкъ,
Царь дня не есть тотъ же богъ силы и жизни!

Въ немногіе дни, на побережь морскомъ
Возникнули Волинъ, Винета и Ретра, —
Священная Ретра, гдѣ въ храмѣ большомъ
Воздвигнула Вана алтарь Радегасту,
Древнѣйшему богу сѣдой старины;
Его безобразный вумиръ окружила
Она божествами со всей ихъ страны,
И сдѣлала храмъ его самымъ почетнымъ,

Въ народѣ Славянскомъ. Тогда же въ стѣнахъ
 Торговой Волини, по манию Ваны,
 Явился въ кудрявыхъ, зеленыхъ садахъ,
 Другой храмъ неменьше; въ немъ сѣлъ богъ трехглавый,
 Тайственный образъ трехъ главныхъ временъ
 И трехъ частей міра, — богъ неба и ада,
 Чей тройственный ликъ былъ всегда обращенъ
 Въ глубь дней настоящихъ, былыхъ и грядущихъ.
 А въ Щетинѣ *) собрался славянской весь міръ
 Молиться другому трехглавому богу.
 На дальней Моравѣ возникнулъ кумиръ
 Громовника Проно иль бога Перуна;
 У Лиговъ стоялъ храмъ богамъ полевымъ,
 Велесу иль Пану, хранителямъ стада
 И сельскаго скарба, и многимъ другимъ...
 Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Мокошь, — судья
 И мздовоздатель въ той жизни загробной...
 Такъ, древніе образы свято храня,
 Народъ ужъ забылъ ихъ былыя названья.

Но главной святыней славянской земли,
 Вѣрховной святыней народною, Вана
 Назначила островъ пустынный, вдали
 Отъ твердой земли, въ волнахъ бурнаго моря.
 Въ мѣстахъ этихъ дикихъ, по милыхъ богамъ,
 Она основала святую Аркону,
 И въ городѣ этомъ воздвигнула храмъ.
 Во имя владыки страны, Святовита.
 Его славный идолъ воздвигла она
 По образу Вишну, древнѣйшаго Индры,
 Какъ намъ представляетъ его старина,
 Лицемъ на четыре страны главныхъ свѣта.
 Какъ высшій владыка стихій, онъ имѣлъ
 Четыре отдѣльныхъ главы; но держалъ онъ
 Въ рукѣ не мечъ бранный, — его мечъ висѣлъ
 Съ сѣдломъ и уздою особо; держалъ онъ
 Большой златой рогъ, образъ дивныхъ даровъ,

*) Ныѣ—Штетинъ.

Что каждое лѣто даетъ онъ вселенной.
 Такъ духъ земледѣля позднѣйшихъ вѣковъ
 Успѣлъ измѣнить и его первообразъ;
 Но онъ почитался все тѣмъ же творцомъ
 Людей и вселенной, защитникомъ края,
 Рѣшителемъ браней, предвѣчнымъ отцомъ
 Боговъ вѣковѣчныхъ. То былъ царь небесный,
 Земной и подземный; отъ блеска его
 И самый тотъ островъ звался тогда Руйнымъ
 Или свѣтозарнымъ.

Но выше всего

Считались въ народѣ его прорицанья.
 Ему посвященъ былъ въ славянскихъ земляхъ,
 Какъ древнему Свалу у скифовъ, конь бѣлый.
 Священные кони гуляли въ лугахъ;
 Чрезъ нихъ совершались жрецами гаданья.

Воинственный богъ сей, какъ древній Арей
 Иль грозный Одинъ, имѣлъ также дружину;
 Ее составляли сто лучшихъ мужей,
 Во всякое время готовыхъ къ походу.
 Божественный идолъ его жилъ въ стѣнахъ
 Священнаго храма; но богъ самъ являлся
 Глубокою ночью въ различныхъ концахъ
 Славянской земли, и разилъ невидимо
 Ея супостатовъ; съ явленіемъ дня
 Жрецы обмывали предъ темнымъ народомъ,
 Покрытаго пылью и пѣной, коня, —
 И міръ громко славилъ великаго бога,

Сюда, изъ всѣхъ мѣстъ Славянской земли,
 Текли приношенья. Жрецы Святовита
 Такъ были богаты, что дѣлать могли
 Пособья другимъ, а въ голодное время
 Кормили весь край.

Здѣсь Славянскій народъ

Предъ осенью праздновалъ празднество жатвы;
 Въ тѣ дни Святовитъ предвѣщалъ каждый годъ
 Обилье иль голодъ въ грядущее лѣто.
 Священный сей островъ былъ долго средоточіемъ

Земли всей Славянской; сюда прїѣзжали
 Изъ всѣхъ мѣстъ послы, непрерывной толпой
 Стекались поклонники, ѣхали грузы
 Святыхъ приношеній. Отсель истекалъ
 Духъ яростный брани и миръ благодатный;
 Здѣсь жрецъ Святовита безспорно рѣшалъ
 Народныя распри, судьбу и движеніе
 Племень всѣхъ славянскихъ.

Аркона была

Славянскими Дельфами, высшей святыней.
 Ее окружала священная мгла
 Древнѣйшихъ преданій; ея богъ чудесный
 Былъ богомъ верховнымъ славянской земли,
 Отъ Бѣлаго моря *) до бурнаго Понта,
 Отъ Волги до Лабы. Князья не могли,
 Ни самый народъ ихъ, ни заключать мира,
 Ни двинуть полки, не спросивши его
 Божественной воли; самъ князь страны Руйной
 Не смѣлъ безъ него предпринять ничего,
 Ни дать повелѣнья. Кумиръ Святовита
 Казался державнымъ царемъ иль главой
 Славянскаго міра, со властью духовной
 Верховнаго бога и властью земной
 Жрецовъ его вѣщихъ ²).

Едва ли въ то время

Народъ въ отдаленныхъ мѣстахъ не смѣшалъ
 Святой этотъ островъ съ тѣмъ Выріемъ древнимъ
 Или Буянь-островомъ, что онъ знавалъ
 На свѣтломъ Востокѣ. И здѣсь, въ это время,
 Жилъ также Сварожичъ, глава всѣхъ боговъ,
 Какъ тамъ окруженный родными богами;
 И здѣсь совершались до позднихъ вѣбовъ
 Вѣщба и гаданья, жрецы раздавали
 Недолю и долю. Сюда забѣгалъ
 Почти каждымъ утромъ Дажьбогъ лучезарный,

*) Балтійское море въ древности называлось: Бѣлымъ, Молочнымъ, моремъ Морозовъ, Вольтскимъ, моремъ Винтовъ, и наконецъ Варяжскимъ.

Богъ красное-Солнце, и жарко лобзалъ
 Пророчицу Вану въ златое оконце;
 И здѣсь также точно жила старина,
 Лежалъ горючъ камень, на немъ возсѣдала
 Заря царь-дѣвица; спивала она
 Кровавыя раны, а въ ней была скрыта
 Могучая сила, и шла отъ нея
 Та сила могучая въ чистое поле,
 И въ лѣсъ, и въ луга, и на все бытіе
 Въ *скотъ-милый животъ* и на весь міръ народный³⁾.

И здѣсь цвѣли также сады зеленые,
 Росли молодежавыя яблоби,
 Струился источникъ живой воды;
 Румяная Лада-зорюшка
 Каждый день передъ вечеромъ
 Обмывала въ морскихъ волнахъ
 Свѣтъ красное-Солпышко.

Подобно Веледѣ и многимъ другимъ
 Вѣщницамъ Славянскимъ, и вѣщяя Вана
 Жила также въ башнѣ. Богамъ ихъ святымъ
 Издревле мѣста посвящались глухія.
 И кто же въ послѣдствіи Веледой слыла,
 Когда не она же, чудесная Вана?...

Она въ край впервые съ собой привела
 И первыхъ жрецовъ, и священныхъ гадальщицъ.
 Ей нравилась сѣнь первобытныхъ лѣсовъ;
 Любила скрываться она въ боръ священный,
 Гдѣ, въ листьѣ широкой столѣтнихъ дубовъ
 И буковъ тѣнистыхъ, бесѣдовалъ съ нею
 Ея богъ незримый. Отсюда она
 Вѣщала его повелѣнья народу;
 Когда-жъ начиналась въ странѣ ихъ война,
 Она выносила его стягъ священный,
 Святую *станциу* *), что въ мирные дни
 Стояла во храмѣ.

*) Станица, священное знамя Святовита.

Богъ свѣтлый Руянецъ

Былъ богъ и побѣды. Жрецы лишь одни
Могли одобрять иль худить предпріятъе;
За то и имѣлъ онъ въ добычѣ страны
Главнѣйшую долю.

Когда-жь умолкали

Далекіе громы кровавой войны
Чудесная Вана любила шумъ празднествъ,
Веселые клики народныхъ пировъ;
Любила при этомъ воинскія игры,
Борьбу, бой кулачный искусныхъ бойцовъ,
Метанье камней и стрѣлянне изъ лука;
Священное пламя горящихъ костровъ,
Текущую кровь, обреченной ей, жертвы,
Подблюдныя нѣсни, во славу боговъ
И честнаго хлѣба, знакомый ей говоръ
Различныхъ нарѣчій славянскихъ племенъ,
Священную пляску родныхъ хороводовъ, —
Завѣтный остатокъ древнѣйшихъ временъ,
Созданье ея праотчизны далекой.

Такъ видѣнъ во всемъ

Въ ея бытѣ родномъ

Обычай и духъ ея древне-арійскій, —

Тотъ міръ старины,

Отдаленной страны

И самыхъ глубокихъ старинныхъ преданій!

Но въ первые дни

Всѣ арійцы сродни, —

И долго, есть общаго много межъ ними;

Лишь въ позднихъ вѣкахъ,

Въ отдѣльныхъ краяхъ,

Они развиваютъ ихъ частный характеръ;

Но что Ваны родъ, —

Древнѣйшій народъ,

Она тѣмъ докажетъ, что въ мірѣ славянскомъ

Нѣтъ кастъ родовыхъ,

Сихъ золь роковыхъ,

Созданья гораздо позднѣйшаго міра;

Хоть искони дней
 Извѣстны и ей,
 Преданья о нихъ, отъ народовъ сосѣднихъ.
 Но наша страна,
 Хранила она,
 Всегда отвращенье къ главенству въ ней знатныхъ;
 Ея вольный родъ,
 Ея мѣръ народъ
 Имѣлъ свой законъ и обычай отцовскій, —
 Гдѣ дивныя дѣла,
 Что за три рѣки
 Они принесли отъ боговъ вѣковѣчныхъ;
 Хоть Вана внесла
 Черезъ то много зла
 Въ устройство гражданское края роднаго;
 За то ея родъ,
 Мѣръ этотъ народъ,
 Всегда безгранично при ней былъ свободенъ;
 Въ своихъ старшинахъ,
 Вождяхъ и князьяхъ
 Онъ чествовалъ славу лишь, знанье и храбрость;
 И власти страны,
 Князья, старшины,
 Смирялися сами предъ гласомъ народнымъ.
 Табъ съ первыхъ временъ
 Духъ нашихъ племенъ
 Проникнуть былъ силой и властью народной, —
 Той силой земли
 И сельской семьи,
 Что былъ споконъ-вѣка главою Микула;
 Гдѣ искони дней
 Онъ съ дочерью своей
 Считался отцомъ и владыкой народнымъ ⁴⁾.

Не мало торговыхъ большихъ городовъ
 Явилось въ послѣдствіи по Одру и Лабѣ.
 Красивыя зданія, храмы боговъ,
 Большія кутины, —особенно храмы,

Дивили искусной и тонкой рѣзьбой
 Заѣзжихъ пришельцевъ. Въ кутинахъ собирались
 Народные старцы судить о дѣлахъ,
 Что послѣ рѣшались народомъ на вѣчѣ;
 А въ праздникъ, въ общественныхъ этихъ избахъ
 Сходился весь городъ предаться веселью.
 Сюда ѣхалъ людъ изъ всѣхъ странъ земли,
 И хитрый гречинъ, и торговецъ мурманскій,
 И мрачный биармецъ, замѣтный вдали
 По шкурамъ звѣринымъ, и витязъ варяжскій,
 И Кіевскій гость, и саксонецъ крутой,
 И франкъ подвижной, и богатый волынецъ.

Чудесная Вана, какъ свѣтъ всеблагой,
 Являлась повсюду . Тамъ въ образѣ свѣтломъ
 Прекрасной Любуши, она творить судъ
 Или разбираетъ межъ братьями тяжбу;
 Здѣсь вражьи рати оружье кладутъ
 Предъ дивной и вѣщей ея красотою;
 Тамъ ставитъ она отъ желѣзной сохи
 Младаго Премысла въ народные князи;
 Здѣсь нѣмцы и франки, друзья и враги,
 У ней нанимаютъ рабочія руки
 Ея земледѣльцевъ.

Изъ всѣхъ городовъ
 И торгощищъ Поморскихъ, Волынь или Волинъ
 Считался славнѣйшимъ, —красой тѣхъ вѣковъ,
 Главой всей торговли земли Полуночной.
 Здѣсь было свиданье торговыхъ гостей
 Изъ всѣхъ странъ Европы и Азіи дальней;
 Здѣсь кличъ знаменитыхъ варяжскихъ вождей
 Сзывалъ удалцовъ въ ихъ морскіе походы;
 Здѣсь, въ этой Волынь, во дни оны жилъ
 Богатый тотъ витязъ-купецъ, гость Поморскій,
 Тотъ Дюль-Степановичъ, что позже гостилъ
 У краснаго-Солнца Владиміра князя,
 И спорилъ съ Чурилой богатствомъ своимъ.

Волынь дала имя Волынскому морю;
 Она величалась Миеулой роднымъ,

По древнимъ преданьямъ, Индѣюшкой славной.
 Когда посоль русскій отъ князя спѣшитъ
 Въ Волынь, чтобъ провѣрить богатство Дюка;
 Блестящее солнце такъ ярко блеститъ
 На кровляхъ золотыхъ и на башняхъ Волыни,
 Что онъ восклицаетъ: «знать, это горитъ
 Индѣйское царство!...»

Много всякихъ богатствъ есть у Дюка;
 Треть стрѣламъ своимъ Дюкъ и цѣны не знаетъ:
 «Во середочку вращень камешочекъ самоцвѣтный.
 «А во тупой конецъ вращено золото-перо орлиное,
 «Того было орла заморскаго:
 «Онъ сидитъ орелъ на синенькомъ на камешкѣ.
 «Ужъ онъ ронитъ орелъ перьяца орлиныя;
 «Когда идутъ гости-карабельщики,
 «Побираютъ перьяца орлиное...
 «Покупали мужики-то индѣйскіе,
 «Приносили это перьяце орлиное
 «Его Дюкову-то батюшку въ подарочки.»

Не тамъ-ли сначала,
 Не тамъ-ли въ то славное времячко жить,
 И нашъ Новгородскій Садко, гость богатый?
 Богатствомъ несмѣтнымъ его наградилъ
 Царь бурнаго моря. Садко гость торговый,
 И съ тѣмъ чародѣй, — онъ чудесной игрой
 На гусяхъ звончатыхъ своихъ пробуждаетъ
 Сердитое море; ему царь морской
 Даетъ дочь въ замужство.... Живаль-ли онъ, точно.
 На славномъ Поморѣ, пришелъ-ли Садко
 Къ намъ въ древніе дни изъ восточнаго міра;
 Но пусть родился онъ отъ насъ далеко.
 Но въ новой отчизнѣ, онъ тѣломъ и духомъ
 И всей обстановкой своей — Славянинъ.
 Онъ витязь-торговецъ, онъ гость Новгородскій;
 Едва въ немъ сквозитъ духъ восточныхъ былинъ;
 Его образъ, удалъ, его быть, — все взято
 Изъ жизни славянской ⁵⁾.

Не въ эти-ли-жъ дни

Предстали впервые Иванъ нашъ Годиниць
 И ловкій Хотинъ? Иль не здѣсь-ли они
 Потомъ получили ихъ образъ славянской?
 Не здѣсь-ли явился тогда-жь, въ первый разъ,
 Двойникъ тотъ Садко,—Соловей Будимирычь,
 Что послѣ заставилъ влюбиться у насъ
 Въ свое молодечество, вѣщую удалъ,
 Младую Любаву 6)?

Но вотъ мракъ вѣковъ
 Яснѣетъ все больше. Далеко летаетъ
 Молва о Поморѣ; сквозить глушь лѣсовъ,
 Растутъ злачны нивы подъ сошкой Микулы;
 Начнетъ онъ бороздку съ полабскихъ береговъ,
 А вончитъ у темной пучины Днѣпровской;
 Нувнетъ онъ кобылку въ Карпатскихъ горахъ,
 А гулъ отзовется у тихаго Дона.....
 По манію Ваны, кипать на поляхъ,
 Молотятъ и жнутъ муравьи-мармидоны,
 Ея земледѣльцы; страна вся полна
 Рабочими пчелами.... Всѣ у ней въ службѣ!...
 Кивнетъ только вѣщей головкой она,
 Стоитъ уже городъ, или зрѣетъ нива,
 И хлѣбъ обмолоченъ.

Точетъ въ тишинѣ
 Она судьбы вѣщія юнаго края,
 Выводитъ узоры она по странѣ,—
 Узоры, разводы судебъ ея новыхъ;
 Сама разсуждаетъ:

«Ну, вотъ я нашла
 Сынновъ моихъ кровныхъ, она разсуждаетъ,
 Устроила край ихъ, насколько могла;
 Дала я имъ образъ живой человѣка.
 Гдѣ тутъ, по сосѣдству, еще край другой,
 Что съ ними поспорилъ бы въ силѣ, богатствѣ?
 Боятся не даромъ насъ Западъ нѣмой;
 А Полночь, та вовсе у насъ подъ руками.
 Вотъ, кажется, здѣсь-то ужъ я не спала;
 Но какъ-же мнѣ сдѣлать, чтобъ хищная птица

У насъ въ странѣ пищи себѣ не нашла,
 А братъ не посмѣлъ возставать бы на брата?
 Какъ сдѣлать? Вѣдь люди живые они;
 У каждаго родъ свой особый; раздоромъ
 Земля кипитъ.... Мы-ли живемъ такъ одни?
 Своя воля всякому, — кто-же уступитъ?
 Нашъ край богатырскій суровъ на войнѣ,
 Но въ мирное время онъ ласковъ къ пришельцамъ;
 Идетъ къ намъ людъ всякій; въ какой сторонѣ
 Такое радуше во всемъ, хлѣбосолюство?
 Живемъ мы досель по родной старинѣ,
 Всего намъ дороже святая свобода.
 Семейки*) вѣрность хранить ихъ мужьямъ;
 Порою и сами сражаются рядомъ;
 Богачество намъ ни почемъ; а врагамъ
 Велятъ за обиду мстить даже и боги.
 Какъ я воспрещу моимъ это сынамъ?
 Я мать ихъ, царица; они мои дѣтки.
 Для нихъ нѣтъ святѣ родимой страны,
 Лѣсовъ нашихъ темныхъ, поселковъ торговыхъ....
 Но какъ обойдутся они безъ войны?
 Кто станетъ тогда разбирать ихъ раздоры?
 Какой странѣ можно прожить въ тишинѣ?
 И свѣтлые боги воюютъ на небѣ....
 Гдѣ слыхано это, чтобъ въ цѣлой странѣ
 Не могъ хищный воронъ найти себѣ пищи?»
 Одно было средство у ней для того, —
 Смирить всѣ раздоры союзомъ единства,
 Но юная Вана и знать ничего
 Про то не хотѣла. Край выросъ въ раздорахъ;
 Онъ жилъ только ими. Ни Вана сама,
 Ни богъ Святовить, не желали единства;
 Единство казалось всемъ знакомъ ярма,
 А прочный порядокъ — народной неволей.
 Одно могла Вана единство имъ дать, —
 Единство лишь славы и древнихъ преданій.

*) Жены.

Она такъ привыкла сама управлять
 По правдѣ народной, что всякій отважный,
 Кого смѣлый геній его выдвигалъ
 Изъ общаго круга, казался опаснымъ,
 И вольнолюбивый народъ трепеталъ,
 За край свой свободный. Князь всякій захочетъ
 Княжить надъ страню по волѣ своей,
 Помимо народа; князь всякій поставитъ
 Въ правители края ближайшихъ людей;
 Не онъ, такъ они иль ихъ родъ именитый
 Съѣдятъ поѣдомъ все богатство страны.
 Они будутъ дѣлать условія мира,
 Они будутъ править судьбами войны,
 У нихъ въ рукахъ будетъ народная сила
 И самъ Святovitъ.... Да и гдѣ бы взяла,
 Въ какомъ она племени кровномъ Славянскомъ,
 Что всѣ были равны, — гдѣ взять бы могла
 Она столь могучаго, вѣщаго князя,
 Чтобъ весь мѣръ славянскій склонился предъ нимъ?
 Одни даютъ боги владыкъ странамъ вольнымъ;
 Они посылаютъ народамъ своимъ
 И силу господства, и горькое рабство.

Единный могъ царствовать здѣсь, — Святovitъ,
 Отецъ всѣхъ боговъ и племень всѣхъ славянскихъ;
 Его только крѣпкій, божественный щитъ
 Могъ край оградить отъ враговъ его внѣшнихъ
 И внутреннихъ распрей, — блестящей звѣздой
 Сіять на пути ему къ славнымъ побѣдамъ.
 Онъ всѣмъ племенамъ былъ отецъ всеблагой,
 Онъ былъ охранитель народной свободы,
 Всѣ помыслы были открыты предъ нимъ,
 Весь край вполне вѣрилъ въ его правосудье;
 Какой князь земной могъ правленьемъ своимъ
 Стяжать средь народа такое значенье?...

Но этотъ мѣръ вольный ужъ былъ окруженъ
 Съ Полночи и Запада, съ моря и суши
 Желѣзной дугою бродячихъ племень,

Поклонниковъ или потомковъ Одина.
 Какъ здѣсь, у славянъ, былъ въ главѣ мѣръ-народъ;
 Такъ тамъ уважалася знатность породы.
 Сыны свѣтлыхъ асовъ, чей доблестный родъ
 Наслѣдоваль славу отца ихъ, Одина,
 Стояли въ главѣ этихъ сборныхъ дружинъ,
 Готовыхъ сражаться за знатнаго князя,
 Куда бъ ни повель онъ. Самъ грозный Одинъ
 Считался вождемъ ихъ дружинныхъ союзовъ.

Давно ужъ кипѣла открыто вражда
 Межъ двухъ племенъ этихъ, когда-то столь близкихъ:
 То храбрыхъ Славянъ подымалась звѣзда,
 То верьхъ въ борьбѣ брали сыны гордыхъ асовъ.

Вражда эта шла съ первобытныхъ временъ;
 Вражда эта шла съ той поры еще древней,
 Когда въ старину мѣръ славянскихъ племенъ
 Отбросилъ враждебныхъ имъ асовъ на Полночь;
 Когда Одинъ не былъ еще божествомъ
 Угрюмаго Сѣвера, но шель съ Востока;
 Когда не встрѣчали его съ торжествомъ
 Побѣдные клики воинственныхъ ратей,
 И былъ незнакомъ ему Сѣверный мѣръ;
 А юные асы еще веселились
 На вольной землѣ, и веселый ихъ пиръ
 Далеко гремѣлъ по равнинамъ Полудня.

Лишь только на Сѣверѣ—въ этой странѣ
 Гранитныхъ утесовъ, снѣговъ и тумановъ,
 Въ томъ царствѣ стужи, враждебномъ веснѣ,
 Создаться могла ледяная та бездна,
 Бездонная челюсть предвѣчной зимы,
 Откуда явилась вселенна Одина.

Лишь тамъ, въ этомъ царствѣ Полуночной тьмы
 И вѣчнаго холода, вьюгъ и мятелей,
 Явиться, по манью Одина, могли
 Такія картины его мѣрозданья:

Сперва нѣтъ ни неба нигдѣ, ни земли,
 Повсюду одна безпредѣльная бездна;

Надъ нею повисла кромешная тьма,
 Вверху только темномъ свились клубомъ змѣи,
 Подъ ними развернула челюсть Зима;
 Изъ змѣй каплетъ тонкій ядъ въ этотъ бездонный
 Колодезь, на груди намерзнувшихъ льдовъ;
 Оттуда несутся шумящія рѣки
 Въ сѣдой океанъ, что сначала вѣковъ
 Собой омываетъ весь міръ.... Но вотъ, съ Юга
 Пахнуло теплою, — тамъ горнило огня;
 Блестящія искры его нагрѣвають
 Намерзшія льдины, и съ этого дня
 На нихъ означается образъ туманный
 И ликъ великана: рождается Имиръ,
 Живящій сей духъ первобытной природы;
 Потомъ, отъ него заражается міръ
 Другихъ великановъ. Съ Имиромъ рождается
 Корова, — и кормитъ его молокомъ.

Отъ ютна Имира рождается Бури;
 Ютнъ Бури становится позже отцомъ
 Грядущаго бога Полночи, Одина.
 Набравши дружину изъ кровныхъ сыновъ,
 Одинъ истребляетъ злой родъ исполиновъ;
 Потомъ, при пособьи сихъ новыхъ боговъ,
 Творитъ онъ вселенну. Изъ тѣла Имира,
 Кого поразила Одина рука,
 Одинъ творитъ землю, изъ черепа — небо,
 Изъ сѣраго мозга его — облака;
 Изъ крови титановъ, — глубокое море.
 Затѣмъ, онъ приводитъ въ порядокъ луну
 И солнце, что прежде носились съ звѣздами
 Безъ цѣли въ пространствѣ, даруетъ весну,
 Творитъ дни и ночи, и кругъ времянь года.

Но хитрый и смѣлый Одинъ истребилъ
 Не всѣхъ исполиновъ; еще оставался
 Съ женой Бргольмиръ, — образъ злобныхъ тѣхъ силъ,
 Что жили вначалѣ, — и онъ порождаетъ
 Позднѣйшихъ титановъ.

Чтобъ міръ защитить

Отъ ихъ непрестанныхъ, ужасныхъ набѣговъ,
 Царь асовъ рѣшилъ весь міръ оградить
 Рѣсницами перваго іотна, Имира.
 Изъ этихъ рѣсницъ дальновидный Одинъ
 Устроилъ вкругъ міра земнаго ограду.
 Она охраняла Мидгардъ отъ пучинъ
 Всемирнаго моря, и съ тѣмъ преграждала
 Не только входъ іотнамъ, бродившимъ кругомъ,
 Но также и лютому змѣю морскому,
 Обвившему мутно-зеленымъ хвостомъ
 Широкую землю ?).

При самомъ началѣ,
 Всемощный сынъ Бури, великій Одинъ,
 Присвоившій послѣ себя скиптръ Водана,
 Былъ въ сущности вождь лишь бродячихъ дружинъ,
 Сыновъ своихъ асовъ; но онъ постоянно
 Любилъ собирать вѣщія знанья. Онъ пьетъ
 Глубокую мудрость у іотна Имира;
 Разъ даже онъ правый свой глазъ отдаетъ
 Въ обмѣнъ за рожокъ, что служилъ іотну черпать
 Струи вѣщей Урды *). Одинъ окривѣлъ,
 Но тѣмъ не пресѣклось его любознанье:
 Онъ все поучался, пока не успѣлъ
 Исчерпать вполнѣ всю тогдашнюю мудрость.
 Одинъ не гнушался ходить и къ другимъ
 Мудрѣйшимъ титанамъ, чтобы состязаться
 Божественнымъ съ ними познаньемъ своимъ, —
 И кто побѣжденъ былъ, платилъ головою.
 Есть поводы думать, что нѣвогда онъ
 За этимъ ходилъ и къ родному Микулѣ;
 Но былъ въ состязаніи съ нимъ побѣжденъ,
 Хотя и остался потомъ съ головою.
 Поэтому, можетъ, — съ древнѣйшихъ временъ,
 Одинъ и былъ полонъ такимъ уваженьемъ
 Къ познаньямъ Микулы.

*) Источникъ Урды, Урдуръ, считается источникомъ мудрости у скандинавовъ.

Когда, изъ подъ тучи темныя,
 «Выпадала книга Голубиная,
 «Великая книга Голубиная,
 «Къ той книгѣ собиралися,
 «Собиралися, съѣзжались,
 «Сорокъ царей со царевичемъ,
 «И сорокъ князей со княжевичемъ....
 «Изъ нихъ было пять царевъ наибольшихъ».

Пріѣхаль, какъ русскій гласить нашъ разсказъ,
 Пріѣхаль и царь Вологманъ Вологманычъ;
 Хозяинъ же этого съѣзда у насъ -
 Какой-то чудесный Давидъ царь, Есеичъ.
 Волоть излагаетъ сначала свой сонъ,
 Про чудную славу грядущаго края
 Есеича, гдѣ поселится и онъ, —
 Но вѣщій Давидъ, этотъ сонъ разъясняетъ;
 А самъ рѣчь ведетъ о началѣ временъ
 И первенствѣ разныхъ предметовъ вселенной.

«Отчево у насъ свѣтъ свѣтитъ,
 «И отчево солнце сіяетъ,
 «И отчево заря занимается?
 «На чемъ у насъ небо ходитъ?
 «На чемъ земля стоитъ?....
 «Кой градъ градамъ мать,
 «Кое древо древамъ мать,
 «Кой звѣрь звѣрямъ мать,
 «Коя гора горамъ мать,
 «Кое море морямъ мать?»...

Но вотъ въ заключеніе, Давидъ задаетъ,
 Подобно Вафтрудниру *) Сѣверной Эдды,
 Вопросъ Волотману: «что міръ этотъ ждетъ
 Въ божественный вечеръ небесныхъ величій?» —
 Какъ бы намекая, что грозный Одинъ
 Самъ долженъ погибнуть отъ волка Френмира.
 Отвѣтъ рѣшилъ прѣнье, — и злой исполинъ
 Тотчасъ прерываетъ съ Давидомъ бесѣду.

*) Вафтрудниръ. великанъ, надъ которымъ Одинъ одержалъ верхъ въ познаніяхъ, за что этотъ ютивъ заплатился головою.

Ктожь этотъ Есеичъ? Кто царь Вологманъ?
 Не нашъ ли Микула родной Селянинычъ?
 Не древній Одинъ ли, Полночный титанъ,
 Пытавшій повсюду старинную мудрость?
 Извѣстно, что онъ черезъ горы леталъ,
 Въ дальнѣйшія страны, за всякимъ познаемъ:
 Возможно-ли, чтобы Одинъ не слышалъ
 О книгѣ Глубиной, той книгѣ всемирной,
 Въ которой міръ древній такъ жадно желалъ
 Прочестъ всѣ страницы? А кто владѣтъ книгой
 И знать эту книгу могъ лучше Микулы? *)

Издревле ужъ Западъ, сей край облаковъ,
 Казался застроеннымъ. Явственно видны
 Тамъ были то кровли изъ круглыхъ щитовъ,
 Какъ позже въ Валгалъ; то мрачныя скалы.
 На коихъ устроилъ впоследствии Одинъ
 Свой городъ небесный и мостъ семицвѣтный,
 Раскинутый имъ средь воздушныхъ пучинъ,
 Гдѣ послѣ поставилъ вверху онъ сторожку,
 Отколь днемъ и ночью онъ могъ наблюдать,
 Въ раскрытыя двери, всѣ страны вселенной.

Но въ первое время, бродячая рать
 Воинственныхъ асовъ, сихъ свѣтлыхъ титановъ,
 Еще недовольно искусна была
 Въ строительномъ дѣлѣ, хотя и считалась
 Издревле способною для ремесла
 Кузнечнаго. Праздные асы любили
 Попить, поиграть на доскахъ золотыхъ,
 Въ златыя тавлеи; но дѣла чуждались.
 Жилища же строили долго для нихъ
 Волоты Полночные, хитрые ютны.

На Сѣверѣ жилъ самый древній кузнецъ,
 Закальщикъ желѣза, гигантъ Ильмариненъ.
 Лишь только былъ созданъ міръ, — Укко-творецъ *)
 Привелъ на болота его и трясины,

*) Укко, — Финскій богъ, творецъ міра.

Гдѣ жило желѣзо; устроилъ себѣ
 Ютнѣ кузницу съ горномъ, и сдѣлалъ желѣзо
 Упругимъ и твердымъ, способнымъ къ борьбѣ
 И въ самымъ изящнымъ вещцамъ для женщинѣ.
 Тамъ жилъ и наставникъ Одина Мимиръ,
 Мудрѣйшій изъ ютновъ, съ кѣмъ онъ постоянно
 Во всемъ совѣщался. А глубже—былъ мѣръ,
 Холодный и мрачный, колдунья Лоухи 9).

Когда повстрѣчалъ нашъ Микула родной
 Впервые Одина, онъ былъ вождемъ браннымъ,
 А свѣтлые асы, — бродячей ордой,
 Искавшею также на Западѣ мѣста,
 Гдѣ-бъ ей поселиться. Ихъ станъ подвижной
 Стоялъ на какой-то равнинѣ, что звали
 Они тогда Иди. Здѣсь нѣсколько лѣтъ
 Они совѣщались о мироустройствѣ;
 Одинъ любилъ также вносить вездѣ свѣтъ
 И стройный порядокъ, — и даже отсюда
 Ходилъ онъ, съ двоими изъ асовъ своихъ,
 Въ край дикій Древяновъ, на синее море;
 И далъ имъ, побывши въ лѣсахъ ихъ глухихъ,
 Впервые далъ образъ живой человѣка.

Блестящіе асы, какъ въ древнихъ своихъ
 Поютъ они пѣсняхъ, срубили изъ тына,
 На этой равнинѣ, большой себѣ дворъ,
 Воздвигли алтарь и поставили горны.
 Извѣстно, что самъ ихъ Громовникъ, богъ Торъ,
 И тотъ упражнялся въ кузнечномъ искусствѣ.
 Потомъ наковали не мало вещей
 Они очень цѣнныхъ,—браслетовъ и колець,
 Домашнихъ орудій, щипцовъ и ножей,
 Въ чемъ истинно асы всѣ были искусны;
 Но въ прочее время,—какъ прежде, они
 Гуляли и пили, играли въ златыя
 Тавлеи и шашки,—и цѣлые дни
 У нихъ проходили въ пирахъ и попойкахъ.
 Ихъ станъ укрѣпленный стоялъ близъ страны,

Гдѣ жилъ, съ своимъ родомъ осѣдлымъ, Микула.
 Волшебный блескъ дивной, роскошной весны
 Лился съ лучезарнаго неба на землю;
 Вездѣ зеленѣла и пышно цвѣла
 Растительность Юга. Счастливые асы
 Сіяли блаженствомъ. Далече была
 Отъ нихъ тогда мысль, о малѣйшей печали.
 Всей грудью могучей впивали они
 Насыщенный воздухъ весны благовоной;
 На радужныхъ крыльяхъ летѣли ихъ дни,
 И сыпали радость на нихъ и веселье.
 Не этой ли самой счастливой порой,
 Не въ этомъ ли царствѣ Полдневной природы,
 Родился Одину Бальдуръ *) молодой,
 Милѣйшій и самый красивый изъ асовъ?
 Какъ день святоварный, сіялъ онъ красой;
 Какъ вешнее солнце, ко всѣмъ былъ привѣтливъ.
 Великій родъ Балтовъ его признаетъ
 Отцомъ своимъ. Ждали, что онъ, всегда кроткій
 И миролюбивый, собою начнетъ
 Опять золотой вѣкъ боговъ и вселенной.
 Онъ только изъ асовъ владѣлъ золотымъ
 Кольцомъ плодородья земли благодатной;
 Онъ только чудеснымъ наитьемъ своимъ
 Могъ вырастить ниву и дать на ней жатву;
 Но боги судили иначе, и свѣтъ
 Былъ долженъ лишиться одной изъ блестящихъ
 Надеждъ своихъ: стибнулъ Бальдуръ въ цвѣтѣ глѣтъ,
 И сами же асы въ томъ были виновны.
 Но въ то еще время не знали они,
 Что ихъ ожидало. Они беззаботно
 Тогда веселись, и цѣлые дни
 Вкушали, увы, невозвратное счастье.

Въ то время и асы, и ихъ властелинъ,
 Водили хлѣбъ-соль и сносились любовно

*) Бальдуръ, богъ весны у скандинавовъ.

Съ сынами Микулы; и хитрый Одинъ
 Поддерживаль это, заимствуясь многимъ
 Отъ племени Вановъ. Воинственный Торъ
 Жилъ въ дружествѣ съ нашимъ славянскимъ Перуномъ,
 И часто бродилъ съ нимъ по теменн горъ
 Иль въ дебряхъ Полночныхъ, сражаясь съ нимъ рядомъ
 Съ полчищами ютновъ. На память тѣхъ дней,
 Перунъ подарилъ ему горсть своихъ молній,
 Что онъ включилъ тутъ же, на ужасъ людей,
 Въ громовый свой молотъ, и съ той поры назвалъ
 Свой молотъ *молнироумъ*. Едва-ль грозный Торъ
 Женатъ уже не былъ на Живѣ, весенней
 Богинѣ славянской, что такъ же съ тѣхъ поръ
 Явилась у асовъ подъ именемъ *Зифы*.
 Но мудрость Микулы, устроенный быгъ
 Осѣдлыхъ Славянъ и Полуденный край ихъ,
 Цвѣтущій, богатый, имѣвшій ужъ видъ
 Страны развитой и воздѣланной прочно
 Трудомъ челоука, кололи глаза
 И сердце Одину и асамъ бродячимъ;
 И было замѣтно, что будетъ гроза
 Межъ двухъ сихъ племень, уже втайнѣ враждебныхъ ¹⁰⁾.

Успѣхъ и богатство Микулы они
 Тогда относили къ его чародѣйству,
 Что долго считалось въ старинные дни
 За высшую мудрость. Глава свѣтлыхъ асовъ
 Былъ втайнѣ исполненъ желаньемъ отбить
 Край этотъ цвѣтущій себѣ у Микулы;
 Но надобно было его побѣдить
 Въ глубокой наукѣ, какъ встарь побѣждалъ онъ
 Полуночныхъ ютновъ. Ходилъ ли тогда
 Еще онъ испытывать мудрость Микулы,
 Иль нѣтъ, — дни текли, и все больше труда
 Ему предстояло, чтобы достичь цѣли.

Одину и асамъ еще незнакомъ
 Былъ трудъ земледѣльческій и быть осѣдлымъ;
 Имъ надобно было чужимъ жить трудомъ,
 Они могли только лишь быть господами.

Одинъ почиталъ себя крѣпкимъ щитомъ,
 Для всякой страны, лишь бы свѣтлые асы
 Имѣли тамъ власть, у него подъ рукою;
 Но онъ не владѣлъ древней силой Водана.
 Воданъ былъ владыкой надъ прежней землей,
 Какъ богъ ярыхъ битвъ и какъ богъ земледѣльи;
 Его мечъ священный, кому въ эти дни
 Еще поклонялись древнѣйшіе скифы,
 Имѣлъ двойной образъ; въ немъ чтили они
 И бога Громовника и бога Свала, —
 Живящее Солнце; но грозный Одинъ
 Былъ болѣе богомъ войны и побѣды,
 И даже въ глазахъ своихъ свѣтлыхъ дружинъ
 Едва ли когда онъ имѣлъ образъ солнца.
 Занять вановъ край было трудно для нихъ;
 Микула былъ тугъ на пріемъ боговъ чуждыхъ,
 Но крѣпко стоялъ за боговъ онъ родныхъ;
 Притомъ же край вановъ казался волшебнымъ;
 Царь асовъ страшился Микулиныхъ силъ,
 Не могли оспорить его въ вѣщихъ знаньяхъ;
 Чтобъ онъ ни задумалъ, чтобъ онъ ни рѣшилъ,
 Все было извѣстно впередъ хитрымъ ванамъ.

Дни цѣлые мудрый Одинъ проводилъ
 Въ живыхъ совѣщаніяхъ съ древнимъ Мимиромъ.
 Мимиръ, сей оракулъ древнѣйшихъ вѣковъ,
 Совѣтовалъ асамъ, украсть себѣ Вану, —
 Любимицу эту славянскихъ боговъ;
 Но это не такъ легко было исполнить.

Въ то самое время къ Одину пришли,
 Съ источниковъ Урды, три вѣщія Норны,
 Изъ лучшихъ гадальщицъ Полночной земли, —
 Три дочери іотновъ, искусныхъ издревле
 Въ вѣщбѣ и гаданьѣ. Одна и была
 Та самая Урда; другую же звали
 Въ странѣ ихъ Вердандой. Ихъ мудрость могла
 Поспорить съ искусствомъ всезнающихъ вановъ;
 Онѣ знали руны, и въ станъ принесли
 Съ собою скрижали письменъ сихъ священныхъ,

Божественный даръ сей славянской земли,
 Доставшійся ванама изъ Ольвіи древней, —
 Отъ нихъ же и іотнама. А третья была
 Гадальщица Скульда. Она въ своемъ краѣ
 Особенно хитрой изъ нихъ и слыла
 По части гаданій; она изрекала
 Судьбу и младенцама.

Великій Одинъ

Съ вождями воссѣлъ на высокіе камни,
 Стоявшіе кругомъ. Какъ вождь — властелинъ,
 Одинъ сѣлъ въ главѣ, подъ щитомъ своимъ бравнымъ;
 А прочіе асы столпились за нимъ.
 Сперва приступили они къ совѣщанью:
 Какое значеніе дать Двергамъ *) своимъ,
 Симъ карлама, рожденнымъ изъ крови Имира?
 Вождь асовъ имъ отдалъ ущелія горъ,
 Глубь водъ, свѣтлый воздухъ и мѣсяцъ съ звѣздами;
 Поэтому Дверги и взяли съ тѣхъ поръ
 Себѣ міръ воздушный, земной и подземный.
 Иные извѣстны изъ нихъ добротой,
 Но большею частью они всѣ лукавы;
 Отъ нихъ и добро шло, и зло, въ міръ земной;
 Имъ были извѣстны подземные клады;
 Но больше всего, ихъ прославился родъ
 Кузнечнымъ искусствомъ, и далъ міру лучшихъ
 Потомъ рудокоповъ ¹¹⁾.

Межъ тѣмъ у воротъ,

Въ тиши, совѣщались сидѣвшія норны.
 Мудрѣйшая Урда, все зная впередъ,
 Смотрѣла, какъ асы блестящіе пили
 Изъ рога Мимира.... Она вся полна
 Была вѣщихъ знаній. Потомъ, съ ней подруги
 Простились, и Урда осталась одна.
 Тогда дальновидный и хитрый царь асовъ,
 Всегда осторожный, приблизился къ ней,
 И прямо уставился зрячимъ онъ глазомъ

*) Дверги, — карлики, Сѣверные гномы.

Ей въ мутныя очи, — что искони дней,
Извѣстно, не нравится очень колдуньямъ.

«Ну что, старый хрычъ, ты пытаешь меня
И лезешь мнѣ въ душу? Она заворчала.
Я знаю все, — даже про то знаю я,
Гдѣ спряталъ ты глазъ твой. Его заложилъ ты
Обманомъ Мимиру. Я зрю, какъ блеститъ
Въ прозрачномъ ключѣ онъ. Мимиръ ежедневно
Имъ черпаетъ мудрость, и благодаритъ
Отца и владыку воинственныхъ асовъ.
Ну, что еще надо?...»

Одинъ выбралъ ей
Въ подарокъ большое количество колець
И много другихъ драгоценныхъ вещей,
Развервъ ей разумъ и далъ даръ видѣнья;
Тогда ея очи прозрѣли вполне
Во всѣ концы міра, — далеко, далеко....
Она увидала идущихъ къ странѣ,
Съ Полночи, валькирій; онѣ приближались
Съ златыми щитами, готовясь къ войнѣ,
И очень спѣшили, чтобы начать битвы.

«Ну, что еще надо? сказала она.
У вановъ есть много дѣвъ вѣщихъ, гораздо
Въ вѣщбѣ насъ искуснѣе. Есть тутъ одна,
Ей имя Хайдуря, — она презираетъ
Пророчества Вала.... Страхися ея!
Ее мы зовемъ, у насъ въ краѣ, Гульвигой.
Всю вѣщую мудрость и знанье свое
Она посвятила врагамъ твоимъ, ванамъ.
Ну, вотъ, потолкуй съ ней! Пожалуй, съ тобой
Не такъ-то легко этой вѣдьмѣ бороться....»

Достали Хайдурю. Всѣ асы толпой
Къ ней вышли на встрѣчу, къ воротамъ Асгарда.
Одинъ асъ у входа игралъ на ножахъ;
Онъ правой рукою бросалъ ихъ на воздухъ,
А лѣвой ловилъ, — и все это въ глазахъ
Хайдуря, — чтобы больше ее озадачить.

Прицель и царь асовъ, и самъ приступилъ
 Съ распросами. Ярко сверкая златыми
 Доспѣхами, свѣтлый сонмъ асовъ хранилъ
 Глубокое вокругъ нихъ молчанье. Хайдура
 Стояла предъ ними съ поднятой главой,
 Спокойно смотря на воинственный блескъ ихъ;
 Она не страшилась судьбы роковой, —
 Хайдура имѣла на все заклинанья.

Отецъ свѣтлыхъ асовъ велѣлъ принести
 Златое сидѣнье, куда былъ запрятанъ
 Огромнѣйшій ножъ, и сказалъ, чтобъ съ пути,
 Присѣвши, Хайдура сперва отдохнула.

«Ну вотъ, залетѣла, она говорить,
 Степная ворона въ златыя хоромы!
 Вели вынуть ножъ, что въ сидѣньи торчитъ, —
 Хайдура и съ деть.»

Царь асовъ сказалъ:

«Когда такъ искусна ты въ вѣщей наукѣ,
 Скажи-ниъ: какой драгоценный металлъ, —
 Желѣзо или злато?»

Хайдура сказала:

«Тамъ, гдѣ еще люди живутъ въ прежней мглѣ,
 Желѣзо дороже тамъ желтаго злата;
 Но въ нашей цвѣтущей и славной землѣ
 Давно стало злато дороже желѣза.»

Одинъ возразилъ ей: «когда такъ сильна
 Ты въ вѣщей наукѣ, скажи: что дороже
 И желтаго злата?»

На это она

Ему отвѣчала: «святой хлѣбъ, пожалуй,
 Дороже и злата. Безъ хлѣба умрешь
 И съ златомъ, голодный.»

Тогда онъ сказалъ ей:

«Когда ты все знаешь, то, значить, поймешь
 Мою ты загадку: разъ желтое злато
 Зашло въ край желѣзный; желѣзо его
 И стало просить: передайся мнѣ, злато;
 Ты будешь у насъ драгоценнѣй всего,

Царицей желѣзнаго вѣра; искусно
Тебя растоплю я на горнѣ моемъ,
И ты просіяешь, какъ красное солнце;
Хитро накую изъ тебя я потомъ,
Остойныхъ безсмертныхъ боговъ, украшеній;
Преклонится весь бѣлый свѣтъ предъ тобой,
Ты будешь дороже насущнаго хлѣба;
Съ тобой раздѣлю я престоль мой земной;
Кто будетъ тогда насъ съ тобою сильнѣе?»

Хайдура сказала: «хозяевъ въ дому
Двоихъ не бываетъ. Весь мѣръ сей — домъ божій;
Но ты, господинъ, не хозяинъ ему:
Единъ Богъ, — хозяинъ. Ну, что еще надо?

«Ты правду рекла, ей вождь асовъ сказалъ.
Когда ты все знаешь, скажи, — какой силою
Родъ вановъ въ странѣ сей хозяиномъ сталъ?»
Какихъ больше чтите боговъ вы безсмертныхъ?

Хайдура сказала: «почто ты меня
Одинъ испытуешь? Знай, ты испытуешь
Свою тѣмъ судьбину. Сказала ли я?...
Микулина сила въ златой его сошкѣ;
Но бойтесь вы сошки: она покоритъ
Васъ всѣхъ, великановъ. Судьбы неизмѣнны!
А кто наши боги? Нашъ богъ — Святovitъ,
Богъ свѣта дневнаго, богъ нивы и жатвы;
Онъ богъ всѣхъ боговъ, онъ нашъ древній богъ Свагъ.
Онъ богъ всего мѣра, онъ богъ боговъ вашихъ.»

Глухой, гнѣвный ропотъ тогда пробѣжалъ
По свѣтлому кругу воинственныхъ асовъ;
Но вождь подаль знавъ, и Хайдуръ сказалъ:
«Ну, если Хайдура такъ видитъ далеко,
То знаетъ и руны. Входя въ чужой домъ,
Написано въ рунахъ, сперва осмотри въ немъ
Внимательно выходи, чтобъ выйти потомъ
Тебѣ безопасно.»

Хайдура сказала:
«Да, это есть въ рунахъ; но я здѣсь въ гостяхъ.
Покуда я гостя, для васъ я священна;

А впрочемъ Хайдурѣ, не вѣдомъ ей страхъ,
Хайдурѣ ничто всѣ земныя стихіи.»

Царь асовъ сказалъ: «недостойно пытаться
Ни сталь, ни желѣзо, что пытанъ въ горнѣ,
Хайдура все знаетъ; она должна знать
Что нужно Одину. Ему нужна Вана,
Что вамъ подарила златыя поля.
За Вану Одинъ дастъ своихъ боговъ краю;
Тогда у насъ общею будетъ земля.
Все это возможно устроить Хайдурѣ,
Ей много извѣстно заклятій святыхъ, —
Одинъ это знаетъ....»

Хайдура сказала:

«Одинъ чтить боговъ и чтить предковъ своихъ,
Одинъ противъ нихъ не свершитъ заклинаній;
Хайдура не хуже Одина. Она
Не выдастъ ему міръ-народъ свой великій.
Не даромъ ее уважаетъ страна;
Она и сама свой народъ уважаетъ;
Ея слово вѣрнѣе. Ей святъ край родной,
А всякій врагъ проклятъ. И я заклинаю
Тебя, отецъ асовъ, и ихъ всѣхъ съ тобой,
Всѣхъ васъ заклинаю, землю и небомъ,
Ночными звѣздами, огнемъ и водой,
И міромъ воздушнымъ, и міромъ подземнымъ,
Алатыремъ-камнемъ и ясной зарей;
И громомъ-Перуномъ, и огненнымъ камнемъ,
И островомъ свѣтлымъ Буяномъ, страной
Святою восточной, и силой небесной,
И силой земной, и пучиной морской,
Чтобъ не было здѣсь вамъ ни крыши, ни мѣста.
Зову всѣ недуги и лиха на васъ,
Ходячіе камни и быстрыя рѣки,
Чуму и проказу, и боли, и сглазъ;
Зову всѣхъ стрѣльцовъ, и земныхъ, и небесныхъ,
Что въ кованыхъ ризахъ; зову и ихъ всѣхъ,
Стрѣльцовъ невидимыхъ, — ихъ луки и стрѣлы,
Чтобъ не былъ ни въ чемъ вамъ въ странѣ сей успѣхъ;

Чтобъ въ васъ настрѣляли они ихъ уроки,
 Призоры и притки; чтобы разстрѣляли
 Они ваши рати, и дворъ вашъ, и домъ;
 Чтобъ вы разслабѣли какъ малыя дѣти,
 Дрожали-бъ предъ самымъ ничтожнымъ врагомъ;
 Чтобъ здѣсь ваша доля исчахла на-вѣки.....
 Мое слово крѣпко!»

«Клянуся творцомъ!

Одинъ вскричалъ, видя смятеніе асовъ,
 Когда ты не снимешь, колдунья, сейчасъ
 Твоихъ съ насъ заклятій, тебя мы живую
 Изжаримъ на копьяхъ.»

«Ого, очень васъ

Хайдура боится! она, съ дикимъ смѣхомъ,
 Одну сказала. Такъ знай-же и ты,
 Что вѣщее слово сильнѣй всякой силы,
 И мягкій языкъ, хотъ въ немъ нѣтъ могуты,
 Порою ломаетъ крѣпчайшія кости.
 Не тронь родъ Микулы! Вотъ вамъ мой отвѣтъ.»

Одинъ и сонмъ асовъ не знали, что дѣлать,
 И наскоро собрали тутъ же совѣтъ;
 Потомъ повалили Хайдуру на копья,
 И начали жарить ее на огнѣ
 Чтобъ силой заставить ее снять заклятье.

Хайдура попалась, какъ звѣрь въ западнѣ,
 А имъ своя воля; но ни однимъ стономъ,
 Ни воплемъ, она не утѣшила ихъ.
 Хайдура смѣялась надъ страшною пыткой,
 И въ шутку просила злодѣевъ своихъ,
 Поддать еще пару, чтобъ было пожарче.
 Взбѣшенные асы тогда принесли
 Костерь цѣлый дровъ, и, раздувъ его пламя,
 На этомъ кострищѣ Хайдуру сожгли.

Но тщетно ее они трижды сжигали,
 Поднявши на копья. Посредствомъ своихъ
 Волшебныхъ заклятій, она оживала,
 Ругаясь надъ злобой безсильною ихъ.
 Увидѣвъ, что силы земныя тутъ тщетны,

И что не удастся ее убѣдить,
 Блестящія асы махнули рукою,
 Рѣшивъ, что разумнѣй ее отпустить,—
 И выгнали съ бранью Хайдуру изъ стана.

Въ то самое время вернулся богъ Торъ,
 Изъ лѣтней отлучки. Когда услышалъ онъ
 Про гнусный поступокъ, его грозный взоръ
 Исполнился гнѣва. Приблизясь къ Одину,
 Что шель ужъ обратно, онъ съ сердцемъ сказалъ:
 «Къ чему ты нанесъ эту злую обиду,
 Одинъ, роду Вановъ? Не ты-ль обѣщаль
 Хранить съ ними миръ, а теперь самъ нарушилъ.
 Они, по всей правдѣ, начать могутъ мечь,
 И будутъ изъ прежнихъ друзей намъ врагами;
 Ты прямо затронулъ народную честь,
 Поднявъ на жену изъ ихъ племени руку,
 Сбери поскорѣ вождей на совѣтъ,
 Обсудимъ немедленно, какъ намъ исправить
 Твой дикій поступокъ; не то на весь свѣтъ
 Они провкрячатъ про твое самовластье.»

Вожди асовъ сѣли на камни; среди нихъ
 Въ главѣ сѣлъ Одинъ; началось совѣщанье:
 Должны-ль, не роняя достоинствъ своихъ,
 Блестящія асы заглядить, предъ родомъ
 Божественныхъ вановъ, свершенный сейчасъ,
 Совсѣмъ бесполезный и дивій поступокъ,
 Иль вождь свѣтлыхъ асовъ, кого общій гласъ
 Призналъ уже богомъ,—имѣеть онъ право
 Судить и карать, ему чуждыхъ, людей?
 Должны-ль признать ваны его также богомъ,
 Иль ихъ божества, по природѣ своей,
 Имѣють такое-же право возмездья ¹²⁾?....

Но вѣсть объ обидѣ Хайдуры дошла
 До царственныхъ вановъ. Исполнилась гнѣва
 Священнаго Вана, и въ мигъ собрала
 Совѣтъ свой народный. Двѣнадцать старѣйшинъ

Возсѣли на камняхъ большихъ, а она
 Сидѣла въ срединѣ. Предъ нею держали
 Тѣ дски правдодатны, что чтила страна,
 Какъ даръ вѣковѣчныхъ, и мечъ обнаженный,
 Карающій кривду. Толпа вѣщихъ дѣвъ
 Предъ нею поставила огонь-правдовѣстникъ,
 Съ водой очищенья. Мигула, возсѣвъ
 Между старшихъ въ родѣ, ждалъ вмѣстѣ съ другими
 Словесъ ея вѣщихъ.... Въ ней зрѣла страна
 Царицу, пророчицу, мать народа.

«Народные старцы, сказала она,
 Владыки и лѣхи, старѣйшины рода!
 Злодѣйство пришельцевъ надъ вѣщей женой
 Изъ нашего рода наноситъ безчестье
 Всѣмъ виндамъ.... Кто мѣръ нарушаетъ святой,
 Тотъ самъ на себя призываетъ отмщенье
 Свободныхъ людей и бессмертныхъ боговъ.
 Местъ наша угодна богамъ вѣковѣчнымъ.
 По правдѣ святой, по закону отцовъ,
 Нашъ славный родъ долженъ съ себя смыть безчестье
 Враждебною кровію асовъ. Они
 Нарушили первые мѣръ благодатный.
 Я вижу въ грядущемъ раздоры одни.
 Могучіе винды должны сжечь ихъ городъ;
 А гордый вождь асовъ пусть ихъ уведетъ
 Въ другіе предѣлы, куда пожелаетъ.
 Я вижу далеко, далеко впередъ.
 Вражда будетъ долго межъ виндовъ и асовъ;
 А главный виновникъ вражды сей Мимирь,—
 Старинный, хитрѣйшій совѣтникъ Одина.
 Крутой этотъ іотнъ также древенъ, какъ мѣръ;
 Онъ встарь въ непрестанной борьбѣ былъ съ богами.
 Одинъ себѣ ищетъ привольной страны;
 Онъ хочеть быть богомъ въ странѣ земледѣлья;
 У насъ онъ узрѣлъ свѣтъ благой тишины,
 И трудъ благодатный, дающій богатство;
 Но іотнъ раздуваетъ въ немъ духъ старины,
 Духъ дикій и бурный родныхъ исполиновъ;

Ему ненавистенъ, священный намъ, миръ...
 Владыки и лѣхн! Хотите ли мира?—
 Просите, чтобъ нынѣ-жь былъ выданъ Мимиръ
 Въ заложники виндамъ. Дадимъ асамъ Рында,
 Посредствомъ кого получила земля
 И частную собственность, и изобилъе;
 Дадимъ также Прію, чье имя и я
 Носила межъ вами въ старинное время....
 Но требуйте хитраго іотна, Мимира.
 Всѣ іотны,—сыны первобытныхъ временъ;
 Предъ ними открыты глубокія тайны,
 У нихъ въ рукахъ древняя мудрость; а онъ
 Изъ нихъ самый хитрый. Онъ знаетъ всѣ клады,
 И все, что на небѣ, и что на землѣ;
 Ему повинуются и звѣри и гады.
 Онъ самый искусный въ добрѣ и во злѣ;
 Онъ можетъ дать виндамъ великія блага.»

Владыки, князья поклонилися ей
 И начали каждый хвалить ея слово;
 Потомъ одинъ всталъ.... «Мудрость рѣчи твоей,
 Сказалъ онъ, мы всѣ обсудили по правдѣ
 Святой. Вели голосъ народный узнать!»
 Тогда, по закону, вошли дѣвы-судьи
 Въ толпу, голоса отъ народа собирать;
 И бережно славши въ сосудѣ священномъ,
 Велѣли предъ вѣчемъ потомъ прокрячать;
 Затѣмъ, другой мужъ голоса перечислилъ,—
 Всѣ были согласны.

Стуекъ копій въ щиты,
 Вождямъ возвѣстилъ всенародную волю,
 Кипѣвшую местию.— Тагъ въ дни простоты
 Время тѣхъ, рѣшались между племенами
 Народныя тажбы.

Владыки племенъ,
 Собравши дружины свои, ополчились;
 А Вана покрыла, со всѣхъ ихъ сторонъ,
 Глубокою тьмою, отъ взоровъ Одина.
 «Но кто же его, бога битвъ, побѣдитъ...?»

Раздумалась мудрая Вана; какъ тутъ-же,
Отколь ни взялся, передъ нею стоитъ
Младой богатырь: «что здѣсь?» — «Такъ-то и такъ-то!»
«Ну это не служба, онъ ей говорить,
А развѣ лишь службишка только; а служба
Еще впереди!»

Вожди гордыхъ асовъ
Держали совѣтъ еще въ станѣ своемъ;
Какъ станъ окруженъ былъ, ограда разбита,
И храбрые ваны съ огнемъ и мечемъ
Вломилися къ нимъ.... Богатырь неизвѣстный
Промчался по стану, стопталъ ихъ конемъ,
Самъ гаркнулъ и скрылся. Одинъ раздраженный
Пустилъ въ него молнию, чей видѣнъ былъ слѣдъ
Потомъ еще долго, въ равнинахъ Днѣстровскихъ;
Но витязь ужь скрылся, и общій совѣтъ
Рѣшилъ, чтобы асамъ вступить въ соглашенье *).

Тогда заключенъ былъ съ обѣихъ сторонъ
Союзъ нерушимый.

И ваны, и асы,
Какъ было въ обычаѣ этихъ временъ,
Вручили другъ другу заложниковъ. Ваны
Въ заложники отдали Рында съ семьей,
Что прозвали асы позднѣй Нюрдуромъ,
Его сына, Прія, своей красотой
Подобнаго солнцу, и дочь Нюрдура,
Красавицу Прію; а хитрый Одинъ
Былъ долженъ отдать свѣтлымъ ванамъ Мимира
И аса Генира, что развѣ одинъ
Напомнить могъ Рында.

Затѣмъ, чтобы крѣпче
Упрочить въ грядущемъ священный сей миръ,
И асы, и ваны смѣшали ихъ слюни
Въ одной общей чашѣ. Пошелъ шумный ширъ,
Затѣмъ медь, раздалась дѣсна мира;
Тогда, изъ слюней тѣхъ, родился Квасиръ,
Сей первый баянъ Полуночнаго края **).

Таеъ кончилась первая эта война;
 Но скоро потомъ она вновь возгорѣлась,
 И длилась столѣтъя,—пока вся страна
 Славянъ прибалтійскихъ досталась Одину.

Лишь миръ заключенъ былъ, изъ Сѣверныхъ странъ
 Пришелъ ютнъ-строитель, и зная, что асы
 Нуждаются въ крѣпкихъ стѣнахъ, великанъ
 Взаяся ихъ построить, съ условьемъ, чтобъ асы
 За это ему заплатили луной,
 Красавицей Пріей и солнышвомъ краснымъ,—
 Другими словами, той свѣтлой страной,
 Гдѣ этой порою они проживали,
 И шли бы на Сѣверъ, гдѣ онъ обиталь,
 Среди вѣчной зимы и холодныхъ тумановъ.

При этихъ словахъ инда-ужасъ объялъ
 Блестящій родъ асовъ; тѣмъ паче, что Прія
 Помолвлена уже Однимъ была
 За аса Одура. Но Локви лукавый
 И столько же ловкій, какъ темный духъ зла,
 Ихъ сталъ уговаривать, давши имъ слово,
 Что только лишь городъ тотъ будетъ готовъ,
 Опутать такъ славно строителя ютна,
 Что онъ самъ уйдетъ,—и плоды всѣхъ трудовъ
 Гиганта зимы имъ достанутся даромъ.

Съ такимъ уговоромъ, Одинъ поклялся
 Пришедшему ютну, что свято исполнить
 Его предложенье,—и ютнъ принялся
 Имъ, въ эту же ночь, ледяной строить городъ.

Въ то время опять былъ въ отсутствіи Торъ;
 Но только, вернувшись, узналъ онъ про новый
 Обманъ царя асовъ,—горячій укоръ
 Изъ устъ полился у него на Одина.
 Исполненный гнѣва, Торъ грозно вскочилъ
 Среди совѣщанья съ высокаго камня,
 Какъ онъ всегда дѣлалъ, когда приходилъ
 Въ сильнѣйшую ярость,—и громко воскликнулъ:
 «О свѣтлое небо! О боги боговъ!

Поруганы снова условия и клятвы;
 Нѣтъ болѣе правды средѣ вашихъ сыновъ;
 Ничто намъ союзы, ничто обѣщанья. ...
 Чего еще людямъ, чего отъ насъ ждатель?
 Прощай, Бальдуръ кроткій! Приходить конецъ твой...
 Я вижу, несется отмстителей рать,—
 Насъ всѣхъ поглощаютъ скалы ледяныя¹⁵⁾...

Такъ онъ восклицалъ, благороднѣйшій Торъ,
 Какъ бы предвѣщая печальную участь,
 Что ихъ ожидала,—и точно, съ тѣхъ поръ
 Постигшую асовъ, за ихъ вѣроломство.
 Межъ тѣмъ, ледяной тотъ былъ городъ готовъ;
 Но Ловки искусно замедлилъ работу,
 Пока съ горъ потоки и блескъ облаковъ
 Съ небесъ, возвѣстили о близости лѣта,
 Когда Торъ-громовникъ вступалъ вновь въ права.
 Чтобъ снять съ свѣтлыхъ асовъ обѣтъ ихъ безумный
 И ложную вклятву,—не тратя слова,
 Торъ грануль въ несчастнаго ютна молньиромъ,
 И кончиль тѣмъ распрю.

Но скрылися дни
 Счастливые асовъ. Ихъ ваны прогнали
 Съ Полудня,—и волей-неволей они
 Вступили въ лѣсистый край, дикій и мрачный,
 Свѣтоновъ и Финновъ.

Вождь сильный въ войнѣ,
 Одинъ овладѣлъ очень скоро страню,
 И сталъ въ ней царемъ; а по смерти,—въ странѣ
 Былъ признанъ за бога. Не мѣръ-народъ вольный
 Божественнымъ саномъ Одина почтилъ,
 Но мѣръ рабовъ темныхъ, смиренныхъ оружемъ;
 Побѣдное шествье его грозныхъ силъ
 Край счель волшебствомъ,—и призналъ его богомъ.

По волѣ его, хитрый Ригъ раздѣлилъ
 Тотчасъ-же народъ, на благородныхъ
 Воинственныхъ Киновъ, и имъ поручилъ
 Власть высую въ краѣ; на Ярловъ свободныхъ,

Владѣвшихъ землею, и Тролей, — рабовъ,
 Рожденныхъ отъ дряхлой, беззубой старухи,
 Той самой, что асы нашли средь лѣсовъ,
 Съ ея старымъ мужемъ, въ холодной избушкѣ,
 Когда вошли въ край ¹⁶⁾.

Какъ былой ученикъ

Сѣдаго Мимира, преемникъ Водана, —
 Одинъ, — по тогдашнимъ понятьямъ, постигъ
 Достаточно хитрую глубь мірозданья,
 Чтобъ эти познанія свои приложить
 Къ готовымъ ужъ мифамъ страны этой темной,
 Угрюмой и дикой, и въ ней утвердить
 Воинственный духъ и характеръ дружинный.

Устроивъ страну и возсѣвъ божествомъ,
 Одинъ окружилъ себя сонмомъ героевъ.
 Младья валькирьи, съ большимъ торжествомъ,
 Ихъ вводятъ, съ полей прямо битвы, въ Валгалу.
 Они тѣ же асы; у нихъ въ небесахъ, —
 Игра въ золотыя тавлеи и шапки;
 Они забавляются въ горнихъ поляхъ
 Примѣрною битвой. Одинъ ежедневно
 Даетъ имъ пирушки; за это они
 Сражаются противъ Полуночныхъ ютновъ
 И прочихъ враговъ; а въ послѣдніе дни
 Вселенной, должны ихъ царя защищать
 Отъ волка Френмира. Волкъ этотъ, — сынъ Локки
 Онъ связанъ, и ждетъ этихъ дней, чтобъ пожрать,
 Ему ненавистныхъ, боговъ и Одина.

На самой срединѣ равнины большой,
 По имени Иди, въ пространствахъ воздушныхъ,
 Проходитъ сквозь землю, изъ бездны глухой
 Таинственной Геллы, всемірная ясенъ
 Небесъ, Агдразиль. Здѣсь, подъ сѣнью ея,
 Собираются асы на ихъ совѣщанья;
 Отсюда имѣетъ начало свое
 Прозрачный источникъ божественной Урды,
 Гдѣ вѣщія норны слагаютъ для нихъ
 Недолю и долю. Замѣтно, все это

Царь асовъ, во дни еще странствій своихъ,
 Заимствовалъ прямо отъ древняго міра.
 На стражѣ святаго Асгарда стоитъ
 Геймдалъ неусыпный, Восточный Иваша *);
 Онъ держитъ рожокъ, и тотчасъ же трубитъ,
 Чуть только завидитъ вдали грозныхъ іотновъ.
 Всѣ силы природы Одинъ поручилъ,
 Какъ сказано выше, таинственнымъ дворгамъ,
 Полуночнымъ карламъ. ~~Богъ Торъ уходилъ~~
~~На лѣто сражаться съ полчищами іотновъ;~~
~~Разъ былъ онъ застигнутъ внезапно зимой,~~
~~И проспалъ до утра въ перчаткѣ титана~~
~~Въ потемкахъ принять ея падець большой~~
~~За пѣлое зданье. Славянскій заложникъ,~~
 Богъ солнечный Фрейеръ, плѣнился красой
 Одной великанши, какъ солнышко наше,
 Весенній Дажьдъ-богъ золотою косой
 Красавицы Лады. Прекрасную Прію
 Одинъ взялъ себѣ, и отвелъ ей дворець;
 Она занималась хозяйствомъ Валгалы...
 Но все было тщетно! Нежданный конецъ,
 Предсказанный Торомъ, постигнулъ Бальдура:
 Едва вошли асы въ Полуночный край,
 Какъ онъ, самый кроткій изъ нихъ и блестящій,
 Вносившій повсюду съ собою свѣтлый рай, —
 Онъ, образъ прекрасный весенняго солнца,
 Богъ жаркаго лѣта и злачныхъ полей,
 Былъ вдругъ поглощенъ мрачною бездною Геллы;
 Но даже оттуда, по смерти своей,
 Прислалъ асамъ, въ видѣ кольца золотого,
 Дары первой жатвы.

Не рай свѣтлый ждалъ

Одина и асовъ въ странѣ сей угрюмой;
 Но міръ ледяныхъ, непривѣтливыхъ скалъ
 И іотновъ враждебныхъ, — да бурное море,

*) Ивашкой наши сказки называютъ постоянно столпаго, на границахъ восточныхъ царствъ, копчага сторожа съ рогомъ за плечами или въ руке.

Эгирь Полуночный, который дышалъ
 Весь годъ на нихъ стужей. Вдали раздавался
 Глухой храпъ, сопѣнье или дикій вой
 И крики титановъ... Хотя жаркимъ лѣтомъ
 Богъ Торъ и смиралъ ихъ; но съ каждой зимой
 Они появлялись опять съ новой силой.
 Разъ даже они захватили молнѣрь;
 И гордый Одинъ былъ въ немалой тревогѣ,
 И свѣтлые асы, — чтобъ скудный ихъ мѣръ
 Совсѣмъ не остался безъ краснаго лѣта,
 А люди безъ хлѣба.

Воздвигнувъ кругомъ

Мидгарда ограду, отъ бурнаго моря
 И іотновъ, царь асовъ устроилъ потомъ
 Другую еще, между свѣтлымъ Асгардомъ
 И краемъ злыхъ вановъ. Всезрящій Эгдирь,
 Орель-быстрокрылый, хранилъ царство асовъ
 Съ Полночи, откуда онъ видѣлъ весь мѣръ,
 А сонъ развлекалъ свой игрою на арфѣ;
 Не менѣ тоновъ его былъ и слухъ:
 Онъ могъ даже слышать намѣренья іотновъ.
 Въ мѣстахъ этихъ, также жилъ Красный Пѣтухъ,
 Будившій и трелей, и іотновъ къ работѣ;
 Другой Пѣтухъ - вѣщій, Златой-Гребешокъ,
 Тотъ жилъ въ самомъ небѣ, и крикомъ веселымъ,
 Чуть алой зарею заблещетъ Востокъ,
 Будилъ свѣтлыхъ асовъ. Еще былъ и третій, —
 Весь черный, въ таинственной Геллѣ; но онъ
 Будилъ только мрачные сонмы пороковъ,
 Злодѣйствъ, преступленій, сначала временъ
 Оттолъ выходящихъ на свѣтлую землю.

Въ мѣръ этотъ кромешный Одинъ низвергалъ
 Всѣхъ влятвопреступниковъ, изверговъ, трусовъ,
 И даже и тѣхъ, кто скончаться дерзалъ
 Не въ яромъ бою, а стественной смертью.
 Тамъ, холодъ и пламя, и медленный ядъ
 Змѣй лютыхъ, терзали несчастныя жертвы;
 Туда, въ этотъ полный мученьями адъ,

Въ послѣдствіи былъ заключенъ хитрый Локки,
 И сынъ его, лютой, ужасный Френмиръ, —
 Тотъ волею, отъ кого предназначено было
 Погибнуть Одину, когда новый міръ
 Низвергнетъ престолы небесныхъ величій.

На самой вершинѣ воздушныхъ небесъ,
 Гдѣ сходятся вмѣстѣ, на ихъ перепутьи,
 Главнѣйшіе вѣтры, Полночный Зевесъ
 Поставилъ сторожку, откуда онъ могъ бы
 Заразъ обозрѣть всѣ предѣлы земли
 И міръ весь живущихъ. Она называлась
 У асовъ Глидскельфомъ; отсюда могли
 Свершать наблюденья и прочіе боги.

Съ высотъ этихъ горныхъ еще былъ виднѣй
 Край чудный, блестящее царство Микулы.
 Тамъ царь асовъ видѣлъ златой міръ полей,
 Какъ волны морскія, блестящія нивы,
 Хрустальныя воды обширныхъ озеръ,
 Широкия рѣки, бѣгущія стаи
 Судовъ съ парусами, верьхи злачныхъ горъ,
 Вѣнчанныя дымомъ курящихся капищъ;
 Тамъ видѣлъ онъ стѣны большихъ городовъ,
 Отъ коихъ и прозвалъ онъ край Гардигардомъ,
 Цвѣтущія страны, отъ плоскихъ береговъ
 Молочнаго моря иль моря Морозовъ
 До тихаго Дона и темныхъ лѣсовъ
 Карпатскихъ. По Волгѣ, торговые гости
 Сгребали лопатой златую казну;
 По Дону тянулись съ Полдень караваны;
 Съ Поморья торговцы шли къ Грекамъ въ страну;
 Народные храмы сіяли богатствомъ;
 Блестящее солнце златило поля...
 Предъ сумрачной, дикой страной Одина,
 То былъ міръ богатства, святая земля
 Блаженной весны и обильнаго лѣта.

Никто не повѣритъ, чтобъ хитрый Одинъ
 Оставилъ край этотъ по собственной волѣ,

Чтoбъ онъ прoмѣнялъ мiръ цвѣтущихъ равнинъ
 На голыя скалы холодной Полночи,
 Не изгнанный ванами, какъ называлъ
 Въ то время онъ виндовъ. Еще безотраднѣй
 Страна эта стала, когда въ ней увялъ
 Бальдуръ лучезарный. Напрасно царь асовъ
 Любезничалъ съ Пріей; она не могла
 Ему передать всей премудрости вановъ;
 Красавица Прія у вановъ слыла
 Скорѣ хозяйкой въ быту ихъ домашнемъ;
 Народная мудрость осталась въ рукахъ
 Божественной Ваны. Напрасно трудились
 Несчастные трои въ безплодныхъ поляхъ;
 Лишь тощая жатва росла на ихъ нивахъ,
 И ту истребляли нерѣдко толпы
 Ворвавшихся ютновъ нежданною стужей.
 Самъ Торъ направлялъ осторожно стопы
 Въ страну ихъ. Однажды они даже взяли
 Богиню Весны съ заторусой косою,
 Красавицу Зифу, въ полонъ, — и лишь Локки,
 Хитрѣйшій изъ асовъ, своей быстротой
 И ловкостью, могъ ее выручить мужу.
 Однимъ лишь была изобильна страна, —
 Густымъ, крупнымъ лѣсомъ и крѣпкимъ желѣзомъ;
 Потомковъ Одина ждала иль война,
 Или вѣчный голодъ.

Изъ этой природы

Царь асовъ не могъ сотворить ничего,
 Опречь свѣтозарной, холодной Валгалы,
 Гдѣ сонмы усопшихъ героевъ его
 Могли упражняться во всякое время
 Въ воинскихъ забавахъ. Весны красной пиръ
 Угасъ для Одина, со смертью Бальдура;
 Ему оставался совѣтникъ—Мимиръ,
 И тотъ былъ заложникомъ мира у вановъ.
 Та мудрость, что древле Одинъ почерпнулъ
 Въ источникъ Урды, могла приложиться
 Къ одной лишь войнѣ. Мимиръ злобный раздулъ

Вражду его къ ванама. Ихъ асы считали
 Опаснѣ ютновъ, и видѣли въ нихъ
 Враговъ себѣ вѣчныхъ. Они относили
 Все тяжкое бремя несчастій своихъ
 Къ могуществу чаръ ихъ; хотъ въ прежнее время
 Призаяли много полезныхъ вещей
 У нихъ для хозяйства и для общежитья,
 Чего, во дни жизни бродячей своей,
 Они не имѣли и даже не знали.

Преемникъ Водана устроить не могъ
 Жилища для асовъ приличнѣй Валгалы.
 Ея свѣтзарный, обширный чертогъ,
 Искусно покрытый золотыми щитами,
 Раздолье просторныхъ, широкихъ дворовъ,
 Столы, всегда полные жирной трапезой
 И чашами съ медомъ, шумъ бранный пировъ,
 Въ присутствіи блестящихъ красавицъ-валькирій,
 Все было достойно безсмертныхъ боговъ
 И славныхъ героевъ. Среди феодальныхъ
 Палатъ сихъ, Одинъ былъ дѣйствительно богъ, —
 Богъ яростной битвы и сладкой побѣды.
 Весь царственный этотъ небесный чертогъ
 Блестялъ его дикою, воинственной славой.
 Здѣсь тѣшился бранной игрою онъ мужей,
 Стяжавшихъ, ихъ храбростью въ битвахъ, безсмертье;
 Здѣсь слышалъ бряцанье ихъ тяжелыхъ мечей,
 Сидѣлъ во главѣ ихъ торжественныхъ пиршествъ,
 Какъ царственный вождь. Его рогъ золотой
 Всегда былъ наполненъ виномъ; его гости
 Сіяли весельемъ; жемчужной рукой
 Красавица Фрея, со свитой валькирій,
 Лила медъ душистый... Все это Мимиръ
 Ему предвѣщалъ при началѣ вселенной;
 Но ютгъ видѣлъ больше, — онъ видѣлъ весь міръ
 Подъ свѣтлой державой потомка Водана ¹⁷⁾.

И всѣ были асы полны той мечтой;
 Она открывала имъ море и сушу.
 Но болѣе всѣхъ этой дикой страной

Могла тяготиться слезливая Фригга.
 Вотще прилагала заботы свои
 Она къ улучшенью бесплоднаго края, —
 Ея теплый дождь, этотъ жемчугъ земли,
 Струился почти на гранитную почву;
 Вотще расточала лобзанья она
 Въ отсутствье Одиново, Фрейеру-Солнцу;
 Отъ страстныхъ ласкъ этихъ не стала страна
 Ничуть плодоноснѣй, и эти лобзанья
 Всѣ были напрасны.

Томясь каждый годъ
 Печальнымъ исходомъ, передъ концемъ лѣта,
 Горячихъ стараній своихъ и заботъ,
 Она говорила съ досадою Одину:
 «Еще долго-ль жить намъ въ странѣ сей глухой,
 Гдѣ ты пропадаешь на цѣлую зиму?
 Какое наслѣдье готовимъ съ тобой
 Мы нашему роду, въ землѣ этой ютновъ?
 Что я здѣсь сама? Посмотри, какъ живетъ
 Въ глазахъ нашихъ родъ земледѣльческій вановъ;
 Они богатѣютъ, страна ихъ цвѣтетъ,
 Ихъ боги, не двигая пальцемъ, имѣютъ
 Обильныя жертвы. Взгляни, какъ блеститъ
 Тамъ красное солнце; а въ дни поворота,
 Когда отправляется богъ Святовитъ
 Въ далекій путь зимній, какое сянье,
 Какая отрада смотрѣть на него;
 Вотъ истинно праздниѣ торжественный лѣта!
 А я какъ ни бьюсь здѣсь, все нѣтъ ничего;
 Сама красота-златовласая Зифа,
 И та лишь худѣетъ и чахнетъ у насъ.
 А эти провлятые ваны, —будь пусто
 Въ землѣ ихъ! —Идутъ все впередъ, и какъ разъ,
 Пожалуй, займутъ отдаленный нашъ Западъ.
 Ты образъ Вуотана, побѣдный твой гласъ
 Ужасенъ богамъ, предъ тобой дрожить Гелла,
 Тебя зовутъ Грознымъ, богатствомъ дружинъ,

Сверкающимъ Окомъ и Окомъ туманнымъ,
 Ты Вѣпръ всекрушащій, ты богъ-Исполнѣ,
 Древнѣйшій Отецъ, Раздаватель побѣды,
 Богъ влаги небесной и зимнихъ путей,
 Ты Длиннобородый, въ надвинутой шляпѣ,
 Богъ тяжкихъ оковъ и торговыхъ людей;
 Ты Скорь на обманъ, ты Колдунъ, Заклинатель,
 Великій Угадчикъ, великій Силачъ,
 Настойчивый, Бѣшенный, Многообразный,
 Богъ, любящій стонъ челоуѣка и плачь,
 Всегда живой, Быстрый и Ловый въ тревогѣ....
 И сколько еще у тебя есть именъ
 И прозвищъ, достойныхъ великаго бога!
 Ты богъ всѣхъ сословій, стихій и временъ;
 И все таки тяжкихъ полна я предчувствій.
 Ты помнишь мой плачь и страданья мои,
 Предъ смертью Бальдура; такъ точно и нынѣ:
 Я будто, какъ вижу тревогу боговъ,—
 Злой волею поглощаетъ благаго Одина,
 Чумазый Суртуръ поджегъ царственный кровъ
 Блестящей Валгалы, всѣ боги побиты,
 Земной мѣръ и небо пылаютъ въ огнѣ,
 Вездѣ разрушенье.... И вотъ, изъ пучины
 Горящаго моря, подобно веснѣ,
 Всплываетъ другой мѣръ, прекрасный и свѣтлый;
 Но въ прежнихъ владѣнняхъ погибшихъ боговъ
 Живутъ ужъ не боги, а вольные люди;
 Нѣтъ больше ни браней, ни тяжкихъ оковъ,
 Повсюду царитъ власть святая закона;
 Встаетъ новый родъ, для насъ чуждыхъ, людей,
 Они населяютъ счастливую землю....
 Одинъ доживетъ до великихъ тѣхъ дней;
 Но богомъ Одинъ въ новомъ мѣрѣ не будетъ.
 Пока на вершинѣ онъ власти своей,
 Онъ долженъ спѣшить извлекать изъ ней пользу;
 Пока разумъ Ваны не собралъ сыновъ
 Ея воедино, край Ваны доступенъ
 Потомству Одина. Одинъ—вождь полковъ,

Одинъ—богъ побѣды; коварныя чары
 Злой Ваны не могутъ противостоять
 Божественной силѣ Вуотана—Одина;
 Обязанность вановъ, намъ землю пахать;
 Лишь роду безсмертныхъ боговъ подобаеъ
 Господствовать въ мірѣ. Вотъ, что говорить
 Супруга Одина, слезливая Фригга.

Что мудрый на это Одинъ возразить?...»

Глава свѣтлыхъ асовъ отвѣтствуетъ Фриггѣ:
 «Одинъ раздѣляетъ всю тяжесть заботъ
 Жены своей Фригги; но богъ свѣтлыхъ асовъ
 Спокоенъ за славный, великій свой родъ.
 Суровая наша страна и утесы
 Гранитные,—самый пристойный дворецъ
 Могучимъ сынамъ бога браней, Одина;
 А всякое дѣло вѣнчаетъ конецъ,—
 Нарѣзано мудрыми въ рунахъ священныхъ.
 То правда, волкъ хищный,—ты знаешь, кто онъ,
 И что онъ теперь,— разорветъ свои узы;
 Но это возможно въ концѣ лишь времени,
 Въ тѣ дни, какъ настанетъ божественный вечеръ
 Небесныхъ величій. Холодная мгла
 Суровой зимы причинитъ общій голодъ;
 Цари и народы исполнятся зла,
 Братъ станетъ на брата и племя на племя;
 То будетъ отмщенья вѣкъ, вѣкъ топоровъ,
 Кровавыхъ смятеній, неистовыхъ браней,
 Вѣкъ бурь,—волчій вѣкъ,—вѣкъ мечей и щитовъ;
 Привязанный волкъ разорветъ тогда узы,
 Всезрящій Геймдалъ затрубитъ въ звонкій рогъ,
 Чумазый Суртуръ зажжетъ небо и землю,
 Всемирная ясень поблекнетъ, чертогъ
 Небесный наполнится общимъ смятеньемъ,
 Раздастся крикъ іотновъ, ихъ яростный ревъ;
 Разумные дворги рыдаютъ въ пещерахъ;
 Морской змѣй ворвался въ жилище боговъ,—
 Червь этотъ вздымаетъ кровавыя волны.
 Одинъ совѣщается съ вѣщей главой

Убитаго ванами іотна, Мимира...
 Орель бьетъ крылами; міръ полонъ земной
 Растерзанныхъ труповъ; корабль исполинскій,
 Построенный весь изъ ногтей мертвецовъ,
 Несется на насъ съ мертвецами; злой Локки
 Стоитъ на кормѣ, въ главѣ нашихъ рабовъ.
 Суртуръ, посреди своихъ огненныхъ полчищъ,
 Сверкаетъ на насъ лезвеями мечей;
 Гранитныя горы трещать, адъ крошечный
 Разверзся, полчища угрюмыхъ тѣней
 Выходятъ изъ Геллы, небесный сводъ рухнулъ....
 Тогда въ общей битвѣ настанетъ конецъ
 Боговъ лучезарныхъ и будетъ міръ новый.
 Но тотъ роковой день далеко. Творецъ
 Вселенной, Одинъ отдастъ львиную долю,
 Межъ тѣмъ, — наилучшую долю земли
 Своимъ благороднымъ и славнымъ потомкамъ;
 Онъ видитъ ужъ новый Астардъ ихъ вдали;
 На Югъ и Западъ дальнемъ ихъ имя
 Повсюду гремитъ на моряхъ. Богъ-Одинъ
 Зритъ скорую гибель разрозненныхъ вановъ;
 Онъ могъ бы край этотъ лѣсовъ и равнинъ
 Прикрыть своимъ крѣпкимъ щитомъ; но безумцы
 Не терпятъ господства въ ихъ вольной странѣ;
 Они управляются міромъ-народомъ,
 Они хотятъ жить по родной старинѣ.
 Теперь хитрый родъ ихъ могучъ и обширенъ,
 И также воинственъ, какъ асы; но онъ
 Такъ быстро растеть, что не можетъ жить мирно;
 Онъ весь состоитъ изъ враждебныхъ племенъ,
 Хотя и родныхъ, по ихъ слову и вѣрѣ.
 Богиня ихъ — зависть, а богъ ихъ — раздоръ;
 Я зрю, какъ онъ плещеть надъ ними крылами.
 Сворѣй основанія сдвинутся горы,
 А красное солнце измѣнитъ теченье,
 Чѣмъ этотъ родъ Свала, такой же какъ онъ,
 Обманчивый, жадный и непостоянный,
 Создастъ изъ своихъ разнородныхъ племенъ

*

Единый народъ или одно государство.
 Кудесница Вана и весь ея міръ
 Себѣ приготовили сами погибель;
 Къ нимъ скоро откроетъ заложникъ Мимиръ
 Широкий путь асамъ.... Еще не пройдетъ
 Трехъ новыхъ столѣтій, какъ ихъ поворитъ князь
 Амальскаго рода; но пусть стережетъ
 Онъ край этотъ крѣпче!... 18)

Слезливая Фригга

Сказала Одину: «Одинъ, — богъ боговъ,
 Въ рукѣ его древній мечъ бога Вуотана;
 Одину нельзя своихъ кровныхъ сыновъ
 Равнять съ земледѣльческимъ племенемъ вановъ.
 Нашъ жребій отъ вѣка — всемірная власть,
 Нашъ родъ по рожденью властитель вселенной;
 Одинъ, богъ боговъ, завоюетъ на часть
 Сынамъ своимъ землю цвѣтущую вановъ;
 Одинъ тамъ поставитъ изъ асовъ князей
 И высшихъ правителей міра-народа.
 Ихъ богъ Святovitъ, богъ рабочихъ людей,
 Не можетъ сильнѣй быть и выше Одина;
 Гдѣ сошка, тамъ рабство.»

Одинъ говоритъ

Женѣ своей Фриггѣ: «ни крѣпкій богъ асовъ,
 Властитель побѣдъ, ни молодой Святovitъ,
 Глава земледѣльчя и краснаго лѣта,
 Не властны идти противъ высшей судьбы,
 Что правитъ событиями этого міра.
 Одинъ, — грозный богъ всякой бранной борьбы,
 Одинъ зреть теченье грядущихъ событийъ,
 Въ источникѣ Урды; но свѣтлый Одинъ
 Священнымъ мечемъ не владѣетъ Вуотана.
 Вуотановъ мечъ — знамя воинскихъ дружинъ
 И вмѣстѣ живящій лучъ краснаго солнца,
 Онъ стражъ золотыхъ нивъ и зеленыхъ полей;
 А мечъ бога асовъ приноситъ погибель
 Тѣмъ, кто имъ владѣетъ. Изъ лучшихъ мужей
 Царь асовъ себѣ набираетъ героевъ

Для свѣтлой Валгалы, чтобъ съ помощью ихъ
 Достойно сразиться въ божественный вечеръ
 Небесныхъ величій. Въ владѣннѣхъ чужихъ
 Одинъ не имѣеть такого значенья.

Мнѣ Сѣверъ подвластенъ, меня Западъ чтить;
 Но край хитрыхъ вановъ,—онъ чтить Святовита.
 Кому Вуотанъ мечъ свой изъ смертныхъ вручить,
 Тотъ мечъ, что у скифовъ былъ образомъ божимъ,
 Тотъ будетъ владѣть и обширной страной
 Воинственныхъ вановъ. И сила Одина,
 И мощь Святовита равны межъ собой;
 Сыны наши нѣсколько бьются столѣтій,
 А все нѣтъ конца ихъ народной борьбѣ.
 Для вановъ любезна ихъ древняя воля,
 Мы, асы, хотимъ покорить ихъ себѣ;
 Но тамъ, обоюдныя силы гдѣ равны,
 Тамъ тотъ побѣдитъ, кто ловчѣй и хитрѣй.
 Разумные асы искусны въ гражданствѣ;
 Но ваны въ общественной жизни слабѣй.
 Ничто имъ устройство земли ихъ великой,
 Ничто имъ союзы и близость враговъ.
 Царица ихъ, Вана, не спитъ,—это правда;
 Но что же наткала она для сыновъ?
 Однѣ безконечныя нити раздоровъ.
 Ихъ богъ всецародный, ея Святовитъ,—
 Сей древнѣй богъ Вишну, не хочетъ единства:
 Его край понынѣ характеръ хранить
 Племеньъ разнородныхъ далекаго Инда;
 Онъ скоро на вѣки страну раздробитъ,
 А вѣщая Вана заснетъ,—и надолго...»

Съ досадою, Фригга сказала Одну:

«Не эти ли тайны Бальдуръ сказалъ
 Отецъ асовъ на ухо, въ тотъ часъ печальный,
 Когда вѣковѣчный Одинъ возлагалъ
 Его для сожженья на одръ погребальный?...
 Бальдуръ златокудрый владѣлъ самъ кольцомъ
 Златымъ плодородья; прекрасный, какъ солнце,
 И юнѣй, какъ утро, онъ могъ быть отцомъ

У насъ земледѣльи, когда-бъ не угаснулъ
Средь этихъ пустынныхъ болотъ и лѣсовъ.»

Одинъ возражаетъ съ досадою Фриггъ:

«Бальдуръ златокудрый, одинъ изъ боговъ,
Воскреснетъ въ дни сумерекъ горнихъ величій;
Затѣмъ, что одинъ онъ изъ нашихъ сыновъ
Родился въ странѣ земледѣльческой вановъ....
Когда новый мѣръ, — мѣръ свободы благой,
Воспрянетъ изъ моря, — весенняя зелень
Покроетъ всю землю и житель земной
Вездѣ успокоится въ царствіи свѣта;
Тогда въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ недавніе дни
Разбитъ былъ станъ асовъ, въ поляхъ свѣтлыхъ Иди,
Гдѣ зрѣли рожденье Бальдура они,
Тогда воцарятся Свобода и Радость;
Потомки бессмертнаго Тора, что мѣръ
Теперь зоветъ Властью и Твердостью, будутъ
Держать надъ землею ихъ громовый молньиръ;
А дочь свѣтоварная Фребера, — править
Дѣлами народовъ. Сюда-то въ тѣ дни
Вселится Бальдуръ златокудрый съ любимцемъ
Боговъ всѣхъ, Гейдуромъ; затѣмъ, что они
Всѣхъ ближе и нынѣ къ простымъ, кроткимъ ванамъ,
Чѣмъ къ бѣшеннымъ асамъ.... Вотъ что возвѣстилъ
Одинъ свѣтлый на ухо сыну Бальдуру,
Когда онъ Бальдура при всѣхъ возложилъ
На одръ погребальный его, для сожженья;
И вотъ, въ знакъ чего, онъ Одину прислалъ
Изъ безднъ мрачныхъ Геллы кольцо золотое, —
Чтобъ это кольцо богъ Одинъ не снималъ,
Какими бы онъ не владѣлъ племенами.
Затѣмъ предъ Однимъ съ поры той равны
И свѣтлые асы, и хитрые ваны;
Одинъ есть богъ свѣта, и всѣ тѣ страны,
Гдѣ свѣтъ воцарится, Одину угодны ¹⁹⁾.»

Злой Ловки, подслушавъ споръ этотъ, сказалъ:

По-истинѣ, люди и сами не знаютъ.

Кому поклоняются. Всѣхъ бы я взялъ

Боговъ и скрутилъ ихъ... Однако посмотримъ,
 кто тутъ побѣдитъ: самовластный Одинъ,
 Съ развратной дружиною чонорныхъ азовъ,
 Иль смѣлый тотъ дурень, народъ-исполнень,
 Досель несумѣвшій стать на ноги твердо,
 И мѣръ забрать въ лапы... Развратной жень
 Бриваго Одина желательно очень
 Вручить управленье у вановъ въ странѣ
 Амальскому роду, потомкамъ Бальдура;
 Юривой хрычъ и самъ бы не прочь отъ того;
 Ему все равно, кто ни правилъ бы въ мѣрѣ,
 Лишь только весь мѣръ почиталъ-бы его,
 Царя лютыхъ браней и смуты кровавой.
 Эхъ, жаль, не могу я ему насолить,
 Какъ въ прежніе дни. За послѣднюю штуку,
 Меня самого здѣсь хотятъ засадить.
 Я, точно, виновень въ злой смерти Бальдура;
 А славная штука! Заставилъ же ихъ
 Нежать я земель и насущнаго хлѣба,
 По бурнымъ морямъ, у народовъ чужихъ.
 Теперь не пугаютъ меня всѣ мученья,
 Что мнѣ въ наказанье готовить они.
 Я буду страдать и смѣяться надъ ними.
 Придутъ и для Локки счастливые дни;
 Тогда и мое угнетенное племя
 Пospорить съ Однимъ. Дотоль никому,
 Ни ванамъ, ни готамъ, никакъ не избѣгнуть
 Его лютости; лишь мнѣ одному
 Да волку Френмиру назначено свергнуть
 Ихъ всѣхъ, въ день отмщенья²⁹).

ПѢСНЬ 5-я.

ДРЕВНИЙ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ.

„Быль богатырь, — надъ семи-
десятью землями богатырь.“ (Изъ
рус. нар. былинъ).

„Гдѣ ты родился, добрый ко-
лодець? — Въ борку, подъ со-
сенкой.“

(Непомящій родства).

всякаго вѣка есть свой идеаль,

~~И въ каждомъ народѣ стремление есть къ правдѣ~~
И къ славѣ; но каждый народъ понимаетъ
По своему только, и правду, и славу.

Вѣкъ чудищъ и дивовъ былыхъ проходилъ,
Рождался вѣкъ витязей, богатырей младшихъ;
Миръ самый чудесъ, сверхъестественныхъ силъ
Искалъ себѣ новой, существенной почвы.

Какъ двѣ ярыхъ тучи средь ночи сѣдой,
Столкнулися силы славяновъ и асовъ, —
Одна, защищая очагъ свой родной,
Другая, врываясь въ ея край богатый.
То былъ грозный вызовъ, что гордый Одинъ
Бросалъ Святовиту. Ему надо было
Пристроить вождей своихъ бранныхъ дружинъ,
Закончить тотъ споръ, что онъ нѣкогда началъ
Въ странѣ древнихъ вановъ. Воинственный духъ
Отпа знатныхъ асовъ кипѣлъ нетерпѣньемъ

Въ главѣ стать вселенной; его бранный слухъ
 Лишь могъ усаждать бряцаньемъ оружья;
 Война утѣшала Одина вдвойнѣ, —
 Она развивала его мѣръ дружинный,
 Лишь только въ кровавой, жестокой войнѣ
 Онъ могъ собирать съ поля битвы героевъ.
 Въ златую Балгалу, на помощь себѣ,
 Въ божественный вечеръ небесныхъ величій.
 Погибли мѣръ цѣлы въ ужасной борьбѣ, —
 Лишь только бы громы победы и славы
 Всемирный его окружали престолъ,
 И дальня съ страны, какъ листъ, трепетали
 При имени асовъ.

Но вотъ, онъ нашелъ
 Достойныхъ противниковъ въ мѣръ славянскомъ.
 Царь асовъ ужъ зналъ всѣхъ славянскихъ вождей,
 Вездѣ уважая воинскую доблесть;
 И даже велѣлъ въ странѣ дальней своей
 Собрать имена ихъ потомъ, для потомства...

Гроза бушевала по всѣмъ островамъ
 Волынскаго моря и вдоль странъ Поморскихъ,
 Кидая побѣду, то свѣтлымъ вождямъ
 Одина, то мощнымъ сынамъ Святовита;
 Свершались съ обѣихъ сторонъ чудеса
 Высокой отваги и ярости дикой;
 Немало вписали въ свои волосы
 Славянскія дѣвы дѣлъ громкихъ и славныхъ.
 Рядъ цѣлыхъ столѣтій носились кругомъ
 Младья валькирьи и блѣдныя вилы *),
 Впередъ отмѣчая кровавымъ перстомъ
 Достойныхъ пить смертную чашу; пиръ смерти
 Пришелся по сердцу обѣимъ странамъ;
 Ни та, ни другая признать не хотѣла,
 Себя побѣжденною; то здѣсь, то тамъ.
 Ходить продолжала кровавая чаша;
 Война таеъ любезна безсмертнымъ богамъ!

*) Вилы, славянскія валькирии.

Король датчанъ—Фрото съ своими войсками
 Уравнивалъ горы, по топкимъ мѣстамъ
 Мостилъ себѣ гати, скрывался въ засады,
 Просверливалъ въ самой водѣ корабли;
 Чтобъ взять градъ Пултускъ*), притворился умершимъ;
 Созвавши старѣйшинъ славянской земли, —
 Предательски рѣзалъ. Гейдрекъ, сынъ колдуньи
 Гервары, сражался волшебнымъ мечемъ,
 Что древле сковали чудесные карлы;
 Клинокъ его острый, покрытый кругомъ
 Рѣзьбой руунъ священныхъ, сиялъ будто солнце,
 И могъ тогда только влагаться въ ножны,
 Когда обогреть былъ весь вражеской кровью;
 Гейдрекъ съ нимъ не разъ преклонялъ ходъ войны
 На сторону асовъ, и взялъ въ полонъ Дука,
 Храбрѣйшаго князя славянскихъ дружинъ.

Но самой кровавой, рѣшительной битвой
 Былъ бой при Браваллѣ, гдѣ Гуно одинъ,
 Вождь вановъ Днѣпровскихъ, имѣлъ подъ рукою
 До двухъ сотъ князей и такое-жъ число
 Народныхъ дружинъ ихъ.

Лишь только извѣстье,
 О страшныхъ столь силахъ воинскихъ дошло
 До дальнихъ племенъ, всѣ онѣ захотѣли
 Зрѣть битву, какихъ не бывало съ временъ
 Великаго Карна и князя Арджуны **);
 Небесные боги съ обѣихъ сторонъ
 Пришли взглянуть также на славную битву.

Одну изъ славянскихъ переднихъ дружинъ
 Вела Висна,—дѣва, суровая духомъ,
 Привычная къ битвамъ. Великій Одинъ
 Замѣтилъ тотчасъ же ея приближенье
 По круглымъ, мѣдянаго цвѣта, щитамъ,
 Почти обнаженныхъ, людей ея ратныхъ,
 По крѣпкимъ ихъ мышцамъ и длиннымъ мечамъ.

*) Пултускъ — Плесковъ — Półciak, имя Псковъ.

***) Карна и Арджуна.—богатыри древней Индіи.

Въ бою рукопашномъ, откинувши быстро
 Свой щитъ за плечо иль отдавши слугъ,
 Они съ голой грудью кидались въ схватку.
 Безстрашная Висна держала въ рукѣ
 Священное знамя. Она подала знакъ
 Къ началю битвы, ударивши въ щитъ,
 И ринулась грудью, какъ ярая львица,
 На вражія силы.

И богъ Святovitъ,
 И ярый Одинъ созерцали ходъ битвы;
 Но тотъ и другой, по гордынѣ своей,
 Въ нес не мѣшались.

На морѣ и сушѣ
 Сверкалъ копій лѣсъ и гремѣлъ звонъ мечей;
 Славяне и асы смѣшали ряды ихъ,
 Лились рѣки крови, — кровавая мгла
 Покрыла равнину... Семь дней не смолкала
 Ужасная сѣча, повуда легла
 Вся лучшая сила; семь дней колебалась
 Побѣда межъ той и другой стороною;
 Чрезъ три рѣки люди ходили по трупамъ;
 И синее море, и берегъ морской
 Дымились кровью; безъ счета валились
 Свой и чужіе.

Но вотъ, наконецъ,
 Побѣда вдругъ стала замѣтно клониться
 На сторону асовъ... Одинъ, ихъ отецъ,
 Воспрянулъ въ весельи, — Славяне бѣжали...

Въ отмщенье за этотъ погромъ, Святovitъ
 Послалъ ихъ на датчанъ. Въ короткое время, —
 Преданіе нѣмцевъ самихъ говорить, —
 Въ короткое время славяне сломили
 Ихъ край до дальнѣйшихъ его острововъ,
 Сковали въ цѣпяхъ короля ихъ Канута,
 И отдали только на выборъ враговъ:
 Платить ли имъ дань, иль одѣться по-женски,
 И также по женски чесать волоса,
 Въ знакъ «бабьяго» ихъ передъ ними безсилья.

Покуда жь собирались о томъ голоса,
Славяне заставили ихъ повориться
Объимъ условьямъ ¹⁾.

Такъ жребій войны

Держаль межъ нихъ долго вѣсы въ равновѣсьи;
Но духъ безпокойный славянской страны
Не могъ подчиниться условьямъ единства.

Единство раскиданнымъ врознь племенамъ
Дастъ большей частію завоеватель.

У насъ они были, — но тѣмъ временамъ,
Еще недоступно имъ было единство.

Единство есть сила, порядокъ и власть;
Оно утверждается свѣтомъ народнымъ;
А тамъ, гдѣ господствуетъ дикая страсть
И буйная воли, быть трудно единству.

Народъ рано-ль, поздно-ль, но чувствуетъ самъ

~~Потребность въ единствѣ; но знатные люди~~

~~Прельщаются часто народнымъ дѣламъ~~

~~И держатъ народы, для собственной пользы,~~

~~Въ раздорахъ и распряхъ. Сперва у славянъ~~

Людей знатныхъ не было, — всѣ были равны;

И голосъ народный, и вѣщій Баянъ

Одну величали блестящую доблесть;

Но нравы сосѣдей вліяли на нихъ...

Заложники тѣ, что они дали асамъ,

Давно онѣмечились. Кинувъ своихъ,

Они измѣнили свой прежній характеръ;

Родной міръ славянскій для нихъ сталъ чужимъ,

Воинственный асъ сталъ для нихъ побратимомъ;

Напротивъ, Мимиръ, — онъ значеньемъ своимъ

Имѣлъ ужъ большое вліянье на вановъ.

У насъ есть немало преданій своихъ,

О знахаряхъ вѣщихъ и страшныхъ волотахъ;

Но кто назывался Мимиромъ изъ нихъ

Объ этомъ въ народѣ утратилась память.

По духу, всѣ сходны они межъ собой;

Но ютнъ Полуночный быть долженъ изъ главныхъ;

Не онъ ли, ютнъ древній, еще той перой
 У насъ сталъ учителемъ вѣщей науки?
 Преданье не помнитъ, онъ долго ли былъ
 Заложникомъ вановъ; но эта эпоха,
 Куда мы вступили, полна вѣщихъ силъ
 Стариннаго ютна у насъ и у асовъ.
 Его мрачный образъ выходитъ не разъ
 Въ таинственныхъ образахъ знахарей финскихъ;
 Онъ долго жилъ въ сказкахъ народныхъ у насъ,
 Въ сообществѣ съ сѣвернымъ дивомъ Рогономъ,
 И змѣемъ Фафниромъ, и гибнетъ потомъ
 Едва ли не въ самую эту эпоху,
 Когда выступаетъ предъ нами кругомъ,
 На мѣсто титановъ, рядъ витязей новыхъ ²).

Къ Мимиру спѣшили славяне гадать,
 Къ нему обращалась и вѣщая Вана,
 За хитрымъ совѣтомъ; славянская рать
 Боялась его непонятныхъ заклятій.
 Какъ Вана шептала заклятья свои,
 Черезъ что походили онѣ на молитву;
 Такъ древній титанъ Полуночной земли
 Ихъ пѣлъ, приводя въ содроганье природу.
 Онъ пѣлъ, какъ родилось желѣзо у нихъ,
 И тѣмъ заговаривалъ витязямъ раны;
 Онъ пѣлъ, какъ родились въ пучинахъ морскихъ
 Шипящія змѣи, изъ слюнъ ядовитыхъ
 Чудовища Сиетера, и тѣмъ спасалъ
 Отъ ихъ удушья; онъ пѣлъ про начало
 Вселенной, о томъ какъ богъ Укео послалъ
 Медовыя тучи на первыя нивы,
 И тѣмъ заговаривалъ тучи и громъ...
 Онъ пѣлъ про значенье божественныхъ асовъ,
 Ихъ вѣщую силу въ народѣ своемъ,
 Про знатность ихъ рода, ихъ славу, богатство,
 Про то, какъ ихъ чтить весь Полуночный край,
 Про блескъ ихъ оружья и дивныя клады,
 Про ихъ лучезарный, воинственный рай,
 Гдѣ съ ними пируетъ Одинъ, богъ побѣды, —

И тѣмъ разжигаль онъ въ славянскихъ вождяхъ
 Желаніе власти, почета, богатства;
 А въ Ванѣ, потворство въ домашнихъ дѣлахъ,
 И духъ подражанія знатнымъ сосѣдямъ.
 Коварный Мимиръ незамѣтно слѣдилъ
 За всѣмъ, что творилось въ землѣ вольныхъ вановъ,
 И всякую новость тотчасъ доводилъ
 До свѣдѣнья бога Полночи, Одина:
 Затѣмъ что Одинъ на него возложилъ
 Вести въ страну Ваны сыновъ своихъ асовъ.

Межь тѣмъ столкновење въ кровавыхъ бояхъ
 И вановъ, и асовъ, знакомство другъ съ другомъ,
 Сближенье двухъ этихъ враждебныхъ племенъ
 Порою, въ союзахъ, въ торговыхъ сношеньяхъ,
 Вносили въ ихъ страны съ обѣихъ сторонъ
 Немало, дотолѣ невѣдомыхъ, новшествъ.
 Въ умѣ вѣщей Ваны, въ народныхъ дѣлахъ,
 Замѣтно вдругъ новое стало стремленье;
 Усилилась зависть въ родныхъ племенахъ, —
 Стремленье враждебныхъ родовъ къ превосходству;
 Чужой человекъ сталъ почетнѣй своихъ,
 По той лишь причинѣ, что онъ чужеземецъ;
 Знать стала исвать себѣ правъ родовыхъ;
 Для всѣхъ образцемъ именитый сталъ нѣмецъ;
 Явилась и знать безъ малѣйшихъ заслугъ,
 Опрічь темной давности древняго рода,
 Какъ было у асовъ, гдѣ тысячи рукъ
 Всегда вступить были готовы на службу
 Къ потомкамъ Одина. Власть древнихъ князей,
 Сихъ первыхъ старѣйшинъ славянскаго міра,
 Должна была спорить со властью людей,
 Совсѣмъ еще новыхъ, но сильныхъ богатствомъ;
 Край явно нѣмечился; витязи шли
 Служить въ благородныхъ нѣмецкихъ дружинахъ,
 Порой даже противъ родимой земли;
 Въ странѣ кипѣлъ сонмъ соглядатаевъ темныхъ...
 Разумные люди виновникомъ зла
 Считали заложника, іотна Мимира;

Но вѣщая Вана, какъ будто была
Совсѣмъ околдована хитрымъ титаномъ.

Младой богатырь нашъ, по имени Винъ,
Сдружился съ Полночнымъ бойцемъ Старкаторомъ,
И будучи самъ коревой славянинъ,
Ему, скандинаву, враждебному асу,
Какъ братъ, помогаль въ многихъ ратныхъ дѣлахъ.
Въ борьбѣ противъ ближнихъ Восточныхъ народовъ,
И даже, въ родимыхъ славянскихъ странахъ,
Въ побѣдѣ надъ родственнымъ племенемъ Вильцевъ³⁾.

Не въ это ли время, и чудищъ, и змѣй,
И вѣщихъ валькирій, у насъ появился
И витязь Добрыня? Не съ этихъ ли дней
Онъ сбросилъ свой прежній, божественный образъ
Стариннаго Кришну, и принялъ другой, —
Воинственный образъ младаго Сигурда,
Сразивши своею могучей рукой
Полночнаго Змѣя-Горынича, гдѣ онъ —

«Нашель въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,

«Нашель онъ много золота, серебра,

«Нашель въ палатахъ у Змѣища

«Свою онъ любимую тетюшку,

«Тоя-то *Марью* Дивовну,

«Выводилъ изъ пещеры бѣлокаменной,

«И собравъ золота, серебра,

«Пошелъ въ матушкѣ родимыя своей»...

Такъ обравъ, внесенный Миколой съ собой,
Небеснаго Кришну, не разъ измѣнившись
Еще на Востокъ, могъ стать той порой
У асовъ — Сигурдомъ, у вановъ — Добрыней;
А позже еще, переживъ мѣръ былой,
Принять отъ народа и санъ современный
Рязанскаго князя?.. Не въ эти ли дни
Онъ встрѣтился съ прежней своей Царь-Дѣвицей?..
И кто эта *Марья*?.. Не здѣсь ли они
Слюбались, и стала ему дочь Миколы
Семеюшкой милой?

Не той ли порой
 Жиль-быль и Потокъ, уроженецъ Поморскій,
 А можетъ, и Кіевскій,—съ вѣщей женой,
 Лебедушкой бѣлой, изъ рода валькирій
 И нашихъ вилъ вѣщихъ, что нѣсколько разъ
 Его изводила, — и вѣла въ могилу,
 И соннымъ поила питьемъ, какъ у насъ
 Про то повѣствуется въ древнихъ былинахъ;
 И въ камень-горючъ превращала его,
 И ночью гвоздами къ стѣнѣ пришивала;
 Но все не стубила?... Позднѣе того
 Опять онъ гуляетъ съ семьей богатырской.

Пришелъ ли онъ также съ Микулой роднымъ
 Изъ Индіи прямо въ Полночную землю,
 Иль странствовалъ онъ по народамъ чужимъ,
 Восточнымъ и Западнымъ, и нахватался
 У нихъ всякихъ новыхъ чудесъ и прикрасъ;
 Но онъ ославянился въ нашихъ преданьяхъ,
 Онъ занялъ свой духъ богатырскій у насъ,
 И сталъ онъ намъ, русскимъ,—богатыремъ кровнымъ ⁴⁾.

Мимиръ и Микула съ своей стороны,
 Должны понимать вполне были другъ друга,
 Какъ оба—титаны сѣдой старины
 И полные оба ея вѣщихъ знаній.
 Сойтись они не могли межъ собой,
 А были скорѣе другъ другу врагами.
 Мимиръ искалъ вызвать Микулу на бой
 И съ разу его побѣдить въ хитромъ знаньи;
 Но строгій Микула борьбы не искалъ,
 А былъ остороженъ.

Во время разъ жатвы,
 Когда онъ ужъ поле свое дожиналъ,
 Померевуло небо, надвинулась грозно
 Дождевая туча; всѣ бросились вмигъ
 Кидать снопы въ копна, въ воза класть пожитки;
 Но вѣщій Микула тотчасъ же постигъ
 Чьи это тутъ шапни. «Не будетъ дождя!»

Оъ нимъ возвѣщаетъ, а самъ продолжаетъ
 Работать. Немного потомъ погода,
 Отколь ни взялся, — скачетъ черный къ нимъ всадникъ,
 На черномъ конѣ. «Гей, пусти!» онъ кричитъ.
 «Ни, ни, не пушу! отвѣчаетъ Микула, —
 Богато, вишь, набралъ: — такъ дождь не дождитъ.»
 Исчезъ черный всадникъ, а туча сипѣть,
 Потомъ поблѣднѣла: всѣ ждутъ, будетъ градъ!
 Летитъ бѣлый всадникъ. «Пусти, сдѣлай милость!
 «Ни, ни, не пушу! — «Эй, пусти, говорятъ!
 Не выдержи.» «Ну-уже, ступай! Тамъ, за нивой,
 Глухой буеракъ есть.....» И въ этотъ же мигъ
 Посыпался градъ по бесплодной ложбинѣ.

Еще разозлился сильнѣе старикъ,
 Полуночный знахарь, за то, на Микулу,
 И началъ хвалиться въ народѣ, что онъ
 Засѣть и выхолить поле подъ ниву,
 Получше Микулы. Мимиръ былъ силенъ
 Въ искусствѣ глава отводить. Но вотъ, точно,
 Онъ выростилъ ниву; желтѣетъ она,
 Любуются всѣ на ея полный колось;
 Колышется нива, какъ въ морѣ волна.
 Случилось Микулушкѣ ѣхать тутъ съ грузомъ,
 Послалъ онъ у ютна-Мимира спросить,
 Позволить-ли онъ провести черезъ поле;
 Мимиру нельзя въ похвалѣхъ уступить, —
 Позволилъ, — а въ грузномъ возу у Микулы
 (Мимиръ зналъ про это, иль можетъ, не зналъ),
 Была градовая запрятана туча;
 Лишь въѣхалъ Микула, какъ градъ застучалъ,
 И въ мигъ превратилъ все Мимирова поле
 Въ сплошное болото.

«Ну, знахарь, стой!»

Узнаешь меня; я тебя доканаю!»
 Вскричалъ Мимиръ вслѣдъ, погрозивши рукой,
 И вѣщія началъ тянуть заклинанья.
 Тотчасъ-же померкли кругомъ небеса,
 Дрогнула земля, всколыхалось море,

Стонъ издали горы, завьли лѣса,
 Объявь ужасъ камни.... Вихрь подняль столпъ пыли,
 И прямо на встрѣчу Микулѣ летить;
 «Ну, ладно! Не жалуйся, самъ коли лезешь
 Ко мнѣ на рожонъ,» — знахарь нашъ говорить;
 А самъ, изъ-за пояса вынувъ сѣкиру,
 Пустиль ей въ столпъ вихря, — какъ вихрь завизжитъ,
 И дальше.... Съ собою унесъ и сѣкиру.
 Летить, — а сѣкира вонзилась въ него,
 Какъ въ дерево.... Слышитъ потомъ нашъ Микула
 Про стараго ютна, врага своего,
 Что гдѣ-то себя невзначай онъ скалечилъ,
 А послѣ призналъ у него и топоръ,
 Случайно зашедши къ нему разъ въ жилище ⁵).

Озлобленный ютнъ, увидавъ съ этихъ поръ,
 Что вѣщій Микула ему не подь силу,
 Слѣшилъ кончить въ Ваной, затѣмъ онъ и былъ.
 Отправленъ Однимъ въ заложники асовъ, —
 И надобно думать, что онъ насолилъ
 Въ то время немало славянскому міру.

Ютнъ видѣль, что Вану тогда поглощаль
 Раздоръ непрестанный племень ея кровныхъ. —
 И ихъ вѣдогоней.... Духъ Ваны виталь
 Почти постоянно среди бурныхъ схватокъ
 Духовъ сихъ домашнихъ славянскихъ племень,
 Хранителей этихъ роднаго хозяйства
 У каждаго племени, съ древнихъ временъ
 Всегда начинавшихъ народныя смуты.
 Собравшись на граняхъ враждебныхъ родовъ,
 Старинные эти родные пенаты
 Старались вырасть у кровныхъ враговъ,
 Земли плодородье, ея урожай;
 А къ нимъ заносили засуху и зной,
 Болѣзни и порчи, или угоняли
 Стада у нихъ, крали богатство. Порой,
 Участіе брали въ борьбѣ вѣдогони
 Изъ-за моря, также воруя себѣ

У вановъ, плоды ихъ земли и погоду.
 Нельзя не участвовать было въ борьбѣ
 Царицѣ страны, благодѣтельной Ванѣ.
 Вражда эта кровная Ванѣ была
 Тогда всего ближе; враждой этой кровной
 Жила вся страна. Даже смерть не могла
 Смирить духъ раздора, — и тѣни усонпихъ,
 Смѣшавшись съ толпой вѣдогоней живыхъ, —
 Не разъ принимали участие въ ихъ битвахъ.....

Далеко шумъ этихъ побоищъ ночныхъ
 Былъ слышенъ. Въ лѣсахъ вырывались деревья,
 Отъ горъ отторгались камни, столпомъ
 Вдвигалася пыль, будто бились двѣ рати.
 Сразясь, вѣдогони спѣшили потомъ
 Обрато, но тою-же самой дорогой;
 А кто былъ убитъ, того тѣло тотчасъ
 Изъ крѣпкаго сна погружалось въ сонъ смертный.

Мимиръ былъ свидѣтелемъ, можетъ, не разъ,
 Какъ вѣщая Вана, подобно одеждѣ,
 Съ себя сбросивъ тѣло, потомъ, не спѣша,
 Его покидала и быстро летѣла
 Иль шла, — но не Вана, ея лишь душа, —
 То въ образѣ змѣя, то сѣрой волчицы,
 То бабочки пестрой или огонька,
 Туда, на бой лютой ночныхъ вѣдогоней,
 Царицею битвы. Смѣла и легка
 Была во всѣхъ образахъ хитрая Вана;
 И чаще, ни съ чѣмъ вѣдогонямъ чужимъ
 Бѣжать на другой приходилося берегъ.
 Тогда, возвратясь къ вѣдогонямъ своимъ,
 Она расправлялась по-своему съ ними.

Межъ тѣмъ край пустѣлъ; а его удалцы
 Носились, какъ чайки, по синему морю,
 Покинувши кровъ свой, гдѣ жили отцы,
 И ввѣривъ полонникамъ злачныя нивы.
 Весь Сѣверъ былъ полонъ разбоями ихъ,
 Далеко гремѣла ихъ дикая слава...
 Потомъ шли пиры, — чутъ въ ладьяхъ росписныхъ,

Они появлялись обратно съ добычей.

Немало богатствъ привозили они
 И плѣнниковъ знатныхъ своею вѣщей Ванѣ.
 Веселье ей было въ тѣ славные дни.
 Она обрекала знатнѣйшихъ изъ плѣнныхъ
 На жертву богамъ или бросала въ цѣпяхъ
 По темнымъ подваламъ, пока получала
 За нихъ цѣнный выкупъ. Простая въ дѣлахъ
 Народныхъ, радушная въ гостепріимствѣ,
 Она обходилась жестоко съ врагомъ,
 Отдавшимся въ плѣнъ ей; держала въ оковахъ,
 Морила и голодомъ, только-бъ потомъ
 Взять болѣе выкупа. Неумолима
 Она была также и въ мести своей;
 Тогда нарушала и гостепріимство,
 Тогда не щадила и близкихъ людей.
 У храбраго Гагена, мирнаго гостя,
 Еще у живаго велѣла она,
 Въ пылу мести яростной, вырѣзать сердце;
 Его побратима, кого старина
 Зоветь пѣвцомъ вѣщимъ, замкнуть приказала
 Въ змѣиную башню, и тамъ обрубить
 И ноги, и руки. Но онъ спросилъ гусли,
 И змѣи не смѣли въ нему подступить,
 Подъ чарами чудныхъ его вѣщихъ пѣсней.
 Лишенный потомъ рукъ и ногъ, онъ игралъ,
 Вѣтьвами ихъ, долго еще свои пѣсни,
 И музыкой этой себѣ услаждалъ
 Печальныя стѣны угрюмой темницы.
 Тогда обернулася Вана змѣей,
 И ядомъ своимъ облила ему сердце;
 Но съ звукомъ послѣднимъ, пѣвецъ молодой
 Съ души своей сбросилъ тѣлесныя узы ⁶⁾.

Давно ужъ славянскій разрозненный міръ
 Былъ полонъ врагами; но самый опасный
 Для нихъ былъ полонникъ волотъ-Яроміръ,
 Тотъ самый, что нѣмцы зовутъ Эрманрикомъ.

Одни говорятъ, что онъ былъ славянинъ,
 Воспитанный даже у русскаго князя;
 По мнѣнью другихъ, онъ князь датскихъ дружинъ,—
 Но больше извѣстенъ, какъ готъ изъ владавцевъ
 Амальскаго рода. Онъ юность провелъ
 Въ плѣну у славянъ, на Днѣпрѣ, у владавца
 Иль князя Висміра. Здѣсь онъ приобрѣлъ
 Себѣ тяжкій опытъ и прочное знанье
 Въ искусствѣ воинскомъ. Здѣсь нѣсколько лѣтъ
 Свидѣтелемъ былъ онъ жестокихъ раздоровъ
 Славянскихъ племень; здѣсь блеснулъ ему свѣтъ
 На слабость ихъ жалкихъ народныхъ союзовъ.

За нимъ наблюдалъ неотступно весь міръ
 Въ народѣ считался врагомъ онъ опаснымъ,
 И самое имя владавца:—Висміръ,
 Могло означать также—весь міръ народный.
 Какъ скованный асами, волкъ ихъ, Френмиръ,
 Вотще хотѣлъ сбросить онъ крѣпкія путы,
 Что съ дѣтства былъ связанъ народной враждой;
 На это былъ нуженъ особенный случай,—
 Ему помочь въ этой бѣдѣ роковой
 Могъ только Мимиръ, самый хитрый еудесникъ
 Древнѣйшаго міра.

Мимиръ это зналъ,
 Читая въ грядущемъ судьбъ назначенье;
 Лишь стоило Ванѣ уснуть,—и онъ ждалъ
 Ея усыпленья....

Но вотъ, наступаетъ
 Въ странѣ поворотъ лѣтній солнца. Царь дня,
 Благой Святовитъ, сталъ собираться къ походу.
 Пошли ему проводы, богу огня
 И лѣтняго зноя. Вездѣ запыхали
 На темныхъ горахъ и побережьяхъ рѣчныхъ
 Святые костры, засверкалъ въ мракѣ ночи
 Цвѣтъ-папоротника,—а въ нѣдрахъ земныхъ
 Заискрились влады; широкія рѣки
 Зардѣлися золотомъ и серебромъ....
 Перуны повернулъ колесо бога-Солнца;

Въ удушливомъ воздухѣ слышался громъ.
 Стихійные духи заплѣли ихъ пѣсни;
 Дѣвицы сплетали Купалѣ вѣнки,
 Гадали на играхъ; старухи собирали
 Цѣлебныя травы въ лѣсу, старики
 Ей въ честь пѣтуха приносили на жертву...
 Природа истомою страстной полна;
 Перуново пламя гуляетъ по тѣлу,
 А душная ночь и ея тишина,
 Въ душѣ разжигаютъ любовь и желанья.
 Далеко гремятъ крикъ и смѣхъ дружныхъ парь,
 Летящихъ чрезъ пламя востровъ, въ честь богини;
 Тайственный шопоть, любовный угаръ—
 По темнымъ кустамъ, подозрительный шелестъ—
 Въ травѣ шелковистой....А вотъ и Заря,
 Красавица-Лада, выходитъ на небо,
 Съ златой колесницей дневнаго царя,
 И быстро выводитъ коней на дорогу,
 Откуда царь дня начнетъ зимній походъ,
 На мрачныхъ чудовищъ и дивовъ Полночи.
 Склоняется долу усердный народъ,
 Привѣтствуя бога войны и обилья
 Плодовъ земныхъ, грозно идущаго въ бой
 Съ врагами страны и ея плодородья.
 Онъ весело мечетъ надъ милой страной
 Лучи золотые, играетъ мечами,
 Какъ будто-бы пляшетъ,—такъ радостенъ онъ,
 Вступая въ борьбу за родимую землю,
 Потомъ онъ исчезнетъ средь чуждыхъ племень,
 Чтобъ вновь возвратиться лишь только весною,
 Царемъ побѣдителемъ, и воспринять
 Бразды управленья.

Смолваетъ кукушка, —

А тамъ начинаютъ и дни убывать;
 Старѣетъ природа,—нѣтъ краснаго Солнца...
 Оно погрузилось въ волнахъ облаковъ,
 И сѣрыхъ тумановъ; оно поражаетъ
 Тамъ демоновъ мрака, тѣхъ лютыхъ враговъ,

Что круглое лѣто тревожатъ мѣръ свѣта.
 Враги побѣждаютъ его подь конецъ;
 Но вѣрная Лада его обмываетъ
 Живою водою, и воскресшій боець
 Вновь топчетъ и гонитъ ихъ дикія рати.
 Походъ его конченъ. Приходить весна,
 Народъ бѣжитъ встрѣчу блестящему гостю;
 Онъ выгналъ зиму, его славой полна
 Опять вся природа,—и небо, и море....

Уходить и Ваны чудесной сыны
 Въ морской ихъ походъ, въ отдаленныя земли.
 Покинувъ пенатовъ родимой страны,
 И сельскій свой трудъ попеченьямъ Микулы.
 Ихъ манитъ борьба и безвѣстная даль;
 Почти никогда не живется имъ дома,
 Мила воля имъ; ничего имъ не жалъ:
 Всего имъ дороже отважная удалъ.
 Какой врагъ посмѣетъ занять ихъ страну?
 Такъ страшны они на моряхъ и на сушѣ.
 А если услышатъ они про войну
 Въ обширной землѣ ихъ, то долго-ль вернуться!

Они на разбоѣ; а Вана, въ главѣ
 Враждебныхъ родовъ и усобиць семейныхъ,
 Сражается дома, оставивъ молвъ
 О ней разносить по чужимъ землямъ славу.
 Ютнъ только и ждалъ, чтобъ поврѣще она
 Заснула, и дальше ушла вѣдогонью.

Засталъ онъ ее средь глубокаго сна,
 И тотчасъ же закладъ онъ путь ей обратный.
 Для этого надобно было лишь снять
 Иль сдвинуть предметы у ней на дорогѣ,
 Которой она удалилась, иль дать
 Лишь только другое совсѣмъ положенье
 Уснувшему тѣлу. Коварный Мимиръ,
 Устроивши это, послалъ вѣсть Одину.

Сидитъ съ горькой думой молодой Яромиръ;
 Сидитъ во дворцѣ онъ веселомъ Висмира,

И думает думу о плѣнѣ своемъ;
 Отколь ни взялся вдруъ, летить черный воронъ;
 Сѣлъ воронъ на дубъ, у него подь окномъ,
 И громко закаркалъ:

«Несчастные трели живутъ работой;
 «Благородные ярлы ставятъ хоромы себѣ,
 «Обзаводятся благородной хозяйкою;
 «На нихъ работаютъ трели-рабы;
 «Отважные конунги, кинувъ отчизну,
 «Летать въ востроносыхъ своихъ корабляхъ
 «По бурному морю, въ далекія земли;
 »Живутъ тамъ добычей и славой,
 «Покоряютъ народы и страны себѣ.»

Титащъ, плѣнникъ вановъ,
 Онъ вѣщаго ворона слышитъ слова;
 Но стража его, ни Висмиръ, ихъ не слышать.
 Онъ знаетъ пѣснь эту; его голова
 Полна такихъ пѣсень далекой отчизны.
 Забилось въ немъ сердце, въ блестящихъ глазахъ
 Заискрились слезы. То воронъ Одиба;
 Одинъ,—богъ побѣдъ, щить отважныхъ въ бояхъ,
 Его призываетъ; его ждетъ свобода.....
 Онъ весь сзоветъ Сѣверъ къ Одину на пиръ;
 Во что-бъ то ни стало, онъ будетъ владавцемъ.

Въ тѣ дни, какъ нарочно, уѣхалъ Висмиръ
 Со всею дружиною, къ брату на тризну;
 Осталась княгиня одна. Яромиръ
 Съ другимъ плѣннымъ готомъ ее умертвили,
 Зажгли деревянный Висмировъ дворець,
 И въ эту же ночь убѣжали въ Отчизну.

Хватилася Ваны страна, наконецъ,
 Узнавши про бѣгство отъ нихъ Яромира;
 Нѣтъ болѣ Ваны! Повсюду вражда,
 Раздоръ иль усобица; вражія рати
 Идутъ на страну... Но ужъ вѣдалъ тогда
 Народъ,—отъ кого весь сыр-боръ загорѣлся;
 Потребовалъ ютна, и общимъ судомъ

Его, колдуна, присудилъ къ лютой смерти.
 Просилъ только хитрый Мимиръ объ одномъ,
 Чтобъ далъ ему мѣръ спѣть предсмертную пѣсню,
 Имѣя въ виду, проложить волшебствомъ,
 Въ отсутствіе Ваны, себѣ путь въ отчизну.
 Запѣлъ онъ, — и тьмой облеклись небеса,
 Дрогнула земля, всколебалось море,
 Стонъ издали горы, склонились лѣса,
 Объявъ ужасъ камни, завывъ буйный вѣтеръ,
 Въ лѣсахъ загремѣли рога вражьиx силъ,
 Весь край запрудили безсчетныя рати
 Воинственныхъ готовъ... Но къ счастью, забывъ
 Мимиръ одно слово; за нимъ надо было
 Идти въ преисподнюю...

Миръ повалилъ

Кудесника-іотна, — и тутъ же, на отмашь,
 Онъ былъ обезглавленъ, его-жь топоромъ, —
 Въ отмщеніе асамъ за всѣ ихъ коварства.
 Народъ поднялся, — и послалъ съ торжествомъ
 Кровавую голову іотна къ Одну.

Но было ужъ поздно! Духъ Ваны не могъ
 Войти опять въ тѣло. Куда ни посмотреть,
 Вездѣ вражья сила; отсюду порогъ
 Предъ нею замкнулся родимаго края;
 Куда ни проникнетъ, — вездѣ стоитъ рать,
 Дымятся пожары, валяются трупы,
 Князья на деревьяхъ висятъ, — и узнать
 Нельзя теперь Ванѣ родимаго края.
 Успѣвшій въ то время уже посѣдѣть,
 Бѣглець Яроміръ занялъ весь мѣръ славянскій;
 Великій Одинъ далъ ему овладѣть
 Отъ Лабы широкой до странъ приднѣпровскихъ,
 И даже до Волги. Всю эту страну
 Онъ забралъ заразъ въ свои мощныя руки,
 И сѣлъ на Днѣпрѣ, гдѣ жилъ прежде въ плѣну.

Слезливая Фригга могла быть довольна:
 Исыкла у Ваны живая вода,
 Поблекли сады молодежавыя яблокъ;

Народъ винулъ села свои, города,
 И скрылся въ лѣса или бѣжалъ въ Русь, за Волгу;
 Не слышно ни гуслей звончатыхъ, какъ встарь,
 Ни пѣсни хвалебной богамъ вѣковѣчнымъ;
 Хозяиничалъ въ краѣ враждебный имъ царь,
 Гостили повсюду незваные гости 7).

Сидитъ Яромиръ-князь въ палатѣ большой;
 И грозенъ, и пьянъ онъ, отъ пива и меду;
 Баяны, квасиры, собравшись толпой,
 Играютъ на гусляхъ, поютъ ему славу;
 Вокругъ столовъ бранныхъ, на скамьяхъ сидитъ
 Хмѣльная дружина. Палата вся настезь,
 Играетъ стягъ княжій, далеко гремитъ
 Воинственный станъ громкой готскою пѣсней;
 Шумитъ пиръ веселый; а вольный народъ,
 Укрывшись въ лѣсахъ, проклинаетъ духъ вражій;
 Гремитъ пѣсня въ станѣ, а край весь реветъ:

«Перунъ, боже,
 «Не мучь жемайта.
 «Мучь Гота,
 «Рудаго пса.»

Отколь ни взялися два голубя, — сѣли
 На деревѣ, возлѣ палаты большой,
 Гдѣ пьяный пируетъ князь съ пьяной дружиной,
 И стали они говорить межъ собой:
 Одинъ говоритъ: «а вѣдь нѣтъ теперь больше
 У насъ Яромира здѣсь, въ краѣ во всемъ!»
 Другой говоритъ: «его больше Микула.»
 Одинъ говоритъ: «а что? Въ словѣ твоёмъ,
 Пожалуй, и правда! Враги Яромира,
 Обрубать и руки, и ноги ему,
 Останется только еголовица;
 Пускай и умна она, — только къ чему
 Безъ рукъ и безъ ногъ она будетъ пригодна?
 Другой говоритъ: «видишь, правда моя!
 А взглянь-ка теперь ты на эти дубравы
 Или на широкія эти поля;
 Лети черезъ нихъ мы съ тобою недѣли,

Конца не увидимъ; а это все онъ, —
 Все вѣщій Микула. Все это, что видишь, —
 Микулино царство, сначала время.
 Его раззорилъ Яромиръ, — но не свяжетъ
 Ни этихъ полей онъ, ни этихъ лѣсовъ;
 Надъ ними единая воля боговъ.
 Сколь хочешь, руби ихъ, — и въ жизнь не порубишь,
 Сколь хочешь топчи, — тѣже будутъ поля;
 А мѣръ, и земля, и Микула, — все то же.
 Весь мѣръ ни связать, ни повѣсить нельзя;
 Повѣсить десятокъ онъ, выростутъ сотни,
 Повѣсить и сотни, — тогда новый край
 Вновь выростетъ въ этомъ же мѣстѣ:
 Микулиныхъ силъ, стало быть, не пытай;
 Его извести никому невозможно.»

«Ха—ха, засмѣялся сѣдой вражій царь.
 Сто лѣтъ, почитай, какъ живу я на свѣтѣ,
 А что теперь слышу, не слыхивалъ встарь.
 Бывало и прежде, пророчили птицы,
 Я самъ знавалъ также ихъ птичій языкъ;
 Но я такихъ бредней не слыхивалъ прежде, —
 Чтобъ я, сильный царь, да еще и старикъ,
 Былъ меньше въ краю молодого Микулы.
 Представить тотчасъ же Микулу ко мнѣ,
 Живымъ или мертвымъ! Отнынѣ хочу я,
 Чтобъ птица не смѣла летать по странѣ,
 Зелена трава не шелохнулась въ полѣ!»

Но вотъ выѣзжаетъ Дажь-богъ со Полуночи;
 Но ѣдетъ онъ грозный, суровый, разгнѣванный, —
 Не рядится въ вешній онъ сарафанъ, праздничный,
 Не видно на немъ золотого кокошника;
 Его не встрѣчаютъ кострами горящими,
 Ему не поютъ Коляды парни, дѣвицы;
 Клекчуть сизы орлы по степямъ,
 Воютъ волки по темнымъ лѣсамъ,
 Не отверзается рай, врата небесныя,
 Не предворяются рѣки въ вино сладкое,

Не алѣютъ цвѣты, золотыя яблоки;

А чуть гаснетъ день,

И ночная тѣнь

Одѣнетъ покровами небо вечернее,—

Вскрывается небо, какъ море багряное,

Встаютъ по краямъ его столпы огненные,

Сверкаютъ чертоги, палаты Свароговы...

Не Солнце свои отгрызаетъ сокровища,—

Играютъ зарницы тамъ, зори кровавыя;

Изъ разверзтыхъ небесъ

Блещутъ копья, какъ лѣсъ;

Будто волны рѣки,

Тамъ проходятъ полки,

Сіяютъ мечи ихъ, кольчуги булатныя,

Какъ молнья, сверкаютъ ихъ стяги побѣдные,

Изъ рта мещутъ пламя ихъ кони воздушныя...

Вотъ будто двѣ рати сошлись на бой,

Соплися,—и сшиблись въ пучинѣ ночной;

Разсыпались рати по небу широкому;

Гремятъ въ поднебесьи ихъ клики громовые,

Звенятъ другъ о друга мечи, копья острые;

Зардѣлось пожарищемъ небо Полночное,

Въ лѣсахъ заалѣли кусты, сучья черныя,

Какъ будто бы кровью блестятъ поля темныя...

Пришло лѣто. Воздухъ былъ полонъ грозой, —

Громовыя тучи собирались за Волгой;

Толпы бѣглецовъ, кинувъ край свой родной,

Сзывали отважныхъ, на хищниковъ гоотвъ;

Колдуньи-гадальщицы, дѣвы вѣщбы,

Что выгнали готы изъ милой отчизны,

Сильнѣй раздували еще духъ борьбы,

И мрачнымъ влияньемъ своимъ порождали

Огромныя полчища сборныхъ дружинъ,

Что приняли готы, въ паническомъ страхѣ,

За демоновъ лютыхъ Полночныхъ равнинъ,

Рожденныхъ отъ вѣдьмъ и бѣсовъ преисподнихъ.

Край зналъ, что творится за Волгой святой,

И ближе, за Дономъ; но путь изъ-за Дона,

Особенно въ морю, для рати большой,
 По грязнымъ болотамъ, былъ путь очень трудный.
 Его указать могъ лишь случай одинъ,
 Иль развѣ иная чудесная сила;
 А князь Яроміръ, рукою готскихъ дружинъ,
 До той поры могъ утѣснять безопасно
 Славянскую землю. Но богъ-Святovitъ
 Послалъ своимъ людямъ нежданную помощь;
 Вѣрибе-жь, что онъ самъ, какъ все говорить,
 Принявъ образъ Лани, открылъ имъ дорогу.

Микула не разъ со врагами вступалъ
 Въ различныя сдѣлки. Видалъ онъ кагановъ
 Степныхъ и осѣдлыхъ, — чего не видалъ!
 Бывалъ и въ сношеньяхъ съ большими царями.
 Пускай ихъ воюютъ они межъ собой;
 Микула готовъ и потѣшить ихъ данью;
 Но мѣръ-народъ сельскій, семья, быть родной, —
 Его достоянье; онъ самъ тутъ хозяинъ;
 Пришелецъ не можетъ быть въ этомъ главой.

А князь Яроміръ не щадилъ ни народа,
 Ни славныхъ его, благородныхъ мужей,
 Ни правъ, ни обычаевъ древнихъ народныхъ.
 Какъ будто-бы тѣшась побѣдой своей
 Надъ этимъ убитымъ, подавленнымъ краемъ,
 Онъ жегъ, распиналъ непокорныхъ князей;
 Его людъ впрягалъ женъ славянскихъ въ телѣги,
 Терзалъ стариковъ, мучилъ малыхъ дѣтей;
 Повсюду былъ лютый грабежъ и насилие.
 Никто повельнутся свободно не смѣлъ,
 Чтобы не навлечь на себя подозрѣнья;
 Весь край будто вымеръ или опустѣлъ,
 И горе въ немъ было семействамъ бѣжавшихъ.
 Знатнѣйшія жены, одна за другой,
 Размыканы были конями, какъ послѣ
 Злой готъ поступилъ и съ своею женой,
 Рожденной на дальнихъ побережійхъ Дона, —
 Велѣвши, въ отличие, ее привязать

Къ хвосту боеваго коня, на комъ ѣздилъ
 Всегда онъ на битву. А хищная рать
 Старалась еще превзойти его въ злобѣ.

Чтожь дѣлалъ Микула? Гдѣ онъ тогда жилъ?
 На что въ эти дни возлагалъ онъ надежду?
 Но край нашъ давно о тѣхъ дняхъ позабылъ,
 Опричь развѣ сказокъ, объ Обрахъ-волотахъ,
 И той горькой пѣсни. Микула не могъ
 Врагамъ своимъ лютымъ вполне покориться;
 Онъ былъ глава міра, онъ былъ полубогъ,
 Онъ былъ самъ народъ и заступникъ народный.
 Его кругъ значенья еще былъ великъ,
 Его духъ и образъ виднѣлись повсюду.
 Въ тѣ дальніе дни, онъ еще не привыкъ
 Таскаться по барамъ и барскимъ дворецкимъ,
 По царскимъ судамъ и присяжнымъ, — вездѣ
 Ему входъ открытъ былъ къ владавцамъ славянскимъ.
 Міръ вѣрилъ его еще вѣщей звѣздѣ,
 И чтилъ въ немъ свою же народную силу;
 И сами князья и владавцы тогда
 Вступали охотно съ Микулой въ бесѣду;
 Затѣмъ, что надѣялись слышать всегда
 Изъ устъ его вѣщихъ разумное слово.

Позвали Микулу. Микула предсталъ
 Предъ грозными очи сѣдаго волота, —

«Самъ съ кулачекъ,
 «Борода съ локотокъ.»

«Ха—ха, засмѣялся титанъ, и сказалъ:
 Такъ этотъ червякъ-то и есть тотъ Микула?»

—Червякъ этотъ нѣкогда выживетъ насъ,
 Какъ люди толвуютъ! — сказали, смѣясь,
 Совѣтники князя.

«Ха—ха, въ добрый часъ!
 Воскликнулъ волотъ. Ну, скажи-жь намъ, Микула,
 Кто больше, сильнѣе здѣсь, — ты или я?»

—А я такъ-инъ думаю, молвилъ Микула,
 Сильнѣе обонхъ насъ будетъ земля.

«Ну, ежели такъ, — ты, я думаю, видѣлъ,

Сказалъ Яроміръ, какъ я землю твою
Крестами и релями знатно украсиль.
Она, значить, вѣдаетъ силу мою;
А я не видалъ ея силы понынѣ.»

—А все-таки будетъ земля посильнѣй,—
Спокойно на это отвѣтилъ Микула.

«Такъ гдѣ-жь ея сила? спросилъ Яроміръ.

—А вотъ, ты увидишь! сказалъ Селяниничъ.
Вѣдь ты еще забралъ не весь вольный міръ.
Вотъ что у насъ было въ давнишнее время:
Пришелъ къ намъ съ Востока таковой же, какъ ты, царь;
Послала земля ему въ даръ отъ народа,—
У насъ, видишь ты, такъ водилося встарь,—
Послала пукъ стрѣлокъ да птицу съ лягушкой;
Царь принялъ дары, обласкалъ онъ пословъ,
И думаетъ: значить, земля покорилаась.
Инъ-вышло, не понялъ онъ этихъ даровъ,—
Война у насъ съ нимъ только лишь начиналась.

«Хитро! засмѣявшись, молвилъ титанъ.

Такъ, стало, еще я у васъ не владыка?
Инъ кто-жь здѣсь владыка?

— Сперва богъ Воданъ

Надъ всею землею слылъ единымъ владыкой;
А нынѣ владыка у насъ Святovitъ;
Подъ нимъ и другіе еще есть владыцъ,—
Но тотъ лишь изъ нихъ весь нашъ міръ покорить,
Кто древній добудетъ себѣ мечъ Водана.

«А развѣ Одиновъ мечъ легче? спросилъ

Титанъ, наливая себѣ кружку браги.
Его я мечемъ весь вашъ край покорилъ.

— Слыхалъ я, тотъ мечъ подъ конецъ умерщвляетъ

Тѣхъ, кто имъ владѣетъ, Микула сказалъ;
А тотъ, кто мечемъ овладѣетъ Водана,
Тотъ міръ покорить. Такъ Воданъ завѣщалъ,—
И это ужъ стало народнымъ повѣрьемъ.

«А какъ мечъ чудесный Водана добыть?

Спросилъ Яроміръ.

— Ты ужъ старъ, не добудешь,

Мигула сказалъ. Что тебя и манить?
 Не таёз ты и началъ. Мечъ этотъ завѣтный
 Сама наша мать-Земля сторожить,
 И витязю вѣрить его лишь родному.
 А ты загубилъ и себя, и свой родъ,
 Твоей безпримѣрной жестокостью съ нами.
 Смотри, я каковъ подъ рукой у тебя,
 Тожь самое сдѣлалъ ты съ нашей землею;
 Чего-же ты хочешь еще для себя?
 Твой близокъ конецъ. Ты свое дѣло сдѣлалъ.—
 «Ха-ха, засмѣялся опять Яроміръ.
 Не ты-ль, великанъ, меня выживешь съ свѣта,—
 Какъ, слышно, толкуеть объ этомъ вашъ миръ?
 Ну, что-же? Попробуй! Помѣримся силой.»
 — Почто-ста мѣшаться мнѣ въ вашу борьбу!
 Отвѣтствуетъ съ тѣмъ-же спокойствьемъ, Мигула.
 Ты на-сильхъ подымешь мою похвальбу;
 А лучше, извѣдай въ иномъ свою силу.
 Лишь это сказалъ онъ, гонецъ прибѣжалъ.
 «Приѣхали витязи, братья Сванильды,
 Жены твоей, князь,— той, что ты растопталъ
 Твоими конями,—гонецъ возвѣщаетъ.
 Веѣли сказать, что постыдно тебѣ,
 Могучему мужу, такъ было ругаться
 Надъ слабой женою. Готовься къ борьбѣ!
 Хотятъ обрубить тебѣ руки и ноги...»
 «Засмѣялся Эрманрикъ,
 «Погладилъ рукой бороду,
 «Качаясь отъ браги,
 «Раскалясь отъ вина.
 «Мотааетъ онъ тяжелой головой,
 «Смотрить на серебряный поднось,
 «Велить себѣ наполнить
 «Золотой кубокъ.
 «Радъ, очень радъ видѣть
 «Гамди и Саурли у себя въ гостяхъ;
 «Я ихъ обоихъ свяжу теливой,
 «Повѣшу на висѣлицѣ.»

За первымъ гонцемъ прибѣгаетъ другой:
 «Идетъ, говорить онъ, идетъ изъ-за Дона
 Какая-то сила. Еще міръ земной
 Не видываль воинновъ, столь безобразныхъ
 И страшныхъ. Скорѣй, это рати бѣсовъ,
 Чѣмъ люди живые. Они ужь сломили
 Рать готовъ. Всѣ въ страхѣ бѣгутъ отъ враговъ,
 Какъ будто отъ силы нечистой»⁸⁾...

Повуда

Шло въ станѣ смятенѣ, и каждый спѣшилъ
 Вскочить на коня и облечься въ доспѣхи;
 Микулинъ и слѣдъ ужь въ палатахъ простылъ.

Но только лишь вышелъ онъ въ чистое поле,
 Онъ выросъ, расширился, сталъ великанъ;
 И кликнулъ онъ, гаркнулъ по чистому полю, —
 Пронесся его кличъ въ глубь сѣверныхъ странъ,
 Пошелъ будто говоръ по темному бору,
 Проснулся лѣсъ темный, — земля и вода,
 Шарахнулись звѣри и вѣщія птицы, —
 Пошли, полетѣли, Богъ знаетъ куда,
 Посыпались дивы съ деревьевъ на землю, —
 Пошли, поползли по травѣ, подъ травой,
 Все ожило, встало, настроило уши,
 Зажглися костры невидимой рукой,
 Страна закипѣла народнымъ броженьемъ...

И вотъ, просіяло Солнце-красное,
 Выѣжалъ изъ-за горъ, изъ-за рѣкъ,
 Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ-за омутовъ Днѣпровскихъ,
 Выѣжалъ богатырь невѣдомый,
 По сей день еще неразгаданный,
 Развѣ въ сказкахъ описанный.

Гдѣ конь его ступить, трава не растеть;
 Отъ взгляда его, съ небесъ звѣзды падаютъ,
 Идетъ богатырь, будто молотъ стучить;
 Великія страны предъ нимъ разступаются,
 А малыя таютъ, какъ воскъ отъ огня.

«Эхъ, матеръ сырая-Земля, говорить

Микула, лицомъ ставъ къ святому Востоку,
 Глубоко въ тебѣ мечъ завѣтный зарыть.
 Кто этимъ завѣтнымъ мечемъ овладѣть.
 Тотъ весь міръ подлунный себѣ покорить;
 Тебя загинаю, Земля, моя мать,
 Открой мнѣ, скажи, гдѣ мечъ этотъ лежитъ?
 Идетъ богатырь нашъ родной.... Разступися!»

Лишь это онъ вымолвилъ,
 Бѣжитъ къ Селянинычу
 Кобылка его вѣщая;
 Не говорить она человѣческимъ голосомъ,
 Только за ней слѣдъ кровавый тянется;
 Идетъ Микулушка по-слѣду,—
 Чѣмъ-бы это кобылка себя поранила?...
 Блеститъ изъ земли богатырскій мечъ, —
 Того-то Микулѣ и надобно,—
 Не для себя, не для инаго прочаго,
 А ради своего роднаго богатыря.

Межъ тѣмъ, Одинъ свѣтлый давно наблюдалъ
 Изъ оконъ Глидскельфа, небесной сторожки,
 За витяземъ чуднымъ, Еще онъ не зналъ,
 Откуда-бъ такой богатырь появился:
 То выходець дальнихъ, невѣдомыхъ странъ
 Съдаго Востока, вождь силы бродячей,
 Иль новый еще Полуночный титанъ,
 Съ кѣмъ царь свѣтлыхъ асовъ, Одинъ, не встрѣчался?

Когда онъ пришелець безвѣстной орды,
 То какъ-же славяне спѣшатъ къ нему встрѣчу?
 Идетъ онъ по краю, беретъ онъ бразды
 У нихъ управленья, какъ будто изъ дѣтства
 Онъ выросъ иль даже родился въ странѣ.
 Какъ это онъ съ ними совсѣмъ не воюетъ?
 Какъ это такъ быстро сроднился вполнѣ
 Съ обычаемъ вановъ? Гдѣ взялъ мечъ Вуотана?
 И вотъ, ужъ надъ краемъ сіяетъ заря
 Благаго единства и силы народной,
 Какъ будто въ немъ видятъ роднаго царя,
 Спасителя края отъ чуждаго ига...

Но если онъ точно прямой славянинъ,
 Чьего же онъ рода и какъ ему имя?
 Какъ имя ему межъ славянскихъ дружинъ?
 Оно неизвѣстно странамъ иноземнымъ;
 Онъ видимо имя скрываетъ свое,
 Отъ злыхъ чарованій, отъ сглаза—призора....
 Какой же народъ далъ ему бытіе?...
 Онъ поднялъ ужь руку на Полдень и Сѣверъ,
 Ему покоряется западный міръ,
 И даже міръ кесарей, все еще грозный....

Все это лишь могъ разъяснить іотнъ Мимиръ.
 Мимиръ былъ ужь мертвъ; но Одину осталася
 Его голова. Велемудрый Одинъ
 Вдохнулъ въ нее вѣщій свой даръ прорицанья,
 И въ смутное время тяжелыхъ годинъ
 У ней онъ искалъ, какъ и прежде, совѣта.

«Взгляни на вожда этихъ грозныхъ дружинъ,
 Сказалъ головѣ онъ убитаго іотна,
 Что онъ постоянно держалъ при себѣ.
 Когда ты все знаешь,—кто сильный тотъ витязь?
 Что видитъ Мимиръ въ его долѣ-судьбѣ?
 Какого онъ славнаго племени-рода?...»

Мимиръ посмотрѣлъ, и ему возразилъ:
 «Всѣхъ дивовъ бродячихъ, богатырей древнихъ,
 Я знаю; но каждый изъ нихъ измѣнилъ
 Не разъ свой старинный, божественный образъ.
 По всѣмъ богатырскимъ ухваткамъ его,
 Сужу, что онъ долженъ быть солнечный витязь,
 Вождь силы осѣдлой; въ степяхъ никого
 Ему нѣтъ подобныхъ,—въ немъ высшая сила.
 Его взоръ орлиный проникъ издали
 Намѣренья тайныя чуждыхъ народовъ;
 Онъ править изъ дальней Полночной земли
 Дѣлами Царьграда и славнаго Рима;
 Его грозный образъ, столь страшный въ бояхъ,
 Не меньше высокъ и въ устройствѣ народномъ;
 Смотри, какъ любимъ онъ въ славянскихъ земляхъ,
 Онъ больше отецъ имъ, чѣмъ вождь силы ратной.»

Онъ набралъ себѣ разнородную рать,
 Чтобъ стать во главѣ міровыхъ всѣхъ событій;
 Едва онъ успѣлъ съ своей силой предстать,
 Тотчасъ же воспрянулъ народъ весь славянской.
 Мимиръ полагаетъ: его свѣтлый родъ
 Не въ мірѣ титановъ, но въ мірѣ гражданства;
 То долженъ быть витязь, кого давно ждеть
 Славянская Вана. Когда отецъ асовъ
 Желаетъ знать больше, пусть спроситъ ее.

«Во дни этой бурной послѣдней невзгоды
 Она потеряла сознание свое;
 Душа ея бродитъ въ пространствахъ воздушныхъ,
 Она вѣдогонь. Звѣзда Ваны горитъ;
 Но синее пламя души ея вѣщей,
 Покинувши тѣло земное, паритъ
 Между огоньками блудящими въ небѣ.
 Такъ точно, когда засыпаетъ Одинъ,
 Его духъ блуждаетъ, то звѣремъ, то птицей,
 И только вликъ бранный побѣдныхъ дружинъ
 Лишь можетъ разрушить сонъ вѣщій Одина.
 Край Ваны вверхъ дномъ, а ея міръ-народъ
 Подавленъ; ей трудно принять прежній образъ;
 Она уже чувствуетъ, что кто-то идетъ
 Будить ея тѣло отъ тягостной спячки;
 Но страшный мой заговоръ ей не даетъ
 Опять возвратиться въ свой образъ тѣлесный.
 Вели, чтобъ предъ нами ея духъ предсталъ,
 И дай ей возможность облечься въ свой образъ;
 Она все расскажетъ.»

Одинъ приказалъ
 Призвать къ себѣ Вану, и далъ ей прозрѣнье.

Лишь только взглянула на богатыря
 Она неизвѣстнаго, вся встрепенулась,
 Ея ликъ зардѣлся, какъ утромъ заря;
 Но митомъ она овладѣла собою,
 И быстро сказала:

«Ты хочешь, Одинъ,
 Знать кто богатырь тотъ, его родъ и племя;

Всмотрись же въ составъ его храбрыхъ дружинъ
 И близкихъ людей, что его окружають:
 Всегда духъ народный стоитъ впереди
 Народныхъ дѣяній. То витязь не новый, —
 Ему имя Солнце: почти всѣ вожди,
 Его кровный братъ, всѣ родные, имѣють
 Славянское имя. Встрѣчаетъ народъ
 Его по-славянски; знатнѣйшія жены
 Выносятъ хлѣбъ съ солью; дѣвицъ хорождь,
 Когда онъ вѣзжаетъ, поеть ему славу.
 Во время пировъ изобильныхъ его
 Поютъ гуслары у дверей, скоморохи;
 Пьютъ до-пьяна гости, но прежде всего
 Привѣтствуютъ князя заздравною чашей;
 Живетъ онъ съ своей дорогою семьей
 Въ просторныхъ палатахъ бревенчатыхъ, чудно
 Украшенныхъ тонкой снаружи рѣзбой;
 Его княжій дворъ огороженъ заборомъ;
 Онъ ѣстъ за особо-накрытымъ столомъ
 Изъ блюдъ деревянныхъ, но кормитъ дружину
 Въ посудѣ серебряной; любить во всемъ
 Вокругъ себя пышность, но самъ одѣтъ просто;
 Народный напитокъ его квасъ и медъ,
 Хоть греки везуть къ нему лучшія вина;
 Подручные мужи его и народъ
 Стригутся въ вужало, иной ходитъ съ чубомъ;
 Онъ любитъ охоту; а каждый походъ
 Сперва обсуждаютъ волхвы, по примѣтамъ;
 Всѣ близкіе люди, что служатъ при немъ,
 Языкъ разумѣють славянъ Иллирійскихъ;
 А бытъ и обычай княгини, — во всемъ,
 Какъ бытъ и обычай нашъ древній славянскій. »
 — Кто жъ онъ, богатырь твой? воскликнулъ Одинъ.
 Коль Вана все знаетъ, то знаетъ и это. —
 «А какъ же не знать мнѣ про то, господины!...
 Взгляни на Полудень, —
 Распустились опять сады мои зеленые,
 Разцвѣли моложавые мои яблони,

Запумѣли ключи живой воды,
 Засверкало въ нихъ красное Солнышко;
 Ёдетъ надъ семидесятью землями богатырь,
 Въ руцѣ онъ держитъ Водановъ мечъ,
 Ёбжитъ передъ нимъ златорогая-лань,—
 Не самъ ли Дажьдбогъ, лучезарное Солнце?...

«То ёдетъ мой сынъ,

Мое красно Солнце,—и вѣщая Вана
 Отнынѣ свободна...».)»

Тотчасъ же у ней

Отколы взялись крылья. Она встрепенулась,
 Кивнула обоимъ головкой своей,
 И легкою вилой исчезла въ пространствѣ.
 Одинъ и Мимиръ посмотрѣли ей въ слѣдъ;
 Потомъ богъ Одинъ обратился къ Мимиру:
 «Кто-бъ витязь тотъ ни былъ, у насъ такихъ нѣтъ;
 Его мѣсто здѣсь, въ свѣтозарной Валгалѣ.»

Раздвинься завѣса минувшихъ времянь,
 Откликнись духъ вѣщій преданій глубокихъ,
 Проснись, страхни непробудный твой сонъ,
 Родной богатырь нашъ времянь первобытныхъ!
 Отъ моря Морозовъ и Ладожскихъ волнь
 До бурнаго Понта, отъ высей Карпатскихъ
 До степи Хвалынской, весь Сѣверъ былъ полвъ
 Издревле молвой о твоей рыаной силѣ;
 На морѣ Азовскомъ и въ темныхъ лѣсахъ
 Пустыни Біармской, на дальнемъ Дунаѣ,
 На Понтѣ Эвесинскомъ и Волжскихъ берегахъ,
 Съ невѣдомыхъ дней тамъ гремитъ твое имя;
 Далеко бывалъ ты,—а въ близкихъ мѣстахъ,
 Вездѣ отпечаталъ свой бытъ и обычай.

Одинъ знаетъ Богъ, когда въ вольныхъ степяхъ
 Взнуздалъ ты впервые коня боеваго,
 И выдолбилъ камнемъ по темнымъ лѣсамъ
 Себѣ удалую ладью-душегубку,
 Носившую долго по синимъ морямъ
 Твою силу мощную, духъ богатырскій;

Ты Скифъ, ты Сарматъ, по понятьямъ враговъ, —
 Ты Росъ свѣтозарный въ странѣ твоей славной.
 Во мракѣ глубокомъ древнѣйшихъ вѣковъ
 Твой кличъ молодецкій гремитъ по Востоку,
 Досель еще слышный изъ бездны временъ
 Для чутваго уха орловъ Полунощныхъ...
 Но гдѣ тотъ мѣръ давній? — Исчезнулъ, какъ сонъ.

Сперва все темно вокругъ твоей колыбели,
 Все чудно въ рожденіи и въ дѣтствѣ твоёмъ;
 Какъ сказочный витязь, выходишь внезапно
 Ты сильнымъ, воинственнымъ богатыремъ,
 Одинъ побиваешь несмѣтныя рати,
 И царствуешь гдѣ-то могучимъ царемъ;
 Земля — тебѣ матеръ, а Небо — отецъ твой,
 Они тебя холятъ; вой вьюги сѣдой
 Баюкаетъ въ бурной тебя колыбели;
 Суровый Морозъ, — онъ твой пѣстунъ родной,
 А море и суша дають тебѣ силы;
 Но лютый Раздоръ сѣлъ въ владѣньяхъ твоихъ,
 И самый просторъ ихъ дробить твою силу;
 Ты словно чужой въ семьѣ братьевъ родныхъ, —
 Сосѣди твое ужъ коверкаютъ имя,
 Свои позабыли о славномъ быломъ,
 А время закрыло тотъ мѣръ богатырскій.

Немного и самъ ты запомнилъ о немъ,
 О мѣръ томъ вѣшемъ, вѣкахъ тѣхъ чудесныхъ.
 Когда ты являлся средь разныхъ племенъ,
 То княжескимъ сыномъ, то сыномъ мужичьимъ,
 То витяземъ грознымъ. Изъ этихъ временъ
 Всего лучше помнишь царя ты Кощей,
 Начальника Коща, что кралъ чужихъ женъ
 И дѣвушекъ красныхъ. Вполнѣ ты запомнилъ
 Его видъ костлявый, его дворъ большой,
 Кругомъ двора длинныя, голыя стени,
 Его колыбановъ, — тотъ людъ кочевой,
 Съ кѣмъ часто ходилъ ты въ восточныя царства;
 Ихъ бытъ непосѣдливъ, ихъ домъ подвижной,
 Избу-колымагу на толстыхъ колесахъ,

~~Откуда успѣлъ ты однако сбѣжать:~~

Они догоняють тебя; но ты дома, —

~~Твой вѣщій Микула ужь началъ пахать~~

~~И жить селяниномъ, — царемъ домовитымъ.~~

Запомнилъ ты, съ тѣхъ же древнѣйшихъ временъ,

И дикую эту Нечистую Силу,

Кѣмъ былъ ты похищенъ у кровныхъ племенъ,

Ту вражію силу, что такъ домогалась

Тебя извести. Ты носился за ней

И въ дальнія царства, и къ синему морю,

И въ знойныя степи, гдѣ жилъ царь-Кощей;

Повсюду ждала тебя вѣрная гибель,

Но свѣтлая сила, твой Геній благой,

Нежданно являлась тотчасъ же на помощь,

И здравъ, невредимъ приѣзжалъ ты домой.

То это Самъ-мѣдный, голова чугунная,

То это Катомъ или Морозъ-Трескунъ,

То дядька-Дубовая шапка,

То самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ,

То баба-Яга, то медвѣдь, то волкъ сѣрый,

То дивъ Вертогоръ, Вертодубъ-силачь,

То сторожъ чудесный Ивашка,

То птица-Могуль, то бѣлая Лебедь...

Красавица-Зорька, румяня Востокъ,

Тебѣ раскрываетъ златое оконце;

Морскія царевны ведутъ твой челнокъ,

Лелѣютъ его по широкому морю...

Но въ образахъ этихъ, не батюшка-ль твой,

Дажь богъ золотой, не Перунъ ли Громовникъ?

Не дивы ли это страны той родной,

Гдѣ онъ самъ рѣдился, отколь и ты вышелъ? ¹⁰⁾

Ты помнишь и эту горячую баню,

Гдѣ парила жертвы свои старина;

И тѣхъ Опиваловъ ея, Обѣдаловъ,

Кого такъ усердно кормила она,

Пока не пресѣклись кровавыя жертвы,

И міръ поразумнѣй взглянулъ на себя;

И тотъ гребешекъ или гребень чудесный,

Что злая Недоля чесала тебя,
 Когда погружала въ безсильную спячку;
 И даже, колючій тотъ зубчикъ его,
 Чтобъ ты не проснулся отъ сна твоего,
 А заспалъ совсѣмъ первой юности время.
 Запомнилъ царя ты и бездны морской,
 И даже служилъ ему... Но его царство
 Морское, — не есть ли тотъ островъ большой,
 Гдѣ царствовалъ древле кумирь Святовита?
 Его домъ подводный не есть ли тотъ храмъ,
 Что въ древнее время былъ полонъ народа
 И всякихъ дивовинъ, гдѣ вдоль по стѣнамъ
 Хранилися груды безсчетныхъ сокровищъ?
 Не здѣсь-ли ткнулъ царь изъ рога вино,
 А вѣщій Садко — его тѣшилъ игрою
 На гуслихъ звончатыхъ,—и было пьяно
 Все царство, и пьяное море топило
 Въ верьху корабля? Ты не здѣсь ли служилъ?
 Не здѣсь ли ты видѣлъ гаданья Вольшана,
 Кого зналъ ужь прежде, когда еще жилъ
 На дальнемъ Востоку; но послѣ смѣшаль ихъ
 Въ своихъ воспоминаньяхъ?

Но въ краѣ родномъ
 Всего ты яснѣе запомнилъ Микулу,
 Что ты величалъ въ это время отцомъ;
 Запомнилъ, какъ мало въ тебѣ онъ ждалъ проку
 И даже грозился— и поле, и домъ,
 Отдать старшимъ братьямъ, тогда ужь осѣдлымъ;
 Какъ онъ не однажды тебя охранялъ,
 Или отъ погони, иль силы нечистой,
 И даже порой за тебя исполнялъ
 Труднѣйшія службы... Но вотъ, понемногу
 И ты къ быту новому сталъ привыкать,
 Хоть ты никогда не любилъ работъ сельскихъ,—
 И началъ Микула тебя отпускать
 Ужъ самъ, погулять по странамъ отдаленнымъ.

А кто твоя мать? Не эта-ль она
 Царевна, что всѣмъ задавала загадки?

Ея золотая коробья полна
 Несчетныхъ сокровищъ и кладовъ чудесныхъ;
 Она всѣмъ доступна въ своей простотѣ,
 Сама-жь непрестанно собираетъ богатства;
 Весь міръ говоритъ о ея красотѣ;
 У ней полонъ дворъ жениховъ мимоѣзжихъ,
 Но трудно имъ эту невѣсту добыть,—
 Однихъ она гонитъ, съ другими лукавитъ,
 Велитъ имъ различныя службы служить,—
 Они платятъ жизнью, она богатѣетъ....
 Не только Мимирь-іотнъ погибъ чрезъ нее,
 Она не щадитъ и сыновъ своихъ кровныхъ,
 Лишь толькобъ упрочить богатство свое.
 Одинъ только младшій сынъ, богатырь рускій,
 Всѣхъ больше извѣстный, красавецъ собой,
 Выходитъ изъ всякой бѣды невредимый.

Что жъ это за витязь, всегда молодой?
 Откуда явился онъ, богатырь юный?
 Преданье различно о немъ говорить,—
 О немъ, представителѣ древне-народномъ.
 То мать его на свѣтъ бѣлый родитъ
 Отъ буйнаго Вѣтра иль краснаго Солнца,
 Испивъ золотого настоя цвѣтовъ;
 То онъ зарождается въ матернемъ чревѣ,
 Когда, средь зеленыхъ гуляя садовъ,
 Она невзначай наступаетъ на змѣя;
 «Обвивается лютый змѣй около чобота зеленъ-сафьянъ,
 «Около чулочка шелкова,
 «Хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну,—
 «А втапоры она понось понесла.»

Ридь вѣщихъ чудесъ, какъ той ночью святой,
 Когда родился божественный Кришна,
 Тотчасъ извѣщаетъ его край родной
 О витязѣ чудномъ. Пернатая птицы
 Летать въ небеса, звѣрь бѣжить въ глубь лѣсовъ,
 А рыба—въ глубь моря, Индѣйское царство
 Колеблется. Много незримыхъ враговъ
 Затѣмъ начинаютъ искать его смерти.....

Все, что ни запомнил нашъ русский народъ
 О дивномъ отцѣ его, Солнышкѣ-красномъ,
 То самое онъ и ему придаетъ,
 Какъ самому младшему Солнцеву сыну,
 И также его постоянно зоветъ
 Иваномъ-царевичемъ.

«По колѣни ноги (у него) въ чистомъ серебрѣ,

«По локоть руки въ красномъ золотѣ,

«На всемъ (на немъ) часты звѣзды.»

Вражая сила

Уносить младенцемъ его въ темный лѣсъ
 Иль въ дальнія горы; живетъ онъ съ звѣрями,
 Съ лѣсными гигантами, въ мірѣ чудесъ,
 Всегда вовлеченный въ опасныя службы;
 Но быстро растетъ,—не по днямъ, по часамъ.

То мать обучаетъ его вѣщимъ знаньямъ,
 Доступнымъ однимъ лишь безсмертнымъ богамъ;
 Она обучаетъ его рыскать волкомъ
 Или горностайкой, по чистымъ полямъ,
 Летать яснымъ соколомъ подь облаками,
 Нырять рыбой-щукой по синимъ морямъ;
 То онъ сынъ мужичій, то юный царевичъ.
 Подобно отцу, завсегда онъ въ борьбѣ
 То съ тѣмъ, то съ другимъ; но во всякое время
 Онъ свѣтель и молодъ. Онъ носитъ въ себѣ
 Духъ вѣщій народа, онъ образъ народный;
 Смотря по эпохамъ сѣдой старины,—
 Онъ воинъ, онъ ловкій пастухъ, онъ наѣздникъ,
 Сады караулить, пасеть табуны,
 Иль ѣдетъ служить въ отдаленныя царства;
 Тамъ мертвый лежитъ онъ, средь чуждой страны,
 И вновь воскресаетъ чрезъ рядъ превращеній.

Но витязь-ли онъ, иль бездушный чурбакъ,
 Всегда онъ исполненъ таинственной силой;
 Нерѣдко въ глазахъ онъ домашнихъ,—дуракъ;
 Невѣстки бранять его часто за лѣность,
 Но онъ уѣзжаетъ изъ дома тайкомъ
 Иль тутъ-же себѣ набираетъ дружину, —

И вдругъ его имя гремитъ ужъ кругомъ,
 По дальнимъ странамъ и невѣдомымъ царствамъ.
 Привозитъ онъ разныхъ диковинъ съ собой,
 Но чаще красавицъ-царевенъ; нерѣдко
 Садится царемъ или правитъ страной,
 Что самъ-же избавилъ отъ вражеской силы.

Потомъ принимаетъ онъ образъ иной,
 Онъ больше не юноша,—богатырь зрѣлый;
 Онъ больше не вѣрить ни въ чохъ, ни въ судьбу,
 А вѣрить въ свою богатырскую силу;
 Но онъ продолжаетъ все ту же борьбу
 Съ царями и съ дивами, силой нездѣшной;
 Когда-жъ озаряетъ страну новый свѣтъ,
 Опять принимаетъ и онъ новый образъ;
 Но выше его никого въ странѣ нѣтъ, —
 Затѣмъ, что онъ сила, онъ образъ народный.

Онъ въ мѣрѣ народномъ и въ мѣрѣ дружинъ;
 Онъ Вольга Всеславичъ, Добрыня Никитичъ,
 Иванъ сынъ Годиничъ, Иванъ вдовкинъ сынъ,
 Иванъ сынъ Гостиный, Потокъ сынъ Михайлычъ,
 Онъ храбрый Егорій, онъ славный Илья;
 Они его дѣти, а онъ ихъ родитель,
 Они всѣ его-же родная семья,
 Въ нихъ онъ измѣняетъ лишь прежній свой образъ,
 Какъ въ самой странѣ измѣняется свѣтъ,
 Какъ въ ней измѣняется духъ и обычай...
 Они чуть родятся, его уже нѣтъ;
 Его первообразъ,—мѣръ самый древнѣйшій.

Водилъ-ли когда онъ дружины свои
 Въ Индѣюшку древню или на Поморье?
 Служилъ-ли каганамъ Восточной земли,
 Какъ позже служилъ онъ царямъ Византійскимъ?
 Носился-ль съ полчищами скифскихъ племенъ
 На мидянъ далекихъ и царственныхъ персовъ,
 Въ то темное время, когда Вавилонъ
 Звалъ скифовъ и Росомъ, и Гогомъ-Магогомъ?
 Онъ далъ имя Росы въ начальные дни

Роднымъ рѣкамъ нашимъ, иль самъ это имя
 Отъ нихъ взялъ? Все это вопросы одни,
 Пока не отвѣтитъ на нихъ свѣтъ науки.
 Никто не рѣшилъ, что въ нихъ сказка, что былъ, —
 Исторія робко пока ихъ обходитъ;
 Одинъ про то знаетъ степной лишь ковыль,
 Да эти священныя нѣкогда рѣки ⁽¹⁾).

Не въ смутное-ль время бродячихъ тѣхъ силъ
 Онъ набралъ себѣ этихъ витязей чудныхъ
 Ирана и Инда, кѣмъ онъ окружилъ
 Потомъ свѣтъ-Владимира, красное-Солнце,
 Въ сообществѣ съ тѣми, что раньше пришли
 Оттуда-жь съ Микулой? Вѣка измѣнили
 Позднѣй имена ихъ средь Русской земли,
 И самый ихъ образъ; хотя и остался
 Въ нихъ слѣдъ первобытный, подъ грубымъ рѣзцомъ
 И грубою краской потомковъ Микулы;
 Но край нашъ вѣдъ не былъ прямымъ ихъ творцомъ,
 А придалъ имъ образъ и духъ лишь народный,
 И—такъ и оставилъ.

Не въ эти-ли-жь дни
 Младой богатырь нашъ къ намъ вынесъ съ Востока
 И всё чудеса тѣ, какъ въ сказкахъ они
 И въ древнихъ былинахъ хранятся повнѣ, —

Дворы на семи верстахъ,
 Ворота вальщатныя,
 Вокругъ двора желѣзныи тынъ,
 Терема златоверхіе,
 Золотныя маковки,
 Сѣни рѣшетчатныя,
 Гридни, крытыя сѣдымъ бобромъ,
 Оконницы хрустальныя,
 Причалины серебряныя.....

«Хорошо въ теремахъ изукрашено,
 «На небѣ солнце, — въ теремѣ солнце,
 «На небѣ мѣсяцъ, — въ теремѣ мѣсяцъ,
 «На небѣ звѣзды, — въ теремѣ звѣзды,
 «На небѣ заря, — въ теремѣ заря

«И вся красота поднебесная.»

Онъ не былъ-ли лично на празднествѣ томъ,
 Когда свѣтлый Кришна, съ гостями, катался
 По синему морю, подъ пышнымъ шатромъ
 Лазурнаго неба, въ ладьяхъ, въ видѣ цаплей,—
 Крылатыхъ драконовъ, павлиновъ, слоновъ,
 Въ ладьяхъ, полныхъ блеска камней самоцвѣтныхъ,
 Подобно жилищамъ бессмертныхъ боговъ,—
 Хрустальному Меру, златому Мандару;
 Когда Чинтамани, какъ сто свѣтлыхъ лунъ
 И столько-же солнцевъ, сіялъ внутри горницъ,
 А дивные звуки невидимыхъ струнъ
 Собой дополняли божественный праздникъ.

Не здѣсь-ли заимствовалъ онъ тѣхъ звѣрей,
 Что послѣ украсилъ во вкусѣ народномъ,
 Свой Соколь-корабль, гдѣ еще мудренѣй
 Характеръ означился русско-индѣйскій?..

«На мѣсто очей въ корабль вставлена

«По дорогомъ камню, по яхонту,

«На мѣсто бровей — по черному соболу якутскому,

«На мѣсто уса—два острые ножива булатные,

«Вмѣсто гривы—двѣ лисицы бурнатыя,

«Вмѣсто ушей—два остра копыя мурзаецкія,

«И два горностая повѣшены,

«Вмѣсто хвоста—два медвѣдя бѣлые, заморскіе,

«Носъ, корма—по туриному,

«Бока взведены по звѣриному.....»

Не въ это-ли-жь время заимствовалъ онъ
 Кой-что изъ оружья героевъ восточныхъ,
 И даже изъ быта бродячихъ племенъ
 Восточнаго міра, кружась непрестанно
 Среди дикихъ ордъ и кагановъ степныхъ?
 Но чей-же народъ и какой край аріійскій
 Чегонибудь не взялъ изъ нравовъ чужихъ
 Въ тотъ бытъ, что онъ вынесъ изъ древней отчизны?

Онъ странствовалъ долго по разнымъ краямъ,—
 Сперва на Востокъ, въ то время столь славномъ,

А послѣ на Западѣ; нашимъ странамъ
 Не чужды издревле алтайскія орды;
 Тогда ему было чего признанъ
 У нихъ изъ оружья, ухватокъ воинскихъ;
 Но какъ теперь этотъ хаосъ разобрать?
 Какихъ не знавалъ онъ племень и народовъ?
 Какихъ не носилъ онъ и самъ, съ тѣхъ временъ,
 Совсѣмъ ему чуждыхъ, именъ и прозваній?
 Какихъ не оставилъ онъ мѣстныхъ именъ,
Что нынѣ слились всѣ въ одно, въ землѣ русской?

На Волгѣ звали Роксоланомъ его,
 По Кіеву — звали Куянинномъ,
 По полямъ звали Поланиномъ,
 По лѣсамъ — Древланиномъ;
 На Западѣ звали Рутениномъ,
 И Велетомъ, и Лютичемъ;
 А на Бугѣ — Бужаниномъ;
 На Днѣстрѣ звали Тиверцомъ,
 На Ильменѣ — Славянинномъ,
 На Днѣпрѣ — Сѣверянинномъ,
 На Двинѣ — Полочаниномъ,
 У Грековъ-же Скифомъ, Сарматомъ, Болгаринномъ,
 Въ Карпатахъ и въ Скандинавіи —
 Великаномъ, Горожаниномъ;
 А въ иныхъ мѣстахъ и никто не зналъ,
 Какого онъ рода - племени,
 Какъ звать, величать его по имени,
 Какъ чествовать по изотчеству;
 Звали его просто богатыремъ Сѣвернымъ,
 «Надъ семидесятью землями богатыремъ.»

Съ временъ отдаленныхъ, съ невѣдомыхъ дней
 Родная намъ Волга звалась уже Расой;
 Притоки Наревы у прежнихъ людей, —
 И Нѣманъ, и Полоть, носили названье
 И Росы, и Русы; нашъ Днѣпръ той порой
 Звался также Расой; еще рѣка Руса
 Текла Новгородской Полночной страной,
 И Расой граничилъ край древній Поруссовъ.

Съ Полудня немало шло русскихъ князей
 Съ дружинами ихъ на родное Поморье,
 И тамъ было много отважныхъ вождей,
 Носившихъ названье Руянъ и Рутеновъ....
 То были-ли прямо родные сыны
 Древнѣйшаго Роса, иль люди другіе?
 Гдѣ онъ былъ въ то время? Какія страны
 Тогда воевалъ? Какъ въ тѣ дни назывался,
 Когда вновь предсталъ? Изъ какого гнѣзда
 Взлетѣлъ онъ впервые?... Теперь позабыто;
 Но съ древней поры ужъ сіяетъ звѣзда
 Его между Понтомъ и моремъ Хвалынскимъ;
 На быстромъ Днѣпрѣ — его край былъ родной,
 По Кіеву звали тотъ край Кунигардомъ,
 Великой Кіанской и Гунской страной,
 Гдѣ праздновалъ долго онъ праздникъ русалий;
 Весь Сѣверъ широкій, гдѣ въ чащѣ лѣсной
 Стояли Славянскъ и великій Новгородъ,
 Считался издревле славянской землей,
 И долго еще, звался Славіей древней;
 На Понтѣ Эвксинскомъ, межъ храбрыхъ хазаръ
 И дальнимъ Дунаемъ, по городу Аргу,
 Гдѣ былъ постоянно торговый базаръ
 Славянъ и арабовъ,— страна называлась
 Артаніей; послѣ-жь извѣстна у насъ
 Подъ именемъ новымъ уже, Таматарха
 И Тмутаракани.

Отсюда не разъ

На мелкихъ судахъ онъ носился съ дружиной
 По синему морю въ глубь западныхъ странъ,
 И тамъ доплывалъ до воротъ Геркулеса;
 Былъ въ древней Севильѣ онъ,—и какъ бурянь,
 Пронесъ по странамъ тѣмъ ужасное имя
 Воинственныхъ Руссовъ; а островъ Тамань
 И самый Эвксинскій Понтъ, гдѣ онъ издревле
 Свою наложилъ богатырскую длань,
 Звались со времени незапамятныхъ — Русью ¹²).

Давно также знала его старина

Подъ чуждымъ названіемъ Атея, Анта,
 Которое дали ему племена
 Востока; а послѣ и Готы, и Греки.
 Но онъ никогда еще такъ не бывалъ
 И силенъ, и страшенъ сосѣднимъ народамъ,
 Какъ въ славные дни тѣ, когда онъ предсталъ
 Преемникомъ князя Кіянъ—Балеміра.
 Тогда цѣлый міръ передъ нимъ трепеталъ,
 А Западъ прославилъ бичемъ его Божьимъ,
 Исчадіемъ ада; но край величалъ
 Его—своимъ батькою, Солнышкомъ—краснымъ
 И просто—Медвѣдемъ. Онъ гонитъ враговъ
 Съ Днѣпра и Дуная; предъ нимъ ужь трепещутъ
 И Римъ и Царьградъ,—и впервые покровъ
 Спадаетъ туманный съ Славянскаго міра ¹³).

Лишь только пронесся по царстну славянъ
 Его богатырскій кличъ, въ мигъ отозвались
 И Днѣпръ нашъ Словутичъ, и край Поморянъ,
 И горы Карпаты, и дальнія Лаба.....

Изъ первыхъ очнулся сынъ Ваны благой,
 Воинственный Вандалъ, извѣстный издревле
 Сосѣднимъ народамъ торговлей морской
 И силой воинской. Старѣйшій изъ вановъ,
 Отецъ-патріархъ, онъ желалъ всей душой
 Давно собрать кровныхъ сыновъ во-едино;
 Его внукъ отважный, молодой Яровитъ
 Ходилъ съ сильнымъ войскомъ противъ легионовъ
 Державнаго Рима; но богъ Святovitъ
 Былъ противъ обширныхъ и прочныхъ союзовъ;
 Единство бѣжало славянскихъ племенъ,
 Они закоснѣли въ непрочной свободѣ,
 И ясное солнце новѣйшихъ временъ,
 Застало ихъ въ тѣхъ-же бесплодныхъ раздорахъ.

На Западъ, явился другой исполинъ, —
 Глава Лонгобардовъ, всемірный торговецъ,
 А на морѣ—главный вожь лютыхъ дружинъ
 Велетовъ и Вагровъ, тогда самыхъ хищныхъ

Прибрежныхъ пиратовъ.

На Вислѣ возсталъ

Еще сынъ могучій божественной Ваны, —
 Вождь Лиговъ и Ляховъ, что долго держалъ
 Подъ игомъ своимъ кровныхъ братьевъ, Силезцевъ,
 Имѣвшихъ впоследствии особыхъ вождей
 И жившихъ отдѣльно, вокругъ рѣки Слезы.

На Полдень отсюда, средь злчныхъ полей
 Торговой ужъ Лабы, гдѣ городъ былъ Липецкъ,
 Возсталъ, съ отдаленной еще старины
 Извѣстный въ мѣстахъ этихъ древнему Риму,
 Сѣдой богатырь всей Сорабской страны,
 Кого называлъ онъ вождемъ, то Херусковъ,
 То Готовъ Восточныхъ. Вождь этотъ сломилъ
 Его легионы въ лѣсахъ Тевтобургскихъ,
 Гдѣ Римъ, потерявъ часть своихъ лучшихъ силъ,
 Лишился Германика. Послѣ явился
 Онъ съ помощью, призванныхъ съ Волги, аланъ,
 На берегъ Дуная; какъ туръ круторогій,
 Онъ тамъ ворвался въ среду греческихъ странъ,
 И долго топталъ Византійское царство, —
 Пока утомился. Не разъ попадалъ
 И нашъ край Днѣпровскій ему подъ копыта;
 Но грозный Аттила до корня сломалъ
 Потомъ рогъ кичливый ему, и забросилъ
 За быстрый Дунай.

По Карпатамъ глухимъ

Вставалъ богатырь, князь воинственныхъ Чеховъ,
 И Боевъ, кого по лѣсамъ ихъ густымъ,
 Сперва называлъ Римъ Германдуромъ и Квадомъ;
 Но послѣ, узнавши внутри сихъ лѣсовъ
 Теченье Моравы, сталъ звать Маркоманомъ.
 Здѣсь нѣкогда жилъ ужасъ Римскихъ орловъ,
 И бичъ ихъ, могучихъ еще, легионовъ,
 Великій Нарбой, вождь любимый славянъ,
 Которыхъ онъ собралъ почти въ одно царство,
 Ослабивъ раздоры враждующихъ странъ
 И круто смирилъ ихъ разумною властью.

Казалось, такъ близокъ единства былъ часъ;
 Но вспрынулъ упрямый, воинственный Ярманъ,
 И съ дикимъ упорствомъ разрушилъ заразь
 Его гениальный непонятый замысль.

Отъ моря Венетовъ до темныхъ лѣсовъ
 И высей Дунайскихъ, возсталъ нашъ старинный
 Славянскій Горня, что столько вѣковъ
 Подъ властью былъ Рима,—возсталъ узленный,
 Но все не смиренный тяжелымъ мечемъ
 Властителя міра,—онъ, праотець Ретовъ
 Иль древнихъ Словаковъ, извѣстныхъ потомъ
 Подъ мѣстнымъ названьемъ Паннонцевъ, Норійцевъ,
 Бенетанъ, Далматовъ, и прочихъ племень,
 Сидящихъ по Истру и въ Крайнѣ-гористой;
 Тотъ дивъ, что въ началѣ древнѣйшихъ временъ
 Владѣль, можетъ, всею страной заальпійской,
 До царства Латиновъ; пока юный Римъ,
 Усилясь, откинулъ его опять въ Альпы;
 Но даже и тутъ, съ славнымъ родомъ своимъ,
 Онъ все еще страшенъ царю былъ вселенной.
 Божественный Августъ позднѣй наводнилъ
 Его край опасный своими полками,
 И лучшихъ въ народѣ людей расселилъ
 По дальнимъ владѣньямъ всемірнаго царства,
 Куда они вмѣстѣ съ собой принесли
 Печальный рассказъ о своихъ злоключеньяхъ,
 О страшномъ разгромѣ *Словенской* земли,
 А съ этимъ, и новое имя ихъ—*Склавовъ*.

На Сѣверо-Западъ Дуная, вставалъ
 Поклонникъ Велеса, вождь Западныхъ Вендовъ,
 Кого дальній Римъ въ эти дни называлъ
 Вождемъ вольныхъ Франковъ.....

За нимъ начинались
 Владѣнія Швабовъ, что слыли въ тѣ дни,
 Подобно Нѣметамъ, Тевтонамъ и Саксамъ,
 Еще дикарями; такъ были они
 Тогда во всемъ ниже народовъ славянскихъ;
 Особенно Саксы, — насильемъ своимъ

*

И звѣрствомъ, стяжавшіе грустную славу
 Въ славянскомъ Поморьи. Подобны другимъ
 Иль хуже еще, были Фризы, Батавы,
 И жили въ болотахъ....

Но дивнй раздоръ
 И тутъ заявилъ себя въ мірѣ славянскомъ,
 Какъ это бывало всегда, когда споръ
 У нихъ заходилъ о народномъ главенствѣ
 Или о единствѣ. И вождь-исполинъ
 Воинственныхъ видовъ, позднѣйшихъ сихъ франковъ,
 Пошелъ, во главѣ своихъ храбрыхъ дружинъ,
 Не въ край придунайскій, куда шли другіе;
 Но прямо примкнулъ онъ къ стариннымъ врагамъ
 Славянъ,—къ легионамъ отжившаго Рима.....
 Кто могъ тогда знать, что славянскимъ землямъ
 Вождь этотъ готовитъ ихъ смертную чашу! ¹⁴).

Въ то время Микулу какъ бы не видать,
 Среди этихъ полчищъ и бранной тревоги;
 Отвсюду собирается грозная рать,
 Изъ разныхъ племенъ, и земель, и языковъ;
 Сверкаетъ оружье, шумитъ сборный міръ,
 Далеко гремитъ кличъ, призывъ богатырскій—
 «Надъ семидесятью землями богатыря;»
 Сзываетъ всѣхъ братьевъ-славянъ онъ на пиръ;
 Однако и мирный Микула не празденъ.
 Пусть вѣщая сошка стоитъ той порой
 Въ закутѣ глухомъ, а кобылка гуляетъ
 Въ лугахъ заповѣдныхъ; пусть онъ, нашъ родной,
 Запряталъ и скарбъ свой домашній подальше;
 Но этотъ всемѣстный, воинственный сбродъ
 И самый пиръ бранный, Микулѣ не чужды:
 Микула—князь рода; его міръ-народъ
 Имѣетъ свою также долю въ движеніи.
 Микула встрѣчаетъ родимыхъ гостей,
 Онъ имъ собираетъ священные жертвы,
 И самъ снаряжаетъ въ путь бранныхъ людей;
 Его вѣдунъ, его вѣщая дѣва,

Гадаютъ, о темномъ исходѣ войны,
 Поддуютъ оружье, сряжаютъ наузы;
 Сыны его скоро уйдутъ изъ страны, —
 Дорога неблизкая, нужны запасы;
 Храбрецъ селянинъ разстается съ семьей, —
 Микулѣ ничто въ этихъ сборахъ не чуждо;
 Всѣ мѣръ-народъ, — воинъ; его мандитъ бой,
 Онъ выросъ, рожденъ средь кровавыхъ побоищъ;
 Въ Микулѣ пылаетъ огонь боевой,
 Онъ самъ вождь народный....

Въ глуши лѣсовъ темныхъ
 Свершаютъ гаданья; по всѣмъ высотамъ
 Приносятся жертвы богамъ вѣковѣчнымъ.
 Обрядъ измѣнился по разнымъ мѣстамъ
 Славянскаго міра; у каждаго края
 Былъ свой обрядъ мѣстный, любезный богамъ
 И ихъ жрецамъ вѣщимъ.

Вотъ солнце садится, —
 Микула идетъ чуть пробитой тропой
 Въ высокомъ бурьянѣ, къ священному бору.
 На Западѣ, ярко еще, золотой
 Сіяетъ щитъ свѣтлаго сына Сварога;
 Микула проходитъ подъ сѣнью дубовъ,
 Раскинутыхъ врозь по окраинѣ бора,
 Какъ рядъ исполинскій зеленыхъ шатровъ
 При входѣ къ широкому, темному стану.
 Еще тутъ свѣтло; съ незакрытыхъ сторонъ
 Сіяетъ сквозь вѣтви вечернее солнце,
 Играя по листьѣ, — и онъ принужденъ
 Порой уклоняться отъ яркаго свѣта.

Но вотъ онъ, съ святою молитвой въ устахъ,
 Вступаетъ въ прохладный, таинственный сумракъ
 Нависшихъ деревьевъ; боръ спитъ ужъ въ потьмахъ,
 Какъ бы очарованный тихой дремою.
 Его обдаетъ всего влагой сырой
 И запахомъ свѣжимъ древеснаго листа, —
 И трепеть священный объемлетъ душой,
 Вѣщая о тайномъ присутствіи бога;

Чѣмъ глубже Микула уходитъ впередъ,
 Тѣмъ чаще и гуще сплетаются вѣтви;
 Потомъ образуютъ онѣ темный сводъ, —
 И глуше все, звонче становится сумракъ;
 Но даже и въ этихъ потьмахъ зоркій взоръ
 Почти сочесть можетъ кругомъ всѣ деревья, —
 Такъ чисто, опрятно содержится боръ,
 Сей храмъ живой бога.

Мелькая по чащѣ,

Микула идетъ, едва видной тропой,
 Въ глубь самую бора; потомъ тропа скрылась, —
 На мѣсто травы, то шуршить мохъ сухой,
 То кусты брусники хрустятъ подъ ногами;
 Вотъ гдѣ-то далеко въ пространствѣ глухомъ,
 Какъ будто на встрѣчу ему кто несется,
 Ломая сухія вершины крыломъ;
 За нимъ, кто-то кривнулъ протяжно, заохалъ,
 И снова нѣмое безмолвье кругомъ;
 Опять, будто грузное что-то свалилось,
 И въ слѣдъ, раздался вдругъ пронзительный свистъ,
 Все ближе и ближе, — вздрогнувъ, закачался
 На дремлющихъ вѣтвяхъ проснувшійся листъ,
 И снова все тихо въ таинственномъ мракѣ.

Но вотъ просвѣтлѣло межъ дальнихъ деревь,
 Оттуда пахнуло озерною влагой,
 Раздвинулся боръ, какъ рядъ темныхъ столбовъ,
 Открылась окрайна зеленаго луга,
 Какъ будто широкій, блестящій коверъ,
 Раскинутый яркимъ пятномъ въ отдаленнѣ,
 Лаская уставшій отъ сумрака взоръ
 Своей еще свѣтлой, густой муравою.
 Вокругъ всего луга — плетень; а внутри, —
 Какъ призракъ туманный, духъ этого бора,
 Закутанный въ вѣтви густыя свои,
 Священный дубъ, — древо святое, жилище
 Незримаго бога. Отсюда кругомъ
 Бѣжитъ лабиринтъ чуть замѣтныхъ тропинокъ,
 И вновь исчезаетъ во мракѣ лѣсномъ.

Микула подходит къ замкнутому лугу;
 Когда повернулся онъ,—длинной трубой
 Раздвинулся боръ; изъ далекой крайны
 Мелькнулъ еще свѣтъ, и опять полосой
 Исчезъ межъ деревьевъ. Микула откинулъ
 Съ молитвой воротцы, и выпелъ на лугъ.

Предъ нимъ появился навѣсъ деревянный,
 На тонкихъ столбахъ, осѣненный вокругъ
 Зеленою листвою; на крышѣ чернѣютъ
 Истлѣвшіе гонты, съ тяжелой рѣзбой
 Кавихъ-то чудесныхъ цвѣтовъ и животныхъ;
 Тутъ свалены грудой одна на другой,
 Дубовыя скамьи; а дальше чернѣютъ
 Котлы, ендовищи, столы для пировъ,
 Священная утварь великаго бога.

У многихъ племень,—кромѣ главныхъ жрецовъ,
 Никто не входилъ въ мѣста эти. Такъ было
 На древнемъ Поморьѣ; но русскій народъ
 Имѣлъ свой особый, какъ видно, обычай ¹⁵).
 Микула, съ молитвой, поспѣшно мететь
 Сначала подъ сѣнью священнаго дуба,
 Потомъ остальной лугъ. Весь боръ одѣтъ тьмой;
 Но вотъ, передъ нимъ обозначился ямо
 Тайственный остовъ колоды большой,
 Со впадиной, ровно какъ лечь человѣку;
 Внизу стоѣтъ для крови, откуда она
 Свѣгала въ котлы, для священныхъ гаданій;
 А дальше, олизъ дуба,—во тьмѣ чуть видна,
 Широкая яма, съ золою и углемъ,
 И вокругъ нее, таже остатки золы,
 И темныя пятна запекшейся крови.

Съ земли потянулись струи сѣрой мглы;
 Но онъ ужъ разставилъ скамейки рядами,
 Взявъ въ руку котель и поспѣшно идетъ
 Другимъ путемъ въ чашу. Открылась ложбина;
 На встрѣчу Микулѣ сильнѣе несетъ,
 Сквозь вѣтви деревьевъ, холодную влагой,
 Трава поднялася; Микула ступилъ

Промокшей ногой по высокой осоке, —
 Подъ нимъ однѣ кочки; въ вѣтвяхъ засквозилъ
 Опять блѣдный свѣтъ, и тотчасъ же открылась
 Глубь звѣзднаго неба, какъ будто вверхъ дномъ,
 Въ низу отразившись на зеркалѣ свѣтломъ
 Дремавшаго озера.

Ночь ужь кругомъ;

Торжественно—ясно прозрачное небо,
 Дрема тихо бродитъ по темнымъ дубамъ,
 Листовъ не шелохнетъ въ таинственномъ борѣ;
 Но жизнь не смолкаетъ по звонкимъ брегамъ
 Рѣки или озера, вплоть до разсвѣта.
 Вотъ будто кто плещется въ свѣтлыхъ струяхъ,
 Иль крадется тихо по дремлющимъ вѣткамъ;
 Вотъ что-то несется на легкихъ крылахъ
 И хлопнулось прямо въ вздрогнувшую воду;
 А тамъ поднялся блѣдной струйкой туманъ
 И тихо клубится надъ сошной водою;
 Изъ темныхъ кустовъ, какъ сѣдой великанъ,
 Глядитъ мракъ угрюмый таинственной ночи;
 Порою раздастся прибой спящихъ водъ
 Иль вдругъ налетитъ вѣтерокъ на деревья;
 Но слушайте, кто это, будто поетъ?
 Иль это камышъ шелеститъ вдоль побережья?...

«Сестрица, голубушка!

«Среди лѣсовъ дремучихъ

«Костры горятъ высокіе,

«Котлы кипятъ випучіе,

«Скамьи стоятъ дубовыя;

«На нихъ сидитъ сѣдой старикъ,

«И точитъ онъ булатный ножъ:

«Хотятъ меня зарѣзати».

«Ахъ, братецъ мой, Иванушка!

«Горючь камень ко дну тянетъ,

«Трава шелкова на рукахъ свилась,

«Желты пески мнѣ грудь сосутъ».

Микула, — онъ знаетъ кто гдѣсно поетъ, —
 Микула, черпнувши воды котель полный,

Опять той же влажной тропою идетъ
 По чутвому берегу въ темному бору.
 Онъ все изготовилъ на завтрашній день,
 День жертвы богамъ, — и идетъ въ путь обратный.
 Еще стала глуше дремучая сѣнь
 Завѣтнаго бора; закликали дивы,
 Захлопали лѣшіе въ мракѣ сѣдомъ;
 Въ отвѣтъ имъ, слышался хохотъ русалокъ,
 Уснувшій боръ будто проснулся кругомъ,
 Какъ бы предвкушая торжественный праздникъ.

Вдали, предъ Микулой блеснулъ снова свѣтъ,
 Въ травѣ затрещалъ коростель, сквозь деревья
 Мелькнулъ край прозрачнаго неба, и вслѣдъ
 Послышалось близко мычаніе стада;
 Съ небесъ юный мѣсяцъ уставилъ рога,
 Во мглѣ разливаются звуки свирѣли, —
 Играетъ Велесъ... И поля, и луга,
 Покрыты, какъ море, волнами тумана;
 Нѣмая окрестность глубокимъ спитъ сномъ,
 Чуть слышенъ бузничекъ. Микула подходитъ
 Къ жующему стаду, неровнымъ бружкомъ
 Лежащему въ сочной травѣ, подъ охраной
 Небеснаго пастыря; много коней
 И тучныхъ быковъ приготовилъ Микула,
 Для завтрашней жертвы; заборъ изъ жердей
 Имъ служить оградой на время ночное.

Онъ скоро вошелъ въ огороженный дворъ;
 Протяжно во тьмѣ заскрипѣли воротцы,
 И хлопнулись глухо въ вздрогнувшій заборъ;
 Онъ выбралъ, что надо, на завтра, — и вышелъ,
 Шагая обратно опушкой лѣсной
 По влажной травѣ межъ кустовъ и бурьяна,
 То весь озаренный серебристой луной,
 То вновь исчезая въ таинственномъ мракѣ.

Подходить къ жилищу. Стрѣлою летятъ
 Къ нему псы навстрѣчу, еще издалека
 Махая хвостами, и нѣжно визжать
 И вьются въ пыли у него подъ ногами;

Заржала кобылка, почувавъ въ вустахъ
 Роднаго хозяина; въ спящихъ палатахъ
 Прощель домовой, повозился въ потьмахъ,
 Пошарилъ по двери, и вновь все умолкло.

Микула спустился ужъ въ погребъ глухой,
 И катить оттуда стоялыя бочки
 Съ забористымъ медомъ и брагой хмѣльной,
 Выносить ковриги печенаго хлѣба
 И сыръ свой домашній, тварожный, въ кружкахъ;
 Кладеть онъ все это на сѣно, въ телѣги,
 Что съ вечера тутъ же стоять въ воротахъ,
 На завтрашній праздникъ, на пиръ богатырскій,
 И міру-народу, и богатырямъ,
 Идущимъ въ путь дальній; чтобъ было и пвтій,
 И брашенъ въ обильи, на жертву богамъ
 И всѣмъ на веселье, — и крохъ бы осталось
 И звѣрю, и гаду, и птицѣ земной,
 И птицѣ небесной.

Но вотъ, засвѣтало;
 Замѣтно, рѣдѣетъ мракъ ночи сѣдой.
 Притихъ коростель, затуманились звѣзды,
 Зардѣлся румяной зарей небосклонъ,
 Захлопалъ крылами пѣтухъ подъ навѣсомъ,
 Чиликнули птички, слетѣлъ съ земли сонъ...
 Микула давно ужъ въ бору заповѣдномъ:
 Готовить тамъ жертвы, ждетъ кровныхъ гостей, —
 И самъ, въ санъ высокій теперь облеченный,
 Въ святой санъ жреца, что отыскони дней
 Ему принадлежитъ, какъ старшему въ родѣ.

Шумить боръ священный. Отколь кто припелъ;
 Ржутъ кони, мелькаютъ косматые чубы,
 Бряцаетъ оружье, мычитъ тучный волъ,
 Свершаются жертвы, вѣщбы и гаданья;
 Горять костры, льется питье на весь міръ,
 Возносится слава богамъ вѣковѣчнымъ;
 Лежать грудой яства, гремитъ буйный пиръ,
 Довольны и люди, и свѣтлые боги...

«Среди лѣсовъ дремучихъ

«Огни горятъ высокіе,
 «Котлы кипятъ кипучіе,
 «Скамьи стоятъ дубовыя,
 «На нихъ сидитъ сѣдой старикъ,
 «И точитъ онъ булатный ножъ».

Придетъ чередъ плѣнныхъ, начнутъ причитать
 Оленушка съ братцомъ-Иванушкой; крикомъ
 Побѣднымъ отвѣтитъ имъ дикая рать,
 И все заглушитъ пѣснь богамъ вѣковѣчнымъ.

Дарилъ тутъ Микула потомковъ своихъ,
 Дарилъ не серебромъ и не золотомъ ихъ,—
 Дарилъ онъ, Микула, ихъ—личной свободой,
 Дарилъ—золотымъ побратимствомъ дружиннымъ,
 Дарилъ ихъ—любовью святой къ земледѣлю;

Они-жь дары эти родимой земли,
 Дары тѣ Микулы, отсель разнесли
 По Римской землѣ и по Западнымъ царствамъ;
 Они разнесли ихъ по цѣлой Европѣ,
 Смѣнивъ городской ея міръ—деревенскимъ ¹⁶⁾.

Не буйные вѣтры въ степяхъ поднимаются,
 Не море-океанъ изъ береговъ разливается, —
 Подымается нашъ русскій старинный богатырь,
 Съ силой грозной своей, со Полуночной.

Не младъ-сизокрылый орелъ среди соколовъ
 Летитъ по поднебесью,
 Летитъ онъ, нашъ славный, старинный богатырь,
 Со дружинишкой своей храброю,
 Съ полгами безсчетными...

Гдѣ вонь его ступитъ, трава не растетъ,
 Завидѣвъ его, звѣзды падаютъ,
 Великія царства передъ нимъ разступаются,
 А малыя таютъ, какъ воскъ отъ огня.

За нимъ идутъ, ѣдутъ, богатыри, витязи,
 Богатыри, витязи,—силушка несмѣтная,
 Съ равнины Днѣпровской, съ береговъ Волги матушки,
 Съ родимаго Дона, съ Поморья богатаго;
 На борзыхъ коняхъ, въ доспѣхахъ кованыхъ,

Въ кольчугахъ булатныхъ, въ шишакахъ позолоченныхъ,
Чубы косматые, бородищи лопатою...

Сверкаютъ ихъ копыя, мечи, тяжкіе молоты,
Блестятъ топорщица, влевцы трехгранные...

За ними несутся на быстрыхъ конькахъ,
На быстрыхъ конькахъ, на степныхъ бѣгунахъ,

Орды заволжскія, полчища Хвалынскія, —

Бородки тощія, тараканьи усы,

Тараканьи усы, сафьянъ-сапоги;

Звенятъ сабли острыя, волчаны пернатые,

По лукамъ сѣдельнымъ — арканы намотаны...

За ними, изъ темныхъ дремучихъ лѣсовъ,

Нестройныя полчища лютыхъ Волковъ,

Велетовъ, Древяновъ, Гуней оборванныхъ, —

Ножи у нихъ острые, дубинки вязовыя,

Рогатины длинныя, желѣзныя палицы;

На плечи накинута шкура звѣриныя,

Бороды всклочены, груди обнаженныя. —

Иные по тѣлу, какъ змѣи, расписаны...

Дрожить мать сыра-земли, лѣса разступаются,

А мутныя рѣки, отъ силы безчисленной,

Отъ силы безчисленной, въ берегахъ колышатся.

Идутъ они, скачутъ, — богатыри, витязи,

Валить сила грозная; дивы, съ вершинъ деревъ

Пути имъ дороги незнаемы слушаютъ;

А сѣрые волки по сторонамъ бѣгутъ,

По рѣчинькамъ броды, переправы развѣдываютъ.

Валить сила грозная, — поетъ, потѣшается,

Въ богатырскія игры поигрываетъ;

Трубить турьи рога, поютъ трубы мѣдныя,

Тарелочки звонкія, бубны позвякиваютъ;

Удальцы-молодцы, приставивъ щиты въ губамъ,

Залихватски посвистываютъ.

Далеко гремѣть пѣснь молодецкая,

Про бѣлыхъ лебедокъ, поля Сарачинскія,

Про дальню сторонушку, царства Восточныя,

Гдѣ, добрые молодцы, они встарь погуливали.

Глядитъ Дажьдбогъ съ небесъ, красное Солнышко,

Златыми лучами, какъ желтымъ онъ хмѣлемъ,
 Какъ желтымъ онъ хмѣлемъ, посыпаетъ на нихъ;
 Глядитъ на внучатъ своихъ старый Сварогъ,
 Разстидаетъ Сварогъ имъ путь скатертью;
 А буйные Вѣтры, внуки Стрибоговы,
 Они, Вѣтры буйные, пѣсни ихъ слушаютъ.
 По бѣлому свѣту ихъ пѣсни пересказываютъ.

Далеко позади, скрипятъ телѣги немаяныя;
 Жены, матери, на облучкахъ сидятъ,
 На удалцовъ-молодцовъ своихъ посматриваютъ.
 Одежку имъ, сбрую ратную налаживаютъ,
 Кровавыя раночки у нихъ залѣчиваютъ,
 Судьбу, долю вѣщую, имъ разгадываютъ... ¹⁷⁾.

.

Но сумракъ событій ужь быстро свѣталъ!..
 Надъ сказочнымъ міромъ всходило свѣтило
 Исторіи, — новый Богъ свѣта вступалъ
 На горній престолъ возрожденной вселенной.
 Средь Римскаго царства свершалась судьба
 Отжившаго древняго міра, — слагался
 Земль новый жребій... Еще шла борьба,
 Но Богъ самъ небесъ былъ рѣшителемъ спора.

Вокругъ Селяниныча жутко, темно,
 Вновь стало, какъ прежде. Богатырь славный,
 Кому было свыше какъ бы суждено
 Поднять и устроить славянскія силы,
 Исчезъ, какъ предсталъ, — лишь кровавой чертой
 Означивъ свой путь по смятенной Европѣ.
 Откуда предсталъ онъ? Кто былъ онъ такой?
 Покрылось туманомъ Пока Югъ и Западъ
 Сбирали обломки своихъ павшихъ сля,
 Разбитые на смерть ужаснымъ погромомъ, —
 Его ужь и слѣдъ богатырскій простылъ,
 Оставивъ въ народахъ лишь смутную память.

Волшебница-Вача опять ожила,
 Славянскій міръ быстро возсталъ на Поморьѣ;

Съ его странъ исчезнула прежняя мгла...
 Торговля кипитъ въ его градахъ Поморскихъ
 И вдоль славной Лабы; въ главѣ городовъ
 Являются Волинъ, Аркона и Ретра;
 Ихъ гавани полны торговыхъ судовъ;
 Ихъ витязи ходятъ служить къ дальнимъ грекамъ...
 Что-жь дѣлалъ Микула нашъ въ краѣ родномъ?
 Его мѣръ стихійный остался далеко;
 Живой мѣръ ясный, свѣтъ врывался кругомъ,
 Древнѣйшіе грады всплывали изъ мрака,
 Градъ Кіевъ вставалъ въ новомъ видѣ своемъ,
 Самъ мѣръ богатырскій другой принялъ образъ...
 Титанъ Святогоръ былъ ужъ богатыремъ,
 Въ немъ сталъ проявляться духъ новый Самсона, —
 «У того въ головѣ блещать

«Семь волосовъ ангельскихъ;» ¹⁸⁾

Степной Кольванъ, какъ и въ прежніе дни,
 Бродилъ по степямъ; но чудесный князь Вольга
 Искалъ ужъ себѣ господина; они
 Изъ силы бродячей вступаютъ въ дружину;
 Древнѣйшій Сухманъ, дивъ стихійный, — и тотъ
 Давно принялъ образъ и видъ человѣка;
 Онъ бродитъ еще по лѣсамъ, онъ ведетъ
 По заводямъ тихимъ войну съ вражьей силой;
 Но также — стрѣляетъ гусей, лебедей,
 Владиміру-князю.

Не онъ ли, быть можетъ,
 Какъ сынъ бога-Солнца, занесъ къ намъ въ страну,
 Въ лѣса первобытные наши, служенье
 И богу-Агни, что въ Литвѣ встарину
 Горѣлъ очень долго, подъ именемъ Знича?

Сухманъ весь израненъ; но что ему въ томъ!
 Нѣтъ мѣста живаго на немъ; но Сухману
 Все, видно, здорово. Онъ только молчкомъ
 Изъ раночки вынетъ каленую стрѣлку,
 Приложить къ ней маковый алый листокъ,
 И снова онъ бродитъ съ тяжелой дубиной;
 Глядитъ, не мутится-ль въ Днѣпрѣ гдѣ песокъ,

Въ брегахъ не мельчаютъ ли быстрыя воды, —
Идутъ враги, значить. Не то, такъ къ нему
Бѣгутъ сами рѣки: «вставай, богатырь нашъ,
Нѣтъ больше проѣзда чрезъ насъ никому;
Какъ туча за тучей, — орда за ордою...»
Но будь ихъ и больше, — ему все равно!

«Не честь, не хвала молодецкая,
«Не отвѣдать силы татарскія,
«Татарскія силы невѣрныя;»

Какъ будто судьбами ему суждено, —
«Свою дубинку-вязиночку,
«А въ той дубинѣ девяносто пудъ,
«Расщепать ее на мелки щепы;»

А послѣ, разлить я рѣкою кровавою:

«Потеки Сухманъ-рѣка,
«Отъ моя крови отъ горючія,
«Отъ горючія крови отъ напрасныя»¹⁹⁾.

Въ землѣ Новгородской, на главномъ посалствѣ.

Сидитъ уже хитрый, угрюмый Буслай
Буслаевичъ; строго онъ держитъ порядокъ
Въ своемъ новомъ городѣ; Сѣверный край,
Замѣтно, ужъ чуетъ ярмо его власти;
Но въ городѣ славномъ, какъ соколъ молодой,
Ему подростаетъ сынонь и преемникъ,
Грядущій вождь этой дружины морской,
Что долго гуляла по рѣчишкамъ быстрымъ,
По заводамъ тихимъ, стрѣляла гусей
И уточекъ сѣрыхъ, — тотъ Васька Буслаичъ.
Что знать не хотѣлъ и не зналъ ни властей,
Ни грозныхъ законовъ, ни родственныхъ связей,
Ни храмовъ Господнихъ, ни вѣщей судьбы,
А зналъ только Васька широкую волю.
Искалъ лишь добычи, удадой гульбы, —
Иль быть атаманомъ, или сломить шею!
И точно, недолго ее онъ сносить, —
Запнулся онъ гдѣ-то о бѣль-горючь камень,
И тутъ же и голову Васька сложилъ;
По сказу другихъ же, его поглотила

Пасть тысячеглазой Пучины морской, —
И сгинулъ онъ, Васька, съ поры той навѣки ²⁰).

Въ Новгородѣ могъ также этой порой
Явиться и славный Садко. Онъ задумалъ
Однажды хвалиться своею казной, —
Затѣялъ скупить весь товаръ Новгородскій.
Скупалъ онъ, скупалъ, а товаръ все растеть;
Лишь тутъ Садко понялъ, что какъ ни богатъ онъ,
Но первый на свѣтѣ богачь — мѣръ-народъ.
Възжалъ онъ съ товаромъ своимъ и по Волгѣ,
Привезъ разъ Ильмену отъ Волги поклонъ;
За это Ильмень, богатырь Новгородскій,
Дарилъ его рыбой, — и сдѣлался онъ
Еще тутъ богаче ²¹).

Но все не смолкала

Усобицъ гроза, истребляя въ конецъ
Мѣръ древній славянскій. Родное Поморье, —
Древнѣйшій народный оракулъ, вѣнецъ
Торговли его, — было полно смятенья.
Недобрыя вѣсти оттуда текли
По цѣлому краю; раздоры мертвили
Послѣднія силы славянской земли.
Былой богатырскій мѣръ всюду кончался,
Сварогово царство, — мѣръ древнихъ боговъ
И рощей священныхъ, съ глухимъ трескомъ падалъ,
Подъ тяжелой сѣкирой сильнѣйшихъ враговъ,
Вносившихъ, — не древнюю вѣру Одина,
А новаго Бога. Изъ странъ Южныхъ шли
Къ Мивулѣ какіе-то чудные люди,
И въ край его, все еще темный, несли
Со свѣтомъ духъ новый.

Какъ въ древнее время,

Когда Селянинычъ впервые вступалъ
Съ своимъ славнымъ родомъ въ край этотъ Полночный,
Тогда ему чуждый, — какъ онъ очищаль
Въ то время край этотъ отъ дивовъ старинныхъ;
Такъ точно теперь въ этомъ краѣ родномъ,
Другой богатырь шель, — шель богатырь новый,

А можетъ, и прежній, но въ видѣ иномъ, —
 И край очищаль онъ отъ дивовъ и чудищъ
 Язычества: былъ то Егорій святой,
 Въ то время Микулѣ еще неизвѣстный;
 Устраивалъ онъ, свѣтъ-Егорій благой,
 Край русскій къ принятію вѣры Христовой.

«Пріѣзжалъ онъ къ лѣсамъ темнымъ:

«Ой же вы, лѣса, лѣса темные!
 «Полноте-ка врагу вѣровать,
 «Вѣруйте-ка въ Господа распятаго,
 «Въ самага Егорія-свѣта храбраго.
 «Я изъ васъ, лѣса, буду строиться,
 «Строить буду церкви соборныя, богомольныя.

«Ой вы, горы, горы высокія!

«Полноте-ка врагу вѣровать,
 «Я на васъ буду спускаться,
 «Буду строить церкви соборныя, богомольныя,
 «Гой еси вы, волки сѣрые!
 «Разойдитесь по всему свѣту по бѣлому,
 «По два, по четыре и поединому,
 «Пейте, ѣште посушеное и благословенное».

«Ахъ вы, пастухи, — красныя дѣвицы,

«Мои вы родныя сестрицы!
 «Вы змѣинаго духа нахватились,
 «И на васъ тѣло, какъ дубовая кора:
 «Вы сходите въ Іорданъ рѣку, и скупайтесь» *)).

Таинственный сумракъ старинныхъ временъ
 Повсюду рѣдѣлъ; а міръ новый, свѣтавшій,
 Склонился къ единству. Духъ русскихъ племенъ,
 Издревле торговый, и онъ самъ, Микула,
 Желали нить прежнихъ союзовъ связать
 Въ одно государство. Самъ духъ богатырскій
 Ихъ витязей главныхъ, уставъ воевать
 Съ врагомъ въ одиночку или служить порознь
 Царямъ чужеземнымъ, искалъ своего
 Народнаго князя, — вождя ихъ дружинамъ,
 Иль краснаго Солнца, вокругъ бы кого
 Имъ всѣмъ, молодцамъ, было можно собраться.

Микула, каеъ главный начальникъ, глава
 Славянскаго рода, ясиѣ всѣхъ видѣль,
 Что общая рознь, разрушая права
 И силы народныя, прямо стремится
 Къ народной погибели. Онъ понималъ
 Безсиліе Ваны дать краю единство;
 Какъ онъ самъ, и край весь разумно желалъ,—
 Призвать изъ потомковъ богатыря Роса,
 Славнѣйшаго въ дни эги богатыря,
 Достойнаго князя. Впервые блеснула
 Тогда на Полночи дней новыхъ заря,
 И край сталъ слагаться въ одно государство;
 Межъ тѣмъ, какъ ужасная буря кругомъ
 Крушила еще остальной міръ славянскій,—
 Тотъ міръ, что поднесъ, при всемъ рвеніи своемъ,
 Не можетъ подняться изъ груды обломковъ.

Вручивъ этимъ первымъ верховнымъ князьямъ
 Правленье надъ юной страной, Микула
 Вручилъ и отвѣтственность имъ, какъ вождямъ
 Дальнѣйшихъ судебъ ея ²³⁾; но—этимъ подвигомъ
 Его не кончался. Онъ долженъ же былъ
 Странѣ сохранить и богатырей древнихъ,
 Которыхъ привелъ онъ, съ кѣмъ долго такъ жилъ,
 Чьихъ образовъ полонъ былъ весь міръ народный.
 Его свѣтлый Вырій давно запусѣлъ,
 И самъ Святovitъ умолкалъ на Поморьѣ;
 Дѣйствительный міръ съ каждымъ годомъ скудѣлъ
 Семей богатырской; но духъ его прежній
 И образы славныя богатырей,—
 Они были живы,—они, какъ и прежде,
 Разсѣяны были, по мнѣнію людей,
 По всей землѣ русской; ихъ надобно было
 Собрать только вмѣстѣ, найти иль создать
 Для нихъ новый Вырій, дать градъ имъ престольный,
 И этотъ славянскій Астардъ поддержать
 Всею древнею русской и новою славой.

Они знали сами, что вѣкъ ихъ прошелъ
 Иль быстро проходить. Въ свѣтающемъ свѣтѣ

Была ихъ погибель. Кто могъ, приобрѣлъ
 Себѣ домовище; другіе жъ, какъ прежде,
 Въ воздушныхъ своихъ уплывали ладьяхъ
 Въ міръ древняго Рода, отколь нѣтъ возврата,
 Или исчезали въ далекихъ странахъ,
 Не винувши даже именъ ихъ на память.
 Микула не разъ, можетъ, ихъ провожалъ
 Своими глазами; но рано иль поздно,
 И онъ самъ, Микула, о нихъ забывалъ;
 Тѣмъ ярче вставали предъ нимъ остальные,
 И ждали приюта.... Куда-жъ ихъ дѣвать?
 Куда помѣстить ихъ средь новаго міра?

И, можетъ быть, долго пришлось бы имъ ждать,
 И долго жить въ дымной избѣ у Микулы;
 Но вотъ возсіалъ изъ пучины вѣковъ
 Престольный градъ Кіевъ,—глава, средоточье
 Святой земли русской, жилище боговъ
 Старинныхъ Микулы и вѣщій свѣтильникъ
 Его вѣры новой. Здѣсь весело жилъ
 Князь ласковый, добрый къ народу, Владиміръ;
 Сюда устремился приливъ лучшихъ силъ
 Здѣсь стала златая среда земли Русской,
 Дворъ князя открылся для всякихъ людей,
 Молва про хлѣбъ-соль и пиры его князья
 Гремѣла по краю; удачей своей,
 Привѣтомъ и лаской онъ всѣмъ сталъ любезенъ,
 Народу казался благимъ божествомъ...
 Какъ древній Сварогъ, онъ былъ мирно-спокоенъ,
 Весь край любовался его торжествомъ,
 Онъ былъ князь народный. Какъ красное солнце,
 Блестащій Дажьдъ богъ, онъ на всѣхъ изливалъ
 Дары свои щедрые, свѣтъ благодатный.
 Какъ богъ Святovitъ, онъ страну охранялъ
 Своею блестящей, отборной дружиной.
 Всѣ съ теплымъ усердьемъ служили ему;
 Ни въ чемъ онъ, князь вѣщій, не зналъ неудачи,
 Весь край былъ доволенъ,—ему одному
 Обязанный славой своей и покоемъ.

*

Микула могъ смѣло сдвигать, раздвигать
 Вѣкъ этотъ широкій, почти баснословный;
 Онъ могъ постепенно въ его кругъ собрать
 И міръ богатырскій, и дивовъ стихійныхъ,
 И витязей новыхъ позднѣйшихъ временъ.
 Микула такъ точно и сдѣлалъ. Градъ Кіевъ
 Сталъ Выріемъ новымъ; сюда собралъ онъ
 И самыхъ старѣйшихъ богатырей древнихъ,
 И витазей младшихъ; а славный тотъ вѣкъ
 Отважно раздвинулъ до тмы первобытной;
 Тутъ были, и витазь—вполнѣ человекъ,
 И дивъ-богатырь, и дивъ древній стихійный;
 Самъ князь принялъ образъ благой божества;
 Его окружаетъ дружина титановъ,
 Его дни текутъ посреди торжества;
 Но тутъ же видна и сословная распря;
 Странѣ угрожаетъ татарскій погромъ,
 Самъ Кіевъ-градъ смѣшанъ въ послѣдствіи съ Москвою ²⁴).

Микула, замѣтно, здѣсь—въ мірѣ своемъ;
 Одинъ только образъ былой изумляетъ
 Отсутствіемъ своимъ въ семьѣ этой родной,
 Блистательный образъ и самый дрезвнѣйшій—

Богатыря древне-русскаго,
 Ивана Царевича;

Его уже нѣтъ, —ни въ кругу богатырскомъ,
 Ни въ Кіевѣ стольномъ. Но онъ и не могъ
 Имѣть теперь мѣста въ устроенномъ мірѣ;
 Тотъ вѣкъ переходный, бродячій истекъ;
 Онъ самъ теперь долженъ во всемъ измѣниться,
 Иль вновь измѣнить свой характеръ былой,
 Чтобъ стать въ средѣ новой. Онъ могъ быть отнынѣ
 Владиміромъ княземъ, онъ могъ быть Ильей,
 Добрынею, Вольгой Всеславичемъ вѣщимъ;
 Но лишь не безличнымъ вонтедемъ тѣмъ,
 Что въ древнее время считался по краю.

Но все-жь онъ не могъ такъ остаться, ничѣмъ;
 А долженъ явиться былъ въ образѣ новомъ ²⁵).

Въ какой же вновь образъ Микула облекъ
Его прежній образъ, съ нимъ бывший повсюду?
Какое онъ имя отнынѣ нарекъ
Ему, полубогу, въ странѣ своей новой?
По княжему роду, онъ княземъ могъ быть;
Но какъ представитель всегда мѣръ-народа,
Онъ долженъ былъ прежде всего сохранить
Народный характеръ и духъ свой народный.

Таковъ и является старый Илья,
Прямой представитель во всемъ мѣръ-народа.
Его вѣщей силы давно ждетъ земля;
Онъ только одинъ изъ богатырей новыхъ
Вмѣстилъ тяготу силъ стихійныхъ въ себѣ
И вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ ужъ нравственной силы:
Не вѣрять примѣтамъ, ни древней судьбѣ,
А вѣрять въ свою лишь да въ Божию силу.

Илья,—богатырь христіанскихъ временъ,
Но въ немъ цѣльный образъ еще силъ минувшихъ;
Онъ дивъ самый древній, но онъ окруженъ
И самъ въ душѣ полонъ зарей православья;
Въ Ильѣ предъ Микулою ярко блеститъ
И Вырій старинный, и свѣтъ христіанскій;—
Тѣмъ больше Микула Ильей дорожитъ,—
Илья,—богатырь его древній и новый.

Илья,—воплощенный вновь образъ боговъ,—
Онъ тотъ же богъ Вишну и Индра-Громовникъ,
Онъ богъ, воплощавшійся съ древнихъ вѣковъ
На помощь людей, и опять къ нимъ пришедшій
За этимъ на землю. Съ сомнѣньемъ глядитъ
На новый порядокъ онъ, новыя власти;
Народъ въ немъ нуждается, и онъ спѣшитъ
Его оградить отъ тяжелыхъ стѣсненій.
Но край еще долго его долженъ ждать;
Градъ Кіевъ ужъ полонъ богатырей древнихъ
И витязей новыхъ; ихъ тамъ не искать:
Они съ первобытныхъ временъ окружаютъ
Свѣтъ красное Солнце; но старый Илья,
Онъ долженъ сначала еще возродиться,

Къ нему не готова родная земля,
И онъ самъ, Илья, не созрѣлъ для народа.

Одинъ мѣръ уходитъ, другой идетъ вслѣдъ;
Вездѣ происходитъ тяжелая ломка,
Въ народъ не проникнулъ еще новый свѣтъ,
Народъ еще долго все будетъ язычникъ.

И вотъ почему Илья сиднемъ сидѣлъ,
Какъ русскій народъ нашъ сидитъ и понынѣ!
Чего-жь себѣ ждалъ онъ? Зачѣмъ не хотѣлъ
Онъ дѣла?... Понятно, онъ ждалъ себѣ силы.

Откуда же сила народу придетъ?
Откуда прійти ей, когда не отъ свѣта!
Такъ вотъ, какъ давно чуялъ русскій народъ,
Что свѣтъ—отецъ силы, и въ немъ его сила.

Сидѣлъ Илья сиднемъ, какъ дивъ Святогоръ
Лежалъ,—отъ избытка вещественной силы,
Иль онъ на молитвѣ усердной протеръ
Колѣнами эту глубокую яму,
Откуда виднѣлась одна борода;
Но онъ сперва полонъ былъ грубой лишь силы,
Какъ край нашъ понынѣ,—и онъ никогда,
Возставъ въ этомъ видѣ, не могъ принести пользы.
Онъ былъ, возрождавшійся только, титанъ,
Живой еще образъ титановъ стихійныхъ;
Возстанъ онъ,—весь край бы потрясъ ураганъ,
А это и было противно Микулѣ.

Подняться былъ долженъ могучій Илья
Не силой стихійной, но силою высшей,
Чтобъ имъ утвердилась родная земля;
И онъ поджидалъ, терпѣливый нашъ сидѣнь,
Святой этой силы. Илья понималъ,
Что онъ одинъ только, какъ образъ народный,
Кого онъ собою, Илья, выражалъ, —
Лишь онъ могъ очистить страну отъ тѣхъ чудищъ
И дивовъ, что въ ней заложили пути;
Не могъ въ томъ успѣть безъ него ни Владиміръ,
Ни Кіевъ: другаго Ильи не найти;
Одинъ могъ Илья сослужить эту службу,

И онъ-себѣ, ждалъ, чтобъ его подняла
 Та высшая сила, что онъ видѣлъ всюду;
 Одна эта высшая сила могла,
 Поднявши, дать образъ ему человѣка.

И вотъ она, Божія сила, стучитъ
 Въ окно у Ильи, и велитъ подниматься;
 То былъ ли Христосъ, или богъ Святovitъ,
 Иль боги иные; но, вѣрно, имъ было
 Извѣстно, что въ тайныхъ подвалахъ хранить
 Илья запасъ браги, которой испивши,
 Народы встаютъ, новой жизнью полны;
 А если въ тайникъ тотъ спуститься поглубже,
 Пожалуй, что хватить для цѣлой страны
 Живой этой браги,—еще и сосѣдямъ.
 Они шлютъ за брагой его самага;
 Когда же онъ выпилъ живой этой силы,
 Еще убавляютъ часть силъ у него,
 Чтобъ онъ у родимой страны не нарушилъ
 Ея равновѣсья. Оставивъ потомъ
 Ильѣ богатырскую только лишь силу,
 Они объясняютъ ему,—гдѣ и въ чемъ
 Его будетъ служба землѣ и народу:

«Богъ тя благословитъ, Илья Муромецъ,

«Силой своей,—

«Такъ и стой за вѣру христіанскую,

«И за домъ Пресвятыя Богородицы:

«На бою тебѣ смерть не писана.

«Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ,

«И со всею паленицею удалою;

«А только не выходи драться

«Со Святогоромъ богатыремъ:

«Его и земля на себѣ черезъ силу носить;

«Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:

«У него въ головѣ семь власовъ ангельскихъ;

«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:

«Его любить матушка сыра земля;

«Не ходи еще на Вольгу Сеславича:

«Онъ не силою возьметъ,

«Такъ хитростью, мудростью». 26).

Нашелся Илейкѣ и конь богатырскій.

Конь первымъ былъ другомъ у богатырей;
У Юка, Добрыни, Ильи, у Чурилы,
Ихъ вѣще кони, породой своей,
Равнялись чудесной кобылкѣ Микулы,
И были ей дѣти. Конь Дюка ему
Однажды промолвилъ: «хоть я не старѣйшій,
«Но мы не уступимъ въ бою никому;
«Мой большой братъ у Ильи Муромца,
«А середній братъ у Добрыни Никитича,
«А я, третій братъ, у Дюка Степановича,
«А четвертый ужь братъ у Чурилы Опленкова.»

Такой конь летѣлъ въ одинъ скокъ черезъ рѣку,
А длиннымъ хвостомъ устилалъ круты горы;
Въ обычаѣ было тогда сѣдоку
Имѣть комъ земли при себѣ, чтобъ держаться.
Илья отъ заутренъ заразъ поспѣвалъ
Изъ Муромъ въ стольный градъ Кіевъ къ обѣднѣ;
Конь Дюка въ конюшнѣ безъ дѣла стоялъ,
И вросъ по колѣни отъ этого въ землю.
Узнать и подмѣтить по конскимъ слѣдамъ,
По ихъ *ископѣти* слѣды вражьей силы,
Чтобъ какъ не попасть бы въ засаду врагамъ,
Считалось у витязей первымъ ихъ дѣломъ.
Конь чувствовалъ также сродство и вражду:
Съ своимъ онъ конемъ становился спокойно
И ѣлъ съ нимъ пшеницу; но чуть на бѣду
Встрѣчались враждебные кони, тотчасъ же
Дрались они, грызлись.

Илья по утрамъ

Коня обмываетъ медвяной росой,
Даетъ нагуляться ему по лугамъ,
Поить лишь росой, и кормить пшеницей.

Потомъ доставалъ Илья мечъ боевой.
Мечу поклонялися скифы, какъ богу;
У сына Гервары былъ мечъ роковой,—
Мечъ этотъ сковали подземные Карлы;

И онъ тогда только влагался въ ножны,
 Когда обогреть былъ онъ вражеской кровью;
 Мечъ грозный Одина, рѣшитель войны,
 Былъ скрытъ въ крѣпкомъ дубѣ. Старинный нашъ Муромъ
 Имѣлъ мечъ Агрики; мечемъ тѣмъ сражень
 Змѣй-оборотень, прилетавшій къ супругѣ
 Княжившаго князя. Съ древнѣйшихъ временъ
 Тотъ мечъ былъ заложенъ въ постройкѣ соборной;
 Сперва его добылъ изъ богатырей —
 Добрыня, подъ мертвой главой великана,
 Какъ юный Сигурдъ у Фафнира; позднѣй
 Явился онъ въ муромскомъ древнемъ соборѣ.

Но менѣе надобны были Ильѣ
 Звѣнищій колчанъ и булатныя стрѣлы;
 А стрѣлы иныя въ славянской землѣ
 Цѣнились дороже всѣхъ въ мѣрѣ сокровищъ.
 Такъ Дюкъ имѣлъ нѣсколько эдакихъ стрѣлъ;
 Въ ушахъ каждой стрѣлки сіялъ дивный камень,
 Тиронъ-самоцвѣтный; тотъ камень горѣлъ
 Въ ночной тѣмѣ, какъ свѣчка; а клеены были
 Чудесныя стрѣлки орлинымъ перомъ;
 Ронялъ эти перья орелъ въ сине-море;
 Стрѣлялъ Дюкъ такими стрѣлами лишь днемъ,
 А ночью собиралъ ихъ по чистому полю;
 «А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять,
 «Свѣчи теплятся воску яраго».

Сковаль себѣ стрѣлы и старый Илья;
 Сковаль три стрѣлы онъ изъ полосъ булатныхъ,
 Потомъ закалилъ ихъ въ землѣ, чтобъ земля
 Стрѣламъ придала свою мощную силу ²⁷⁾.

Береть у отца и у матери онъ
 Ихъ благословенье, во вѣкъ нерушимо;
 Справляетъ имъ въ ноги сыновній поклонъ,
 Владеть передъ ними онъ заповѣдъ крѣпкую,
 Защитникомъ быть сирыхъ вдовъ и сиротъ,
 Меча не кровавить въ крови свѣтло-русской,
 Стоять за родимый свой, кровный народъ.
 Служить вѣрой правдой Владиміру князю.

Но прежде, въ долгу чтобъ не быть у отца,
Онъ править крестьянскія въ полѣ работы, —
Онъ чиститъ чищобу, валитъ безъ конца
Столѣтніе дубы, сдвигаетъ внизъ гору
И ей запружаетъ теченье Оки.

Дивуются люди Илейкиной силѣ:
Покорны земля ей и воды рѣки;
Ничто стать не можетъ противъ его силы.

Затѣмъ, оставляетъ Илья отчій домъ.

Всѣ видѣли, какъ на коня онъ садился,
Никто не видалъ, какъ исчезъ онъ съ конемъ.

Взвился подъ Илейкою вонь богатырскій, —
«Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ,
«Въ другой скочилъ, — володезь сталъ».

«Громовникъ-Перунъ!..» мѣръ-народъ вслѣдъ кричить;
«Илья самъ пророкъ!..» вслѣдъ кричитъ мѣръ крещеный.

Еще мѣръ двоятся, — однимъ ужъ блеститъ
Свѣтъ новый; другіе живутъ въ мѣрѣ прежнемъ.

Ильинъ же роднивь и понынѣ стоитъ;
И слышно, къ нему и теперь медвѣдь ходитъ,
Испить въ немъ водицы, чтобъ силы набрать
Себѣ богатырской.

Но мощный Илейка

Путь держитъ не въ Кіевъ, — себя показать
Свѣтъ-Солнышну князю, богатырямъ старшимъ;
А ѣдетъ онъ прежде въ глубь темныхъ лѣсовъ,
Всего прежде ищетъ онъ подвиговъ славныхъ.
При всей своей силѣ, Илья не готовъ
Предстать еще къ князю, не въ правѣ явиться
Въ кругу богатырскомъ. Призванье его, —
Очистить край русскій, отъ древнихъ чудовищъ
И дивовъ стихійныхъ; онъ прежде всего
Желааетъ прославить себя этой службой.

Какъ прежній титанъ, онъ вѣзжаетъ въ глубь горъ,
Не въ древнее-ль царство роднаго Водана?
Еще тамъ живетъ древній дивъ Святогоръ,
Какъ видно, братъ кровный иль родственникъ близкій
Тому великану Полуночныхъ странъ,

Въ чьей варишкѣ. — въ пальцѣ, — провелъ ночь однажды
 Богъ Торъ, — такъ великъ былъ съдой великанъ *)!
 Заѣхалъ Илейка въ туманное царство
 Водана, и слышитъ, —

«Великій шумъ съ подь Сѣверныя сторонушки:

«Мать сыра-земля колыбается,

«Темны лѣсушки шатаются,

«Рѣки изъ крутыхъ береговъ раливаются.

«Влѣзалъ Илья на сырой дубъ,

«Видитъ: ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,

«Головой упираетъ подь облаку ходячую,

«На плечахъ везетъ хрустальный ларецъ».

«Пріѣхалъ богатырь къ сыру-дубу,

«Снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ,

«Отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ;

«Выходитъ оттоль жена богатырская;

«Такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ

«Не видано и не слыхано...»

Большой богатырь тотъ и былъ Святогоръ,
 Холодный и бурный титанъ Полуночи;
 Но онъ съ собой возитъ, дивъ сѣверныхъ горъ,
 Онъ возитъ хрустальный ларецъ за плечами.
 Когда отомнетъ онъ ключемъ золотымъ
 Ларецъ этотъ чудный, оттуда выходитъ,
 Сіяя нарядомъ своимъ дорогимъ,
 И всѣхъ поражая своей красотюю,
 Его молодая подруга-жена,
 Красивѣй кого нѣтъ во всемъ бѣломъ свѣтѣ, —
 Красавица наша родная, Весна,
 Кого нѣтъ прекраснѣй подь сѣвернымъ небомъ.

Судя по былинамъ, могучій Илья
 Здѣсь пробылъ не мало, и пробылъ неспрардно.
 Едва распалилася жаромъ земля,
 Мани его въ полныя страстью объятя,
 Морозный дивъ въ бѣломъ шатрѣ захрапѣлъ,
 И въ сонъ погрузился на дѣлое дѣто.

*) Скритиръ — детанъ Зимы у скандинавовъ.

Илья насладиться любовью успѣлъ
 Съ красавицей вдоволь... Но вотъ, дивъ проснулся;
 Илья не успѣлъ и глазами моргнуть,
 Какъ онъ собрался ужъ, замкнулъ лапѣць свѣтлый,
 Запрягавъ жену, и отправился въ путь.

Какъ Торъ ночевалъ разъ въ перчаткѣ Скритира,
 Такъ точно Илья нашъ попался въ карманъ
 Къ Полночному диву, и три дня съ нимъ ѣздилъ,
 Пока не узналъ отъ коня великанъ,
 Кого съ собой возить. Тогда Святогоръ-дивъ
 Съ Илейю побратался, и назвалъ его
 Своимъ младшимъ братомъ, себя назвалъ старшимъ,
 Жену умертвилъ, — и сталъ послѣ того
 Илью учить разнымъ похваткамъ, поѣздкамъ
 Своимъ богатырскимъ; повуда Илья
 Совсѣмъ богатырь сталъ, какъ есть, настоящій,
 Какимъ и признала его вся земля,
 Земля свѣтло-русская.

Но древній вѣкъ

И мѣръ Святогора-титана кончались;
 Свѣталъ новый день, и живой человекъ
 Смѣнялъ исполиновъ и дивовъ стихійныхъ.

Поѣхали разъ Святогоръ-дивъ съ Илейю,
 И встрѣтили гробъ, а на гробъ томъ надпись:
 «Кому суждено въ гробу лежать,
 «Тотъ въ немъ и ляжетъ».

Сперва легъ Илейка, — но гробъ былъ большой,
 По немъ не пришелся; тогда растянулся
 Титанъ Святогоръ, — гробъ пришелся по немъ.
 Велѣлъ онъ Илейкѣ накрыть себя крышкой, —
 Илья накрылъ крышкой; но сколько потомъ
 Илейка ни бился, не могъ ее сдвинуть;
 Такъ дивъ-Святогоръ въ домовищѣ съ тѣхъ поръ,
 Такъ въ немъ и остался.

«Возьми, мой меньшой братъ,
 Мой мечъ-кладенецъ, закричалъ Святогоръ,
 Ударь поперегъ имъ по крышкѣ». — Но старый

Илья былъ не въ силахъ его мечъ поднять;
 Тогда приказалъ онъ Ильѣ наклониться,
 А самъ дохнулъ въ щолку, чтобы передать
 Ему часть гигантской своей, страшной силы.
 Почуялъ Илейка, что силушки въ немъ
 Вдругъ прибыло втрое; тотчасъ поднялъ мечъ онъ,
 И съ маху ударилъ по крышкѣ, — кругомъ
 Посыпались искры; но гдѣ онъ ударилъ,
 То мѣсто желѣзной слилось полосой.
 «Совсѣмъ задыхаюсь, изъ гроба воскликнулъ
 Ильѣ Святогорь-дивъ, спаси, братъ меньшей!»
 Илейко въ другой разъ ударилъ по крышкѣ,
 Посыпались искры, — но гробъ полосой
 Еще разъ, вкрестъ на крестъ, покрылся желѣзной.

«Нагнись къ домовищу! изъ гроба сказалъ
 Ильѣ Святогоръ. Всю отдамъ тебѣ силу».
 — Съ меня будетъ силы! — Илья отвѣчалъ,
 Не то и земля не снесетъ.» — Ну, и ладно,
 Что ты не послушалъ меня, братъ меньшей;
 Дохнулъ бы теперь я въ тебя мертвымъ духомъ,
 Ты здѣсь же и легъ бы. Прощай, Богъ съ тобой! —
 Илейкѣ изъ гроба титанъ отозвался.
 Владѣй моимъ славнымъ мечемъ-кладенцомъ,
 Коня-жь привяжи здѣсь, ко гробу». Тутъ хлынулъ
 Изъ гроба духъ мертвый. Простая съ мертвецомъ,
 Илейка коня привязалъ къ домовищу,
 Взялъ мечъ-кладенецъ, и поѣхалъ искать
 Дѣлъ, подвиговъ ратныхъ, по бѣлому свѣту.

Такъ древній титанъ нашъ успѣлъ передать
 Ильѣ часть немалую силы стихійной.
 Но въ мнѣньи страны, съ этой силой одной
 Илья и остался бы только титаномъ,
 Когда бы, — какъ нравственный сидѣнь былой,
 Онъ не былъ бы на ноги поднять, той высшей,
 Чудесною силой.

Поѣхалъ Илья

Теперь, отсель прямо къ престольному граду.
 Открыта Илейкѣ вся Божья земля,

Путь каждый Илейкѣ теперь прямоѣзжій.

Онѣ ѣдетъ, Илья нашъ, —

«Старшіе богатыри дивуются;

«Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца...

«У него поѣздка молодецкая,

«Вся поступочка богатырская».

Они съ облаковъ

Любуются старымъ Ильей, иль изъ бездны
Воздушнаго моря? Съ древнѣйшихъ вѣковъ,
Какъ видно, они про Илейку ужъ знаютъ,
И онѣ самъ, народный нашъ сидѣнь Илья,
Про нихъ также знаетъ? Но такъ и должно быть!

Вся кровная эта Микулы семья,

Вся вышла она изъ древнѣйшаго міра,

Изъ той отдаленной еще старины,

Когда и титаны, и боги, и люди,

Еще жили вмѣстѣ, средь вѣчной весны,

И въ вѣчной борьбѣ, за тотъ міръ первобытный.

Міръ этотъ, откуда старинный Илья

Вначалѣ явился, и князь самъ Владиміръ,

Живущій средь чудищъ, и эта семья

Его богатырская, только по виду

Еще молодая, и эта земля,

Гдѣ стражу содержать, на крѣпкихъ заставахъ,

Еще волки, змѣи, а дивы вьшатъ

По всѣмъ закоулкамъ, вездѣ залегая

Пути и дороги, и самъ Кіевъ-градъ,

Куда невозможно пройти иль пробѣхать

Путемъ прямоѣзжимъ, и этотъ Илья,

Чудовищный сидѣнь, что могъ своротить бы

Одинъ землю цѣлую, выпивъ питья,

Что дали ему вѣковѣчные боги, —

Все это не міръ ли, еще намъ чужой,

Не тотъ ли міръ древній, что даже остался

Далеко въ туманѣ за старымъ Ильей,

Съ тѣхъ поръ, какъ явился онѣ въ міръ настоящій,

И сталъ человекомъ и богатыремъ,

Вступивши въ дружину великаго князя?..

Да онъ и самъ помнить о мѣрѣ иномъ,
 О мѣрѣ древнѣйшемъ еще, исполинскомъ,
 Гдѣ онъ живаль прежде, чѣмъ это питье
 Воздвигнуло къ жизни его настоящей.
 Онъ помнить другое еще бытіе,
 Когда обладалъ онъ и силой нездѣшной, —
 Стихійною силой иль силой иной,
 Но силой гигантскою, страшно-могучей.
 Той силы не вынесъ бы мѣръ нашъ живой,
 И онъ съ ней сталъ сиднемъ, подавленный страшной
 Ея тяготою.

Онъ помнилъ тогда

Себя даже въ разныхъ мѣстахъ отдаленныхъ,
 Гдѣ онъ не бываль ужъ потомъ никогда,
 О чемъ онъ оставилъ немало преданій
 И сказокъ въ народѣ. Не той ли порой
 Онъ прижилъ съ какой-то Горыничкой сына?
 Не той ли порой онъ живаль съ старшиной
 Таинственныхъ дивовъ, на дивской планинѣ?
 Не той ли порой онъ, еще молодой,
 Учился на Сѣверѣ славнымъ похваткамъ
 Своимъ богатырскимъ?..

Свершить это онъ

Лишь могъ развѣ только въ начальную пору,
 Когда не сложился еще духъ племень
 Въ общественный мѣръ и потомъ въ мѣръ гражданства;
 Могло это быть лишь въ стихійный тотъ вѣкъ,
 Когда мѣръ былъ полонъ еще силъ бродячихъ,
 Когда горы, рѣки и самъ человекъ,
 И боги, блуждали изъ мѣста на мѣсто...
 Но духъ человекъ теперь начиналъ,
 По опыту, видѣть свое превосходство
 Надъ мертвой природой, что онъ оживлялъ
 Своимъ дѣтскимъ страхомъ и благоговѣньемъ
 Къ ея грознымъ силамъ. Онъ слышалъ въ себѣ
 Хотя еще смутно, но силу разумнѣй
 Ея слѣпыхъ силъ, и не разъ ужъ въ борьбѣ
 Одерживаль лично надъ ними побѣду;

Онъ ихъ перенесъ ужъ на богатырей,
 Сихъ главныхъ преемниковъ силы стихійной,
 Потомъ на славнѣйшихъ народныхъ вождей,
 Кого онъ считалъ, по ихъ высшей породѣ,
 Сынами, потомками высшихъ боговъ;
 Миръ образовъ мертвыхъ вступилъ незамѣтно
 Въ дѣйствительный миръ, и до новыхъ вѣковъ
 Потомъ оставался его достояньемъ ²⁸).

Наѣхалъ сначала Илья на притонъ
 Разбойниковъ. Съ крикомъ они окружили
 Его, старика; но не двинулся онъ,
 Пустилъ онъ стрѣлу только въ дубъ кряковястый, —
 И дубъ разлетѣлся на мелки щепы;
 Тогда въ мигъ смѣхнули, что къ нимъ за дѣтина,
 Въ притонъ ихъ наѣхалъ; и тѣже толпы
 Хлопъ въ ноги Ильѣ, и даютъ крѣпку запись
 Ему на холопство; даютъ ему въ даръ
 Коней, несутъ золото, платья цвѣтныя;
 Но онъ охлаждаетъ въ разбойникахъ жаръ
 Своимъ безкорыстнѣемъ, и лишь говоритъ имъ:

«Кабы мнѣ брать вашу золоту казну,
 «За мной бы рыли ямы глубокія;
 «Кабы мнѣ брать ваше цвѣтно платье,
 «За мной бы были горы высокія;
 «Кабы мнѣ брать вашихъ добрыхъ коней,
 «За мной бы гоняли табуны великіе».

Не хочетъ онъ ихъ и въ холопство принять,
 Велитъ онъ лишь ѣхать имъ въ чистое поле,
 Да только Чурилѣ о немъ рассказать, —

«Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
 «Про стараго казака Илью Муромца»...

А самъ отправляется тѣмъ же путемъ,
 Подъ городъ Черниговъ или городъ Смолыгинъ.
 Тамъ видить, что городъ обложенъ вругомъ
 Несчетною ратью; а держатъ осаду
 Три князя-царевича. Старый Илья
 И колетъ, и топчетъ конемъ вражья силы,

Береть въ плѣнъ князей. Но какъ это князья,
 Отъ царскаго сѣмени, то отпускаетъ
 Онъ ихъ во-свои, лишь только велитъ
 Вездѣ говорить имъ про Русскую землю, —
 «Что святая Русь не пуста стоитъ,
 «На святой Руси есть сильны, могучи богатыри»!

Спасенный Смолягинъ, что онъ защитилъ, —
 Къ нему мужиковъ шлетъ своихъ съ приглашеньемъ
 Къ себѣ въ воеводу; но онъ, старый, чтить
 Свой санъ богатырскій, онъ чтить его выше
 Другихъ всякихъ званій. Илья отказалъ,
 И тутъ же, спросивши, про путь въ столичный Кіевъ,
 Поѣхалъ туда; а Смольянамъ сказалъ,
 На ихъ предложеніе быть воеводой:

«Не дай Господи дѣлать съ барина холопа,
 «Съ барина холопа, съ холопа дворянина,
 «Дворянина съ холопа, изъ попа палача,
 «А также изъ богатыря воеводу».

Но путь прямоѣзжій въ градъ Кіевъ въ тѣ дни
 Еще былъ заложенъ какою-то страшной,
 Чудовищной силой, какъ видно, сродни
 Еще первобытному, древнему міру.
 Съ древнѣйшихъ временъ этотъ путь заложилъ
 Злой дивъ-Соловей. По народнымъ преданьямъ,
 То онъ исполнилъ сверхъестественныхъ силъ,
 Еще силъ стихійныхъ, — шипитъ онъ змѣю
 И рявкаетъ звѣремъ, сидитъ на дубахъ,
 Сражаетъ проѣзжихъ людей громкимъ свистомъ;
 То просто разбойникъ, — живетъ онъ въ лѣсахъ,
 Въ лѣсахъ темныхъ Брынскихъ, сидитъ на деревьяхъ;
 Его дѣти сходны другъ съ другомъ лицомъ,
 Живутъ на широкомъ дворѣ богатырскомъ,
 Въ огромныхъ палатахъ, но порознь съ отцомъ;
 Ихъ родъ составляетъ отдѣльное племя:

«Онъ сына-то выраститъ, за него дочь отдаетъ,
 «Дочь-то выраститъ, отдаетъ за сына,
 «Чтобъ Соловейкинъ родъ не переводился».

Дочь старшую наши сказанья зовутъ

Невеей, — одной изъ сестеръ-Лихорадокъ;
 Другія преданья ей мѣсто даютъ
 Въ числѣ перевощицъ, и образъ стихійный
 Смородины бурной; а сестры ея
 Извѣстны въ народѣ, какъ вѣщія дѣвы.
 Ихъ милые братцы и вмѣстѣ мужья,
 Летаютъ понынѣ еще вороньями
 Съ желѣзными клювами.

То Соловей —

Змѣй лютый; то — грозный Старѣйшина дивовъ;
 Такъ онъ и весь родъ его, — искони дней,
 Сливаются часто въ одинъ смутный образъ.

Въ томъ видѣ, слюбился дивъ этотъ лѣсной
 Съ какою-то царицей, бѣжавшей отъ мужа;
 Узналъ про связь эту ея сынъ родной,
 Младой Юванъ... Послѣ разныхъ предательствъ,
 Они изрубили на части его;
 Но онъ воскрешенъ былъ волшебницей-вилой,
 Убилъ сперва дива, — а послѣ того,
 И матеръ-злодѣйку суду предалъ Божью ²⁹).

Наѣхалъ Илья, по дорогѣ прямой, —
 Наѣхалъ Иль; на гнѣздо Соловейки,
 Вступилъ казакъ старый въ смертельный съ нимъ бой,
 Заразъ побѣдилъ, — и поѣхалъ съ нимъ въ Кіевъ,
 Сперва завернувъ къ Соловьевой семьѣ,
 Съ своею добычей.

Теперь ему время

Явиться въ свой кругъ богатырскій Ильѣ:
 Тотъ путь прямоѣзжіи Илейкой очищенъ,
 Злой дивъ-Соловей у Ильи въ полону,
 Его главный подвигъ предъ княземъ исполненъ,
 Его имя быстро обходить страну...
 И ѣдетъ Илья богатырь, — ѣдетъ прямо
 Онъ въ стольный градъ Кіевъ ³⁰).

ПѢСНЬ 6-я.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

„Всѣхъ я знаю русскихъ мо-
„гучихъ богатырей,
«Одного не знаю, — стараго ка-
зака Илью Муромца.
„Я слышалъ наслышкой человѣ-
ческой,
„Что у него на бою смерть не
писана“.

(Русск.: былины).

Всталъ на Руси благодатный вѣкъ, славный, —
Владимира-Солнца...

«Какъ Солнце красное по небу числется,
«Такъ онъ, ласковый Владиміръ князь,
«Среди богатырей своихъ, славныхъ витязей,
«Такъ онъ среди нихъ красуется».

Съ какихъ же временъ

Онъ, красное Солнце, красуется? Много
При немъ поколѣній исчезло, — племень
И царствъ народилось. Его окружаютъ
Титаны и дивы, но вѣкъ ихъ прошелъ;
Его окружаютъ и витязи-люди
Дней новыхъ. Подъ Кіевъ, гдѣ княжіи престоль,
Нерѣдко приходятъ враждебныя силы,
То чудищъ старинныхъ, то Польша съ Литвой,
То темныя орды силъ новыхъ, татарскихъ.

Замѣтно, что здѣсь нашъ Мивула родной

Весь кругъ собралъ древнихъ и новыхъ преданій.
 Владиміръ князь-Солнце гладитъ божествомъ,
 Блестящимъ свѣтиломъ, почти что безличнымъ;
 Какъ на небѣ солнце, такъ въ краѣ своемъ
 И онъ, князь, числется, -- только и надо!
 Онъ древній Сварогъ, онъ благой Святovitъ...
 Какъ богъ Святovitъ, онъ имѣетъ дружину;
 На этихъ дружинникахъ также блеститъ
 Печать дней минувшихъ; они — полубоги;
 У краснаго Солнца всегда для нихъ пиръ.
 Князья и бояре являются позже;
 Подобно жрецамъ, и они держатъ міръ
 Подальше отъ князя. Они ниже князя,
 Но выше народа; они ведутъ родъ
 Отъ древняго Неба, боговъ вѣковѣчныхъ.
 Такъ даже въ позднѣйшее время народъ
 Не хочетъ разстаться съ древнѣйшимъ правленьемъ
 Глубоко духовной своей старины, —
 И всякую власть и законъ облекаетъ
 Въ божественный образъ. Нашъ царь — богъ страны;
 А князи, бояре, — его только слуги.

Божественность эта правленья исполнѣ
 За нимъ утвердила могучую прочность;
 Она придала и властямъ, и странѣ,
 Семейный характеръ и патріархальность.
 Ошибка Микулы была лишь въ одномъ:
 Вручивши Владиміру, красному Солнцу,
 Вѣрховную власть во всемъ краѣ родномъ,
 Онъ самъ не упрочилъ при немъ себѣ мѣста, —
 И этимъ впоследствии себя отдѣлилъ
 Отъ высшихъ властей и отъ стольнаго князя.

Какъ двигатель вѣщій зиждательныхъ силъ
 Земли и народа, Микула селился
 Всегда не вблизи, а вдали городовъ,
 Служившихъ лишь противъ враждебныхъ нашествій;
 Родной міръ Микулы сначала вѣбовъ
 Былъ міръ полей значныхъ; здѣсь былъ онъ хозяинъ.
 Князь стольный — Владиміръ, изъ свѣтлыхъ палатъ

Престольнаго града, не могъ уже видѣть
Его, Селянинича, — хотъ бы и радъ
Князь былъ его видѣть; не могъ издали онъ,
И знать обыденныя нужды его,
Хотя и желалъ бы помочь его нуждамъ.

Такъ жилъ Селяниничъ и прежде того;
Но прежде онъ въ край своемъ былъ старѣйшимъ,
Главою народнымъ. Хотя Святovitъ
И принялъ впоследствии главенство надъ краемъ,
А каста жрецовъ получила ужъ видъ
Правителей главныхъ въ совѣтѣ народномъ;
Но онъ оставался все тѣмъ же главой
Въ своемъ древнемъ родѣ, и тѣмъ же старѣйшимъ
Вождемъ мѣръ-народа. Жрецы той порой
Всѣ были сынами его же, Микулы,
А духъ прорицаній и голосъ святой
Его вѣщей Ваны, — былъ гласомъ народнымъ.
Князь красное Солнце, богъ позднихъ людей,
Себя окружаетъ ужъ новою силой, —
Блестящею силой бояръ и князей.
Они ведутъ родъ свой отъ древняго Неба;
Микула, Земли сынъ, — для нихъ сталъ чужой.
Они не служили, подобно дружинѣ
Иль мѣръ-народу, странѣ ихъ родной, —
Они лишь служили Владиміру-князю;
Имъ былъ бы князь стольный, вокругъ бы него
Имъ сытыми быть, предъ страной величаться,
Жить въ холѣ, а больше и знать ничего
Они не хотѣли. Кто кормить, поить ихъ,
Что нужно народу, чѣмъ край ихъ живетъ,
Объ этомъ у нихъ свои были понятья;
Есть нѣкій Микула, есть русскій народъ, —
Онъ всѣхъ и довольствуй! Какъ въ древнее время
Микула кормильцемъ былъ свѣтлыхъ боговъ,
Чей родъ благородный они представляли;
Такъ точно онъ долженъ кормить и сыновъ,
Потомковъ бужественныхъ этого рода.
Ихъ родъ шель отъ асовъ, для края чужихъ,

Но втершихся въ родъ земледѣльческій, древній
 Микулы; князь Солнышко жаловаль ихъ,
 Какъ древній Одинъ, — ихъ отцовъ свѣтозарныхъ,
 И край, при высокомъ равенствѣ своемъ,
 Былъ долженъ служить имъ, нахлѣбникамъ князя.

Микула и самъ былъ сперва божествомъ,
 А послѣ правителемъ міра-народа;
 Онъ связанъ былъ самымъ ближайшимъ родствомъ
 Съ бояриномъ Ставромъ и съ княземъ Добрыней,
 Отдавъ за нихъ старшихъ своихъ дочерей;
 Но младшая дочь его, вѣщая Вана,
 Теперь исчезаетъ. Дворъ княжескій ей —
 Совсѣмъ ужъ чужой; ей нѣтъ мѣста близъ князя.
 Князь этотъ, — Сварожичъ иль свѣтлый Дажьдбогъ,
 Теперь заручился иной обстановкой;
 Теперь не хотѣлъ онъ иль больше не могъ,
 Подобно Ивану Царевичу, вспомнить
 Про эту подругу своихъ прежнихъ дней,
 Онъ даже забылъ ужъ ея свѣтлый образъ.
 Какъ онъ сталъ чужимъ ей, такъ точно и въ ней
 Ему все чужое... Чтобъ вновь съ нимъ сойтиться,
 Ей надобно въ образъ облечься иной...
 Въ какой же бы образъ она облеклася?
 Вкругъ стольнаго князя ей міръ не родной;
 Она дочь Микулы, а близъ того князя
 Нѣтъ больше Микулы; родной ея міръ —
 Подъ кровомъ отца, ея мѣсто — въ народѣ.

Сперва привлекаетъ ее княжій пиръ,
 Гдѣ видитъ она кругъ родной богатырскій;
 Но кругъ богатырскій рѣдѣлъ съ каждымъ днемъ,
 Значенье его ослабѣло близъ князя;
 А Ванѣ лишь мѣсто въ кругу ихъ родномъ,
 Какое-жъ при князѣ займетъ она мѣсто?...

Духъ розни стоялъ ужъ межъ княжимъ дворомъ
 И сельскимъ Мивулой; какой богъ сведеть ихъ?
 Какимъ теперь чудомъ въ народѣ родномъ
 Микула получить былое значенье?

Въ то время, какъ ѣхалъ въ градъ Кіевъ Илья,
 Божественность князя Владиміра гасла;
 Его окружили боаре, князья;
 Сіялъ еще ярко кружокъ богатырскій,
 Какъ отблескъ послѣдній минувшихъ вѣковъ,
 Но меркнулъ и онъ; свозъ него протѣснялись
 Къ свѣтъ-Солнышку князю толпы ужъ льстецовъ,
 И всякихъ угодниковъ слабостей князя;
 Тотъ вѣкъ баснословный, божественный вѣкъ
 Чудовищной силы и подвиговъ чудныхъ
 Кончался; самъ князь ужъ не богъ, — человекъ,
 И явно чуждается богатырей старшихъ.

Его дворъ наполнился темныхъ интригъ,
 Угодничествъ рабскихъ, сословныхъ раздоровъ,
 И князь самъ, какъ стало замѣтно, постигъ
 Величье и сладость придворнаго блеска;
 Явился рядъ новыхъ при немъ должностей, —
 Постельниковъ, кравчихъ, привратниковъ, ловчихъ,
 Позывщиковъ, разныхъ бояръ и князей,
 Невѣдомыхъ прежде; дружина молчала,
 Сословная рознь стала даже видна
 Въ кругу богатырскомъ; ихъ служба при князѣ
 Теряла ту важность, которой она
 Дотоль отличалась; они горделиво,
 Толпой покидаютъ его княжій дворъ,
 Гдѣ ихъ заслонили князья и боаре.

Владиміръ, считавшій себя до сихъ поръ
 Въ присутствіи ихъ, какъ за крѣпкой стѣною,
 Нуждается очень нерѣдко теперь
 Въ ихъ помощи противъ враговъ иноземныхъ.
 Ихъ нѣтъ, когда нужно; онъ самъ заперъ дверь,
 Своимъ обхожденьемъ, богатырямъ главнымъ;
 Чертогъ его свѣтлый и блескъ неземной
 Смѣнились блескомъ придворнаго штата
 Земныхъ властелиновъ, привышихъ собой
 Страшить и счастливить людей, имъ подвластныхъ;
 Явились опалы, котлы со смолой,
 Явились глухіе подвалы съ замками,

Сажанье въ нихъ на смерть.

Успѣлъ посидѣть въ нихъ и бояринъ Ставрѣ,
За свою похвальбу богатырскую, —
Обновить подвалы эти темные,
За дверями желѣзными. *)

Ни слова притомъ

Близъ князя, о вѣщемъ Микулѣ, о сильномъ
Его родѣ земскомъ, народѣ родномъ;
Ни слова нигдѣ, о его вѣщей Ванѣ.
Дружина Чурилы, въ глазахъ князя, бьетъ
Людь кievскій, близкихъ слугъ краснаго Солнца;
Самъ князь въ даръ боярамъ-князьямъ роздаетъ
Микулины земли; его сироты
Народные ищутъ отъ сильныхъ защиты;
Край полонъ разбоевъ, а дворъ — пустоты,
Безсмысленныхъ споровъ Чурилы и Дюка,
О томъ, кто богаче изъ нихъ щегольствомъ;
Враги обложили градъ древній Черниговъ,
А въ Кіевѣ даже не знаютъ о томъ;
Повсюду разбой, — а дворъ занять Чурилой,
Его походеиьемъ съ женой молодой
Сѣдаго Бурматы; въ глазахъ даже князя,
Илья богатырь, — лишь крестьянинъ простой,
Илейкина сила, — ему неизвѣстна.

Въ средѣ этой, дѣтски еще мелочной,
При князѣ отжившемъ, Илья нашъ могучій
Является личностью передовой.

И точно, Илья, — богатырь совсѣмъ новый;
Онъ чувствуетъ, мыслить; онъ прямо живетъ
Широкую, свободную жизнью народной;
Въ Ильѣ воплотился нашъ русскій народъ,
Со всей стариной и святымъ православьемъ.
Ильѣ теперь нуженъ совсѣмъ миръ иной;
Тотъ миръ отживавшій ему не годился;
Ильѣ боги чужды, а вѣчный ихъ пиръ
Ему не по праву: тутъ нѣтъ ему мѣста;

*) Сморя прим. 5. къ VI пѣсн.

Ему нужно дѣло, его манить свѣтъ,
 Онъ врагъ всякихъ чудищъ стариннаго мрака,
 Илья истребляетъ и самый ихъ слѣдъ,
 Чтобъ было привольно жить всѣмъ въ землѣ Русской.

Илейка нашель переходный здѣсь міръ, —
 Не тотъ міръ, отколы онъ явился. Міръ древній
 Теперь ужь далеко; то павшій кумиръ;
 Но также и новый Богъ признанъ не всѣми.

Подѣхаль къ Днѣпру казакъ старый, Илья,
 Играетъ подъ нимъ его конь богатырскій,
 Везетъ онъ, Илья, въ торокахъ Соловья.
 Градъ Кіевъ сіяетъ въ золотѣ отдаленнѣ;
 Блестятъ кресты, главы соборныхъ церквей,
 Златныя палаты свѣтъ-краснаго Солнца;
 Сіють хоромы бояръ и князей, —
 Нѣтъ только хоромъ у богатырей славныхъ;
 Въ горахъ зеленѣютъ, горъ этихъ краса,
 Сады Апраксѣвны, красуется теремъ
 Прекрасной Кушавы, блестятъ небеса,
 Плывутъ по Днѣпру внизъ суда росписныя, —
 Какъ чайки, бѣлѣютъ вдали паруса;
 По берегу ступней идетъ богатырской
 Каликъ переходныхъ толпа; издали
 Виднѣются шляпы на нихъ пудовныя,
 Тѣ шляпы изъ греческой славной земли.
 Идутъ, опираясь калики клюками
 Желѣзными; строги ихъ лица; а вотъ,
 Плетется имъ встрѣчу толпа скомороховъ,
 Играетъ въ волынку и чудно поетъ,
 А вѣщія гусли гуляютъ за плечами.
 Чѣмъ къ городу ближе, тѣмъ краше, люднѣй;
 Побережья пестрѣютъ веселымъ народомъ,
 А волны ладьями. Еще веселѣй
 За быстрой рѣкой, на широкомъ Подолѣ;
 Кипитъ тамъ торговля, снастятъ корабли,
 Мелькаютъ попы, въ черныхъ рясахъ монахи,
 Торговые гости изъ дальней земли;

Кругомъ шумъ и говоръ, и звонъ колокольный ¹⁾.

Надъ Кіевомъ мерянулъ ужъ блескъ золотой
Горы свѣтоварной, жилища безсмертныхъ;
Онъ стольный лишь городъ, хотя и святой
Народному чувству, какъ мать земли Русской.
Какъ съ Солнышка-князя сходилъ блескъ былой
И образъ блестящій златаго Дажь-бога;
Такъ весь и міръ древній остался вдали.
Владимира звали еще краснымъ Солнцемъ;
Но онъ собирателемъ сталъ лишь земли,
А градъ вѣщій Кіевъ—его градомъ стольнымъ.

Илью озадачилъ, конечно, собой
Міръ этотъ дѣйствительный, міръ не стихійный;
Онъ, вѣрно, не думалъ, что міръ тотъ былой
Давно имъ покинуть въ лѣсахъ первобытныхъ,
Въ горахъ тѣхъ Полночныхъ, гдѣ онъ схоронилъ
Собрата еще своего, Святогора;
Широкій избытокъ ему данныхъ силъ
Мѣшалъ ему видѣть, что также и онъ самъ
Не прежній Перунъ и не божичъ Илья;
Что онъ представитель земли и Микулы,
Простой человѣкъ, — за что міръ и земля
И чествуютъ въ немъ его духъ богатырскій;
Поэтому онъ и вступилъ, какъ чужой,
Въ кругъ новыхъ товарищей—витязей княжихъ;
Самъ Солнышко-князь не знакомъ ужъ съ Ильей,
И все не по немъ при дворѣ этомъ новомъ.

Одинъ лишь Илья могъ теперь пріютить
Старинную Вану. Преданье какъ будто
За эту еще и хватается нить;
Оно Илью женить, — на комъ?... Но и это
Осталось загадкой. Изъ трехъ дочерей
Микулы, одна ужъ была за Добрыней,
Другая за Ставромъ; но искони дней
И старый Громовникъ, по нашимъ сказаньямъ,
Женатъ на Громовницѣ, — кто же она?
Ея первобытное имя исчезло,
Остались намеки; но послѣ, страна

Обоимъ дала христіанское имя—

Ивана да Марья. Кто-жь были они?

Кто-жь, —если не древній Иванъ же царевичъ

А позже Илья нашъ и Вана, —одни

Всегда неразлучные съ міромъ-народомъ ⁸⁾.

Възъзжаетъ Илейка, Громовникъ Илья,

Възъзжаетъ въ градъ Кіевъ, на дворъ княженецкій;

Пріѣхалъ на дворъ, —привязалъ онъ коня

Къ кольцу золотому, и входитъ въ палаты...

«Онъ крестъ кладетъ по писанному,

«Поклонъ-то ведетъ по ученому,

«На всѣ на три, четыре стороны поклоняется.

«Самому-то князю Владиміру въ особину

«И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ,»

«Сталъ Владиміръ-князь выспрашивать;

«— Ты откулешный, дородный добрый молодець,

«— Тебя какъ, молодца, именемъ назвать,

«— Звеличатъ удалаго по отечеству?»...

«Говоритъ ему Илья таковы слова:

«— Есть я изъ города, изъ Муромля,

«— Со славнаго съ села Карачарова;

«— Именемъ меня Ильей зовутъ,

«— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.

«— Ужь-ты батюшка, Владиміръ князь!

«— Тебѣ надолъ насъ, принимаешь-ли

«Сильныхъ, могучихъ богатырей, —

«— Тебѣ, батюшка, на почестъ-хвалу,

«— Твоему граду стольному на изберець,

«— А татаровьямъ на посѣчене?»

«Отвѣчатъ батюшка Володиміръ князь:

«— Да какъ мнѣ васъ не надо-то?

«— Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю;

«— На пріѣздѣ васъ жалую по добру коню,

«— По добру коню, по латынскому, богатырскому.»

Говоритъ Илья, добрый молодець:

«— Дай доброму молодцу мѣстечка немножечка!»

«Князь Красное Солнышко отвѣствуетъ:

«— Кто до молодцовъ доросъ, тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ.»

Князь-Солнышко, значить, его не узналъ.
 Узнать Илью могъ лишь Добрыня Никитичъ,
 Хоть онъ въ этомъ видѣ Илью не встрѣчалъ;
 Да сверстникъ обоихъ,—Чурила Пленковичъ;
 Но оба смолчали; лишь первый сказалъ:

«Всѣхъ я знаю русскихъ могучихъ богатырей,
 «Одного не знаю—старога казака Илью Муромца;
 «Я слыхалъ наслышвой человѣческой,
 «Что у него въ бою смерть не писана *)».

По вняжему слову, Илья сѣлъ за столъ;
 Да какъ понажметъ онъ гостей именитыхъ,—
 Изъ нихъ—инда соеъ даже красный пошелъ:
 И вотъ, очутился Илья противъ князя.
 Глядитъ богатырсвй кружокъ на него,
 Промежь себя шепчетъ: кто-бъ это таковой былъ?
 Никто здѣсь о немъ не слыхалъ ничего,
 Не съ неба-жь такой богатырь къ намъ свалился?
 Лишь юный Добрыня съ Чурилой молчать,
 Но очи ихъ сами собою смѣются:
 Нешто, узнаемъ-де тебя, старшій братъ!
 Откуда ты только явился?... Но это —

«За досаду Алешѣ Поповичу показалось;
 «Взялъ Алеша булатный ножъ,
 «Онъ кинулъ его въ Илью Муромца;»

Но старшй Илейка сидитъ, знай, себѣ,—
 Да пьетъ себѣ, ѣстъ; не моргнетъ онъ и глазомъ,
 Какъ будто въ родимой крестьянской избѣ.
 Поймалъ только онъ,—

«Поймалъ на полету Илья булатный ножъ,
 «Воткнулъ его въ дубовый столъ;»

А самъ продолжаетъ себѣ подносить
 Стопу за стопою, да сладкя яства—
 Подкладывать,—будто должно такъ и быть,
 Что кинулъ Алеша въ него ножъ булатный.

«Изъ за того стола тогда изъ за дубова
 «Не золота звонка труба вострубила,
 «Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
 «—А давно ли ты повѣхалъ изъ Муромля,

«Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольный Кіевъ-градъ?

«Говорилъ ему Илья таковы слова:

«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,

«Прямоѣзжею, — мимо славенъ Черниговъ-градъ,

«Мимо славную рѣченьку Смородинку.»

«Говорилъ Владиміръ таковы слова:

«Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхаешься,

«Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:

«Подъ городомъ Черниговымъ стоитъ силушка невѣрная,

«Урѣзчи у Смородинки Соловей разбойникъ, Олихмантьевъ сынъ, —

«Свицеть-то Соловей по соловьему,

«Кричитъ злодѣй-разбойникъ по звѣриному...»

Лишь вымолвилъ это свѣтъ Солнышко князь,

Бругомъ поднялся шумный смѣхъ, по палатамъ:

«Такого вранья не слышали, родясь!

Кричатъ гости пьяные. Чудное дѣло!

«Въ очахъ дѣтина у насъ завирается.»

Говоритъ Ильѣ Володиміръ князь:

«— Не пустымъ-ли, добрый молодець, хвастаешь?

«— Не напился-ли зелена вина?»

«Говорилъ Илья таковы слова:

«— Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!

«— Соловей разбойникъ на твоємъ дворѣ,

«— И прикованъ онъ ко правому во стремечку къ булатному»

«Тутъ Владиміръ князь стольный Кіевскій,

«Сворешенько вставалъ онъ на рѣзвы ноги,

«Сворешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ.»

Выходятъ за княземъ и всѣ, въ томъ числѣ

И славный Добрыня съ красавцемъ Чурилой.

Давно міръ ихъ прежній сокрылся во мглѣ;

Но міръ тотъ имъ близокъ. Они оба знаютъ

Кто этотъ Илейка и кто Соловей, —

Старинный духъ этотъ крушительной бури.

Выходить на дворъ князь съ княгиней своей —

Воскресъ міръ былой, засвисталъ Соловейка, —

«Темные лѣса къ землѣ наклонились,

«На теремахъ маковки покривились,

«Окопечки хрустальные поразсыпались,

«Что есть людишекъ всё мертвы лежать;
 «А Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 «Стоить, куньей шубонькой укрывается...
 «Онъ, Владиміръ-князь, едва живъ стоять
 «Со душой княгиней Оправсою».

— Уйми, говорить онъ Ильѣ, Соловья!

Такія-то шутки не надобны нынѣ. —

Велѣлъ замолчать диву старый Илья;

А тотъ говорить Володиміру князю:

«— Ай же Солнышко, Владиміръ князь,
 «—И старый казакъ, да Илья Муромецъ!
 «—Спустите меня да на свою волю:
 «—Я повыстрою веругъ города Кіева
 «—Села съ приселочками,
 «—Улги съ переулками,
 «—Города съ пригородками,
 «—Монастыри все богомольные».

Туть говорилъ Илья Муромецъ:

«—Ты, Солнышко, Владиміръ-князь!
 «—Не строитель онъ вѣковой, а раззоритель:
 «—Раззоришь ты остальные села съ приселами,
 «—Города съ пригородками».

~~Но тутъ доня князя, Купава княжна~~

~~Наслѣдовавъ жадность боговъ, своихъ предковъ~~

~~Чьей высшей породы была и она~~

~~Увидѣла перстень, кольцо-ль золотое~~

~~Знакъ вѣщій тогда — на рукѣ Соловья~~

~~И хватъ его прямо за правую руку;~~

~~Мигнуть не успѣлъ казакъ старый Илья,~~

~~Какъ дивъ Соловей отхватилъ у ней палець~~

~~«Когда бы и руку успѣлъ захватить,~~

~~И руку тебѣ оторвалъ-бы!» промолвилъ~~

~~Илейка.~~

И началъ онъ съ княземъ судить

Что имъ съ Соловейкой, разбойникомъ, дѣлать.

«Бросали Соловья въ погребъ глубокій,

«Рѣшетками желѣзными задержали,

«Песками засыпали,

«Травкой-муравкой замуравили»

«Черезъ трои сутоки

«Накатили малы вьюноши Соловьины,

«Накатили многи телѣги ордынскія;

«Обзарился на имѣнье, на богатство

«Солнышко Владиміръ-князь;

«Но въговорилъ старый казакъ Илья-Муромецъ:

«—Ай же Солнышко, Владиміръ князь!

«—Не тобой они приказаны,

«—И не тобой назадъ отпустятся.

«—Ай же, малы вьюноши Соловьины!

«—Катите все имѣнье, богатство,

«—Всю несчетну золоту-вазну.

«—Оставлена вамъ отъ батюшки,

«—Будеть пропитатися до смерти,

«—Не надо вамъ по міру ходить да скитатися.

«Они покатили имѣнье, заплакали:

«Теперь-то Соловью славы поютъ».

«Вхаль тогда Илья въ раздольице чисто поле,

«Срубилъ Соловью буйну голову.

«Рубилъ буйну голову, выговариваль:

«—Полно-тва тебѣ слезить отцовъ, матерей,

«—Полно-тво вдовить женъ молодыхъ,

«—Полно смущать, сиротать малыхъ дѣтушекъ.

«Туть Соловью и конецъ пришелъ.

«Увидали туть всѣ русскіе могучіе богатыри

«Стара казака Илью-Муромца:

«—Будь же ты намъ, старый казакъ, Илья-Муромецъ,

«—Будь же ты намъ да вѣдь большой братъ;

«—Держимъ мы на тебѣ надежду великую,

«—Будь-ка ты граду Кіеву у насъ защитникомъ».⁴⁾

И сталъ Илья съ этихъ поръ старшимъ у нихъ.
Онъ назвалъ Добрыню своимъ младшимъ братомъ;
Но мало кто сблизился съ нимъ изъ другихъ;
А больше любили онъ богатырей старшихъ.

~~Они всѣ туть были.—какъ въ древніе дни
Всѣ младшіе боги веругъ краснаго Солнца;~~

Хоть съ той поры древней и князь, и они,
 Совсѣмъ измѣнили старинный ихъ образъ.
 Тутъ былъ и Сухманъ, и титанъ Святогоръ, —
 Последній ужъ въ образѣ новомъ, Самсона;
 Тутъ былъ и Добрыня, въ комъ жилъ до сихъ поръ
 Еще образъ Кришну и образъ позднѣйшій,
 Младого Сигурда; но въ эти ужъ дни
 Въ народѣ считался онъ княземъ,
 Племянникомъ Солнышка. Такъ всѣ они
 Вполнѣ человѣческой приняли образъ.

За Ивана Гостинаго,

Держить великъ закладъ
 Владыка Черниговскій...

Съ Хотиномъ тутъ былъ и Потокъ удалой;
 Иванъ свѣтъ Годинычъ, — тотъ сбѣлся также
 Племянникомъ князя; Чурила молодой,
 Служилъ ужъ позовщикомъ красному Солнцу.
 Былъ тутъ Соловей Будимирычъ быллой,
 Пришедшій изъ Индіи къ намъ на Поморье;
 Но міръ этотъ новый затмилъ наконецъ
 Его первообразъ. Тамъ, въ Индіи, — царь онъ,
 Любитель искусствъ; а у насъ, онъ купецъ,
 Торговый гость, хитрый художникъ по части
 Камчатныхъ узоровъ. Пришелъ молодецъ
 Изъ-за моря онъ, но съ торговой дружиной.
 Тутъ былъ и Михайликъ, нашъ лыцарь родной.
 Но только подъ именемъ Васьки Пьянчуги.
 Однажды, — должно быть, позднѣйшей порой,
 Куда-то разбѣжалось все богатство,
 А грозный Батыга съ безсчетной ордой
 Облегъ стольный Кіевъ, —

«Изъ-подъ той бѣлой березы кудреватя,
 «Изъ подъ чуднаго креста Еландіева,
 «Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе,
 «И шли они бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ,
 «И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно,
 «И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ дивно;
 «И по той стѣнѣ городова

«И ходить-гуляетъ душа красная дѣвица,
 «Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
 «Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ.

.....
 «Не душа то красна дѣвица гуляла по стѣны,

.....
 «А плакала стѣна мать городовая
 «По той ли по вѣрѣ христіянскія, —
 «Будетъ надъ Кіевъ—градъ погибелье...
 «Закручинился князь, запечалился,

.....
 «Попелъ по кружаламъ государевымъ,

.....
 «И нашелъ тутъ Василья въ кабакѣ на печи».

Прикинулся Васька

Въ ордѣ переметчивомъ; глушій каганъ
 Повѣрилъ,—и далъ ему лучшую силу.

Побивъ ее, Васька вернулъ савъ ихъ станъ,—

«И прибилъ — пригубилъ до одинаго,
 «Не оставивъ Батыгѣ на сѣмена».

Бѣжитъ каганъ въ степи, а самъ восклицаетъ

«Не дай-то Богъ бывать на святой Руси,
 «Ни мнѣ-ка-ва, ни дѣтямъ, ни внучатамъ».

Тутъ былъ и Поморскій гость, Дюкъ молодой,

И бабій любимецъ, Алеша Поповичъ;

И древній Сухманъ, но ужъ этой порой

Свое доживавшій послѣднее время.

Какъ прежде, проказилъ Хотинъ-молодецъ.

Слюбился Хотинка съ купеческой дочкой;

Задумалъ принять онъ законный вѣнецъ, —

Но знать, въ часъ недобрый, на пирѣ веселомъ,

У Солнышка князя, честная вдова,

Его мать, посватала сыну невѣсту;

Пришлось ей неласковы слышать слова

Отъ будущей сватьюшки; больно и больно

Онѣ разбранились. Купечья жена

Отдать не хотѣла за нищаго дочку;

«Отдамъ-ли я дочку, сказала она,

«За голую голь, что живетъ лишь чужбинкой!..

«Бздить Хотинка по городу,

«Ищеть бобоваго зерненка, —

«А гдѣ бы то Хотинушѣѣ обѣдъ сочинить?»

И прямо сплеснула всю чару вина,

Что матеръ Хотинушки ей подносила,

На лисью ей шубку...

«Честная вдова, честно-Блудова жена,

«Со честна пира пошла она невесела,

«Прикручинивши пошла, припечаливши,

«Привлонила буйну голову къ сырой землѣ,

«Очи ясныя втопила во сыру землю».

Однако Хотинка свое таки взялъ;

Онъ выхватилъ двери въ дому у невѣсты,

Увезъ съ собой дѣвку, и сватьбу сыгралъ;

И жили потомъ они оба въ согласьи.

Засталъ у Владиміра-князя Илья,

Засталъ и такихъ еще витязей новыхъ,

О комъ едва знала родная земля,

Да знаетъ едва ли порядкомъ и нынѣ:

Быль тутъ богатырь, — темный Илья;

Были мужики Залѣшане

Были еще два брата Халиловы,

Да семь братьевъ Збродовичей.

«Шубы на нихъ струйчатой камки,

«Ожерелья на шубахъ черна соболя,

«Пугови фальяшныя,

«Сапожки-зеленъ-сафьянъ,

«Шиты пяты, носки востры,

«Подъ пятами подбиты люты змѣи;

«Подъ пату-пату воробей пролетѣлъ».

«Они серебряны чары въ карманъ кладуть,

«Дверями хлопъ — обверины вонъ,

«Воротами хлопъ — вереи вонъ,

«Воротный столпъ шатается.

«Точенны перила присыпались...» 5).

Межь тѣмъ, каждый день — за пирами пиры....

Пируютъ у краснаго-Солнца бояре,

Цируетъ дружина и богатыри;

Но это не то ужь что было вначалѣ.

Миръ вѣщій старинный замогъ, измелчалъ;

Послышались бабы межъ нихъ пересуды,

Самъ князь Володиміръ по томъ расковъ сталъ, —

А милостивъ больше къ князьямъ и боярамъ.

Недаромъ Добрынюшка этой порой,

Недаромъ онъ въ смутномъ какомъ-то предчувствіи,

Скорбитъ своею чистой, прекрасною душою

И къ матери держитъ такіа онъ рѣчи:

«Свѣтъ ты, государыня, родна моя матушка!

«Лучше-бъ ты спородила Добрынюшку

«Бѣлымъ камешкомъ горючимъ,

«Ты выстала на Скать-гору высокую,

«Ты бы бросила въ Кіянъ-море глубокое;

«Тамъ лежалъ бы этотъ камешекъ вѣкъ по вѣку,

«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.

«Нѣтъ, такъ бы спородила Добрынюшку

«На гору Сарачинскую деревинкою,

«Не для красоты, не для угожества,

«А для ради приѣзда богатырскаго.

«Ко этому бы ко деревцу

«Съѣзжались русскіе богатыри могучіе,

«И стояла бы эта деревиночка вѣкъ по вѣку,

«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.

«Още-нѣтъ, такъ бы Добрынюшку спородила

«Во славную во матушку Нѣпру-рѣку,

«Во Нѣпру-рѣку да гоголинкою:

«Стояла бы тамъ эта гоголинка вѣкъ по вѣку,

«Вѣкъ по вѣку безъ шевелимости.

«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,

«Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,

«Не пролилъ бы крови я напрасныя,

«Не слезилъ Добрыня отцовъ, матерей,

«Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,

«Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ»⁶⁾.

Онъ чувствуетъ, вѣщей своею душой,

Что свѣтлый Владиміровъ вѣкъ миновался,

Что древній богъ принялъ ужь образъ земной,
 И вокругъ него, видимо, стали являться
 Неправда съ насильемъ. Его духъ благой,
 Духъ свѣтлаго Кришны, приходитъ въ смятенье;
 Отнынѣ онъ чувствуетъ слабость свою,
 Въ томъ обществѣ чуждомъ, ему еще новомъ.
 Онъ видитъ лишь зло и насилье въ краю,
 И служить самъ къ этому даже оружьемъ;
 Свѣтъ-Солнышко князь — не Дажьбогъ ужь былой,
 А жадный владыка святой земли Русской;
 Прошелъ на Руси ея вѣкъ золотой,
 Ея князь впадать сталъ въ строптивую старость,
 Ему леть милѣй стала правды святой...

Узналъ кое-что и еще нашъ Илейка!
 Сказалъ про Алешу Добрыня ему, —
 Какъ этотъ поповичъ и бабій насмѣшникъ
 Сгубилъ у двухъ братьевъ, въ хорошемъ дому,
 Родную сестру, а они отрубили
 Ей голову; сгилла ни за-что она,
 Красавица-дѣвка. ~~«Ну, счастливъ Алешка
 Молитва поповская, видно, сильна:
 Счастливъ онъ, проклятый, что в той порою
 Здѣсь не былъ, — иначе-бъ припомнилъ меня!»~~
 Илья отозвался...

Повѣдалъ Добрыня

Ему также къ слову, какъ князь, не цѣня
 Его богатырскую прежнюю службу,
 Во время отсутствья его повѣнчалъ
 Жену его съ тѣмъ же красавцемъ Алешей;
 Да къ счастью, во время еще засталъ,
 Вернувшись, онъ сватьбу, — и дѣло разстроилъ.
 И на это старый Илейка сказалъ,
 Въ присутствіи полномъ богатырей старшихъ:
 «Не дивуюсь я князю Владиміру, —
 «Что и самъ творить, другому велить:
 «Отъ живаго мужа хочеть жену отнять».
 А это сказалъ онъ, Илейка сѣдой,
 Не даромъ про красное-Солнышко, князя.

Идетъ разъ у князя, идетъ пиръ горой,
Пируеть съ дружиною онъ богатырской, —
Дружина за малымъ столомъ; за большой
Усѣлись, вокругъ князя, князя и бояре.

«А и будетъ день въ половину дня,

«И будетъ столъ въ полустолъ;

«Владимиръ-князь распотѣшился,

«По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,

«Черныя кудри расчесываетъ».

«Тотъ-то женать, другой-то женать, —
Велитъ онъ, князь-стольный, дружинѣ, добыть.

Добыть и ему молодую невѣсту,

Чтобъ было съ кѣмъ князю на радость пожить,

И думу подумать, и вымолвить слово,

«При пиру, при бесѣдушкѣ похвалитися

«И было бы имъ кому поклонитися, —

«Чтобъ была-то она

«И лицомъ красна,

«И умомъ сверстна».

А той порой, еслибъ пройти всю страну,

Нигдѣ-бъ не найти ни умнѣй, ни красивѣй,

Жены князь-Данилы; про эту жену

Прошла тогда слава по цѣлому краю.

Сидѣлъ князь-Данила, мужъ правды святой,

Большимъ воеводой въ Черниговѣ-градѣ.

Рѣшили бояре, князя межъ собой

Данилу сгубить, а жену добыть князю.

Насупился старый казакъ нашъ Илья:

Ему не по праву пришлось это дѣло;

Горька ему стала родная земля;

Не выдержалъ онъ, и сказалъ прямо князю:

«Ужь ты батюшка Владимиръ-князь!

«Изведешь ты яснаго сокола,

«Не пымать тебѣ бѣлой Лебеди».

Еще не слыхалъ князь такихъ смѣлыхъ словъ,

Отъ славной дружины своей богатырской;

Еще не привыкъ онъ, преемникъ боговъ,

Чтобъ кто изъ дружины ему возражать смѣлъ;

«Это слово князю не показалось —

«Посадили (онъ) Илью Муромца въ погребъ».

Едва ушибнулся при этомъ Илья, —

Пошелъ въ темный погребъ. Сидѣлъ же и прежде.

Онъ плѣнникомъ въ тучахъ; но также земли,

Его и не видя, предъ нимъ трепетала.

Однако недолго пришлось въ этотъ разъ

Ильѣ посидѣть. Принялися за дѣло

Прихвостники князя не въ добрый, звать, часъ:

Сгубить удалось имъ князя — Данилу;

Но имъ не досталась Данилы жена, —

Спасла ее вѣрность къ любимому мужу.

«Взреть княгинюшка свой булатный ножъ,

«Спорола себѣ Микулишна груди бѣлыя,

«Покрыла себѣ Микулишна очи ясныя:

«Заплакали по ней два богатыря», —

Родной братъ Данилы, да свѣтъ нашъ Добрыня.

Смутилась дружина; но пала вина

И весь тяжкій грѣхъ на Владиміра-князя.

Погибла княгиня, погибла она

Надъ трупомъ кровавымъ любимаго мужа;

Узнала про это родная страна,

И память объ этомъ хранить и понынѣ.

Вернулся домой князь, —

«Выпущать Илью Муромца изъ погреба,

«Цѣловать его въ голову, во темечко;

«— Правду сказалъ ты, старый казакъ,

«— Старый казакъ, Илья муромецъ! —

«Жаловать его шубой соболиною» 7).

Но тотъ разсудилъ

Что лучше гораздо ему распрощаться

До времени съ Солнышкомъ княземъ. Манить

Илью къ себѣ вновь его мнѣ богатырскія,

Гдѣ онъ зародился; узнать онъ теперь,

Что значила служба близу краснаго Солнца,

Для всѣхъ бытъ

Палать его свѣтлыхъ; но князь только видѣлъ

Глазами другихъ; онъ лишь слушать людей.

Къ нему приближенныхъ; а всѣ эти люди
 лишь думали только о пользѣ своей.
 Князь, точно, былъ добръ и пріятливъ, и ласковъ;
 Но также, лишь къ людямъ ближайшимъ къ нему,
 А этимъ пріветомъ народа не грѣло.

Жаль было Илейкѣ, судя по всему,
 И стольнаго князя, и край свой родимый:
 Да чѣмъ бы помочь онъ? И сталъ онъ, Илья,
 Проситься у князя въ отъѣздъ, — на заставѣ
 Стоять богатырской.

Такъ, мало проживъ
 Близъ краснаго Солнца, узналъ Илья много;
 Узналъ онъ, почтѣ князь предъ нимъ такъ спѣсивъ,
 Узналъ онъ, кто русской землей заправляетъ.

Стоить на заставѣ Илья-атаманъ
 Съ дружиною князя. Отколь ни явился,
 На нихъ наѣзжаетъ степной великанъ.
 Его богатырскій конь землю копытомъ
 Въ полпечи бросаетъ. Завидѣвши ихъ,
 Онъ прямо направилъ коня на заставу;
 Ихъ взорвало это. Кто онъ, — за какихъ
 Безсильныхъ людишекъ онъ ихъ принимаетъ?
 Рѣшили тотчасъ же они межъ собой,
 Чтобъ выѣхалъ Васья противъ супостата;
 Но это отвергнуто мудрымъ Ильей:
 «Затѣмъ, говорить онъ, ребятушки-братцы,

«У Васьи полы долгія,
 «По землѣ ходитъ Васька, заплетается,
 «На бою, на дракѣ заплетается;
 «Погинетъ Васька понапрасному,
 «Не ладно, ребятушки, полѣжи!».

Тогда положили совѣтомъ, послать
 Не Ваську, — а Гришку, боярскаго сына;
 Онъ изстари, Гришка, обыкъ воевать.
 Илья и на это согласія не далъ:

«Гришка рода боярскаго,
 «Боярскіе роды хвастливые;
 «На бою, на дракѣ призахвастается,

«Погинеть Гришка понапрасному;

«Неладно, ребятушки, удумали».

Инь—Гришки не надо! рѣшили они, —

А пусть ѣдет драться Алеша Поповичъ;

Бываль онъ, Алеша, удалъ въ оны дни.

Но старый Илья и на то не согласенъ:

«Алешинька рода поповскаго,

«Поповскіе глаза завидушіе,

«Поповскія руки загребушія,

«Увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ

«Много злата-серебра:

«Злату Алеша позавидуетъ,

«Погинеть Алеша понапрасному;

«Не ладно, ребятушки, полѣжили».

Поѣхаль Добрыня. Но чуть великанъ

Коня припустилъ, какъ померкнуло небо,

Взвился его конь, какъ степной ураганъ,

Дрогнула земля, — растерялся Добрыня,

Взмолился святымъ, — и помчался назадъ.

Пришлось съ нахвальщикомъ биться Илейкѣ.

Поѣхаль Илья, — по Ильѣ супостать.

Пожалуй, другимъ съ великаномъ не сладить.

Они долго бились, какъ вдругъ нашъ Илья,

Взмахнувши неловко рукой, поскользнулся,

И палъ на колѣно; но мать-Земля

Илеюшкѣ втрое прибавила силы.

Вскочилъ онъ на рѣзвыя ноги, хватилъ

Нахвальщика въ грудь, стиснулъ въ лапы, подкинулъ

Подъ небо, — и рухнулъ Нахвальщикъ безъ силъ.

Илья отсѣвъ разомъ ему головущу,

Воткнулъ головущу себѣ на копьѣ,

И шагомъ поѣхаль къ заставѣ. Подѣхавъ,

Онъ бросилъ съ презрѣньемъ на землю ее,

А самъ только вымолвилъ: «ну, голова!

«Ѣдилъ (я) въ полѣ тридцать лѣтъ»

«Этого чуда не наѣживалъ»⁸⁾.

Илья самъ титанъ, — но онъ съ міромъ былымъ

Давно порвалъ связи, и тѣмъ былъ страшнѣе
 Онъ древнимъ титанамъ, ему не чужимъ.
 Онъ былъ одаренъ силой, равной съ ихъ силой,
 И даже въ то время еще встрѣтить могъ
 Межъ нихъ существа, ему близко-родныя.
 Во дни первобытныхъ стихійныхъ тревогъ,
 Илья нашъ, подобно богамъ всѣмъ тогдашнимъ,
 Имѣлъ, значить, также и связи любви;
 И тамъ, — въ прежнемъ мірѣ, не могъ не оставить
 Ближайшихъ потомковъ. Въ ихъ буйной крови
 Кипѣла Илейкина страшная сила;
 Но онъ не хотѣлъ заносить ничего
 Изъ жизни минувшей въ свой міръ настоящій;
 Да впрочемъ едва ли-бъ узнали его
 И сами они, въ этомъ образѣ новомъ.

Однажды, онъ видитъ, нашъ старый Илья, —
 Въ зеленыхъ лугахъ богатырь развѣзжаетъ,
 Подбросить копьё онъ, — не видно копья,
 Подскачетъ потомъ богатырь и подхватитъ;

«На правомъ плечѣ везетъ онъ ясна сокола,

«На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,

«У стремени прикована змѣя Горынская».

Глядитъ на него нашъ Илейка, — все въ немъ
 Ильѣ говоритъ про міръ древній, минувшій;
 Играетъ младъ-витязь булатнымъ копьёмъ,
 А самъ рѣчь ведетъ:

«Коль легко верчу я острымъ копьёмъ,

«Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ».

Стало быть, зналъ Илью

Тотъ витязь и прежде; тогда какъ Илейка
 Его повстрѣчалъ лишь впервые въ краю.

Подвѣхалъ Илья, и ему отвѣчаетъ:

«Ой ты гой еси, поленица удалая!

«Ты зачѣмъ рано похваляешься?

«Не улова ты птицы, теребишь ее;

«Не сваривши птицы, Богу молишься».

Покончивъ хвалиться, — и тотъ, и другой,
 Своихъ осадилъ коней богатырскихъ;

Потомъ припустили, — и начали бой.

« Не двѣ грозныхъ тучи затучились,

« Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигались:

« Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ »;

Они оба равны могучею силой...

Сломали оружье, — и оба тотчасъ

Скочили съ коней, и взылись *рукопашкой*;

Дрались плотнымъ боемъ, дрались не часъ, —

« Водились добры молодцы полтора года,

« По колѣнямъ въ землѣ приобмялися »;

Илья, наконецъ, утомившись, упалъ;

Младой богатырь съѣлъ Илейкѣ на груди,

И взялъ уже въ руки булатный кинжалъ,

Чтобъ вынуть изъ груди Илейкиной сердце;

« Тутъ Илейка возмолится:

« Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,

« Еще болѣ я стоялъ за церковь Божию;

« Сколько я стоялъ за благочестивыхъ женъ, —

« Благочестивыя жены, вдовы безмужнія, —

« День и ночь онѣ Богу молятся »...

И эта увѣренность въ высшей судьбѣ,

И зтотъ призывъ къ своему назначеню,

Рѣшилъ его жребій въ жестокой борьбѣ;

Илья получаетъ угасшія силы:

« Не сѣрая утица востопорщится,

« Илья на землѣ поворотится,

« Металь Сокольника подъ вышиною небесную », —

Теперь ужъ Илейка — заносить кинжалъ

И хочетъ пороть богатырскія груди;

Но онъ спросилъ имя врага, и узналъ

Роднаго въ немъ сына, съ Студенаго моря;

То былъ Сбуть-царевичъ, сынъ вѣщей жены,

Илейкиной прежней жены, Латыгорки, —

Одинъ изъ сыновъ тѣхъ сѣдой старины,

Что онъ не встрѣчалъ никогда въ родномъ краѣ.

Одни говорятъ, что Илья обласкалъ

Родимое чадо, и съ нимъ распрощался;

Другіе, что витязь-вѣщій пыталъ

Потомъ умертвить его гнусной измѣной, —
 И въ гнѣвѣ, Илейка за то разорвалъ
 Его на двѣ части, — одну бросилъ въ воду,
 Другую оставилъ на томъ берегу,
 Гдѣ съ нимъ повстрѣялся.

Какъ видно, Илья нашъ

Никакъ не хотѣлъ оставаться въ долгу,
 Предъ міромъ стариннымъ, и съ нимъ онъ кивалъ
 По-свойски.

«Вотъ тебѣ половина, мнѣ другая!

«Раздѣлили я Сокольніча, охотничка»⁹⁾.

Такъ въ духъ могучемъ Илья

Еще пробиваетъ жестокость титана,
 Прямое наслѣдье стихійной семьи,
 Откуда онъ вышелъ. Особенно страшень
 Становится старый Илья и жестокъ,
 Когда онъ встрѣчаетъ какой нибудь образъ
 Изъ прежняго міра, какъ мутный потокъ,
 Еще пробивавшійся въ міръ этотъ новый.
 Илья, — представитель теперь лучшихъ дней,
 Каратель обидъ и слѣпыхъ притѣсненій;
 Онъ жалуется нравственныхъ, честныхъ людей,
 А край охраняетъ отъ древнихъ чудовищъ.

Въ другой разъ, онъ ѣдетъ, все той же порою,
 По чистому полю, и видитъ идущихъ
 Каликъ перехожихъ; идутъ не толпой
 Святые калики, — идутъ только двое:

«Идетъ-то калика перехожая

«Въ меженный день, по красному по солнышку,

«А въ зимній день, по дороге по камнюсамоцвѣтному,

«А лапотки на нихъ, изъ семи шелковъ,

«Промежь проплетены камнями самоцвѣтными,

«А были у калики клюки въ сорокъ пудъ».

Сдержалъ коня старый Илья, и спросилъ:

Откуда идти, куда путь они держать?

Узнавъ же, что путь ихъ изъ Кіева былъ,

Сталъ спрашивать онъ и про стольнаго князя:

Какъ князь поживаетъ съ княгиней своей?

Что Кіевъ святой? Кто его охраняетъ,
Изъ витязей младшихъ, изъ богатырей?
Кто въ Кіевѣ-градѣ изъ нихъ, кто въ отъѣздѣ?

«Недобрыя-дуже творятся дѣла
Во Кіевѣ-градѣ! Сказали калики, —
Дождался градъ-Кіевъ великаго зла,
За срамную жизнь, за грѣхи Аправсѣвны...
Вотъ какъ, человѣче! Зѣло некрасно
Житье стало князя; да такъ некрасно-то
У краснаго Солнышка стало оно,
Что онъ хоть совсѣмъ бѣги съ бѣлаго свѣта:

«Явилосѣ во градѣ во Кіевѣ
«Идолице пованое:
«Голова у него съ цивной востель,
«Во плечахъ-то коса сажень,
«Промежь бровей-то борова и три пяди,
«Промежь ушей-то пройдетъ галена стрѣла;
«А бѣтъ-то онъ, идолице, по цѣлому бѣку,
«А пьеть-то онъ по пивному котлу;
«Объѣдаетъ, опиваетъ онъ Кіевъ-градъ,
«Свои ручки держитъ у княгини за пазухой.»

Апракса любила всегда близъ себя
Красавцевъ. Чурила служилъ при княгинѣ
Постельничимъ прежде; потомъ, не влюбя
Такихъ безпорядковъ, его князь назначилъ
Повозщикомъ. Сидя за княжимъ столомъ
Однажды она до того заглядѣлась
На рожу Алеши, что, руша ножомъ
Жаркое, порѣзала палець. Позднѣе
Ее обвиняли еще въ клеветѣ
Противъ атамана каликъ переходящихъ;
Когда, не поддавшись ея красотѣ
И ласкамъ любовнымъ, какъ новый Іосифъ,
Онъ былъ обвиненъ отъ нея въ воровствѣ;
Но Богъ оправдалъ его, сдѣлавши чудо;
Онъ кончилъ дорогу свою въ торжествѣ;
Она-жъ заболѣла смертельной болѣзнью;
Но тотъ же калика, явившись къ ней,

Ее спасъ отъ смерти. Однако и послѣ,
Княгиня, по высшей природѣ своей,
Подобно прекрасной женѣ Пизифоѣ,
Искала объятій, — не только людей,
Но даже, какъ видно, и чудищъ заѣзжихъ...

Дослушавъ каликъ переходящихъ разсказъ,
Илья нарядился въ каличью одежду, —
«Обуваль Илья лапотки шелковые
«Одѣваль Илья гуню сорочинскую,
«Одѣваль Илья подсумки рытаго бархата,
«Надѣваль Илья шляпу греческую,
«И выдернулъ влюшку-волжанку
«Со матушки сырой земли»...

Велѣлъ дожидаться себя, — и тотчасъ
Отправился въ Кіевъ.

Пришелъ онъ въ градъ Кіевъ,
Въ одеждѣ каличьей, и прямо въ дворецъ.
Почуяло дивище близость Илейки, —
Почуяло также и близкій конецъ.
Швырнулъ богатырь въ него шапкой каличьей,
И тутъ же, сальной дивъ и духъ испустилъ.
Спасъ Кіевъ Илья и Владиміра-князя,
Но тамъ не остался; а вновь уходилъ
Въ раздольное поле, гдѣ ждали калики ⁽¹⁰⁾.

Не по сердцу было все это князьямъ
И знатымъ боярамъ, прихлебникамъ князя;
Они не привыкли къ подобнымъ дѣламъ.
Во всемъ-то Илейка Владиміру нуженъ;
Но больше всего, ихъ по сердцу скребла
Его прямота и незнатность рожденья;
Свершилъ бы изъ нихъ кто такія дѣла, —
А то, сынъ крестьянскій, изъ рода Микулы!
За эту-то струнку бояре, князья,
И вздумали тронуть былого титана.
Завхалъ однажды въ градъ Кіевъ Илья,
Исполнивши князю какую-то службу.
Послалъ Князь-Владиміръ на пирь къ себѣ звать

Князей и бояръ, и богатыхъ старшихъ;
 Забылъ ли Владиміръ слугамъ приказать
 Позвать и Илью, иль устроено было
 Брагами Ильи, чтобъ не звали его;
 Но только Илейку на ширь не позвали;
 Всѣхъ звать велѣлъ князь, не забывъ никого,
 Однако Илейку позвать позабыли.

Вскипѣлъ, отъ столь наглои обиды, Илья;
 Воспрянулъ въ немъ духъ первобытнѣй титана,
 Предъ кѣмъ во дни оны дрожала земля,
 Предъ кѣмъ приходили въ смятеніе стихіи.
 Не хочетъ Илья князь въ бесѣдѣ своей,
 Не позовалъ Илью онъ съ другими гостями;
 Такъ самъ же сзоветъ онъ, Илейка, гостей...
 Онъ свиснетъ, онъ гаркнетъ на весь стольный Кіевъ:
 Бъ нему соберутся изъ норъ, изъ щелей,
 Изъ ямъ, изъ трущобъ, развеселые гости....

И свиснулъ онъ, гаркнулъ на весь Кіевъ-градъ,
 На весь міръ голодный, босой, горемычный.
 Не черныя тучи по небу летять,
 Несутся вдоль улицъ къ Ильѣ его гости, —

Катить-валить Голь Голянская,
 Голь Голянская, Голь Кабацкая,
 Нищета горемычная,
 Нищета босоногая;
 Катять-валать дивы грозныя,
 Дивы грозныя, карлы чумазыя,
 Русалочки-земляночки,
 Трехсаженныя лѣшии, —

Тѣ дивы, что въ кузняхъ молотами постукивають,
 По мельницамъ темнымъ колеса ворочають,
 По глухимъ лѣсамъ темной ночью разгуливають,
 По раздольнымъ степямъ обозы сворачивають,
 По большимъ городамъ, какъ грибы, изъ земли растутъ...

Какъ пошелъ нашъ Илья по Кіеву,
 Какъ пошелъ онъ изъ тутаго лука дострѣливать, —
 Полетѣли съ церковей золотыя маковки,
 Заплясали хоромы боярскія,

Посыпались въ заборахъ тычинки желѣзныя,
Заметался шальной торговый людъ,
Торговый людъ, — весь честной народъ.

Услышалъ князь столыный про эту гульбу,
Гульбу-похвальбу, исполина Илейки,
Увидѣлъ несмѣтную эту гурьбу.

Онъ Голи-Голянскою, той Голи-Кабаккой;
Забывъ холить кудри златымъ гребешкомъ;
Глядитъ на бояръ, на богатырей старшихъ,
Ждетъ, что они скажутъ, раскинувъ умомъ,
Куда его, Солнышко красное, спрячуть:...

~~Но всѣ расставлены бояре князю,
Кружокъ богатырскій не молвить ни слова.
Они понимаютъ, — обиженъ Ильи!~~

Сидитъ богатырство, угрюмо насупишь;
Какъ будто въ угарѣ, по-gridнѣ свуютъ
Бнязья и боаре... Кого же къ Илейкѣ
Они съ челобитьемъ отъ князя пошлютъ?
Кто гнѣвъ обратитъ его страшный на милость?

~~Никто ни подслова изъ богатырей;~~
Какъ Богъ надоумилъ младаго Добрыню;
Встаетъ онъ, Добрыня, краса этихъ дней,
И молвитъ Добрыня свѣтъ Солнышку Князю:
«Свѣтъ красное Солнце! Доволь я пойду.
Что будетъ? Съ Ильей мы простые братья, —
Авось я съ собою его приведу;

А мнѣ не удастся, тогда будь что будетъ!»

Отъ этихъ разумныхъ рѣчей сдвинуло
На сердцѣ у князя; а князи, боаре,
Что сами-жъ собою затѣяли зло,
Тѣ, съ радости, чуть себя помнятъ, — Добрыню
Съ крыльца провожаютъ.

Но какъ подступать
Въ такія минуты къ Ильѣ, хотъ и брату?
Ильѣ махнуть стоять, чтобы разрешить
Сильнѣйшую силу. Сталь думать Добрыня:
Коль спереди прямо къ Ильѣ подойти,
Тогда и конецъ тутъ; а ежели сзади, —

Авось въ Ильѣ сердце успееть пройти,
И стать заходить онъ, Добрынюшка, сзади.

Зашелъ къ Ильѣ сзади онъ и обхватилъ
Его грудь могучую крѣпко руками;

Илья, не взглянувши назадъ, ощутилъ,

Что стиснулъ онъ въ братскихъ горячихъ объятыхъ.

«Ну, счастливъ, Добрыня, крестовый мой братъ,

Что ты догадался зайти ко мнѣ сзади!

Сказалъ Илья. Будь ты сильнѣй во сто кратъ;

Но если-бы ты подошелъ ко мнѣ прямо,

Тебѣ не остаться-бъ, братъ милый, въ живыхъ.»

Но сердце Илейкино тутъ же остыло;

Какъ буря вскипѣлъ онъ, какъ буря и стихъ.

Простилъ Илья Князя; а стольный князь понялъ,

Что это за птица, — крестьянинъ Илья;

Что съ нимъ, Ильей, шутки шутить не пригодно.

Притихнули сразу бояре, князья,

Хоть въ нихъ и кипѣла еще пуще злоба.

Князь началъ Илейку всѣхъ выше сажать, —

Гдѣ самъ пожелаеть, но древняго дива

Почетъ этотъ поздній не могъ ужъ прельщать, —

Не въ-время князь споконился о гостѣ.

Взговорилъ ему Илья Муромецъ:

«Володиміръ князь земли свѣторусскія,

«Правду сказывалъ Добрынюшка;

«Не хотѣлъ ты гостя на приездѣ учествовать,

«На отъездѣ гостя не учествуешь;

«Самъ ты сидѣлъ со воронами,

«А меня садилъ съ воронятами.»

И снова съ нимъ, княземъ, простился Илья ¹¹⁾.

Онъ долго ли, мало ль потомъ опять ѣздилъ,

Про это не помнитъ родная земля, —

Но разъ заѣзжаетъ Илья въ стольный Кіевъ;

Того лишь и ждали бояре-князья:

Теперь-то Илья мелкоту ихъ узнаеть!

Идегъ пиръ у князя. Пируютъ, басятъ

Могучіе витязи, князи, бояре;

Гутѣрять боярнии, пьютъ и ѣдятъ
Прихлебники князьки; всѣ веселы, пьяны, —

- «Кто хвалится лихимъ конемъ,
- «Кто хвалится золотой казной,
- «Дуракъ хвалится молодой женой,
- «А умный своей родной матушкой.»
- «Изъ-за того стола изъ за дубова,
- «Не золота звонка труба вострубила,
- «Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
- «— Полно вамъ, бояры, хвастати!
- «— Стану я васъ дарить, жаловать,
- «— Кого серебромъ, кого золотомъ,
- «— Кого скатнымъ жемчугомъ.»

Говорить княгиня Апраксѣвна:

- « Всѣхъ ты, князь-Солнышко красное,
- « — Довольно одарилъ, ужаловаль;
- « — Одного только удалаго молодца
- « — Не одарилъ ты довольно, не ужаловаль,
- « — Славнаго богатыря Илью Муромца.»

Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

- « — Подарю я удала добра молодца
- « — Тѣми дарами, которыя мнѣ пришли
- « — Отъ татарина, отъ бусурманова,
- « — Подарю я его тою шубой соболиною.»

Была-ль то случайность, иль князю впередъ
Шепнули назначить татарскую шубу,
Въ подарокъ Илейкѣ, — кто тутъ разбереть;
Но даръ показался Илейкѣ обиднымъ,
Почель за обиду Илья нашъ и то,
Что вспомнилъ не самъ князь о немъ, а княгиня.
Что значить Илейкѣ подарокъ? — Ничто!
Но къ явнымъ обидамъ онъ былъ непривыченъ.

- «Береть Илья Муромецъ шубу за одинъ рукавъ,
- «И бьетъ шубу о кирпичатъ полъ;
- «А самъ къ шубѣ приговариваетъ:
- «— Велитъ-то мнѣ Богъ шубу бить
- «— О кирпичатъ полъ,
- «— Велитъ мнѣ Богъ бивать,

«—Татарина басурманина.»

Хотѣлъ ли Илейка, изливши свой гнѣвъ
 На шубѣ татарской, хотѣлъ ли сказать онъ
 Тѣмъ самымъ поступкомъ, что онъ, одолѣвъ
 Потомъ и живаго татарина, въ полѣ,
 Расправится также,—не мысля совсѣмъ
 Нанести тѣмъ обиду державному князю;
 Но вызовъ былъ брошенъ теперь, и ничѣмъ
 Не могъ онъ продерзости этой исправить;
 Ихъ чаша раздора стояла полна,
 Ненадобно было въ ней больше ни капли...
 Сперва воцарилась кругомъ тишина,

Потомъ поднялся вдругъ кругомъ громкій ропотъ,—

«Тутъ князя бодре подмолвились;

«—Гой еси, батюшка Владиміръ князь!

«—Всѣмъ-то твои дары по любви пришли;

«—Одному-то улакому молодцу...

«—Дары тѣ не по любви пришли...

«Что по имени-то Ильѣ Муромцу.»

Испроговорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

«—Взять было улаваго добра-молодца

«—Бросить его въ погреба глубокіе,

«—Задрнуть рѣшетками желѣзными

«—Завалить чашей хрящемъ-камнемъ.»

Какъ листъ, встрепенулись бодре князья,—

Достигла обида желаемой цѣли;

Однако не свой братъ могучій Ильѣ!

Кто сунется первый къ нему? Кто подступитъ?

«Ну, что же вы стали? Ильѣ говорить.

Я, можетъ, и вправду предъ батюшкой-княземъ

Виновецъ; ведите, куда онъ велитъ.»

Враги его робко еще пошептались,

И двинулись къ двери.—Ильѣ самъ пошелъ...

Душевно ликуя, они затворили

Его въ глухой погребъ, поставили столъ

Къ нему и скамейку,—но пища поставили,

Какъ видно, забыли; а слугамъ своимъ

Велѣли асыномъ подвалъ хрящемъ-камнемъ.

~~Тагъ онъ погребенъ былъ, Илья нашъ, живчикъ,~~
 Покуда умереть онъ голодною смертью ¹²⁾.

Минуло три года. Сидитъ нашъ Илья,
 Въ тюрьмѣ своей темной, живой или мертвый;
 О немъ ужъ забыли. Осталась земли
 Безъ крѣпкой защиты его, богатырской;
 Росло несогласіе богатырей
 Съ свѣтъ-Солнышкомъ княземъ; не смѣи подступиться
 Теперь къ самоправству бояръ и князей;
 Разъбѣхалось старшее все богатырство,
 Богъ знаетъ куда, а за ними во слѣдъ,
 Исчезли и витязи младшіе. Больше
 Не грѣль, не манилъ ихъ холодный привѣтъ
 Свѣтъ-краснаго Солнца; остались при князѣ
 Бояре да князи; померкъ его свѣтъ,
 Хотя и сиялъ онъ, казалось, какъ прежде.

~~Три года — считается. Минута — секунда.~~
 Сидѣлъ Илья старшій въ томъ погребѣ темномъ,
 Какъ пойманный въ клетку жельзную звѣрь,
 Какъ замкнутый въ тучу, богъ древній, Громовникъ;
 Но вотъ посѣтила и князя бѣда,
 Стряслось падъ нимъ горе, какихъ не бывало;
 Какъ грозныя тучи, какъ вешня вода,
 На Кіевъ нахлынули злые татары.

«Зачѣмъ мать сыра земля не погнетса,

«Зачѣмъ не разступится?

«А отъ пару было отъ конинаго

«А и мѣсяцъ, и солнце померкнули,

«Не видать луча свѣта бѣлаго;

«А отъ духу татарскаго

«Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.»

«Обступили вокругъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ,—

«Соколу летѣть на меженный день,

«Маленькой птичкѣ не пролетѣть.»

Повѣсиль головушку Солнышко-свѣтъ;

Куда ни посмотреть, вездѣ вражья сила,—

А въ Кіевѣ-градѣ ни витязя нѣтъ,

*

Не то что могучих богатырей старшихъ.

Пожалуй, и нуждушки не было-бъ въ нихъ,

Когда бъ оставался при князѣ Илейка;

Да гдѣ онъ? «Не можетъ Илья быть въ живыхъ!»

Вздыхаетъ князь стольный, о старомъ Илейкѣ, —

«Нѣтъ у насъ стоятеля,

«Нѣтъ у насъ оберегателя,

«Удалова добра-молодца, Ильи Муромца.»

Одной лишь княгинѣ, какъ бы ничего.

Она говоритъ Володиміру Князю:

«Послалъ бы ты, князь, поразвѣдать кого, —

Не живъ ли Илья? Все на свѣтѣ бываетъ.»

Отвѣчаетъ ей Владиміръ-Князь:

«— Ты гой еси, Княгиня неразумная!

«— Сними-ка ты буйну голову,

«— Приростеть ли она къ плечамъ?»

«Говоритъ Княгиня Князю-Владиміру:

«Посылай только, — онъ живъ сидитъ.»

А наша княгиня себѣ на умѣ!

Когда засадилъ князь Илью въ темный погребъ, —

Пускай-де сидитъ тамъ Илья, въ вѣчной тѣмѣ, —

Княгиня рѣшила; а живъ Илья будетъ,

Все-жъ намъ пригодится. И тутъ же она

Велѣла носить къ нему хлѣба съ водою;

Но только и знала Княгиня одна

Про эту уловку, да вѣрные слуги.

Пошелъ Князь-Владиміръ самъ въ погребъ **глухой,**

Увѣренный впрочемъ, что умеръ Илейка

Голодною смертию. Взялъ также съ собой

Зачѣмъ-то Владиміръ и дочку, Кунаву.

Приходятъ вдвоемъ они въ погребъ сырой, —

«Сидитъ старый казакъ Илья Муромецъ,

«Сидитъ-то за дубовымъ столомъ,

«(Сѣдая борода сквозь столъ проросла,)

«И читаетъ книгу онъ евангелію.»

«Упалъ Владиміръ-Князь Илья въ правуногу:

«— Ай же ты, старый казакъ, Илья Муромецъ!

«— Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,

«И ради матушки свѣто-Русь земли.»

Взглянулъ на Владиміра старшій Илья,
И самъ прослезился. Тихохонько поднялъ
Онъ князя съ земли, посадилъ близъ себя,

И молвилъ: «жалъ, стольный князь, — жалъ твое царство!»

Владиміръ открылъ свое горе Ильѣ,
И сталъ умолять, послужить странѣ русской, —
Когда не ему, хоть родимой землѣ.

«Изволь, отвѣчалъ нашъ Илья, послужу я
«Святой землѣ русской.»

«Я пойду Калина упрашивать...

«Приведи къ Ильѣ измѣнниковъ!—

«И посѣкъ онъ имъ буйвы головы»¹³⁾.

Обѣхалъ Илейка татарскую рать,

Но видить, что съ силой такой онъ не сладить;
А можетъ, и просто хотѣлось опять
Вернуть ему въ Кіевъ богатырей старшихъ.
Подумалъ Илейка,—и выѣхалъ онъ
Не противъ татаръ, а въ раздольное поле.

Сидитъ въ шатрѣ бѣломъ могучій Самсонъ,
Отецъ его крестный; сидятъ съ нимъ двѣнадцать
Товарищей старыхъ. Отвѣсилъ Илья
Самсону поклонъ и богатырямъ старшимъ,
И началъ ихъ звать на Калина-царя;
Но крестный Илейкѣ на это отвѣтилъ:

«—Ай же ты, любимый крестничекъ!

«—Кладена у меня заповѣдь крѣпкая,

«—Не бывать бы мнѣ во градѣ во Кіевѣ

«—И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра,

«—И на княгиню Апраксию не сматривать,

«—И не стоять бы больше за Кіевъ-градъ.

«—Онъ слушаетъ князей-бояръ,

«—А не почитаетъ богатырей».

«Тогда сталъ Илейка его уговаривать:

«—Батюшка крестный, Самсонъ Самсонович!

«—Не ради князя Владиміра,

«—Княгини Апраксиі Королевишны,

«—Ради дому пресвятыя Богородицы

«—И чудотворцевъ Кіевскихъ,
 «—И ради матушки свѣто-Русской земли,
 «—Положи ты половину грѣха на меня.
 «—Поѣдемъ ко мнѣ на помочь,
 «—Пособи мнѣ прогнать царя-Калина!»
 «—Я иду служить за вѣру христіанскую
 «—И за землю россійскую,
 «—Да и за стольный Кіевъ-градъ,
 «—За вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей...
 «—А для собаки-то князя-Владиміра
 «—Да и не вышелъ бы я вонъ изъ погреба...
 «И уприся Ілья Муромецъ
 «Самсона Самоиловича и двѣнадцать богатырей».

Они разогнали татарскую рать;
 Очистили Кіевъ отъ вражеской силы,
 Спасли красно-Солнце. Спѣшить удирать
 Царь-нехристь Калина къ себѣ восояси,—

«Бѣжить онъ, а самъ приговариваетъ:
 «Закажу я и дѣтямъ, и внучатамъ
 «Въздитъ ко городу ко Кіеву.»

Встрѣчаетъ Владимиръ съ Княгиней своей,
 Со всѣмъ дворомъ свѣтлымъ и Кіевомъ-градомъ,
 Встрѣчаетъ Ілью онъ и богатырей;
 Велитъ разослать онъ сукно дорогое
 Имъ подъ ноги; ключницамъ княжимъ велитъ
 Насыпать сребра имъ и чистаго злата,
 И жемчугу, полныя мисы; даритъ
 Лисицами черными ихъ, соболями;
 Но *кончилисъ* прежде еще ихъ *сердца*.
 Они остаются у стольнаго князя;
 Одинъ лишь Ілейка, дождавшисъ конца
 Пировъ и веселья, опять распрощался
 Съ свѣтъ-Солнышкомъ, —съ этой поры, навсегда ¹⁴⁾.

Свершили, говорятъ, онъ еще три поѣздки;
 Былъ въ славномъ Царьградѣ, гдѣ много тогда
 Людей было русскихъ; избавилъ въ Царьградѣ
 Царя Мануила отъ лютыхъ враговъ;
 И тамъ, задалъ также пиръ Голи-Голянскою...

Знай, славный Царьградъ, — знай до позднихъ вѣковъ,
 Какъ здѣсь поживалъ богатырь земли Русской!
 Богатъ бы Илейка былъ въ жизни своей;
 Но онъ раздавалъ все на Божіи церква.

Еще проложили онъ немало путей
 И новыхъ мостовъ намостилъ въ землѣ Русской;
 Немало онъ вывелъ и богатырей
 Изъ плѣна отъ грековъ, стоялъ на заставахъ;
 Но гдѣ-бъ Илья ни былъ, вездѣ онъ щитомъ
 Былъ слабымъ сиротъ и людей угнанныхъ.

Тужилъ онъ однако предъ славнымъ царемъ,
 Царемъ Мануиломъ про прежнюю службу:

«Служилъ-то я у Князя Владиміра,
 «Служилъ я ровно тридцать лѣтъ;
 «А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
 «Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
 «А хлѣба-соли мягкія»¹⁵).

Но свѣтъ христіанства все шире свѣталъ;

Въ немъ таяли быстро чудовища мрака,
 Міръ древній окончился; часъ наступалъ.
 Туда же уйти и богатырямъ новымъ.
 Теперь неудобно ужъ было для нихъ
 Кичиться своею тѣлесною силой;
 Намѣсто вонтелей этихъ земныхъ,
 Въ міръ новый вступала рать воинствъ небесныхъ.

И вотъ, въ самомъ полномъ разгарѣ своемъ,
 Во цвѣтѣ всей силы своей богатырской,
 Илья нашъ снимаетъ булатный шоломъ
 И ратную сбрую, и самъ покидаетъ
 Полезную службу родимой странѣ, —
 Бросаетъ народъ и роднаго Микулу;
 Какъ будто не хочетъ закончить вполнѣ,
 Что началъ съ такимъ онъ блестящимъ успѣхомъ.
 Его охватило-ль напѣтемъ святымъ,
 Какъ многихъ въ то время, спасти свою душу,
 Иль онъ утомился диванствомъ слѣпымъ,
 И темной неправдой прихвостниковъ князя,
 Иль думать Илья, что отнынѣ земля

Сама постоять за себя старуха Княземъ;
 Но только простился могучій Илья
 Съ мечемъ своимъ бранимъ и съ кровнымъ Микудой, —
 «И воздвигнулъ животь*» въ славный Киевъ-градъ,
 «И построилъ онъ церковь соборную,
 «Тутъ Илья и окаменѣлъ».

Другіе толкуютъ, что онъ, Илья, сълъ
 На Соколь-корабликъ, и въ этомъ древнѣйшемъ
 Гробу богатырскомъ исчезъ, улетѣлъ,
 Въ воздушное царство стариннаго Рода,
 Славянскаго Ямы.

Гробъ пышетъ,
 Мертваецъ перестъ,
 Ладонь пышетъ,
 Свѣчи горятъ —

Еще есть рассказъ:

Но онъ представляетъ Илью на заставѣ
 Опять богатырской. Бѣда лишь угасъ
 Раздоръ его съ княземъ, и мощная сила
 Воителей русскихъ, спасла край родной
 И стольный градъ Киевъ, отъ полчищъ татарскихъ, —
 Блескъ этой побѣды, какъ брагой хмѣльной,
 Совсѣмъ отуманилъ ихъ духъ богатырскій.
 Стоять на заставѣ они съ нимъ, Ильей,
 И такъ межъ собою они разсуждаютъ:
 «Еслибы была вся сила небесная,
 «Прирубили бы (мы) и всю силу небесную».

Лишь вымолвилъ это Алеша, — тотчасъ,

Отколь ни взялись, два воююща дуплика
 Алеша ударилъ на нихъ, чтобъ зарезъ
 Покончить обоихъ, сверкнулъ молъ булатный
 У нихъ надъ плечей, разрубилъ пополамъ,
 Но чудное дѣло, — ихъ стало попару
 Помчался Добрыня; но вынесъ, вѣрнѣе
 Все было равно — что онъ, Алеша,
 Добрыня и тѣхъ четверныхъ разрубилъ.

* Животь, въ настоящемъ смыслѣ, означенъ богатыремъ.

Но стало ихъ восьмеро... Все растутъ вдвое!
 Наѣхалъ Илейка, — его не смутялъ
 Такой чудный случай... Наѣхалъ Илейка,
 И началъ рубить ихъ, что было въ немъ силъ;
 Но сколько онъ срубилъ, настолько ихъ больше.

«Бросились на нихъ всѣ витязи,

«Стали они колотъ, рубить...

«А сила все растеть да растеть,

«Все на витязей съ боемъ идетъ.

«Не столько витязи рубятъ,

«Сколько добрые кони ихъ топчуть;

«А сила все растеть да растеть,

«Все на витязей съ боемъ идетъ».

«Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,

«Намахались ихъ плечи могущия,

«Уходились кони ихъ добрые,

«Притупились мечи ихъ булатные, —

«А сила все растеть да растеть,

«Все на витязей съ боемъ идетъ».

«Испугались могущіе витязи:

«Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры;

«Какъ побѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣеть,

«Какъ побѣжитъ другой, такъ и окаменѣеть, —

«Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Русь».

Такъ кончалъ, по древнимъ сказаньямъ, Илья
 Свою боевую жизнь, полную славы

И подвиговъ чудныхъ; остались земля

И вѣщій Микула безъ силушки прежней.

Однако Илья, нашъ древнѣйшій титанъ,

По мнѣнью народному, вовсе не умеръ...

Подобно стариннымъ героямъ славянъ,

Онъ живъ и здоровъ, — только ждетъ времени лучшихъ ¹⁷⁾.

Народъ прерываетъ на этомъ рассказъ

О дняхъ своихъ древнихъ, — и вѣщій Микула,

Микула былой, исчезаетъ изъ глазъ:

Перуну-Стрибогу нельзя оставаться

Въ землѣ христіанской. Онъ ~~сталъ ей чужимъ,~~
 Его прежній образъ тотчасъ же ~~мѣняется.~~
 Народъ это ~~понялъ~~; но онъ ~~свыкъся съ нимъ,~~
 Народъ безъ Микулѣ жить больше не можетъ,
 Въ Микулѣ родная его плоть и кровь,
 Онъ Родъ его древній, въ немъ образъ народный, —
 И онъ, для страны возраждается вновь,
 Но въ образѣ скромномъ, простомъ земледѣльца:
 «А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
 «Домой выволочу, да дома вымолочу,
 «Пива наварю и мужичковъ напою;
 «Станутъ мужички меня покланявати;
 «Молодой Миклушка Селяниновичъ.

Но этотъ позднѣйшій Микула не могъ
 Совсѣмъ ~~отрѣшиться отъ древняго міра;~~
 Въ расколѣ онъ будетъ ~~опять идоломъ,~~
 И міръ его древній возникнетъ съ нимъ ~~слеза.~~
 При всей теплой вѣрѣ сердечной своей,
 Онъ все еще тотъ же старинный язычникъ;
 Съ нимъ нѣтъ ни боговъ ужь, ни богатейрей,
 Но онъ замѣнилъ ихъ таинственной силой
 Заступниковъ новыхъ, — силъ высшихъ, ~~святыхъ;~~
 Воителей горнихъ небеснаго міра.
 Онъ видитъ своихъ покровителей въ нихъ,
 И тѣмъ начинается рядъ новыхъ преданій.
 Они помогаютъ и нынѣ ему,
 Какъ прежніе боги, въ бѣдахъ и напастяхъ,
 Хранять и въ дорогѣ его, и въ дому,
 Возносять мольбы за него передъ Богомъ.
 Онъ знаетъ ужь, гдѣ-то въ горахъ, свѣтлый рай, —
 Однажды, по Волгѣ плывутъ Новгородцы,
 Изъ нихъ двое-ль, трое-ль, зашли ~~незваной~~...
 Въ то райское царство — и тамъ и остались...
 Онъ знаетъ Китежъ-градъ подземный, ~~буде~~
 Въ татаринѣхъ ~~этно~~, ~~увидѣлъ~~ Богъ достойныхъ.
 Градъ этотъ построилъ Егорій, ~~когда~~

Онъ превла устраивать русскую землю;
 Во дни же Батия, когда онъ съ ордой,
 Разграбивши край нашъ, сюда приближался, —
 Земля разступилась, и городъ святой,
 Въ глазахъ супостатовъ, ~~какою~~ ~~тогда~~ землю.
 Кятижъ-градъ ~~полвековой~~ и ~~нынѣ~~ стоять
 Вблизи свѣтлаго озера. Тамъ, въ струяхъ, видны
 Церковныя главы, — народъ нашъ спѣшитъ
 Искать туда ~~святой~~ ~~водичи~~, послушать
 Подводную службу ¹⁸⁾.

Бояре, князья,

Оставшись безъ силы былой, богатырской,
 Должны были сами радѣть, чтобъ земля
 Опять не досталась чудовищамъ древнимъ
 Иль храбрымъ сосѣдамъ. Во дни новыхъ смуть,
 Кровавыхъ раздоровъ и каверъ семейныхъ,
 Князья взяли волю. Ихъ силы растутъ,
 Въ ихъ кругъ прибываютъ все новые люди;
 Самъ Солнышко-князь только образъ для нихъ,
 Священный хранитель ихъ собственной власти;
 Онъ древній Сварогъ этихъ силъ молодыхъ,
 А въ нихъ вновь воскреснули прежніе боги.
 Старинный градъ Кіевъ, Асгардъ нашъ святой,
 Утративши блескъ свой, сталъ имъ неудобенъ;
 Здѣсь все еще вѣяло жизнью былой,
 Народъ еще чувствовалъ прежнюю силу,
 Былъ близокъ врагъ внѣшній. Имъ надобенъ сталъ
 Градъ новый престольный, — Москва, средоточье
 Верховной ихъ силы, гдѣ-бъ твердо стоялъ
 Столъ князя, подъ ихъ благородной охраной;
 Откуда-бъ могли они править страной,
 Какъ древніе боги съ высокаго неба;
 Гдѣ-бъ видѣлъ народъ ихъ всегда надъ собой;
 Куда-бъ приближался онъ съ трепетомъ рабскимъ.
 Микула, — хоть книжно, но передалъ намъ,
 Какъ ѣздилъ Данило-князь, съ нѣкимъ гречинимъ,

Изыскивать мѣсто, по темнымъ лѣсамъ,
 Для этого новаго стольнаго града;
 А братель князь гречина Василья съ собой,
 Затѣмъ, что онъ мудръ былъ и зналъ все, что будетъ.

Заѣхалъ Данило съ нимъ въ островъ глухой,
 Гдѣ топкое было, большое болото;
 Заѣхалъ князь въ островъ съ гречиномъ, и зрять
 Пречуднаго, очень великаго звѣря:

«Звѣря превеликаго и пречуднаго,
 «Троеглаваго и краснаго».

Тогда князь узнать восхотѣлъ, что сулить
 Видѣніе это столь чуднаго звѣря;

И хитрый гречинъ объясняетъ ему,
 Что на-этомъ мѣстѣ градъ будетъ великій, —

«Распространится царство треугольное,
 «И разныхъ орды люди
 «Въ томъ царствѣ умножатся, —
 «Преобразуетъ все это троеглавыи звѣрь;
 «А разные цвѣта на немъ,
 «Они означаютъ, что изъ всѣхъ странъ земныхъ
 «Учнутъ въ этомъ царствѣ жить разные люди»¹⁹⁾.

Явилась Москва. Хоть Москва по всему
 Должна бы, казалось, быть чуждой Микулѣ, —
 Микула близъ князя теперь не имѣлъ
 Заступниковъ прежнихъ, богатырей древнихъ;
 Отсюда надъ нимъ и страной тяготѣлъ,
 Еще небывалый, гнетъ власти боярской;
 Но этотъ градъ новый, какъ городъ святой,
 Ему сталъ священнымъ. Онъ смѣшивалъ долго
 Его даже съ Киевомъ первой дорой,
 Ввелъ дивовъ въ него и богатырей старшихъ;
 Но послѣ, увидѣвъ ошибку свою, —
 Онъ снова увелъ ихъ на прежнее мѣсто.

Когда жъ Москва, городъ сильнѣйшій въ краю,
 Тѣснить собой стала Микулину землю
 И меньшіе грады, а пуще народъ;

Микула утратилъ старинную силу,
 Онъ былъ одинокъ ужь, его древній родъ
 Давно былъ раскиданъ по цѣлому краю,
 Подъ властію князя, кому онъ вручилъ
 Еще въ древнемъ мірѣ власть высшую въ край;
 Значенье Микулы, что онъ получилъ
 Во тьмѣ первобытной стихійнаго міра,
 Исчезло; блескъ прежнихъ его вѣщихъ силъ
 Сняло христіанство: то былъ Селянинъчъ;
 Но это ужь не былъ Микула былой,
 Старѣйшина племени, князь златой сошки;
 Надъ нимъ были власти; его край родной
 Былъ весь наводненъ басурманскою силой.

Когда-жъ еще хуже пришли времена,
 Когда надломилъ поборы, налоги,
 И врознь зашаталась родная страна,
 Подъ игомъ боярскимъ; что тутъ оставалось
 Микулину роду?.. Одно лишь, — бѣжать, —
 И онъ разбѣжался. Деревни пустыли,
 А степь населялась. Пытался призвать
 Микула, на помощь, богатырей древнихъ;
 Но вмѣсто могучихъ богатырей, шли
 Разбойники, хищная голь и бродяги;
 Весь складъ измѣнился родимой земли,
 Онъ самъ находился среди людей новыхъ ²⁰).

Запомнилъ Микула въ сказаньяхъ своихъ,
 Запомнилъ Литву онъ и бой Куликовскій,
 Впязей и бояръ, для него дорогихъ;
 Запомнилъ и тѣ дни, когда царилъ Грозный,
 Когда выводилъ онъ измѣну въ Москвѣ;
 Запомнилъ Маринку, потомъ Соборъ земскій...
 Но люди другіе стоятъ ужь въ главѣ
 Страны и событій ²¹).

Микула замкнулся,
 Отъ тяжкихъ стѣсненій и новыхъ властей
 Въ свой міръ полудревній, полухристіанскій.

Онъ пробовалъ прежде, когда былъ сильнѣй,
 Отстаивать мѣръ свой и древнюю волю;
 Но выпшая власть, что незримо росла
 Во градѣ престольномъ, его отстранила.
 У ней была сила, она все могла,
 У ней были средства и кой-какой свѣточъ;
 А онъ оставался невѣждой былымъ.
 Событья и власти его затирали
 Въ безвыходномъ мракѣ; онъ свывнулся съ нимъ;
 Его ужъ страшили дневной свѣтъ познаныя
 И всякій шагъ твердый, свободный, впередъ, —
 Чтобъ не было хуже.

А власть, безразсудно
 Страхась его силы, толкала народъ
 Все глубже и глубже въ мракъ этотъ бездонный;
 Микула-Громовникъ сталъ выючнымъ скотомъ;
 Онъ будто исчезъ или заснулъ непробудно,
 За то и проснулся онъ нищимъ, — рабомъ...

Но все-таки это его не сломило.

Онъ чувствуетъ силы былыя свои;
 Онъ втайнѣ хранить и богатей древнихъ, —
 Хранить онъ ихъ силу, на лучшіе дни,
 Когда возвратятъ въ Русь свѣтъ и правда.
 Онъ знаетъ, что рано ли, поздно-ль, придетъ
 Божественный вечеръ небесныхъ величій,
 Когда истребить ихъ огонь, — и онъ ждетъ,
 Ждетъ съ вѣрою это великое время:

«Загорится матушка сыра-земля,
 «Съ Востока загорится до Запада,
 «Съ Полуденъ загорится да до Ночи,
 «И выгорятъ горы съ раздольями,
 «И выгорятъ лѣсы темные».

«И соплетъ Господь потопіе,
 «И вымоетъ матушку сыру-землю,
 «Аки харатью бѣлую,
 «Аки скорлупу яичную,

«Аки двицу непорочную».

«И соидетъ Михаилъ архангель-батюшка,
«Вострубить во трубоньку золоту:
«И пойдутъ гласы по всей землѣ,
«Воскреснуть живые и мертвые...»²²).

Микула ждеть этихъ послѣднихъ временъ, —
Но ждеть терпѣливо. Теперь угнетають,
Поносять его; а тогда будетъ онъ
Опять тѣмъ же прежнимъ, богатымъ Микулой.
Едва возсіяетъ блескъ новой зари, —
И онъ просвѣтитъ, какъ красное солнце;
Возстанутъ и древніе богатыри,
Что ждуть не дождутся, по темнымъ пещерамъ,
Дней этихъ жеманныхъ. И будетъ судить
Онъ самъ тогда эту невѣрную землю,
Гдѣ негдѣ ему головы преклонить.
Не будетъ тогда нигдѣ ворону пиши;
Но будетъ міръ новый, и въ немъ будутъ жить
Его предызбранные люди, по правдѣ;

«Растворилися седьмыя небеса,
«Сокатилися златыя колеса,
«Золотыя, еще огненныя;
«Надъ пророками пророкъ-сударь гремить,
«Нашъ батюшка поватываетъ,
«Утверждаетъ онъ святой божій законъ».

«Что вы, вѣрные, избранные!
«Я дождусь той поры, времечка,
«Перебирать буду всяко сѣмечко;
«Я отъ чистыхъ не укроюся,
«Надъ царями царь откроюся,
«Завладѣю всѣми престолами
«И короною со державою;
«Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся,
«И вы рядомъ со мною сядете».

«Не помогутъ, мои други,
«Сего свѣта вамъ князья
«И цари-то всѣ земные;

«Пойдутъ они подѣ землю
«И покроетъ ихъ земля,
«Что горячіе каменья,
«За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье»...» 23).

И ждетъ онъ, Мивула, съ терпѣньемъ, тотъ часъ,
Когда воцарится онъ снова надъ міромъ, —
О чемъ и начнется дальнѣйшій разсказъ.

Конецъ первой книги.

ПРИМЪЧАНІЯ.

А. Кайгородовъ

ПРИМѢЧАНІЯ.

Въ 1-й пѣсни:

1) Микула Селяниновичъ (или Селягиничъ и Сѣятелевичъ) есть названіе въ древнихъ русскихъ былинахъ богатыря-пахаря, родоначальника и представителя земледѣлія. Имя и отчество эти, новыя; но мифическое лице Микулы весьма древнее. Еще скифы, между которыми наука признаетъ нынѣ и славянъ, производили осѣдлыя земледѣльческія племена свои отъ сына Солнца, князя колесницы или князя кола, колеса, сохи, Колоксай (Kola-ksais), у котораго было два брата: князь Щитъ, — Шекро-ksais, и князь Стрѣла, — Агро-ksais, представителями воинственныхъ и кочевыхъ племенъ. Князь кола или сохи, Колоксай, былъ ихъ меньшой братъ; онъ владѣлъ золотой сохой, золотымъ топоромъ и золотой чашей, упавшими ему изъ солнца. Старшіе его братья, дотронувшись до сохи, обожгли себѣ пальцы, такъ какъ она упала съ неба, еще раскаленная солнечнымъ огнемъ. (Не отсюда ли и народная поговорка при неудавшемся дѣлѣ: что, обжогся? Или: смотри, не обожгись!) Старшіе братья отступились отъ желанія овладѣть сохою, и Колоксай сталъ главнымъ господиномъ земли. Коло на древне-славянскомъ языкѣ означаетъ колесо; отъ чего произошло и древнѣйшее скифское слово, употребляемое и славянами, — коломага. Такъ назывались у скифовъ подвижные ихъ шатры на колесахъ или на колахъ. (Сравн. изуч. народн. быта и поэзиі, Бу-слаева, Р. в. 1873 г. Январь; поэт. воз. слав. на прич. Афанасьева, ч. I, ст. 558, les Gètes, par F. G. Bergmann, ст. 94). Въ древнихъ ведахъ самое солнце воспѣвается въ образѣ колеса. Оно ѣздитъ на чудесной колесницѣ. Первобытнымъ племенамъ представлялся въ образѣ пахаря и богъ Громовникъ, научившій человѣка воздѣлывать нивы, пахать и засѣвать землю; а грозное облако уподобляется у нихъ плугу. Язонъ вспахалъ поле (небо) мѣдными огнедышащими быками, т. е. громовыми тучами, и засѣялъ дра-

коновыми зѣбами, молніями. На преданія упоминаютъ также о пахатѣ на змѣяхъ, — громовыхъ гучахъ. Впослѣдствіи же, мѣсто мифическаго дѣйствія перенесено съ неба на землю. Въ Украинѣ поселяне убѣждены, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ ружелку; что Хригосъ пашеть ниву, а Богородица засѣваетъ зерножь. Вообще тяжелое дѣло земледѣлія преподано людямъ и наложено на нихъ богами. Въ созвѣздіи Оріона наши земледѣльцы по сіе время видятъ небесный плугъ; въ старину, наканунѣ Богоявленія кликали плугу, и плугъ же считается орудіемъ къ изгнанію смерти, посредствомъ опахиванья. (Буслаевъ, тамъ же; Аф. I т. ст. 550—565). Богъ Громовникъ — творецъ урожаявъ, установитель земледѣлія, покровитель пахарей, является и самъ, въ образѣ простаго крестьянина, воздѣлывать нивы своимъ золотымъ плугомъ, подобно Микулѣ Селяниновичу (Аф. т. II, ст. 681). По вендскимъ преданіямъ, первому челоуѣку, Джимѣ; вручены были его отцомъ золотая вѣялка и золотое жало, символы земледѣлія и скотоводства, — также знаменующіе князя мира. Яма древнихъ ведъ и Джима тождественны; они оба сыны Солнца, а, можетъ быть, и сами то же солнце, представители земледѣлія. Яма сынъ свѣта и грозовой тучи; онъ же и царь усопшихъ. (Каррьеръ, т. I, ст. 267—320). Г. Квашнинъ-Самаринъ отождествляетъ Микулу съ Океаномъ, конечно воздушнымъ, съ морскимъ царемъ Стрибогомъ, съ Вишну и Варуной. «Ношеніе Микулой своей тяжкой сумочки, (т. е. съ тягой земли), говоритъ онъ, не есть ли одинъ и тотъ же мифъ съ извѣстнымъ воплощеніемъ Вишну, когда онъ, принявъ образъ черепахи, поддержалъ землю, колеблющуюся на водахъ океана! А Вишну въ позднѣйшемъ браманизмѣ смѣнили именно древнѣйшаго морскаго царя арійскихъ мифовъ—Варуну. Какому же божеству прилично носить на своихъ плечахъ землю? Одному Океану, — по нашему, морскому царю, Стрибогу». (Русск. в. 1874, Септ. ст. 23). Какое же древнее имя было Микулы Селяниновича? Изъ сборника русскихъ былинъ Гильфердинга тотъ же авторъ извлекаетъ еще два отчества Микулѣ, а именно: Селягиничъ и Сѣятелевичъ. Въ Олонецкой губ. пахотная земля называется селяга. «А Сѣятелевичъ, говоритъ онъ, указываетъ на Стрибога гораздо прямѣе, чѣмъ Селяниновичъ. Почему имя, подъ которымъ Стрибогъ выводится въ древнѣйшихъ былинахъ, можетъ быть и восстановлено (хотя конечно, и гадательно) такъ: Селяга Сѣятелевичъ». (Тамъ же, ст. 25, 26). При этомъ замѣтимъ еще, что въ нашихъ христіанскихъ преданіяхъ древній Яма уже называется св. Николаемъ: «посреди рая лавровое дерево распустило золотыя вѣтви съ серебряными листьями; подъ деревомъ стоитъ ложе, усыпанное цвѣтами, а на ложѣ почиваетъ св. Николай» (Аф. т. I, Январь, 576). Яма есть также представитель земледѣлія, — и нотому съ одной стороны, если слово:

Микула и можетъ, пожалуй, считаться искаженнымъ именемъ позднѣйшаго его двойника, Николая, хотя народъ говоритъ: Микола или даже Никола (Микола мплостивый, Микола Можайскій), а не Микула; но съ другой стороны, невольно обращаетъ на себя вниманіе имя, встрѣчающееся очень часто въ Магабгаратъ: Накула, также божественнаго князя колесницы. — и, можетъ быть, когда нибудь будетъ доказано, что это имя — Накула, и имена: Болоксаи и нашъ Микула не чужды между собою; но что, во всякомъ случаѣ, послѣднее, — если и можно произвести его отъ позднѣйшаго имени: Николай, — скорѣе замѣнило только древнѣйшее, нежели произошло отъ этого христіанскаго имени.

2) Основаніемъ этой поэмы служатъ вообще народныя преданія. Впрочемъ, «съ богословской ли, или вообще съ исторической сравнительной точки зрѣнія, говоритъ Каррьеръ, общепризнанное сходство между преданіями язычниковъ и библейской исторіей настоятельно говоритъ въ пользу той мысли, что язычники, вмѣстѣ съ христіанствомъ принимая и сказанія библейскія, тѣмъ довѣрчивѣе и искреннѣе могли къ нему относиться, чѣмъ болѣе открывали они родственныхъ узъ, которыми сказанія эти связывались съ ихъ старинною и стародностью; чѣмъ болѣе все неясное и разрозненное въ своихъ старобытныхъ преданіяхъ и вѣрованіяхъ могли они облечь въ типическую форму историческихъ сказаній, скрѣпленныхъ авторитетомъ церкви». Такъ первожденный и первоумершій Яма и первый человекъ Джима тотъ же самый библейскій Адамъ, въ другихъ только образахъ, а роль Харона, по русскимъ духовнымъ стихамъ, исполняетъ Михаилъ-Архангелъ, который, впрочемъ перевозитъ только души праведныхъ къ пресвѣтлому раю, предоставляя грѣшнымъ самимъ брести по огненной рѣкѣ и претерпѣвать мученія, и т. д. (Рел. древ. міра въ отнош. къ христіанству, Р. вѣст. 1873, мартъ, ст. 603, 615).

3) Эти четыре строчки, означенныя вносными знаками, взяты изъ народныхъ былинъ, изд. Рыбникова. Во избѣжаніе излишнихъ выносокъ, считаю нужнымъ оговориться, что и всѣ послѣдующія заимствованія, означенныя сначала до конца такими же вносными знаками, взяты изъ тѣхъ же былинъ, изд. Рыбникова, Бирѣвскаго и др., или изъ духовныхъ народныхъ стихотвореній.

4) «Изученіе ведъ бросило нежданнй свѣтъ на начало другихъ религій, говоритъ Альфредъ Мори (*creyances et légendes de l'antiquité*). Въ ведахъ изображенъ міръ, не имѣющій ничего общаго съ позднѣйшимъ міромъ эпохи эпической. Въ томъ мірѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда кастъ, ни переселенія душъ. По мнѣнію арійца, Богъ одинъ, а всѣ прочія божества только его образы. «Божественный Духъ, вращающійся въ небесахъ, какъ поется въ одномъ ведійскомъ гимнѣ, называется Индрой, Митрой, Варуной,

Агни; мудрецы даютъ ему и еще много другихъ названій: Агни, Ямы, Матарисвана». Но Сома есть творецъ всего, въ прошедшемъ настоящемъ и будущемъ; онъ отецъ мудрости, создавшій небо, воздухъ и звѣзды; онъ же возводитъ и солнце на небо. Поэтому можно сказать, что Индія во время ведъ, была классической страной всѣхъ религій. Отсюда произошли брамизмъ въ Индіи, мадеизмъ въ Персіи; отсюда возникли потомъ религіи Эллиновъ, Италійцевъ, Германцевъ, Славянъ и Кельтовъ. «Вначалѣ была Любовь; изъ нея изшло первое сѣмя жизни. Сперва міръ былъ одною нестройной массой, носившейся вверху воды. Мирозданіе совершилось въ глубокой древности; но продолжается непрестанно, исходя отъ нашего общаго отца, прародителя»... «Такъ поется въ ведахъ, которыя вообще относятся къ слишкомъ ранней эпохѣ, чтобы искать въ нихъ космогоническую систему или опредѣленное понятіе о будущей жизни». Тоже самое говоритъ и Баррьеръ, въ своемъ сочиненіи: искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человечества» (Т. I, ст. 272—273). «Въ идеалѣ божества, говоритъ онъ, вначалѣ видѣли идеалъ разума, и вѣра въ единое божество была первоначально для всѣхъ обща. Впрочемъ и мифологическій процессъ, съ зависящимъ отъ него появленіемъ разнообразныхъ божественныхъ обликовъ, начался еще до подѣла арійскихъ племенъ между собою, что видно изъ соответственныхъ другъ другу божескихъ именъ, изъ особенныхъ сказаній и обрядовъ, встрѣчающихся у разныхъ народностей. Сходство это однако основано вовсе не на позаимствованіи, напротивъ, многое что съ историческимъ развитіемъ затмилось для самихъ Эллиновъ или Германцевъ въ первоначальномъ своемъ смыслѣ; то снова проявилось теперь для насъ вслѣдствіе розысканій надъ ведами или же на оборотъ, иной обычай нынѣшнихъ нѣмецкихъ крестьянъ истолковываетъ трудныя мѣста древне-индійскихъ гимновъ».

5) «Слово ариі (какъ бы аричи, съ отечественнымъ окончаніемъ ичъ), говоритъ г. профессоръ Буслаевъ, есть не иное что, какъ отцовскія дѣти (какъ бы: отичи), потому что ари или аря значить отецъ или глава семейства». (См. пред.) Слово же Ирій и Вырій или Вырей, по мнѣнію г. Афанасьева, (т. III, ст. 800) только лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того же корня, только въ иной формѣ arj. А по мнѣнію Котляревскаго (О погреб. обыч. ст. 198), этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень гај (радж.), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небснаго блеска, небснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ ведахъ. М. Миллеръ, на котораго ссылается Котляревскій, говоритъ о санскритскомъ существительномъ гајасъ (раджасъ),—это первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

Ригъ-веды множ.: число отъ раджас означаетъ облачное небо. Арийскіе народы вообще причисляются къ роду Іафета; г. Бергманъ находитъ этотъ терминъ самымъ лучшимъ для обозначенія арийцевъ и болѣе определеннымъ, нежели названіе Индо-Германцевъ (Les Cèles, стр. 2, 5, прим. на ст. 17): такъ какъ Азія вообще есть прародина и колыбель всѣхъ народовъ, живущихъ нынѣ въ Европѣ. Сперва вышли изъ сѣверо-западной Азіи Финно-Алтайскія племена, около 2,500 л. до Р. Х.; а потомъ пришли въ Европу и племена Іафетовы, между которыми нѣмцы, скандинавы и славяне почитаются самыми младшими. «Древніе же персы именовались иранцами, по первобытному прозвищу арья, ари и Ариама въ ведахъ,—божества, которое часто призываютъ на ряду съ Митрою и Варуной, съ Солнцемъ и Небесами, говорить Каррьеръ (т. I, ст. 286). Аристой, т. е. самыми арийскими, именуются у грековъ благородные; Айрья—честными, почтенными, называли сами себя индѣйцы». По нашимъ преданіямъ Вырій, Вырей, Ирей, Ирій, Ирья, праотчизна арийцевъ, есть теплая страна, лежащая далеко на Востокѣ, у самаго моря, куда скрываются на зиму птицы и насѣкомыя до весны; это царство Солнца за моремъ, гдѣ вѣчное лѣто и откуда прилетаютъ весной птицы и приносятся на землю растительныя сѣмена (Аф. II, ст. 137).

6) «Пока личности еще не выдѣлились изъ общей массы народа, говоритъ г. Буслаевъ, пока еще народъ чувствуетъ свою умственную и политическую безпомощность, до тѣхъ поръ онъ доволъствуется эпосомъ, который питаетъ въ немъ религиозное благоговѣніе къ власти, непосредственно отъ боговъ перешедшей къ избранному смертному, замѣнившему въ политическомъ устройствѣ древняго родоначальника. Племена кельтическія сосредоточили для себя эту эпическую власть въ лицѣ короля Артура, пирующаго съ своими героями за круглымъ столомъ; англо-саксы, въ лицѣ милостиваго короля Градгара, проводящаго безмятежную жизнь, вмѣстѣ съ своей преданной дружиной въ ежедневныхъ пирахъ и весельи. Такъ и у насъ первымъ собирателемъ земли русской, народный эпосъ почитаетъ князя Владимира, который также ежечасно пируетъ съ своими богатырями... Какъ солнце по небу числется, т. е. играя и свѣтъ, управляетъ временами года и освѣщаетъ день, такъ и Владимиръ, пируя съ своими богатырями, управляетъ землею русскою. Не смѣнилъ ли онъ собою Дажьбога или Сварога, божество Солнца,—по крайней мѣрѣ въ самыхъ раннихъ былинахъ, въ которыхъ еще живо чувствовался переходъ отъ древнихъ мифическихъ возрѣній къ новому историческому порядку вещей? И это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что эпитетъ красное солнце до того сросся въ былинахъ съ именемъ любимаго князя, что иногда замѣняетъ его». (Рус. богат. эпосъ, Р. Вѣст. 1862, Сент., ст. 50, 51). Скандинавскій богъ Одинъ также пируетъ въ Вадгалѣ съ

свѣтными асами и умершими героями. «Впрочемъ, продолжаетъ г. Буслаевъ въ другомъ мѣстѣ, — «длинные ряды сходныхъ между собою преданій и сказаній, какъ въ общемъ содержаніи, такъ и въ мелочахъ отдѣльныхъ приемовъ, оборотовъ мысли и выраженій, приводятъ изслѣдователей къ мысли о томъ, что кромѣ сродства первобытнаго, по языку и мифологіи, и кромѣ исторической передачи преданія и литературной взаимности, есть еще другія столько же обязательныя узы, которыми народы на громадныхъ разстояніяхъ соединяются между собою въ общихъ имъ всѣмъ интересахъ. Общія всему человѣчеству, законы логики и психологіи, общія явленія въ быту семейномъ и практической жизни, наконецъ общія пути въ развитіи культуры, естественно должны были отразиться и одинаковыми способами понимать явленія жизни и одинаково выражать ихъ въ мифѣ, сказкѣ, преданіи, притчѣ или пословицѣ. Какъ крикъ кукушки, говоритъ проф. Киричниковъ, долженъ отразиться въ языкахъ однимъ и тѣмъ же названіемъ птицы, такъ и извѣстное отношеніе между людьми, необходимо существующее при извѣстной ступени развитія челоука, должно отразиться въ поэзіи». (Странст. пов. и раз. Буслаева, Руск. В., Май, 1874 г. ст. 35, 36).

7) «Надобно полагать, говоритъ г. Буслаевъ, въ статьѣ о русскомъ народномъ эпосѣ, что эпическому циклу Владиміра Красна-Солнышка и его богатырей предшествовалъ въ русской поэзіи собственно мифологическій и героическій эпосъ, идеальныя типы котораго были потомъ перенесены на Владиміра и его поэтическихъ спутниковъ. Вѣроятно, между ними уцѣлѣли нѣкоторые остатки древнѣйшей мифической эпохи, какъ напр. Дунай и его воинственная невѣста, эта Брингильда русскаго эпоса; сюда же можно отнести Волха Всеславича, героя-оборотня, Потока Михаила Ивановича съ его вѣщей супругой бѣлой Лебедью и нѣкоторыхъ другихъ. Но государственное начало, начинавшее пускать свои корни въ южной Руси, уже очень рано оказало свое дѣйствіе на составъ народнаго эпоса, сгруппировавъ цѣлый рядъ богатырей около княжеской власти, олицетворенной въ древнемъ, мифическомъ образѣ Красна-Солнышка, которому услужливая дружина дала имя любимаго ею князя. Къ тому же времени принадлежит и княжеская личность Добрыни Окруженіе князя Владиміра представителями различныхъ сословій, безъ сомнѣнія, относится къ эпохѣ уже послѣдующей. Величавая личность Ильи Муромца въ основныхъ своихъ чертаніяхъ, можетъ быть напоминала идеальныя типы полубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ быть, она была снимкомъ съ мифическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора славянской мифологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ Владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простаго народа и

защитникомъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины. Борьба Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ, также и битва Добрыни съ бабой Горыниной, могутъ относиться къ первобытному мифологическому эпосу; но словесныя отношенія этихъ богатырей другъ къ другу внесены во Владиміровъ циклъ уже гораздо позднѣе. Анахронизмы, столь обыкновенныя во всякой народной поэзіи, какъ напр. у насъ въ пѣсняхъ Владиміръ ведетъ войну съ татарами,—не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія». (Ист. очерки народ. слов. и искусств. т. I, ст. 417—418). «Главный характеръ славянскаго эпоса, продолжаетъ г. Буслаевъ, героическій или, выражаясь сербскимъ терминомъ, юнацкій. Какъ произведеніе народной фантазіи, сложившееся еще въ эпоху миѣическую, и до послѣдняго времени сохранившее на себѣ слѣды этой эпохи, юнацкій эпосъ проникнутъ творческимъ вѣрованьемъ въ таинственную связь героевъ съ міромъ сверхъестественнымъ. Весь циклъ древне-русскихъ богатырей убѣждаетъ насъ въ этой истинѣ. Въ обществѣ ихъ, за столомъ Владиміра красна-Солнышка, являются Тугаринъ Змѣевичъ, мифическій змій и сынъ змія; онъ въ преступной связи съ супругою самаго краснаго Солнышка, и т. д... Владиміръ красное-Солнышко окруженъ въ нашемъ народномъ эпосѣ таинственною сѣтью мифическихъ чарованій. И племянница его, и сестра, и племянникъ, и даже супруга, въ связи съ міромъ сверхъестественнымъ, съ существами мифическими. Онъ веселится на свадебныхъ пирахъ съ вѣщами женами, оборотнями—бѣлыми лебедушками, съ мифическими богатырями, олицетворяющими рѣки; онъ дѣлитъ хлѣбъ-соль съ оборотнями, змѣями, съ породою змѣиною. Не меньшую связь съ міромъ мифическимъ представляютъ и другіе витязи первобытнаго нашего эпоса. Волхъ Всеславичъ даже по самому рожденію своему—существо сверхъестественное», и т. д. (Тамъ же, ч. II, ст. 6, 7, 8). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что Вольга,—варягъ, удѣльный князь, Добрыня—князь безъ удѣла, Опракса—литовская княжна, Михаилъ Потыкъ—отчаянный бродяга, Дюкъ Степановичъ,—богачъ арестократъ изъ Галича, въ Вольгѣ изображенъ также Всеславъ Полоцкій; Соловей разбойникъ—древній разбойникъ Могула, представитель вятичей, Илья Муромецъ,—Чоботокъ, умершій около 1188 г., и т. д. (Бесѣда, 1872 г., № 4). Но это не противорѣчитъ вышесказанному толкованію г. Буслаева, а скорѣе подкрѣпляетъ его. Такъ какъ историческое постепенное развитіе характеровъ и идеаловъ народнаго эпоса находится непременно въ связи съ убѣжденіями и понятіями, смѣняющихся другъ друга, поколѣній, и анахронизмы, столь обыкновенныя во всякой народной поэзіи, не заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. Илья Муромецъ былъ прежде Перунъ, а потомъ стали богатыремъ русскимъ, Добрыня, по мнѣнію г. Стасова, древній

Бринна, могъ быть и Сигурдомъ, и потомъ княземъ Рязанскимъ и т. д.

8) По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, рѣки Сафать, Изрой, мифическія. На Изроѣ, въ степи, живутъ въ бѣлокаменной пещерѣ чудовищныя змѣи. Леванидовъ крестъ или дуга Леванидовы отъ Леванида, Леонтія, втораго митрополита Бѣвскаго или Ростовскаго епископа, св. Леонтія. (Бесѣда, 1872, № 4). Если же принять названіе рѣки Смородины, какъ саморожденной, т. е. какъ горнаго потока, который мгновенно прибываетъ въ известное время и нерѣдко становится пагубнымъ для тѣхъ, кто переѣзжаетъ черезъ него; то, можетъ быть, и рѣка Изрой, какъ роющая себѣ глубины, подойдетъ подъ тоже значеніе. Упомянутіе въ былинахъ Индѣйскаго моря нѣкоторые считаютъ книжнымъ; однако известно, что Азовское и Балтійское моря въ древности, хоть и ошибочно, назывались Индѣйскими, — послѣднее, отъ жившихъ на немъ Индовъ. Почему же племена, пришедшія нѣкогда изъ Индіи, не могли сохранить, хоть смутно, названія своей прародинны, въ древнѣйшихъ ихъ преданіяхъ?

9) Чохъ (чуханка) и судьба да и вообще всякія примѣты, считались весьма важными въ древности. «По указанію Гримма, арабы о дневномъ разсвѣтѣ выражаются: утро чихаетъ. По народнымъ примѣтамъ: если чхнеть больной, то навѣрно выздоровѣетъ; кто чхнеть рано на тошахъ, тотъ получитъ въ теченіи дня подарокъ или неожиданное счастье», и т. п. (Афан. II, прим. на стр. 338). Еще важнѣе была судьба. «Облачныя дѣвы, хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣденіемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя приносить на землю младенческія души и увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. У славянъ эти дѣвы назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на Божій свѣтъ. Съ ними соединялась идея судьбы, предопредѣленія... Жизнь со всеми ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На это указываетъ и народная поговорка: такъ ему или мнѣ на роду написано, — поговорка, мифическое значеніе которой вполне подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ: «рожденникъ, гдѣ написаны грядущія событія въ жизни каждаго человѣка» (Аф. III, ст. 318, 368). «Вѣруа въ зависимость судьбы человѣческой отъ звѣздъ, наши поселяне утверждаютъ: какъ только народится человѣкъ, то Господь тотчасъ же велитъ прорубить въ небѣ окошечко и посадить къ нему ангела наблюдать за дѣлами и поступками новорожденнаго, въ продолженіи всей его жизни; ангелъ смотритъ и записываетъ въ книгу, а людямъ кажется, что то звѣзда свѣтится. А когда че-

ловѣтъ умереть,—окно запирается и звѣзда исчезаетъ,—падаетъ съ неба». (Аф. т. I, ст. 161). «Самое время рожденія человѣка, добрый или злой часъ, было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля» (Аф. т. III, ст. 414). Почему противъ чаръ и всякихъ несчастныхъ случаевъ употреблялись предохранительныя средства, между прочимъ наузы. «Средину между физическимъ связываньемъ тѣла и нравственными узами, какъ бы переходъ одного къ другому, представляютъ намъ въ народныхъ суевѣрїяхъ, преданїа про волшебныя узы и чары, говорить г. Шеппингъ (руск. народность, стр. 160—161). Въ нихъ есть отчасти и вещественное окруженіе человѣка начертаніемъ чародѣйскаго круга, пляской или обходомъ вокругъ него; но сущность этихъ чаръ не въ самомъ веществѣ окружающаго и связывающаго предмета, но въ ихъ сокрытой отъ насъ силѣ. «Въ моихъ узахъ сила могучая; заговариваю заговоръ мой крѣпко на крѣпко; а будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжеле золота, крѣпче алатырь-камня, могучѣе богатыря», и т. д. Стало быть, надобно было въ тѣ времена имѣть большую силу воли, чтобы не вѣрять ни въ чары, ни въ судьбу. Этими извѣстны у насъ Илья Муромецъ, и потомъ Васыка Буслаевъ, послѣдній, впрочемъ, не вѣрилъ ни во что. Такое презрѣніе къ чоху и судьбѣ слѣдуетъ отнести, кажется, болѣе ко временамъ уже христіанства, хотъ бывали такіе безстрашные богатыри и въ язычествѣ, особенно въ Скандинавіи.

10) Замѣчательно въ этой встрѣчѣ полубога-великана, покровителя земледѣлія, Микулы, съ вѣщимъ богатыремъ дружиннаго быта, Вольгой Всеславичемъ, что хотъ князь Владиміръ, покровитель страны, и подарилъ своему племяннику Вольгѣ три города; но вѣщій богатырь Вольга не можетъ проникнуть въ нихъ безъ помощи земледѣльца Микулы. Только земледѣлецъ Микула можетъ водворить его въ этихъ городахъ; на что впрочемъ Микула тотчасъ же соглашается, потому что онъ всегда готовъ способствовать къ водворенію порядка въ своей землѣ. Вся обстановка его при этомъ еще исполнена чудеснаго и напоминаетъ древнія времена. Тутъ и золотая сошка скифскаго Колокся, и кобылка Мигулина, напоминающая собой волшебныхъ коней индѣйскихъ преданій; какъ братья Колокся, коснувшись раскаленной сошки, обожгли себѣ пальцы, такъ ни дружина Вольги, ни онъ самъ, не въ силахъ вытащить Мигулиной сошки изъ земли. Цѣлые три дня Вольга не можетъ доѣхать до оратая, хотъ и слышитъ въ необозримомъ пространствѣ скрипъ его сошки. «Вся эта картина, говоритъ уважаемый профессоръ О. Миллеръ, расширяется до громадныхъ размѣровъ. Передъ вами какъ бы поэтическое отвлеченіе той безпредѣльной равнины, какой разстигается вообще вся земля русская, и ее-то воздѣлываетъ оратай съ такою неутомимостью и такъ

быстро передвигаясь изъ края въ край, что въ пещь можно видѣть только божественнаго оратая, божественнаго представителя и покровителя земледѣлія на Руси. Какъ въ образѣ Воьлги замѣчаемъ мы черты, свойственныя божеству, представителю звѣроловства и воинскаго быта; такъ въ образѣ Микулушки скрывается божество, въ которомъ отъ прежняго физическаго значенія совершился соотвѣтственный переходъ къ нравственному значенію божества, заправляющаго земледѣльческимъ бытомъ. Его божественный родъ еще проглядываетъ до сихъ поръ сквозь тѣ черты, все болѣе и болѣе усиливающагося очеловѣченія, какому современемъ подвергаются всѣ безъ исключенія существа народнаго эпоса. Какъ бы попеременно представляется онъ въ теперешнемъ видѣ былины, то сверхчеловѣческимъ существомъ, то простымъ человѣкомъ». (Богат. Кіевск., ст. 203—204). А палаты Микулины, гдѣ онъ принимаетъ Воьлгу, — не слѣдуетъ ли искать ихъ первообразъ между жилищами боговъ на небѣ? Но всѣ три его дочери еще поленицы; значитъ, земледѣльческій бытъ еще только устанавливается, — изъ чего также можно заключить о глубокой древности этой былины.

11) Въ разказѣ поэмы выше приведены всѣ старшіе богатыри нашихъ народныхъ былинъ, между которыми всего болѣе выдается младшій, по времени рожденія, Илья Муромецъ. «Слово богатырь, говоритъ г. Буслаевъ (Рус. вѣст. сент. 1862 ст. 8) происходитъ отъ слова богъ, богатъ, божественный, и есть названіе, собственно русское, тѣхъ же существъ, что въ сербскомъ эпосѣ слывуть подъ общимъ индо-европейскимъ именемъ дивовъ; какъ латинское dives (богатый) происходитъ отъ deus (богъ), divus (божественный, — отъ корня div—свѣтать, откуда и наши дивы-богатыри); такъ и наше: богатъ, имѣетъ смыслъ мифическій, равно какъ и збожіе (тоже отъ слова богъ), въ смыслѣ жита и хлѣба, а потомъ имѣнія вообще, богатства. Точно также и слово витязь, впрочемъ въ русскихъ былинахъ не употребляемое, не можетъ въ точности выражать понятіе о героѣ временъ кн. Владиміра. Слово витязь первоначально означаетъ мудраго и судью. Дѣвы суда, являющіяся въ судѣ Любуши, были выучены вѣщамъ витезевымъ, т. е. онѣ знали мудрыя изреченія суда и правды. Отсюда и слово витинги, въ смыслѣ благородныхъ воиновъ, морскихъ набѣдниковъ...» Богатыри нашихъ былинъ раздѣляются на старшихъ, собственно древнѣйшихъ, между которыми еще есть богатыри-дивы стихійныя, и на богатырей кіевскихъ или младшихъ, т. е. позднѣйшаго времени. «Народный эпосъ, говоритъ, г. Буслаевъ (тамъ же, март. ст. 31) воспѣваетъ мифическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра или Непры, Волхова, Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ мифовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и харак-

теръ древнѣйшему быту славянъ...Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племень, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи...По русскому эпосу рѣки Донъ и Днѣпръ будто бы произошли отъ богатыря Дона и его вѣщей супруги, Нѣпры королевичны, т. е. Днѣпры (вмѣсто муж: р. Днѣпръ), которая отличалась воинственнымъ характеромъ, какъ сѣверная валькирія и мѣтко стрѣляла стрѣлою, какъ стрѣляютъ сербскія вилы...Донъ съ досады выстрѣлилъ въ свою жену и убилъ ее, и потомъ въ отчаяннн убилъ себя: тутъ-то отъ нихъ протекала Донъ-рѣка. Тоже рассказываетъ и о Дунаѣ...Отъ крови изъ ранъ Сухмана богатыря протекла Сухманъ рѣка. Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ или точнѣ великановъ, безъ сомнѣнн, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ, о происхожденн воды вообще отъ крови. Всемирный потопъ, по скандинавскимъ сказаніямъ, разлился будто бы отъ крови убитаго титаническаго существа Имира, въ которой потонула вся древняя порода великановъ, кромѣ одного, спасшагося подобно еврейскому Ною или индѣйскому Ману. Русскій стихъ о Егорн храбромъ, составленный изъ смѣси космогоническихъ преданн съ подробностями извѣстной церковной легенды, свидѣтельствуетъ намъ, что преданн о кровавомъ потопѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса... Волхъ Сеславичъ или Всеславичъ, какъ существо титанической древней породы, былъ сыномъ Змія. Мѣстное новгородское преданн о Волхѣ было приурочено къ мѣстечку Перуныя или Перунъ, а Волхъ сближенъ съ божествомъ Перуномъ. По сказанн въ старинныхъ хронографахъ, Волхъ называется старшимъ сыномъ Словена. Волховъ былъ бѣсоугодный чародѣй, люте въ людяхъ: бѣсовскими ухищреніямъ и мечтами претворялся въ различные образы и въ лютаго звѣря крокодила, и залегалъ въ той рѣкѣ Волховъ водный путь тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. А невѣжественный народъ будто-бы тогда читалъ его за Бога и называлъ его Громоуъ или Перуномъ. Въ мѣстномъ преданн, доселѣ живущемъ у новгородцевъ, это мифическое существо называется звѣрь-змѣяка, Перунъ, т. е. Перунъ». (Такъ сливались древнѣйшія преданн впоследствии между собою)! «Преданн о мифическихъ представителяхъ горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, лежащаго именно на горѣ, — Святоторѣ. Этотъ великанъ будто сросся съ самою горой. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ, которая его не въ силахъ держать; а гора держитъ, — ясно, что гора сильнѣе земли... Блнстательное впрочемъ подтвержденн русскому мифу находимъ въ одномъ изъ названн горы по санскритски: поддерживающая или держащая землю; такъ что гора по этому названн представляется какъ бы

пѣдесталомъ для какого нибудь мифическаго существа, а именно для богини земли или матери-сырой земли. Уже самое имя Святогора указываетъ на связь съ горю. Живеть онъ на святыхъ горахъ. Святогора называется онъ, конечно, не въ христіанскомъ смыслѣ, такъ какъ и Русь получила свой эпитетъ—святая, первоначально безъ всякаго отношенія къ святости православія». По этому можно присовокупить, что Святогоръ, какъ богатырь стихійный, соответствуетъ также скандинавскому великану стужи Скримиру, у котораго громовникъ Торъ съ своими спутниками однажды ночевалъ въ пальцѣ варяжки или перчатки; но въ глубокой древности и самыя облака считались небесными или воздушными горами, гдѣ въ пещерахъ обитали змѣи—Горыничы, огненные змѣи и хранились драгоцѣнные сокровища. Кольванъ-богатырь, о которомъ у насъ не сохранилось ни одной былинны, есть представитель, какъ извѣстно, кочеваго быта или степной бродячей силы. Его имя, кажется, можно прямо производить отъ слова коло, колесо, коломьяга, т. е. палатка или кибитка на колесахъ, первое подвижное обиталище бочующихъ скифовъ. Илья Муромецъ, сначала сидѣнь, а потомъ глава русскихъ богатырей, заключаетъ въ себѣ, извѣстно также, элементы Святогора и Микулы, которые какъ бы сливаются въ его личности. Онъ родится пахаремъ, обучается богатырскимъ похваткамъ у Святогора, хоронитъ его въ домовищѣ и является въ Кіевѣ побѣдителемъ Соловья-разбойника, защитникомъ вдовъ и сиротъ, и какъ-бы пароднымъ представителемъ князя Владиміра. «Сама мать Сыра-земля любитъ Микуду Селяниновича и весь его родъ-племя: указаніе драгоцѣнное, продолжаетъ Буслаевъ (тамъ же сент. ст. 17—29). Въ немъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго мифа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Уже не отъ этой мифической супруги родились у Микулы три его дочери, вѣщія дѣвы? Но это было такъ давно, что русскій эпосъ забылъ мифическую генеалогію рода-племени Микулова, и героя съ подновленнымъ именемъ Микулы заставляетъ, въ память этого союза, носить только тягу земную, да еще въ переметной сумочкѣ. Титаническое существо Микулы Селяниновича отразилось по наслѣдству въ его вѣщихъ, сверхъестественныхъ дочеряхъ. Въ эпосѣ сѣверномъ, по пѣснямъ древней эрды, такія героини дѣйствительно входятъ въ кругъ сѣвернаго олимпа. Онѣ—явлъ богини изъ прекраснаго рода—племени вановъ или ихъ приспѣшницы, воинственные валькириі, первоначально существа стихійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы. Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіи столѣтій можетъ питать въ народѣ грубомъ и неразвитомъ зародыши гуманныхъ идей и благородныхъ стремленій». «Тотъ не можетъ себѣ составить яснаго понятія объ основной идеѣ ни одной изъ русскихъ эпическихъ былинъ,

кто не усвоитъ себѣ во всей ясности той мысли, что народный эпосъ, живя въ устахъ поколѣній въ теченіи столѣтій, доходить до насъ, переполненный самыми грубыми и странными, другъ другу противорѣчащими анохронизмами. Каждое поколѣніе, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ въ него намеки, а иногда и цѣлые эпизоды изъ своей современности. Къ мифической личности Перуна другое поколѣніе присовокупляетъ черты героической личности Ильи Муромца... Потому сложный полубожественный типъ Ильи Муромца—Перуна, можетъ быть, даже по тождеству имени, сливается въ одну личность съ Ильєю Громовникомъ. Величайшему изъ богатырскихъ типовъ Владимірова цикла суждено было зачатъся въ быту земледѣльческомъ, который выразилъ свой божественный идеалъ въ Перунѣ-Торѣ. Громовникъ Илья-Перунъ долженъ былъ вторично возродиться, вочеловѣчиться въ богатырской личности на той самой почвѣ, которая произвела оба эти типа. Муромскій герой, въ качествѣ крестьянина-земледѣльца, выноситъ въ своемъ идеалѣ всѣ древнѣйшія воспоминанія славянъ при переходѣ ихъ въ бытъ земледѣльческій Онъ продолжаетъ въ себѣ развитіе мифическаго Селянинныча, но уже при вступленіи Руси на открытый исторіей путь. Самъ народный эпосъ ясно говоритъ о двоякомъ происхожденіи богатырскаго типа Ильи. Илья хотъ и родился отъ крестьянъ-земледѣльцевъ, отъ простыхъ смертныхъ; но цѣлыя тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ на печи, протеръ подъ собой яму, такъ что видна была только борода его съ головою. Онъ былъ безсиленъ, вовсе не былъ слѣдовательно, богатыремъ. Надобно было въ этой сидячей грудѣ воскресить тотъ поэтическій идеалъ, который въ былинахъ прослылъ Ильєю Муромцемъ. Созданіе человѣческой воли и силы въ этой грубой матеріи,—вотъ настоящее рожденіе богатыря» (Тамъ же ст. 42—44). Вообще первообразы нѣкоторыхъ нашихъ древнѣйшихъ богатырей, по мнѣнію г. Стасова (В. Евр. 1870 г.), можно искать въ Индіи, колыбели древнѣйшихъ вѣрованій и преданій. Отсюда, говоритъ г. Буслаевъ, онѣ разошлись по цѣлому міру, во множествѣ разнообразныхъ вариаций на общія темы; такъ что даже столь часто употребляемое въ нашихъ сказкахъ «выраженіе: по бородѣ текло (масло съ медомъ), а въ ротъ не кануло—находится еще въ сборникахъ Индіи и Персіи, каковы Панчатантра, Гитопадеша въ первой, откуда и перешли всѣ подобныя рассказы въ древнюю Персію, въ Сирію, Малую Азію, а оттуда въ Грецію и Римъ. Къ намъ же оно могло перейти и прямо изъ Индіи въ глубокой древности, и потомъ изъ Персіи». (Стр. пов. и разск., г. Буслаева, Р. вѣст. 1874 г., Апрель, 671—677, 686). Немудрено послѣ этого найти нѣкоторое сходство, даже одинъ общій тиць между иными древними героями нашихъ народныхъ былинъ и другихъ народностей. У нихъ одна и таже прародина, древняя Индія, въ древнѣйшую эпоху

первыхъ арійцевъ, браминовъ и буддизма. Въ позднѣйшее время могли быть и нѣкоторыя добавленія или наслоенія, даже заимствованія между народностями; но это относится уже къ новѣйшимъ эпохамъ, когда первобытные типы, вынесенные изъ арійской праотчины, отчасти ужь изгладились изъ памяти народной, и народъ нашелъ нужныхъ сдѣлать эти дополненія. «Это уже новый историческій моментъ въ развитіи народнаго эпоса. какъ выражается г. Буслаевъ, (Р. Вѣстн. Сент. 1862 г., ст. 49 и 42), обозначившійся въ собраніи разрозненныхъ, кочевыхъ силъ и мѣстныхъ областныхъ интересовъ къ одному центру, который исторія указала въ политической власти князя. А каждое поколѣніе, какъ сказано выше, получая эпическое преданіе отъ своихъ предковъ, вноситъ иногда цѣлые эпизоды изъ своей современности». Говоря же вообще о нашихъ сохранившихся народныхъ былинахъ, слѣдуетъ сказать, что въ нихъ замѣтна чрезвычайная отрывочность и значительные пропуски. Въ нихъ сохранилось весьма немногое изъ древнѣйшихъ преданій, какъ цѣлое. И, по моему неученому мнѣнію, это уже есть доказательство ихъ чистоты и самобытности, такъ какъ народъ не хотѣлъ касаться этой старинной своей святыни: что онъ позабылъ, — ни слова больше объ этомъ; а что передѣлалось, сообразно послѣдующимъ его понятіямъ и обычаямъ, то передѣлалось въ духѣ его народности и новыхъ требованій его положенія. (См. слѣд. примѣч. 12).

12) Всѣ старшіе богатыри, полубоги-получудища, что окружаютъ князя красное-Солнышко, да и онъ самъ, должны исходить изъ самой глубокой древности. Какъ Индія во время ведъ была классической страной всѣхъ древнихъ религій, такъ она потомъ становится колыбелью древнѣйшихъ легендъ и преданій. Но какимъ образомъ эти легенды развивались въ каждомъ народѣ отдѣльно, — это закрыто отъ насъ глубокимъ мракомъ. Вообще всѣ преданія арійцевъ, да и симитическихъ народовъ, болѣе или менѣе сходны между собой; вѣроятно, потому что идутъ изъ одного источника. Въ какое время и что именно однѣ племена заимствовали у другихъ, — эти нити по сіе время не распутаны; всѣ восточныя племена были въ древности въ непрестанномъ броженіи и столкновеніи другъ съ другомъ. Въ первый періодъ своего религіознаго развитія, говоритъ Бергманъ (*la faschin: de Gulfi*, p. 8—16), человекъ воспринимаетъ только внѣшнія впечатлѣнія поражающихъ его явленій или образовъ; во второй періодъ онъ начинаетъ вникать въ эти явленія и образы, и соображать ихъ въ умѣ; въ третій періодъ каждое изъ этихъ внѣшнихъ явленій и каждый внѣшний образъ имѣютъ въ глазахъ его ужь свой отличительный характеръ и свои особенности. Въ первый періодъ онъ называетъ наприм.: солнце, по его блеску, блестящимъ, и слово: блестящій, въ его понятіяхъ, становится синонимомъ солнца. Во

второй періодъ прежнія божества, какъ то: Небо, Океанъ, Солнце, перестаютъ быть въ глазахъ человѣка божествами; но становятся только вмѣстилищами или обиталищами разныхъ боговъ, которымъ онъ ужъ придаетъ человѣческую личность: антропология присоединяется къ феогоніи и космогоніи. Въ этотъ періодъ развиваются поэзія, знаніе и преданія народовъ. Наконецъ, въ послѣдній періодъ всѣ эти божества антропологическія, люди-боги, теряютъ прежнее ихъ значеніе, и человѣкъ чувствуетъ потребность въ высшемъ, духовномъ божествѣ, которому слѣдуетъ служить духомъ и истиной. Но второй періодъ продолжается отчасти и въ третьемъ, — такъ какъ прежнія божества укоренились въ нравахъ, привычкахъ и преданіяхъ народа, который несоро разстается съ минувшимъ; но въ глазахъ вышнихъ людей такая закоснѣлость принимаетъ видъ суевѣрія. Стало быть, по этой классификаціи г. Бергманна, во второй періодъ, — поэзіи и преданій, начинается слагаться и народный эпосъ; очеловѣченные боги спускаются съ небесъ на землю, и становятся полубогами и героями, или народные герои облачаются въ божественные образы; а силы природы превращаются въ чудовищныхъ исполиновъ или таинственныхъ карловъ. «Первоначальный божескій міръ сталъ такимъ образомъ общою основой для позднѣйшаго героическаго сказанія, говоритъ г. Каррьеръ; а послѣднее, подъ вліяніемъ всего пережитаго въ богатыйрскій вѣкъ, выработалось у разныхъ народовъ въ многоразличныя быліны». (Т. I, ст. 276). Къ первому періоду можно отнести періодъ ведическій, когда поклонялись единому Богу, въ образѣ Неба, Сварога или Діа, и аріицы приносили ему жертвы, разумія въ немъ и солнце, и воздушный океанъ, и стихіи, и явленія природы. Но еще до выхода аріидцевъ изъ ихъ праотчизны, ужъ начался второй періодъ: потому что каждое племя вынесло съ собой оттуда не одного, а нѣсколько боговъ, какъ бы родившихся отъ Неба—Діа, Сварога, и рядъ преданій о своихъ собственныхъ и сосѣднихъ герояхъ. Во время продолжительной эпохи переселенія, черезъ разныя страны, все это дополнялось или искажалось новыми впечатлѣніями и преданіями, и наконецъ, самыя тѣ земли и сосѣди ихъ, гдѣ эти выходцы поселялись, должны были дать этому еще новый, свой собственный характеръ и свою обстановку. Вникая въ наши религіозныя преданія, которыя меньше подлежатъ порчѣ, и въ народныя быліны, мы дѣйствительно находимъ гораздо болѣе первобытной чистоты въ первыхъ, нежели въ послѣднихъ. «Религія вендовъ или славянъ, говоритъ Эйхгофъ, исходя также съ Востока, только позднѣе, и тѣсно связанная съ пластическими формами, что еще сохраняютъ боги Индіи подъ вѣковыми сводами Элдора, хотя и измѣнила имена тамошнихъ боговъ, но тотчасъ видно, что отчизна ея боговъ въ Индіи—въ главныхъ силахъ природы и преобладающихъ страстяхъ человѣка. Кто не при-

знаеть, смотря на славянскія божества, явнаго отпечатка на нихъ Индостана, или даже кто не подумаетъ, что онъ перенесенъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ и за двѣ тысячи лѣтъ, въ среду того древняго народа, котораго нравы, вѣрованія и языкъ воскресли вновь во всей цѣлости на берегахъ Нѣмана?...» (Tabl. de la littér. du Nord., p. 84, 85). Тоже самое онъ говоритъ и о нашихъ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразился языкъ ведъ, особенно въ припѣвахъ народныхъ пѣсень. Напротивъ, наши былины дошли до насъ въ отрывкахъ, и, замѣчаетъ г. Стасовъ, съ примѣсью чуждыхъ элементовъ. Все это могло свершиться, конечно, въ глубокой древности; а огромныя пространства нашей страны и разрозненность между собою славянскихъ племенъ, да и самое вліяніе историческихъ событій, не дали нашимъ предкамъ возможности разработать вполне родной, народный эпосъ, какъ это удалось нашимъ сосѣдямъ скандинавамъ. Воспримчивый народъ могъ принять безсознательно, и потомъ еще, чуждыя заимствованія. Когда и откуда, — разяснить это — дѣло науки, для чего нужно углубиться въ самую отдаленную древность, во дни переселенія славянъ съ Востока, подъ разными ихъ именами и прозвищами. (См. les Gèl: par Berg). Между тѣмъ эти заимствованія, если онѣ и были, давно ужъ стали достояніемъ народнымъ, и народъ нашъ давно ославянилъ не только ихъ образы, но и самую обстановку и выраженія, такъ что неизвѣстно еще, что тутъ одно сходство и что заимствованіе.

Но 3-й пѣсни:

1) Сказанія о довременной вселенной, въ видѣ дуба Старолуба или Ясени, общи славянской и скандинавской мифологіямъ. «Мы найдемъ и въ ведахъ некрушимуемою смоковницу, корнями вверхъ, а вѣтвями внизъ, говоритъ Каррьеръ (ст. 279), въ которой утверждены всѣ міры, изъ которой боги построили небо и землю, которая носитъ всякій плодъ, и которой листья сочатъ изъ себя каплями божескій напитокъ. Оставляю въ сторонѣ розысканіе, не лежитъ ли тутъ первоначальною основой воздушное дерево своеобразнаго вида облаковъ, которыя тянутся длинновѣтвистыми полосами; но думаю, можно принять за древнеарійскій тотъ взглядъ, что вся природа есть лишь укорененное въ глубину и высшееся къ небу воспитательное растеніе, и напоминаю при этомъ про дерево жизни у сикитовъ». Къ этому можно прибавить, что у скандинавовъ всемірная ясень растетъ корнями внизъ, и потому едва ли

ихъ преданіе о ней не заимствовано изъ вторыхъ уже рукъ. Священное Слово, въ которомъ открываетъ себя Духъ, прославляется ужъ въ ведахъ. «Не предвѣстниками ли Іоаннова ученія о Словѣ, продолжаетъ тотъ же авторъ, (ст. 130), какъ высказывающемся разумѣ Божиѣмъ, звучать напр. такія рѣчи: Слово всему наибольшее, всему первое, его имя благодатнѣе всего. Какъ пшеница очищается въ рѣшетѣ, такъ слагается оно въ душѣ мудраго. Оно получило видъ и обликъ у пѣвцовъ стародавнихъ, и жрецы стали его носителями. Само Слово говоритъ о себѣ: я иду съ духами свѣта и вѣтровъ, песу небо ночное и солнце ясное; я царица, владычица богатствъ; кого полюблю, сдѣлаю мудрымъ, благочестивымъ и великимъ. Я досягаю до небесъ и далѣе; я пребываю во всѣхъ мірахъ и дышу во всемъ живущемъ, проникаю собою всѣ существа». Такимъ образомъ еще въ глубокой древности Слово получило силу заговора или заклинанія. «Могущество заговорнаго слова безгранично, говоритъ г. Афанасьевъ (т. I, стр. 423), оно можетъ управлять стихіями, вызывать громы, бури, дожди, градъ и задерживать ихъ, творить урожай и безплодіе, умножать богатство... Слово это можетъ творить чудеса, подчиняя волѣ заклинателя благотворныя и зловредныя вліянія всей обожествленной природы». Касательно бѣлки, сокола и жернововъ, какъ образовъ грозы у славянъ, см. также Афан. т. I, гл. VI, гроза, вѣтры и радуга.

2) Во время ведическаго періода, когда арійцы жили вмѣстѣ, несозданный міръ представлялся въ видѣ нестройной массы, носившейся вверху воды; въ послѣдующій же періодъ браминовъ въ Индіи мірозданіе является ужъ въ другомъ образѣ: юный Брами, одушевленный силой Предвѣчнаго, всплываетъ въ лотусѣ изъ всемірнаго океана и создаетъ изъ скорлупы міроваго яйца небо и землю. Этогъ лотусъ и есть земля, въ видѣ семи листовъ или семи острововъ, появившихся вначалѣ изъ моря. «Брами (первопричина вселенной, святое) зародился отвѣка, напередъ всего; изъ Брамъ разверзнулась краса усладительнаго блеска; ему принадлежатъ и выси, и глубина бездны; однимъ Брамой раскрывается причина бытія и небытія». Такъ поется въ Самоведѣ; а изъ повторяющагося припѣва браманы ухитрились вычитать особаго бога: Кто?...» «Міръ разрѣшали брамины въ Богѣ; но Богъ былъ у нихъ недѣятельнымъ, а спокойно-созерцающимъ духомъ, бездѣйственнымъ въ самомъ себѣ. Душу міра отождествили съ Брамой (верховною святыней) и постигли ее, какъ вѣчное духовное единство, какъ таинственную первопричину всякой жизни вообще». (Бар. т. I, ст. 318, 341—346). У славянъ тоже самое преданіе о мірозданьи, какъ и у Индѣйцевъ, только въ искаженномъ видѣ. Вмѣсто Брамъ у насъ плывутъ по морю, въ видѣ бѣлаго и чернаго гоголей, Бѣлбогъ и Чернобогъ, заимствованные ужъ отъ Иран-

*

цевъ; вмѣсто блестящихъ листьевъ лотуса у насъ пустынный островъ, созданный изъ горсти земли, который потомъ расширяется. У индѣйцевъ творить вселенную одинъ Брама; у насъ и доброе, и злое начало,—изъ которыхъ последнее коверкаетъ созданное первымъ. (См. Афан. т. II, гл. XIX, о сотвор. міра и чело-вѣка).

3) «Пѣтухъ» гораздо моложе въ передней Азіи и Европѣ, чѣмъ можно было бы думать, говорить г. Буслаевъ. Семитическіе народы не могли знать его, такъ какъ въ ветхомъ заветѣ нигдѣ о немъ не упоминается. Его нѣтъ также въ изображеніяхъ и на Египетскихъ памятникахъ. Птица эта происходитъ первоначально изъ Индіи и распространилась на Западъ только вмѣстѣ съ Индо-Персидскими завоевательными походами. Самосецъ Менодотъ, въ своемъ сочин. о храмѣ Самосской горы, утверждалъ, что подобно пѣтуху, вышедшему изъ области Персиды, павлинъ распростра-нился изъ этого святилища по окрестнымъ странамъ. Въ Зоро-астровой религіи пѣтухъ свящ. животное, какъ вѣстникъ утра и символъ свѣта и солнца. Онъ посвященъ Сраошѣ, небесному стражу, который будучи разбуженъ огнемъ, въ свою очередь будитъ пѣтуха: тогда пѣтухъ своимъ крикомъ прогоняетъ Дазвовъ, злыхъ духовъ мрава, и особенно демона сна. Куда ни переселялся персъ, всюду онъ заботился, чтобы при немъ былъ пѣтухъ, точно также, какъ не забывалъ утреннихъ молитвъ и очищеній на утренней зарѣ, и вслѣдъ за персидскими походами повсюду легко и прочно водворялась эта ручная птица, столь полезная въ хозяй-ствѣ и вмѣстѣ такая затѣйливая по виду и нраву». (Сравн. изуч. народнаго быта и поэт., Р. вѣстн. 1872 г. Апрель, ст. 588). «У насъ пѣтухъ, имелемъ котораго досель называется огонь, почитался у язычниковъ птицею, посвященной Перуну и очагу, и вмѣстѣ съ тѣмъ эмблемою счастья и плодородія. Пѣтухъ,—птица, приветствующая восходъ солнца... Малороссы даютъ ему харак-терное прозваніе: Буди-мѣръ. Загадка выражается о пѣтухѣ: два раза родится, ни разу не крестится, а чертъ его бьется». (Аф. т. I, ст. 467, 518—519). «Старинные апокрифы говорятъ о громадномъ мифическомъ пѣтухѣ, поставляя въ связи съ его пѣ-ніемъ солнечный восходъ: есть куръ, ему же глава до небеси, а море до колѣна; еда же солнце омывается въ кіяні, тогда же окіяні въсколебаются и начнутъ волны кура бити по перью; онъ же очютивъ волны и речеть: корореку. Еда же то въспоеть, и тогда вси кури воспоютъ въ единъ годъ (часть) по всей вселеннѣй». (Тамъ же ст. 520). «На морѣ на окіяні, на островѣ на Буянѣ стоитъ дубъ Мокрецокой (выросшій до самаго неба); на небѣ си-дять вочетоужь-золотой гребешокъ, птица, которая ни въ огнѣ не горитъ, ни въ водѣ не тонетъ, и стоятъ чудесные жерновки, эм-блема весенней грозы, дарующей землѣ плодородіе, а людямъ ихъ

насущенный хлѣбъ» (Тамъ же, т. II, ст. 295). Такой же пѣтухъ есть и у скандинавовъ; у нихъ онъ будить свѣтлыхъ асовъ на небѣ. «Какъ представитель же грозового пламени и жертвеннаго очага, пѣтухъ и донинѣ считается необходимымъ спутникомъ вѣщихъ мужей и женъ; русскіе поселяне убѣждены, что при вѣдмѣ всегда находятся черныи пѣтухъ и черная кошка». (Т. III, ст. 465).

4) «Въ словѣ св. Григорія читаемъ: «извыкоша ѣлени класти требы Атреиду и Артемидѣ; рече Роду и Рожаницѣ... Также и до словѣнъ доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и Рожаницамъ». «Такимъ образомъ, по его мнѣнію, Родъ и Рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемида. Она считалась у нихъ покровительницей женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ была доброю прихой, какъ бы одною изъ паргъ. Хотя Артемида и не существовала въ греческой мифологій, но за то греки присвоили эпитетъ рождающихъ, производящихъ, и Зевсу, и Посейдону. Также творческая, призывающая въ жизни, сила принадлежала Роду и Рожаницамъ, на что указываютъ самыя ихъ названія. Словожъ Родъ въ древнихъ памятникахъ означаютъ: родственники и потомки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ рожденіе... Но все эти понятія, усвоенныя Роду, вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе: земля принялась за свой родъ. Съ вѣрою въ Родъ и Рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія, на что указываетъ народная поговорка: такъ ему на роду написано. Мифъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне—съ Родомъ: сидя на воздуси, Родъ мечетъ на землю груды, и въ томъ рождаются дѣти. Почему г. Афанасьевъ полагаетъ, что подъ именемъ Рода первоначально разумѣлось божество, направляющее весенними грозами, оледотворяющее землю сѣменемъ дождя и создающее міровую жизнь» (Аф. т. I, ст. 319; 320, 368, 386, 387). Не ближе ли еще искать намъ Родъ въ Ямѣ ведъ и Джимѣ Авесты, тождественныхъ между собою?... «Ведійскій рассказъ говоритъ, что міроздатель устроиваетъ бракъ своей дочери, носящейся надъ пространствомъ бурной, темной тучи или мглы съ свѣтозарнымъ началомъ, Вивасватомъ; свѣтъ и тучевая мгла порождаютъ первую человѣческую чету, близнецовъ, что и высказывается въ ихъ имени, Яма и Ями,—первороденный изъ смертныхъ, онъ же и первоумершій: онъ первый проложилъ путь изъ глубины въ горняя, онъ первый отыскалъ мѣсто, куда отошли все наши отцы, въ неотъемлемую нашу обитель. Вотъ почему онъ сталъ главою всѣхъ за нимъ послѣдовавшихъ; онъ перве-

нець умершихъ, князь ихъ Яма, владыка въ царствѣ блаженныхъ.» (Кар. т. I, ст. 282).

5) «Такъ какъ богъ Громовникъ, низойдя на землю въ блестящей молніи, устроилъ первый домашній очагъ и основалъ первый семейный союзъ, то арійское племя признавало въ немъ своего родоначальника, того первосозданнаго человѣка, отъ котораго произошли всѣ многочисленные народы. Согласно съ этимъ, первый человѣкъ былъ представляемъ великаномъ; (по Браннскому преданію, человѣкъ былъ великанъ). Когда онъ спалъ, то въ густыхъ волосахъ его гнѣздились ястребы, а въ ушахъ прятались лисицы; ему ничего не стоило перескочить черезъ море, не замочивъ ноги; пущенная имъ стрѣла достигла до небснаго стола, гдѣ сидитъ нѣтухъ и сторожить божіи яствы, и поразила этого чудснаго нѣтуха» (Аф. т. II, ст. 649). У скандинавовъ, первый человѣкъ Имиръ, былъ также великанъ; литовцы признаютъ своими предками исполиновъ; по словамъ Гезіода, третій родъ (мѣдный) земныхъ обитателей были жестокосердые исполины; одинъ изъ древнѣйшихъ англосаксонскихъ памятниковъ даетъ Адаму исполинскій ростъ; вообще первосозданные люди—было племя великанское.» (Тамъ же, ст. 472—476). Срав. также преданія объ этомъ библейскія.

6) «Рай вначалѣ исторіи и какъ послѣдняя цѣль человѣчества въ вѣчной жизни блаженныхъ, говоритъ Каррьеръ (т. I, ст. 283, 284), былъ поэтической вѣрой первобытной эпохи арійцевъ. Джима (тоже что Яма и Адамъ), самый свѣтлый, самый счастливый, изъ всѣхъ рожденныхъ; онъ подобенъ солнцу между смертными; подѣ владычествомъ его нѣтъ ни стужи, ни зноя, ни смерти, ни старости. Такъ рисуется персидское сказаніе золотой вѣкъ на землѣ, когда младенческое счастье невинности еще не вѣдаетъ, что добро и что зло, какъ Адамъ въ райской обители. Это напоминаетъ облейскій Эдемъ и мы находимъ здѣсь преданіе человѣчества, идущее отъ той далекой поры, когда Симины и Арійцы жили еще вмѣстѣ... Міръ и человѣкъ созданы добрыми, но они пали; міру предстоитъ гибель, но за нимъ послѣдуетъ другой, лучшій міръ: вотъ что легло общюю идеей въ основу ученія объ эпохахъ міра, которое выработано потомъ индѣйцами и греками самостоятельно, и каждымъ народомъ на свой ладъ, догматичнѣе у первыхъ, мифичнѣе у вторыхъ». По понятіямъ славянъ, такъ какъ «свѣтло-голубое, блестящее небо лежитъ за облаками или за дождевымъ моремъ; то чтобъ достигнуть въ царство солнца, луны и звѣздъ, надобно было переплывать воздушныя воды. Такимъ образомъ это небснае царство представлялось воображенію окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водами, т. е. островомъ. Названіе: Буянь (отъ слова буй) первоначально было не болѣе, какъ характеристическій эпитетъ баснословнаго острова, Буй служить синонимомъ слову:

ягъ: а ярый заключаетъ въ себѣ понятія: весенній, горячій, пылкій, страстный, плодородный, урожайный. На Руси ходитъ сказаніе о блаженныхъ островахъ Макарійскихъ (makarios beatus), гдѣ рѣки медовыя и молочныя, а берега кисельные. По указанію старинныхъ апокрифовъ, райскія рѣки текутъ млекою, виномъ и медомъ. У чеховъ сохранилось повѣрье, что у Солнца есть свое царство за моремъ, что тамъ вѣчное лѣто, оттуда прилетаютъ весной птицы, и приносятся на землю растительныя сѣмена. Съ этимъ повѣрьемъ тѣсно связывается малорусское преданіе о Выреи... Въ поученіи Мономаха сказано: «сему ся подивуемы, како птица небесныя дѣзъ Ирѣя идутъ»... Съ началомъ осени журавли, стрижи, касаточки и другія птицы улетаютъ по мѣнью вѣстьянъ, въ Вырей (Вирій), на теплыя воды или прямо на небо: тогда же гадюки и змѣи лезутъ въ Вырей по деревьямъ, подобно тому, какъ и души усопшихъ прежде, нежели достигнуть страны блаженныхъ, осуждены порхать по деревьямъ. Словаки и хорутане, рассказываютъ, что рай есть чудесный, неувыдаемый садъ, во владѣніяхъ Бога свѣта, гдѣ праведныхъ ожидаетъ безконечное наслажденіе. По свидѣтельству русскихъ легендъ, рай насажденъ у небесной криницы. Значить, раемъ называется, во-первыхъ, та счастливая страна минувшихъ вѣковъ, въ которой обитали первые еще невинные люди; во-вторыхъ, то будущее царство блаженныхъ, что явится по кончинѣ вселенной, когда ветхое небо и грѣховная земля очистятся и обновятся всемірнымъ пожаромъ и потокомъ, т. е. весенними грозами и ливнями. Самый нашъ праздникъ Коляда своею обстановкой указываетъ на тѣ щедрыя дары, что несетъ, шествующее изъ дальнихъ странъ, Лѣто». (Аф. т. II, ст. 131, 132, 137—139, 150; т. III, ст. 751). Замѣтимъ кстати, что въ древности сама земля вообще называлась островомъ, вѣроятно потому, что считалась, всплывшею изъ всемірнаго океана; островами же назывались и самыя страны, лежащія на материкѣ. (Les Gêtes, ст. 170).

7) «Вѣра въ единое божество была первоначально для всѣхъ общео. Говорить Корделъ: но и появленіе разнообразныхъ божественныхъ обликовъ началось еще до подѣла арійскихъ племенъ между собою, что видно изъ соотвѣтственныхъ другъ другу божескихъ именъ, изъ особенныхъ сказаній и обрядовъ у разныхъ народностей. Замѣчаемое здѣсь сходство основано вовсе не на позанистованіи... Могущество божіе онаглаголивается здѣсь тѣми же явленіями, въ которыхъ благочестивый смыслъ успѣлъ подмѣтити его власть». (Барр. ч. I, ст. 273). «Подъ именами: Бгава, Бгагаванъ, Део-нахъ и пр. у индѣйцевъ, божество является подателемъ всѣхъ благъ и счастья; оно украшено цѣлебными или питательными растеніями, ему сопутствуютъ полезныя животныя». (Ист. рел. т. I, ст. 6). Зерванъ-Акеренъ у персовъ, собственно вѣчный, безконечный.

(Kreizer, t. I, ch. V). «Очевидно, вліяніе неба на земные роды (урожаи) невольно возбуждало въ умѣ мысль о супружескомъ союзѣ отца Неба съ матерью Землею: pitā Dyāus imāta Prithivī. Согласно съ этимъ, небо обозначалось словами мужескаго, а земля женскаго рода. У славянъ, отецъ—Небо получилъ названіе Сварога: онъ верховный владыка вселенной, родоначальникъ прочихъ свѣтлыхъ боговъ, прабогъ». (Аф. т. I, ст. 65). «По санскритски кругъ—Svar и Sval; почему и Небо, и Солнце, по ихъ кругловидности, получили тѣже названія; а отъ нихъ произошли прилагательныя svavius и svalius. (Les Gètes, p. 178)» «Корень див, свѣтитъ, лежитъ въ основаніи индѣйскаго девас, божество; чему соотвѣтствуетъ персидское дева, греческое θεοςъ, латинское deus и divus, литовское діавас; а изъ Dju pater, Богъ отецъ, возникло Юпитеръ, и т. д.» (Кар. т. I, ст. 272). Курентъ, по рассказамъ Словенцевъ, лукавый и веселый бѣсъ, который игрой своею на гусляхъ и дудкѣ исцѣляетъ болѣзни (какъ весеннія грозы животворятъ природу) и заставляетъ всѣхъ плясать безъ отдыха (Аф. т. I, ст. 334). «Однажды человекъ-исполнѣ и хитрый Курентъ поспорили между собой, кому изъ нихъ обладать бѣлымъ свѣтомъ; долго боролись они, изрыли ногами всю землю, и сдѣлали ее такой, какова она теперь; но ни тотъ, ни другой не осилили противника. Тогда Курентъ взявъ виноградную лозу и стиснулъ такъ крѣпко, что гужно vino iz nje udarilo, и этимъ виномъ уповѣлъ человека, когда тотъ сидѣлъ на высокой горѣ за божимъ столомъ. Вскорѣ воротился богъ и увидѣлъ человека, дремлющаго за столомъ, разгнѣвался и сбросилъ его съ горы внизъ, отъ чего много лѣтъ лежалъ онъ разбитый и полумертвый. Когда человекъ оздравѣлъ, сила его пропала, не могъ ужъ онъ ни скакать черезъ море, ни спускаться въ глубь земли, ни восходить вверхъ къ небесному столу. Такъ завладѣлъ Курентъ свѣтомъ и человекомъ, и люди сдѣлались съ той поры слабы и малы. Высокая гора означаетъ небо, вино—живительный напитокъ дождя, и т. д.» (Афанасьевъ, т. III, ст. 649, 650).

8) «Сказаніе о потопѣ обще аріянцамъ и симитамъ. Вавилонскій рассказъ про Ноеву лодку подходитъ къ еврейскому про Ноя чуть не до подробностей.» (Буслаевъ. Р. в. 1873, октябрь, ст. 760). По сказанію Индѣйцевъ, отъ всего рода человѣческаго остался одинъ Ману, спасенный рыбой (Вишну); она перенесла его черезъ сѣверныя горы и велѣла привязать корабельный канатъ къ дереву. По литовскому сказанью, единственной уцѣлѣвшей отъ потопа, четъ людской Богъ послалъ утѣшительницею радугу, которая посовѣтовала этой четъ прыгать черезъ земныя кости или ребра, т. е. горы; съ девяти прыжковъ произошло девять новыхъ паръ (Карр. т. I, ст. 285). По краинскому преданью, спасшійся отъ потопа ухватился на высокой горѣ за виноградную лозу; лоза

эта служила палицею Куренту; онъ поднялъ ее высоко надъ облаками и этимъ спасъ человѣческій родъ отъ конечной гибели. Пока продолжался потопъ, человѣкъ висѣлъ на воздухѣ, держась за виноградную лозу и питаясь ея гроздіями и виномъ. (Аф. т. II, ст. 650.) У славянъ доселѣ живы сказанья, что потопъ послѣдовалъ въ наказаніе великановъ, за ихъ постоянную вражду между собою и нескончаемыя жестокия войны; въ этомъ потопѣ они и погибли всѣ до одинаго. «По Краинскому также преданію, въ давнія времена земля была пуста—былъ на ней только камень; Богъ послалъ своего пѣтуха, чтобы онъ оплодиль землю. Кочеть снесъ въ пещерѣ, гдѣ онъ поселился, чудесное яйцо, изъ котораго истекло семь рѣкъ; онѣ наводнили равнины и вскорѣ все кругомъ зазеленѣло, зацвѣтло цвѣтами и преисполнилось всякихъ плодовъ; безъ заботъ жила въ томъ раю люди. Божій кочеть сидѣлъ высоко на небѣ и каждый день возглашалъ имъ, когда просыпаться, когда трудиться и трапезовать; это надоѣло людямъ, они стали молить бога, чтобы избавилъ ихъ отъ беспокойной птицы. Божій кочеть исчезъ съ неба; тогда настали болѣзни и наслія. Безуміе овладѣло людьми; они пошли къ чудесному яйцу и стали бросать въ него камнями, и разбили его,—земля покрылась водой и превратилась въ одно огромное озеро. Въ Заонежьи рассказываютъ, что когда Господь (Перунъ) увидѣлъ, что нечестный духъ изрылъ созданную имъ землю пропастями и горами, то ударилъ молотомъ въ камень и создалъ свое воинство,—и началась между ними великая война». (Аф. т. II, ст. 645, т. I, ст. 531, 276). «У литовцевъ же на орѣховую скорлупу, брошенную божествомъ Пражмасомъ, спаслись изъ воды нѣкоторые звѣри и люди.» (Буслаевъ, истор. очер. т. I, ст. 121). Сказаніе, о возмущеніи титановъ и низверженіи ихъ съ неба, сохранилось также во всѣхъ арійскихъ и симитическихъ преданіяхъ. Олады, которыхъ они у насъ наѣлись на небѣ,—конечно, означаютъ небесныя звѣзды. А позднѣе, — говоритъ г. Буслаевъ, — какъ древніе титаны возмущались противъ боговъ небесныхъ, такъ и наши богатыри, возгордившись своими побѣдами надъ смертными, стали вызывать на бой воителей небесныхъ». (Тамъ-же, т. II, ст. 13).

9) Наука, услѣвши нынѣ поднять часть завѣсы съ древняго человѣчества, находитъ, что первобытныя арійскія племена еще въ своей азіатской прародинѣ стояли на замѣчательной для того времени степени развитія; въ чемъ согласны между собою всѣ разработывавшіе этотъ предметъ ученые, начиная съ Пикте и М. Мюллера до Каррьера и нашихъ уважаемыхъ отечественныхъ ученыхъ. М. Мюллеръ въ своемъ *essai de Mythologie comparée* (перев. съ англ. 1859 г. ст. 8). говоритъ: „quelque anciennes que soient les empreintes de l'homme dans les plus profondes stratifications de l'histoire, nous voyons que le don divin d'une intel-

ligence sûre et solide lui appartient dès le commencement. On ne peut plus soutenir l'opinion que l'humanité soit sortie lentement des abîmes de la brutalité animale. Le langage, premier ouvrage d'art exécuté par l'esprit humain, plus ancien qu'aucun document littéraire, et antérieur même aux premiers murmures de tradition, forme une chaîne non interrompue depuis les premiers âges de l'histoire jusqu'à nos jours. Nous parlons encore le langage des premiers ancêtres de notre race; et ce langage avec sa merveilleuse construction, témoigne contre le système qui voudrait assigner à l'espèce humaine les mêmes origines qu'à l'animal.» Санскритскій языкъ полонъ корнями словъ, особенно славянскихъ, выражающихъ разные предметы земледѣлія, домоустройства, семейнаго и общественнаго быта. — ~~Быкъ и корова по санскритски множ: gavas по слав. говядо; горъ, — говядаръ, по сербски gavedar. Готрой по санскр. назывался вначалѣ заборъ, — ограда, куда стоялось стадо. Наши предки сражались между коровами. Индра, могучій ихъ защитникъ, — могучій Индра раздвинулъ ихъ ограды, т. е. ихъ владѣнія... (Rig-veda, III, p. 39, 4). Значеніе дома, какъ жилища, было ужъ извѣстно арійцамъ также до расселенія: по санскритски dāna, по греч. domos, по лат. domus, по слав. домъ, по кельтски daimh; по готски timrjan, строить, отъ чего англійское timber. Замкнутое мѣсто по слав. градъ и городъ, по лит.: градъ, по готски gards, по лат. hort-us, по греч. хортось. Главная часть въ домѣ — дверь, въ санскритѣ dvar, dvāras, по готски daur, по лит. durrys, по кельт. dor, по лат. fores, и т. д. Бенфей производитъ Господь (gospod) отъ ведическаго gāspati. Слова, выражающія царя и царицу, были просто батюшка и матушка, отецъ и мать. Мать по санскр. жани, что осталось и въ слав. словѣ жена. Боишъ говорить, что титулъ государь, господь, господинъ, выражается по санскрит. словами Vispati или Dasa-pati; но по мнѣнію М. Мюллера, слав. ж не соответствуетъ ни w, ни d санскритскимъ, и буква t въ словѣ pati не могла превратиться въ d. Но большая часть словъ, относящихся къ охотѣ и войнѣ, разнятся въ каждомъ арійскомъ нарѣчій; тогда какъ всѣ слова, выражающія мирныя домашнія занятія, принадлежатъ къ общему наслѣдію: изъ чего видно, что арійскія племена долго вели жизнь мирную до расселенія, и что языки ихъ сдѣлались народными, когда они ужъ вышли искать себѣ новыхъ обиталищъ; новыя поколѣнія создали и новыя слова, во время ихъ воинственныхъ и полныхъ приключеній переходовъ. Древнѣйшее слово для выраженія земледѣлія ag, по латынѣ ужъ agere, по греч. агонн, по древ. герман. аган, по русски орать (orati), по лит. arti, по гал. аг. Отъ этого глагола происходитъ и общее названіе сохи, agatrum, по слав. орало, и т. д. Хлѣбъ, растущій въ Азіи, не~~

могъ находить на тотъ хлѣбъ, что арійцы обрабатывали потомъ на сѣверѣ; однако нѣкоторыя изъ первобытныхъ названій хлѣба сохранились. По санскр: sveta значить бѣлый; названіе цвѣта перенесено на зерно, — по слав: жито, по греч. ситос. Но собственно зерномъ вначалѣ называлось то, что раздавлено или смолото: такимъ образомъ, по санск. kṛgna значить смолотое, отъ чего должно происходить и русское зерно, по лат: granum. По русски мельничный камень называется понынѣ жорновомъ; мельница по англ: mill, по чешс. млинъ, по валах: melin: все это относится также къ глубокой древности. Въ этому же можно присовокупить и слова, относящіяся къ искусству готовить пищу и къ печенію въ печи, равно какъ и выражающія разницу между сырымъ мясомъ и говядиной. Древнѣйшіе ведическіе поэты имѣли ужь отвращеніе къ племенамъ, питавшимся первымъ, и называли варваровъ, kṛgna-ad и ama-ad, — кроводами и душедами. Племена эти были равно отвратительны и потомъ, какъ индѣйцамъ, такъ и грекамъ.... (Тамъ-же, ст: 21, 22, 29—31, 33, 34). Каррьеръ съ своей стороны изъясняетъ, что древнимъ арійцамъ была ужь извѣстна соль и какой-то охмѣляющій напитокъ въ родѣ меда, составляемый изъ растительныхъ соковъ. «По своей животворной силѣ онъ слылъ даромъ боговъ и приносился имъ въ видѣ жертвеннаго напитка. Въ первобытную еще эпоху умѣли ткать, шить и готовить одежду; знали бронзу и желѣзо, и ковали изъ нихъ топоры и мечи; сохранились слѣды общаго характера и въ названіяхъ золота и серебра. Ладья или чолнъ и рѣчное плаванье были очень обыкновенны. Числа, съ единицы до ста, сплошной своей одинаковостью также доказываютъ продолжительное бытообщеніе и вынесенное изъ первородины общеродовое наслѣдство. (М. Мюллеръ однако приводитъ: satam, сто, и sahasram, тысяча, ст. 40). Сюда же должно отнести луну, и употребленіе ея, какъ мѣру времени для мѣсячнаго періода.» (Карр: т. I, ст. 271).

10) Единственный, вселенный Богъ представлялся арійцамъ вначалѣ въ образѣ кругловиднаго Неба, Сварога, Діа, и т. д. «Онъ моліеисецъ Громоуникъ, онъ очищаетъ міръ погодой, счастливить его плодотворнымъ, освѣжительнымъ дождемъ... Онъ свѣтобогъ—спаситель, помощникъ и мститель. Вѣтры вѣрные ему товарищи. Въ нихъ вѣютъ на человѣка и духи предковъ»... (Карр. т. 1 ст. 274). Потомъ божество—Небо становится только жилищемъ верховнаго бога: еще въ ведійскій періодъ этотъ богъ—Индра, которому ужь приписывается и созданіе вселенной. «О Индра, одинъ ты создалъ все, что существуетъ!... Онъ сотворилъ дни, коней, растенія, коровъ, воды и роши»... поется въ ведійскихъ гимнахъ. «Индра, какъ творецъ, подобенъ Іеговѣ псалмопѣвца; Митра и Варуна его помощники; а Вишну упоминается еще рѣдко; чаще Агни заступаетъ его мѣсто. Начинаетъ признаваться троицность силъ при-

X роды, въ образахъ: Агни—огня, Вайю—воздуха (Варуны) и Су-
 риш—солнца. О Брамѣ въ ведахъ еще не упоминается; но въ послѣд-
 ствіи Вишну и Брама замѣнили Агни, Индру и Варуну,—а законы
 Ману переносятъ насъ въ другую, позднѣйшую эпоху развитія
 человѣчества. Но прежде Индра былъ выше всего... (Croy: et
 lég: de l'antiqu: par Alfred Mauri. la rel. des aryas, p. 7—
 158). По мѣрѣ развитія человѣчества развиваются и образа бо-
 говъ; у каждаго племени являются свои боги или одиѣ и тѣже
 божества подъ разными названіями. Солнце называется ужь Даг-
 богомъ и Дажь-богомъ, (слово даг значить и день, и свѣтъ, отъ
 санскр. dah — жечь), — и Всевѣдомъ, такъ какъ оно сынъ
 Сварога—Неба (Афан. т. 4 ст. 65). По славянскимъ преданіямъ,
 у него дворець на Востокѣ, онъ дѣдъ-Всевѣдъ, при немъ Судица-
 царица, Зари утренняя и вечерняя, хвостатыя звѣзды, лысый
 дѣдъ Мѣсяць, двѣнадцать сыновей-Мѣсяцевъ, Солнцевы дѣвы, и
 пр. (Аф. т. 1 ст. 67, 82). Еще по ведійскимъ преданіямъ, Яма
 живетъ на Югѣ; онъ перворожденный и первоумершій; онъ божество
 міра усопшихъ. Картина его блестящаго, мирнаго царства изложена
 еще въ ведахъ, въ молитвахъ къ Ямѣ, (Бар. т. 1. ст. 284). Нашъ
 рай, свѣтозарный Буянъ-островъ, также за облаками, въ блестя-
 щемъ царствѣ солнца. ~~Въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч.
 слово рай переводится словомъ породе, а алъ словами родъ и
 родство. Почему г. Афанасьевъ находитъ, что нашъ Родъ и могъ
 быть владыкой усопшихъ предковъ, древнимъ ведійскимъ Ямой.
 Нашему роду также воссылались молитвы, наравнѣ съ другими
 богами, приносились жертвы и учреждены основныя (обрядовыя)
 трапезы, иначе кутейныя, на которыхъ подавалась кутья, на-
 нынѣ составляющая необходимую принадлежность на родинахъ
 (крестинахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ честь Рода и Рож-
 ницъ, въ числѣ жертвенныхъ вещей были также хлѣбъ и сыръ,
 и подавался напитокъ медъ, сопровождавшій всѣ религиозныя при-
 ношенія и жертвенства. Вообще слово рай у насъ служить для
 обозначенія сада; островъ Буянъ превратился въ счастливый родъ
 Макарійскій; а небо прежде почиталось хрустальной или золотой
 горой (подобно Инд. Меру), на вершинѣ которой было царство
 блаженства. (Аф. т. II ст. 131—139, т. III ст. 278, 386,
 230—231, 387, 419, 420). Яма, по мнѣнію Крейцера, только
 темный образъ Индры; это ночь, царь мертвыхъ, владыка Юга и
 ада. (Kreiz. t. I p. 246). Но блестящій Индра, богъ эфира и
 небснаго свѣта, воздушной тверди видимаго неба (les Swargas,
 Сварога), повелитель добрыхъ духовъ, властитель молніи, царь
 облаковъ, податель благотворнаго дождя, произраститель нивъ и
 плодовъ земныхъ, любилъ жить на горѣ Меру, на самомъ Сѣверѣ.
 Ничто не сравнится съ красотой воздушнаго его жилища, его дворца
 и садовъ. (Kreiz. t. 1 p. 246). Индра живетъ въ высшей атмосферѣ;~~

Маруты его спутники. (Croyan: et lég. de l'ant: p. 7—658). «Какъ дождевой и грозовой богъ, Индра пробиваетъ горы свои перунами, заставляетъ ихъ источать ключи, умерщвляетъ демона, похитившаго облака и тучи; пособникъ ему Трита. Въ Египтѣ, подъ именемъ свѣтубога Пта, онъ сражается съ змѣею ноци; въ Элладѣ, въ образѣ Солнце-бога Аполлона, низлагаетъ Пифона, а въ видѣ солнечнаго героя Пракла, одолеваетъ многоглавую Лернейскую гидру, отбиваетъ похищенныхъ быковъ», — и т. д. (Карр. т. 1 ст. 275, 276). Между прочими прозваньями Индры было Парьянья, молниеносная туча, отъ корня *prg* (*pré*), разсѣвать, окроплять, прыскать, что уподоблялось эпитету: *Jupiter pluvius et tonans*. Въ гимнѣ *Rig-veda* говорится: «бушуетъ вѣтеръ, блистаетъ молнія, распускаются злаки, небо изливается, вся тварь получаетъ подкрѣпленіе, когда Парьянья оплодотворяетъ землю своимъ сѣменемъ». Слово это: Парьянья восходитъ къ древнѣйшей эпохѣ аріевъ; отъ этого слова происходитъ и нашъ Перунъ, тоже Сварожичъ, сынъ прабога Неба. «Молніи были его оружіе, — мечъ и стрѣлы, радуга — его дугъ, туча — одежда или борода и кудри, громъ — далековозвучающее слово, глаголь божій, раздающійся свыше, вѣтры и бури — дыханіе, дожди — оплодотворяющее сѣмя. Какъ творецъ небеснаго пламени, рождаемаго въ громахъ, Перунъ считался и богомъ земнаго огня, что онъ принесъ въ даръ смертнымъ; какъ владыка дождевыхъ облаковъ, издревле уподоблявшихся воднымъ источникамъ, онъ получилъ названіе бога морей и рѣкъ; а какъ верховный распорядитель вихрей и бурь, сопровождающихъ грозу, — названіе бога вѣтровъ». (Афан. т. I ст. 96, 136, 248, 262). Индрѣ сопутствуютъ Маруты. «Далеко-метательные луки, которыми Маруты вооружены, усвоили имъ прозваніе *sudhanvanas* (стрѣляющихъ изъ луковъ); такъ точно и у насъ, по выраженію нашего стариннаго памятника, вѣтры вѣютъ стрѣлами; а богъ грозы, какъ небесный владыка, являющійся въ буряхъ и вихряхъ, получилъ у славянъ названіе Стрибога, о которомъ сл. о полк. Игоръ говоритъ, какъ о дѣдѣ вѣтровъ; слово же ~~стри~~ ~~обна~~ ~~чаетъ~~ ~~воздухъ~~, ~~повѣтріе~~». (Тамъ же, ст. 320, 321). Наконецъ, отъ слова *var* — покрывать, въ ведахъ упоминается еще богъ Варуна, для обозначенія небесной тверди въ ночное время, т. е. одѣтой чернымъ покровомъ. Или это противопоставляется Матрѣ, божеству дня. «Варуна, божество неба, по индѣйскимъ преданіямъ, устраиваетъ свѣтъ и времена, выводитъ въ путь солнце и звѣзды; солнце его глазъ, а вѣтеръ — его дыханье. Такое воззрѣніе, общее всѣмъ индо-европейскимъ народамъ, не чуждо и славянамъ». Пространство небесное, покрытое облаками, которыя особенно часто скопляются на Западѣ, казалось древнему человѣчеству небеснымъ или воздушнымъ моремъ; а самыя облака то нимфами, то звѣрями, то стадомъ коровъ или овецъ. Тамъ, при верховномъ

божествѣ небеснаго свода (Варунѣ), обитають души предковъ (pitris), подъ сѣнію густо-лиственнаго дерева, съ царемъ Яма, собирателемъ всего человѣческаго рода; тамъ небо героевъ... Впоследствии же, богъ небеснаго океана, бурныхъ вѣтровъ и битвъ сталъ называться у скифовъ Водапомъ и Вуотаномъ. Водану молились о хорошемъ урожаѣ, онъ утучнялъ стада, давалъ изобиліе, и также, подобно Варуну, принималъ къ себѣ души усопшихъ героевъ; солнце его глазъ, а бурный воздухъ его дыханье; у него въ царствѣ мировая ясень, тождественная съ индѣйской смоковницей и нашимъ дубомъ Мокрецимъ; онъ владыка того же воздушнаго океана, по которому души усопшихъ переправляются на тотъ свѣтъ. «Души усопшихъ издревле представляются легкими стихійными существами, и въ семьѣ индо-европейскихъ народовъ сохраняется множество преданій о перевозѣ душъ на ладѣ или кораблѣ мифическимъ кормчимъ. Представленія эти извѣстны и славянамъ». (Афан. т. I. ст. 63, 574, 575, т. II ст. 166; Les Gètes, p. 154 - 166). «Но Варуна всего рѣже олицетворяется въ ведахъ подъ видомъ чловѣка; онъ еще чтится посредствомъ цѣлой тверди небесной. Вкругъ него собраны духи свѣта... (Бар. т. I ст. 301, 302). Вѣроятно, въ противоположность Востоку, царству солнца, Западъ считался въ древности царствомъ смерти. «Если же идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сблизить еѣ съ понятіемъ о снѣ... Смерть и сонъ представляются потому въ мифологіяхъ разныхъ народовъ явленіями между собой близкими, родственными. Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причтаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая земля выпьетъ его очи». (Аф. т. III, ст. 36).

11) Вообще ученые изыскатели признають, что древніе аріицы въ первобытное время не знали моря, потому что въ ихъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія понятія о морѣ. А г. Бергманнъ полагаетъ, что какъ въ первобытное время земля была еще затоплена большею частью, особенно въ болотахъ и обширныхъ низменныхъ пространствахъ; поэтому и казалось только что вышедшею изъ подъ воды, и лишь мѣстами обсохшею на солнцѣ. (Les Gêt. p. 168—170). Однако извѣстно, что, по мнѣнію всѣхъ древнѣйшихъ племенъ, земля всплыла въ видѣ острова изъ водъ всемірнаго океана. По мнѣнію индѣйцевъ, поднявшись изъ глубины океана, она плавала въ водахъ его, въ видѣ семи большихъ острововъ (dvīpās) или семи исполинскихъ листьевъ, космическаго лотуса; по Зендавестѣ, Агуро-маз дао (богъ Солнца), создалъ сначала небо и воды, и поднялъ землю изъ океана; по Ассирійскому преданію (cf. Genes 1), вначалѣ была лишь вода, и земля отдѣ-

лилась отъ нея уже впоследствии; по космогоніи Гомера, земля сперва большой островъ, окруженный океаномъ (okéanos); онъ примыкаетъ съ Востока и Запада, къ группѣ острововъ, которая называется Aíaiá, страной острововъ; по скандинавской космографіи, земля также окружена океаномъ, выражавшемся въ символѣ змѣя; у славянъ первосозданная земля — небольшой островъ, который постепенно расширяется; по санскритски слово dvīpā выражало не только островъ, но и страну (Ṣaka—dvīpa,—островъ или страна Саковъ), по еврейски iyim (острова), означало также и страны; а въ библии древняя Европа называется группой острововъ; даже на старомъ французскомъ языкѣ еще говорилось: ille de France вмѣсто pays de France, ille de Persois, вмѣсто pays des Perses. (Тамъ же). Но при сличеніи всего этого съ соч. Гартинга «о первобытномъ мірѣ сравнительно съ современнымъ», все это становится вполне понятнымъ, потому что въ описываемое время еще пол-Европы было подъ водою, а остальная ея часть состояла изъ острововъ, какъ это и изображено въ настоящей поэмѣ. И едвали это будетъ не лучший ключъ, къ истолкованію первобытнаго расселенія народовъ изъ Азій: потому что путь гораздо удобнѣе было совершать эти переселенія на пустынные острова, нежели двигаться прямо на Западъ по сухому пути, неизвѣстными мѣстами, между племенъ чуждыхъ и чаще враждебныхъ. Причемъ нельзя не обратить вниманія, что первыя племена, поселившіяся на Западѣ, — племена финно-алтайскія, т. е. изъ Сѣверной Азій, возлѣ которой на Сѣверѣ былъ большой островъ; а славяне, позднѣйшіе поселенцы въ юго-восточной стѣнной Россіи, гдѣ всего долѣе стояли первобытныя воды. (См. Гартинга).

12) См. 1 т. Восьмоса. Гумбольдъ полагаетъ, что эти соввѣздія, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, займутъ снова тѣже мѣста надъ нашимъ полушаріемъ.

13) Мигула Селяниновичъ, подъ какимъ бы именемъ онъ въ древности ни былъ извѣстенъ, есть родоначальникъ и представитель славянскихъ земледѣльческихъ племенъ. Онъ изобрѣтатель земледѣлія, которое было ужъ извѣстно имъ еще въ ихъ протчизнѣ; стало быть, онъ родился еще въ древнемъ ихъ Вырѣѣ. Еще тамъ, подобно Ямѣ и Джимѣ, онъ получилъ свыше символы земледѣлія, и сталъ княземъ мира. Прежде еще этого онъ чтился тамъ въ образѣ Перуна; такъ какъ «первобытный народъ уподобилъ грозное облако плугу, а бога Грозовнива представлялъ себѣ рожущимъ вихрями облачное небо, бороздящимъ его молніями и разбрасывающимъ сѣмя дождя. Онъ же выковалъ первый плугъ, и какъ владыка, творящій земные урожаи, научилъ человѣка воздѣлывать нивы, пахать и засѣвать землю». (Афан. т. I, ст. 558). Но прежде, чѣмъ родиться на землѣ и облечься въ человѣческое тѣло, его нежившая душа должна была носиться въ видѣ звѣ-

дочки, бабочки или мальчина съ пальчикъ, какъ представляли себѣ тогда люди всякую нежившую душу и самую молнію. Однако и родившись, онъ былъ сначала княземъ колесницы, вождемъ бродячаго племени, откуда получилъ отъ Солнца небесныя принадлежности или символы земледѣлія и осѣдлости. Почему онъ могъ называться сперва и Накулдой, божественнымъ княземъ колесницы, извѣстнымъ послѣ въ Индіи, а потомъ княземъ сохи (suoha, roch), Колоксаемъ у скифовъ; и только ужъ въ позднѣйшее время получать, отъ отдѣлившихся славянъ, настоящее свое имя и отчество. (См. I т. Магабг. и Бергм. les Gètes, ст. 92, 182, о кн. Kola-Skais.).

14) См. les Gètes, о переходѣ скифовъ изъ кочеваго быта въ осѣдлый, земледѣльческій, §§ 55, 56.

15) Какъ родоначальникъ земледѣльческихъ славянскихъ племенъ, Микула приноситъ за свой родъ-племя первую жертву. Въ ведахъ, Агни (Огонь), дитя силы, именуется и первымъ жертвоприносителемъ, и великимъ жрецомъ, бессмертнымъ хранителемъ священныя обрядовъ. Надобно думать, что здѣсь разумѣется огонь очага. «Онъ есть божество (Agyaman), которому вѣрена स्वाда (svadha), олицетворенная жертва; всѣ боги ему принадлежатъ. Такое олицетворенное жертвоприношеніе называлось Ядина, jadyana (ядѣніе, божанія); а жертва предкамъ срада, sradha- (наша трава). Она способствовала душамъ усопшихъ достигнуть горнихъ селеній, и пѣкоторымъ образомъ обоготворяетъ ихъ». (Croy: et lég. de l'ant. p. 7—158). «Но первое приношеніе чело­вѣка въ жертву, было символическимъ подражаніемъ первому великому жертвоприношенію, совершенному Брамой надъ самимъ собой,» поется въ гимнахъ Ригъ-веды. Черезъ это божественное жертвоприношеніе былъ созданъ міръ и все въ немъ существующее. Другое мѣсто въ ведахъ поясняетъ предыдущее: по мнѣнію Рота, тутъ идетъ рѣчь ужъ не о жертвоприношеніи Браны своей личности самому себѣ, т. е. не о жертвѣ мірозданія, но вообще о жертвоприношеніи на землѣ, чрезъ что, приносящій жертву, возвышается до небснаго божества и соединяется съ нимъ, слившись, въ образъ своей жертвы, со всѣмъ мірозданіемъ. «Онъ созерцаетъ высшее существо (въ его твореніи), и становится съ нимъ единымъ, становится и самъ этимъ высшимъ существомъ, исполняя обширную ткань торжественнаго жертвоприношенія. Таково ученіе объединенія, какъ практическое слѣдствіе спекулятивнаго пантеизма». Вотъ что говорится объ этомъ въ ведахъ: «воплощенный духъ дышетъ въ груди чело­вѣка, такъ какъ онъ наполняетъ собой всю землю. Это высшее существо,—вселенная и все, что было, все, что должно быть... Стихи вселенной только части его; тройственная сущность его обитаетъ внѣ міровъ. Огъ него родился Вирази, создавшій чело­вѣка; а чело­вѣкъ, воспроизводя себѣ подобныхъ, населилъ землю.

svadha = sradha
 sradha = sradha

Въ этомъ-то и заключалась та всемірная жертва, отъ которой произошли всѣ существа. Боги, полубоги и почтенные мудрецы предложили ее, какъ жертву... На сколько-жъ частей они раздѣлили то существо, что они заклали? (quils immolérent). Луна произошла отъ его разума (не забудемъ, что Индія значитъ собственно Луна. Васильевъ *)—солнце родилось изъ его глаза, воздухъ и дыханье изъ его уха, и т. д.» Таково пантеистическое воззрѣніе на мірозданіе; но понять его можетъ лишь тотъ, кто возвысится духомъ до божества, черезъ жертвоприношеніе. (Крейц. т. 2-й, прим. 5 на 2 гл., ст. 603—605). Не здѣсь ли слѣдуетъ искать начало и нашей голубиной книги, или глубинной, т. е. обнимающей всю глубину мірозданія, какъ и называетъ ее г. Веселовскій въ своемъ соч. о Соломонѣ и Китоврасѣ, 1872 г. Сущность этой книги и ученія браминовъ о мірозданіи совершенно сходны между собою. Впослѣдствіи ученіе это становится какъ бы мѣриломъ знанія позднѣйшихъ племенъ въ вѣщей наукѣ космогоніи, и предметомъ ученыхъ преній ихъ, начиная съ Одина съ велик. Вафтрудниромъ, и нашего Волота съ ц. Давидомъ, и кончая игрой въ вопросы и отвѣты въ Вартбургскомъ замкѣ, близъ Эйзенаха, въ 1206 или 1207 г. въ Турингіи. Позднѣе индѣйская мифологія начинаетъ ужъ изображать природу и самую вселенную въ видѣ небснаго или жертвеннаго коня: солнце—глазъ его, воздухъ—дыханье, огонь—раскрытый ротъ его; годъ—жизнь жергвеннаго коня, небо—спина его, небесный сводъ—его чрево, и т. д. Передъ этимъ конемъ день подымается, какъ блестящее величіе; онъ родится въ Восточномъ морѣ; позади него ночь, тоже въ блестящемъ величіи,—она родится въ Западномъ морѣ», и т. д. (Fasc. de Gulf. p. 225).

16) Древній Дій, Сварогъ, Небо считается праотцемъ всѣхъ послѣдующихъ боговъ. Раздѣливши между ними верховную власть собою, онъ успокоился отъ трудовъ мірозданія; но потомъ божественное потомство его, боговъ второй и третьей руки, до того въ теченіи вѣковъ размножилось, что позднѣйшіе боги наводятъ ужъ сомнѣніе, касательно единства ихъ происхожденія и сродства съ первобытными богами. (Les Gët., p. 152, 153). Первобытная религія древнѣе племенъ, что ее исповѣдуютъ. Въ теченіи времени, боги образуютъ изъ себя своего рода іерархію, по которой каждый изъ нихъ имѣетъ свою долю въ управленіи судьбами вселенной. Такимъ образомъ, мифологія обнимаетъ собой въ послѣдствіи не только собственно религіозныя преданія, но и весь кругъ чело-вѣческаго развитія, его знаніе, поэзію и преданія историческія народовъ. (Fasc. de Gulf. p. 13).

*) Ж. М. Нар. Пр. 1873 г. Апр. ст. 288.

17) Въ одной изъ ведъ образъ молитвы выражается такимъ образомъ: «ткань молитвы не разорвется, и никогда не сломится игла, которой боги шьютъ почетную одежду для молящихся» — «такъ, что уже въ ведахъ подготовлялось представленіе, что жертвой можно повліять и подѣйствовать на боговъ, и жрецъ, умѣющій какъ должно принести ее, спѣтъ подходящую къ тому пѣсню, располагаетъ этимъ небожителемъ служить человѣку. Молитва, какъ священнодѣйствіе, получила первое названіе свое отъ ревностной борьбы; это сильное возбужденіе, внутреннее напряженіе человѣка, когда настойчивымъ выраженіемъ своей воли онъ силится настроить въ свою пользу божество. Ротъ вполне выяснилъ это производствомъ слова Брами (святое и молитва), отъ брн. боротъ; въ ведахъ есть явное тому доказательство: господь молитвы, браманаспати, зовется также и бригаспати. господь борьбы. Молитва вторгается ко всякому предмету и овладѣваетъ имъ какъ бы силой. О браманаспати говорится, что онъ отыскалъ утреннюю зарю и сіяніе неба, что онъ поочередно восходитъ въ солнцѣ и въ мѣсяцѣ; а о набожности предковъ поется, что благодаря ей, небо украсилось звѣздами, какъ вороной конь бляхами; что она ночь надѣлила тьмою, а день озарила яркимъ свѣтомъ. Могущество слова обнаруживается въ заговорахъ и заклятіяхъ. Они понятны тому, кто, вмѣстѣ съ индѣйцами, признаетъ за существо вещей внутреннюю духовную силу, которая поэтому внемлетъ слову и можетъ подлежать его вліянію. Тутъ же дѣйствуетъ еще и вѣрованіе, что вещи обладаютъ способностью, уподобляться другъ другу, притягивать къ себѣ подобное, переносить свои свойства на другія вещи. При посвященіи царя говорятъ: небо твердо, земля твердо, горы твердо, да будетъ твердо и царь, и т. д. Еще замысловатѣе, еще духовнѣй и поэтичнѣе выступаетъ часто въ Ригведѣ вѣра въ силу пѣсни и фантазіи, причеиъ пробуждается сознаніе, что человѣкъ-то именно и даетъ своей фантазіей опредѣленную форму идеѣ божества». (Кар. т. I, ст. 297, 309—311). Касательно преданія о великанѣ, см. Афан. т. II, ст. 719, 720.

18) «Около двадцати пяти столѣтій до Р. Х., говоритъ Бергманнъ, арійцы обитали на плоской возвышенности Западной Азіи, гранича съ Аральскимъ моремъ и Джигуномъ (Djihoun) къ Сѣверу, съ Тигромъ и Евфратомъ на Западѣ, съ Персидскимъ заливомъ и Индѣйскимъ моремъ на Югѣ, съ Синдомъ и Белуртагомъ (Belur-tagh) съ Востока. Потомъ въ теченіи вѣковъ, арійскія племена пачипаютъ ужъ разниться между собой. апри расселеніи въ другія мѣстности и еще болѣе отличаются одно отъ другаго. Къ восточной группѣ принадлежатъ арійцы Индіи, Бактріаны, Персіи и Мидіи, отдѣлившіеся въ глубокой древности отъ прочихъ. Еще прежде нихъ однако вышли изъ прародины Гейганы (Haigans), Иверы, Атуры и Камары; такъ-что въ западной группѣ оставались одни Скифы, между которыми самое воинственное племя было племя Савовъ или Таковъ (Hakas), занимавшихъ, подъ именемъ Индо-Скифовъ, въ

1 ст. по Рожт. Хр. весь сѣверо-западъ Индіи. Греки звали ихъ вообще скутами, щитами, способными, покровителями. (Les Cret. p. 17 — 23). Г. Григорьевъ замѣчаетъ, что у Саковъ (Шакія) встрѣчаются славянскія имена: Зарина, Будръ, и пр. почему г. Васильевъ говоритъ, что и Вирудака, рожденный отъ рабыни и отставшій шакианцамъ вѣстребленіемъ ихъ, за презрѣніе, оказанное ему вслѣдствіе такого происхожденія, не есть ли искаженіе нашего слова: выродокъ?... и т. д. (Рел. Вост. В. Васильева, Журн. нар. проsv. 1873 г. Апрель, ст. 291). Между тѣмъ, въ Индіи было ужъ много боговъ и между главнѣйшими: Вишну—вода, и Сива—огонь, оба ~~неисчислимы~~ земледѣлія. Въ славянскихъ преданіяхъ сохранилось имя Сивы, но ужъ въ искаженномъ образѣ богини весны и урожаявъ, Прии,—слившейся потомъ въ народномъ сознаніи съ плодотворящей матерью Землею. Другое же ея значеніе, отъ созвучія съ словомъ сѣять, посѣвъ, выражаетъ богиню, научившую воздѣлывать землю, сѣять, жать и обрабатывать ленъ. (Аф. т. I, ст. 137, 138). Стало быть, значеніе Сивы Индѣйскаго и нашей Сивы тоже самое; но образы ихъ разные. Древнѣйшее значеніе Сивы было сѣяющей; и теперь по малороссійски сивый, значитъ сѣдой, бѣлый, а сивѣти—становятся сѣдыми, (тамъ же, т. I, ст. 230). Но ближеніе нашего Микулы съ Сивой, богомъ Индіи, будетъ еще явственнѣе, когда мы скажемъ, что Сива есть владыка лингвама, отецъ и властитель природы и всякой жизни; его символы огонь и вода, солнце и луна, мужъ и жена, быкъ и корова, лотусъ, священное фиговое дерево (нашъ дубъ-стародубъ), и пр. (Kreiz, t. I, ch. 2—5). Вакхъ и Гермесъ вносили также духъ общестія и дары земледѣлія: почему и они могли имѣть много общаго съ Микулой, представителемъ вообще жизни осѣдой и земледѣльческой: тогда какъ древніе персы или фарсы, какъ племя пастушеское, еще поклонялись планетамъ, стихіямъ и источникамъ, покуда Зороастръ, посѣтилъ гору Альборди (персид: Меру), и далъ имъ письменные законы и новую вѣру въ Ормузда и Аримана, первообразовъ нашихъ Бѣлбога и Чернобога. Затѣмъ возникла вражда между персами и прочими арійцами, и древніе арійскіе боги были причислены въ Персію къ дивамъ, т. е. демонамъ. (Croy: et lég. de l'ant. p. 7—158).

19) Нѣкоторые ученые признаютъ совершенное тождество индѣйскихъ боговъ съ славянскими, и большое также сходство между ихъ древними празднивами. Бромъ несомнѣннаго сходства въ праздникахъ солнцезаворота, богини Ганги, встрѣчи весны, поминокъ усопшихъ, особенно поражаютъ своимъ тождествомъ праздники Индѣйскаго Сивы и нашего Ярилы. У насъ богиня Сива почитается женой Перуна, того же Ярилы, и, какъ въ Индіи, въ этотъ праздникъ чествуется лингвамъ, фаллусъ, стволъ плодородія. Бтоже въ Индіи Сива? Онъ есть владыка лингвама, магадева.

мужъ и жена, быкъ и корова, богъ двуполюй, какъ и вся природа вообще, въ которой онъ и есть разрушитель и возобновитель, благодѣтель земли, богъ земледѣлія и всѣхъ произведеній природы; онъ же и грозный судія загробный, мститель и воздаятель, владыка душъ усопшихъ. Въ первомъ образѣ онъ Бава, Балисъ, Багаванъ, Део-нехъ; въ последнемъ, онъ Рудра, Бала, Гора, Угра, и пр. (Kreiz, t. I, ст. 2—5). Вотъ почему онъ могъ слыть въ Индіи богомъ, а у насъ богиней, и вотъ на какомъ основаніи, какъ царь усопшихъ, онъ имѣетъ сходство и съ нашимъ Родомъ, а какъ богъ земледѣлія, съ нашимъ Микулой. Празднество Сивѣ и лингвamu считалось въ Индіи главнѣйшимъ, какъ и у насъ Яриль—Микулъ—Перуну. Всѣ индѣйскіе празднества перечислены въ 16 прим. къ 1 книгѣ у Крейцера, гдѣ всякій можетъ удостовѣриться въ сходствѣ ихъ съ нашими языческими. Почему же не искать въ Индіи и первоначальнаго источника нашихъ древнихъ обычаевъ и народныхъ былинъ, какъ на это указываетъ и г. Стасовъ въ своей статьѣ, о русскихъ былинахъ (В. Евр. 1868 г.)? Но какимъ образомъ Индѣйскіе Кришна, ~~и некоторые другіе образы~~ превратились потомъ въ Добрыню, и т. д., это, конечно, народная тайна, къ которой и самъ народъ теперь не имѣетъ ключа. Корни остались большею частью въ цѣлости и принялись на русской почвѣ; но къ стволу сдѣланы многія прививки, которыя затемнили его древнее значеніе.

20) «Будда чть общее названіе, очень древнее въ Индіи, ученнаго, мудраго еловѣка, и значить собственно высшій разумъ. Онъ тоже, что Муни,—пустынникъ или планета Меркурій. Имя это принадлежитъ астрономіи, метафизикѣ и исторіи. Было множество Буддъ и Ману, оживлявшихъ міръ своимъ словомъ. Последній Будда явился отъ девятаго, последняго воплощенія Вишну, когда этотъ богъ воплотился Кришной. Въ ученіи буддизма древнее и новое до того перемѣшаны между собою, что самыя противоположныя мнѣнія могутъ черпать изъ него обширныя доказательства. Поэтому нельзя вполне отвергать мнѣніе Рихтера о первоначальному буддизмѣ въ самую глубокую древность, совершенно отличномъ отъ нынѣшняго, т. е. позднѣйшаго,—о томъ буддизмѣ, что предшествовало этому последнему или современно его первому началу. Тотъ первый Будда могъ быть однимъ изъ главныхъ символовъ или образовъ первобытной религіи индусовъ, и, можетъ быть, еще назывался тогда Вишну или Сива-Брамой, который былъ преемникомъ Діонисія. Надобно думать, что Арріанъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ спутниковъ Александра, эти-то божества и называетъ Буддіями (Bouddias). Вѣроятно, это и есть то божество, покровительствующее землѣ, сынъ Луны, (Майа, Богавани), что считается отцомъ пуру, людей, гениемъ планеты Меркурія, и

скорѣе должно называться Будой, нежели Буддой; то божество Готама, которому присвоено девятое воплощеніе Вишну. Но между древнѣйшимъ и новымъ буддизмомъ такая же разница, какъ между первообытнымъ сабизмомъ и новѣйшимъ пантеизмомъ. По мнѣнію Рихтера, ученіе древняго Буды распространилось съ Востока до дальнѣйшихъ предѣловъ Европы. Рихтеръ даже отождествляетъ древняго Буду съ Воданомъ и Однимъ. Во всякомъ случаѣ имя Будды присуще развитію религіи въ Индіи, съ древнѣйшихъ временъ по сіе время. Оно принадлежитъ всѣмъ сектамъ, всѣмъ народнымъ, самымъ тайнымъ вѣрованіямъ, какъ во времена варварства, такъ и въ болѣе образованныя. Немудрено, что Буда въ средѣ воинственныхъ асовъ превратился въ завоевателя. Бакъ, вѣроятно, богъ Торъ есть искаженный Индра, такъ точно и Воданъ-Буда-Вишну или Будій Арріана есть тотъ самый человѣкъ-левъ, Наразина, Индѣйскій геркулесъ, Сакіа-Сина, левъ Саковъ, какъ и по сіе время Будда называется по всей Восточной Азіи, или какъ Фрико съ фаллусомъ соотвѣтствуетъ Фреѣ-гермафродиту, Сивѣ или Арданари—Исвари, ... (Крейц. кн. 1 и прим. 15 къ ней, § 3). Но къ этому слѣдуетъ еще присовокупить, что хотя Будда считается тысячи, прежде Шакіамуни, который и есть, вѣроятно, Ади-Будда,—Будда Буддъ; но знаменитый нашъ ориенталистъ Васильевъ считаетъ ихъ вымышленными позднѣе (послѣдняго уже въ Европѣ). По мнѣнію г. Васильева, подъ именемъ буддистовъ въ глубокую древность, слѣдуетъ разумѣть просто анахоретовъ нравственной жизни, которые даже чествовали огонь, слѣд. имѣли нѣчто общее съ магами, съ преданіемъ о Прометѣѣ, съ древними весталками. (Журнала министерства народнаго просвѣщ. 1873 Апр. ст. 288, 289).

21) Преданіе о томъ, что боги должны рано или поздно погибнуть или смѣниться другими, существуетъ во всѣхъ арійскихъ мифологіяхъ. У грековъ предсказываетъ объ этомъ Юпитеру скованный Прометей; у Скандинавовъ то время называется божественными сумерками небесныхъ величій; у насъ также есть намекъ на это въ искаженномъ духовномъ стихотвореніи, о концѣ вселенной отъ воды и огня. «Сакіа-Муни (Будда), умирая, предсказываетъ, что черезъ пять тысячъ лѣтъ вѣроисповѣданіе его исчезнетъ и будетъ замѣнено другимъ, основателемъ котораго явится Маги-дари, Богъ въ образѣ человѣка. Это девятое превращеніе Вишну происходило (по исчисленію Индѣйцевъ), въ IV вѣкѣ бытія міра; десятое (калькиаватара) будетъ въ концѣ вѣка». (Ист. рел. т. 1, ст. 13).

22) О всемъ этомъ см. les Gètes, par Bergmann, § 69, ст. 31—35; § 55, ст. 91, 92; § 109, ст. 181.

23) По Индѣйскимъ преданіямъ, таинственная гора Меру есть та священная, срединная гора, откуда исходитъ источникъ жизни

и свѣта на землю. Она соединяетъ землю съ небомъ и отдѣляетъ день отъ ночи. Позади нея ежедневно закатывается солнце, заходятъ луна и звѣзды. Тамъ кочевали хищныя племена; страна эта мрака и чудищъ называлась у персовъ Тураномъ, тогда какъ сама Персія, между Кавказомъ и Сѣв. Индіей, звалась Ираномъ. Здѣсь Магабадъ, въ родѣ пророка или патріарха, внесъ первую образованность и раздѣлилъ народъ на четыре касты. Его вѣкъ почитается золотымъ. Затѣмъ Джемшидъ, тоже что еврейскій Соломонъ или Александръ у грековъ, построилъ или вырубилъ въ утѣсѣ городъ Эстакаръ, прозванный персами трономъ Джемшида. Джемшидъ жилъ тысячу лѣтъ, а царствовалъ семьсотъ; его вѣкъ почитается еще славнѣйшимъ Магабадова. Но онъ возгордился этимъ и объявилъ себя божествомъ, за что навлекъ на себя и народъ свой гнѣвъ Божій: чудища Турана вторглись въ Иранъ и овладѣли имъ. Въ главѣ ихъ былъ Сохакъ, который и владѣлъ Персіей тысячу лѣтъ, и превратилъ ее въ пустыню. Освободителемъ страны явился кузнецъ Феридунъ: онъ побѣдилъ Сохака, и заключилъ его въ пещеру. Съ тѣхъ поръ началась борьба Ирана съ Тураномъ, покуда предсталъ, извѣстный персидскій богатырь, Рустанъ или Рустемъ, и окончательно очистилъ свою родину отъ туранцевъ. (Крейцеръ, рел. инд. т. I, гл. I; рел. перс. гл. I—V).

24) Производящая сила природы у индѣйцевъ, Бавани, считается женою Сивы (Микулы): съ тѣмъ вмѣстѣ она сестра его и дочь. Она также Парвати и Ганга, луна, богиня первобытной влажности; она же Дурга, героиня, вооруженная съ головы до ногъ, недоступная богиня; въ ней выражается сила и энергія добродѣтели; она же, подъ именемъ Кали или Мага-Кали, караетъ преступленія, низвергаетъ грѣшниковъ въ пламя бездны и предпочитаетъ всему человѣчскія жертвы; она смерть и дающая смерть. (Kreuz. t. I, ch. II—V). Не въ этихъ ли трехъ образахъ слѣдуетъ искать и полузабытые нынѣ образы трехъ дочерей Микулы? «Въ индѣйской мифологіи, говоритъ Бергманъ, Кали (Грозная) присутствовала при смерти. Какъ богиня разрушенія и священныя гаданія, она имѣла въ услуженіи жертвенныхъ женщинъ (*femmes victimaires*), которыя приносили въ жертву плѣнниковъ и составляли родъ корпораціи, называвшейся тогда челоуѣкоубійцами, — *tuerie d'hommes*. Онѣ были вооружены; почему греки и уподобляли ихъ дѣвственнымъ амазонкамъ, что служили при Артемидѣ Ефесской. Весьма вѣроятно, что богиня Луны, какъ участвовавшая въ принятіи мертвыхъ, уже называлась у скифовъ Квалой, *kvaleis*, грозной, черной, по санскр. *kal*. Собственно Кали значитъ поражать (*frapper, cell.re*); отъ чего происходитъ санскр. слово *kalas* (поражающій, *frappant, coup, instant*). Поражать (*frapper*) синонима слова ужасать (*effrayer*); отсюда санскр. слово *kalas*, грозный, ужасный, черный. Отъ *kalas* происходитъ *kalys* (*tenant*

du noir); у скифовъ-гетовъ kvaleis (грозный, черный), и kvalei (грозная, черная, по санскр. kali). (Les Gét. p. 209, 213). Замѣтимъ, что также и у славянъ назначались послами, какъ наша Грозная, вѣщія дѣвы, состоявшія при храмахъ; а служеніе при храмахъ тогда заключалось въ гаданьяхъ и въ томъ, что эти прислужницы удушали человѣческія жертвы передъ жертвоприношеніемъ, и такимъ образомъ отправляли ихъ души къ богу Ямѣ или Роду, служа какъ бы посредницами или послами между нимъ и народомъ. Но отъ образа богини Кали у насъ осталось только смутное представленіе о немъ, и ея древнее имя Грозной. Еще проще сближеніе между Поленицей и Дургой: и та, и другая воинственныя дѣвы; и та и другая развѣзжаютъ (полякуютъ) по странѣ, всегда вооруженныя, и бьются съ враждебной, нечистой силою; обѣ извѣстны своей силой, энергіей и добродѣтелью, и обѣ недоступны силамъ вражескимъ. Затѣмъ остается еще третья дочь Микулы, которой даже и имя утрачено. Но не есть ли она третья дочь Сивы, — Ганга, богиня луны? «Потомъ, говоритъ Бергманъ, явилась у скифовъ Права или Прія, собственно госпожа, какъ преемница или дочь Луны, почитавшаяся скандинавами дочерью слав. божества Вринды (раздавателя богатствъ и даровъ земныхъ). Послѣ войны съ ванами, скандинавы получили ее въ заложницы мира, подъ именемъ Фрей; то была госпожа (domina), хозяйка въ домѣ (maitresse de la maison), богиня изобилія, любви, супружества и семейства; но прежде всего — почетная госпожа, супруга и хозяйка дома (dame de la maison); типъ, по мнѣнію Снорри, вообще знатной госпожи, по превосходству». (Les Gét. p. 218, 221, 222; fasc. de Gulf. p. 267). «Домашній очагъ, котораго она была представительницей, соединялъ собой воедино не только семейство, но и цѣлое племя и народъ; такимъ образомъ, подобно римской Вестѣ или скифской Тавити, она стала представительницей не только семьи, но и цѣлаго племени, а потомъ и народа». (Les Gét., p. 227). Впослѣдствіи ея имя было: Вана. Не въ этомъ ли образѣ и должна быть младшая дочь представителя земледѣлія Микулы? Не это ли и есть она, его младшая дочь, праба Прая, а потомъ, по вступленіи на сцену Виндовъ или Вендовъ наша Вана, родоначальница племени вановъ; такъ какъ въ древности, какъ прекрасно разъяснилъ г. Буслаевъ, племена вообще назывались по имени не отцовъ, а матерей своихъ, стоявшихъ въ главѣ ихъ.

25) Младшая дочь представителя земледѣлія, Микулы, Права или Прія (госпожа, хозяйка дома, богиня воздѣланной земли, впослѣдствіи Вана) есть мать-представительница своего рода племени, которое еще не отдѣлилось отъ прочихъ племенъ арійскихъ. Въ тѣ дни человѣчество было еще слишкомъ молодо, чтобы понимать законы явленій природы: въ глазахъ его самое обыкновенное

для насъ явленіе чудесно, божественно. «Слова скорѣе можно назвать еще символомъ, нежели простымъ знакомъ понятій, говоритъ Каррьеръ (т. I, ст. 297), образъ созерцается еще непосредственно... Такъ какъ кони и рогатый скотъ составляютъ народное богатство, то поэзія готова вездѣ пустить ихъ въ дѣло... Не потому, какъ являются глазамъ, а по своему дѣйствию, облака и солнечные лучи становятся коровами; тогда какъ тѣже самыя облака въ другихъ случаяхъ то кормятъ грудью землю, то громоздятся въ горные хребты. то въ видѣ чудовищныхъ стѣней похищаютъ лучи солнца или бьются съ Свѣтобогомъ огнедышащими драконами. Проходитъ небесная корова, Денница, запрягаетъ коней своихъ, и какъ вѣтви развѣснаго дерева простираются лучи ея свѣта Агни, живетъ въ каждомъ зажженномъ огнѣ; вспышки пламени трутъ его обликъ; въ то же время онѣ—руки, языки, которымъ онѣ хватаетъ жертву, и на ряду съ этимъ Агни—человѣковидный богъ... М. Мюллеръ предостерегаетъ не находить ребячествомъ такихъ наприм: восклицаній въ ведахъ: «ахъ, прійдетъ ли, взойдетъ ли выще солнышко? Воротится ли другъ нашъ, денница? Богъ свѣта одолѣетъ ли и на этотъ разъ чудищъ тьмы?..» Надобно перенестись въ дѣтское настроеніе первобытной старины, чтобы вполне постичь ея радостное удивленіе, ея душевную благодарность властительнымъ богамъ, по чьей мпlosti снова ниспосылается людямъ благодать дневнаго свѣта.» Солнце представлялось первобытнымъ людямъ въ различныхъ образахъ,—колеса, коня, глаза, оленя, всадника на колесницѣ, витязя... (Аф. т. I, гл. V; les Göt. p. 177—187). Вначалѣ, въ ведическій періодъ, —Сурја (солнце), источникъ свѣта, всезнающій, и Индра, божество высшей атмосферы, нашъ Перунъ, какъ бы близнецы: а потомъ въ образѣ Вишну сливаются совсемъ воедино: вотъ почему два эти образа смѣшиваются иногда подъ перомъ новейшихъ изыскателей. У славянъ богомъ пѣсенъ и богомъ небесныхъ стадъ(а потомъ и земныхъ), признается Велесъ. Кн: Вяземскій сближаетъ слово Велесъ съ греч: *vēlios, avelios, helios*,—солнце; г. Срезневскій признаетъ Велеса или Волоса за наименованіе бога солнца (Хорса) и сравниваетъ его съ Аполлономъ; г. Афанасьевъ, не соглашаясь вполне съ этимъ, признаетъ Велеса и Волоса за одинъ изъ эпитетовъ, выгоняющаго на небесныя пастбища облачныя стада, тучегонителя Перуна, —отъ санскр: корня: *vr, var*, бога-облачителя, который покрываетъ небо дождевыми тучами. Въ послѣдствіи это имя принято за собственное имя отдѣльнаго божества, и ему было приписано охраненіе земныхъ стадъ, какъ позднѣе св. Власію. (Аф. т. I, ст. 693—699). Значеніе бога-пастыря въ нашихъ преданіяхъ присвоивается также и Мѣсяцу, пасущему звѣзды, какъ небесное стадо; такъ какъ въ звѣздахъ наши предки видѣли овецъ и козъ. (Тамъ-же, ст. 691—693). Почему можно предполагать, что въ глубокой древности

Солнце или Перунъ—Велесъ считалось дневнымъ пастыремъ небесныхъ стадъ; а Мѣсяцъ—Велесъ ночнымъ и преимущественно звѣздъ, т. е. овецъ и козъ. Оба они могли почитаться богами поэзи и пѣсенъ, и впоследствии слились въ одно, въ Волоса—идола, *скотья бога*. «Солнце, которое давнѣе славяне звали Сваломъ (валомъ, круглымъ), считалось ихъ главой и родоначальникомъ, божественнымъ народнымъ правителемъ, говорить Бергманнъ, почему отъ слова сваль они и прозвались славянами. De même qu'en sanscrit, à côté de la forme primitive svarias, existait aussi la forme quelque peu modifiée de sourias, de même dans l'idiome scythe, à côté de la forme Svalius existait encore la forme de Saulius. En effet, de svalius dérive, p. ex., le nom des slaves (p. svales), et Saulius (céleste) était le nom d'un roi scythe». (Les Gét. p. 178).

• 26) См. искус: въ связи съ общ. разв. культ., Баррьера. т. I, ст. 285. Слово Зевсъ здѣсь вмѣсто Дій, Варуна, богъ неба,

27) Съ развитіемъ человѣчества, боги стали превращаться въ героев; изъ мифической религіи началъ развиваться народный богатырскій эпосъ. Самымъ древнимъ нашимъ богатыремъ почитается Иванъ царевичъ: онъ и божество, и чудесный витязь, существо сверхъестественное—и Солнце, и Перунъ вмѣстѣ, въ образѣ чловѣка. (Рус. народ. Шеппинга. ст. 117). Сколько ни страннымъ кажется встрѣтить христ. имя Ивана во дни самой глубокой древности, но вотъ какъ толкуетъ это нашъ уважаемый проф. Буслаевъ: «по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Pictet) кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что одно изъ древнѣйшихъ греческихъ племенъ, въ которомъ особенно процвѣла эпическая поэзія, именно племя Юнійское, получило свое названіе отъ одного и того-же общаго корня съ санскр. Ювана, что значить собственно: молодой, юный, и родственно съ латин. juvenis, юноша, откуда франц. jeune. Наше слово юнъ, юный, сократилось изъ того-же древнѣйшаго слова, общаго всемъ Индо-Европейскимъ народамъ. Отъ юнъ произошло слово юнакъ, герой. Стало быть, наше сказочное выраженіе: Иванъ царевичъ, слово въ слово, въ переводѣ значить: молодой или юный царевичъ, или еще юнакъ, герой царевичъ. Какъ въ Греціи отважные, молодые выходцы съ дальняго Востока получили названіе Юнянъ, т. е. молодыхъ, такъ и наши юнаки съ понятіемъ о древнихъ богатыряхъ соединяютъ юношескую отвагу героевъ новаго, молодаго поколѣнія, съ которымъ выступаютъ славяне на историческое поприще. Слѣдуя тѣмъ-же эпическимъ воззрѣніямъ, до позднѣйшаго времени такъ называемые отроки и дѣти бодрскіе составляли лучшую часть воинскихъ дружинъ. Потому-то поэтическое повѣствованіе о воинскихъ подвигахъ и слыветъ у славянъ подъ именемъ пѣсенъ юнацкихъ, т. е. юношескихъ. Юнацкими пѣснями называются также и пѣсни богатырскія». (Рус. вѣст.

1862 г. сент. ст. 81, 82). Къ этому можно присовокупить также слова нашего знаменитаго ориенталиста Васильева, что «япака, собственно царь, происходитъ отъ корня jap- лежащаго въ основаніи Kuping, sun-ing, sun-ig, и нашего слова князь; со всѣми этими словами япака въ этомъ логическомъ родствѣ.» (Жур. М. нар. пр. 1872, іюнь, ст. 185). Между Зап. скифами, какъ извѣстно, было племя Явановъ (les Javans), предковъ Яллиновъ; а на ~~Яванскій~~ насъ, русскихъ, понынѣ зовутъ Пванами. Какое же божество могло превратиться въ нашего чудеснаго, почти всемірнаго витязя? Онъ Солнце и Перунъ, взятые вмѣстѣ; онъ, — то царевичь, то крестьянскій сынъ; какъ Солнце, онъ влюбляется у насъ въ красавицу Ладу, богиню весны или зари, а у скандинавовъ, подъ именемъ Фрейера, въ великаншу Гердуру (блескъ зимняго моря); какъ богъ Громовникъ. онъ олицетворяется у насъ въ Ивашкѣ Запечномъ, въ Южной Россіи, въ Иванѣ Попяловѣ, у Словаковъ въ Попельварѣ, который владѣетъ всѣми атрибутами Перуна, мечетъ самосѣкомъ и конемъ Татомемъ, и также побиваетъ драконовъ. Но вотъ что говоритъ Кришна - Багаванъ, (одно изъ воплощеній Вашну). Арджунъ: «мы нѣсколько разъ ужъ рождались, и я, и ты, о Арджуна. Я знаю всѣ эти рожденія, а ты ихъ не знаешь. страшный витязь. Земля, воды, огонь, воздухъ, эфиръ, душа, разумъ, совѣсть, вотъ одна часть въ моей двойственной природѣ. состоящей изъ восьми частицъ различныхъ между собою. Это низшая моя природа; но познай меня... Я сладость въ водахъ, свѣтъ въ лунѣ и въ солнцѣ, звукъ въ эфирѣ, пріятный запахъ въ землѣ, огненное начало въ огнѣ, дыханіе жизни во всѣхъ одушевленныхъ существахъ... Сынъ Вазудевы заключаетъ въ себѣ вселенную. Я душа, живущая во всякомъ тѣлѣ; я начало, середина и конецъ всѣхъ созданій» (Крейц: 1, 2. прим. 7, ст. 617, 618). «Въ молитвахъ Я Гантри, въ словахъ оум., въ богахъ Индра (Перунъ), въ планетахъ Солнце, въ горахъ Меру, въ рѣкахъ Бубера, въ стихіяхъ огонь, въ браминахъ Вригаспати, въ герояхъ Картика (имя богатыря), въ мудрецахъ Капила-Муни, въ оружіяхъ громовая стрѣла, въ птицахъ Гаруда, въ слонахъ датрабата, въ коровкхъ шуруба (особая порода), въ обезьянахъ гануманъ, въ змѣяхъ ананта, въ водахъ океанъ, въ рѣкахъ Гангъ, въ деревьяхъ ассуата, въ камняхъ салаграма (окаменѣлыя раковины аммониты), въ мѣсяцахъ Варгаширта, въ наукахъ сама-веда. Я наконецъ, душа и жизнь всему видимому. Такъ говоритъ Вишну»... (Ист. рел. т. I, ст. 14). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вишну, одинъ изъ Индѣйскихъ боговъ, воплощается не однажды собственно ко благу человѣчества, — въ щуку, въ кабана, въ витязя Раму, и наконецъ въ бога-человѣка Кришну, рожденнаго царевичемъ, но воспитаннаго между крестьянами и считавшагося сперва крестьянскимъ сыномъ. Его хожденія, въ разныхъ образахъ, также разнообразны и обширны.

какъ и нашего Ивана царевича. Что-же касается до мифическаго чурбана, чурбана; то это слово происходитъ отъ санскр. сур. «Чуръ есть одно изъ древнѣйшихъ названій, какія давались домовому пенату, т. е. пылающему на очагѣ огню, охранителю родового достоянія. Чуръ также богъ, оберегающій границы поземельныхъ владѣній. Деревянный столбъ (чурбанъ) былъ принимаемъ за воплощеніе Агни, какъ такъ въ немъ таятся живой огонь, добываемый треніемъ, и такъ какъ деревомъ шитаеся священное пламя очага; камень же—символь небеснаго пламени, которое возжегъ богъ-Громоуникъ своимъ каменнымъ молотомъ и пизвелъ на очагъ въ видѣ молніи... Сидѣть волизи очага, оберегателя семейнаго счастья и покоя, знакъ, что человекъ отдаетъ себя подъ покровительство и охраненіе родныхъ пенатовъ; подъ замаранной отъ дыма и пепла одеждой должны таятся чувства любви, набожности, кротости, способность переносить незаслуженныя притѣсненія, распорядительность и трудолюбіе; всѣми этими качествами и надѣлены сказочные герои и геронии Попяловы и Попелюги.» (Аф. т. II, ст. 90, 91, 484, 485).

28) См. прим. 23.

29) «Десять превращеніе Вишну будетъ въ концѣ вѣка. Тогда онъ явится въ своемъ божественномъ видѣ, на ослѣпительно-быломъ концѣ, съ мечемъ, сверкающимъ подобно кометѣ. Явится онъ для окончательнаго истребленія зла на землѣ. Сива, въ видѣ огненнаго вихря или огнедышащаго змѣя Сени (суши?) пронесется по вселенной: огонь истребитъ міры; но потомъ явятся новые міры и начнутся вѣка блаженства, чистоты и непорочности». (Ист. ред. т. 1. ст. 13) Вишну, какъ божественный свѣтъ, есть истребитель всякаго зла на землѣ, для чего онъ и являлся въ разныхъ образахъ между смертными. Слова, означенныя въ поэмѣ кавычками, о возрастающей развращенности подлуннаго міра, не смотря на всѣ воплощенія Вишну, приведены Крейцеромъ (Kreizer de l'Inde.), въ главѣ о Вишну, какъ собственныя слова этого бога. Не преданіе ли о его послѣднемъ воплощеніи въ концѣ вѣковъ, послужило основаніемъ всѣмъ позднѣйшимъ сказаніямъ о концѣ міра, и народному ожиданію такихъ временъ, когда братъ не будетъ возставать на брата и хищный воронъ не найдетъ себѣ пищи, т. е. валяющихся труповъ; чего ожидаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ сказочныхъ витязей, томясь по сіе время въ подземныхъ заточеніяхъ? У нашего Ивана царевича, по сказкамъ, родятся сыновья, такіе же свѣтозарные, какъ онъ самъ; но почти всегда ихъ похищаетъ или подмѣняетъ нечистая сила. Кришна былъ также подмѣненъ, только съ благой цѣлью; и такихъ преданій въ Индіи не мало. Выше было ужъ приведено мнѣніе Бергманна, о происхожденіи сѣ-фскихъ славянскихъ племенъ отъ бога Солнца, Свада; такъ точно и слово росъ, русъ, въ древнія времена зна-

чло свѣтлый, русый. блестящій, святой. «Уже Нарбуттъ напалъ на мысль, что святыхъ рѣки у Будиновъ, которыхъ онъ считалъ предками Литвы,» Шафарикъ славянами, именовались *ross*, говорить Гедеоновъ (о варяж. вопр. ст. 69—23). Отъ Волги-Рось до Нѣмана-Рось и до Куришгафской Руены, все пространство земли, занимаемое словено-русскими племенами, покрыто рѣками, носящими названія Рось, Русь, Роса, Руса. Названія Русь, Рось для славянскихъ водъ проявляетъ особое религиозное начало и значеніе святости. Понятіе о свѣтѣ, говорить г. Буслаевъ, глубоко лежитъ въ названіи русалокъ и въ вѣрованіи въ эти существа; хотя онѣ живутъ въ водѣ, но свѣтъ былъ ихъ начальною стихіей. Рѣчное названіе Руса, откуда русалка, черезъ форму рус—ло, ведетъ свое происхожденіе отъ слова русый, распространившагося не только на Сѣверъ, гдѣ находимъ фин. *rus*, красный, рыжій, но и на Югъ, такъ что у сербовъ руса постоянный эпитетъ головы. Въ значеніи же воды встрѣчаемъ не только въ Чехахъ: на *potoku Rusowè*, но и въ кельт. *rus*, *ros*, озеро. Въ древнѣйшемъ періодѣ санскрит. языка, въ языкѣ ведъ, находимъ *ruṣat*—*rutīlanes*, глаголъ же *ruṣ* остался и впоследствии, но только въ значеніи *ferire*, *accidere*; съ перемѣною же небнаго *ṣ* въ *ṛ* перешелъ въ *ruṛ*, *lucere*, *splendere*. Гедеоновъ же находятъ, что по санскр. *ruṣ*—*splendere*; въ Zendскомъ языкѣ *ruṣ*—*splendere* и *lux* (Vopp, *Vergl. Gram* 128, 28); а отсюда, съ одной стороны производныя: *russaeus*, *rutīlan*, русый, фин. *rus*, и т. д.; съ другой, значеніе блеска и свѣта для водъ и росы въ индоевропейскихъ языкахъ. У славянскихъ племенъ санскр. и Zendское *ruṣ*, *ruṣ*, переходитъ изъ нарицательнаго въ собственное, подъ формою Рось, Русь; здѣсь начало мифологическаго (славянскаго, и въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, словено-русскаго) періода его. Этому періоду принадлежитъ существующее только въ русскомъ языкѣ (подобно названію русалокъ) слово: русло, быть можетъ, первоначально божественное олицетвореніе русла; и русло, и русалка, отъ рѣчнаго, священнаго Русь. Какъ отъ Нѣмана и Свитязя—Нѣмнянки и Свитязьняки (Снегир. 1, 119), такъ отъ Рси или Русы—русалки. Литовская русалка именуется Гуделкою, *gudielka*; но по литовски *Gudduseme*—украинская Русь, *Gudos*—русинъ, *Gudai*—Русь во множ. числѣ. (Schafar. *Sl.* 456. *Anm.* 4). Въ тѣснѣйшемъ же смыслѣ Русью именуется только Поляне и Кіевъ; русскій синонимъ Кіевскаго; Кіевъ былъ настоящимъ центромъ Руси. Мы читаемъ у Нестора: «бѣ единъ языкъ словянскъ: Словяни, иже сѣяху по Дунаевѣ, ихъже пріяша Угри и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, иже нынѣ зовома Русь» (Лавр. II); и далѣе: «а словянскъ языкъ и рускый одинъ; отъ варягъ бо призвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но словянская рѣчь бѣ». (Тамъ же, 12.—Гедеоновъ. ст. 46). Въ первые вѣка по

Р. Х., а можетъ быть, также и прежде, русскихъ, вѣроятно, по ихъ свѣчности съ водой, звали выдрами (Истор. очер. Буслаева, т. I, ст. 26). Но слову выдра есть и другой корень: «слово Индра (Индрикъ, Вындрикъ, единорогъ) изслѣдователи наши сближаютъ съ греч. одра. Отъ санскр. корня ud, und, (vad, vand) дѣлать мокрымъ, образовались слова: санскр. uḍa, греч. одор, литов. vandū, слав. вода; санскр. uḍra, литов. uḍrà, англосак. otog. сканд. otr, др. нѣм. ottar, слав. выдра, (или vīdra),—собственно водяное животное; греч. odria, водоносъ, одра (hydra), баснословная водяная змѣя.» (Аф, т. II ст. 554). «По нашимъ преданіямъ Индра-звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ. Когда была засуха, онъ копалъ рогомъ мать сыру-землю, выкопалъ глубокіе ключи, доставалъ воды кипучія, пускалъ по быстрымъ рѣкамъ, по маленькимъ ручьямъ, по большимъ озерамъ. А свящ. пѣсни ведъ утверждаютъ, что богъ Индра низводитъ изъ облачныхъ горъ стремительные потоки дождя, и творитъ изъ нихъ земные истоки, ручьи и рѣки, и направляетъ ихъ бѣгъ. Сродство русскаго преданія съ ведическимъ, говоритъ Афанасьевъ, въ высшей степени поразительное. (Тамъ же ст. 553, 554)». Добавимъ, съ тою только разницею, что древній богъ, по христіанскимъ преданіямъ, превратился въ звѣря. Г. Шеппингъ (Рус. народность, ст. 127) приводитъ ссылку на одного еще изъ старшихъ богатырей, вѣроятно, до эпохи Владиміра: «былъ богатырь, надъ семидесятью землями богатырь.» Кто этотъ богатырь, покуда остается въ неизвѣстности; но все-таки это не мѣшаетъ отнести эти слова къ тому же—древнѣйшему богатырю русскому, Ивану царевичу, или къ одному изъ свѣтозарныхъ сыновей его, о которомъ богѣе подробныя преданія въ народѣ уже утратились или смѣшались съ другими. Изгнаніе же Прии и пр. заимствовано вообще изъ народныхъ сказокъ.

30) Прежде всего, нашъ Соловей-разбойникъ есть древнѣйшій мифъ грозы. Соловей, славій, говоритъ Г. Афанасьевъ, (т. I, ст. 301—309), происходитъ отъ слова: слава; почему и вѣщій Боянь (пѣвецъ) называется соловьемъ стараго времени. Въ народныхъ преданіяхъ соловьиный щекотъ (по стариннымъ памятникамъ: щекатый, сварливый, бойкій на словахъ; сравни корень щекъ съ санскр. śag, говоритъ) есть символъ весеннихъ глаголовъ бога Громоуника, вѣщающаго въ грохотѣ грома и свистѣ бури... (почему нѣмцы называли соловья ночнымъ глашатаемъ, nachtigall). Эпитетъ же разбойника объясняется разрушительными дѣйствіями бури. Закрытіе тучами и зимними туманами небесныхъ свѣтилъ называлось на старинномъ поэтическомъ языкѣ похищеніемъ золота: такъ и въ подвалахъ Соловей-разбойника лежала несчетная золотая казна. Демоническія силы грабятъ сокровища солнечныхъ лучей, угоняютъ дождевыхъ коровъ и скрываютъ свою добычу въ неприступныхъ скалахъ. Въ вариантахъ позднѣйшихъ и подновленныхъ сказаніяхъ вы-

водятся на сцену воров и разбойники. Такимъ образомъ, древнѣйшія мифическія преданія съ теченіемъ времени сводятся народомъ къ простымъ объясненіямъ, заимствуемымъ изъ его обыденной жизни».

31) «На Западъ отъ главной страны Саковъ, близъ Каспійскаго моря, была страна ихъ собратьевъ Моравовъ, по греч. *Margiana*, жители которой называли восточ. Саковъ Заморавскими Саками (также, вѣроятно, какъ Западные жители Лавы звали потомъ своихъ восточныхъ сосѣдей Пруссовъ—Поруссами). Греки измѣнили это названіе въ Аммореевъ. По берегамъ же Каспійскаго моря обитало еще одно изъ племенъ ихъ,—Дервяне или Древляне, производившіе свой родъ отъ деревьевъ. Парфы принадлежали также къ скифскимъ племенамъ». (*Les Scythes, les ancêtres des peup. Germ. et Slaves, par Bergmann*). Кромѣ того, что все пространство земли, занимаемое потомъ словено-русскими племенами, покрывалось рѣками: Рось, Русь, Роса, Руца: въ глубокой древности, по словамъ г. Иловайскаго, р. Яксартъ или Сыръ-Дарья называлась также Росой; также какъ, по мнѣнію г. Гильфердинга, Бактрія, верховья Сыръ и Аму-Дарья, именовалась свѣтлой Ирідей. Орисса, провинція въ Индостанѣ, кромѣ созвучія съ Оросами (*Orosz*) или Росами, имѣетъ понынѣ нѣкоторые сходные съ ними обычаи; между прочимъ, поименованіе мертвыхъ тамъ называется шрадой, какъ и у насъ оно называлось ставрой, и т. д.

32) Смотри примѣч. 11.

33) О причинѣ переселенія восточныхъ народовъ постепенно на Западъ ученые говорятъ общими мѣстами; что весьма естественно: потому что такихъ причинъ могло быть очень много, и между ними, конечно, главная,—стремленіе найти себѣ на Западѣ, въ то время ненаселенномъ, лучшія земли. Славяне считали земледѣліе обязанностію, возложенною на нихъ богами; при переселеніяхъ, они обыкновенно посылали впередъ, для развѣдокъ, соглашениявъ, какъ это и теперь дѣлаютъ, брали съ собою по горсти родимой земли; а Микула, по нашимъ преданіямъ, несетъ на плечахъ суму, въ которой лежитъ тяга земли, и т. д. Переселенія эти могли совершиться или черезъ Кавказъ, или по окраинамъ Каспійскаго моря. «По словесному преданію самыхъ старыхъ жителей Дона въ 1781 г., даже первые Донскіе казаки пришли на Донъ изъ-за Терека; но были не татары и не имѣли сходства ни въ лицахъ, ни въ обычаяхъ съ азіатскими народами, а въ семь сообразны были съ великороссіянами». (*Руск. Стар. 1874. Май, записки донскаго атам. А. К. Денисова, ст. 4—6*).

34) Приведенное народное стихотвореніе относится къ св. Егорию; но во времена язычества, героемъ этого стихотворенія была, конечно, другая личность, по сіе время вполне еще неразъясненная. «По всей вѣроятности, говоритъ г. проф. Миллеръ, (Илья Мх

ромецъ ст. 345, 432), въ образѣ Егорія скрывается тоже мифическое существо, что и во Владимірѣ-Солнцѣ, только усматриваемое съ его дѣятельной, ратующей, воинственной стороны». Эту же личность г. Миллеръ подозрѣваетъ и въ Добрынь, который есть, по мнѣнію г. Стасова, извращенный Кришна. Афанасьевъ видитъ въ Егоріи Перуна, который борется съ темными тучами, гибнущими подъ ударами его молніеносныхъ стрѣлъ или палицы; а въ мифическихъ дѣвахъ, что пасуть воловое стадо, облачныхъ дѣвъ пастырей небесныхъ стадъ; въ лѣсахъ же, горахъ, рѣкахъ, волкахъ и змѣяхъ, облака и небесные источники. (Т. I, ст. 699—704). Г. Буслаевъ (Руск. Вѣстн. 1862 Марта, ст. 53, 17, 11) подъ именемъ Егорія разумѣетъ: творца-устроителя русской земли, (финскаго) Вейнемейнена русскаго космогоническаго эпоса. Изъ нашихъ же древнѣйшихъ народныхъ героевъ всего ближе подходитъ къ нему, по существу своему, Микула, чей образъ дошелъ до насъ уже въ самомъ смутномъ, отрывочномъ образѣ; совсѣмъ не вѣдомо, какъ онъ сложился «въ древнѣйшую пору зарожденія мифовъ и ихъ элическаго выраженія въ народной поэзіи». «Сама мать сыра земля любитъ Микуду Селяниновича и весь его родъ-племя. Въ этомъ чувствуется еще дыханіе древнѣйшаго мифа о любовномъ союзѣ богини земли съ богомъ, покровителемъ земледѣлія. Онъ является въ сношеніяхъ съ лицами древнѣйшей титанической эпохи и показываетъ переходъ отъ кочевой эпохи къ осѣдлой, земледѣльческой». Поэтому, въ немъ-то, Микулѣ, и слѣдуетъ, кажется, искать самаго близкаго сходства, какъ съ Вейнемейненомъ, такъ и съ Егоріемъ, устроителями осѣдлой жизни и земли, удобной для земледѣлія. Одна черта этого сходства даже сохранилась еще въ народныхъ былинахъ.—это погрязшій въ землю бродячій титанъ Святгоръ подъ сумкой Микулы, какъ Святгоръ на вѣки и остался, и торчитъ изъ земли будто скала. Другой чертой мифическаго сходства можетъ, пожалуй, также служить преданіе о змѣяхъ и волкахъ—неврахъ, прикочевавшихъ или придвинувшихся къ осѣдлому племени Геллоновъ. Впрочемъ, говоритъ г. Афанасьевъ: «для каждаго естественнаго явленія мифологія даетъ по нѣскольку разнообразныхъ картинъ. Въ глубочайшей древности всякій смотрѣлъ на явленія природы съ той точки зрѣнія, какая была ему ближе и понятнѣе по образу его жизни и занятій: пастухъ смотрѣлъ на нихъ именно, какъ пастухъ; охотникъ, какъ охотникъ; воинъ, какъ воинъ». (Т. I, ст. 690). Какой же образъ для устроителя земли могъ выбрать или создать земледѣлецъ? Конечно, образъ представителя или отца земледѣлія,—Микулы Селяниновича.

Изъ 3-й пѣсни.

1) Варуна (у Скифовъ Воданъ) почитался въ глубочайшей древности божествомъ небеснаго океана, воздушнаго моря; его царство полагалось на Западѣ. Древніе скифы поклонялись, должно быть, ему, въ образѣ меча, водрученнаго рукояткою въ землю, что выражало и Громовую стрѣлу, и ~~дву-солнечный~~. Въ концѣ ведійскаго періода Варуна у Индовъ преобразился въ бога Вишну, вмѣстившаго въ себя, и Небо, древняго Діа, Сварога, и Индру, Перуна, и Солнце, Дажь-бога, Сурію, и воды океана, и свѣтъ земной, и міръ духовный, словомъ—вселенную. Вишну сталъ отцомъ боговъ, источникомъ свѣта, владыкой земли и неба, войны, земледѣлія, грозы и благотворныхъ силъ природы. Тѣже самыя свойства славяне придали своему Свято-виту (свѣтой свѣтъ). Иные предполагаютъ съ Святovitъ Сварога, другіе Вишну; и то, и другое должно быть основательно: потому что и Вишну, и Сварогаъ. слились, еще до ихъ выхода, воедино. Весьма вѣроятно, что славяне и вынесли съ собой это божество изъ своей пратчизны. Тогда древній Воданъ-Варуна сталъ для нихъ божествомъ земнаго океана, и получилъ названіе Морскаго или Водянаго царя. Для тѣхъ же народовъ на Западѣ, которые еще не знали Вишну-Святовита, т. е. въ его новомъ превращеніи, древній Воданъ превратился въ Одина или Вуотана, (Les Gét. p. 152—168), и сдѣлался самымъ могучимъ и высокимъ божествомъ скандинавской мифологій. «Какъ представитель небесныхъ грозъ, онъ является въ шумѣ бури, во главѣ неистоваго воинства, и въ то же время властвуетъ надъ водами (т. е. дождевыми тучами), почему древніе писатели сравнивали его съ Нептуномъ. Имя Wootan (Odinn) отъ wuot-mēnos, animos, умъ, дарованіе, ярость, бѣшенство, ~~т. е. соответствуетъ нашему слову духъ и выражению, буйный вѣтеръ, буйная голова~~» (Аф. т. I. ст. 392). Названіе Вуотанъ есть уже частное, скандинавское; но какъ покровитель народный, грозный образъ воинственной стороны нашего Святовита, Одинъ имѣетъ много сходнаго съ Скифскимъ княземъ-Щитомъ (Hleiro-ksais). Г. Афанасьевъ приходитъ въ тому же заключенію. (Т. I, ст. 215, 216).

2) Переселенія финно-алтайскихъ племенъ въ Европу, какъ приблизительно извѣстно, начались за 2500 лѣтъ до Р. Х.; а первые Климмеріане явились на Черномъ море между 2200 и 1500 годами до нашей эры; хотя и тѣ, и другіе могли быть гораздо ранѣе, когда еще Европа представляла изъ себя большой архипелагъ острововъ. Между тѣмъ воды первобытнаго океана всего долѣе должны были оставаться въ нынѣшней Восточной Россіи, когда правый берегъ Волги былъ морскимъ берегомъ, а Западная Россія

и часть Германіи огромнымъ полуостровомъ, и потому первые переселенцы могли встрѣчать здѣсь еще слѣды недавняго пребыванія древняго моря. (Les Gët: и Гарт:)

3) Конечно, здѣсь надобно разумѣть первобытныхъ переселенцевъ въ Европу, удалившихся изъ Азіи въ самую первую эпоху.

4) «Чѣмъ древнѣе мифическія преданія русскаго народа, говорить г. Буслаевъ, тѣмъ необходимое объяснять ихъ въ связи съ преданіями прочихъ славянскихъ народовъ, какъ общее достояніе всего славянскаго шра, предшествующее размѣщенію племей по разнымъ мѣстностямъ.» («Русск. вѣст.» 1862 г. Мар. ст. 24).

Не менѣе, конечно, знаменательны въ такомъ случаѣ и преданія сосѣднихъ арійскихъ, да и другихъ народовъ; особенно для насъ скандиновскія, между которыми есть такъ много общаго съ нашими славянскими. «Въ преданіи о старшихъ богатыряхъ, русскій народъ сохранилъ память о древнѣйшихъ божествахъ своей мифологіи. Собственныя имена, данныя этимъ богатырямъ въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, не всѣ въ одинаковой мѣрѣ соответствующи своему назначенію. Нѣкоторыя имена, можетъ быть, имѣютъ смыслъ мифологическій, каковы: Сухманъ, Святогоръ, Дунай, Донъ, и пр; другія составились подъ вліяніемъ книжнымъ, напр. Самсонъ-богатырь; другія заимствованы отъ названій народовъ, какъ Волотъ Волотовичъ; иныя подъ своей новѣйшей формулаціей скрываютъ древнѣйшія преданія о первобытныхъ судьбахъ славянъ, какъ Мигула Селянновичъ; наконецъ, цѣлый рядъ вѣрованій и мифическихъ представленій, какъ древнѣйшій слой, вошелъ въ формацию героевъ даже младшей эпохи, такъ что въ самомъ Владимірѣ и Ильѣ Муромцѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнѣйшей мифической примѣси въ позднѣйшимъ чертамъ новаго богатырскаго типа. Борьба съ дикими силами природы, со звѣрями и съ страшными вражескими народами, въ народномъ эпосѣ естественно перенесена была на борьбу съ мифическими представителями стараго порядка вещей. Такимъ образомъ, первобытне божество, воплощаемое въ типѣ старшаго богатыря, нисходитъ до враждебнаго чудовища, или потому, что божество стараго порядка уже не годилось въ позднѣйшей обстановкѣ народнаго быта, или потому что стихійныя и титаническія существа древнѣйшей мифологіи естественно казались въ послѣдствіи страшными и чудовищами. Не смотря на то, что въ эпосѣ русскомъ не могли господствовать представленія о великанахъ горъ, все же были и на Руси зачатки этихъ представленій, вынесенные изъ общей индо-европейскимъ народамъ арійской родины; а у другихъ славянъ, при благопріятствовавшей обстановкѣ природы и быта, даже развились они, принявъ мѣстный, индивидуальный характеръ. Самыя названія нѣкоторыхъ горъ и скалъ свидѣтельствуютъ о древнемъ мифическомъ ихъ значеніи у славянъ. Преданіе о мифическихъ представителяхъ

горныхъ силъ русскій эпосъ сохраняетъ въ образѣ страшнаго колосса, лежащаго именно на горѣ. Этотъ великанъ будто сросся съ съ самой горою. Ему нѣтъ мѣста на всей землѣ; а гора его держитъ. По санскр. одно изъ названій горы Бу-дара, поддерживающая или держащая землю... Согласно этому воззрѣнію, русскій богатырь дѣйствительно нашелъ, что гора сильнѣе земли, и если она поддерживаетъ землю, какъ древній Атласъ поддерживаетъ небо, то поддержитъ и его. У чеховъ древнее названіе исполиновыхъ горъ: Бръко-ноша, т. е. несущая чешскаго героя Брока. Нѣкоторыя мифическія существа ранней титанической породы, по русскому эпосу, происходятъ отъ горъ. Это явствуетъ изъ естественнаго прозвища Горыничъ, Горычище, Горынинка, т. е. рожденный или рожденная отъ горы, или Горыни... Святогоръ и погибаетъ, какъ существо стихійное, хаотическое: онъ хотѣлъ поднять тягу земную но и его силы на то не хватило. Съ натуги, «по колѣна Святогоръ въ землю угрызъ,—тутъ ему было и кончаніе,» т. е. погрязшій по колѣна въ землю, Святогоръ на вѣки такъ и остался, и торчитъ изъ земли «будто скала». (Тамъ же ст. 25, 26, 46—49.) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ совершенно сходствуетъ также съ скандинавскимъ великаномъ Скримиромъ, символу, по мнѣнію Бергманна, зимней стужи, передъ которой самъ громовникъ Торъ безсиленъ. (Fasc: de Gulf p. 317—319). Можно предполагать, что въ понятіяхъ древнихъ славянъ образъ Святогора, стихійнаго исполина горъ, могъ составиться и на вершинахъ Гиммалая, и Кавказа, и въ Карпатахъ и на хребтахъ Урала, и даже при видѣ мрачныхъ, грозныхъ тучъ, подобно горамъ, заслонявшихъ отъ нихъ ясное небо. Что же касается до рѣкъ, то «разселись и сядясь по рѣкамъ, говорятъ г. Буслаевъ, славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины, съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще, а потомъ получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки: Сава, Драва, Одра или Одеръ, Ра, Упа, Донъ, Дунай, древнѣйшаго индо-европейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще, или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индо-европейскихъ корней, въ большей ясности сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей арійской родины въ Европу, вынесли съ собою и общее индо-европейское имя рѣки вообще—дуни, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у Осетинцевъ формы: дун и дон, означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у славянъ Донъ получилъ, смыслъ собственнаго имени, а форма дун, съ окончаніемъ авъ, именно: Дунавъ и потомъ Дунай, имѣетъ значеніе и собственное известной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ напр. поется въ одной польской пѣснѣ: «за

рѣками... за Дунаями.» (Русск. вѣстн. март. 1862, ст. 32, 33.) Известно, что рѣки были боготворимы славянами, подобно тому, какъ Гангъ и Индъ въ Индіи: поэтому и названіе Буга, какъ святой или свѣтлой рѣки, божественной. «Солнце, отецъ скифовъ, называлось ими Rakus (почтенный); по санскр: Багасъ, Сива; по персид: багъ; по греч: Вакхос, солнце-Бахусъ, по слав: богъ, божество». (Les. Gét. p. 183, 255).

5) Въ первобытныя времена страшныхъ земныхъ переворотовъ, огонь, боготворимый юными человѣчествомъ, игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей въ этихъ переворотахъ, и эти картины должны были производить поражающее впечатлѣніе на человѣка, также какъ и всѣ необыкновенныя стихійныя явленія. Вотъ почему и нашъ богатырь «Сухманъ, Суханъ (санскр. сущ, сущь, сохнуть, наше сущ-ить, откуда причастная форма сущ-манъ, сохнушій, иссушающій, иссушаемый, перешедшая въ названіе солнца и другихъ стихій) по словамъ примѣчанія въ сборникѣ былинъ Рыби: (ст. 9), «носить на себѣ явные слѣды происхожденія мифическаго, историческаго». «Въ началѣ эта личность, говоритъ г. Буслаевъ (Русск. вѣст. 1862, мар. ст. 27), имѣла смыслъ существа стихійнаго, состоящаго въ ближайшей связи съ сербскими дивами. Это было божество солнца или свѣта, огня (санскр. сущман или шущманъ, огонь)». «Демоническій змѣй Ahi, рождающій въ воздухѣ томительный зной, является въ ведахъ съ именемъ Cushman (иссушитель): онъ задерживаетъ дождевые потоки, овладѣваетъ колесомъ солнца и распространяетъ на поля и лѣса губительный жаръ. (Аф. т. I, ст. 208). Въ нашихъ же заговорахъ говорится: «у того у синяго моря-окияна лежитъ огненный змѣй; срягается-срягается онъ зажигать горы и доли, и быстрыя рѣки,» и т. д. (Тамъ же, т. II, ст. 576). Въ нашихъ былинахъ это уже другая личность, это какой то ужъ лѣсной богатырь, которому служить палицей огромный дубъ, только что вырванный имъ съ комлемъ. Естественно, что это исказившійся первообразъ лѣснаго, живаго огня, царь-огня, воплощенный въ богатырскій образъ; отъ прежняго остались въ немъ развѣ его всекрущая сила и яркія, маковыя листочки, которые онъ прикладываетъ къ своимъ ранамъ. Первобытный его образъ для новой эпохи уже не годился, и народъ создалъ ему другой; но все-таки это древнѣйшій богатырь, сверстникъ олицетвореній Дуная и Дона, подобно которымъ и онъ утопаетъ въ крови, истекшей изъ его ранъ, и превращается въ Сухманъ рѣку,—весьма можетъ быть, что въ рѣку огненную.

6) Русскій богат. эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей старшей эпохи. Донъ, Дунай, Днѣпръ, означавшіе вначалѣ рѣку вообще, принимаютъ человѣческій образъ, съ отличительными признаками героя или героини. Съ образами этихъ героевъ, вѣроятно, сливались и ихъ родъ-пле-

*

мя, такъ какъ славянскія племена, въ новой ихъ отчизнѣ, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки предлагали имъ дорогу для перекочевокъ, а свои берега для осѣдлой жизни пастуховъ и земледѣльцевъ. (Русс. вѣс. 1862, мар. ст. 31, 33). Поэтому богатырей Дона и Днѣпра можно почитать представителями ихъ побережныхъ племенъ. По самому ихъ теченію, они шли съ сѣвера на юго-востокъ, какъ бы на встрѣчу арійскимъ переселенцамъ,—именно туда, куда неслись первобытные скифы, грабить Восточныя царства; какъ они устремились позже на Царьградъ и въ Римскія области. Движеніе было тоже самое въ обѣ эпохи; измѣнилось только мѣсто дѣйствія.

7) Извѣстно, что греч. скифы, обитавшіе въ Гилей, производили вообще скифскія племена отъ Иракла (по скиф. Таргитависъ, Солнце) и отъ Эхи-дны (женщины-змѣи). «Гилей (по гр. Ἰλιθαία. лѣсная) былъ покрытъ лѣсами и болотами, произшедшими отъ разливовъ Днѣпра (Barush-tanais, Borystènes, рѣка, обруженная берегами). Прежде обитали здѣсь Кимеріане, полагавшіе, что болотистый Гилей произошелъ изъ подъ воды этой рѣки, и потому они назвали его водянистой мѣстностью Борисфена (аріа,—водяной, водянистый). Названіе это перешло, по преданію, къ пеласгамъ-грекамъ Таврическаго Херсонеса; а они, по ихъ обычаю выражать понятіе о водѣ символомъ гидры (по греч. ἡνδρα, водяной) или водянаго змѣя (по сан. ahi, по гр. echi), понятіе же о землѣ-кормилицѣ символомъ телицы или молодой женщины (dna, по санс. dhaniká), назвали болотистый Гилей, состоявшій на половину изъ воды (echi) и на половину изъ земли (dna), Эхидной (женщиной-змѣей)»... (Les Gét. p. 173, 174). Задолго до Гомера, говоритъ также Бергманъ, племена Кимировъ (въ которыхъ узнавать вышн. Сербовъ), обитавшіе по сѣвер. берегамъ Чернаго моря, породившіе Виконевъ (аистовъ), Героновъ (журавлей), Крестовцевъ или Крестовитовъ (жителей Крестова, города племени Ласточекъ), Кат-гузовъ (Котовъ), Индоповъ (habitans du bourg de la Truie), Аолевъ (жителей Аби, собственно своей страны) и пр., проникнули отсюда въ страны между Пропонтидой и Истеромъ. Они вообще называли себя храбрыми (по гр. Tréres); отъ чего древніе греки и назвали ихъ потомъ (отъ Thraseis или Thrasikes) фраками или фракійцами. (Тамъ же, ст. 37).

8) Въ первобытное время всякое начинаніе облакалось непременно въ таинственный образъ божественнаго обряда; отъ чего и произошли, вѣроятно, позднѣйшія заклинанія и заговоры. «По народному убѣжденію, если заговоръ произнести правильно, говоритъ Афанасьевъ (т. III, ст. 786), не измѣняя ни одного выраженія, онъ непременно сбудется. Точно также и греки, и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формами». Въ настоящемъ разсказѣ приведена отчасти обыкновенная форма нашихъ заговоровъ (Аф. т. I, ст. 415—431, т. II, ст. 406, 407, 563,

576). У Индѣйцевъ масло выливалось на жертвенный огонь (Магабг., ч. I), вѣроятно, какъ часть жертвы. У Чеховъ до сихъ поръ въ обычаѣ, отъ каждой яствы полагать часть въ огонь. Въ Каринтіи «кормятъ огонь», т. е. бросаютъ въ него свиное сало и другія яства. Истрийскіе славяне «кормятъ» зажженный на Ивановъ день чурбанъ, обсыпая его хлѣбными зернами. При зимнемъ поворотѣ солнца сербы въ разведенный огонь бросаютъ деньги, сыплютъ хлѣбныя зерна, муку и соль, льютъ вино и *масло*, и молятъ о плодородіи въ стадахъ и жатвахъ, и изобиліи въ домѣ... Греки и Римляне дѣлали также огню возліянія, что исполняли домовладыка, въ честь родовыхъ пенатовъ, и т. д. (Афан. II, ст. 42—43).

9) Изъ хранящейся въ Донскомъ, стат. комитетѣ рукописи: истор. описаніе войка Донскаго (1834 г.), видно, что даже «нынѣшняя территория Донской области издревле именовалась Подемъ и что это поле было пріютомъ отважныхъ храбренькихъ различныхъ народностей, которыхъ ~~манили~~ пролегавшіе черезъ эту пустыню торговые пути и добыча. Древніе казаки, поселившіеся въ этой мѣстности изъ-за Терека, любили семейную жизнь и почти всѣ были женаты, исповѣдывали христіанство и считали себя одно-земляками; но каждый городокъ ихъ имѣлъ отдѣльный удѣлъ земли. Впрочемъ межевались они только въ луговыхъ мѣстахъ, т. е. при самой рѣкѣ Донѣ, которая весной покрывалась водой; въ степяхъ же или, какъ они называли, въ нагорныхъ поляхъ (которое слово и донинѣ нѣкоторые употребляютъ), границъ не имѣли, но считали ихъ общественными, и вольно было, гдѣ кто хотѣлъ, заводить хутора-зимовники, которыхъ впрочемъ долго совсѣмъ не было, а начались они гораздо позже.» (Русс. Ст. 1874 г. май, ст. 4—6, 7). Разумѣется, это относится къ очень близкому уже къ намъ времени; тогда какъ время первоначальнаго основанія самаго Кіева на Днѣпрѣ положительно неизвѣстно. Въ IV—V ст. по Р. X. когда на Балтійскомъ поморьѣ процвѣталъ гор. Волинъ или Вольнъ и другіе славянскіе города, тогда и нашъ Кіевъ, по свидѣтельству иноземцевъ, былъ уже въ цвѣтущемъ состояніи. Но когда бы онъ ни былъ основанъ, вся эта мѣстность, какъ можно полагать и какъ увидимъ ниже, еще задолго до его основанія, была заселена большей частью славянскими племенами, и самый приходъ Кіа съ братьями въ эту мѣстность, какъ предполагается въ легендѣ, съ Дуная, могъ совершиться не иначе, какъ уже къ обитавшимъ издревле на Днѣпрѣ, ихъ соплеменникамъ. Поэтому древняя легендарная часть этой мѣстности можетъ относиться также вообще къ славянамъ.

10) Днипра или Нипра Королевшина причисляется у насъ къ валькиріямъ или видамъ, а приднѣпровская мѣстность кишѣла, по преданіямъ, амазонками, которыхъ Бергманъ раздѣляетъ на исто-

рическихъ и баснословныхъ. Къ первымъ онъ причисляетъ вооруженныхъ жрицъ богини Ифигеніи-Артемиды, и потомъ Артишпазы (Луны), древней инд: Бавани-Кали, въ Киммерійскомъ Херсонесѣ. Эти-то жрицы и были тѣ истребительницы людей, что душили знатныхъ плѣнниковъ передъ жертвоприношеніемъ. Онѣ произвели много опустошеній вооруженною рукой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовали чуждыя имъ вѣроисповѣданія: поэтому-то греки и назвали ихъ воинственными дѣвами или амазонками. Но потомъ создались у грековъ же сказанія, о какихъ-то чудесныхъ еще амазонкахъ въ Скифіи, подобныхъ дѣйствительно нашимъ виламъ и сѣверн: валькириямъ; между прочимъ о походѣ предводительницы ихъ Пенфезилеи (Penthésileia) на помощь къ Пріаму, во время осады Трои, гдѣ она была будто бы убита Ахиллесомъ (тоже скифомъ). Отсюда же, по мнѣнію Бергманна, сложилось и преданіе объ Эхиднѣ, полуженщинѣ—полузмѣѣ, родоначальницѣ скифовъ, и о другой предводительницѣ, царицѣ амазонокъ, Минифѣ (Minithuia), побѣжденной Александромъ Македонскимъ, или добровольно ему покорившейся, и имѣвшей отъ него сына. Земля скифовъ, по сказаніямъ грековъ, кишѣла амазонками, которыхъ было особенно много въ Квеналандѣ (Quinna-land), что и значитъ: страна женщинъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ жили славяне. По сѣверн: же преданіямъ онѣ жили по Днѣпру, близъ Кіева. (Квеналандъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей, и есть страна Кіевская). Извѣстнѣйшими между ними почитаются: Чешскія Власта и Ванда, да и сама Любуша, дочь Крока; а мѣстомъ, напоминающимъ ихъ жилище—Дѣвинъ, (Dewyn). (Les amazones, dans l'hist, et dans la fable, par F. G. Bergmann). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что «Дунай и Нѣпра, — это Вайташуръ и Вайташура скифовъ, Аполлонъ и Артемида (Діана) грековъ, Фрей и Фрея германцевъ, наши Дажьбогъ и Лада. Они у насъ въ эпосѣ мужъ и жена; но прежде, въ менѣ развитой періодъ мифологіи, могли быть братъ и сестра.» (Р. вѣстн. 1874 г. сент. ст. 34).

11) Въ нашихъ народ. преданіяхъ упоминается о двухъ баснословныхъ змѣяхъ, имѣющихъ соотношеніе къ трудамъ земледѣльца. Одно (стихійнаго) смирили св. Борисъ и Глѣбъ, которые сковали первый плугъ людямъ, или Кузьма-Демьянъ, божій коваль, сдѣлавшій также первый плугъ земледѣльцамъ. Они ухватили змѣя клещами за языкъ, запрягли въ плугъ и проорали землю отъ моря до моря. Чудовище выпило половину моря и лопнуло. «Первоначальная основа этихъ сказаній, говоритъ г. Афанасьевъ, чисто мифическая; мѣсто дѣйствія въ послѣдствіи перенесено съ неба на землю и привязано къ извѣстнымъ урочищамъ, какъ это часто происходитъ въ исторіи мифа; легендарная обстановка принадлежитъ позднѣйшему, христіанскому времени, когда атрибуты и подвиги разныхъ героевъ языческаго эпоса были переданы христіанскимъ угод-

нигашъ. Также судьба не могла не постигнуть и мифическихъ кузнецовъ, приготовителей Перуновыхъ стрѣлъ» (Т. I, ст. 561, 562); прибавимъ, — и самого Перуна. Что же касается до другаго змія, то самое полное, блистательное разъясненіе пачала этого мифа мы имѣемъ въ недавней статьѣ г. Буслаева о клинообразныхъ надписяхъ Ахеменидовъ. (Р. Вѣстн. 1873 г. дек.). По нашимъ преданьямъ, въ доисторическое время, въ окрестностяхъ Кіева, жилъ змѣй, бравшій по дѣвицѣ или по юношѣ изъ семейства, въ видѣ дани на съѣденіе; его побѣдилъ нѣкто Бузьма или Никита кожемяка, обмотавшись насоленной коноплею; запрягъ его въ соху, провелъ сохою валъ до самаго моря и тамъ утопилъ змѣя. Преданіе объ этомъ змѣѣ г. Буслаевъ возводитъ до того великаго змія, что чествовали въ Вавилонѣ и котораго умертвилъ прор. Даниилъ: «и взя Даниилъ смолу и тукъ (жиръ), и волну (шерсть) и возвари вкупѣ: и сотвори гомму (кучу, массу), и вверже въ уста змію, и изъядъ расъѣдѣтъ змѣя,» (т. е. съѣвши, расъѣлся, лопнулъ, издохъ). Отсюда сказаніе это перешло въ искаженномъ видѣ на Иранскаго Дагака. Это и змѣй, и человѣческое существо, одинъ изъ Иранскихъ царей баснословнаго времени. Авеста знаетъ его еще въ видѣ змія, съ тремя головами, тремя пастьями и шестью глазами; но Фирдоси изображаетъ его уже какъ обыкновеннаго человѣка, только съ двумя змѣями на плечахъ. Чтобы извести этихъ змѣй, по совѣту Аримана, ихъ кормятъ человѣческимъ мозгомъ, и для этого ежедневно убиваютъ въ Эранѣ по два молодыхъ человѣка, что грозитъ населенію конечнымъ истребленіемъ. Герой Фредунъ или по древнему Траэаона является освободителемъ своего отечества отъ чудовищнаго тирана. Ему помогаютъ кузнецы, увлеченные кузнецомъ же Баве, у котораго перебили одного за другимъ сыновей, чтобы кормить змѣя Дагака и грозили убить послѣдняго. Хоругвию для ополченія послужила кожа, которой прикрываютъ себя кузнецы, когда работаютъ. Дагака былъ схваченъ, увезенъ въ гористыя мѣста и тамъ прикованъ къ скалѣ. Преданіе это перешло и въ Еврону. Германскій герой Рагнаръ Лодброкъ истребляетъ также громаднаго змѣя, вываривъ передъ битвой съ нимъ свое платье въ смолѣ и обвалявшись въ пескѣ, и спасаетъ отъ этого змѣя красавицу Тору. По Польскому сказанью, Брокъ избавилъ свой народъ отъ подобнаго же змѣя, поѣдавшаго скотъ и жителей и гнѣздившагося въ пещерѣ Вавель (не Вавилонъ ли?). Нѣсколько бычачьихъ шкуръ были начинены смолой и другими горючими веществами; змѣй сталъ пожирать начиненныя шкуры, онѣ воспламенились въ его утробѣ, и онъ издохъ. (Стр. 719, 720, 723). Нечего и говорить о сходствѣ нашего преданія со всѣми этими легендами; но также не менѣе ясно, что нашъ сказочный Никита или Бузьма кожемяка есть также вариантъ того вѣтошискаго богатыря, который во время кн. Владиміра поразила великана Печенѣжскаго и далъ свое имя городу Переяславу.

славлю. Изъ этого можно заключить, что эта передѣлка уже позднѣйшая; и Бузьмѣ—кожемякѣ нечего было запрягать змѣя въ соху, такъ какъ вокругъ Кіева ужъ давно жили племена земледѣльческія. Страшный тотъ змѣй—людобѣдъ могъ жить въ этой мѣстности только въ самую глубокую древность, когда тутъ дѣйствительно жили племена змѣй, волковъ, и т. п. И потомъ, смиривши этого змя въ единоборствѣ, запречь его въ соху могъ только представитель земледѣлія; но не кожемяка, которому до сохи нѣтъ дѣла. Представителями или учредителями земледѣлія и его орудій у насъ почитаются Борисъ и Глѣбъ, Бузьма и Демьянъ; но это все имена христіанскія, т. е. позднѣйшія, одно изъ которыхъ дано впрочемъ, въ иныхъ сказаніяхъ, весьма встати, и герою Кожемякѣ, какъ бы намекая, что онъ долженъ быть, для полноты древняго сказанія, не кожемяка, а представитель земледѣлія. А какъ у насъ, кромѣ Микулы Селяниновича, другаго древняго образа для этого нѣтъ, стало быть, онъ и есть тотъ древнѣйшій усмиритель чудовищнаго змя; но его имя замѣнено впоследствии другими, позднѣйшими, христіанскими.

12) Сновидѣніе это имѣетъ большое сходство съ сновидѣніемъ Астіага, передъ рожденіемъ Бира, и, можетъ быть, перенесено изъ Персіи на нашего Гостомысла; но оно можетъ быть также приписано и Микулѣ, какъ родоначальнику славянъ-земледѣльцевъ, только что начинающему садиться въ новомъ краѣ.

13) Разговоръ Микулы съ Пріей есть разговоръ главы рода племени съ вѣщей представительницей домашняго очага, семьи и самаго племени. Оба они принадлежатъ къ существамъ мифическимъ; въ душѣ ихъ еще живы впечатлѣнія прародины. Упоминаніе ея о князѣ, въ которомъ восемь божественныхъ частей міра, принадлежитъ къ древнѣйшимъ вѣрованіямъ индусовъ. Индра говоритъ Вивасватѣ, что двойственная его природа состоитъ изъ восьми частей, совершенно различныхъ между собою. Въ законахъ Ману, говоритъ г. Вельтманъ, изъ тѣхъ же восьми мировъ частей состоитъ всякій князь, управляющій народомъ, какъ существо высшее, среднее между божествомъ и человѣкомъ. По нашимъ народнымъ преданіямъ, человѣкъ также сотворенъ изъ нѣсколькихъ частей: тѣло его отъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корня, кровь отъ воды, волосы отъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать отъ облака. Мнѣніе это особенно принадлежитъ духоборцамъ. (Ист. Очер. Буслая, т. I, ст. 141). По мнѣнію г. Афанасьева, это искаженное преданіе брахмановъ о Брамѣ, и принадлежитъ всѣмъ Индо-европейскимъ народамъ, въ томъ числѣ и славянамъ. (Т. I, ст. 139).

14) Народныя игры скифовъ совершенно тождественны съ нашими славянскими и другихъ арійскихъ народовъ. Вообще онѣ

имѣють характеръ воинственный и служатъ къ развитію тѣлесной силы. (Les Gët: p. 111, 112).

15) Касательно борьбы Микулы съ змѣемъ, см. примѣч. 11. Что-же касается до ихъ клятвеннаго условія между собою; то клятва вообще, какъ у скифовъ, такъ и у древнихъ славянъ заключалась между прочимъ въ томъ, что обѣ стороны смѣшивали ихъ кровь съ виномъ и пили эту смѣсь. Кровь эта добывалась изъ нарочно сдѣланныхъ на тѣлѣ норѣзовъ или улоловъ; въ чашу еще погружали мечъ и стрѣлы. (Герод. IV гл. 70). Слюна, кровь и вино, какъ метафоры дождя, приняты были символами, скрѣпляющими спорные договоры и дружескіе союзы. Такъ было у германцевъ и у другихъ народовъ. Отсюда возникъ и могоарычъ (weinkauf) при договорныхъ сдѣлкахъ; сѣверно-германскіе законы предписывали покупать раба и лошадь при свидѣтеляхъ и винѣ. (Аф. т. I, ст. 393, 394, т. III, ст. 785). Выраженіе: покуда свѣтаетъ солнце, хмѣль плаваетъ, а камень тонетъ въ водѣ, можно отнести также къ древнѣйшимъ.

16) При вступленіи въ новую страну, переселенцы всѣхъ древнихъ народовъ, подобно Моисею, посматривали туда впередъ соглашаеь.

17) «Какъ скифы вѣрили, что плугъ и ярмо были брошены имъ съ неба верховнымъ божествомъ, говоритъ Афанасьевъ (т. I, ст. 563), такъ болгарское преданіе утверждаетъ, что Дѣдо-Господь научилъ людей орать и ткать; а украинскіе поселяне убѣждены, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ кужелку, когда высылалъ ихъ изъ рая. Въ малорусской щедровѣ Господь представляется воздѣлывающимъ ниву. Въ другихъ обрядовыхъ пѣсняхъ Христосъ пашетъ ниву золотымъ плугомъ, св. Петръ помогаетъ, а Богородица засѣваетъ зерномъ.» Кого-же разумѣть должно подъ этими христіанскими образами? По нашимъ преданіямъ, обладатель золотого плуга и представитель земледѣлія есть нашъ древнѣйшій ораша, Микула Селяниновичъ; поэтому и подъ новымъ именемъ Богородицы можетъ здѣсь разумѣться никто другая, какъ его дочь младшая, Прія, представительница жизни осѣдлой, семейной и потомъ общественной, и съ самой глубокой древности владѣтельница кужелки.

18) Расселеніе славянъ-земледѣльцевъ по новой ихъ отчизнѣ могло идти только постепенно. Сначала явились племена пастушескія, потомъ уже земледѣльческія; послѣднія вносили съ собою полную осѣдлость, первый общественный порядокъ и обычай-законы, что наши предки принесли съ собою еще съ Востока, изъ своей прародины. (См. поэму: судъ Любуши). Поселенія возникали одно за другимъ, занимая удобную мѣстность; тогда какъ тутъ-же рядомъ кочевали еще совсѣмъ дикія племена въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ихъ Геродотъ. По самымъ преданіямъ, князь сохи,

Микула, и князь-Стрѣла, преставитель послѣднихъ, — родные братья. Изложенное въ поэмѣ, шествіе Микулы, представителя земледѣлія, есть только поэтическая картина, въ томъ-же родѣ, какъ шествіе Вакха-Діониса по Индіи. Упоминаемые въ этомъ описаніи инструменты приписываются, въ малоизвѣстномъ у насъ сочиненіи о Россіи француза Гютри, нашимъ предкамъ-скифамъ, также какъ и счеты, и обувь (лапти), которые по его мнѣнію усовершенствованы греками, такъ что наша балалайка превратилась у нихъ въ лиру, свирѣль въ флейту, а лапти въ сандалии. Оружіе и произведения хозяйства, поименованныя въ обозѣ, были ужь извѣстны вообще аріицамъ-земледѣльцамъ еще въ ихъ прародинѣ.

19) Объ этомъ міровомъ колесѣ упоминается не однажды въ 1-й кн. Магабгараты; а г. Афанасьевъ изъясняетъ: «бѣгомъ солнечнаго колеса, (томъ I, стран. 544, томъ III, стран. 413, 414) условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдов. и людское счастье и несчастье. На древнемъ метафорическомъ языкѣ солнечные лучи уподобляются золотымъ нитямъ. Гимны ведъ говорятъ о ночи, что она третъ темную ткань; но прежде, чѣмъ успѣетъ ее окончить, восходящее солнце уничтожаетъ ея работу. Возжигаемое поутру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности, а вечеромъ, когда оно погасаетъ на Западѣ, земля и ея обыватели повергаются въ сонъ, — замираютъ. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинаетъ пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на зиму снова подчиняется владычеству смерти».

20) См. рус. народ. праздники Снегирева, Сахарова и Афанасьева; гл. XXVIII, т. III, послѣдняго.

21) Извѣстно, что съ древнѣйшихъ временъ торговля янтаремъ первыхъ обитателей моря Морозовъ (нынѣшняго Балтійскаго моря) съ полуденными странами шла черезъ эту мѣстность. Горы славяне называли горбами земли; отъ чего и произошло, какъ полагаютъ, названіе Карпатскихъ горъ. А Волкодлаки, Невры, перешли сюда съ Днѣпра, выгнанные оттуда ужасными змѣями. Ламія или наша Баба-Яга, (отъ санскр. ahi, змѣя), по лат. lamia, колдунья, вѣдьма, у болгар. ламья, ламя, баснословная змѣя, живетъ у дремучаго лѣса въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, летаетъ, по мнѣнію бѣлоруссовъ, въ огненной ступѣ и погоняетъ огненной метлою. Ей соответствуетъ и богиня смерти и чумы, похитительница новорожденныхъ дѣтей, литовская Лаума, которая ѣздитъ, по мнѣнію поляковъ, въ двуколесной повозкѣ, а по мнѣнію Литовцевъ и лужичанъ, съ грохотомъ въ телѣжкѣ. И та, и другая, по разъясненію г. Афанасьева, принадлежатъ къ облачнымъ дѣвамъ. (Т. III 110, 588, т. II, ст. 781—783). Особенно характерно обрисована Лаума въ одной литовской сказкѣ, про нее,

Перуна и дьявола. Въ этой сказкѣ она изображается въ видѣ нашей Ягой-бабы. «Она такая же старая и хищная баба, говорить г. Афанасьевъ, и также проживаетъ въ лѣсу; ея страшный кнутъ и движущаяся сама собой желѣзная телѣжка вполне соответствуютъ толкачу (песту) и ступѣ Бабы-Яги». Прибавимъ еще, что въ этой литовской сказкѣ она также и обманута, какъ это случается и съ нашей Ягой-Бабой. (Аф. т. II, ст. 781—783).

22) Весь этотъ прекрасный народный разсказъ о Святогорѣ можно, кажется, назвать и мифическимъ, и отчасти аллегорическимъ. Святогоръ, стихійное, чудовищное существо, исполненное неимоверной силы, которой онъ однако не можетъ приложить ни къ чему полезному, силится поднять Микулину суму, гдѣ лежитъ тяга земная, но погружается въ землю и каменѣетъ. У болгаръ точно также Марко кролевичъ хочетъ поднять торбу, тяжелую, какъ шаръ земной, и отъ этого усилія теряетъ свою богатырскую силу. У скифовъ кн. Шить и кн. Стрѣла, коснувшись раскаленной золотой сошки, обжигаютъ себѣ пальцы; у насъ кн. Вольга не въ силахъ, со всей своей дружиной, вытащить изъ земли Микулину позолоченную сошку; позднѣйшій Самсонъ-богатырь не можетъ также поднять его сумку. Всѣ эти могучія личности еще не готовы къ жизни осядлой, земледѣльской, къ тяжелымъ трудамъ ея. Г. Афанасьевъ толкуетъ выраженіе: тяга земная, — что это есть собственно тяжелая масса земли — гора, принимаемая въ смыслѣ столба или кольца, ухватившись за которые можно поднять всю землю (т. II, ст. 680); но это едвали вѣрно: Микулѣ нѣтъ никакой надобности носить такую бесполезную тягу съ собою. Скорѣе, это тяга труда, народной страды, сопряженной съ трудами земледѣльца; съ чѣмъ болѣе согласенъ и г. Буслаевъ (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 16—19). Былина, повидимому, этимъ могла бы и кончиться: Микула покоряетъ себѣ горы земледѣльскимъ трудомъ своимъ; Святогоръ каменѣетъ подъ его сумой съ тягой земной, и все глубже погружается въ землю. Но народное чутье чувствуетъ, что вѣщій Микула можетъ дать и этому чудищу какое нибудь назначеніе для дѣятельности; и вотъ, Микула указываетъ диву на Сѣверѣ, гдѣ живетъ, извѣстный ему кузнецъ, Ильмериненъ. Если Святогоръ негодится для земледѣльскихъ трудовъ; быть можетъ, онъ способенъ для кузнечной работы, которой вообще занимались титаны, а потомъ уже карлы. Данные Святогору кузнецомъ два волоса, подобные золотымъ волосамъ Зифы, прямо указываютъ на нивы (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 16); но Святогоръ, видимо, озлобленъ такимъ назначеніемъ. Однако онъ все таки ѣдетъ, по указанію Ильмеринена, и находитъ страну, полную первобытныхъ болотъ и заустѣннѣя; но его присутствіе, можетъ быть, какъ уже кузнеца, оживляетъ ее. Г. Афанасьевъ уподобляетъ невѣсту Святогора невѣстѣ Зигурда, въ старой Эддѣ, толкуя

оба эти мифа превращеніемъ одежды красавицы Весны или Лѣта въ жесткую кору зимнимъ холодомъ, которую Перунъ или Торъ разрубаетъ мечемъ своимъ, молніей (т. II, ст. 631, 632). Святогоръ однако не остается тамъ; но когда узнаетъ, что страна богатѣетъ, и сама невѣста является, въ видѣ разбогатѣвшей купчихи, онъ беретъ ее за себя. Все это наводитъ на мысль, о Біарміи и Уральскихъ горахъ. Между тѣмъ челоѵчество развивается, наступаетъ новая эпоха, для которой великанъ стихійный, Святогоръ, уже не годится; тогда онъ ложится, подобно Озирису, въ гробъ и каменьетъ (Аф. т. I, ст. 582), а часть своей титанической силы передаетъ представителю новыхъ богатырей, ученику своему, Ильѣ Муромцу.

23) Съ береговъ Дуная идутъ уже историческія разселенія славянъ на Востокъ, Сѣверъ и Западъ, до береговъ ихъ же рѣки, Лавы (Эльбы) и вплоть до Балтійскаго моря (тогда Волинскаго и Варяжскаго). Но исторія не знаетъ, когда они явились на Дунай. Между тѣмъ, судя по многочисленности славянскаго племени, занявшаго скоро подъ собой почти третью часть Европы, на Дунаѣ еще въ глубокой древности должно было находиться обширное и сильное ихъ царство, на которое указываютъ Венелинъ, Савельевъ и другіе наши изыскатели, полагая, что отсюда заимствовали кое-что и древ. греки: Отсюда, по ихъ мнѣнію, поселенія славянъ доходили до внутреннихъ Аппениновъ, гдѣ было также обширное славянское царство, и что самые Этруски, дѣвшіе Риму Нума Помпилія, были славяне. Не говоря ничего за это мнѣніе, ни противъ него, нельзя однако не замѣтить, что въ древности Венеты занимали не одни морскіе берега (отъ чего и Адриатическое море называлось въ то время моремъ венетовъ); но поселенія ихъ простирались и въ глубь Сѣвер. Италіи, а Восточные Альпы и Карпаты полны славянскихъ племенъ, также какъ и подошвы Балкановъ вплоть до Дуная. Прибавлю еще къ этому слова одного чистокровнаго итальянца (А. Bresciani), который говоритъ: «en appelant les italiens *hommes pélasgiques*, on doit avoir un grand respect et une tendre affection pour le *Croate*, (Хорватъ), qui est *l'homme pélasgique par excellence*. Les croates sont des Pélasges libournes, et ils ne se sont pas mêlés à d'autres nations; chez eux est encore vivante la tradition qui les regarde comme le premier peuple de l'Italie. Le savant Menin, — a retrouvé dans un grand nombre de leurs coutumes modernes celles que les chroniques attribuent aux Pélasges primitifs... Tant qu'en Italie les antiques Pélasges conservèrent la simplicité de leurs moeurs, leur vie sobre et belliqueuse, ils fonderent le vaste empire d'Etrurie, depuis les plaines de l'Adriatique jusqu'au delà du Volturne, — et plus tard, amollis par une civilisation asiatique et licencieuse,

ils perdirent leur royaume, leur liberté et même leur nom». (Lejuif de Verone, p. 296). «Арийскій же прототипъ нашихъ Горыничей, говоритъ г. Буслаевъ, сохранился въ мифическихъ герояхъ Баргавасахъ, дѣтяхъ Бргу, одного изъ первобытныхъ людей, созданныхъ Брамой Праджапатис». А бргу собственно значить гора, и отъ него отечественная форма баргавасъ-Горыничъ. Отъ санскр. бргу происходитъ также и другое наше слово брегъ, берегъ». (Рус. вѣс. 1862, Мар. ст. 46). Вѣроятно, отсюда же происходитъ и слово Береганъ; а въ Сѣвер. части Черногорья и нынѣ Бердянами зовутъ жителей Брдъ,—горы въ этой части Черногорья, которая и называется Брда. (Черногорцы. Р. вѣст. 1866 г. дек. ст. 372, пр. 3).

24) Нынѣ положительно извѣстно, что нѣкоторыя славянскія племена назывались отъ скандинавовъ ванами. Когда Одинъ шелъ съ своими асами съ юга Европы,—«Ваны обитали между Танаисомъ и Волгой; они были исполнены понятливости и мудрости, и долго оспаривали могущество сильныхъ асовъ, съ которыми вели ожесточенную войну: почему скандинавская мифологія и причисляетъ ихъ къ племенамъ враждебнымъ, наравнѣ съ ютнами (т. е. финскими племенами). Во всякомъ случаѣ, мы должны вмѣстѣ съ Геэромъ (Geijer) причислить вановъ къ племенамъ славянскимъ. Россія, страна славянская, нынѣ называется финнами: Wenä janmaa, землю вановъ, а русскіе Venälaiset, ванами. Это имя, говоритъ Геэръ, вѣроятно, есть измѣненное древнее слав. слово: Vendi, Vendez, Vanadis... Словомъ, все заставляетъ думать, что ваны имѣютъ значеніе историческое; и если, по мифическимъ рассказамъ, въ нихъ; какъ и въ ютпахъ, олицетворены вообще враги асовъ, то это потому, что и ваны, и ютпы изъ всѣхъ враждебныхъ племенъ суть тѣ, съ которыми асы имѣли самыя близкія и частыя сношенія». (Lés roém. nat. de la Suède moder. pag I. Léousson le Duc.. 1867, tom. 64, p. 300, 301). А германскіе народы, сосѣди Балтійскихъ славянъ, называли вообще славянъ виндами и вендами. «Подъ этимъ именемъ, говоритъ Гильфердингъ (Ист. балт. слав. т. I, ст. 8, 9), Балтійскіе славяне являюся въ первыхъ историческихъ извѣстіяхъ, какія сохранились о нихъ у греческихъ и римскихъ писателей. Уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. носилось у грековъ смутное сказанье, что янтарь отыскивается въ странѣ Венетовъ (безъ сомнѣнія, венецовъ или славянъ). Извѣстіе о балтійскихъ Виндахъ возобновляется въ половинѣ 1-го в. до Р. Х., когда Квинтъ Метеллъ Целлеръ, бывший (около 58 г. до Р. Х.), префектомъ Галліи, получилъ въ подарокъ отъ одного германскаго князя, нѣсколькихъ индовъ, какъ рассказываетъ Корнелій Непотъ, и узналъ отъ нихъ, что, путешествуя по торговымъ дѣламъ, они были захвачены бурей изъ индійскихъ водъ на берега Германіи. Очевидно,

что эти инды были просто винды (славяне), занесенные бурей изъ Балтійскаго моря (которое въ дѣйствительности называлось въ древности Венедскимъ) въ Нѣмецкое. Стало быть, въ то время винды были на Балтійскомъ морѣ; а сто лѣтъ спустя, Плиній говоритъ опредѣленнѣе, что Венеды живутъ, вмѣстѣ съ другими народами, на Востокъ отъ Вислы и на Западъ отъ сарматовъ. У Тацита же Венеды являются на огромномъ пространствѣ, между певками (жившими, сколько извѣстно, близъ Чернаго моря, около Днѣпра) и финнами: значить, тамъ же, гдѣ помѣщаетъ ихъ и Плиній, въ земляхъ, лежащихъ на Востокъ отъ Вислы. Между тѣмъ, за VII в. до Р. X. или еще раньше, является между Дономъ и Днѣпромъ, торговый городъ Геллонъ. Жители его, которыхъ греки причисляютъ къ греческимъ скифамъ, говорятъ, какъ и сарматы, на языкѣ скифовъ (Герод. кн. IV); городъ этотъ состоялъ изъ деревянныхъ домовъ и имѣлъ множество балагановъ и лавокъ (*budin*), почему ~~будтобы греки и называли жителей его будинами~~ (т. е. лавочниками) и гелонами (т. е. насмѣшниками). (Les Gét. p. 34). Но въ другомъ мѣстѣ г. Бергманъ говоритъ (Fas: de Gulf. p. 282): «греческіе скифы называли третьяго сына скифа Иракла Геллономъ. (Gelonos), что соответствуетъ скифскому имени SvaΠapas, (солнечный, отъ греч. selas и gelas, блескъ), и названію славянъ, slavon (солнечный, славянинъ, solaire, slave). (Gelonos, сынъ солнца, сдѣлался родственнымъ божеествомъ Геллоновъ (солнечныхъ славянъ, solaires, slaves), которые, какъ обитатели города Буды (de la cité de Buda), назывались также будинами. Будины или Геллоны были земледѣльцы, подобно Паралатамъ (les Paralates), съ которыми они схожи; такъ какъ божеествоный ихъ родоначальникъ, Гелонъ, былъ сынъ Солнца, покровителя земледѣлія». Изъ чего слѣдуетъ, что слово Геллонъ, — довольно странное для означенія цѣлаго города насмѣшниковъ, если только ~~эти города~~ существовали, — гораздо ближе подходитъ къ выраженію солнечнаго свѣта или сіянія, какъ это и есть; а равне и названіе будиновъ гораздо опредѣленнѣе выражаетъ поклонниковъ Буды, нежели города, состоящаго изъ лавокъ; тѣмъ болѣе, что пришла въ ту мѣстность цѣлая партія или цѣлое племя съ Востока, называвшее себя царственными Виндами и заявившее, что оно вышло прямо изъ Индіи. (Тамъ же). Городъ Геллонъ находился, по мнѣнію кн. Щербатова, нѣсколько сѣвернѣе нынѣшняго Кіева. Это былъ городъ степной; Дарій, во время похода на скифовъ, выжегъ его до тла или сами скифы сожгли его; но удивительное сходство этотъ походъ имѣетъ съ нашествіемъ Наполеона I на Россію: тоже отступленіе скифовъ вначалѣ, такіе же долгіе переговоры, таже зима и послѣднее бѣгство Дарія назадъ той же дорогой, по которой онъ пришелъ, таже брошенная часть войска и большихъ на явную гибель отъ голода и скифовъ, и наконецъ

таже Березина, только въ видѣ другой рѣки, переправа черезъ которую удается Дарію только по оплошности, ожидавшей его тамъ засады. Геллонъ возобновился опять; длина же и ширина его означена, по указанію Геродота. Въ Геллонѣ былъ храмъ какому-то богу, котораго греки называли Бахусомъ, или лучше, предполагали, что это долженъ быть Бахусъ. Но извѣстно, что скифы называли своего родоначальника Солнце—Ракус (почтенный, отъ санскр. Багастъ, Сива, Солнце); отъ чего произошли и греч. Бахусъ, и слав. слово: богъ, выражающее собой всякое божество. А какъ Геллоны были Винды, славяне, жившіе потомъ на Балтійскомъ морѣ, то всего ближе предположить, что это божество былъ богъ свѣта или сіянія, Геллонъ, Солнце, древній Вишну, Бѣлбогъ-Святovitъ (святой свѣтъ), которому потомъ поклонялось Балтійское побережье и вся земля славянская. Въ этой же мѣстности полагаются и Георги, наши Поляне. Что же касается до названія Геллоновъ Будинами, то весьма вѣроятно, что между ними были и поклонники Будды, такъ какъ поклоненіе Буддѣ въ ту пору уже распространялось повсему Востоку, особенно между Саками, изъ среды которыхъ послѣдній Будда и явился, и весьма легко могло быть занесено оттуда новыми переселенцами. Близъ Дона тогда лежалъ путь отъ грековъ и, конечно, изъ Скифіи, въ Индію, и вся мѣстность между Чернымъ моремъ и Каспійскимъ была усеяна торговыми мѣстечками или городами, можетъ быть, подобными Геллону, но о которыхъ до насъ дошло только смутное преданіе.

25) См. les Gétés. par Bergmann, который впрочемъ указываетъ на этотъ храмъ собственно не въ самомъ Геллонѣ, а въ другой мѣстности, въ Скифіи.

26) Главная обязанность жриць у скифовъ заключалась въ удушеніи человѣческихъ жертвъ; но при храмахъ состояли еще особыя дѣвицы или женщины для священныхъ гаданій, которыя совершались посредствомъ стрѣль, жеребьевъ и надъ котлами, наполненными жертвенной кровью. Котлы эти при иныхъ храмахъ были изъ чистаго золота; бронзовые огромные котлы становились на перекресткахъ или перепутьяхъ, которыя считались святыми. Изъ этихъ священныхъ жриць и гадальщиць, преимущественно изъ первыхъ, избирались народные послы къ чужимъ племенамъ; въ послы назначались также и пѣвцы или гудошники, считавшіеся вѣщими, примѣромъ чему служатъ слав. бандуристы, привезенные въ Царьградъ плѣнниками, которые заявили императору, что въ ихъ странѣ не имѣютъ понятія о войнѣ, а живутъ, забавляясь только игрой на гусяхъ и другихъ мирныхъ инструментахъ (Les Gét. p. 295—301).

27) Въ древности кладбища и вообще мѣста погребенія пользовались особеннымъ народнымъ уваженіемъ; такъ какъ усопшіе становились богами-покровителями потомковъ: въ ведахъ они но-

сать имя отцовъ, Pitris, божества, властвующаго надъ царствомъ смерти (Яма и Ями). Могила въ ведійскихъ гимнахъ называется землянымъ домомъ; покойникъ, по тогдашнему вѣрованію, продолжалъ жить въ могилѣ... Душа—легкое дыханіе, огонь, нисходящій изъ воздушнаго пространства на землю, въ образахъ зѣмномолніи или метеора-звѣзды, и воплощающійся въ челоуѣка; душа—воздушная птица, бабочка, или иное крылатое существо, или огненное животное. По связи представленій воющаго вѣтра и лающей собаки, душу представляли и въ образѣ послѣдней; потому души воображаются въ видѣ дѣтей-малютокъ, сидящихъ на небесныхъ деревьяхъ (облакахъ), бѣлыхъ, облачныхъ дѣвъ, заключенныхъ въ небесныхъ горахъ, и т. д. Освобожденная смертью отъ оковъ плоти, душа, по арійскимъ понятіямъ, возвращалась въ воздушное море. Здѣсь постоянное мѣсто дѣйствія душъ; но жилище ихъ надъ облаками, на небѣ, на твердой свѣтлой горѣ, или на островѣ среди океана. По смерти, душа отправлялась къ свѣтлому обиталищу; но путь этотъ дологъ и труденъ: она должна перейти великій потокъ (облачную область) по тропикѣ душъ (по Ригъ-ведѣ, тропинка боговъ, млечный путь или радуга), или переплыть его. Дорогу стерегутъ злыя, лающія собаки (вѣтры); душа должна ихъ утишить и еще заплатитъ корщику, который перевозитъ души на островъ. По другимъ представаніямъ, она переносилась облакомъ-коровой чрезъ небесныя воды, почему и эта дорога называется тропинкой коровы. «(О погр. обыч. яз. слав. Котляревскаго, ст. 183, 171—173). Все это переноситъ насъ въ область нашихъ народ. сказокъ, въ которыхъ и сохраняются еще остатки древней арійской мифологій. «Скифы придавали умирающимъ значеніе обрекающихъ или посвящающихъ себя смерти, и потому погребеніе у нихъ имѣло видъ посвященія или жертвы. Усопшихъ привѣшивали на деревьяхъ, какъ бы посвящая ихъ чрезъ это Дію, богу неба и воздуха, или зарывали въ землю, т. е. посвящали богинѣ Аппіи, землѣ, или сожигали на кострѣ, что считалось посвященіемъ богу Солнцу (Targitavis) и богинѣ Огню (Taviti). Первый обычай былъ древнѣйшій. У скифовъ цари и благородные имѣли особенное кладбище. Такое кладбище у киммеріянъ (сербовъ) видѣлъ Геродотъ (IV, 16) на берегахъ Тираса; а у Черноморскихъ скифовъ такое же кладбище находилось въ Герресѣ (Gerrhes). Могила частныхъ лицъ, кажется, помѣщались въ мѣстахъ ихъ жительства». (Lies Gët: p. 281, 282). «Балтійскіе славяне, продолжаютъ Котляревскій (тамъ же, ст. 227, 228, 232), и чехи хоронили своихъ мертвцовъ, въ эпоху язычества, по лѣсамъ и полямъ (in silvis et in campis); по лѣсамъ—въ силу вообще священнаго значенія этого мѣста; по полямъ же, кажется, не безъ мысли, что предки будутъ оберегать владѣнія землевладѣльца. Этимъ можно объяснить и замѣченный «Повѣстью врем. лѣтъ», русскій языческій обычай

ставить прахъ покойниковъ на путяхъ (ст. 121, 123): ибо пути были межоу поземельной собственности, а пограничными ея стражами стояли могилы, хранившія священный прахъ предковъ. Кладбища были семейныя или родовыя; общія же предназначались для людей безземельныхъ, не имѣющихъ ни роду, ни племени. Мѣстомъ покоя усопшихъ славяне иногда избирали горы; могло быть, что этотъ обычай образовался не безъ сознанія о пребываніи душъ усопшихъ въ горахъ (небесн. облакахъ). По извѣстію Масуди, если у славянъ и русскихъ кто умираетъ холостымъ, того женили по смерти». Последнее, какъ извѣстно, соблюдается и понынѣ въ Малороссіи. «Ибнъ Фозланъ описываетъ обрядъ сожженія покойниковъ у русскихъ, въ лодкѣ». (Аф. т. I. ст. 579); что также соблюдается понынѣ у нашихъ раскольниковъ. «Славяне зовутъ своихъ усопшихъ родителями, дѣдами; души усопшихъ, по ихъ мнѣнію, порхаютъ сначала надъ землею въ образѣ ласточекъ, голубей, мотыльковъ, кукушекъ; украинцы думаютъ, что усопшій бываетъ поочередно муравьемъ, птицей, звѣремъ, рыбой, а потомъ опять возрождается человѣкомъ». (Тамъ же, т. III, ст. 195—317). «Браледворская рукопись свидѣтельствуетъ, что пока не будутъ сожжены трупы, души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ вмѣстѣ съ птицами: «такъ много душъ носятся туда и сюда по деревьямъ; боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь, только совы не боятся». Тоже сказано о сраженномъ Влаславѣ: «вотъ и вышла душа изъ стѣнящихъ устъ, взлетѣла на дерево и (порхала) по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли мертваго». А Забой, жалуюсь на угнетенія иновѣрцевъ, говорить: «гдѣ отцы давали яства богамъ, куда ходили возглашать свои мольбы; тамъ они посѣкли все деревья, разрушили (кумиры) боговъ и выгнали изъ лѣсовъ всехъ вѣроновъ». (Аф. т. III, ст. 218, 219, т. II, ст. 323). Конечно, эти вѣроны—души усопшихъ; а кладбища служатъ понынѣ, въ извѣстные дни, мѣстомъ для поминокъ.

28) Сидица представлялось древ. славянамъ колесомъ, кругомъ; также и колесомъ прядки, на которомъ вѣщая пряха пряла золотыя нити дня и темныя нити ночи. Прекрасная богиня Заря была тоже пряхой, подобно дѣвамъ судьбы, что пряли жизненные нити. (Аф. т. III, ст. 390, 414).

29) Все это суевѣрное уваженіе, оказываемое въ древности Приѣ (Фреѣ-Сивѣ, у нѣм. Бергѣ), перенесено потомъ нашимъ народомъ на Пятницу, которая и есть сама по себѣ только позднѣйшій образъ Первой. (Аф. т. I, 231—242, т. III, ст. 131).

30) Объ этихъ приношеніяхъ Геллонцевъ Дельфійскому орakулу, см. ист. кн. Щербатова, т. I и II.

31) Какъ скифы почитаются совершенно основательно предками славянъ; то все, что говорится объ оскдлыхъ скифахъ-земледѣльцахъ, должно относиться и къ земледѣльцамъ того времени славя-

намъ (Les Gèr, p. 91--120); тѣмъ болѣе, что ихъ обычай такъ сходенъ между собою, что они почти тѣже самые у тѣхъ и у другихъ.

32) Микула и Вана, только что вышедшіе съ ихъ земледѣльческимъ родомъ-племенемъ изъ древней общеарійской праотчины, должны быть полны въ то время ея повѣрьями и преданьями. «Одно изъ древнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ вѣрованій представляетъ дождевыя облака быками и дойными коровами Индры, а дождь молокомъ, низпадающимъ на землю... Въ санскритѣ выраженія для облака, быка и коровы, дождя и молока тождественны или происходятъ отъ одного корня: такъ gôtra означаетъ стадо коровъ и облако, gôdhrita (отъ gô и dhr—содержать)—коровье молоко и дождь; gawêduh (отъ gô и duh, доить)—облако, а gôduh, доящій корову, пастухъ. Въ гимнахъ Ригъ-веды тучи рассматриваются, какъ черныя небесныя коровы; Индра доить ихъ своей громовой палицей (молніями), проливаетъ изъ ихъ сосцовъ освѣжающее молоко (дождь) на землю и выводитъ изъ-за разсѣянныхъ облаковъ золотое сокровище,—солнце. Тоже доеніе облачныхъ коровъ приписывается и Марутамъ—стремительнымъ вѣтрамъ, сопровождающимъ грозу... Маруты, по указанію ведъ, имѣютъ матерью корову; а Индру веды называютъ нерѣдко прямо быкомъ: «ты нашъ быкъ... Съ ревомъ скоро-дарующій быкъ испускаетъ свое сѣмя (дождь) и даетъ плодъ злаку. Рагъяна (грозовое облако) есть твои вымя; молніи твои сосцы, о Ваѣ! (дождь издающая корова)». «Представленія эти принадлежатъ глубочайшей старинѣ; слѣды ихъ замѣчаемъ въ преданьяхъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Въ гимнахъ Ригъ-веды дождь называется не только молокомъ, но и масломъ. Старинныя апокрифы рассказываютъ о райскихъ, безсмертныхъ источникахъ, текущихъ какъ млеко и масло; а по болгарскому повѣрью, луна во время затмѣнья превращается въ корову, которую тотчасъ же начинаютъ доить вѣдьмы и готовятъ изъ ея мока цѣлебное масло; то же самое дѣлали и фессалійскія волшебницы». (Аф. т. I, ст. 653—655, 666). Наши народныя сказки полны этими преданіями; а въ словѣ о полку сохранилось и самое выраженіе: буй-туръ, яръ-туръ, какъ прозвище храбраго, сильнаго князя. Сказаніе о пестрыхъ юницахъ, что рождаются 365 разъ въ годъ, должно принадлежать также къ ведическому періоду; а представленіе, о доеніи воздушными коровами гимновъ, встрѣчается въ Магабгаратѣ, (т. I). Вана (прежня Прія), какъ дѣва судьбы своего племени, должна принадлежать также къ вѣщимъ пряхамъ и ткачихамъ; она и точетъ судьбы своего рода-племени земледѣльцевъ, окруженная свѣтлыми атрибутами, въ противоположность демоническимъ ткачихамъ, что пряхи зло и пагубу.

33) См. *Les Gètes*, par Bergmann, p. 121—150. и примѣч. къ наст. пѣсни 31.

34) Азовское море могло называться Индѣйскимъ, по той же причинѣ, какъ и Балтійское, т. е. потому, что и тутъ, вѣроятно, жили племена Вендовъ или Венедовъ. Что же касается вообще до буддизма; то Бартеlemi С. Илеръ (*Le Bouddha et sa religion*, 1862) говорить: «еще ничего не знали о буддизмѣ даже тридцать лѣтъ тому назадъ. Тогда еще не читали Сутры ни въ подлинникѣ, ни въ переводахъ, сдѣланныхъ на четырехъ или пяти азіятскихъ языкахъ, ни комментарий на Сутры. Нельзя даже предполагать, что и въ настоящее время буддизмъ такъ ужъ извѣстенъ, какъ будетъ онъ извѣстенъ въ будущемъ столѣтіи, къ которому мы приближаемся. Грекамъ были извѣстны, какъ брамины, такъ и буддисты. На нихъ ужъ указываетъ Мегасфенъ, проникшій черезъ тридцать лѣтъ послѣ Александра в. въ Индію; Климентъ Александрийскій упоминаетъ впервые имя Будды въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х.». (Пред. ст. XX, XVIII, XIX). «Но буддизмъ, какъ извѣстно, не привился ни въ древней Греціи, ни въ Скандинавіи, не смотря на желаніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей доказать, что Одинъ былъ также образомъ Будды: скандинавы чуждались постовъ, и у нихъ не было ни аскетовъ, ни пустынниковъ. Близкое сходство буддизма съ христіанствомъ, особенно съ католичествомъ, даетъ, вѣроятно, послѣднему возможность распространяться такъ быстро въ Цейланѣ»... (Тамъ же ст. 410—415). Между тѣмъ, — «рожденный буддизмомъ, съ начала VII вѣка до Р. Х., аскетическій и созерцательный духъ въ Индіи, распространился оттуда по Восточной Азіи и потомъ по Сѣверной и Западной». (*Les chants de Sol*, p. 141, 142). «Аскетизмъ, обязанный своимъ происхожденіемъ Индіи, распространился оттуда съ VII в. до Р. Х. также между племенами Римскими (сербами) и Фракіяскими (гдѣ были также и славяне); а чрезъ нихъ сообщился и сосѣдямъ ихъ, Гетамъ. по словамъ Поссидонія (Страб. VII, 3. 3), у Мидянъ, народа Римери-Фракіяскаго, позднѣ смѣшавшагося съ готами въ Мезо-готіи, были пустынники или аскеты, которыхъ называли богами или вѣщами (les dieux ou les divins). Они воздерживались отъ мясной пищи, и питались только молокомъ, сыромъ и сухими лепешками (по гр. karouga), почему ихъ называли также любителями лепешекъ (aime-gâteaux, по гр. karprontes) или истребителями лепешекъ (tueurs-de-gâteaux, по гето-греч. kar-gobatai). У Даковъ-Гетовъ эти вдохновенные мужи жили въ воздержаніи, и назывались благословенными. Тогдашніе цари старались имѣть ихъ при себѣ, чтобы укрѣпить свою власть надъ народомъ; они сдѣлались приближенными царей, ихъ совѣтниками и министрами, какъ напр. извѣстный геть Замояксисъ. Онъ жилъ въ дикой пустынѣ, гдѣ было множество пещеръ; гора и рѣка,

близъ которыхъ онъ жилъ, слыли святыми; подобно тому, какъ слыли у скифовъ вообще источники и перепутья или перекрестки (*rencontre de chemains*) также священными. Вдохновенный Замолксисъ или Скамолксисъ не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія, кромѣ верховнаго князя и его служителей. (Извѣстна продѣлка его, касательно доказательства безсмертія). Другой вдохновенный мужъ, *Deikanaïos*, совѣтникъ и прорицатель царя Яровита или Буревита, или Буриова, (*Vairovistas*, по гето-греч. *Voirebistès*) имѣлъ такое вліяніе на гетовъ, что, не смотря на ихъ чрезвычайную наклонность къ пьянству, убѣдилъ ихъ истребить у себя виноградники и отступиться отъ поклоненія Бахусу, имя котораго впрочемъ не сохранилось въ мифологическихъ преданіяхъ гетовъ». (*Les Gët.*, p. 297, 298). Нѣкоторые изъ нашихъ изыскателей видятъ также въ имени Замолксиса искаженное слав. имя, (кажется, Замолчана). Риттеръ же и другіе нѣм. писатели утверждаютъ, что въ древности буддизмъ проникалъ до западныхъ странъ Европы, и самъ Крейцеръ и его толкователь не прочь отъ этого мнѣнія; особенно же распространеннымъ это ученіе считалось во Фракіи, между жрецами Додонова капища. (Послѣд. прим. къ исторіи боговъ въ Индіи, — Крейцеръ 1, 2).

35) Бергманъ издалъ особую брошюру: о вліяніи вановъ на асовъ, (*de l'influence des vânes sur les âses*); но я положительно нигдѣ не могъ достать ее, такъ какъ все ея Страсб. изданіе давно распродано. Но и изъ другихъ сочиненій того же автора достаточно видно, что древніе асы, предки скандинавовъ, чрезвычайно уважали и боялись вановъ, какъ страшныхъ чародѣевъ, которымъ повиновались стихіи. Волшебницы же вановъ (т. е. славянъ) презирали пророчества и волшебство волшебницъ асовъ. Въ тѣ времена считалась два рода чародѣйства: одно, свѣтлое, исходило отъ вдохновенія свыше; другое, нечистое, — отъ чернаго колдовства. Асы, по зависти и злобѣ къ ванамъ, приписывали имъ изобрѣтеніе послѣдняго, и считали ихъ чрезвычайно опасными колдунами. Они звали вановъ злою породой, а себя признавали породой божественной; однако заимствовали у нихъ очень много предметовъ по хозяйству и даже нѣкоторыхъ изъ ихъ боговъ. (Смол. между прочимъ примѣч. къ Волусѣ, *visions de Vala*, *poèmes de l'Edda*, par Bergmann).

36) Имя скифовъ, какъ извѣстно, не есть имя народное, а дано Греками племенамъ, проникнувшимъ въ Европу за VII вѣк. до Р. Х. и населявшимъ нынѣшнюю Россію, а отчасти и Запад. Азію за Каспійскимъ моремъ. При Александрѣ Македонскомъ имя это распространилось и на Фракійцевъ или Кимровъ, обитавшихъ около Чернаго моря. Азіятская Скифія называлась великой, и слилась потомъ съ Россіей; а Европейская авалась малой, и полагалась въ разное время, то въ Крыму, то на бер. Днѣстра, то между Кар-

патами и Балтійскимъ моремъ, то между Карпатами и Чернымъ моремъ. Подъ именемъ скифовъ разумѣлись, по мнѣнію Бергманна, и славяне, и кельты, и финны, и тевтоны, и маджары, и турки или торки. Самое древнее племя скифовъ были Саки, обитавшіе вначалѣ въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, между Алтаемъ, Каспійскимъ моремъ, Бактріей и Индостаномъ, съ которыми они граничили. Въ индѣйскихъ преданьяхъ, Саки или Шаки (способные) появляются за 1200 л. до Р. Х., какъ отважные хищники, но стоявшіе на гораздо низшей степени развитія, нежели Индѣйцы. Персы причисляли ихъ къ туранцамъ, а потомъ называли Песъими и Волчьими головами (Sâk-sâr, Gourg-sâr). Отсюда они распространились на Югъ и Западъ, и за одинъ вѣкъ до Р. Х. овладѣли Сѣвер. Индией, на которую нападали и прежде, и проникали во внутреннія ея земли. Подъ именемъ Саковъ, они были извѣстны и Эллинамъ еще въ V вѣк. до Р. Х; но греки звали ихъ Скутами или скифами, и заимствовали отъ нихъ самое названіе щита—sakos (щитъ). Киръ побѣдилъ ихъ, и переселилъ нѣкоторыя племена въ Карію и Арменію. На Западъ отъ саковъ жили племена ихъ, Моравы и Дервяне; а часть третьяго ихъ племени, Давы или Даги, переселились на берега Азовскаго моря. При Александрѣ вел. часть сихъ послѣднихъ жила еще на Оксусѣ. Массагеты, также племя Саковъ, поселилось по Дону; отъ нихъ произошли Аланы и Росс-Аланы, названные такъ отъ рѣки Россъ, какъ называли тогда Волгу, на которой они обитали. Сказанные Дервяне, Дривляне или Дромиты (по санскр. друма—дерево) назывались также Варками, Гирканами, Волками; земля ихъ понынѣ персами зовется Гурканіей, gourgkan, страной волковъ. Скифы, жившіе по Сѣвер. берегамъ Чернаго моря, звали себя преимущественно Сколотами, отъ уменьшительнаго слова Skuta (щитъ),—skutulo (маленькій щитъ). На метафорическомъ языкѣ это слово значило также покровитель; и дѣйствительно, по словамъ Геродота, названіе Сколотовъ слыло царственнымъ, и тѣ скифы, что назывались этимъ именемъ, величали себя также царственными скифами. Отсюда производились одушительныя набѣги на Мидянь и Вавилонъ, гдѣ они слыли подъ именемъ Гога и Магога, т. е. большихъ воинственныхъ сборищъ (grand amas). Около же Дона, — значить, рядомъ съ Массагетами, жили Геллоны и Будины; а близъ нихъ, по Днѣпру, изгнанные потомъ оттуда Змѣяни, Невры, Волки или Волкодлаки, которые обертывались, по мнѣнію грековъ, однажды въ году, (вѣроятно зимой) въ настоящихъ волковъ. Западнѣе же обитали Сарматы, происшедшіе будто бы отъ связи скифовъ съ Киммерійскими амазонками. Въ глубокую же древность Сарматы жили на берегахъ Инда и въ Южной Мидіи (Плин. VI, 18); даже они слыли потомками Мидянь. По мнѣнію нѣкоторыхъ, слово Сарматы значить Сѣверные люди; такъ какъ по скифски Сѣверъ—Сауро (Shauro). Прометей у Греч. тра-

гетовъ считался родомъ изъ скифовъ. (Les Scythes, les ancêtres des peuples Germaniques et slaves, par Bergmann, p. 1—18; les Gètes, p. 21—35). Геты вообще были также скифское племя. Ихъ царь Буревитъ или Буривой (Boirevistès) соединилъ потомъ Гетовъ и Даковъ въ одну державу, во Фракіи; а впоследствии Траянъ покорилъ Дако-Гетовъ и обратилъ Дакию въ римскую провинцію. Массагеты почитались однимъ изъ болѣе развитыхъ скифскихъ племенъ; царица ихъ Томира побѣдила Кира и велѣла умертвить его, въ отмщеніе за смерть своего сына. Къ скифамъ принадлежали также и Парфы; ими управляла одно время Зарина или Царина (Zarîna), при которой они подпали подъ власть Мидянъ. Жители Ольвіополя и др. платили Сколотамъ дань; лучшіе ихъ союзники были Росс-Аланы. (Les Gét. ст. 40, § 24). Въ этомъ можно присовокупить, что изъ приведенныхъ выше скифскихъ именъ: Зарина или Царина, Томира, Яровитъ или Буревитъ, Буривой, (Boirevistès), можно заключить, сколько въ ихъ племенахъ было нѣмецкаго. Со времени завоеванія Траяномъ Дакии началось самое широкое расселеніе славянъ съ Дуная; а между Дономъ и Дунаемъ издревле обитали Ваны или Винды, также племена славянскія. Извѣстное библейское преданіе, упоминающее вмѣстѣ съ Гогомъ и Магогомъ также и Росса, не имѣетъ особеннаго значенія; но судя потому, какъ обширны и многочисленны еще съ глубокой древности были вообще племена славянскія, можно съ большою вѣроятностью полагать, что между древними скифами, во время ихъ набѣговъ на Востокъ, самыя многочисленныя силы были славянскія.

37) Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ вѣдогонъ, и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятое крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собой; и тотъ человѣкъ, вѣдогонъ котораго погибнетъ въ дракѣ, болѣе не пробуждается: его тотчасъ-же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ рассказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно мертвымъ. Во время обмиранья или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, также покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ бы жилище живаго духа, та временная обочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка. У Черногорцевъ, вѣдогони не только души усопшихъ, но и домовые гѣніи, оберегающіе жилье и имущество своихъ кровныхъ родичей отъ нападенія воровъ и чужеродныхъ вѣдогоней. Русскій крестьянинъ проводитъ рѣзкое различіе между домовыми своими и чужими. Въ этомъ слышится во-

споминаніе о родовой враждѣ славянъ, о которой свидѣлствуютъ и древнія лѣтописи, и народныя свадебныя пѣсни. Роды спорили, вели усобицы, а блюстителями ихъ интересовъ были домашніе пенаты и старѣйшины; эти послѣдніе, умирая, перенесли и за гробъ тѣже привязанности и тѣже ненависти». (Аф. т. III ст. 196; т. I, ст. 77, 94, 95). «Адриатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ Итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одолютъ, тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю, (т. е. собственно перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если случится воину умереть во снѣ, то рассказываютъ будто вѣдогонь его дрался съ вѣдогонями враговъ и былъ убитъ. Какъ валькири и вилы помогаютъ сражающимся героямъ, и вѣдогони одной страны воюютъ съ вѣдогонями сосѣднихъ земель; такъ и вѣдмы (по малорусскому сказанію) слетаются на границѣ и сражаются однѣ противъ другихъ. Вооруженныя небольшими мечами, онѣ наносятъ другъ другу удары и при этомъ приговариваютъ: «що втну, то не перетну!»—чтобы удары меча небыли смертельными. Такимъ образомъ вѣдмы, послѣ каждаго пораженія, встаютъ снова къ битвѣ, подобно воюющимъ героямъ Валгаллы, которые если и падаютъ бездыханными трупами, то всякій разъ воскресаютъ на новые подвиги.» (Аф. т. III, ст. 235, 451, 452).

КЪ 4-й извѣстн.

1) Обѣ эти легенды изложены г. Буслаевымъ въ сочиненіи его: истор. очерки рус. народ. словес. и иск. (ст. 368—376). Подобно нашему Мигулѣ, и Брокъ имѣлъ также трехъ дочерей: жрицу, гадальщицу и правительницу народа; разница только во второй: у насъ она поленица; у чеховъ гадальщица, что можетъ быть соединено и съ званіемъ жрицы. Не повторяется ли и здѣсь индѣйское преданіе, о Кали, Дургѣ и красавицѣ Гангѣ? Во всякомъ случаѣ, обычай избранія Премысла посредствомъ бѣлой лошади идетъ изъ Индіи, гдѣ цари избирались посредствомъ особенной колесницы, *phussaratha*, запряженной бѣлыми конями. При подобныхъ избраніяхъ всегда упоминается также и скала, превратившаяся у славянъ въ камень, на которомъ возсѣлъ Премыслъ по его избранію. «Совокупность этихъ фактовъ, говоритъ г. Ми наевъ, авторъ статьи о буддѣйскихъ жатакахъ, курганахъ, должна убѣждать, что въ буддѣйской легендѣ (объ избраніи царя) намъ сохранились подробности объ очень древнемъ, общо-арійскомъ обычѣ»

и что сходство между сказаніемъ объ избраніи Премысла и легендой о выборѣ царя Іанака можетъ быть объяснено только, какъ обще-арійское достояніе.» (Журн. мин. нар. просв. 1872 г. іюнь, ст. 192—199). «Такъ нашъ эпосъ справедливо замѣчаетъ г. Квашнинъ-Самаринъ (Русск. Вѣст. 1874, окт., ст. 802) и доннынѣ связанъ многими нитями съ преданьями другихъ славянъ и имѣетъ свои корни еще въ той эпохѣ, когда всѣ славяне пѣли одну великую мифическую эпопею, герои которой перешли впоследствии изъ боговъ въ простыхъ смертныхъ; при чемъ каждое племя старалось присвоить ихъ исключительно себѣ и перенести въ позднѣйшую русскую, польскую или иную историческую обстановку. Какъ важно подобное единство эпоса для духовнаго единенія славянъ...» Что же касается до разселенія славянъ въ Европѣ,—то Несторъ описываетъ разселеніе ихъ по рѣкамъ. Сначала они сѣли по Дунаю, а оттуда пошли въ разныя стороны. Спрашивается, сколько-жѣ потребно было народа и времени? Г. Гиллфердингъ поэтому говоритъ (ист. бал. сл. т. I, ст. 18): «нельзя принимать Несторова извѣстія въ буквальный смыслъ, будто славяне, уходя изъ Дакіи отъ Траяновыхъ войскъ, пришли и заселили Балтійское поморье: невѣрность сказанія тѣмъ яснѣе, что Несторъ выводитъ оттуда не однихъ ляховъ, но и всѣхъ русскихъ славянъ. Даже если бы цѣлая Дакія принадлежала славянамъ; то и тогда изъ нея не могла бы выйти всѣ славянскія племена, расселившіяся отъ Карпатскихъ горъ и Эльбы до Финскаго залива и Волги. При томъ же переходъ цѣлаго народа изъ нынѣшней Венгріи на Балтійское поморье, прямо черезъ Карпатскія горы, весьма невѣроятенъ. Слова Кіевской лѣтописи, вѣроятно, заключаютъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, что славяне, тѣснимые на Дунаѣ римлянами, пришли въ движеніе и стали повсюду распространяться и усиливаться, и въ землѣ лянсской, на Балтійскомъ поморьѣ, и въ восточныхъ странахъ, гдѣ потомъ возникла Русь.» Другими словами, съ тѣхъ поръ общее имя ихъ становится историческимъ; тогда какъ прежде, за нѣсколько еще вѣковъ до Р. X. извѣстны только племенные ихъ названія. Добавимъ къ этому, что слово дунай въ древности было имя нарицательное у славянъ всякой рѣки; почему и Донъ, и Днѣпръ могли называться въ глубокой древности также дунаями. Во II в. по Р. X., вскорѣ послѣ Траяна, славяне выступаютъ уже сильнѣйшимъ народомъ на Поморьѣ; а до тѣхъ поръ ихъ сила и развитіе не разъ обнаруживаются, но только теперь начинаютъ выясняться, по всей древней Скифіи, особенно на Югѣ.

2) Г. Афанасьевъ видитъ въ Святovitѣ божество, тождественное Дяву и Сварогу; а основаніе его имени въ смыслѣ святаго свѣта (святъ свѣтъ). «Какъ владыка небесныхъ громовъ, онъ выѣзжаетъ по ночамъ, т. е. во мракѣ ночеподобныхъ тучъ, сражаться съ демонами тьмы, разить ихъ молніями (Mater verborum:

«Svatovit—Ares, bellum») и проливаетъ на землю дождь.» Поэтому, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и древній Воданъ, и Арей, и Перунъ... (Аф. т. I, ст. 133—137). Следовательно, онъ также и древній Индра, и Индѣйскій Вишну; что заявляетъ также и г. Вельтманъ, въ своемъ сочиненіи о происхожденіи славянъ изъ Индіи. Подобно Сварогу, чье мѣсто Святовитъ-Вишну и занялъ, онъ богъ великій (т. е. старѣйшій), старый богъ, прабогъ, (прадѣдъ, пращуръ), отецъ-небо, ritā Dyāus, patur Zeas. (Аф. т. I, ст. 133). Все это можно сказать и о Вишну, который занялъ въ Индіи мѣсто Варуна и сдѣлался отцомъ всѣхъ боговъ и вселенной. «Есть поражающей отголосокъ темнаго воспоминанія о первобытной доисторической колыбели славянскаго народа, говоритъ г. Шеппингъ (Рус. народность, ст. 121), въ сказочныхъ сношеніяхъ нашихъ богатырей съ царствомъ индѣйскимъ.» А Эйхоффъ (Tableau de la littér. du Nord, par F. G. Eichhoff) находитъ, что славянский языкъ есть вѣрнѣйшее отраженіе языка ведъ (ст. 85); а что такое Святовитъ, если не Брама, образъ солнца? Что такое Поревитъ (другой образъ Святовита), если не Вишну, образъ стихій, сохранения и мудрости?.. (ст. 89). Идолъ Поревита изображался съ пятью головами, одна на груди; Руевита, съ семью лицами; Триглавъ имѣлъ три головы. (Аф. т. II, ст. 524). Какъ г. Гильфердингъ находитъ послѣдняго тождественнымъ Святовиту (ист. балт. сл. ст. 218); тоже самое, конечно, можно сказать и о тѣхъ двоихъ, такъ какъ всѣ они боги громоносныхъ тучъ, что составляетъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ четырехглаваго Святовита. (Аф. т. II, ст. 524).

3) «Замѣчательно, говорятъ Бергманнъ, что племена Симетическія во дни ихъ переселенія направлялись преимущественно съ Сѣвера на Югъ и съ Юга на Сѣверъ; а племена Іафетовы или арійцы, шли сначала съ Запада на Востокъ (какъ напр. въ Индію), а потомъ ужъ постоянно съ Востока на Западъ». Главную причину этого движенія на Западъ онъ приписываетъ тому, что древніе народы, видя шествіе солнца ежедневно въ ту сторону и полагая, что оно отдыхаетъ тамъ отъ дневнаго своего путешествія, возымѣли мысль, что тамъ же, на Западѣ, и жилище его, да и всѣхъ боговъ, а потому и живущіе тамъ люди, должно быть, самыя счастливыя изъ смертныхъ. Такимъ образомъ Западъ, по ихъ новымъ понятіямъ, сдѣлался въ некоторомъ родѣ земнымъ раемъ. Оттуда возникнулъ мифъ объ Елисейскихъ поляхъ на Западѣ земли, и ~~и мифъ о Гесперидахъ (Западныхъ) и о счастливыхъ островахъ, все тамъ же.~~ (Les Gét. p. 6—10). Движенію этому арійцевъ на Западъ могла быть и другая существенная причина, а именно: освобожденіе Европы изъ подъ водъ первобытнаго океана и потомъ слитіе первобытныхъ ея острововъ въ одинъ материкъ, на которомъ ожидала переселенцевъ цвѣтущая, дѣвственная земля (какъ

Европейцевъ потомъ въ Америкѣ), о плодородіи которой, конечно, ходили ужъ между ними издревле смутные слухи. Основавшись же и утвердившись въ новомъ краю, они утвердили въ немъ и свои вѣрованія, принесенныя ими съ Востока. Древній ихъ Вырій остался тамъ, въ первобытномъ ихъ отечествѣ, откуда попрежнему восходило красное Солнце, гдѣ было и его жилище; но и Западъ казался ему не чуждымъ, такъ какъ здѣсь оно успокоивалось отъ дневныхъ трудовъ своихъ. Значить, и здѣсь также могъ быть своего рода Вырій или Буянь-островъ, жилище боговъ, лучезарный міръ свѣта и силы небесной. Все это могло сосредоточиться потомъ въ божественномъ обиталищѣ Святовита. Руйный, свѣтоварный островъ, гдѣ онъ жилъ посреди моря, имѣлъ значеніе священнаго Буянь-острова; на этомъ островѣ совершались высшія гаданья и главныя народныя празднества; здѣсь же, вокругъ Святовита, жили всѣ меньшіе боги, отъ него рожденные; здѣсь была среда всей земли славянской; отсюда исходили главныя распоряженія и предсказанія. По словамъ Гельмольда, сюда приходили изъ всѣхъ земель славянскихъ, весь славянской народъ питалъ къ Ранскому храму Святовита особенное благоговѣніе (Helm. 639); подобное же, о всеобщемъ почитаніи этого святилища, свидѣтельствуеетъ въ своей исторіи и Саксонь-Грамматикъ. (Sax. 825). Г. Гильфердингъ хотя и относитъ это собственно къ балтійскимъ славянамъ; но Гельмольдъ говоритъ положительно о всѣхъ племенахъ славянскихъ. (Ист. балт. сл. т. I, 273—277). По его отзыву, Арконскій храмъ сдѣлался средоточіемъ славянскаго язычества (Гельм. I, 36, 52, II, 12); на что ссылается и г. Гильфердингъ. Хотя же этотъ островъ и лежалъ на Западъ отъ Восточныхъ славянъ; но за нимъ славяне знали страны еще западнѣе, гдѣ обитали племена имъ враждебныя, почему и могли почитать тѣ, болѣе или менѣе, безвѣстныя страны царствомъ смерти и загробныхъ мученій; какъ потомъ и говорится въ посланіи новгородскаго архіепископа Василя, — что рай насажденъ на Востокѣ, а муки и нынѣ суть на Западѣ. (Аф. т. I, ст. 182, 183, т. III, ст. 24). Такъ и нынѣ наши старовѣры и раскольники считаютъ Западныя страны лютеранъ и папистовъ царствомъ Антихриста, гдѣ и будетъ въ послѣднія времена геенна огненная. (См. сочиненія о расколѣ. Ливанова, Шапова, Кельсиева, и др.).

4) Скифы, да и вообще славяне, чрезвычайно уважали вѣщихъ дѣвъ и женщинъ, отъ которыхъ, вѣроятно, произошли и раскольничьи богородицы. Веледа, вѣщая женщина, жила, какъ извѣстно, въ башнѣ, подобно возлюбленной Валленрода, въ поэмѣ Мицкевича. Что имя Веледы чисто-славянское, — кажется, нечего этого и доказывать. Вана, какъ чудесная представительница своего рода-племени, могла принимать на себя всѣ его священные образы. Славяне вообще чрезвычайно чтли свои древніе обычаи; и не отсут-

пали отъ нихъ безъ крайности. Они долго отстаивали прежнюю ихъ религію и народность. Древній бытъ славянъ былъ народный; община обсуждала и рѣшала общественныя дѣла. Одинъ и асы, завоевавши нынѣшнюю Скандинавію, тотчасъ же раздѣлили народъ на сословія; но у славянъ никогда этого не было. «У славянъ князь былъ только главой отдѣльнаго племени; а не властелиномъ цѣлаго народа и государства, гдѣ община рѣшала дѣла на сходкѣ. Славянская семья жила особо, каждая на своемъ мѣстѣ, разрастаясь въ деревню, и владѣла сообща землею, которая ей принадлежала (подобно тому, какъ это было у скифовъ). Когда область князя становилась обширною и нельзя было собираться на сходку всему народу, то посылался къ князю на сеймъ выборный (владыка). Аристократіи у славянъ не было. Потому ужь, «ненавидя нѣмцевъ, они отъ нѣмцевъ переняли и внесли въ славянскую общину сущность ихъ быта, аристократію: и аристократія, которая на германской почвѣ породила много величія и добра, пересаженная на славянскую, повлекла за собой застой и паденіе». (Ист. балт. слав. т. I, ст. 105—110, 87, 88, 103). Не смотря на всѣ, бывшіе у славянъ, историческіе перевороты и на самое угнетеніе ихъ на Западѣ нѣмцами, на Югѣ турками, этотъ родовой народный характеръ хранится въ нихъ понынѣ, выражаясь, хоть и въ очень блѣдномъ образѣ, въ нашемъ сельскомъ мирѣ-народѣ и въ другихъ угнетенныхъ славянскихъ народностяхъ; такъ напр. у сербовъ совсѣмъ нерѣдкость, что и владѣтельный ихъ князь, и первый богачъ, изъ простыхъ мужиковъ.

5) Предлагаемый въ повѣстѣ краткій очеркъ города Волина или Волыни, одного изъ богатѣйшихъ городовъ на Балтійскомъ поморьѣ, заимствованъ также изъ ист. балт. славянъ, Гильфердинга (ст. 73—76). Отъ его имени одно время даже Балтійское море называлось Волинскимъ. Не естественно ли всего предположить, что именно объ этомъ-то городѣ и упоминается въ нашихъ былинахъ, въ которыхъ упоминается и о сосѣднемъ къ Волынѣ морѣ? Объ этомъ уже намекаеть г. Квашнинъ-Самаринъ, въ одной изъ статей своихъ въ журн. Бесѣда. Забывши въ послѣдствіи совсѣмъ объ этомъ древнемъ, славномъ городѣ, народъ нашъ отождествилъ съ нимъ Волянъ, красный Галичъ, близъ котораго никогда моря не бывало. Весьма можетъ быть, что и первоначальный образъ Садко, послѣ разныхъ превращеній его еще на Востокѣ (Руск. был. г. Стасова), занесенный славянами въ Европу, возродился въ новый славянской образъ свой, въ этомъ торговомъ городѣ, куда стекались купцы со всѣхъ концевъ извѣстнаго тогда міра, и потомъ ужь, съ паденіемъ Волина и съ усиленіемъ Новгорода, перешелъ въ нашъ сѣверный городъ, гдѣ онъ и считается гостемъ торговымъ. Еще положительнѣе можно признать древній Волинъ родиной Дюка Степановича, также вѣтязя заморскаго. Самъ Микула называетъ этотъ городъ

богатой Индѣюшкой; а богатство его такъ велико, что посланные отъ кн. Владиміра, увидѣвъ издали блескъ городскихъ крышъ, невольно восклицаютъ: «не горитъ ли ужь богатая Индѣюшка?...» такъ какъ на Балтійскомъ поморьѣ жили древніе винды, раздѣлившіеся ужь на разныя племена. «Въ этомъ городѣ, богатомъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, есть все, чего ни спросишь дорогого и рѣдкаго. Отсюда выйдешь на берегъ въ Острогардѣ, въ русской землѣ, гдѣ столица Кіевъ, соперница Константинопольскаго скипетра, краса и слава Греціи... (Гильф. ст. 74, 75). Известно, какъ говорится въ нашихъ былинахъ и о несмѣтномъ богатствѣ Дюковой матери, и о драгоценныхъ камняхъ въ стрѣлахъ его, которыми и цѣны нѣтъ,—стрѣлахъ, оперенныхъ перьями, какія могутъ привести только гости корабельщики. Не распространяясь впрочемъ болѣе объ этомъ, добавлю только, что и сама богатая, сказочная Виннета есть только искаженное Датское названіе той же Воыни, (Тамъ же страница 75, примѣчаніе 203).

6) О теждествѣ новгородскаго богатаго Садко и торговаго гостя Соловья Будиміровича, кажется, нечего распространяться. Хотя Соловей въ былинахъ и называется торговымъ гостемъ изъ какого-то города Леденца, что нѣкоторые принимаютъ за Венецію; но если и такъ, то и на Балтійскомъ поморьѣ, и на Адриатическомъ жили родственныя племена Винды и Венеты, которыхъ даже смѣшивали между собою; такъ что и Балтійское море нѣкогда называлось моремъ венетовъ, отъ чего и слыло иногда Индѣйскимъ. Не говоря также о значеніи Ивана Годиновича и Хотина или Хотена Блудовича на древнемъ Востокѣ, приведу только значеніе ихъ въ нашихъ былинахъ, о богатыряхъ Кіевскихъ. Г. проф. Миллеръ находитъ, что отчество Ивана Годиновича—отъ Година, очень близко къ Хотину; а въ этомъ имени слышится что-то чуждое, не обычное. Оба эти молодца вьжуются очень слабо съ Кіевскимъ богатырскимъ кругомъ. Хотина г. Миллеръ находитъ сходнымъ съ сербскимъ Маркомъ кралевичемъ и съ Герцеговинскимъ молодцомъ Мужо, и «что какъ нашъ, такъ и сербскій, и герцеговинскій изводы переносятъ во времена, предшествующія самымъ первымъ зародышамъ государственной и общественной жизни. Тутъ слово: родъ; можетъ быть даже употреблено не только въ смыслѣ родни, семьи, но и въ расширенномъ смыслѣ соединенія въ одно, подъ одною патриархальною властью многихъ семей. Хотень отличается чисто варяжскимъ, хоть, можетъ быть, не непременно торговымъ, но всеже добычелюбивымъ нравомъ; въ немъ начало дружинное, варяжское. Его другое отчество (Блудовичъ) напоминаетъ въ немъ даже варяга Блуда, пришедшаго изъ за моря. Тѣже варяжскія черты и въ Иванѣ Годиновичѣ; но въ немъ еще и варяжское странничество—наемничество. Между прочимъ, онъ говорить въ

былинь, что онъ «былъ за славнымъ, за синимъ моремъ, въ городъ Черниговъ». «Здѣсь, заключаетъ г. Миллеръ, думается мнѣ, море должно быть принимаемо въ прямомъ смыслѣ, какъ океанъ— море. Но въ такомъ случаѣ, нѣтъ ли тутъ указанья на то, что родиною торговыхъ гостей, купцовъ представляли себѣ у насъ по преимуществу землю заморскую, т. е. отдаленный варяжскій берегъ? Такъ что это представленіе не было тутъ затерто даже приуроченіемъ къ Чернигову, т. е. на сушу». (Ил. Мур. ст. 358—379). Говоря о сходствѣ нашего эпоса съ преданьями другихъ славянскихъ народовъ, г. Квашнинъ-Самаринъ съ своей стороны упоминаетъ также о приходѣ къ намъ нѣкоторыхъ богатырей съ Запада (Р. вѣстн. 1874, Окт. ст. 799—800). Послѣ сказаннаго выше, кажется, можно также не безъ основанія отнести къ числу ихъ и эти три личности, — именно съ древняго Балтійскаго поморья.

7) Вначалѣ воздушное море, сливаясь на Западѣ съ первобытнымъ океаномъ, должно было казаться древнѣйшимъ арійцамъ однимъ безпредѣльнымъ царствомъ Варуны-Водана. Потомъ, первые выходцы изъ Сѣв. Азій, Финно-алтайскія племена начали селиться на всплывшихъ въ нынѣшней Европѣ островахъ, и заняли ихъ отъ Сѣвера до Запада. Кельты и вообще арійцы вытѣснили ихъ оттуда въ послѣдствіи на отдаленный Сѣверъ или сдѣлали ихъ своими рабами. Когда вся Европа очистилась отъ первобытныхъ водъ, переселенія изъ Азій сдѣлались многочисленнѣе: восточныя племена шли уже въ новыя, благодатныя земли своихъ родичей и селились между ними, или присоединялись къ нимъ въ позднѣйшее время. Почему исторія застаётъ ихъ, большей частью, отдѣльными, сплошными, родственными группами. Ваиы или славяне были ужъ племя осѣдлое, земледѣльческое, когда Одинъ (позднѣйшее измѣненіе древняго Водана, по нѣм. Вуотана, бога воздушнаго моря) еще проходилъ съ своей дружиной асовъ (помощниковъ, защитниковъ, покровителей, отъ as, — soutien, поддежка) по Европѣ, съ юго-востока на Сѣверъ. По словамъ Снорри, онъ вышелъ изъ Азій и былъ въ Скифій царемъ надъ многими странами, а асы были его намѣстниками (Fasch. de Gulf. p. 215). Эфемерическія или баснословныя преданія, которыми вообще руководствуется Снорри, прозводятъ Одина и асовъ, то отъ турковъ, то изъ малой Азій, отъ троянцевъ, то выводятъ въ 1 ст. по Р. Х. изъ Фракіи, и даже представляютъ его въ одно время властителемъ Царьграда. Вначалѣ асы живутъ гдѣ-то въ сосѣдствѣ вановъ (славянъ), которые до того поразили ихъ своимъ развитіемъ, что асы долго считали ихъ людьми чудесными, колдунами. Одинъ въ это время устроиваетъ Древянъ или Древлянъ, которые продолжали жить въ глубокихъ лѣсахъ, и даже, по преданію, вдыхаетъ въ нихъ первый духъ жизни. Но потомъ у асовъ начинается война съ ванами; ваны разрушаютъ ихъ укрѣпленіе на какой-то равнинѣ Иди, и асы долж-

ны удалиться изъ ихъ сосѣдства. Они проходятъ черезъ нынѣшнюю Саксонію, въ Данію и наконецъ въ Швецію, гдѣ и утверждаются въ Упсалѣ. По мнѣнію Снорри, этотъ Одинъ и асы суть ужь потомки первобытныхъ Одина и асовъ, вышедшихъ изъ Азіи, усвоившіе только имена ихъ, съ которыми они и пришли въ Швецію. Здѣсь, покоренныя ими Финскія племена, возводятъ ихъ потому на степень боговъ и начинаютъ поклоняться имъ. Прибытіе ихъ въ эту страну Снорри также приписываетъ тому, что они были изгнаны изъ Скифіи; только не ванами, а великимъ Помпеємъ (Fasch. de Gulf, p. 19—71). Когда асы пришли въ Швецію, тамъ ужь обитали Финны и Свеи (le peuple Svi); они поклонялись между прочимъ богу Калевъ (Kaleva). Богъ Калева, собственно представитель финскихъ князей, больше эпическій герой, чѣмъ божество, наслышавшись о сверхъестественной силѣ Одина, явился къ асамъ въ видѣ соглядатая, подъ именемъ Гульфи (туманный), чтобы испытать лично ихъ чудесную силу и разузнать какимъ богамъ они поклоняются, такъ какъ всякая сила, по тогдашнимъ понятіямъ, давалась народамъ свыше, тѣми богами, которымъ они поклонялись. Свиданіе это Гульфи съ асами составило предметъ скандин. поэмы: *Gylfa ginning* (la fascination de Gulfi), въ которой Одинъ отводитъ Гульфи глаза своими чарами, но передаетъ ему изустно всю свою мифологію. (Тамъ же, ст. 139). Когда Одинъ и асы являюся между финнами, у нихъ ужь есть своя мифологія, которая отчасти и сохранилась въ преданіяхъ финской поэмы: Калевалы; но съ приходомъ этихъ завоевателей, религія финновъ вступаетъ въ новый періодъ развитія, и, подъ вліяніемъ могучихъ пришельцевъ, преобразуется въ высшую религію, доступную лишь народамъ арійскимъ. Одинъ изучаетъ глубину мудрости у финскаго великана Мимира; не значитъ ли это, что Мимиръ передаетъ ему свои финскія преданія о созданіи и первобытныхъ временахъ вселенной? Вождь асовъ присоединяетъ къ нимъ свои арійскія; и такимъ образомъ получаетъ начало скандинавская мифологія. По крайней мѣрѣ, богъ Торъ есть божество совершенно мѣстное; а кто не узнаетъ въ великанѣ Имирѣ, въ змѣѣ, обогнувшемъ землю, въ воздушной ясени Игдразилѣ, въ принесеніи Однимъ въ жертву самого себя, да и во многомъ другомъ, отпечатокъ преданій далекой Индіи, но уже обледѣвшихъ на глубокомъ Сѣверѣ. Во время пути, асы заимствовали нѣкоторыхъ боговъ и у вановъ, принявши ихъ въ видѣ заложниковъ мира. Одинъ, какъ извѣстно, искалъ повсюду мудрости, и даже, подобно Индрѣ, завидовалъ познаніямъ другихъ, и не сносилъ этого. Особенно онъ страшился превосходства развитія своихъ соперниковъ вановъ,—il craignait la supériorité d'esprit des vanes qui étaient les rivaux des ases. (Gulf. p. 54, § 27). По крайней мѣрѣ, онъ страшился ихъ не менѣе,

чѣмъ финскихъ великановъ (jotnes), противъ которыхъ принялъ всѣ возможныя предосторожности.

8) Г. проф. Буслаевъ, первый у насъ, обратилъ вниманіе на сходство нашего древняго сказанія, о Вологѣ Вологовичѣ, съ скандинавскимъ преданіемъ о преніи, касательно происхожденія міра, Одина съ великаномъ Вафтрудниромъ, и приравнялъ Волота къ необъясненному еще какому-то исполину, предшественнику Владиміра, краснаго Солнышка. (Истор. очер. ст. 455—464). Кто же это могъ быть, кромѣ Одина, который особенно выдается своей любовательностію, и даже жертвуетъ іотну Мимиру своимъ правымъ глазомъ, чтобы черпать у него ежедневно древнюю мудрость изъ свѣтлаго источника Урды? Съ тою же цѣлю онъ посѣщаетъ и другихъ древнихъ исполиновъ, входитъ съ ними въ пренія, за что они подъ конецъ платятся своими головами, и даже летаетъ черезъ моря и цѣлыя страны въ отдаленные концы міра, гдѣ есть чему и у кого поучиться. Когда древній Востокъ заговорилъ о Глубинной или Голубиной книгѣ, упавшей съ неба и открывшейся первобытному жрецу, послѣ перваго жертвоприношенія, — не можетъ быть, чтобы въ числѣ царей и князей, съѣхавшихся внимать написанному въ ней, не явился также и древній титанъ, волотъ Одинъ. Преданіе объ этой книгѣ есть обще-арійское, но дошедшее до насъ уже въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, — уцѣлѣвшее вполнѣ, какъ мы видѣли, только въ Индіи, гдѣ, кажется, слѣдуетъ искать и ключъ къ нему. Наше славянское преданіе объ этомъ дошло до насъ уже въ церковномъ изложеніи; весьма естественно, что и вставленное въ него имя, Давида Есеича, есть заимствованное изъ книгъ, позднѣйшее. Но выражая въ образѣ первобытнаго Микулы, — родоначальника — представителя первыхъ земледѣльцевъ и жизни осѣдой, кажется, будетъ вполнѣ согласно съ преданіемъ, отнести къ нему же и эту таинственную, забытую личность. Свиданіе съ нимъ Одина могло быть и въ древнихъ странахъ Востока, и даже въ позднѣйшей Скифій, когда Одинъ препирался въ мудрости съ Сѣверными великанами. Дѣйствительно, онъ въ нашемъ преданіи ужь царь, какъ и представляетъ его Снорри въ Скифій; а въ Есеичѣ замѣтенъ отпечатокъ патріархальности, какимъ и долженъ быть въ то время Микула. Извѣстно, что всякое древнѣйшее сказаніе видоизмѣнялось потомъ нѣсколько разъ, что мы и видѣли напр. въ преданіи о Вавилонскомъ змѣѣ; и это совершенно затемняетъ начальный его образъ, подъ слоями новыхъ преданій и обстановокъ тѣхъ временъ, что народы потомъ пережили, и тѣхъ мѣстностей, гдѣ они проходили.

9) Финская поэма: Калевала, свидѣтельствуетъ о весьма обширномъ развитіи финскаго божественнаго эпоса, сообразно мѣстной природѣ. Его мифическіе герои принадлежатъ болѣе къ породѣ боговъ, нежели къ богатырямъ, что лучше всего свидѣтельствуетъ

о глубокой ихъ древности. Главнѣйшіе изъ нихъ: Вейдемейненъ, главнѣйшій исполинъ, устроитель финской земли, въ родѣ нашего Миккулы, но сохранившійся въ болѣе первобытной формѣ, нежели нашъ представитель земледѣлія; можно предположить даже, что не его ли разумѣютъ асы, въ лицѣ древняго и мудраго титана Мимира, у котораго Одинъ черпалъ свои мифическія знанія? Вообще сѣверная природа имѣла подавляющее вліяніе на полуденныхъ уроженцевъ асовъ. Край Полуночный, куда они явились съ Юга, казался имъ полнымъ ужасныхъ великановъ и сверхъестественныхъ силъ; самыя ихъ вѣщія норны, (гадальщицы, прорицательницы) пришли къ нимъ съ Сѣвера. Другой изъ главныхъ героевъ Калевалы, братъ Вейдемейнена, Ильмариренъ, вѣщій, древнѣйшій кузнецъ, по ремеслу. Значеніе его въ тѣ времена было тѣмъ обширнѣе, что кузнецы тогда выдѣлывали и разныя металлическія украшенія, кольца и браслеты, и даже ковали судьбу человеческую, слѣды чего остались и въ нашихъ подблюдныхъ пѣсняхъ и народныхъ былинахъ. Ильмариненъ выковалъ, между прочимъ, чудесное, металлическое дерево, на которое, можетъ быть, и указываетъ Святогору Миккула, и сговалъ знаменитое Сампо, по мнѣнію нѣкоторыхъ, первую мельницу. Вообще преданія, о кузнецахъ, какъ у финновъ, такъ и у скандинавовъ, сливаются между собою, что ясно показываетъ, что послѣдніе заимствовали многое въ этомъ у первыхъ. Богъ Торъ считался также небеснымъ кузнецомъ, и въ послѣдствіи асы очень успѣли въ этомъ ремеслѣ. Вейдемейненъ, — и творецъ, и земледѣлецъ, и плотникъ, и гусляръ, — представитель вообще жизни осѣдой; Ильмариненъ остается до конца чудеснымъ кузнецомъ. На самомъ Сѣверѣ, въ нынѣшней Лапландіи, жила финская колдунья, Лоуха, искони враждебная финнамъ. Она овладѣла чудеснымъ ихъ Сампо и заперла его въ утесъ; такъ что Вейдемененъ только хитростью могъ добыть эту драгоценность, и то довезъ на родину одни ея обломки. Край Лоухи вообще считался недоступнымъ, по обитавшей тамъ нечистой силѣ, въ видѣ ядовитыхъ змѣй, хищныхъ птицъ и другихъ чудовищъ. Въ послѣдствіи, Одинъ устроилъ тамъ скандинавскій адъ, подземную Геллу, куда и самыя боги спускались съ трепетомъ; и не та ли же самая Лоуха преобразилась въ мифологіи скандинавовъ въ колдунью Геллу, впрочемъ дѣвственницу, тогда какъ у Лоухи было нѣсколько дочерей, и одна изъ нихъ красавица? (См. поэм. Калевала). Но асы большую часть времени проводили въ игрѣ въ шашки и въ тавленіи: игра въ тавленіи (jeu des tables) похожа на игру въ шашки; въ романѣ Розы сказано;

*Lá sont servis joieusement
De jeux de dez, d'eschecs, de tables,
Et d'oultrageux mets dèlitables;*

У исландцевъ есть еще особенная игра въ шашки, называемая: тавлен св. Олафа (la table de s. Olaf).

10) Скандинавскія преданія изображаютъ вначалѣ Одина и его асовъ на какой-то равнинѣ Иди; здѣсь походный ихъ станъ, укрѣпленный ровомъ и деревянной оградой. Названіе этой равнины происходитъ, по мнѣнію Бергманна, отъ имени одного изъ іотновъ, Иди, (дѣятельный), впоследствии превратившагося въ небесное созвѣздіе; а Снорри полагаетъ эту равнину въ Азіи, внутри Одинова царства Асгарда, который потомъ перенесенъ на небо. (Les Gét. p. 213—215). Во всякомъ случаѣ, равнина эта и самое укрѣпленіе асовъ были тогда на землѣ; и очень близко отъ Древянъ, которыхъ Одинъ воззвалъ къ общественной жизни, и отъ вановъ, съ которыми асы жили тогда въ сосѣдствѣ. Асы, по ихъ преданіямъ, имѣли много золота; такъ какъ у древнихъ, съ богатствомъ, т. е. золотомъ, сливалось понятіе силы и даже божественности. У латиновъ слово dives (богатый) выражаетъ небесное, божественное счастье; да и славян. слово: богатый, происходитъ отъ слова: богъ (тамъ же, ст. 214). Г. Бергманнъ еще видитъ въ іотнѣ Иди, вѣроятно, повдѣйшее олицетвореніе Вѣтра; почему полагаетъ, что равнина Иди могла также значить вѣтренное поле. (Poeme de l'Edda, par Berg. примѣчанія). Только въ сосѣдствѣ вановъ, земледѣльцевъ, въ странахъ полудня, могъ родиться у бродячихъ еще асовъ прекрасный ихъ богъ: Бальдуръ,—богъ весенняго солнца и жатвы, умершій насильственной смертью тотчасъ же по передвиженіи ихъ на глубокой Сѣверь. Онъ считается родоначальникомъ Балтовъ и Амаловъ, княжескихъ родовъ у визиготовъ и остро-готовъ. Въ сосѣдствѣ лишь съ ванами, асы могли заимствовать отъ нихъ нѣкоторые предметы по дому и сельскому хозяйству, и даже нѣкоторыхъ боговъ славянскихъ, потому ими обнѣмеченныхъ въ новомъ отечествѣ. Извѣстно, что ближайшія къ санскрит. корню, производныя слова по земледѣлію, а скифскія слова, объ одеждѣ и нѣкоторыхъ другихъ домашнихъ предметахъ принадлежатъ преимущественно славянамъ; какъ орать, орало, орагай, жито (sveta, бѣлый), плугъ, по др.—нѣм. pflug, по ск. plogr, —млинъ (мельница), коло, Коло-исай (князь кола), коломага, мѣдъ (по санс. madhus), брюки (по скиф. bruka), которые потомъ измѣнились въ персид. schal-vaqa, по скиф. skaluvaga, по слав. шаровары, щить, санки, по скиф. sangi, по сканд. sneeskia, ограда, градъ, по скан. gardr, и т. д. (Les Gét. p. 92—109). Извѣстно также, что даже широкопоую свою шляпу Одинъ заимствовалъ у вановъ. Ваны же передали асамъ и руны, которыя у нихъ назывались вѣщбами, и которыя они заимствовали у греговъ, жившихъ въ Ольвиополѣ. Изъ боговъ асы взяли у вановъ Фрейера (Солнце) и Фрею (госпожу домашняго хозяйства); ихъ богиня весны и плодородія земли, Зифа, также очень походитъ и

своими свойствами, и своимъ именемъ, на слав. *Земь*, — что не мѣшаетъ ей означать также и миръ, родство, согласие (*girre*). Во всякомъ случаѣ, она могла родиться только у осѣдлыхъ земледѣльцевъ, которые имѣли уже свой домъ и хозяйство; а не у людей, что бродили еще по странамъ, безъ собственного крова и назвали земледѣлія. Въ древности нашего Перуна нельзя сомнѣваться: онъ Сварожить (отъ Сварога, неба), онъ происходить отъ *Parjānuas*, (Индры), онъ покровитель земледѣлія и земледѣльцевъ, сверкающія его молніи называются въ ведѣхъ золотыми копьями, онъ пускаетъ изъ своего лука громовыя стрѣлы, которыя входятъ глубоко въ землю. (Аф. т. I, ст. 247). Отъ *Parjānims*, древняго эпитета Индры, у славянъ имѣемъ *Perkupis*, и вычлѣтъ означать тоже, что и *Tivus* (Дій, Небо), т. е. бурное небо. Потомъ древній *Tivus*, Дій (небо), распался у скандинавовъ на три образа, одинъ изъ которыхъ сталъ *Donaromъ*, а впоследствии *Toromъ*. (Les Gët. p. 156, 156, 163). Кажется, этого достаточно, чтобы видѣть его происхождение отъ нашего Перуна. «Онъ женился на *Зифѣ* (нашей *Земьѣ*?), плодородной землѣ, вѣрней супругѣ Неба, Діи (*Tivus*), и подчинилъ *Одну*, назвался его сыномъ». (Тамъ же, ст. 167). Чѣмъ же былъ вооруженъ Торъ? Онъ былъ вооруженъ молотомъ, который, будучи брошенъ, опять къ нему возвращался. (Gulf. p. 257). Такъ точно и по нашимъ преданіямъ, громовыя стрѣлы, вошедши глубоко въ землю, черезъ три года или черезъ семь лѣтъ возвращаются на ее поверхность, въ видѣ чернаго или темно-сѣраго продолговатаго камня. (Аф. т. I, ст. 247). Но гдѣ же у громовника Тора молнія? У него ихъ нѣтъ: потому что молнія—слово чисто славянское. За то молотъ Тора называется молниеромъ; не есть ли это заимствованіе молнія у славянскаго Перуна, который въ древности, вѣроятно, и подарилъ часть ихъ своему товарищу? Г. Бергманъ производитъ слово, *molnig*, отъ мѣлничнаго жорнева, *mehlsieue*; По ипшійю М. Мюллера, *mjölpir* значитъ раздробитель, отъ жорня *naag—mal*, растирать, дробить, жечь; откуда и слав. молнія и мѣть (увидать). Но Я. Гриммъ прямо сблизжаетъ *mjölpir* съ рус. словомъ молнія, отъ мѣть, согнѣть (погрѣнѣть); откуда ужъ и мѣть и молотъ. (Аф. т. III, ст. 782, т. I, ст. 253).

11) Высшей наукой у древнихъ почиталось волшебство, магія, средства которой признавались равными могуществу боговъ, даже выше, потому что она распознавала судьбами человѣческими и самими богами. «У Индусовъ магія называлась наукой по преимуществу (по санскр: *vidya*, наука, магія), у латинцевъ высшимъ искусствомъ (у Плини: *ars magna*).» (Les Gët., p. 150, 151). У нашихъ предковъ колдуны назывались людьми въщіяи (отъ того-же санскр. слова *vidya*, знаніе, вѣдѣніе), и наука ихъ въщью. Поклонный миръ *iotnovъ*, *iotnigimъ*, считался у скандинавовъ въщью

страной этой мудрости: вначалѣ тамъ былъ и источникъ Урды, изъ котораго Одинъ черпалъ свою мудрость, а потомъ перенесъ его съ собой на небо; оттуда же явились къ нему и вѣщія норны, что бы помочь докончить устройство скандинавскаго міра или Асгарда. Ихъ явилось три: Урды значить прошедшее, Верданда — настоящее, Скульдъ — будущее, имѣющее быть. Древніе представляли себѣ человѣческую душу мишьяторнымъ подобіемъ усопшаго, жившимъ въ тѣлѣ; почему Индусы и называли ее *pourouchas* (отъ *pra-vasas, prerosé*), предполагая, что она живетъ въ тѣлѣ, чтобы управлять имъ. Изъ этого создавалась мысль, что души усопшихъ, — геніи покровители, такіе же карлики или мальчики съ пальчикъ, какъ и она. Въ Индіи называли ихъ *pitaraś* (отцы); а скифы называли ихъ кварками (карлами) и творцами или товарищами (*thvargichas*); какъ и слово ихъ *kvaleis* перемѣнилось послѣ въ Фалеса. Они также считались покровителями семейства и племени: вотъ почему у Таврическихъ Кимвровъ было святилище въ Херсонесѣ, въ честь двухъ геніевъ покровителей или Кабировъ, управлявшихъ попутными вѣтрами на бурномъ Эвксинскомъ Понтѣ; а Греки приравнивали ихъ къ Кастору и Поллуксу или Оресту и Пилладу, покровителямъ также попутныхъ вѣтровъ на морѣ. Кварки (*Korakoi*) управляли также земными и воздушными явлениями природы; послѣдніе впрочемъ назывались преимущественно альфами (*alfas*), а потомъ тѣ и другіе перешли къ скандинавамъ подъ именемъ *dvaigrs, dvergr* и *alfes*, и сдѣлались обитателями водъ, равнинъ, пещеръ и горъ, принявши разныя названія. Нѣкоторые отъ имени финновъ назывались даже финрами (*Finnr*), и какъ кузнецы, рудокопы, хранители кладовъ или покровители страны, сѣшались съ первобытными племенами рудокоповъ, кузнецовъ и вообще искусныхъ въ металлургіи. (*Les Gæt. p. 257—263; Gulf. p. 217—223*). У насъ они называются: у Лужичанъ, — людками (грозовые карлики); у насъ — мальчиками съ пальчикъ (карликъ молніи) духами воздушными, водяными, подземными, домовыми, марами, кикиморами, русалками (души некрещ: младенцевъ), и пр. (Аф: т. I, ст. 301, 740, т. II, 82, 97—103); у чеховъ, — подариками (червячки въ стѣнѣ, — удары дѣдовъ), и т. д. (т. II, ст. 113, 152—784).

12) «Особенно-искусные въ волшебствѣ, финны, говоритъ Бергманъ, передали это искусство славянамъ, а славяне скандинавамъ. Славяне почитали своихъ колдуновъ волкодлаками (*loup-garous*), почему и слово: волкъ, приняло у нихъ значеніе колдуна, волхва. Отъ нихъ это слав. названіе приняли и скандинавы, для означенія своихъ прорицательницъ, гадальщицъ или колдуній; отъ слова волхъ, волхва (*valhava*) произошло и ихъ слово: *völva* и *vala* (волхвица).» (*Gulf. p. 231, 232*). Еще у скифовъ колдуны, особенно колдуньи, прорицательницы и гадальщицы ходили по странѣ,

и являлись въ дома, чтобы предвѣщать будущее или гадать, о чемъ ихъ просили; также для врачеванья и заклятій или заговоровъ. Волшебница вановъ была такъ искусна въ вѣщбѣ, что презирала предсказанья и искусство высшей колдуньи асовъ—Валы (волчицы). Ее звали на языкѣ вановъ Гейдурой или Хайдурой (срав. Хай-дѣвка), а на языкѣ асовъ Гульвигой (Gulveig). Нѣкоторые разумеютъ въ этомъ мифическомъ образѣ золото, которое асы растапливаютъ до трехъ разъ, какъ искусные кузнецы, для своихъ издѣлій. Рассказъ о метаніи ножей заимствованъ изъ поэмы: la fascination de Gulfi; а испытаніе Хайдурѣ подушкой изъ chants du Nord, Мармье. Заклятія Хайдурѣ взяты вообще изъ древнихъ слав. заклинаній (Аф. т. I, 404—431, т. I, 406, 407, 576); а вообще содержаніе всего рассказа изъ поэмы: Voluspas, съ прим. Бергманна (ст. 189, 191, 195, 197).

«Elle (Vala) se rappelle cette première guerre dans le monde,
Lorsqu'ils avaient placé Gullveig sur des piques,
Et l'avaient brulé dans la demeure du Très-haut;
Trois fois ils l'avaient brulé, elle vit pourtant encore.

«On l'appelait Heidur dans les maisons où elle entrait;
Elle méprisait le charme des visions de Vala.
Elle savait la magie, elle abusait de la magie,
Elle était toujours les délices de la race méchante;»—и т. д.

Распросы о томъ, что дороже: золото или желѣзо, встрѣчаются въ нашихъ былинахъ, напр. о Садкѣ.

13) Оскорбленіе, нанесенное кому либо изъ племени считалось въ древности оскорбленіемъ цѣлаго племени: такова, по преданіямъ, было причина и первой войны между ванами и асами. Ваны ворвались воинскою хитростью въ укрѣпленія послѣднихъ.

«Le mur extérieur de la forteresse des Ases fut renversé;
Les vanes ont su, par ruse de guerre, fouler les remparts;
Mais Odin lança son trait, et tira sur l'ennemi...
Telle fut la première guerre dans le monde.»

Въ чемъ заключалась эта воинская хитрость, неизвѣстно; но на берегахъ Тираса (Днѣстра), по словамъ Геродота, долго существовали слѣды ужасной битвы и молніи, пущенной Громовникомъ въ исполиновъ; греч. Скифы приписывали это Ираклѣ, а другіе Церуну или Перкуну; асы приписали Одину. (Les Gët. p. 256). А что къ Ванамъ явился неожиданно на помощь одинъ изъ ихъ богатырей, это обыкновенный пріемъ народныхъ сказокъ. Объ образахъ при совѣщаніяхъ, см. поэму: Судь Любуши.

14) У индѣйцевъ божественный напитокъ назывался: сома,

а въ Зендавестѣ онъ называется haoma. Составлялся онъ между прочимъ изъ молока или ячменной жидкости и меда. «Медь-Сома, по свидѣтельству ведъ, производился на землю, говоритъ г. Афанасьевъ, тѣми же быстролетными птицами: соколомъ и орломъ, которыя разносили и молніи. Самъ Индра, въ видѣ сокола, похищаетъ въ скалахъ медь-сому и приносить его смертнымъ, т. е. заставляеть дождь проливаться на поля и нивы. Первая пища, которую вкусила новорожденный Яма, была медъ и молоко; названіе кормилицы его, Кунь, сближаетъ ее съ пчелой...» У Финновъ, на свадебномъ пиру бога-кузнеца ихъ, Ильмаринена, посредствомъ капли меда, принесенной пчелой, приводится сваренное пиво въ броженіе. (Аф. т. I, ст. 370—375). Слюна, по нашимъ древнимъ преданіямъ, считалась вѣщею, даже могла говорить; она была тождественна съ кровью. Пѣвецъ Квасирь родится именно изъ такой слюны, послѣ дружественнаго союза между ванами и асами. «Названіе Квасирь, продолжаетъ г. Афанасьевъ, удовлетворительно объясняется изъ слав. нарѣчій: въ сербскомъ, квасити, — намочить, квас, — пивная закваска, кислое молоко и тѣсто; у насъ, квасъ кислый напитокъ, квасить, — заставить что бродить, киснуть, (квашня, закваска, просто-кваша, квашеная капуста, и пр.) слѣдоват. квасирь значить — собственно приведенный въ броженіе, закиснувшій напитокъ, тождественный сомъ и меду; а олицетвореніе его въ человѣческій образъ произошло на томъ же основаніи, на какомъ нектаръ былъ олицетворяемъ въ образахъ Ганимеда и Вакха.» (Т. I, ст. 394, 395). Весьма естественно, что по заключеніи между асами и ванами мира, заходила круговая чаша и раздалась пѣснь мира: и явился Квасирь. Во всякомъ случаѣ, корень этого слова въ языкѣ славянъ; отъ нихъ же асы могли заимствовать и самый медъ, (по сканд. meth) и другаго пѣвца своего, бога поэзіи, Браги, равно какъ и названіе поэзіи bragr. Хотя Гримъ и сближаетъ съ именемъ Браги ниже-саксонское bregel (мозгъ), какъ сѣдалище разума, пониманія и поэтическаго вдохновенія, но корень этого слова въ санскр. bhraj, — frigere, assare, произшедшаго отъ еще древнѣйшаго санскр. слова bhrag или bharg, откуда объясняется и русская брага, хмѣльной деревенскій напитокъ. Такъ точно и санскр. слово mathu, питье, смѣшанное съ сокомъ, добытымъ черезъ растиранье, есть древнѣйшая форма madhu, греч. médo—вино, литов. medús, скандин. mjodr, — вино и медъ (meth). Значить, у скандинавовъ и вино, и медъ называются почти одинаково; между тѣмъ какъ наше слово вино происходитъ отъ другаго синонима той же сомы, vená, по греч. vīnos, по лат. vīnum, готс. vein, перс. vin, черный виноградъ... (Аф. т. I, ст. 371—393. Изъ чего ясно, кажется, видно, что скандинавы заимствовали это слово изъ вторыхъ рукъ; у кого же болѣе, какъ не у сосѣдей славянъ? Что же касается до боговъ,

взятыхъ у нихъ скандинавами; то, по словамъ г. Бергманна: «богъ Vrindus означаетъ истекающій, jaillissant, собственно богъ небесныхъ водъ и земныхъ источниковъ, новый образъ Перкуна (а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, и одинъ изъ образовъ Водана). Скифы уподобляли, подобно индусамъ, облака стадамъ черного скота; почему Vrindus и почитался богомъ обилія; ему были посвящены быки и коровы,—другими словами, значеніе его, какъ властителя небесныхъ стадъ, было перенесено на землю.» (Gulf. p. 260, 261). Извѣстно, что у скифовъ обиліе стадъ считалось выраженіемъ богатства, почему г. Буникъ замѣчаетъ, что у славянъ и у нѣмцевъ слово скотъ (по нѣм: skott) должно быть слово заимствованное; но едвали, послѣ сказаннаго, не покажется страннымъ другой выводъ того же извѣстнаго ученаго, что русское слово скотъ получило значеніе денегъ отъ норманновъ, когда еще у древнихъ скифовъ вообще богатство частныхъ лицъ цѣнилось по количеству скота, и наши первые деньги были звѣриныя шкуры. (О варяж. вопр. Гед. ст. 238). Имя Vrindus, какъ божество водъ и изобилія, измѣнилось потомъ на Rindus (Рында, Руда); а у скандинавовъ на Hoenig и Chagunis (пріятный, полезный), и этотъ древній слав. богъ сдѣлался у нихъ богомъ рыбной ловли, мореплаванья и торговли, а потомъ божествомъ, дарующимъ благосостояніе, добываемое трудомъ и миромъ. Другой же слав. богъ Pravius (Пріи), соответствующій санскр. pra-bhus (превосходный), также господинъ, хозяинъ, кормилецъ,—и скиф. богу Солнцу, покровителю семьи и племени, богу страны и жилища, ниспосылающему плодородіе,—превратился у скандинавовъ въ Фрейера (солнце). (Gulf. p. 261, 265). У насъ онъ назывался также богомъ Яриломъ, и почитался богомъ оплодотворителемъ, представителемъ благодатной весны; почему и у скандинавовъ онъ сталъ также покровителемъ любви и браковъ, владыкой ясной погоды, урожая нивъ, благосостоянія смертныхъ. Фрейеромъ же древ. германцы назвали и быка,—у насъ яръ-туръ, буй-туръ. (Аф. т. I, ст. 438, 375, 662). Сестра Фрея, славянская Прія или Права (потомъ Вана) была переименована асами въ Фрею (Frau), и почиталась учредительницей земледѣлія и щедрой подательницей урожаявъ. Подобно тому, какъ у вановъ она была госпожей, домовитой хозяйкою, богиней рожденія, брака и семьи; тѣмъ же самымъ она осталась и у асовъ, и была назначена Одиномъ, какъ гостепріимная хозяйка, встрѣчать и угощать въ Валгалъ усопшихъ героевъ. (Аф. т. I, 555, Gulf. p. 266, 268).

15) Появленіе сѣвернаго іотна къ асамъ, тотчасъ же по окончаніи ихъ войны съ ванами, съ предложеніемъ устроить имъ ледяную крѣпость, достаточно объясняетъ, что асы были вынуждены оставить цвѣтущую страну вановъ и удалиться на сѣверъ,—покинуть и красное полуденное солнце, и начатки заведеннаго ими хозяйства,

собою имъ славянской Фреей. Только благородное мужество и грозная сила громовицка Тора спасаетъ ихъ отъ вѣчной зныи. Торъ идетъ съ ними; а гдѣ онъ, тамъ еще есть надежда на весну и дѣто. Но онъ уже впередъ предсказываетъ асамъ, что въ новой отчленѣ они скоро лишатся Бальдура (весеннее яркое солнце), что впоследствии и исполнилось. Внезапная смерть его не дала даже доврѣть первой ихъ нивѣ; но онъ все-таки прислалъ Одину изъ мрачной Геллы золотое кольцо свое, въ ознаменованіе будущихъ урожаевъ, ставъ скудныхъ на сѣверѣ. (См. древ. Эду).

16) См. поэму Rig-veda.

17) Вообще, какъ въ скандинавской, такъ и въ другихъ аріискихъ мифологіяхъ, проглядываетъ Востокъ, въ особенности Индія; но скандинавы, какъ народъ воинственный, придали тотъ же характеръ и своей мифологіи, устроивъ въ небесахъ Валгалу для павшихъ на полѣ битвы героевъ; а трусамъ, нарушителямъ клятвъ, и вообще людямъ умершимъ не на полѣ битвы, а собственной смертію, отъ болѣзней и старости или даже не лишившимъ добровольно себя жизни подъ старость, отвелъ мѣсто въ самой глухой Сѣвера, въ подземной Геллѣ. Самъ Одинъ, подражая Брамъ, принесъ себя, себѣ же самому, въ жертву: этому примѣру слѣдовали и всѣ герои, и ужасались естественной смерти. Вообще скандинавское небо имѣетъ видъ воинскаго стана, Одинъ, — браннаго вождя, свѣтлые асы и души убитыхъ героевъ, — его дружины; а небесный сторожъ, Геймдалъ, въ себѣ олицетворяетъ передовую стражу, обязанную сейчасъ же затрубить тревогу, при первой опасности отъ грозныхъ іотновъ. Какъ этотъ Геймдалъ напоминаетъ собой, ваятаго съ Востока, нашего Ивашку-бѣлую рубашку, и даже называется также бѣлымъ асомъ (ase blanc); такъ и эти великаны іотны зародились еще на плоской возвышенности Азіи, въ образахъ змѣя засухи и пожирателей облаковъ, — и подъ именемъ турсовъ (сухой змѣи) и іотновъ или іотноровъ (пожиратель), но уже оддебнѣвшими и открытыми живымъ, двинулись на Сѣверъ. Съ тѣхъ еще древнихъ временъ свѣтлые асы ведутъ съ ними непрестанно войну; а отъ скудости почвы Полуночнаго края эти исподны стали еще ужаснѣе, благородные же асы еще воинственнѣе, что и слѣдалось источникомъ разныхъ отважныхъ завоеваній ихъ на Югѣ и Западѣ, и одной изъ причинъ паденія Славянскаго Балтійскаго Поморья. (См. ст. Эду и толкованія на нее Бергманна, въ его соч. les Gêtes et la fascination de Gulf).

18) Одинъ, слѣдующій преемникомъ Водана или Вуотана, бога неба, отца бурь, слѣдился мужемъ Фригги, Фриг (дождь). Она жила въ жилищѣ, наоледенномъ пѣной, залесъ и Esqime (отъ санскр. vāsa — пѣна) т. е. въ облакахъ, похожихъ на пѣну и оплодотворяющихъ землю дождемъ, почему и могла считаться слезливой. Злоязычный Локки предупреждаетъ ее въ сладострабін и въ лю-

бовной связи съ славянскимъ Фрееромъ. (Gulf. ст. 250). Одинъ впрочемъ нерѣдко совѣщается съ ней и открываетъ ей свои намѣренія; а она указываетъ ему людей, неисполняющихъ свои обязанности и иногда отговариваетъ отъ опасныхъ предпріятій, какъ напр. отъ пренія съ великаномъ Вафтрудниромъ, которое должно было кончиться смертью одного изъ нихъ. Имена Одина или собственно его свойства перечислены вполнѣ въ поэмѣ: la fascin de Gunn, и въ толкованіяхъ на эту поэмку (ст. 95, 244—250); тамъ же изложено въ подробности описаніе божественныхъ сумерекъ, т. е. страшная катастрофа гибели боговъ отъ волка Френира и другихъ чудовищъ, и возрожденіе вселенной изъ огня и воды; при чемъ самая зима называется у скандинавовъ Ветромъ, (Vetr). (Gulf. 133—138). Одинъ отдалъ ванахъ своего совѣтника Мимира, въ видѣ заложника; но въ сущности Мимиръ былъ его шпиономъ, и сообщалъ Одну все, что тамъ дѣлается, за что и заплатился ванахъ потомъ своей головою, (прич. Берги. къ поэмѣ Voluspa). Святovitъ, какъ преимущественно богъ земледѣлія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Солнце. По нашимъ повѣрьямъ, оно выѣзжаетъ на Ивана-Бупалу въ колесницѣ, на серебряномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ; а въ дни поворота на лѣто, наряженное въ праздничный сарафанъ и кокошникъ; тогда оно садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу. «Народъ сочеталъ съ этой древней богиней имя Коляды и прославляя въ обрядовой пѣснѣ выѣздъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «ѣхала Коляда въ маленькомъ возоку, на воропаномъ конечку». Въ прежніе годы даже существовалъ обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку. Впрочемъ также и кулау, называемую Бупалой и Мареной. во время лѣтняго солнечнаго поворота, также наряжаютъ въ женскіе уборы; а у бѣлоруссовъ въ Ивановъ день выбирается для этой роли самая красивая въ деревнѣ дѣвушка, которую, обнаживъ, подруги опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣтовъ. Болгары же увѣряютъ, что на Ивановъ праздникъ Солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; а по выраженію русскаго народа, оно тогда играетъ, пляшетъ и мечется во всѣ стороны». (Аф. т. III, ст. 717, 723, 726, 731). Самый обрядъ ряженья (на святкахъ) г. Афанасьевъ объясняетъ древнѣйшимъ возрѣніемъ на грозовые тучи, какъ на стада различныхъ животныхъ и звѣринныя шкуры. (Т. I, ст. 717—719). По мнѣнію поселянъ, въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенья (т. е. когда Солнце ужъ выѣдетъ въ телѣгѣ на лѣто,) отверзаются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживаютъ (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются въ вино и получаютъ цѣ-

лебную силу; на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество разсыпаетъ щедрые, богатые дары на весь мѣръ: о чемъ помолимся отверстому небу, то и сбудется. Чтобы видѣть, какъ отворится небо, сербы выходятъ въ богоявленскую ночь въ поле и остаются тамъ до разсвѣта. У лужичанъ наканунѣ Рождества Христова дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, въ одной рукѣ съ узломъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой съ вѣткой, къ которой привѣшенъ звонокъ, обходитъ дома. (Аф. т. 3, ст. 741, 742). Въ честь возрожденія или воскресенія Солнца, наши предки зажигали также и зимой, по городамъ и селамъ, костры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и теперь еще зажигаютъ ихъ по берегамъ рѣкъ, въ ночь на 12-е Декабря. У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется: бадній день, отъ слова баднякъ, означающаго дубовую сырую Коляду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ (Тамъ же, ст. 732, 733) Коляда (calendae), Овсень (Фрейеръ, Усень, отъ санскр. кор. ush) и Плузь, призывались въ эти дни народомъ; Плугу кликали, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни; равно какъ и двумъ первымъ. Въ Колядѣ г. Афанасьевъ видитъ Громовника; а въ Овсенѣ—бога, возжигающаго солнечное колесо, другими словами того же Громовника, такъ какъ это возжиганіе исполнялъ онъ же, буравя своей палачей дерево-тучу. Въ честь Коляды у насъ и теперь поются колядки и щедривки; также особаго рода пѣсни и въ честь Овсени. (Тамъ же, стр. 738, 747, 748, 752).

19) Древнѣйшій богъ воздушнаго океана, Варуна-Воданъ, почитался богомъ войны и земледѣлія, какъ божество - Небо, насылающее бурныя грозы на землю и проливающее благотворный дождь для ея плодородія. Скифы поклонялись ему въ образѣ большого меча, вѣроятно, первообраза всѣхъ чудесныхъ богатырскихъ мечей въ нашихъ и другихъ преданіяхъ. Мечъ этотъ былъ воткнуть рукояткой въ землю, а острие его изображало собой какъ молвію, такъ и плодотворный лучъ солнца. Когда новые боги замѣнили простое изображеніе мифическаго божества священнымъ этотъ мечъ исчезъ, и только въ IV ст. по Родл. Христ. Атилл, когда ему принесли мечъ, найденный пастухомъ въ землѣ, сумѣлъ заявить, что это мечъ бога-Неба, ниспосланный ему на завоеваніе вселенной. Между тѣмъ богъ Воданъ какъ бы раздвоился на два образа, на Святовита, преимущественно бога земледѣлія, хотя онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ и всѣ свойства бога Арея, и на Одина, болѣе бога войны, тѣмъ земледѣлія, такъ какъ собственно богомъ земледѣлія у скандинавовъ былъ заимствованный богъ Торъ. Древніе боги не могли идти противъ вѣлній Судьбы, и самъ Зевесъ трепеталъ передъ всеильнымъ Fatum. Мечъ Одина наносилъ подѣ конецъ смерть всякому, кто владѣлъ имъ. Никто не знаетъ, что шепнулъ Одинъ на ухо жертвому Бальдуру, возлагая его на

костерь для сожженія; и владѣя этой тайной, Одинъ всегда долженъ былъ имѣть преимущество въ преніяхъ съ хитрыми титанами, чѣмъ онъ и воспользовался въ преніи съ Вафтрудниромъ, который на вопросъ Одина, объ этой тайнѣ—не могъ дать ему отвѣта и тотчасъ же призналъ въ немъ бога асовъ. Предсказаніе Одина о новой вселенной, послѣ паденія боговъ, изложено вполне въ поэмѣ: *la fascination de Gulfi*.

«Rousse-des-Alfes met au monde une fille unique,
Avant qu'elle soit atteinte par Fenrir;
Quand les Grandeurs auront peri, cette Vierge
Parcourra les chemins de sa mère... и т. д.
Tout mal disparaîtra: Baldur reviendra и т. д.

Эта *Rousse-des-Alfes* есть также названіе богини *Sol* (солнце), — что значить, что тогда будетъ новый свѣтъ, новое солнце, новые люди. (*Fasc. de Gul. p. 137, 138—341*).

20) Локи, самый ловкій и коварный изъ асовъ, нѣкоторыми нашими изыскателями примѣняется къ нашему Лухавому. Онъ безпрестанно старается вредить богамъ и Одну, даже открыто ругаетъ ихъ и высчитываетъ слабыя ихъ стороны. Последний его злой поступокъ заключается въ томъ, что онъ самымъ коварнымъ образомъ, рукой слѣпаго Гедура (бога туманной осени), умерщвляетъ предательски красавца Балдура, источника жизни и общаго благоденствія. За это боги присудили приковать его къ скалѣ, подобно Прометею. Локи, не успѣвши скрыться нигдѣ отъ ожидавшей его участи, оборотился сѣмгой (*saumon*) и кинулся въ воду; но Торъ и другіе асы загнули съ обонхъ береговъ огромную сѣть, изобрѣтеніе того же хитраго Локки, для рыбной ловли, — и онъ былъ пойманъ, орудіемъ своего собственнаго же изобрѣтенія. (*Fasc. de Gul. p. 327—335*).

ВЪ 5-й пѣснѣ.

1) Славянскія племена были такъ многочисленны и сильны въ Европѣ въ глубокой древности, что еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. были ужъ извѣстны и грекамъ, и римлянамъ подъ именемъ Виндовъ и Венетовъ, какъ обитатели Балтійскаго поморья; куда проникнуть они могли только, утвердившись сначала въ Восточной и Восточно-Полуденной Европѣ, на огромномъ пространствѣ между Чернымъ моремъ, Днѣпромъ и Дунаемъ, гдѣ действительно и встрѣчаютъ ихъ впервые заря исторіи. (Ист. балт. сл., ст. 9). А потомъ славянскія поселенія простирались на Западъ, не только по Ютландскому полуострову, но и по Западной и Южной Герма-

нѣи, и были въ Нидерландахъ и въ Англїи. (Тамъ же ст. 65—69). Принимая въ соображеніе богатство и цвѣтущее состояніе ихъ позднѣйшихъ торговыхъ городовъ на Балтійскомъ поморьѣ, можно положительно считать ихъ въ то время самымъ развитымъ и могучимъ народомъ Сѣвера, что свидѣлствуютъ и сами дѣды, сходяшіе тогда на гораздо низшей степени развитія, особенно саксы: а, какъ искуснѣйшихъ въ тѣ дни земледѣльцевъ, ихъ приглашали даже на Рейнъ, для указанія землепашества и обработки земли. Славянамъ не доставало только единства и вѣждей въ родѣ Карла Великаго, чтобы упрочить за собой это блестящее положеніе навсегда; но каждое славянское племя и здѣсь, какъ въ своей прародинѣ, (также какъ и сами Индусы) радѣло только о своей самобытности; союзы ихъ между собой были только временные, на время нападѣній или опасности, и часто кончались взаимной враждой, къ общему ослабленію. Окружавшіе ихъ сосѣди, Саксы, Датчане и Скандинавы, пользуясь этимъ разьединеніемъ, вели съ ними непрестанныя войны и даже между славянами набирали себѣ союзниковъ. Сколько упрекъ, дѣлаемый славянамъ нѣмцами, что они поэтому неспособны къ самоустройству государственному, ни кажется съ перваго взгляда основательнымъ; но если взять во вниманіе, что всѣ государства въ Европѣ устроились рукою завоевателей, то этотъ упрекъ падаетъ самъ собою. Италія и самая Германія представляли намъ до нашихъ даже временъ изъ себя картину полного племеннаго разьединенія, и только помощь Наполеона III, оказанная первой, и геній Бисмарка во второй, привели ихъ къ единству. Между тѣмъ тысяча лѣтъ тому назадъ Восточные славяне положили основаніе чисто-славянскому государству и возвели его на степень одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ. Подобное стремленіе къ прочному самоустройству было и не у нихъ однихъ; венды въ Каринтіи напр. призываютъ къ себѣ въ цари франкскаго Само; сербы, чехи и др. еще въ древности образуютъ изъ себя небольшія отдѣльныя царства. Самое порабоженіе ихъ сильнѣйшими государствами не умерщвляетъ въ нихъ духа народности, тогда какъ отдѣльныя племена, составлявшія древнюю Галлію, давно слились воедино подъ державой франковъ. небольшія славянскія племена до сихъ поръ выступаютъ очень рѣзко изъ среды своихъ завоевателей, нѣмцевъ и турокъ, и въ нихъ не угасаетъ духъ свободы и стремленія къ независимости и самостоятельности. Вначалѣ ихъ распри съ отдѣльными, также какъ и они, племенами саксовъ, датчанъ и др. не имѣли особенныхъ послѣдствій; даже послѣ знаменитой Бравальской битвы, гдѣ славяне потерпѣли полное пораженіе, они вскорѣ являлись побѣдителями датчанъ и предписываютъ имъ самыя постыдныя условія мира; только упорная сила возникшаго воедѣ нихъ государства франковъ могла окончательно разьединить ихъ и довести до пора-

боженія. (Истор. балт. слав. гл. XXV—XXIX). Какъ вѣщія скандинавскія норны имѣютъ совершенное сходство съ нашими древними дѣвами судьбы, вѣщницами: такъ и воинственныя валькириі отождествляются нашими учеными изыскателями съ слав. вилами, такими же воинственными дѣвами; пожалуй, даже и норны, и валькириі, и вилы одно и тоже. (Аф. т. III, ст. 366, ист. оч. Бусл. т. I, ст. 231—241). Причемъ г. Буслаевъ указываетъ на сербскую сказку о чудесномъ волосѣ въ косѣ одной вѣщей дѣвы, «внутри котораго было записано много знатныхъ дѣлъ, которыя совершались въ старыя времена отъ начала свѣта. Эта чудесная дѣва вдѣвала въ иглу солнечные лучи, которыми вышивала по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ косъ». (Ист. оч. т. I, ст. 352).

2) По толкованію г. Афанасьева, ~~языкъ нашъ ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшей связи чародѣевъ и кудесниковъ съ тученосными демонами — великанами и дѣвками: связь эта подтверждается и сканд. тролл, которое служитъ общимъ названіемъ для тѣхъ и другихъ. Значеніе этихъ стихійныхъ духовъ потомъ перенесено было вообще на вѣщихъ людей, вѣдуновъ, вѣдьмъ, вѣщихъ (отъ корня: вѣд, вѣщ), колдуновъ, чародѣевъ, волхвовъ, кудесниковъ, знахарей, знахарокъ и пр. Такихъ чудесныхъ личностей было разсѣяно множество среди всѣхъ древнихъ народовъ, которые видѣли въ нихъ какъ бы предызбранныхъ свыше божественной силой на пользу или вредъ человѣчества. Хотя славянскія племена достаточно изобиловали ими, но по нашимъ преданіямъ, на Сѣверѣ въ особенности славились колдуны Финновъ, Чуди, такъ что скандинавы почитали ихъ учителями колдуновъ славянскихъ, отъ которыхъ переняли потомъ эту вѣщую науку и сами скандинавы. Корень чуд, по толкованію г. Афанасьева, вполне совпадаетъ по значенію съ див (свѣтить, сіять): какъ отъ послѣдняго образовались слова: диво, дивный, дивиться; такъ отъ перваго: чудо (мн. чудеса, чудеса), чудный, чудесный, чудиться. Какъ съ словомъ чудеса соединяется понятіе о чародѣйствѣ, такъ тотъ же смыслъ присоевываютъ древніе памятники и рѣченію: дивы. (Аф. т. III, гл. XXVI). «Скандинавскія саги упоминаютъ про мѣхъ (vedhrbelgr, wetterbalg), которымъ когда потрясали, въ тоже мгновеніе возставала грозная буря. Финскіе колдуны, по народнымъ разсказамъ, завязывали вѣтры въ кожаные мѣшки и продавали ихъ морякамъ въ запасъ на дорогу. (Аф. т. I, ст. 312). «Вертящіеся вихри называются чертовой свадьбой; если бросить въ такой столбъ вихря освященный ножъ (символь молніи), то можно пригвоздить ихъ бѣса къ землѣ. Теплыя, весенніе вѣтры—отъ добрыхъ духовъ, а вьюги и мятели отъ злыхъ». (Тамъ же, ст. 330). Финскіе колдуны не менѣе извѣстны заговариваніемъ крови и змѣй: такъ какой-то чудесный старикъ заговариваетъ кровь и издѣлываетъ рану у Вейнемейнена, простымъ разсказомъ о созданіи міра; а финскій герой Ла-~~

никайнень заговариваетъ и разгоняетъ змѣй разказомъ о ихъ происхожденіи... (Калев.). Неизвѣстно изъ сканд. преданій долго ли жилъ у вановъ ютнъ Мимиръ въ заложникахъ, покуда получилъ отъ нихъ достойное возмездіе за свое шпіонство; но надобно думать, что Мимиръ жилъ у нихъ немалое время, потому что въ гораздо позднѣйшей Вилькина-Сага онъ смѣшивается еще съ кузнецомъ Региномъ или замѣняетъ собой послѣдняго; значить, можно предположить, что онъ тогда былъ живъ въ народѣ, — и витязь Зигурдъ могъ быть даже, по кузнечному ремеслу, ученикомъ его. Въ нашихъ преданіяхъ не сохранилось сказаній о Мимирѣ, если не предположить, что Микула указываетъ также на него (въ видѣ кузнеца Ильмаринена), посылая Святогора на Сѣверъ; во всякомъ случаѣ, вліяніе финскихъ знахарей вообще, которыхъ ютнъ Мимиръ есть родоначальникъ и представитель, на нашихъ колдуновъ, и значеніе ихъ въ нашемъ древнемъ народѣ, было немаловажное, судя по нашимъ лѣтописямъ, что изображаютъ тамъ высшихъ знахарей, къ которымъ наши предки особенно стремились, какъ для врачества, такъ и для гаданій. Въ нашихъ сказкахъ такъ много колдуновъ и вѣщихъ змѣевъ, что между ними нелегко найти Мимира или Регина и брата его, змѣя Фафира; хотя, по всей вѣроятности, образы ихъ тамъ существуютъ. Замѣтимъ только, что Регинъ также братъ Отура, выдры; а этимъ послѣднимъ именемъ звали въ древности русскихъ; соединенный же съ этимъ скандинавскимъ преданіемъ мифъ о шукѣ Андвари напоминаетъ нашу сказочную шuku. (Ист. оч. т. I, ст. 273). Такое же точно сходство можетъ, вѣроятно, найтись вообще между колдунами и въ другихъ сказочныхъ преданіяхъ.

3) «Общественныя начала Балт. славянъ были ужъ вполнѣ выработаны и опредѣлены въ X—XII в., говоритъ г. Гильфердингъ, тогда какъ у нѣмцевъ и скандинавовъ жизнь общественная еще едва начинала развиваться. Въ XI в. гор. Волынъ велъ такую торговлю, какой не было тогда во всей Сѣвер. Европѣ. Но самый бытъ, который у нихъ такъ рано развился и установился, по существу своему былъ недостаточенъ, ибо не допускалъ народнаго и государственнаго единства; другая причина бесплодія общественной жизни Балт. славянъ была въ глубокомъ искаженіи ея началъ чужимъ наплывомъ: именно, иностранная стихія въ ихъ бытѣ, аристократія, положила начало ихъ гибели. Славянинъ пахалъ землю самъ, а женѣ поручалъ домашнія работы; германецъ (въ смыслѣ нѣмца) презиралъ хлѣбопашество, любилъ лишь войну и охоту. Но аристократическая стихія достигла впоследствии у славянъ полнаго опредѣленія: знать стала у нихъ сословіе самостоятельное, а не служебное, — аристократія, а не дружина. Бнязь не имѣлъ надъ ней прямой власти... (Ист. балт. слав. т. I, ст. 191, 197, 89, 111, 112). Нисколько не отвергая впрочемъ вліянія нѣмцевъ на славянъ, нельзя однако отвергать, что родовая знать и знать по бо-

гатству такіа же вѣрности между славянами, какъ и у другихъ народовъ: достаточно взглянуть на нашу сельскую знать изъ зажиточныхъ поселянъ; но «объ аристократіи, какъ о сословіи, которое пользовалось бы у насъ, т. е. у русскихъ славянъ, наследственными политическими правами, не было и помину». (Карновичъ, замѣчат. богат. част. лицъ въ Рос., ст. 7). Всѣ наши знатные роды, исключая потомковъ Рюрика, явились къ намъ изъ за границы, изъ чужихъ странъ, съ Востока, съ Запада и Юга: такъ это сословіе въ древности было чуждо духу и быту славянъ. «Если въ некоторые представители изъ боярскихъ родовъ, существовавшихъ во времена царя Алексѣя Михайловича, и оказываются нынѣ людьми богатыми, то начало ихъ богатства рѣдко восходитъ къ половинѣ XVII ст.,—большее же частію эти богатства недавнія, такъ какъ они были приобретены ихъ ближайшими предками только въ XVIII вѣкѣ. Начальныя извѣстія о богатствѣ Строгоновыхъ восходятъ къ первой половинѣ XV ст.; но Строгоновы вышли изъ среды предприимчивыхъ и промышленныхъ гражданъ древняго Новгорода; еще задолго до царя Ивана Васильевича Грознаго владѣли въ областяхъ Новгородскихъ обширными землями, а впоследствии въ Перискихъ предѣлахъ имъ принадлежала страна, равная по величинѣ нынѣшнему королевству Богемскому» (Карновичъ, тамъ же, ст. 35, 175). Наши Демядовы, Яковлевы, возникли также изъ простыхъ, но смысленныхъ и предприимчивыхъ людей; но исторія не упоминаетъ нигдѣ объ особенномъ значеніи въ государственномъ составѣ, кромѣ двухъ, трехъ случаевъ, водворившейся у насъ и обрусѣвшей иноземной аристократіи, что было бы совершенно несообразно ни съ образомъ нашего правленія, ни съ духомъ народнымъ. Въ нашихъ былинахъ упоминается о нашихъ-то Путятѣ, Блудѣ, Бермятѣ; но и тѣ или принадлежали къ княжеской дружинѣ, или были люди посаженіе. Всѣ же прочіе родоначальники нашихъ знатныхъ родовъ, какъ сказано выше, выходцы изъ чужихъ странъ, поступавшіе къ нашимъ вел. князьямъ или царямъ на службу, возвышенные или одаренные ихъ милостями, изъ государственнаго или народнаго имущества. «А въ такъ называемое смутное время даже столбы московскаго боярства спѣшили на перерывъ одинъ передъ другимъ выпрашивать у пол. короля Сигизмунда «деревнишекъ», униженно называя себя при этомъ его «холопами». (Тамъ же, ст. 10).

4) Первообразъ нашего богатыря Добрыни, его чудеснаго рожденія, воспитанія, дѣтства, его товарищей и главныхъ похажденій, г. Стасовъ видитъ въ индѣйскомъ богѣ Кришну, въ его чудесномъ рожденіи, воспитаніи, дѣтствѣ, товарищахъ и похажденіяхъ, и отчасти въ отрочествѣ Рамы, т. е. въ двухъ воплощеніяхъ бога Вишну. «Послѣ долгихъ странствованій по Азіи, эти рассказы попали въ наше отечество, говоритъ онъ, и здѣсь образовали тѣ пѣсни, которыя мы знаемъ подъ именемъ пѣсенъ о

Добрынь Никитичъ». (В. Евр. 1862, Февр. ст. 655—669). Въ одной Телугской пѣснѣ и въ одной пѣснѣ Минусинскихъ татаръ есть впрочемъ также сходство съ этими преданіями, которое впрочемъ заключается въ натягиваніи необыкновеннаго лука, *какъ тамъ*, такъ и у насъ, въ стрѣляннѣ въ цѣль, (черты впрочемъ весьма общія во всѣхъ преданіяхъ) и въ сходствѣ нашей бѣлокаменной пещеры, въ которой запрятана змѣя наша Завава Путятшна, съ бѣлымъ камнемъ, въ который превращена мать Минусинскаго богатыря Агъ-Аю. (Тамъ же). «Массы народныя создаютъ культуру, какъ муравьи свой муравейникъ и пчелы свои соты, говоритъ г. Буслаевъ, на этомъ-то принципѣ и основывается все-мірное сходство всѣхъ народностей.» (Р. вѣст. 1874 г. Май, ст. 42, 43, См. также в прим. 11 къ 1 пѣсни этой поэмы). Въ нашихъ былинахъ, особенно въ обстановкѣ ихъ героевъ, мы найдемъ не только наслоенія времени христіанства, литвы, татарщины, но и новѣйшихъ временъ; но все таки основаніе ихъ и сущность разсказа напоминаетъ прямо тѣ Индѣйскіе первообразы, откуда онѣ происходятъ. Каждый послѣдующій вѣкъ прилагаетъ къ нимъ непремѣнно что нибудь своего; и многіе, если не всѣ, древнѣйшіе боги и герои переходятъ постепенно всѣ тепени народнаго развитія и сосѣдства. Такъ г. Буслаевъ позднѣйшаго Добрыню сближаетъ уже съ Скандинавскимъ Сигурдомъ; а въ пробужденной имъ спящей валькириѣ находитъ сходство вообще съ спящими царевнами всѣхъ народныхъ сказокъ, равно какъ и въ змѣѣ хранителѣ клада сходство съ нашимъ подобнымъ же змѣемъ; и сами родственныя намъ слав. племена битву съ змѣемъ и побѣду надъ нимъ относятъ къ древнѣйшей эпохѣ расселенія ихъ въ различныхъ мѣстностяхъ. (Ист. очер. т. I, 276, 283, 284). А г. Вельманъ называетъ эту валькирию прямо нашей царь-дѣвицей, а змѣя Фафнира нашимъ Змѣемъ-Горыничемъ. Въ этомъ разсказѣ вообще, говоритъ онъ, есть и наши старыя вѣщуны, и птицы вѣщуньи, да и вся древняя Эдда пахнетъ русскимъ духомъ. (Атт. ст. 45). Г. Буслаевъ также находитъ въ пѣснѣ Эдды, о Зигурдѣ и змѣѣ Фафнирѣ, сходство съ нашей Муромской легендой, о Петрѣ и Февроніи. (Ист. оч. гл. X). Г. Бвашинъ-Самаринъ считаетъ позднѣйшаго Добрыню былинъ западнымъ витяземъ, и отождествляетъ его съ нѣкимъ Жильберномъ, отправленнымъ кн. Владиміромъ въ Царьградъ, съ великими угрозами, за царевной Анной. (Р. в. 1874 г. Окт., ст. 792, 800). Послѣ этого самымъ естественнымъ образомъ, съ развитіемъ Кіевского княжества и государственныхъ началъ въ странѣ, Добрыня изъ древняго Зигурда и потомъ изъ Жильберна, могъ превратиться въ представленіяхъ народныхъ и въ Рязанскаго князя, какъ онъ поздѣе и называется въ нашихъ былинахъ. Что же касается до богатыря Потока или Потыка; то г. Стасовъ производитъ его отъ брахмана Руру, о которомъ разсказывается

въ Магабгаратѣ, а нашу бѣлую Лебедь, отъ его невѣсты Прамадвары, живущей также близъ воды; а дальнѣйшія похождения Потока находятъ сходными съ похождениями средне-Азіатскаго богатыря Богдо Гессеръ-Хана, который подвергается также превращенію въ чернаго осла, какъ Потокъ въ бѣль-горючъ камень, и другимъ злключеніямъ, потому что слушается коварной жены своей. (В. Евр. 1868 г. Фев. ст. 669—680). Не приводя подробностей этихъ сближеній, по краткости настоящихъ примѣчаній, дополнимъ только, что другіе наши изыскатели относятъ Потока прямо къ варяжскимъ типамъ; а въ бѣлой Лебеди г. Буслаевъ видитъ прямо валькирію, — «которая, какъ водяная птица появилась Потокѣ на берегу моря, на тихихъ заводахъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ». (Рус. в. 1862 сент. ст. 36, 37). Обстоятельство же изловленія Потыкомъ въ могилѣ змѣи клещами, едва ли не объясняется разсказомъ, о томъ, какъ, засѣвши въ яму, ловятъ змѣи аспида, ухвативши горячими клещами... (Ист. оч. ст. 275, 276). Г. Миллеръ видитъ въ Потыкѣ богатыря-бродягу, гуляющаго изъ страны въ страну, а въ бѣлой Лебеди между прочимъ царевну изъ царства заморскаго. (Ил. Мур. ст. 387, 389). А г. Квашнинъ-Самаринъ находитъ его сходнымъ съ Вальтеромъ въ польск. хроникѣ Богуфала, который взялъ его отчасти съ Вальтера Аквитанскаго; родомъ же производятъ Потока, какъ и Дюка, изъ Волыни-Галича, съ Запада. (Р. в. 1874, Окт. ст. 800, 801). По его мнѣнію, Потокъ и Михайль-Базарянинъ одно и тоже; это лихой наѣздникъ въ шлемѣ и въ латахъ, лютой, гнѣвный силачъ, близкій къ типу Марка Бралевича. (Бесѣда, 1868, т. IV). Замѣтимъ еще, что позабытый прибалтійскій богатый Волниъ или Волынь у насъ въ былинахъ вообще смѣшивается съ Волыню-Галичью; и что время появленія обоихъ этихъ богатырей въ сказанномъ видѣ всего ближе можно отнести къ цвѣтущей эпохѣ на Балтійскомъ поморьѣ варяжества и сканд. чудесныхъ змѣевъ и валькирій, перенесенной потомъ нашими былинами, какъ и всѣ остальные преданія, къ эпохѣ Краснаго Солнышка Владиміра.

5) У насъ вообще существуетъ въ народѣ старинное повѣрье, что вѣдуны и вѣдьмы насылаютъ грозовыя тучи, бурныя вихри и градъ; а въ Западн. Европѣ, что они могутъ носиться въ тучахъ, производятъ грозы, напущать бури, дождевыя ливни и градъ. «Уже въ Индіи вѣрши въ злое вліяніе колдовства, и въ нашихъ народ. сказкахъ колдунъ и вѣдьма нерѣдко заступаютъ мѣсто дракона или чорта, и подобно имъ налетаютъ грозовою тучей, ударяютъ громомъ и свергаютъ молніями». (Аф. т. III, ст. 442, 446). Споры и распри между враждебными колдунами, подобны описаннымъ въ поэмѣ, очень нерѣдки въ народныхъ разсказахъ, гдѣ обыкновенно добрый колдунъ беретъ верхъ надъ злымъ или чужеземнымъ; что также подтверждаетъ мнѣніе г. Афанасьева о томъ, что въ этихъ раз-

сказахъ таится преданіе о враждебныхъ отношеніяхъ нашихъ древнихъ родовъ какъ между собой, такъ между ними и иноплеменными сосѣдями.

6) Въ дополненіе къ 37 пр: къ III пѣс: о вѣдогоняхъ, слѣдуетъ еще добавитъ, что, по народному повѣрью, если во время отбытія вѣдогони изъ тѣла, повернуть это тѣло въ другую сторону; то вѣдогонь не можетъ войти въ него обратно: потому что не найдетъ дороги. Тоже самое произойдетъ, если перестановитъ вокругъ него предметы. Духъ Одина также блуждалъ въ разныхъ образахъ во время его зимняго усыпленія, и невѣдомо гдѣ виталъ, покуда не возвращался, чтобы вновь оживить природу своимъ присутствіемъ. Во время своихъ зимнихъ превращеній въ разные образы, какъ и наши вѣдогони, Одинъ совершалъ разные трудные подвиги и дѣлалъ свои наблюденія; но наши вѣдогони употребляли все ночное время на взаимныя распри и побойща, какъ и слѣдовало въ странѣ, наполненной внутренними родовыми раздорами. Не слабѣ скандинавовъ были прибалтійскіе славяне и на морѣ; особенно славились между ними своими удалыми набѣгами Вагры и потомъ Ране, такъ что отъ нихъ не было никому ни проѣзда, ни пошады. «Плѣнныхъ, которыхъ другіе продаютъ, они убивали. Бодричи и Лютичи также были славные мореходцы; въ особенности Лютичи любили дальнія плаванья; не разъ ходили они въ Англію...» По враждебному положенію Балтійскихъ славянъ между сосѣдними народами, главною чертой въ ихъ характерѣ была воинственность. «Нѣмецкіе лѣтописцы постоянно называютъ ихъ храбрыми, жестокими, лютыми; слава ихъ носилась въ далекихъ странахъ.» Они считались самымъ воинственнымъ и самымъ свирѣпымъ народомъ на морѣ и на сушѣ. Съ военноплѣнными (т. е. съ рабами) они обращались жестоко. Они дѣлили ихъ между ратниками или продавали; всего болѣе у нихъ было рабовъ изъ датчанъ, всего безчеловѣчнѣе поступали они съ христіянами, врагами ихъ религіи. (Ист: бал. сл. т. I, ст. 34—46). При всемъ ихъ добродушіи, гостепріимствѣ и честности, славяне вообще были жадны также къ добычѣ и къ обогащенію. Скандинавскій рассказъ о смерти Гагена (Högni) и Гуннара въ гостяхъ у Аттилы, происходитъ въ странѣ гунновъ, какъ древніе скандинавы называли нынѣшнюю Россію; а превращеніе въ змѣю, которая задушила Гуннара, приписывается мифической матери Аттилы или Атли. (La saga des Nieb: dans les eddas. par E. de Laveleye, p. 252). Почему я нашелъ возможнымъ помѣстить эту характеристическую черту въ собственномъ своемъ рассказѣ, дѣйствіе котораго происходитъ въ той самой странѣ, и вѣроятно, между тѣми же племенами, между которыми произошла и трагическая смерть этихъ скандинавскихъ героевъ.

7) По мнѣнію г. Иловайскаго, названіе Геты. а слѣд. и Готы принадлежатъ разнымъ группамъ народовъ. Готы вообще имѣли

славянскія имена. Венелинъ и Вельтманъ называютъ Германриха по славянски Яромирѣмъ. Германрихъ еще въ юности былъ взятъ въ плѣнъ славянами и жилъ у Днѣпровскаго князя Исмира или Всемира. Сообразно съ толкованіемъ г. Буслаевымъ имени преемника Лѣха, героя Вышышимира, что подъ этимъ надобно разумѣть Вышыши-миръ, т. е. нѣсколько выборныхъ людей, воеводъ и кметовъ, мірское выборное управленіе; (Ист. Оч. т. I, ст. 370), можно также и въ имени кн. Исмира или Всемира видѣть весь народный міръ, у котораго знатный плѣнникъ могъ находиться на попеченіи. Воронъ, напоминающій Яромиру его высокое назначеніе, какъ конунга, почерпнуть изъ сканд. поэмы Rig-saga. Воспользовавшись случаемъ. Яромиръ или Эрманарикъ бѣжалъ, собралъ огромное войско въ своемъ отечествѣ и покорилъ всю нынѣшнюю восточную и южную Россію до Волги и Дона, въ томъ числѣ и Новгородъ (Novago), который поэтому ужъ былъ извѣстенъ въ III, IV ст. Амедей Тьерри въ своей исторіи Аттилы описываетъ ужасныя жестокости этого грознаго завоевателя въ покоренной имъ странѣ, которая недоваля свободно вздохнуть побѣжденныхъ. (Hist d'At. t. I, p. 15—19). Что-же касается до насильственной смерти ютна Мимира, то въ скандинавской Эддѣ объ этомъ разсказывается, что ваны, замѣтивъ злые замыслы заложника ютна и его шпионство (какъ это мѣсто толкуеть г. Бергманнъ), отрубили ему голову и послали ее къ Одину. Получивши голову, Одинъ оживилъ ее своей божественной силой, и потомъ всегда совѣщался съ ней въ важныхъ случаяхъ. Просьба Мимира о дозволеніи ему спѣть предсмертную пѣсню, соответствуетъ вообще просьбамъ въ подобныхъ положеніяхъ сказочныхъ героевъ, которые трубятъ въ рогъ или поютъ пѣсню, и къ нимъ является чудесная помощь. Колдунъ Мимиръ, какъ и всѣ финскіе колдуны, поетъ свои заклинанія; но онъ забываетъ одно вѣщее или могучее слово... Такъ Вейнемейненъ, герой Калевалы, забываетъ во время заклятія три могучія слова, и долженъ идти за ними въ царство мертвыхъ, гдѣ править могучій Туони. Какъ скоро онъ ни шелъ туда, но прошелъ три недѣли, и то бесполезно: потому что Туони не сообщилъ ему этихъ словъ. А узналъ ужъ онъ всю глубину мудрости отъ Випунена, который спалъ до его прихода, мертвымъ сномъ, подобно большой горѣ; но пробужденный Вейнемейненомъ, устроившимъ внутри его кузницу, пропѣлъ ему всѣ свои знанія. (См: Фин. поэму Калевалу).

8) Чудесный витязь Зигфридъ у скандинавовъ понималъ языкъ птицъ, отвѣдавши печени убитаго имъ змѣя Фафнира. Еще въ Индіи, одинъ молодой буддистъ Поттика, изучивъ всѣ науки и простиившись съ учителемъ, подслушалъ однажды въ лѣсу близъ Бенареса жившихъ на деревѣ пѣтуховъ и, понимая ихъ языкъ, узналъ, что кто поѣстъ твердаго мяса одного изъ нихъ, тотъ сдѣлается царемъ. (Ж. м. нар. пр. 1872, Іюнь. ст. 194). Подобныхъ пре-

даній о людяхъ, понимающихъ птичій языкъ, не мало въ нашихъ сказкахъ и даже былинахъ, напр: Иванъ Годиничъ понималъ языкъ голубей. У скандинавовъ также понимали языкъ вѣщихъ вороновъ, бывшихъ на посылкахъ у Одина, и иныхъ птицъ и другіе конунги, кромѣ Зигфрида. Въ народныхъ сказкахъ есть также разсказы о крестьянахъ, бесѣдующихъ съ грозными царями и оказывающихъ имъ подъ часъ немалыя услуги, что очень можетъ быть отнесено и къ Микулѣ, представителю земледѣльческаго рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Микула есть послѣдующій образъ Перуна, которому свойственно превращаться въ мужичка съ ноготокъ, борода съ локотокъ или самъ съ персть, борода на семь верстъ, такъ какъ эта личность есть выраженіе молніи. Финны даютъ этому карлику золотой ножъ и топоръ, соответствующіе мечу-кладенцу и Торову молоту. (Аф. т. II, ст. 774, 775). Надобно также думать, что преданіе о священномъ мечѣ бога Неба, Водана, которому въ древности поклонялись скифы, было еще живо въ народѣ, когда явился Аттила, потому что онъ прямо воспользовался этимъ преданіемъ, чтобы утвердить свою божественную силу и значеніе въ мнѣніи народномъ и своихъ витязей. Между тѣмъ жестокости Яроміра или Эрманарика, особенно смерть жены одного знатнаго россалана, называемой Лорнандомъ Sanielh, исландскими квидами Swanhilda, а Саксономъ Грам. Swavilda, по мнѣнію г. Вельтмана, Всеволодой, по серб. нарѣчію, Свавлодой (Ат. ст. 108), которую Яроміръ велѣлъ размыкать конями; жестокости эти возбудили месть и возстаніе первыхъ Россалановъ, которые призвали на помощь Гунновъ, подъ предводительствомъ Болемира (Balamir). Еще прежде этого вѣщія слав. женщины, гадальщицы и жрицы, своей распущенностью и страшными приемами при совершеніи ихъ вѣщихъ гаданій вселили такое отвращеніе въ готовъ, что они выгнали ихъ изъ своего стана, такъ что, вѣроятно, имъ нельзя было показаться въ страпѣ (Fasc. de Gulf. p. 299). Вслѣдствіе этого онѣ должны были разсѣяться по степямъ, такъ какъ и безъ того привыкли къ бродячей жизни. Не можетъ быть сомнѣнія, что онѣ много способствовали къ поднятію тамошнихъ племенъ на готовъ: почему и составила готская сказка, о происхожденіи гунновъ отъ вѣдьмъ и степныхъ демоновъ. Но еще до этого возстанія Эрманарикъ попалъ въ засаду, устроенную ему братьями умерщвленной Sanielh или Сванильды, которые сильно его изранили. Изъ этого, по словамъ г. Вельтмана, составила скандинавская сказка или квида, въ которой Сванильда уже называется женой самаго Яроміра, и въ которой разсказывается, что ея братья, пріѣхавъ къ Эрманаріку, обрубили ему руки и ноги; но у Эрманарика осталась голова, и эта голова велѣла побить витязей каменьями. (Атг. ст. 109—112). Оттуда же заимствованъ слово въ слово разсказъ о пьяномъ Эрманарикѣ, означенный въ поэмѣ вносными знаками. Но гунны, по преданію, будто бы не

*

знали, гдѣ имъ переправиться удобнѣе черезъ топкія мѣста; чудесная серна (одинъ изъ образовъ Солнца) указала имъ бродъ; и надобно полагать, что «понимшее мужество славянъ, до того, что они принуждены были покориться Яроміру» (Ат. ст. 107). съ этого времени возникло снова: потому что Балемиръ однимъ ударомъ разрушаетъ владычество готовъ и отбрасываетъ ихъ за Дунай; а одряхлѣвшій отъ старости и ранъ, Эрманарикъ лишаетъ себя жизни.

9) Въ Аттилаѣ слѣдуетъ видѣть два образа: одинъ, историческій, — Аттила, царь гунновъ; другой мифическій; — Атль, князь красное-Солнышко. О первомъ самыя подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія находятся въ запискахъ Приска, которыя и изложены въ моемъ разсказѣ устами Ваны; о второмъ сложилось множество легендъ почти у всѣхъ европейскіхъ народовъ, особенно у скандинавовъ, бывшихъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ гуннами. «Собственное имя одного изъ скифскихъ царей, говоритъ Бергманъ, было: *Itan-tursus*, что значило, вѣроятно, — великій волкъ, въ противоположность небольшому Волку (*Vulfilas*); и это имя считалось чрезвычайно почетнымъ, какъ были почетны у Гетскихъ племенъ имена Аттилы (*les noms de Attilas*), бѣтца, бѣтунка (*Petit-père*), медвѣдь (*Ours*), и пр., что произошло отъ зооморфическаго олицетворенія чудесныхъ силъ природы»... (*Fasch. de Gulf. p. 208*). Въ Нибелунгахъ Атль совершенное подобіе нашего безстрашнаго Владиміра, краснаго Солнышка, какъ онъ изображается въ нашихъ былинахъ. Вальмирія Брингильда, въ сканд. сагахъ называется сестрой Солнца и сестрой Атля; по нашимъ народнымъ вѣрованьямъ медвѣдь есть олицетвореніе Громовника, Перуна (Аф. т. I, ст. 386—391; т. II, ст. 749). Но въ нашихъ народ. преданіяхъ не осталось ничего объ Аттилѣ; кромѣ развѣ стиха, о какомъ-то неизвѣстномъ, но очень могучемъ богатырѣ, надъ семидесятью землями богатырѣ, котораго также смерть подкосила. (Рус. нар. Шепинга, ст. 127). Пожалуй, можно предположить, что онъ потомъ слился съ личностью нашего мифическаго князя Владиміра; г. Венелинъ называетъ его прямо царемъ, а г. Вельтманъ — богатыремъ кievскимъ; такъ какъ они и Савельевъ производятъ названіе Гуннавъ (*Guni, Hunni, Kunae, Qunaae, Snueni, Bялно*), отъ Кіева. А г. Гедеоновъ говоритъ: «собственную Русь, въ племенномъ смыслѣ, исландскія саги называли Кенугардъ, т. е. Кіевской областью; а въ баснословныхъ исторіяхъ или позднѣйшаго времени, Русью — *Russland*. Отсюда и двойное названіе Руси у литовскихъ племенъ, такъ какъ они понимали Славянъ (Новгородцевъ) подъ именемъ *Krewy*, а Русь подъ именемъ *Gudai*. Ни лѣтописи, ни исторія не знаютъ на Руси двухъ, другъ другу противоположныхъ, народностей, скандинавскую и славянскую. Представителями Словенъ являются Словене Новгородцы, подъ формою *Nawego*; представителями Антовъ, — Словене Русь или Росъ, подъ Финно-Уральскою формою этого

имени Athual, Athaul. Извѣстно, что у народовъ Финно-и-Монголо-Уральскаго происхожденія къ именамъ нѣкоторыхъ рѣкъ прилагается нарицательное Etel, Adal, Idel, Itil (рѣка); какъ нарицательному Рось (Волга) отвѣчаетъ нарицательное Восточное Athel (flumen Ross Athel vocatum, Geogr. Nub. 243), такъ, вѣроятно, и народное Рось передавалось нѣкогда на Востокъ подъ сохранившейся у Юрландя формою Athel, Athaul, и въ позднѣйшее время Итиль является названіемъ народа (Хозарь), обитавшаго на берегахъ Волги (Fraehn, Ibn-Fossil. 64). Греки, получившіе это имя отъ готовъ (въ формѣ Anthel) или отъ Геруловъ, придали ему греч. форму Antes. Antai. У Словенъ и Антовъ, говоритъ Пролопій Кесарійскій, было сначала одно общее имя; древность провала ихъ Спорами: потому что, думаю, они живутъ разсѣянно (spogados) по землѣ своей. Славянская этимологія приводитъ насъ къ славянскому, подъ греческимъ spogos — сократому, имени Рось; этому имени отвѣчаетъ древнее существительное рознь или нарѣчіе врознь; игра словъ, принадлежащая, какъ видно, къ народному преданію и восходящая до глубокой древности». (О варяж. вопр. 27, 28, 37). Прибавимъ къ этому слова Нестора: «а словенскій языкъ и Русскій одно есть». Когда названія Гунновъ, Болгаръ, Аваровъ исчезаютъ въ исторіи, вмѣсто нихъ одни славяне по всей Восточной Европѣ. Кромѣ свидѣтельства нѣкоторыхъ грековъ: историковъ, что страшные нѣкогда Гунны назывались потомъ не менѣе страшными и жестокими Россами, странно также предположить, чтобы татары или монголы (какъ думаютъ вообще о Гуннахъ) явились нарочно освободить славянскую землю отъ готовъ, и, успѣвши въ томъ, не сдѣлались ея утѣснителями, а напротивъ слились бы съ ней воедино, такъ что нынѣшняя Россія у запад. сосѣдей, скандинавовъ и нѣмцевъ, называлась вообще страной гунновъ. Отецъ Аттилы носилъ имя Мундіуха, которое болѣе похоже на Литовское Миндовга, нежели на какое нибудь татарское; дядя и братъ его, и нѣкоторые изъ вождей, имѣютъ чисто славянскія имена: Болемира, Бледа или Блуда; западные наши сосѣди сносятся съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ, княземъ или вождемъ давно имъ знакомыхъ племенъ, но отнюдь не пришельцемъ съ Востока; а древнія саги изображаютъ его туземнымъ властителемъ, только очень жаднымъ до чужихъ богатствъ и владѣній. Чудесная сътъ поэтическихъ событій охватываетъ съ нимъ и нѣмецкія племена, и гунновъ, какъ племена родственныя; къ нему ѣдутъ знаменитые вожди и воины, даже христіане, на службу, съ Юга и Запада, его деревянный дворецъ становится высшей средою всѣхъ военныхъ и политическихъ событій Восточной и Западной Римскихъ имперій, славянъ и нѣмцевъ, безъ малѣйшаго намека, что это жилище или станъ какого-то татарскаго или монгольскаго хана. Именитый римскій вождь, Авѣцій, воспеивается съ нимъ вмѣстѣ, будучи заложникомъ у гунновъ; они сно-

сятся дружелюбно между собой и послѣ отъѣзда Аэція въ Римъ, и онъ доставляетъ даже Аттилѣ образованныхъ людей, для его надобностей; въ чемъ, конечно, онъ и нуждался, для устройства усилившагося своего государства, одного изъ обширнѣйшихъ въ славянскихъ земляхъ въ древности, въ которомъ онъ и числется и красуется, подобно позднѣйшему нашему красному Солнышку. Приведенная въ поэмѣ. внѣшняя характеристика гунновъ, касательно нѣкоторыхъ ихъ обычаевъ, образа жизни, пировъ, стрижки въ кружало, заимствована изъ записки о нихъ ритора Приска, находившагося при посольствѣ императора Феодосія къ Аттилѣ. Переводъ этой записки помѣщенъ въ I т. Венелина о болгаряхъ. Встрѣтившійся Приску на улицѣ (Очигисъ), показался ему сперва сифомъ, живущимъ въ довольствѣ и роскоши; волоса его были острижены по гуннски, — *въ кружало*; а когда онъ былъ представленъ женѣ Аттилы, она сидѣла на мягкомъ ложѣ, а дѣвушки сидѣли противъ нея на полу и вышивали разноцвѣтными узорами покрывало. При немъ же, Аттилу, когда онъ возвращался изъ похода, встрѣтилъ хоръ дѣвушекъ, подъ бѣлыми покрывалами, пѣвшій Аттилѣ славу, а жена одного изъ его вождей встрѣтила его на крыльцѣ, съ подносомъ, на которомъ стояли вино и закуска. Спутниковъ Приска по всей Гуннской землѣ поили медомъ и квасомъ ($\kappa\omicron\mu\tau(w)\sigma$), приготовленнымъ изъ ячменя. Хотя послѣдній напитокъ Ам. Тъери, въ своемъ сочиненіи объ Аттилѣ и называетъ кумысомъ, по ошибкѣ переписчика, который поставилъ вмѣсто w букву m ; но извѣстно, что кумысъ изъ ячменя не готовится и т. д. (См. сказан. сочин. Венелина, т. I).

10) «Типъ народнаго богатыря Ивана царевича, говорить г. Шеплингъ, стоитъ на рубежѣ періода доисторическаго мифа и эпохи опредѣлившейся уже народной жизни. Онъ прямое божество дня и свѣта древняго язычества, и въ тоже время въ немъ чувствуется православный русскій богатырь Владиміровой эпохи; въ немъ слышится отголосокъ древнѣйшей басни про Озириса. Вакха и Адониса, и въ тоже время онъ и представитель русскаго земства со всѣми его сословными подраздѣленіями. Эпическая былина выросла на почвѣ сказочнаго мифа, вставляя въ рамки древнѣйшаго баснословнаго разсказа свои частныя народныя преданія и историческія воспоминанія. Какъ только осѣдлость получаетъ полную историческую опредѣленность и сказка замѣняется эпической былиной, общій типъ Ивана царевича распадается на множество полумисторическихъ личностей, выражающихъ собой всѣ особенности сословій и мѣстностей русскаго земства. Былина передаетъ намъ народныя воспоминанія о нашей древней исторіи, — воспоминанія, вознесенныя иногда въ поэтическую область фантазій, съ ея произвольной исторіей и географіей. Какой поражающей отголосокъ темнаго воспоминанія о первобытной доисторической колыбели славянскаго народа въ ска-

вочныхъ сношеніяхъ нашихъ богатырей съ царствомъ Индѣйскимъ!» (Рус. народн. ст. 117, 119, 121). «Какъ стихійное божество, Иванъ царевичъ самъ или рождающіяся отъ него дѣти, продолжаетъ г. Шепшигъ, представляются при рожденіи по колено ноги въ золото, по локоть руки въ серебрѣ, на лбу ясный мѣсяцъ, по косицамъ мелкія звѣзды, на затылкѣ красно солнце. Имя Ивана самое любимое и употребительное въ нашемъ простонародьи; замѣчательно, что между героями Артурова *table ronde* попадаетъ имя *Jvain* или *Owen*, схожее съ Иваномъ. (См. 27 прим. къ 2 пѣс.). Между божествомъ свѣта общечеловѣческаго мифа и православными представителями русскаго земства, во времена Владиміра, должна была необходимо существовать переходная точка, переходная личность вполнѣ русскаго богатыря, еще не лишеннаго своего полубожественнаго міроваго значенія стихійнаго Демиурга. Отождествленіе Ивана съ Микудой указываетъ на тотъ моментъ нашей доисторической жизни, когда кочевой бытъ уступилъ первенство осѣдлому земледѣлю. Съ новымъ возрѣніемъ осѣдлой жизни получаетъ и древнее сказаніе новый смыслъ и значеніе: это борьба труда и мысли человѣческой съ окружающей его природой, и покореніе ея своимъ ползаемъ и нуждаемъ. Наконецъ, среди осѣдлой, устроенной жизни русскаго цародности, Иванъ выступаетъ воплощеннымъ олицетвореніемъ всего русскаго земства, почему и общій типъ его раздробляется на всѣхъ многообразныхъ, сословныхъ и мѣстныхъ представителей русскаго земства. Какъ крестьянинъ-царевичъ, онъ въ эпосѣ Владимірова періода всего ближе прикасается къ представителямъ двухъ крайнихъ точекъ земства: крестьянства, въ лицѣ Ильи Муромца, и царственнаго рода, въ лицѣ Добрыни, родственника Владиміра. Громадная сила Святогора встрѣчается и у Ивана царевича. Все здѣсь имѣетъ свое особое значеніе; даже самая неизвѣстность, въ которой оставляютъ насъ сказки о родинѣ Ивана, — что его родина вся земля русская, почему нашъ герой и носитъ по преимуществу названіе сильнаго богатыря русскаго. Въ истор. былинахъ имя Ивана, за немногими исключеньями, совсѣмъ исчезаетъ, какъ имя главнаго героя, но за то остается почти постояннымъ отчествомъ (Ивановича), какъ будто намекая этимъ на происхожденіе этихъ новѣйшихъ богатырей отъ сказочнаго ихъ первообраза». (Тамъ же, ст. 123, 125, 127, 131, 135, 126). Изъ всего этого, кажется, можно вывести прямое заключеніе, что въ нашихъ преданіяхъ какъ бы два Ивана царевича: одинъ, древнѣйшій, вочеловѣченный образъ одного изъ свѣтлыхъ боговъ древней прародины, — образъ краснаго ли Солнца, Индры ли Громовника, Кришны или Рамы, — все это сливается въ божественномъ образѣ Вишну; другой, ближайшій или позднѣйшій, богатырь собственно русскій, какъ бы сынъ перваго, сопутствующій народу или живущій съ нимъ, до позднѣйшаго времени. «Хоть не всегда Иванъ какойнибудь сказки,

говорить г. Шеппингъ. одно лице съ царевичемъ: но по созвучію именъ народная фантазія постоянно придаетъ сомненному герою царевича нѣкоторыя характерическія черты послѣдняго, — и всякую подобную сказку мы въ правѣ причесть къ числу Ивановскихъ былинъ. Къ нимъ же принадлежатъ и тѣ сказки, которыя, по своей обстановкѣ, прямо относятся къ общему типу, хоть имя героя утратилось вовсе или замѣнилось другимъ. Добрыня и Алеша Поповичъ заимствуютъ свои подвиги и похождения въ сказочныхъ преданіяхъ; представитель средняго сословія, Гостинный сынъ, сохраняетъ и чудеснаго коня бурочку-косматочку, и самое имя сказочнаго героя. (Вспомнимъ, что и въ сказкахъ Иванъ нерѣдко является купеческимъ сыномъ и торгашемъ, или нанимается къ купцу въ прикащики). Самый Илья Муромецъ, его долготѣнее сидѣнье, его поѣздки по дремучимъ лѣсамъ, а можетъ быть, и таинственная связь его съ царицей Задонской, — все это носитъ несомнѣнную печать древнѣйшаго Ивановскаго сказанія». (Тамъ же, ст. 122, 133). Стало быть, этотъ древнѣйшій нашъ богатырь припесенъ нашимъ народомъ еще изъ Индіи, и его образъ разсѣянъ по всѣмъ нашимъ сказкамъ, которыя пришли оттуда же. По мѣрѣ народнаго развитія, онъ также развивается, и наконецъ, исчезаетъ въ новыхъ богатырскихъ образахъ, которые отъ него же зародились, и, одинъ за другимъ, вошли въ народный эпосъ.

11) Всѣ эти различныя положенія Ивана царевича, соответствующія различнымъ положеніямъ самой народности, заимствованы изъ нашихъ народныхъ сказокъ, этихъ мифическихъ преданій давно-прошедшаго. Извѣстно, что Кошья безсмертнаго, скифскаго князя Стрѣлу, у насъ производятъ отъ слова: Кошъ: нечистая или вражья сила, что похищаетъ сыновей Ивана царевича и ищетъ его погибели, — сначала это сила стихійная, потомъ сила кочевая, враждебная; всѣ поименованные въ сказкахъ спасители или избавители его отнесены также нѣкоторыми нашими изыскателями къ силамъ стихійнымъ; но г. Буслаявъ уже видитъ въ ихъ заоморфическихъ образахъ и настоящихъ звѣрей, и птицъ, и людей. Въ Опивалѣ и Объядалѣ г. Афанасьевъ признаетъ образы бурныхъ тучъ, стихійныхъ великановъ (т. II, ст. 703), что не мѣшаетъ однако имъ быть и олицетвореніемъ тѣхъ громадныхъ жертвоприношеній, смутно оставшихся въ памяти народа, когда поѣдались цѣлые быки и выпивались огромные сосуды или ворчаги вина и меда; какъ это дѣлаетъ и нашъ позднѣйшій Идолище былинъ, который съѣдаетъ развѣ жаренаго быка и выпиваетъ котелъ меда или пива. Пожигающая своихъ царьшиковъ баня, не есть-ли также воспоминаніе, о восточныхъ жертвоприношеніяхъ божествамъ, въ родѣ Молоха? А мифическое преданіе о гребнѣ, которое г. Афанасьевъ приравливаетъ къ молніи (т. II, ст. 156—772), не относится ли также и къ мифу о долѣ и недолѣ?.. Славянскія преданія изобра-

жають иногда острова подводнымъ царствомъ, почему и священный островъ Святовита не могъ ли въ народныхъ воспоминающихъ превратиться также въ образъ морскаго, подводнаго царства, а Святовитъ, т. е. грозный идолъ его, въ морскаго царя; что нисколько не препятствуетъ перенести сюда же и вѣщіе гусли Садко, эти древнія Буддійскія молитвы, и Вольшана, съ его древними астрологическими и гадательными книгами? (См. Рус. был. г. Стасова въ В. Евр. 1870 г. статьи о Садко и Ванькѣ, вдовкиномъ сынѣ). Наши богатыри вообще не охотники заниматься земледѣліемъ; таковъ и Иванъ царевичъ, покуда онъ не преобразуется на время въ Илью Муромца; таковъ и Марко-Кралевиць, который изъ своей сохи дѣлаеть заставу проѣзжимъ туркамъ (повѣз. Слав., изд. г. Гербеля, ст. 78). Иванъ царевичъ есть первообразъ почти всѣхъ позднѣйшихъ богатырей: почему его свойства и приключенія существуютъ отчасти и въ Добрынѣ, и въ Ильѣ, и въ Вольгѣ, и въ Иванѣ Гостиномъ сынѣ,—особенно въ Вольгѣ и Добрынѣ, которые въ сущности носятъ на себѣ же древнійобразъ. Что же касается до упоминаемыхъ Индѣйскомъ морѣ и царствѣ, — то, кажется, можно видѣть въ нихъ страну Вендовъ на Балтійскомъ поморьѣ; а можетъ быть, и настоящія море и царство Индѣйскія, воспоминаніе о которыхъ долго могло жить въ древнѣйшихъ народныхъ преданіяхъ, когда древняя Индія была ихъ прародиной. Позднѣе, нѣкоторыя эпическія личности, какъ извѣстно, могли перейти къ намъ, путемъ устнымъ и книжнымъ, изъ Греціи. Такъ г. Веселовскій между прочимъ указываетъ на былинку объ Аникѣ воинѣ и Смерти, и приводитъ дальнѣйшія наслоенія въ ней со стороны нашего народа, который припуталъ къ Аникѣ и нѣкоторыя черты Ильи Муромца, готоваго повернуть всю землю, и древняго Святогора, развѣзжающаго только по высокимъ горамъ и погрязшаго по грудь подъ сумой Микуды; а прежнюю тягу земли, что лежала въ ней, христіанство превратило уже въ узелки съ землею, въ песокъ и *части св. мощей*, и т. д. (В. Евр. 1865 Апр. ст. 763—775).

12) Библейское свидѣтельство о князѣ Росѣ, исторія почитаетъ не имѣющимъ значенія; но это не мѣшаетъ этому сказанію занять свое мѣсто, какъ преданію. «Сыне человекъ, утверди лице твое на Гога и на землю Магога, князя Росѣ (Ros), Мосоха и Февеля, и прорцы на ны!» (Иезекиля. XXXVIII, 2). Здѣсь прямо говорится о грозныхъ толпахъ скифозъ, дѣлавшихъ нападенія на Вавилонъ и Мидію, и въ числѣ ихъ вождей указывается на князя Роса, (см. 36 пр. къ III пѣс.) во времена еще самыхъ отдаленныхъ. «И если тогда были Росы, гдѣ же оставались они до среднихъ вѣковъ?—Не полагать ли ихъ въ Роксоланахъ? Можетъ быть.» (Эверсъ). По Истархи и Ибнъ-Хаукалу, извѣстны ужъ были Восточнымъ народамъ три русскихъ племени: у перваго царь живетъ въ Буяиѣ, Кутабѣ (Кіевѣ); второе, — Славія, Новго-

родская земля: третья, — Арта, Артанія, между Хазаріей и Румомъ или Дунайскимъ Булгаромъ, — Таматарха, Тмутаравань. Тутъ же и островъ Тамань, — у арабовъ Руссія. Роксоланы, т. е. Аланы на рѣкѣ Роксъ или Росъ, народъ Сарматскій. Они помогали Дагамъ противъ Траяна; живутъ около Чернаго и Азовскаго морей, между Дономъ и Днѣпромъ, беспокоятъ римлянъ на Дунаѣ. Они вооружены длинными копьями, носятъ полотняныя корны. покрытыя роговою чешуей, на подобіе птичьихъ перьевъ. Литовцы зовутъ Ю. Русь гудасами; названіе же гетовъ принадлежитъ группамъ разныхъ народовъ: Геты — Склавины, Велегости — Гостъ или Гастъ. Когда Гунны, Авары, Болгары исчезаютъ, вмѣсто нихъ, одни славяне по всей Вост. Европѣ... (Иловайскій. Рус. Вѣст. 1873 г.). «Подъ названіемъ Гардарика исландскія саги понимали всю Русь вообще: подъ названіемъ Голмгарда — новгородскую область славянъ. Какъ народное, имя Русь есть принадлежность всѣхъ славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ словяно-русскаго союза: такъ племенное, имя Руси принадлежитъ южнымъ племенамъ, искони признававшимъ старѣйшинство Кіева, — сначала только Поляннамъ, Древлянамъ, Сѣверянамъ, и, кажется, южнымъ Дреговичамъ; впоследствии и прочимъ, слившимся съ ними юго-славянскимъ народностямъ.» (Гедеоновъ, ст. 37, 40). «О поселеніяхъ Руси на берегахъ Чернаго моря свидѣтельствуетъ Масуди, еще до кн. Владиміра: вверхъ по теченію хазарской рѣки (т. е. Волги) есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Нитисъ, которое есть море Руссовъ. На этомъ морѣ плаваютъ только они: ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ. Это большой народъ, не имѣющій царя и не признающій религиозныхъ законовъ.» О русскомъ морѣ говоритъ, кажется, и король Альфредъ; о городѣ Малогосса упоминаетъ Равенскій географъ въ числѣ Таврическихъ чисто греч. городовъ; въ житіи св. Кирилла говорится о евангеліи и псалтири, писанныхъ «роушькими письмены.» найденныхъ въ Херсонѣ и о бесѣдовавшемъ съ нимъ тамъ же «русинѣ»; въ нѣкоторыхъ рус. хронографѣхъ сохранилось извѣстіе о походѣ на Сурожъ Руси, подъ предводительствомъ кн. Бравлина, около половины IX в. Языческая Русь возобновляетъ человѣческія жертвоприношенія, нѣкогда совершаемыя въ древней Тавріи, на алтарѣ таврической Артемиды; замѣчательно въ разсказѣ объ этомъ выраженіе: удушіе, указывающее на общеславянскій религиозный обрядъ, кажется, тѣсно связанный съ поклоненіемъ Индѣйской Сивѣ-Живѣ. (Тамъ-же. ст. 57—62). Египетскій уроженецъ, Ахмедъ-Эль-Катебъ, свидѣтельствуетъ, что въ 229 г. (844 по Р. Х.) въ Севилью, въ Испаніи, ворвались невѣрные, именуемые Русью, и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли; г. Иловайскій предполагаетъ, что этотъ походъ Руссовъ совершился изъ Чернаго моря, по Средиземному (Р. Вѣст. 1873 г.). Съ появленіемъ славянъ на

Балтійскомъ поморьѣ,—точно также, какъ на Востокѣ гунны и др., и здѣсь исчезаютъ, предполагавшіяся въ этой мѣстности, нѣмецкія племена. Какъ же это могло совершиться? Говорятъ, что нѣмцы ушли воевать въ римской имперіи,—а потому и бросили свои прежнія обиталища, миролюбивымъ племенамъ славянскимъ. На сколько это естественно, на столько же и правдоподобно. «Водворившіеся на остр. Зеландіи, Готы-Дациане, говоритъ г. Вельтманъ, были окружены со всѣхъ сторонъ русскими областями. Во время Бравалльской битвы, морскими силами начальствовалъ русскій князь Олимиръ (Olimar). Много-различныя прозвища древней Руси или русиновъ обращались историками и географами въ различныя народы; они слыли безразлично то скифами, то сарматами, то гуннами, то булгарами, то русью. Первенство Киевскихъ князей обозначается возстаніемъ всей Руси, въ 3 в. по Р. Х. на Готовъ-Дацианъ; подъ предводительствомъ Бьянскаго князя Гано было сто русскихъ князей...» (Ат. ст. 70, 67, 93, 117). «Въ V в. тоже первенство: вся Русь поднимается сначала подъ предводительствомъ Бьянскаго князя Болемира, потомъ довершаетъ побѣды подъ предводительствомъ Аттилы. Сынъ датскаго короля, Фродо III, Фридлевъ, рожденный отъ Гануцы, дочери Гуннскаго царя, воспитывался у дѣда своего, въ Россіи (in Russia).» (Тамъ же, ст. 117—118). Въ названіяхъ прибалтійскихъ славянъ руговъ, рутеновъ, нѣкоторые видятъ также, искаженное иноземцами, названіе Русовъ. «Нѣмецкіе лѣтописцы называютъ Ольгу — *Helena regina Rugorum*, а островъ Рую,—*Rugia sive melius Ruscia*. Прилегающій къ устью Нѣмана морской берегъ именовался русскою землею: вывести Русь изъ русской земли, говоритъ г. Геденовъ, было легко.» (0 вар. вопр. ст. 52). «Исторія, выводы лингвистическіе, соображенія здраваго смысла, продолжаетъ онъ, убѣждаютъ насъ, что варяжское имя родилось не у Норманновъ; это имя не ученое, неизобрѣтенное, не перенесенное въ раннія времена изъ позднѣйшихъ; оно жило въ русскомъ народѣ; о немъ свидѣлствуютъ какъ названія мѣста и людей, такъ и достовѣрные историческіе документы... Въ древне балтійско-славянскомъ словарѣ, въ числѣ уцѣлѣвшихъ и собранныхъ въ концѣ XVIII ст. древлянскихъ словъ, находимъ: *warang*, мечъ. Вотъ живое слав. слово, соответствующее, какъ по строенію, такъ и по смыслу словено-русскому.—*варягъ*; едва ли нужно доказывать однозначимость мечника и меча. При непрерывныхъ сношеніяхъ съ Норманнами, Балтійскіе воинственные Венды, то дружили съ ними, то воевали; у Нормановъ отчаянные храбрыцы назывались *Vikingar*, у вендовъ имени *viking* соответствовало *варягъ*, варяги, почему и самое море звалось Варяжскимъ.» (0 вар. вопр. ст. 142—162).

13) См. выше, прим. 9.

14) Описаніе это славянскихъ племенъ, по ихъ мѣстностямъ,

заимствовано изъ соч. Венелина, о Болгарахъ и Саведьева, о древ. славянахъ. Всѣ поименованныя племена, въ томъ числѣ и Боевъ, они причисляютъ къ племенамъ славянскимъ. Не опровергая и не поддерживая этого воззрѣнія, можно однако согласиться, кажется, что всѣ древнія народныя или племенныя названія, въ которыхъ слышатся прозвища ваковъ и виндовъ, должны неоспоримо принадлежать племенамъ чисто славянскимъ. Къ такимъ мѣстностямъ относится и Винделиція, страна въ Германіи, гдѣ жили древніе франки (нынѣшняя Франконія). Г. Бергманъ полагаетъ, — «что родовое имя Frank произошло отъ Frau (господинъ, слав. Правъ или Прій), собственное имя слав. божества, (р. Frauink, issu de Frau); а отъ этого и имя Франковъ (Franks), которые, живя въ сосѣдствѣ славянъ, имѣли полное право производить свой родъ отъ ихъ божества, тѣмъ болѣе, что франки, поселившіеся потомъ на Рейнѣ, назывались Volsings, (происходящими отъ Волоса), отъ слав. бога Волоса (Vols), который почитался сыномъ Frau (Прія)». (Fasc. de Gulf, p. 26). «Этого-то бога Fro (господинъ) нѣмецкія племена, вѣроятно, и называли Hlav-Verts (кормильцемъ, Donne-pain, laib-wirts). Франки воздвигли Волосу престолъ (un autel) и сдѣлали на этомъ престолѣ руническими буквами, заимствованными изъ греческой азбуки, слѣдующую надпись: «Волосу, сыну бога-Кормильца», — (fils de Hlav-virt). Римляне, обитавшіе на Рейнѣ, слыша отъ франковъ, что слово Voloss значитъ бродячій (пастухъ?) и видя на его престолѣ надпись греч. буквами, вообразили, что Волосъ никто другой, какъ греческій герой Uluss (Ulyss), сынъ Лаарта, символъ бродячаго Солнца (V. Tacit, Germ. c. 3), и что Улиссъ, достигнувъ во время своего странствованія береговъ Рейна, сдѣлался родоначальникомъ этихъ Volsings». (Les Gët, p. 200). Дѣйствительно, Велесъ или Волосъ, — богъ чисто славянской: онъ только особое прозванье Громовника, какъ пастыря небесныхъ стадъ, облаковъ, онъ же у славянъ и богъ поэзіи, — Баянъ называется «Велесовымъ внукомъ». Подобно греч. Аполлону, онъ пастухъ, скотій богъ, и занимаетъ второе мѣсто за Перуномъ. Вечерадъ сравниваетъ его съ Паномъ. У чеховъ существуетъ поговорка: zbletèt nèkam za morè k Welesu, пропасть невѣдомо куда. Въ Рязанской губ. велесъ (велѣць) означаетъ распорядителя, укащика, подобно тому, какъ санскр. go—ra, сначала означаетъ пастуха, а потомъ родоначальника, царя. Отъ санскр. же корня pa (pasco, пасти), происходятъ: Pan, — богъ пастуховъ у грековъ и римлянъ, и славянъ: панъ, — господинъ и пастырь; послѣдній, не только какъ пастухъ, но и какъ священникъ и царь пастыри народа. А какъ земные урожаи зависятъ отъ дождя, проливаемаго небесными стадами, тучами; то Велесъ почитается у насъ и богомъ земледѣльцевъ: почему и существуетъ извѣстный обычай, завивать Волосу бороду, т. е. оставлять въ полѣ кустъ несжатого хлѣба, Волотѣ на бородку». (Аф. т. I,

ст. 474, 401—402. 691—696, 697, 698). Венелинъ же полагаетъ, и нѣкоторые другіе съ нимъ, что какъ римляне назвали вообще слав: и нѣм: племена, жившія между Рейномъ и Эльбой, Германіей, т. е. бравонщиной, по ихъ родственному сходству между собой; такъ точно они дали и название Франковъ жителямъ слав. земли Випделлиціи, т. е. людей свободныхъ: такъ какъ они не имѣли надъ собой во главѣ князя, чего почти не встрѣчалось между другими славянскими племенами. Весьма возможно, что франки соорудили алтарь Велесу, какъ родному божеству, а можетъ быть, какъ и своему родоначальнику, такъ какъ еще древніе скифы считали себя происходящими отъ бога Солнца. Что же касается до надписи руническими буквами, то и у славянъ были также своего рода руны, полученные отъ грековъ Ольвіополя. Черноуонецъ Храбръ (XIII в.) говоритъ: «прежде оубо славяне не имѣли писменъ, нѣ чрхтами и нарѣзми чтѣху и гадаху еще ещѣ погани». Отсюда видно соотвѣтствіе славянской чары съ скандинавской руною. Слово же чара употребляется, какъ волшебное средство, лѣкарство, отравы (злое зѣлье), предвѣщаніе; а у чеховъ сага, саска—черта». (Аф. т. I, ст. 412).

15) Въ пастушескомъ состояніи жертвоприношенія совершались главою семейства или племени, который приносилъ въ жертву лучшихъ животныхъ изъ своего стада; а потомъ, чтобы лучше расположить къ себѣ божество, стали приносить въ жертву и значныхъ плѣнниковъ. Убивали жертвенное животное, и снявши съ него кожу, мясо жарили на кострѣ или варили въ котлахъ, сожигая отобранную для бога часть тутъ же на огнѣ или развѣшивая эти части по деревьямъ. По собранной въ особыхъ котлахъ крови, производились гаданья, а потомъ слѣдовалъ общій пиръ и попойка до опьяненія. Такъ было у скифовъ, такъ было и у древнихъ славянъ и нѣмцевъ (Les Gët. p. 274—280). У славянъ, на Балтійскомъ поморьѣ и на Лабѣ, жертвы приносились жрецами передъ идолами, передъ священными деревьями и даже передъ пнями или столбами, какой стоялъ въ Волинѣ,—и едва ли, одинъ изъ остатковъ которыхъ не стоитъ еще въ Вѣнѣ, на площади близъ церкви св. Стефана. Въ иныхъ мѣстахъ никто, кромѣ главныхъ жрецовъ, не смѣлъ вступать ни въ святилище, ни въ священныя роши, обнесенныя тыномъ; въ другихъ же скрывали отъ народа и самое лице бога или богини,—(увиѣвъ ихъ значило умереть), какъ напр. Магери-Земли. Жрецъ, заколовъ жертву, оубѣждалъ ея крови, чтобы вдохновить себя къ прорицаніямъ. Боги считались высшими владыками страны; подъ ихъ особеннымъ покровительствомъ были кутины или гонгины (по мнѣнію г. Велелина, гостины), куда соирались для совѣта и пировъ. (Исг. Балг. сл. ст. 197—238). Жрецовъ приносили жертвы сами вожди, какъ видно изъ пѣсни о Забоѣ. О нашихъ русскихъ жертвоприноше-

нѣхъ осталось мало преданій; мы знаемъ только, что у насъ приносились также и человѣческія жертвы, что древніе руссы имѣли также священные лѣса, поклонялись идоламъ, источникамъ и рощеніямъ, деревьямъ. Изъ дошедшей до насъ одной древней пѣсни можно видѣть, что общественныя жертвы приносились въ священномъ лѣсу, старѣйшиной или жрецомъ; при этомъ стояли скамьи, на которыхъ, вѣроятно, садился народъ, горѣли костры, кипѣли котлы, или жертву топили въ водѣ, и т. д.

16) Извѣстно, что землевладѣльцы начали постоянно жить въ своихъ имѣніяхъ, т. е. въ принадлежащихъ имъ сельскихъ замкахъ, и что на Западѣ, въ прежнихъ римскихъ областяхъ, появились дружинное начало и самостоятельная личность, только съ нашествіемъ сѣвер. варваровъ, которые принесли все это съ собою, такъ какъ у римлянъ была только жизнь городская и всякая частная личность исчезала въ званіи гражданина и воина. (Hist. de la civil: en Europe, par Guizot).

17) Историческій Аттила, завоевавши всѣ страны отъ Дуная и Дона до Рейна, долженъ былъ имѣть у себя въ войскѣ представителей не только славянъ, но и самыхъ разнородныхъ племенъ, стоявшихъ еще на самой низкой степени развитія, также и племенъ ближайшаго Востока, какъ напр. хозары. Точно такую обстановку его изображена и въ героической поэмѣ: Нибелунги.

18) Семь ангельскихъ волосовъ, а по другимъ редакціямъ, два такихъ волоса, и самое имя Самсона, переносятъ насъ въ міръ библейскій; но преданіе о золотыхъ волосахъ существуетъ и въ язычествѣ. По словамъ г. Афанасьева, одна нѣмецкая сказка упоминаетъ о чортѣ-драконѣ, съ тремя золотыми волосами; таже сказка, въ норвежской редакціи, говоритъ о трехъ перьяхъ, вырванныхъ изъ хвоста убитаго дракона. И. Гриммъ сближаетъ эту сказку съ старинной сказкой о Торкилдѣ (Торѣ), который у царя вашкановъ, по ту сторону великихъ водъ, вырвалъ одинъ изъ его огромныхъ, коню-подобныхъ, волосъ. «Любуясь на золотистый извивъ молніи, продолжаетъ г. Афанасьевъ, па ающей изъ черной тучи тонкой нитью на землю, древній человѣкъ выразилъ это явленіе въ поэтическомъ сказаньи о драконѣ, у котораго богъ-Громовникъ вырываетъ золотой волосъ; съ каждымъ утраченнымъ волосомъ чудовище болѣе и болѣе теряетъ свою силу. Греческія сказки утверждаютъ, что сила дракона именно заключена въ трехъ золотыхъ его волосахъ; а русская былина, связывая стародавній мифъ съ библейскимъ преданіемъ о Самсонѣ, говоритъ, что у Самсона-богатыря «семь власовъ ангельскихъ». Въ старину думали, что волосы дѣлаютъ колдуна нечувствительнымъ къ боли... «(Т. II, ст. 770—771). Затѣмъ.—«самое это приравненіе Самсона-богатыря къ древнимъ сѣверн. великанамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Святогоръ, свидѣтельствуетъ, что народная фантазія произ-

вела его изъ первобытнаго образа этого послѣдняго; а потомъ, давши ему эти золотые или ангельскіе волосы, она не задумалась сдѣлать его, какъ новую уже личность, какъ бы освященную именемъ Самсона и этими чудесными волосами, крестнымъ отцомъ Ильи Муромца, — что съ другой стороны впрочемъ истекаетъ само собою и изъ того языческаго преданія, что Святогоръ былъ нѣкогда воспитателемъ или учителемъ Ильи, въ похваткахъ богатырскихъ, какъ нѣкогда Полканъ центавръ молодаго Ахиллеса».

19) ~~Какимъ образомъ совершилось превращеніе древняго Шумана, дива или богатыря засухи, Царя-огня, въ Сухмана, дѣснаго богатыря — богатыря — Сухманъ.~~ Огненные начала могли въ немъ оставаться и послѣ этого превращенія, также какъ древній богъ Агни тавитъ еще въ сканд. героѣ Нёгни или Гагенѣ. «Какое бы ни было первоначальное значеніе Сухмана, говоритъ г. Буслаевъ (Р. вѣстн. 1862, Марта, ст. 35), но былина о немъ даетъ ему смыслъ совершенно противоположный тому, какой можно бы ему дать на основаніи словопроизводства. Также, какъ Донъ и Дунай, онъ даетъ начало рѣкѣ... Происхожденіе рѣкъ отъ крови убитыхъ героевъ или точнѣе великановъ, безъ сомнѣнія, основывается на древнѣйшихъ космогоническихъ преданіяхъ, о происхожденіи вообще воды отъ крови... Преданіе о кровавомъ потоцѣ входило въ составъ нашего національнаго эпоса (въ легендѣ о Егоріи)... Г. Миллеръ, подъ именемъ древняго Сухмана, видитъ другаго, новѣйшаго богатыря и причисляетъ его къ той эпохѣ, когда «поздній Владиміръ — не прежнее ясное солнышко былевое, а солнце затмившееся», — когда вокругъ князя ужъ вѣрные холоцы, этотъ позднѣйшій дворской людъ, и самъ князь считается ласковымъ, только по прежнему прозвищу». (Ил. Мур. ст. 617—620). Во всякомъ случаѣ, поклоненіе Зичу можно почитать поклоненіемъ небесному, живому, царю — Огню (Агни), сыну Солнца, отъ кого произошелъ и древній Сухманъ, образъ котораго особенно поразителенъ въ дѣсныхъ пожарахъ. (См. 5 прим. къ III пѣсн.).

20) Въ образѣ Васьки Буслаева, сына угрюмаго, строгаго посадника Новгородскаго, наши былины олицетворяютъ расходившуюся удаля Новгородской вольницы и городскихъ усобицъ. «Былины о Васильѣ Буслаевѣ, говоритъ г. Буслаевъ, всего ярче рисуютъ древній Новгородскій бытъ. Съ именемъ этого героя народъ эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ Новгородскихъ партій и о борьбѣ съ княжеской властью партіи, народной и городской. Старчище Пилигримше уговариваетъ богатырское сердце Василья, чтобы не билъ новгородскихъ мужиковъ; но онъ и его убиваетъ или гонитъ прочь. Онъ на столько же разбойникъ, на сколько и тѣ пресловутые рыцари, которыхъ воспѣвали западныя трубадуры; но былина какъ бы хочетъ примирить насъ съ юна-

шескими его увлеченіями. «Съ молоду бито много, граблено: подь старость надо душу спасти». говоритъ Василій и отправляется въ Іерусалимъ; но и тамъ не можетъ укротить своего нрава, и гибнетъ, желая смочить задомъ черезъ (чудесный) бѣлъ-горючъ камень». (Руск. вѣстн. 1862, Окт. 545—549). По другимъ же преданіямъ, Василій утонулъ въ морской тысячеглазой пучинѣ. Г. Миллеръ находитъ въ немъ сходство съ Вольгой Всеславичемъ, который въ одной былинѣ даже и названъ неправильно Буслаевичемъ (конечно, по ошибкѣ); а въ старшинѣ Иллигримищѣ (искаженное слово) видитъ древняго отца или сосѣда богатыря Святогора, слѣпаго старчище, многолѣтище Билогремиче, носившаго на головѣ колоколь въ триста пудовъ, ударяя въ который онъ скликалъ по темнымъ лѣсамъ свою дружину, и также напоминающаго того баличичу, что встрѣчается въ разныхъ былинахъ, а въ Новгородскихъ является крестнымъ отцомъ Василья. (Ил. Мур. ст. 193, 200, 240—241). Василій является даже и при дворѣ кн. Владиміра, въ Кіевѣ, и бьется тамъ, вмѣстѣ съ другими богатырями Владимірова круга, въ глазахъ князя, потѣшнымъ боемъ съ Дюкомъ (выходцемъ изъ Поморской Волины, древ. Волина), который впрочемъ его побѣждаетъ, какъ и другихъ богатырей, хотя Васька и «удаль необычайно есть». (Тамъ же, ст. 608). По мнѣнію г. Квашнина-Самарина, Васька ищетъ также, слѣдующаго ему по наслѣдству отъ отца, посадника Буслая Буслаевича, первенства или главенства въ Новгородѣ. (Р. вѣст. 1874, Окт.). ~~Замѣтитъ кстати, что Новгородъ уже исторически извѣстенъ въ III—IV столѣтіи во время завоеваній готскаго Эрманарика, — подь названіемъ~~
 Нового

10
 21) Какъ Васька Буслаевичъ есть представитель Новгородской вольницы, такъ Садко, богатый гость — представитель богатаго Новгородскаго купечества, издревле имѣвшаго сношенія съ западомъ. Если въ этомъ образѣ воплотилось, по мнѣнію г. Стасова, одно изъ буддійскихъ преданій, — именно, о королевичѣ тибетской поэмы, Дзанглунъ, — королевскомъ сынѣ Гедона, который отправляется въ обществѣ пятихъ купцовъ, чтобы добыть себѣ чудесный камень Чинтамани, для вспомошествованія бѣднымъ (В. Ев. 1868 г. Март. ст. 355); то буддійское ученіе начало еще за нѣсколько вѣк. до Р. Х. распространяться по Востоку, и эта легенда могла быть занесена вендами на Балтійское поморье, а оттуда потомъ въ Новгородъ, въ чьей области, по мнѣнію г. Гедеонова, были также древнѣйшія поселенія вендовъ. (О вар. вопр. ст. 160). Образовался ли нашъ славянскій Садко еще въ Волинѣ или въ другомъ богатомъ, торговомъ городѣ на балт. поморьѣ; но въ Новгородѣ онъ уже совершенно сложился въ славянскій типъ отважнаго торговаго гостя Новгородскаго или Варяжскаго; онъ разбѣжаетъ по морю и потомъ по Вѣлгѣ, отъ которой привозитъ по-

клонъ Ильмену; онъ приноситъ жертву рѣкамъ хлѣбомъ-солью и частью своего богатства, онъ даже спускается въ глубь моря,— можетъ быть, въ очень отдаленныя страны приморскія, и возвращается съ безсчетомъ богатствомъ. Его чудесныя гусли принадлежать еще къ мифическимъ преданіямъ; но въ славянскомъ быту не составляютъ анахронизма; также какъ и храмы, что онъ строитъ въ Новгородѣ, и которые дѣйствительно тамъ строились во множествѣ богатыми частными лицами. Если его первообразъ и можно искать въ Индіи или въ Тибетѣ; то нашъ Новгородскій Садко могъ всего скорѣе быть воссозданъ или явиться впервые, только на торговомъ Славянскомъ Поморьѣ или въ самомъ древнемъ еще Новгородѣ.

22) Г. проф. Буслаевъ, въ образѣ древняго, мифическаго Егорія, видитъ творца, устроителя русской земли, Финскаго Вейнемейнена русскаго космогоническаго эпоса (см. 35 прим. ко II пѣс.); но во времена христіанства, народная фантазія успѣла измѣнить, по чувству приличія, эту древнѣйшую языческую легенду, въ новую, чисто православную. Тотъ древній герой, устроитель русской земли, является ужь представителемъ, вводителемъ въ ней христіанства; онъ строитъ церкви, уничтожаетъ слѣды язычества, и посылаетъ креститься. Въ этомъ смыслѣ приведено это преданіе и здѣсь; какъ оно и значится въ народныхъ духовныхъ стихотвореніяхъ. (Кал. перех. ст. 449). По мнѣнію г. Шепинга, Егорій храбрый,— мифическій полубогъ, сознательный устроитель вселенной, одинъ изъ образовъ Ивана царевича; также, какъ потомъ и Микула, богатырь-пахарь, устроитель земли русской, т. е. древнѣйшій, полумифическій представитель осѣдлаго сельскаго народонаселенія. (Рус. нар. ст. 129—131). Въ настоящихъ стихахъ, — это уже устроитель въ русской землѣ, высшей степени тогдашняго ея развитія, — начинающагося православія.

23) По нашимъ полунсторическимъ преданіямъ, виновникомъ призванія варяжскихъ князей считается Гостомыслъ, такой же старѣйшина, представитель давно осѣдлаго народа, глава рода-племени, какъ и Микула; почему ихъ образы и значеніе въ этомъ отношеніи совершенно тождественны. Гостомыслъ въ этомъ призваніи дѣйствовалъ, какъ-бы самъ Микула, для котораго внутренній миръ и порядокъ были всего нужнѣе; можно сказать, что въ настоящемъ случаѣ они оба сливаются въ одинъ образъ. Призваніемъ же князей, прежній глава народный какъ-бы уступаетъ имъ свое мѣсто въ управленіи народа, и слагаетъ съ себя свои обязанности и отвѣтственность, которые прямо переходятъ на нихъ, отнынѣ правителей народныхъ. Одинъ лишь Микула могъ дать своей странѣ единство, чрезъ призваніе князей, а не черезъ завоеваніе,— и онъ, въ лицѣ Гостомысла, двойника своего, это сдѣлалъ; завоеванія начались уже позже.

24) Микула Селяниновичъ, т. е. пашъ сельскій народъ, остав-

ленный исторіей и сложившимся государствомъ еще въ сумракъ преданій, лишенный столь долгое время возможности выдти на свѣтъ Божій, живетъ, конечно, и понынѣ въ своемъ воображеніи подъ впечатлѣніями сказочнаго прошедшаго. У него своя исторія и, пожалуй, свои особыя вѣрованія, потерявшія давно всякое значеніе въ глазахъ людей образованныхъ. Самые богатыри еще живы, исключая тѣхъ, которые уплыли еще въ древности въ воздушныхъ ладьяхъ или тучахъ въ небесное царство Рода или окаменѣли на землѣ. Но послѣдніе также живутъ въ подземныхъ пещерахъ, и только ждутъ поры-времени, когда имъ будетъ можно явиться опять на свѣтъ вольный. Подсмотрѣвъ вначалѣ времени, что дѣлается у боговъ на небѣ, народъ перенесъ эти впечатлѣнія на землю. Вѣроятно, и прежде Кіева были мѣстности, священныя для народа, гдѣ онъ сосредоточивалъ боговъ и полубоговъ своихъ, и старшихъ богатырей, напр. Руйный островъ и другія мѣста. Кіевъ, среда старины, колыбель христіанства, мѣсто-пробываніе любимаго народнаго князя, котораго народъ почти одного и запомнилъ въ древности, замѣнилъ собой въ его воображеніи всѣ помершія въ христіанствѣ священныя мѣста древности, и сдѣлался русскимъ Асгардомъ, жилищемъ краснаго Солнца и его сподвижниковъ, — древнѣйшихъ преданій, уже золотыхъ зарей православія. Древніе боги превратились въ богатырей и обыкновенныхъ князей; языческіе образы начинаютъ смѣшиваться съ христіанскими, чудесное сливается съ преданіями историческими, — и все это вмѣшается въ стольномъ Кіевѣ, единственномъ мѣстѣ, что народъ нашелъ того достойнымъ. Доисторическій періодъ здѣсь раздвигается до начала времени и потомъ сливается съ исторіей; Донъ и Дунай истекаютъ кровью, Святогоръ-титанъ сидитъ возлѣ князя Владиміра, и въ тоже время, небо меркнетъ надъ Кіевомъ, отъ коннаго пара, облегающихъ его татаръ, литовцы и ляхи съѣзжаются на пиры Владиміровы. Иногда Кіевъ смѣшивается даже съ Москвою, древнѣйшіе языческіе образы совсѣмъ облекаются въ христіанскіе; но иначе и не могло быть: въ фантастическомъ Кіевѣ встрѣтились тѣ и другіе, и потомъ слились между собою, и окаменѣли, какъ тѣ богатыри, которыхъ высшая сила христіанства замкнула наконецъ въ пещеры. Микюла не могъ поступить иначе, и этотъ чудесный Кіевъ сталъ послѣднимъ его творчествомъ въ области всѣхъ древнихъ его преданій.

25) См. выше, прим. 10.

26) Преданія о сядняхъ начинаются еще въ Индіи; у насъ также, еще до Ильи, былъ долголѣтній сяднь Ивалъ, крестьянскій сынъ, въ которомъ г. Шешингъ видитъ древнѣйшаго Ивана царевича. «Какъ Илья Муромецъ, такъ и Иванъ царевичъ, продолжаетъ онъ, оба представители всей земли русской, преимущественно того сословія, которое тѣснѣе другихъ трудомъ своимъ непосредственно

связано съ землею». (Рус. нар. ст. 133, 134). Чудесная брага или вода, напившись которой, по требованію таинственныхъ пришельцевъ, Илья сталъ на ноги и мгновенно получилъ свою богатырскую силу, ведетъ свое начало еще отъ живой воды небесныхъ облаковъ, посредствомъ которой оживляется вся природа. «Чудодѣйственное пойло, говоритъ г. Буслаевъ, мотивъ обыкновенный не въ однѣхъ рус. сказкахъ». (Рус. вѣс. 1862. Сент. ст. 45). Но съ христіанскимъ развитіемъ народа, въ этомъ питъѣ слѣдуетъ представлять высшую исцѣляющую и обновляющую силу; по инымъ нашимъ преданіямъ, Илья подымаетъ съ сидѣнья Христосъ съ однимъ изъ апостоловъ или съ Николаемъ чудотворцемъ. Такимъ образомъ мифическая живая вода превращается въ воду жизни, въ духа свѣта и разумія. «Подновляя доисторическое преданіе христіанскими идеями, продолжаетъ г. Буслаевъ, народъ рассказываетъ даже, что Илья Муромецъ и сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ своего дѣда, ушедшаго въ монастырь, въ Киевъ, и будто бы Илья и всталъ впервые на ноги, когда возгласили въ церкви: Христосъ Воскресе, въ ночь на свѣтлое воскресенье, такъ что на этой позднѣйшей ступени подновленное преданіе какъ бы встрѣчается съ извѣстнымъ Ростовскимъ объ Аврааміи... (Тамъ же, ст. 45). Илья Муромецъ, въ которомъ олицетворились древній Перунъ и потомъ Илья пророкъ, покровители земледѣлія, и какъ герой, родившійся изъ крестьянъ, прежде всего и заявляетъ свои богатырскія силы въ трудахъ земледѣлія. Прежде всего онъ является богатыремъ-земледѣльцемъ, и этимъ показываетъ, что онъ преемникъ мифическаго Миккулы Селяниновича. Подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильей: такъ, даже древнѣйшія преданія о переворотахъ, совершившихся нѣкогда въ самой природѣ, муромскій народъ соединяетъ съ памятью о своемъ богатырѣ, говоритъ г. Буслаевъ, Около Мурома же и колодезь Ильи богатыря, и часовня, будто монументъ, въ честь его воздвигнутый: такова родственная связь самаго народнаго изъ русскихъ богатырей съ мѣстными интересами области, особенно знаменитой въ древней Руси поэтическими легендами». (Тамъ же, ст. 46).

27) Первообразъ знаменитаго коня богатыря нашего Ивана, гостинаго сына, г. Стасовъ находитъ въ индѣйскомъ божественномъ конѣ Уччасравасъ, что значитъ, къ наводстреннымъ ушамъ — сынъ облака, конь индры, конь бога воздуха и времени года. Двѣ сестры спорятъ о немъ и бьются объ закладъ, — впрочемъ не о скорости его бѣга, а о черной или бѣлой его масти, что указываетъ на космическія подробности. По смыслу разсказа, свѣтлый цвѣтъ долженъ побѣдить черный, т. е. бѣлый конь обогнать воронаго. Въ этомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ Магабгаратѣ, рѣчь идетъ только объ одномъ конѣ; но въ сказкахъ Сомадевы говорится уже о нѣсколькихъ коняхъ... (В. Евр. 1868). Конь Уччасравасъ едва

ли не можетъ считаться и первообразомъ кобылки Микулиной; кобылка эта называется: Обнеси голова и Подыми голова; а конь Магабгараты, съ наостренными ушами; она же почитается и родоначальницей чудесныхъ коней Ильи, Добрыни, Дюка и Чурилы; но въ числѣ ихъ коня Ивана гостинаго, бурушки-каурушки, не упоминается. Объ этихъ коняхъ, также о чудесныхъ мечяхъ и стрѣлахъ нашихъ былииъ, см. Рус. гер. эп. г. Буслаева, (Рус. вѣст. 1862. Сент. 94, 97, 98, 99).

28) Вооружившись богатыремъ, Илья Муромецъ отправляется какъ будто прямо въ Кіевъ, куда ужъ тянетъ всѣ живыя силы земли русской; однако мы видимъ его вдругъ на дальнемъ сѣверѣ, гдѣ онъ какъ бы запасается силой и подвигами, чтобы предстать въ Кіевъ богатыремъ извѣстнымъ, достойнымъ своего призванія. По одному сказанію, онъ получаетъ богатырскую силу еще дома, въ селѣ Барачаровѣ; «по другому, говоритъ г. Буслаевъ, Илья наследуетъ силу отъ Святогора, который, въ качествѣ старшаго богатыря, титана, служить какъ бы посредникомъ между богомъ Перуномъ-Торомъ и Муромскимъ богатыремъ». (Рус. вѣст. 1862. Сент. ст. 47). Едва ли эти сказанія не пополняютъ одно другое: принявъ силу нравственную, духовную, которая подняла Илью-сидня на ноги, Илья долженъ еще усвоить богатырскія хватки или приемы силы богатырской, физической, или дополнить эту силу силой нравственной, если Илья былъ знакомъ съ Святогоромъ еще прежде сказаннаго своего сидѣнья,—какъ думаютъ нѣкоторые. И вотъ, титанъ Святогоръ учитъ его первымъ и передаетъ ему часть своей силы титанической. «Народъ какъ бы заставляетъ своихъ богатырей раздѣлять свой собственный взглядъ, говоритъ г. проф. Миллеръ, и видитъ ту рѣшительную необходимость переимѣнить ихъ, которая на языкѣ древнихъ вѣрованій носитъ наименованіе рока, судьбы. Для Святогора богатыря, по народному представленію, уже окончательно произнесенъ приговоръ,—сойти съ лица земли (Ил. Мур. ст. 245): и самъ богатырь Святогоръ дѣлаетъ Илью своимъ преемникомъ, какъ личность болѣе уже подходящую къ новой эпохѣ. Какъ Перунъ, такъ и Торъ, оба они, оставаясь покровителями земледѣльцъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и враги нечистой силы, мстители за оскорбленныхъ и угнетенныхъ. Первый даже бросаетъ громы и молніи, копья, стрѣлы и градъ, на цѣлую деревню, немилостивые жители которой не хотѣли дать ночлега Дѣвѣ Богородицѣ, во время ея странствія по землѣ. Въ этомъ преданіи, конечно, Богородица заимѣла древнее небесное божество Dēwa (Дива, нашихъ старин. памятниковъ). (Аф. т. I, ст. 225). Какъ и слѣдовало, Илья Муромецъ наследуетъ отъ своихъ первообразовъ и эти благородныя качества, и становится покровителемъ вдовъ и сиротъ, всѣхъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и врагомъ древней демонической или титанической силы.

Онъ даже не хочетъ кровавить своего меча кровью христіанской, что и исполняетъ при встрѣчѣ съ разбойниками.

29) Илья муромецъ, какъ новый образъ древняго Громовника, является изъ того древняго стихійнаго міра,—представителемъ уже новаго христіанскаго богатства. «Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихи, говоритъ г. Буслаевъ. Не ихъ ли должно разумѣть подъ старшими богатырями, которые неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю поѣздку?» (Рус. вѣст. 1862, мар. ст. 23). Изъ этого можно вывести прямое заключеніе и о личности Соловья разбойника. Въ то время, какъ Илья муромецъ изъ образа Перуна превращается въ образъ свѣтлаго русскаго богатыря; въ то же время народная фантазія превращаетъ и Соловья, древняго стихійнаго представителя грозы и бури, а потомъ главу дивовъ,—въ лѣснаго разбойника. Г. Квашинъ-Самаринъ видитъ въ немъ представителя вятичей, крестившихся лишь при Мономахѣ, или разбойника Могута (Бесѣда, 1872 г. IV.); а г. Буслаевъ, усматривая въ немъ также главу отдѣльнаго племени (Рус. вѣст. 1862, мар. ст. 59, 60), въ одной изъ послѣдующихъ статей своихъ говоритъ: «замѣчаніе Каспари, что высшія деревья, привлекающія на себя громовые удары, должны были естественно стать у многихъ народовъ первоначальнымъ мѣстомъ для жертвоприношеній, кажется, слѣдуетъ облизить съ обычаемъ нѣкоторыхъ дикарей селиться на деревьяхъ. Въ такомъ случаѣ, Соловей разбойникъ, гнѣздящійся на девяти дубахъ, какъ разъ, будетъ соответствовать жрецу Соловью, упоминаемому въ Якимовской лѣтописи; тѣмъ болѣе, что литовская хроника знаетъ именно такого жреца, который былъ найденъ на деревѣ въ орлиномъ гнѣздѣ, почему и названъ былъ Лыдзейко, (отъ лит. слова: lizdas, гнѣздо.» (Рус. вѣст. 1873 г. окт. ст. 746).

30) Извѣстно, что пораженіе Соловья разбойника, котораго Илья муромецъ потомъ везетъ въ торокахъ у сѣдла въ столичный Кіевъ, почитается въ народѣ главнымъ подвигомъ Ильи; почему этотъ подвигъ его и есть самый общезвѣстный. Совершивши такой подвигъ, Илья могъ считать себя въ правѣ, предстать предъ красное Солнышко Владимира и занять мѣсто въ средѣ богатырей его, въ Кіевѣ.

Въ 6-й пѣсни.

1) Съ развитіемъ въ народѣ государственныхъ началъ, древній мифическій Кіевъ, нашъ русскій Асгардъ Солнышки - краснаго и его богатырей, начинаетъ превращаться въ обыкновенный столичный городъ, мать городовъ русскихъ; а князь красное Солнышко и богатыри его—въ обыкновеннаго столичнаго князя, окруженнаго обыкновеннымъ дворомъ, и въ дружинниковъ. Старшіе богатыри, одинъ за другимъ исчезаютъ; остаются только дворъ и дружина. Въ Кіевѣ появляются золотыя маковки церквей; языческіе капища переходятъ въ православныхъ паломниковъ; самъ Владиміръ, бывшій божественный родоначальникъ славянъ, какъ будто постарѣлъ, и въ немъ уже начались старческія брюзгливость и подозрительность. Онъ охотно слушаетъ придворныхъ льстецовъ и наушниковъ; къ старшимъ богатырямъ не имѣетъ болѣе довѣрія, да не особенно ужъ дорожитъ и новыми, которыхъ совсѣмъ заслонилъ его дворъ, князя и бояре. Печать древности еще лежитъ на его мифической обстановкѣ и на немъ самомъ, но врывающіяся уже отсюду государственныя и сословныя начала и новый свѣтъ начинаютъ придавать имъ новый характеръ и новое освѣщеніе. Илья муромецъ, по всѣмъ народнымъ рассказамъ, пріѣзжаетъ въ столичный Кіевъ именно въ эту пору, т. е. во дни уже христіанства, и самъ христіаниномъ; Самсонъ богатырь почитается крестнымъ отцомъ его. Хотя онъ и застаётъ у Владиміра еще Святогора; но это, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ въ былинахъ анахронизмовъ: всего скорѣе, кажется, подъ этимъ именемъ надо разумѣть того самаго крестнаго отца его, Самсона. Добрыня, племянникъ Владиміра, называется уже княземъ Рязанскимъ; нѣкоторые изъ другихъ богатырей, какъ напр. Чурила, имѣютъ придворныя должности; другіе, какъ Донъ и Дунай, ѣздятъ въ дальнія страны послами или стоятъ на богатырскихъ заставахъ. Мифологія смѣшивается уже съ историческими преданьями, что и продолжается до Московскаго періода, покуда торжествующая Москва даетъ новый характеръ и странѣ, и народу, оставивши баснословный, но всетаки священный, древній, народный Кіевъ въ туманѣ.

2) Меньшая дочь Микулы, которую по древнѣйшимъ арійскимъ преданьямъ, слѣдовало бы, кажется, называть Пріей, Правой, а потомъ Ваной, (см. 24 прим. къ II пѣсни), въ нашихъ былинахъ является уже подъ христіанскимъ именемъ Марьи, — и кромя этого обновленнаго или совсѣмъ новаго имени, нѣтъ о ней больше, повидимому, никакихъ преданій. Старшая ея сестра, Василиса (Грозная), вышла замужъ за боярина Ставра; а другая сестра, Настасья, (Поленица) за Добрыню; о ней же ни слова. Но ни въ сказкахъ,

ни въ пѣсняхъ ея образъ и ея подновленное имя не исчезаютъ, и она величается суженой Ивана царевича. «Замѣчательно, говоритъ г. Шепшингъ, что какъ въ сказкахъ суженая Ивана (царевича) большею частью носятъ имя Марья, такъ и въ пѣсняхъ и въ приговорахъ народъ постоянно любитъ соединять эти два имени; таково, напр., названіе цвѣтка Иванъ да Марья, или, — Иванъ въ дуду играетъ, а Марья съ голоду умираетъ; Иванъ былъ въ ордѣ, а Марья вѣсти сказываетъ; Иванъ Марья не слушаетъ, и пр.

Какъ нынче Иванъ съ Марьёу
За однимъ столомъ сидятъ,
Какъ нынче Иванъ съ Марьёу
Все одни яства ѣдятъ.

Или:

Иванъ да Марья
На горѣ купались,
Гдѣ Иванъ купався,
Тамъ вода колыхався;
Гдѣ Марья купались,
Тамъ трава растилался.“

«Замѣтимъ еще, что какъ въ нашихъ мифическихъ преданіяхъ имя Ивана слилось и отождествилось съ прозвищемъ Бупалы; такъ въ купальныхъ пѣсняхъ, въ особенности въ Малороссіи, весьма часто слышится соединеніе именъ Бупалы и Маренички, Мары или Марены, бывшей нѣкогда названіемъ языческой богини осени, которое могло легко имѣть вліяніе на выборъ въ нашихъ пѣсняхъ имени Марья. Въ сербскихъ же пѣсняхъ, нашъ русскій Иванъ, что у насъ помѣщается въ пѣсняхъ возлѣ Марья, замѣняется именемъ Ильи громовержца; такъ что и Марья получаетъ значеніе Громовержцы. (Рус. народ. ст. 126). А г. Афанасьевъ говоритъ: «какъ Илья пророкъ смѣнилъ въ народныхъ повѣрьяхъ и мифическихъ сказаньяхъ Перуна; такъ точно древнее поклоненіе языческой богинѣ весеннихъ грозъ и земнаго плодородія — Фрей или Ладѣ перенесено на пречистую Дѣву-Марію: почему сербы и называютъ богородицу Огненной Маріей, и въ пѣсняхъ говорятъ о ней, какъ о сестрѣ Ильи Громовитаго. При раздѣлѣ вселенной, Илья взялъ грома небеснога, а Марија муну и стріелу; а на свадьбѣ Мѣсяца ей достался живой огонь. Илья громомъ бие, а Марія муньомъ пали: такъ возлѣ грома, олицетвореннаго въ мужескомъ образѣ, является молнія, олицетворенная въ образѣ женскомъ, — представленія, согласныя съ грамматическимъ родомъ того и другаго слова. Въ малороссійскихъ же и галицкихъ колядкахъ поютъ о Богородицѣ, что она засѣваетъ и поливаетъ землю...» (т. I

ст. 483, 486). Почему, признавъ Перуна и Ивана царевича за первообразы Ильи Муромца, слѣдуетъ заметить, что ~~Ивановна~~ жена этого послѣдняго въ нашихъ былинахъ никто иной какъ та же Марья, древняя Прія, Права и Вана. Она выѣзжаетъ даже однажды воевать, вмѣсто своего мужа Ильи, назвавшись его именемъ и надѣвши на себя его доспѣхи; какъ одна и изъ древнихъ героинь нашихъ царь-дѣвица или Василиса, въ сказкахъ, постоянно странствуетъ и сражается, подъ именемъ Ивана царевича. Имена Ивана и Марьи вообще такъ тѣсно связаны между собою, что носившіе ихъ, Иванъ царевичъ и древняя Прія, принявши въ народѣ эти имена христіанскія, оба исчезаютъ почти въ одно время или замѣняются другими образами.

3) По инымъ былинамъ, когда Илья пріѣзжаетъ въ первый разъ къ кн. Владимиру, о немъ уже тамъ слышали, его ужъ знаютъ; по другимъ, Илью принимаетъ князь Владиміръ за самохвала, и съ перваго же свиданія Илья ссорится съ нимъ и уѣзжаетъ изъ Кіева. Г. Миллеръ относитъ эту ссору къ позднѣйшему времени (Ил. Мур., ст. 650); ссора эта возникла изъ-за того, что князь посадилъ его за столъ на низшее мѣсто. Если про Илью уже знали у кн. Владимира; то подобная обида могла дѣйствительно показаться Ильѣ обидой предумышленной; по если онъ явился впервые, какъ богатырь еще неизвѣстный, и его пріѣздъ предупредилъ молву о пораженіи Соловья разбойника; то обижаться Ильѣ, что посадили его ниже другихъ богатырей, было нечего. Такъ и выходитъ по ходу былинъ; сначала Илья нисколько этимъ не обижается, но самъ очищаетъ себѣ мѣсто противъ князя, одно изъ почетнѣйшихъ, какъ видно, между богатырями. «Попавши въ ряды княжеской дружины, говоритъ г. Буслаевъ, Муромскій богатырь долженъ былъ утратить свою прежнюю самостоятельность. Онъ ужъ не идеаль мужика-пахаря, не великанъ Селяниновичъ, а представитель сельскаго, крестьянскаго сословія при княземъ дворѣ. Это ужъ новая эпическая личность, не имѣющая ничего общаго съ идеаломъ независимаго Муромскаго крестьянина, сочетавшимъ въ себѣ память о Перунѣ и великанѣ Селяниновичѣ съ христіанскимъ именемъ Ильи Пророка.» (Рус. вѣс. 1862, сент. ст. 54). Однако Добрыня (древній Кришна) и Чурила (древній Чуръ) должны были узнать своего прежняго товарища, отчасти даже двойника ихъ, Громовника, въ образѣ Ильи Муромца. Вотъ почему Добрыня какъ будто и намекаетъ, что онъ въ этомъ новомъ образѣ древняго Громовника еще не видывалъ, хоть и знаетъ всѣхъ могучихъ богатырей; а слышалъ только, наслышкой человѣческой, что ему въ бою смерть не писана. По этому же самому, можно думать, и самъ Илья велитъ разбойникамъ, которыхъ смирилъ онъ, передать о немъ извѣстіе Чурилѣ. Весьма естественно послѣ этого, что Илья потомъ дружится особенно съ

Добрыней; они даже крестовые братья, но разсказу былины, которая вмѣстѣ съ тѣмъ намекаетъ и на начинающуюся уже сословную разнь между богатырями, въ лицѣ завистливаго поповича Алеша, этого Лопи русскаго эпоса.

4) Сохранившееся въ былинѣ преданіе о приѣздѣ сыновей Соловья разбойника, чтобы выкупить ихъ отца изъ плѣна, еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе г. Квашнина-Самарина и г. Буслаева, что народъ разумѣетъ въ этой личности также главу разбойниковъ, Могуту, или начальника какаго нибудь племени, хоть въ немъ и остается еще мифическій характеръ древнѣйшей эпохи. «Онъ составляетъ съ своей семьей особую породу; всѣ его дѣти на одно лице, говоритъ г. Буслаевъ, дочери у него вѣщія; старшая, Невея, одна изъ сестеръ лихорадожь, была даже, по преданію, перевощицей (на Дунай-рѣкѣ), какъ-бы олицетвореніемъ рѣки Смородины; сыновья или зятья его (такъ какъ они женаты на своихъ родныхъ сестрахъ), оборачиваются въ вороновъ, съ желѣзными клювами.» Г. Буслаевъ находитъ сходство въ Соловѣ и съ сербскимъ старѣйшиной дивовъ, которые, въ числѣ семидесяти, живутъ на Дивской планинѣ (горѣ), въ пещерѣ, какъ циклопы, которыхъ нѣкогда посѣтилъ Одиссей. «Нѣкто Іованъ потомъ перебилъ всѣхъ семьдесятъ этихъ дивовъ; но дивскій старѣйшина вошелъ въ любовь къ матери Іована, который однако восторжествовалъ и надъ нимъ. Въ другихъ народныхъ сказкахъ мѣсто Соловья разбойника и дивскаго старѣйшины замѣняетъ змій.» (Рус. вѣс. 1862, мар. ст. 26, 60). Извѣстно также, что, по одному истор. преданію, князь Владиміръ не хочетъ казнить разбойника Могуту, а предполагаетъ заключить его въ монастырѣ, чтобы онъ кончилъ дни свои въ покаяніи.

5) Приѣхавши въ Кіевъ, Илья Муромецъ застаётъ тамъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ старшихъ богатырей, и еще совсѣмъ новыя, малоизвѣстныя мифическія личности, въ которыхъ совсѣмъ уже отразился характеръ новой эпохи и даже позднѣйшаго времени. Между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе совершенно новая личность, по недавно-открытой г. Гильфердингомъ былинѣ въ Олонцкой губ.,—Илья темный. Этотъ ново-открытый богатырь какъ будто изображаетъ собой и своимъ именемъ темную сторону свѣтлаго образа и имени Ильи Муромца. Онъ сынъ темной ночи и дикой удали, какъ будто первообразъ атамана Волжскихъ разбойниковъ. И дѣйствительно, начало былины о немъ происходитъ на Волгѣ; но потомъ онъ является и у князя Владиміра, въ Кіевѣ. На Волгѣ онъ умерщвляетъ, въ разбойничьемъ наѣздѣ, своего гостепріимнаго кума, князя Карамышевскаго; а въ Кіевѣ, за этого князя отмщаетъ сынъ его, Василій Казиміровичъ, и убиваетъ Илью темнаго, въ присутствіи Владиміра, въ единоборствѣ: почему г. Квашнинъ-Самаринъ и полагаетъ, что вмѣсто слова Казиміровичъ слѣ-

дуетъ читать Барамышевичъ, такъ какъ это должна быть одна и таже личность съ Васильемъ Казиміровичемъ и Васильемъ-пьяницей нашихъ былинь. (Рус. вѣс. 1874 г. окт. ст. 777—785). Во всякомъ случаѣ, изъ этой новой былины видно, до какой степени настоящій Илья Муромецъ близокъ народному духу; народная фантазія, не удовольствовавшись его свѣтлымъ, древнимъ образомъ, создала еще, подъ этимъ же именемъ, новый типъ въ мрачномъ, разбойничьемъ образѣ. Г. Стасовъ находитъ, что первообразъ Илья Муромца въ Индѣйскомъ богатырѣ, такомъ же сидѣ, и потомъ силачѣ, Готимбрѣ; чудесная сила Илья подобна силѣ Рустема; побѣда Илья надъ Соловьемъ похожа на побѣды Сибирскаго богатыря Тана, а Соловейка на Сибирское семиглавое чудовище Тельбечень; ссора же Илья съ Владиміромъ напоминаетъ Телеутскую легенду о богатырѣ Жюню, — также преданіе о томъ-же Рустемѣ и монголо-калмыцкую поэму Дрангаріаду. (В. Евр. 1867, Апр. ст. 651—673). Весьма легко найти сходство между преданьями и легендами разныхъ народовъ; но весьма трудно предположить, чтобы нашъ народъ, для созданія любимаго своего, народнаго героя, прибѣгнулъ къ заимствованіямъ изъ чужихъ и совершенно разныхъ между собой народностей, еслибы даже и имѣлъ къ тому возможность; особенно, когда еще мифическіе памятники, свидѣтельствующіе о чудесной жизни этого, столь извѣстнаго героя, стоятъ до сихъ поръ у него передъ глазами. За тѣмъ, какъ вся былина о бояринѣ Ставрѣ заключается только въ похвальбѣ на пиру у кн. Владиміра умной женой своей и своимъ богатымъ домою, за что Владиміръ велѣлъ посадить его въ подвалъ, но жена Ставра, старшая дочь Микулы, переодѣвшись богатыремъ-посломъ, выручаетъ мужа; такъ точно вся былина объ Иванѣ Годинчѣ, племянникѣ Владиміра, состоитъ изъ его неудачнаго сватовства въ Черниговѣ какой-то Настасьи Митріевичны, которая ужъ просватана Ющю Трипетовичу; Иванъ попадаетъ въ засаду, но потомъ убиваетъ и Ющю, и свою невѣсту. Г. Стасовъ видитъ въ Ставрѣ Сибирскаго богатыря Алтанъ-Саниъ-Салама; а въ Ставровой женѣ, — Алтанову сестру, дѣвицу, которая спасаетъ брата, положеннаго мертвымъ въ скалу, послѣ того, какъ онъ свалился съ коня. (В. Евр. 1868, февр. ст. 688—696). Г. Квашнинъ-Самаринъ полагаетъ, что въ былинѣ объ Иванѣ Годинчѣ изображено умыканіе невѣсты; отецъ Марья, — Дмитрій, богатый гость, — Мстиславъ, кн. Черниговскій; а Ющей, — степнякъ, дружки котораго, мурзы, усѣлися, и пируютъ въ палатахъ невѣсты, когда призываетъ Иванъ. (Бесѣда, 1872, IV, ст. 14). Въ нашемъ Иванѣ гостиномъ сынѣ, г. Стасовъ видитъ двухъ героевъ Томскихъ Шаровъ, Алтынъ-Эргека и брата его Алтынъ-Таясъ, обоихъ вмѣстѣ; а въ содержаніи нашей былины о немъ, — древне-Индѣйскій рассказъ временъ брахманскихъ, чисто космическій; въ концѣ же Ивана, Бурушкѣ-каурушкѣ, кото-

рый, по выраженію г. Буслаева, дѣйствительно необычайный, — конь изъ коней, конь по преимуществу, — божественнаго коня Уччансраваса, т. е. съ наостренными ушами. Въ нашей былинѣ, держитъ руку Ивана-Гостинаго сына владыка Черниговскій, изъ чего можно заключить о ея подновленіи народной фантазіей, почему иные наши изслѣдователи и признаютъ Ивана однимъ изъ членовъ дружины кн. Владиміра, изъ торговаго сословія. (В. Евр. 1868 г. февр. 680—688). Изъ прочихъ богатырей этого цикла, г. Квашнинъ-Самаринъ въ Алешѣ между прочимъ подозрѣваетъ Ляшко, одного изъ убійцъ св. Бориса, или одного изъ польскихъ Лешекъ; древнее его отчество Ливъеньевичъ (можетъ быть, Лисничъ), и еще есть какое то древнѣйшее; а Добрыню, въ которомъ г. Квашнинъ-Самаринъ видитъ искаженіе Андриха Добренковича, упоминаемаго въ Никоновской лѣтописи, вѣроятно, родственника одной изъ чехинъ кн. Владиміра, — также Дюка, богатыря бродягу, Потына, — Алешу и Василья Казиміровича, онъ считаетъ пришедшими съ Запада. Оттудаже, онъ полагаетъ, явились Заолешане и Сбродовичи. Одинъ изъ нихъ Петръ Петровичъ; да и они всѣ также Петровичи, а прежде были Дородовичи. Въ XII ст. въ Польшѣ былъ панъ Петръ или Петрко, любимецъ Болеслава Кривоустаго, плѣнникъ русскаго князя Володара измѣннически. Нипра также называется Сбродовичной, и должна быть также съ Запада. (Р. вѣс. 1874, окт. ст. 786, 787, 793, 799, 800). Богатырь-Ермакъ созвученъ съ именемъ боярина Бермяты, и можетъ предполагаться потому его сыномъ; а рѣка Шать созвучна съ Путьтой, котораго потомъ замѣняетъ въ былинахъ Малиута Скуратовъ. (Тамъ же ст. 774, 775, 789). Г. Миллеръ также находитъ, что Заолѣшанъ и Залѣшанъ надобно считать заѣзжими съ Запада, удалыми молодцами; такъ какъ тамъ, откуда Владиміръ взялъ и свою Апраксию, было много дикихъ пушей, — Лѣсы, Лясы, съ производными Залѣсье, Олѣско, Олѣшище, Заолѣсье, Полѣсье, Подлѣсье, и пр., откуда въ польскій языкъ и въ западно-русское нарѣчіе перешло такое множество своеобразныхъ фамилій. Оттудаже въ пѣсняхъ всѣ Заолѣшане и Залѣшане: во 1-хъ, мужики, какъ низшій слой народа; далѣе, дворяне, — имя, которымъ наши предки любили изстари обозначать преимущественно западныхъ соплеменниковъ, шляхту, однодворцевъ, и т. п. О Хашпловыхъ до сихъ поръ не отыскано пѣсенъ; а братья Сбродовичи указываютъ, по видимому, на всякаго рода людей, такъ какъ столь у кн. Владиміра былъ для всѣхъ. (Ил. Мур. ст. 313, 330, 331, 447). Алеша Поповичъ соблазнилъ сестру Сбродовичей, Настасью, которая за это отъ нихъ убита, говоритъ г. Квашнинъ-Самаринъ, — Сбродовичи не братья-ли Опраксы? Ихъ семеро или двое. Это Збирадъ, какъ Збигневъ, Збиславъ, Зболотъ. Подобно тому, братья Петровичи изъ Кракова: одинъ въ плѣну у татаръ, нападаетъ на Кіевъ, но узнать; оба

брата ѣдутъ къ матери, въ Браковъ. (Бесѣда, 1872, т. IV). Рассказъ, о заключеніи живаго Потока вмѣстѣ съ умершей его женой въ одну могилу, напоминаетъ смутно преданіе славянъ, о сожженіи живой вдовы съ умершимъ мужемъ; только что въ былинѣ роли перемѣшаны: мужъ поставленъ вмѣсто жены, что могло произойти отъ забвенія древняго обычая. По мнѣнію г. Бвашнина-Самарина, упоминаемый въ былинѣ Вахрамей Вахраменъ, — владѣтельный князь Волыни, близъ Кіева, гдѣ живетъ племя Дугѣбовъ, покоренныхъ за 600 л. аварами; Подолье и Волынь еще въ язычествѣ. (Бесѣда, 1872 т. IV). Если перенести эту, сосѣднюю съ Кіевомъ, Волынь на Балтійское Поморье, въ богатый городъ Волинъ, тѣмъ болѣе, что упомянутый въ той-же былинѣ, князь или король Лиходѣй Лиходѣичъ даетъ Потокѣ три корабля съ народомъ; то невольно это напоминаетъ Полнотока, послѣдняго изъ нордлюдей или норд-манновъ, имя котораго гремѣло въ свое время по всему Балт. побережью и далѣе (Hist. des Norm: par Magnié). Въ нашихъ былинахъ встрѣчается въ ту же эпоху, кромѣ жены кн. Владиміра Опраксы, не мало и другихъ женскихъ личностей, — и вдовъ, и замужнихъ; онѣ также присутствуютъ на пирахъ княжескихъ, играютъ въ тавлен и въ шахматы, и даже ссорятся между собой; тутъ жены купцовъ и боярыни. Въ Опраксѣ или Апраксѣ г. Бвашнинъ-Самаринъ видитъ искаженное имя чехини, Вальфриды, исторической жены Владиміра; также и въ имени Мамельфы, предполагаемой матери Вольги и Добрыни, — Амельфу, т. е. ту же самую Мальфриду, — значить, явившуюся также съ Запада. (Р. вѣст. 1874, окт. ст. 791, 792). Говоря же вообще о героиняхъ русскаго эпоса, г. Буслаевъ съ своей стороны полагаетъ, — «что въ сверхъестественныхъ, вѣщихъ и свѣтлыхъ идеалахъ женскихъ народный эпосъ сохранилъ память о богиняхъ и полубогиняхъ эпохи мифической. Въ Сѣверномъ эпосѣ, по пѣснямъ древней Эдды, такія героини дѣйствительно еще входятъ въ кругъ Сѣвернаго Олимпа. Онѣ или богини изъ прекраснаго рода-племени вановъ, или ихъ приспѣшницы, воинственныя валькирьи, первоначально существа стахійныя, какъ наши вилы, русалки, полудницы. Впрочемъ эпическая поэзія, всегда вѣрная дѣйствительности, не оставляетъ этихъ сверхъестественныхъ героинь въ туманномъ ореолѣ ихъ божественнаго величья, но придаетъ имъ краски народнаго быта, изображая въ нихъ то суровые нравы эпохи, то нѣжныя качества женственной природы: потому эти героини, вознесенныя надъ обыкновенными смертными, съ страшною физическою силой и съ вѣщей мудростью, возбуждающею благоговѣніе, соединяютъ въ себѣ женскую красоту, нѣжность любящаго сердца, преданность супружеской привязанности. Высокая образующая сила эпоса состоитъ въ томъ, что онъ, за отсутствіемъ другихъ цивилизующихъ началъ, въ теченіи столѣтій можетъ штатъ въ народѣ грубомъ и неразвитомъ

зародыши гуманнѣхъ идей и благороднѣхъ стремленій. Онъ подготавливаетъ ту плодотворную почву, на которой, при благоприятнѣхъ обстоятельствахъ, прочно и послѣдовательно возникаетъ истинная цивилизація. Русскій народный эпосъ представляетъ намъ нѣсколько яркихъ образцовъ, той высшей, идеальной природы женской, которой общая характеристика предложена выше. Эти благородные типы женской природы были созданы въ русскимъ эпосѣ, когда народъ еще не успѣлъ подвергнуться ослабляющему вліянію восточнаго аскетизма и татарскихъ обычаевъ; когда крестьянское сословіе, въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, отставало еще недалеко отъ князей и бояръ. Уже то самое говоритъ въ пользу русской народности, что эти величавые типы въ ней сбереглись до сихъ поръ, какъ идеалы священной родной старины, къ которымъ должна-бы направляться дѣйствительность, если-бы въ ней больше было умственнаго и нравственнаго движенія. И такъ, идеальныя героини русскаго эпоса ведутъ свое происхожденіе изъ того-же свѣтлаго мифическаго источника, откуда пошли первоначально и старшіе богатыри съ ихъ чудодѣйственной, полубожественной силой.» Если татарскія пѣсни представляютъ своихъ героинь одаренными необыкновенной силой и такимъ же ростомъ, или общенародной хитростью; то у насъ, продолжаетъ г. Буслаевъ, — «женскую красоту русскій эпосъ одушевляетъ мыслию и даетъ ей граціозное движеніе. Въ воображеніи нашихъ пѣвцовъ прекрасная женщина представляется. —

„Умомъ умна и станомъ статна,
Лице бѣло будто бѣлый снѣгъ,
Щечки будто маковъ цвѣтъ,
Походочка у ней такъ павиная,
Рѣчь-то у ней лебединая...“

Или:

„Ростомъ была высокая,
Станомъ она становитая,
И на лице она красовитая,
Походка у ней часта и рѣчь баска (привѣтлива, красива).“

«По понятіямъ народнаго эпоса, жена составляетъ домашнее сокровище, которое мужъ не долженъ легкомысленно выставить на поворѣ публики. Такъ дѣлая былина о Ставрѣ Гоудиновичѣ основана на этой мысли. Когда Ставра порядкомъ, проучили за его нескромную похвалябу, —

„Туть-то онъ болѣе не сталъ ѣздить по честнымъ пирамъ,
Онъ не сталъ больше хвастать молодою женой.“

(Руск. вѣстн. 1862, Сент. ст. 21—23, Окт. ст. 552—554). Особенно выдаются въ нашемъ эпосѣ: эта же самая жена Ставра, Василиса (прежняя Грозная), своей богатырской отвагой, такой же ловкостью и честной любовью къ мужу; сестра ея, Настасья (прежняя Поленница), превратившаяся въ нѣжнѣйшую супругу, семейшку, у князя Добрыни; потомъ еще Василиса (вѣроятно, другой образъ первой), жена князя Даниила, о которой будетъ сказано ниже; затѣмъ, Авдотья или Марья Лиходѣевна, Бѣлая Лебедь, въ которой г. Буслаевъ видитъ прямо валькирію. «Извѣстно, говорить онъ, какой видный слѣдъ оставило по себѣ въ русскомъ мифическомъ эпосѣ чествованье рѣкъ и воды вообще, выразившееся въ типахъ Морскаго царя или Водяника, и его многочисленныхъ дѣтей, рѣкъ и озеръ». (По древнѣйшимъ представленіямъ, думали, что рѣки вытекаютъ изъ моря; предполагали даже вначалѣ, — изъ воздушнаго или небснаго океана). «Въ лицѣ Авдотьи, Бѣлой Лебеди, возсоздано мифическое существо того же разряда. Она, какъ водяная птица, появилась Потоку на берегу моря, на тихихъ заводяхъ, будто мгновенно выпорхнула изъ волнъ. За неимѣніемъ древнѣйшихъ мифическихъ именъ, изслѣдователю русской эпической старины приходится слагать свои соображенія по именамъ позднѣйшимъ, подставнымъ, въ которыхъ пѣвцы перекрестили ихъ по церковному календарю. Почему не безъ вѣроятія можно допустить догадку г. Безсонова, о тождествѣ старшей дочери Селянныча съ сказочной Василисой прекрасной, Василисой золотая коса, и т. п. А сказочная Василиса именно и есть существо мифическое, и по преимуществу — водное; она дочь морскаго или водянаго царя, дѣвица оборотень Бѣлая Лебедь или какая другая водяная птица». (Рус. вѣст. 1862, Сент. ст. 36, 37). Приведенныхъ въ былинѣ о Хотинѣ, женскихъ личностей слѣдуетъ, конечно, отнести къ новѣйшему сословному наслоенію; при чемъ нельзя также отвергать, что подъ ихъ новыми образами могутъ быть гораздо древнѣйшія мифическія личности; тѣмъ болѣе, что и герой этой былины, прежній удалой варягъ Хотинъ, представленъ въ ней какимъ-то буйнымъ, не имѣющимъ своего куска хлѣба, гулякой, сорви-головой, въ родѣ Залѣшанъ, Хапловыхъ, — воротами хлопъ, верей вонъ, и т. д.

6) Приведенное въ былинѣ, сѣтованіе Добрыни должно показаться очень страннымъ въ устахъ русскаго богатыря того времени; но если мы припомнимъ, что первоначальный его образъ есть образъ Кришны или воплощеннаго въ этого послѣдняго бога Вишну, и примемъ въ соображеніе горькое негодованіе этого божества, что каждый разъ, когда онъ ни являлся въ своихъ воплощеніяхъ на землю, всегда заставлялъ на землѣ, все болѣе и болѣе растущій между людьми, развратъ; то это, кажется, можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на сѣтованіе его преемника, и оно покажется какъ

бы чуть слышнымъ отголоскомъ той божественной скорби небеснаго бога, всегда готоваго помогать людямъ и каждый разъ находящаго ихъ все болѣе и болѣе недостойными его помощи. Здѣсь сѣтованіе Добрыни можетъ относиться вообще къ упадку древняго краснаго Солнышка Владимира и окружающихъ его личностей, сравнительно съ тѣмъ, какими онъ засталъ ихъ въ глубокой древности.

7) Нѣкоторые наши изслѣдователи находятъ, что былина о князѣ Данилѣ и вѣрной женѣ его, Василисѣ, прямо указываетъ на начало междоусобій между нашими старинными князьми. Во всякомъ случаѣ, былина эта показываетъ, что кн. Владимиръ въ то время былъ уже окруженъ не очень благонамѣренными личностями, готовыми исполнить столь гнусный поступокъ, какъ предательское убійство Данилы, чтобы отнять у него жену его Владимира, который и самъ безмолвно соглашается на это злое дѣяніе. Одинъ крестьянинъ Илья Муромецъ, богатырь православнаго, на роднаго закона, рѣшается высказать ему правду. и за это заключенъ княземъ въ глубокой погребъ. Также только, всегда молодой Добрыня и еще какой-то богатырь, искренно оплакиваютъ погибшую отъ руки своей княгиню, и осуждаютъ поступокъ Владимира.

8) Г. Буслаевъ замѣчаетъ, что этому «древнѣйшему преданью, о борьбѣ съ испономъ, дана позднѣйшая сословная обстановка, пр. правленная даже нѣкоторой ироніей. Великанъ нахвалящій оскорбилъ богатырей тѣмъ, что рѣшился проѣзжать черезъ ихъ заставу, будто насмѣялся надъ ними. Былина, продолжаетъ г. Буслаевъ, оканчивается такимъ художественнымъ, мастерскимъ штрихомъ, который сдѣлалъ бы честь лучшему изъ поэтовъ образованной эпохи. Подѣзжая къ богатырямъ, — какъ бы съ презрѣніемъ.

„Илья бросилъ голову о сыру землю;

„При своей братѣ похваляется:

„Ѣздилъ въ полѣ тридцать лѣтъ—

„Экого чуда не наѣзживалъ“.

И только! Этимъ ограничилась вся его похвальба и весь отчетъ о смертельномъ побойщѣ. Но въ сословной обстановкѣ княжескаго эпоса, Илья уже не могъ ужиться въ ладу съ княземъ и его дружиною. Фантазія народная съ особенной любовью летѣтъ своего представителя, изображая его честнѣе и благороднѣе всѣхъ героевъ цикла Владимірова. Онъ ужъ не слуга князю, не защитникъ его интересовъ, а врагъ новому порядку вещей, который поддерживается сословной, барской чопорностью». (Руск. вѣстн. 1862, Сент. ст. 51—60). О самомъ же великанѣ Жидовинѣ (Нахвалящикѣ),

г. проф. Миллеръ говорить, что, по объясненію покойнаго Хомякова, онъ долженъ быть изъ земли Хозарской, гдѣ, какъ извѣстно, исповѣдывалось иудейство. (Пл. Мур. ст. 457).

9) «Древность этого эпизода, говорить г. Буслаевъ, определяется поразительнымъ сходствомъ его съ эпическими преданіями другихъ народовъ. Тотъ же сюжетъ встрѣчается въ эпическихъ преданіяхъ Вельскихъ бардовъ и въ персидской поэмѣ о Рустемѣ и Заробѣ; но къ русскимъ былинамъ особенно близко подходитъ эпизодъ изъ готскаго эпоса, о Гильдебрандѣ». (Рус. вѣст. 1862, Сент. ст. 68). «Славяне чествовали какихъ-то Берегинь, т. е. прибрежныхъ богинь, выходящихъ изъ воды на берегъ, или Горынинокъ (берегъ—гора). (Тамъ же, ст. 34). Въ этой древней эпохѣ должно отнести и таинственную связь Ильи съ царицей Задонской или съ Горыниной; но въ ту пору, по мнѣнію г. Шепинга, онъ еще носилъ образъ Ивана царевича, этого полубога, героя глубочайшей древности; иначе трудно размѣстить въ той эпохѣ, когда Илья является православнымъ богатыремъ, подобныя событія. (Рус. народн., ст. 133). Принявши новый, христіанскій образъ, Илья становится уже во враждебныя отношенія съ тѣмъ первобытнымъ міромъ и его дивами; они сами страшатся его, какъ и прежде темныя силы страшились Перуна, ихъ истребителя, превратившагося потомъ въ образъ Ильи пророка и въ Илью Муромца. «Илья отдѣленъ отъ своей вѣщей жены, продолжаетъ г. Буслаевъ, мифической преградой: и потому былина, чтобы развязаться съ далекой стариною, заставляетъ Илью прервать съ нею всѣ родныя связи и убить собственного своего сына. Самая таинственность этого эпизода говорить уже въ пользу его древности, и, можетъ быть, характеризуетъ одинъ изъ подвиговъ героя, стоящаго еще внѣ земледѣльческой и сословной обстановки. Въ основѣ эпизода—загадочная связь его съ вѣщими дѣвами и сверхъ естественными титаническими героинями. Илья является отцомъ могучаго героя,—по другимъ вариантамъ, вѣщей героини, и вступаетъ въ смертный бой съ своимъ сыномъ или дочерью. По однимъ вариантамъ, тѣмъ дѣло и кончилось, что онъ отпустилъ свое дѣтище къ матери; Илья заплакалъ даже, глядячи на свое чадо милое; по другимъ, оскорбленный сынъ мститъ Ильѣ, но получаетъ отъ него смерть. Муромскій богатырь разорвалъ его на двое». Г. Буслаевъ ставитъ этотъ эпизодъ даже внѣ той исторической рамы, въ которую вставлено развитіе эпическаго типа этого богатыря. (Рус. вѣстн. 1862. Сент. ст. 68, 69, 66, 67). Но если поставить этотъ эпизодъ русской быliny рядомъ съ разсказами о Рустемѣ и Гильдебрандѣ, то въ нихъ найдется сходной едва ли только не встрѣча случайная отца съ сыномъ, сначала не узнающихъ одинъ другаго; Гильдебрандтъ даже узналъ своего сына; и еще развѣ бой ихъ между собою, въ концѣ котораго отцы по-

бъждаютъ сыновей своихъ. Разказъ о Гильдебрандѣ, принадлежащій XIII ст. по Р. Х. не имѣетъ даже конца. Но можно положительно сказать, что ни въ личностяхъ всѣхъ этихъ героевъ, ни въ обстановкѣ ихъ, ни въ самой борьбѣ ихъ между собою, ни даже въ развязкѣ, ничего нѣтъ общаго. Гильдебрандъ, по новой вставкѣ, возвращается съ сыномъ къ женѣ; Рустемъ убиваетъ сына, и только тогда узнаетъ, что это сынъ его; въ бою же Илья съ сыномъ, г. Буслаевъ видитъ, — «бой необычайный, бой титановъ, которые безъ усталы борятся полтора года и по колѣна погрязли въ землю». (Тамъ же, ст. 67). Почему можно даже вывести заключеніе, что разказъ объ этомъ, едва-ли не древнѣе разказа о Гильдебрандѣ. Илья отпускаетъ своего сына (или даже дочь), къ его матери, или, за новое покушеніе противъ отца, разрываетъ на двое. Последнее придаетъ разказу еще болѣе характеръ титаническій.

10) Г. Срезневскій находитъ, что слово калики, въ томъ же значеніи, какъ и у насъ, употребляется въ польскихъ нарѣчіяхъ и кое гдѣ въ Моравіи, въ сосѣдствѣ съ польскимъ населеніемъ, и болѣе нигдѣ у славянъ. «Во всякомъ случаѣ, если бы это слово было и славянское, въ бытѣ каликъ нашей древности не выразилось ничего исконно-Славянскаго». (Зап. ак. т. I, кн. II; ст. 206, 207. Ил. Мур. ст. 731). Г. Стасовъ выводитъ нашихъ древнихъ каликъ изъ буддійскихъ монастырей въ Индіи. Наши калики сохранили и тамошніе сумки и книжечки. (В. Евр. 1868, Мартъ). По мнѣнію же г. Срезневскаго, въ этихъ книжкахъ, можетъ быть, скрывается давній обычай давать странникамъ письменное позволеніе на странствіе съ обозначеніемъ срока, когда имъ должно возвратиться. Въ нашихъ былинахъ подъ одеждою каликъ скрываются иногда богатыри; да и вообще въ нихъ есть сторона богатырская. О такомъ каликѣ говорить г. Миллеръ, есть свидѣтельство въ Псковской лѣтописи, подъ 1341 г. (Ил. Мур. ст. 733). Г. Бвашнинъ-Самаринъ находитъ, что Микита Барачевецъ (тоже, что Заолѣшанинъ, житель лѣсной страны Вятчей), съ которымъ Илья Муромецъ мѣняется платьемъ, есть также Роньжа, отъ имени роньжи, птицы въ родѣ сойки, ведущей кочевую жизнь; (также, какъ и другой Заолѣшанинъ, дворянинъ, смѣшанный съ Данилой безчастнымъ, назыв. Бѣлой птицей). (Р. вѣст. 1874. Окт. ст. 796). Княгиня Опракса, выражая собой, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, женственную часть мифическихъ преданій страны, отличается особенной податливостію въ любовныхъ сношеніяхъ съ заѣзжими молодцами и даже дивами. Въ страстной вспышкѣ своей къ атаману каликъ, красавцу Кассяну, она напоминаетъ собой жену Пентефрія. Въ отмщеніе Кассяну за его благородное равнодушіе, она обвиняетъ его въ воровствѣ; онъ подвергнутъ товарищами страшной казни, по ихъ уставу или условію; но высшая

сила исцѣляетъ его, и тѣмъ обнаруживаетъ его невинность; между тѣмъ княгиня, за тяжкій грѣхъ свой, заболѣваетъ чѣмъ-то въ родѣ проказы; но калика Кассьянъ, на обратномъ пути, исцѣляетъ ее. Выведенное въ былинѣ, Идолище просто на просто владеть свои руки княгинѣ Опракѣ за пазуху. Образъ его г. Буслаевъ относитъ уже къ вліянію позднѣйшей, церковной обстановки. «По сказкамъ этимъ, Идолище появился въ Кіевѣ, къ великому бѣдствію князя и жителей. Голова у него съ пивной котель, въ плечахъ косая сажень, промежъ бровей борозда со три пяди, промежъ ушей пройдетъ каена стрѣла; ѣсть онъ по цѣлому быку, пьетъ по пивному котлу. Эпосъ, очевидно, сближаетъ этого исполнителя съ Тугариномъ: поэтому Илья Муромецъ осмѣиваетъ обжорство Идолища тѣми же словами, какъ Алеша Поповичъ Тугарина. Илья разсѣкъ Идолище пополамъ. Мѣсто этого чудовища иногда замѣняетъ Полканъ Полкановичъ, который съѣдалъ за разъ цѣлаго быка, а брагу пилъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Тугаринъ отличается отъ Идолища и Полкана Полкановича только тѣмъ, что, будучи змѣиной породы, онъ летаетъ на крыльяхъ по поднебесью». (Рус. вѣстн. 1862, Мар. ст. 25, 57, 58). По мнѣнію же г. проф. Миллера, это Идолище—является только особымъ видомъ различныхъ насильствующихъ змѣевъ, кощеевъ, дивскихъ старѣйшинъ, демоновъ, и т. п. Собственно же ему свойственная черта есть то, что онъ, соотвѣтственно своему, связывающему его съ язычествомъ, прозвищу—не хочетъ допускать въ обнасилованномъ имъ Кіевѣ «милостыни спасенныя»,—что, по народному представленію, составляетъ главнѣйшее проявленіе христіанства.» (Илья Муромецъ ст. 740). Во всякомъ случаѣ этотъ Идолище могъ быть и представителемъ древняго язычества, которое еще долго держалось въ Россіи, послѣ князя Владиміра. «Въ числѣ отиѣтокъ изъ сказокъ и преданій, записанныхъ В. И. Далемъ, продолжаетъ г. Миллеръ, значитъ, что Илья освободилъ Бинешму отъ Литвы, и вслѣдъ затѣмъ князь Бинешемскій и всѣ жители-кумирники обратились въ христіанство. Въ нѣкоторыхъ же сказкахъ мѣсто, соотвѣтствующее освобожденію земли отъ Идолища, занимаетъ освобожденіе Ильей какой-то королевской дочери отъ летавшаго къ ней двѣнадцати-головатаго змія. А въ другомъ разсказѣ Идолище замѣнилъ прежняго Коцея, и у него оказываются черныя груди; онъ величается также поганымъ и живетъ въ ордѣ невѣрной; а у противника его (Ивана) бѣлыя груди и русы кудри». (Ил. Мур. ст. 755, 374). По мнѣнію нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, Идолище явился въ Кіевѣ откуда-то съ Запада. О встрѣчѣ же въ то время Ильи съ каликами въ рус. был. есть нѣсколько разсказовъ. По одному,—Илья встрѣчается въ полѣ съ каличицей Иванищемъ и отнимаетъ у него влюку въ 90 пуд., для борьбы съ Идолищемъ, о присутствіи котораго въ Кіевѣ Илья уже

извѣстно. По другому разсказу, Илья встрѣчается съ двумя или тремя калитами, и они передаютъ ему о несчастіи, постигшемъ Владиміра; тогда онъ переодевается въ ихъ одежду, и идетъ въ Кіевъ; а они дожидаются въ полѣ его возвращенія.

11) Въ этомъ разсказѣ богатырь Илья, по замѣчанію г. Бу-слаева, — «является наконецъ даже врагомъ кн. Владиміру и всей его дружинѣ; такъ что позднѣйшей сословной раздражительностью уже нарушается величавый, невозмутимый характеръ любимаго народомъ героя. Муромскій богатырь теряетъ свое торжественное спокойствіе и снисходительность, эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и съ какимъ-то остервенѣніемъ побиваетъ княжескую дружину». (Рус. вѣс. 1862, Сент. ст. 60). При этомъ можно также замѣтить, что народная фантазія, руководствуясь обыкновеннымъ чутьемъ своимъ, какъ-бы желаетъ выставить въ этой картинѣ справедливаго гнѣва своего героя и представителя, богатыря Илью, какія могутъ быть послѣдствія отъ безразсуднаго раздраженія такой страшной личности. Народъ чувствуетъ, что мифическій представитель его, — древній богъ грома и молніи, богатырь-исполнѣ, и не безъ сознанія даетъ ему волю разгуляться, въ справедливомъ гнѣвѣ, по своему, что заставляетъ трепетать щадущихъ враговъ его и самаго стольнаго князя. Этимъ народъ какъ-бы тѣшитъ самаго себя, въ лицѣ своего любимаго героя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, его фантазія и не могла изобразить этой картины гнѣва иначе, не нарушивъ мифической личности Ильи, крестьянина-богатыря-Громовника, который по существу своему не можетъ сносить гнуснаго оскорбленія, не выразивъ по крайней мѣрѣ врагамъ своего устрашающаго негодованія. Точно также поступаетъ и мифическій Роландъ, который готовъ былъ обнажить мечъ противъ оскорбившаго его Карла, но былъ удержанъ присутствующими; Рустемъ хладнокровнѣе, и отъ того, можетъ быть, еще величественнѣе: онъ только не хочетъ ѣхать на призывъ раздражившаго его, царя Киркоуса или Кей-Кауса. Но всякій народъ выражаетъ свои чувства и понятія по своему; даже можно сказать, что во всѣхъ былинахъ объ Ильѣ, призывъ его Голи Голянскои или кабацкой, — сдена, самая народная. Причина его ссоры съ княземъ Владиміромъ въ нашихъ былинахъ излагается двояко: то Илья оскорбляется тѣмъ, что стольный князь не пригласилъ его однажды, пригласивши всѣхъ прочихъ богатырей, къ себѣ на пиршество; то ссора начинается изъ-за того, что князь посадилъ Илью на нижній конецъ стола, съ воронятами, когда самъ Владиміръ сидитъ съ воронами (т. е. съ князьями-боярами). Наконецъ, хотя нѣкоторые наши изслѣдователи и относятъ эту ссору къ первому приѣзду Ильи въ Кіевъ; но г. пр. Миллеръ положительно говоритъ, что съ первымъ приѣздомъ Ильи къ Владиміру, въ былинахъ спутана

повдѣйшая его ссора съ княземъ и ея послѣдствія. (Ил. Мур. ст. 650).

12) Недоброжелательные къ Ильѣ богатырю, князья и бояре, поддерживая нелюбовь князя Владимира къ главѣ богатырей его, довели Илью до новой ссоры. Дѣйствительно ли обидные поступки князя заставили Илью снова нарушить свое мифическое спокойствіе, или онъ не обращалъ ужь больше на обидныя выходки Владимира вниманія, а на пожалованной ему татарской шубѣ хотѣлъ только показать присутствующимъ, какъ онъ расправится съ настоящимъ татарининомъ; но послѣднее заявляетъ и г. Миллеръ, а именно: «что потѣшаясь надъ бусурманскою шубой, Илья ужь заранѣе обезпечиваетъ себѣ и потѣху надъ злымъ татарининомъ; но вѣрные слуги Владиміровы пользуются удобнымъ случаемъ, чтобы очернить передъ нимъ Илью». (Ил. Мур. ст. 669).

13) Послѣдній неблагоприятный поступокъ кн. Владимира съ Ильей, котораго онъ даже считаетъ уже умершимъ давно въ глухомъ, заваленномъ щебнемъ, подвалѣ, долженъ, кажется, разорвать послѣднія отношенія между стольнымъ княземъ и богатыремъ его; однако Илья плачетъ надъ старческой слабостью померкшаго краснаго-Солнышка и спѣшитъ снова къ нему на помощь. Черта опять совершенно народная; припомнимъ оскорбленныхъ Новгородцевъ княземъ Владиміромъ, потомъ помощь ихъ Владиміру протявъ Святополка. «Но богатырь Илья, говоритъ г. Миллеръ, умѣя стоять за себя передъ мифическимъ Владиміромъ, собственно стоитъ только за народную честь и народное право. Когда же Владиміръ въ бѣдѣ, онъ все забываетъ: потому что бѣда эта есть и бѣда для сиротъ, и для вдовъ. Ради ихъ, только ихъ, онъ безгласно вступаетъ опять въ свою богатырскую службу, такъ плохо цѣнимую княземъ, — даже не ради церквей и монастырей. Только сознаніе народной бѣды управляетъ Ильей. Весь онъ, — служебная сила, въ свободномъ, безкорыстномъ смыслѣ этого слова». Всего же полнѣе опредѣлилъ Илью Шевыревъ, сказавъ, что основное начало въ немъ, — служеніе міру. Баррьеръ также говоритъ объ Ильѣ (Ист. иск. т. III), и вотъ чѣмъ заключаетъ свой очеркъ о немъ: «замѣтимъ, говоритъ онъ, что тутъ нѣтъ и въ поминѣ вассальной службы; ни Богъ, ни князь Кіевскій не являются сюзеренами; ни приказъ, ни обѣщанная награда не становятся двигателями вполне независимаго богатыря, но исключительно и единственно спасеніе народа; надъ нимъ только умиляется Илья Муромецъ, между тѣмъ какъ въ Иліадѣ цѣлыя тысячи должны пасть, чтобы умиловаться Ахиллесъ, а въ франкскомъ сказаньи, обиженный Карломъ, Ожье не ранѣе соглашается выступить противъ невѣрныхъ, какъ послѣ выдачи ему, для отмщенія, королевскаго сына, его врага». (Ил. Мур. ст. 685). Г. Буслаевъ съ своей стороны говоритъ: «народный эпосъ, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ историческія судьбы стра-

ны и ея интересы. Испанія нашла себѣ представителя въ аристократическомъ типѣ Сиды; наша родина, — въ крестьянскомъ смыслѣ, завербованномъ въ княжескую дружину». (Рус. вѣст. 1862 Сент. ст. 57). Замѣтимъ вкратцѣ, что, по толкованію г. Буслаева, и самый Сидъ сапрéаdоръ есть мѣщанинъ, и что онъ даже гордится иногда этимъ происхожденіемъ (какъ это видно изъ испанскихъ народныхъ романсовъ и рифмованной хроники, написанной на основаніи народныхъ пѣсней въ XIII вѣкѣ); самое прозвище Сиды сапрéаdоръ г. Буслаевъ переводитъ словомъ: поленица. (Ил. Мур. соч. Миллера, ст. 660). Въ одной изъ новооткрытыхъ г. Гильфердингомъ былинъ въ Олонецкой губ. является новое обстоятельство, касательно Ильи Муромца, а именно, что онъ добываетъ себѣ мечъ (по былинѣ: палицу), по дорогѣ въ Кіевъ, изъ земли, своротивши съ мѣста камень. (Р. вѣст. Окт. ст. 769); а обстоятельство это отчасти напоминаетъ таинственный мечъ, что открылъ пастухъ, лежащимъ въ землѣ или торчащимъ изъ нея, пораненный имъ конь, своимъ кровавымъ слѣдомъ, — божественный тотъ мечъ, что этотъ пастухъ представилъ царю гунновъ, Атилѣ.

14) Съ этихъ поръ, по нашимъ былинамъ, богатыря Ильи Муромца въ дружинѣ кн. Владиміра въ Кіевѣ, болѣе не видно.

15) Разказы, о путешествіяхъ Ильи Муромца въ Царьградъ (и даже въ Іерусалимъ) указываютъ на сношенія Руси съ этими городами еще въ древности. Илья и здѣсь сохраняетъ свой народный характеръ. Узнавши на дорогѣ въ Царьградъ отъ одного престарѣлаго калии Иванища, объ опасности, угрожающей Царьграду отъ невѣрныхъ, Илья упрекаетъ Иванищу, что онъ не выручаетъ отъ бѣды-напасти, а выдаетъ крещеныхъ поганымъ, — что напоминаетъ г. Миллеру героя одной Сѣвер. саги, Грольфа Краки, который грозитъ своему другу Бедвару, что сожметъ его домъ, если онъ не поможетъ ему спасти короля отъ опасности. «И это вполне согласно съ развитіемъ личности на воинственной почвѣ германскаго эпоса, говоритъ г. Миллеръ. Но что же лежитъ въ основѣ негодованія нашего Муромца? Безпомощность люда крещенаго, цѣлаго множества мелкихъ и слабыхъ, защитой которымъ, безъ всякой мысли о мздѣ, должны быть богатыри: потому уже, что они сильны». (Ил. Мур. ст. 749). «Но самая замѣчательная черта въ этой былинѣ, продолжаетъ г. Миллеръ, конечно то, что и князь Цареградскій, подобно Владиміру, становится передъ нашимъ крестьянскимъ богатыремъ на колѣни. Этой чертою окончательно дополняется то возвеличеніе Муромца, которое, при всей буйности разгула, приписываемаго ему въ нѣкоторыхъ пересказахъ, составляетъ сущность этого его похождения... Не учествовавший собственнымъ государемъ, онъ могъ бы достигнуть власти въ чужой странѣ; но отказывается отъ нея и тамъ, какъ у себя дома». (Тамъ же, ст. 753). Въ одной былинѣ, подъ названіемъ повѣсти о семи

богатыряхъ, Илья совершаетъ походъ въ Царьградъ съ шестью еще русскими богатырями,—съ Добрыней, Алешей, Суханомъ, Глапитомъ, дворяниномъ Залѣщенникомъ и дворяниномъ Палицей, (тамъ же, ст. 738); что отчасти напоминаетъ также про древніе походы русскихъ въ Царьградъ и про ихъ службу тамъ, царямъ греческимъ. Про старость Илья и остальные его три поѣздки, см. тамъ же, гл. XII.

16) Въ древности предполагали, что души усопшихъ переносятся на тотъ свѣтъ въ ладьяхъ, т. е. тучахъ. Почему «народная загадка изображаетъ грозу въ такой поэтической картинѣ: гробъ плыветъ, мертвецъ поетъ (или реветъ), ладонъ пышетъ, свѣчи горятъ; гробъ—туча, пѣснь—громъ, свѣчи—молніи. Малороссы рассказываютъ, что гдѣ-то далеко за моремъ обитаетъ блаженный народъ навъ (мертвецы); чтобы сообщить ему радостную вѣсть о свѣтломъ праздникѣ воскресенія Христова и вмѣстѣ съ тѣмъ о весеннемъ обновленіи природы, они бросаютъ въ рѣки скорлупу крашенныхъ яицъ, которая, несясь по теченію воды, приплываетъ къ берегамъ навовъ въ зеленый четвергъ, извѣстный между поселенцами подъ именемъ Навьскаго великаго дня. Эти вѣрованія, сблизившія понятія корабля, ладьи и гроба, породили обычай совершать погребеніе въ морскихъ и рѣчныхъ судахъ, и самымъ гробамъ давать форму лодокъ»,—что и дѣлаютъ до сихъ поръ наши раскольники, выдалбливая гроба ихъ изъ цѣльнаго дерева, какъ выдалбливались въ старину лодки. Извѣстно также, что древніе руссы язычники сожигали своихъ мертвецовъ въ ладьяхъ. (Аф. т. I, ст. 179, 578, 579).

17) По другимъ былинамъ, нелавпо открытымъ также г. Гильфердингомъ, русскіе богатыри не каменѣютъ, а истребляютъ другъ друга. Тамъ же Илья Муромцу приписывается 350 лѣтъ отъ роду; а въ Киевскія пещеры заносятъ его ангелы. (Р. вѣст. Окт. ст. 774, 776, 777). Вообще же, по нашимъ народнымъ повѣрьямъ, нѣкоторые изъ главныхъ древнихъ богатырей и даже изъ знаменитыхъ новыхъ разбойниковъ не умерли; но живутъ или спятъ, болѣею частію въ пещерахъ, въ ожиданіи того времени, когда имъ будетъ можно снова появиться на бѣломъ свѣтѣ. Въ преданіи о Сидоркичѣ Бурганѣ, рассказывается, что этотъ богатырь-разбойникъ встанетъ изъ могилы, когда минуютъ на Руси бѣззаконіе и неправда, и братъ не станетъ подымать руку на роднаго брата. Стеньга Разинъ проснется въ Жигулевскихъ порохъ на Волгѣ, когда на Руси не найдется ворону пиши. Илья же Муромецъ, по мнѣнію просто-народья, разбѣгаетъ понынѣ гдѣ-то въ степяхъ. (См. Русс. ист. Соловьева). Можно предполагать, что это еще остатокъ древнѣйшаго также вѣрованія, что человекъ, умирая на землѣ, не умираетъ совсемъ, а переносится только въ другую мѣстность. Начало самыхъ нашихъ кургановъ слѣдуетъ искать также въ Индіи.

Тамъ, во II ст. по Р. Х., чтилась пирамида, подъ которой, какъ полагають, лежать кости какого-то бога. Ее относятъ къ буддизму; она называется буддистами ступа и гаишја. «Первое изъ этихъ словъ въ сродствѣ съ storus, stору, stupa, stira—ступа, и происходитъ отъ корня ступ, первоначальное значеніе котораго: бить, а отсюда укладивать (землю), укрѣплять. Такимъ образомъ, ступа этимологически значить нѣчто убитое, укрѣпленное, — нашъ курганъ». (Ж. М. нар. проsv. 1872 г. Іюнь, стр. 185, о будд. жатакахъ, г. Минаява). Да и вообще, всѣ наши старинные рассказы о перерожденіяхъ и наши народныя сказки можно производить отсюда же. (Тамъ же, ст. 199—224).

18) «Еще въ XII в. Даниилъ паломникъ встрѣтилъ нѣсколькихъ новгородцевъ при гробѣ Господнемъ, говоритъ г. Буслаевъ. Сказаніе, о гибели Василья Буслаева на Алатырь-камень, въ виду соборной церкви и образа Преображенія, могло смѣшиваться въ преданіяхъ новгородскихъ съ извѣстнымъ сказаніемъ о новгородскомъ раѣ, которое въ XIV в. архіепископъ Василій слышалъ отъ дѣтей и внуковъ путешественниковъ, случайно удостоившихся увидать на морѣ земной рай. Изъ этихъ путешественниковъ архіепископъ называетъ по имени только Моислава Новгородца и сына его Якова... Преданіе это было такъ знаменито въ старину, что до позднѣйшаго времени сохранилось въ иронической поговоркѣ о пытливости новгородцевъ: «Новгородскій рай нашель». Этотъ райскій островъ (гора, на которой былъ написанъ деисусъ, окруженный неземнымъ свѣтомъ, и съ которой раздавались голоса ликующихъ) могъ бы на эпическомъ языкѣ быть названъ Алатырь-камень и Фаворъ-гора. Спутники Моислава также скакали по райской горѣ, какъ дружина Василья Буслаева по Алатырь-камень: такимъ образомъ сказаніе о томъ земномъ раѣ могло бы войти, какъ эпизодъ, въ былину о хожденіи Василья съ своею дружиной къ святымъ мѣстамъ». (Рус. вѣст. 1862, окт. ст. 549, 550). Подробный же рассказъ, о существующемъ нынѣ, подземномъ городѣ, Битижѣ, гдѣ стоятъ еще древніе соборы и живутъ какіе-то святыя старцы, и откуда по временамъ избранные люди изъ богомольцевъ слышать церковный звонъ, несущійся по близъ лежащему святому озеру, смот. въ примѣч. г. Безсонова къ народнымъ былинамъ, и въ рассказѣ г. Печерскаго (Мельникова): за Волгой, Рус. вѣстн. 1868 г. Іюнь ст. 459, 460.

19) Преданіе объ основаніи Москвы какимъ-то княземъ Данилой, съ помощью гречина, и о видѣніяхъ, бывшихъ при этомъ князю, см. рус. богат. эп. г. Буслаева, (Рус. вѣст. 1862, Мар. ст. 63, 64).

20) Перерожденію народовъ отъ лучшаго къ худшему есть много примѣровъ въ исторіи; къ нашему народу всего ближе подходитъ слѣдующее замѣчаніе Токвилля: «Токвилль, основательно изучившій восемнадцатый вѣкъ, утверждаетъ, что французскій крестьянинъ находился передъ революціей гораздо въ худшемъ состоя-

ни, чѣмъ за пять столѣтій тому назадъ». (В. Евр. 1873. Іюль, ст. 728, люди и нравы франц. револ. Лотхейссена).

21) См. рус. быд. Москов. періода, изд. Рыбникова и др.

22) Основаніе этихъ духовныхъ стиховъ (Калики перех. V, ст. 162—163) г. Афанасьевъ относитъ еще къ древнему язычеству. «Эта огненная адская рѣка, говоритъ онъ, черезъ которую счастливо переплываютъ одни праведные, тогда какъ грѣшники гибнутъ въ кипучихъ волнахъ, есть поэтическое представленіе дождевыхъ потоковъ, горящихъ молніями». (Аф. т. I, ст. 576, 577). Очень близко также сходство этой картины съ представленіями скандинавской Эдды, гибели боговъ въ послѣднія времена вселенной, въ суевѣрїи ихъ небесныхъ величій, когда Суртуръ явится съ своимъ огненнымъ воинствомъ (Gulf. p. 135). Михаилъ архангелъ, по мнѣнію г. Афанасьева, какъ воевода небесныхъ силъ, въ народныхъ преданіяхъ замѣнилъ въ этомъ случаѣ воинственнаго Перуна (т. I, ст. 576); можно добавить также и древняго Вишну, который долженъ явиться тогда въ послѣднемъ своемъ воплощеніи.

23) Такова, слово въ слово, одна изъ раскольничьихъ священныхъ пѣсней. А гремѣщій пророкъ, надъ всѣми земными царями царь, что упоминается въ ней, есть собственно мифическій Петръ III, какъ будетъ объяснено это во 2-й книгѣ.

